

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

**СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННЫХ. ВРАТА МИРОЗДАНИЯ
ЛИЧНЫЙ КОСМОС. ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**ФИЛИП
ФАРМЕР**

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

PHILIP JOSE
FARMER

THE MAKER OF UNIVERSES
THE GATES OF CREATION
A PRIVATE COSMOS
BEHIND THE WALLS OF TERRA

ФИЛИП
ФАРМЕР

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННЫХ
ВРАТА МИРОЗДАНИЯ
ЛИЧНЫЙ КОСМОС
ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Ф24

Серия основана в 1999 году

Philip Jose Farmer
THE MAKER OF UNIVERSES
1965

THE GATES OF CREATION
1966

A PRIVATE COSMOS
1968

BEHIND THE WALLS OF TERRA
1970

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского В. Федорова

Художник М. Калинин

Иллюстрации В. Домогацкой

Подписано в печать 4.12.03. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 5000 экз. Заказ № 121.

Фармер Ф.

Ф24 Многоярусный мир: Создатель Вселенных. Врата мироздания. Личный космос. За стенами Терры: Романы / Ф. Фармер; Пер. с англ. В. Федорова; Худож. М. Калинин. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 700, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-014380-X

Вы уже побывали в Мире реки?

Тогда добро пожаловать в Многоярусный мир!

В мир калейдопических «параллельных вселенных». В мир вселенных-игрушек, в которые играют странные Творцы, зовущие себя Властителями.

В мир, где мотивы классической фэнтези и классической фантастики переплелись в причудливые, увлекательные сюжеты книг, от которых по-прежнему невозможно оторваться.

Перед вами — четыре романа о Многоярусном мире.

Прочитайте — не пожалеете!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Ph.J. Farmer, 1965, 1966, 1968, 1970

© Перевод В. Федоров, 2001

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2004

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННЫХ

Глава I

Из-за закрытых дверей раздались какие-то звуки, как будто трубили в рог. Незамысловатая мелодия из семи нот прозвучала очень тихо, словно доносилась издалека. Если бы тени состояли из звуков, то можно было бы решить, что мелодия — порождение призрачного рога.

Однако Роберт Вольф знал, что за раздвижными дверьми не может быть ни рога, ни трубящего в него человека. Минуту назад он заглянул в этот стенной шкаф и не увидел там ничего, кроме цементного пола, белых оштукатуренных стен, вешалки и крючков для одежды, полки и лампочки.

И все же он слышал эти трубные звуки, такие слабые, словно из другого мира. Роберт находился здесь один, и ему не с кем было посоветоваться относительно реальности того, что, как он знал, не могло произойти на самом деле. Комната, в которой он стоял, казалась совсем неподходящим местом для слуховых галлюцинаций. Но, возможно, сам он не в порядке. В последнее время его беспокоили странные и непонятные сновидения, даже днем в его мозгу возникали необычные мысли, рождались мимолетные образы, молниеносные, но живые и поразительные.

Нежеланные, неожиданные и неудержимые видения.

И они его тревожили. Готовиться уйти на покой, а потом пострадать от психического срыва — нечестный ход со стороны Судьбы. Однако это могло случиться и с ним, как случалось с другими. Следовало бы отправиться на обследование к врачу. Но Роберт не мог заставить себя действовать согласно логике. Он продолжал ждать, никому ничего не говорил, и меньше всего — своей жене.

Теперь Вольф стоял в комнате отдыха нового дома в районе новостроек Домов Хохокама, уставившись на двер-

цы стенного шкафа. Если рог протрубит вновь, он отодвинет дверь и убедится, что там ничего нет. И тогда, зная, что звуки — порождение его собственного воспаленного воображения, он забудет о покупке этого дома. Он проигнорирует истерические протесты жены и увидится с доктором, а потом с психотерапевтом.

— Роберт! — позвала его жена. — Что ты там копаешься? Поднимайся сюда. Я хочу поговорить с тобой и мистером Брессоном.

— Минутку, дорогая, — отозвался он. Жена позвала опять. На этот раз ее голос прозвучал так близко, что Роберт обернулся. Бренда Вольф стояла наверху лестницы, ведущей в комнату отдыха. Она была ровесницей мужа — ей уже исполнилось шестьдесят шесть. Вся красота, какая у нее некогда имелась, теперь оказалась погребена под слоем жира, под густо нарумяненными и напудренными морщинами, толстыми очками и голубовато-стальными волосами.

Он вздрогнул, взглянув на нее, как вздрагивал всякий раз, когда смотрел в зеркало и видел свою собственную плешивую голову, глубокие складки от носа до рта и густую сеть морщин, расходящихся от покрасневших глаз. Не в этом ли его беда? В состоянии ли он приспособиться к тому, что происходит со всеми людьми, согласны они на это или нет?

Или дело в том, что ему не нравилось в жене и в себе самом не ухудшение физического состояния, а знание, что ни он, ни Бренда не реализовали мечты своей юности? Никто не может избежать следов «напильника времени» на теле, хотя время и оказалось милостиво к нему, позволив жить так долго. Зато он лишился возможности сослаться на краткий срок жизни, оправдываясь, что не был красив душою. Мир нельзя обвинить в том, кем стал Вольф. Ответственен он сам, — по крайней мере, Роберт имел достаточно мужества, чтобы посмотреть этому факту в лицо. Он не попрекал вселенную или ту ее часть, которая являлась его женой. Он не визжал, не рычал и не хныкал, как Бренда.

Когда-то ему легко было захныкать или заплакать. Сколько человек не могли ничего вспомнить о себе до двадцатилетнего возраста? Он думал, что двадцатилетнего, потому что усыновившие его Вольфы сказали, что он выглядел именно так. Его обнаружил старик Вольф, бродившего в

горах Кентукки, неподалеку от границы с Индианой. Роберт не знал ни кто он такой, ни каким образом туда попал. Кентукки или даже Соединенные Штаты Америки ничего для него не значили, так же, как весь английский язык.

Вольфы взяли его к себе и уведомили шерифа. Проведенное властями расследование не сумело установить его личность. В другое время его история привлекла бы внимание всей страны, однако страна воевала с Кайзером и думала о более важных вещах. Роберт, названный так в честь умершего сына Вольфов, помогал в работе на ферме. И еще он ходил в школу, ибо потерял память.

Хуже отсутствия школьных знаний было его неведение относительно того, как себя вести. Он то и дело смущал или оскорблял других и страдал от презрительной, а иногда и жестокой реакции жителей гор, но быстро учился, а его готовность упорно трудиться плюс огромная сила завоёвывали уважение.

В изумительно короткий срок, словно повторяя давно усвоенное, он обучился и закончил начальную и среднюю школу.

Затем Роберт без труда сдал вступительные экзамены в университет. Там он изучал классические языки, и это занятие стало любимым делом его жизни. Больше всего ему нравился древнегреческий, задевавший в нем какую-то струну, и Роберт чувствовал, что этот язык ему очень близок.

Получив диплом доктора философии Чикагского университета, он преподавал потом в различных учебных заведениях Востока и Среднего Запада. Он женился на Бренде, прекрасной девушке с замечательной душой. Так он сперва думал. Позже иллюзии у него рассеялись, но он все еще был довольно счастлив.

Роберта, однако, всегда беспокоила тайна его амнезии и происхождения. Долгое время он откладывал свои проблемы на потом, но с уходом на покой...

— Роберт, — громко произнесла Бренда, — сейчас же поднимайся сюда! Мистер Брессон — занятой человек.

— Я уверен, что у мистера Брессона было много клиентов, желавших осмотреть дом не торопясь, — мягко ответил он. — Или ты уже приняла решение не покупать этот дом?

Бренда пронзила его взглядом, а затем ушла с видом оскорбленного достоинства. Он вздохнул, ибо знал — поз-

же его обвинят в том, будто он преднамеренно заставил супругу глупо выглядеть перед агентом по продаже недвижимости.

Вольф снова повернулся к дверям стенного шкафа. Осмелится ли он открыть их?

Нелепо было стоять, замерев, словно в шоке. Но он не мог пошевелиться и дернулся только тогда, когда рожок снова издал семь нот, на этот раз громче.

Сердце его стукнуло о грудную кость, будто кулаком. Он заставил себя подойти к дверям, положить руку на покрытую медью выемку и отодвинуть дверь в сторону. Легкий шорох катков заглушил рог, когда дверь отъехала в сторону.

Белые отштукатуренные доски стены исчезли. Задняя стенка шкафа стала входом в мир, который Роберт не мог себе даже вообразить.

Солнце лилось в отверстие, достаточно большое для того, чтобы пройти через него, если пригнуться. Растительность, похожая на деревья — но не земные деревья, — загораживала часть обзора. Сквозь ветви он увидел ярко-зеленое небо. Он опустил взгляд и осмотрелся.

У подножия гигантского валуна собралось шесть или семь кошмарных существ. Валун из красной, насыщенной кварцем породы, отдаленно напоминал поганку.

Существа с черными, лохматыми, уродливыми телами стояли, отвернувшись от него, — все, кроме одного, демонстрировавшего свой профиль на фоне зеленого неба. Голова его грубо напоминала человеческую, а выражение лица было очень злобным. На его теле, лице и голове имелись комки, словно создатель, формируя, позабыл разгладить его. Две короткие ноги походили на задние лапы собаки. А свои длинные руки существо протягивало к молодому человеку, стоявшему на плоской вершине валуна. Одежду этого человека составляли только набедренная повязка из кожи и мокасины. Он был высок, мускулист и широкоплеч, с коричневой от загара кожей и густыми длинными рыже-бронзовыми волосами. Его верхняя губа казалась слишком длинной. Он держал инструмент, который, вероятно, и издавал услышанные Вольфом звуки.

Рыжий отбросил ногой одно из уродливых существ, когда то подползло, цепляясь за валун. Он снова поднес к губам серебряный рог и тут увидел стоявшего за отверстием Вольфа. Человек широко усмехнулся, сверкнув белыми зубами.

— Так, значит, ты явился, наконец! — воскликнул он. Вольф не шевельнулся и не ответил.

Он мог только думать: «Теперь уж я точно сошел с ума! Не просто слуховые галлюцинации, но и зрительные! Что дальше? Следует ли мне с воплем убежать или спокойно пойти и сказать Бренде, что я должен сейчас же увидаться с доктором? Нет, сейчас же! Без промедлений, без объяснений Бренде, я еду».

Роберт шагнул назад. Отверстие начало закрываться, белые стены вновь обретали свою твердость. Или, скорее, Вольф начинал заново обретать реальность.

— Вот! — крикнул юноша на вершине валуна. — Лови!

Он бросил рог. Несколько раз перевернувшись, отбрасывая солнечные блики, когда свет падал на него сквозь листья, тот полетел прямо к отверстию. Как раз перед тем, как стены сомкнулись, рог прошел через отверстие и ударил Вольфа по коленям.

Тот вскрикнул от боли, ибо в резком ударе не было ничего призрачного.

Роберт увидел сквозь узкое отверстие, как рыжий поднял руку и сложил большой и указательный пальцы в виде буквы «О». Юноша ухмыльнулся и крикнул:

— Желаю удачи! Надеюсь, мы скоро встретимся! Я — Кикаха!

Словно медленно смыкающийся во сне глаз, отверстие закрывалось. Свет померк, и предметы по ту сторону реальности начали терять четкость очертаний. Но он мог видеть достаточно хорошо, чтобы бросить последний взгляд, и вот тогда-то девушка и высунула голову из-за ствола дерева.

Она смотрела на него нечеловечески большими глазами, такими же крупными, как у кошки. Губы ее были полными и алыми, а кожа — золотисто-коричневой. Густые волнистые волосы, свободно спадавшие вдоль ее лица, имели тигровую окраску: зигзагообразные черные полосы почти касались земли, когда она выглянула из-за дерева.

Затем стены побелели, словно закатившийся глаз трупа.

Все стало, как прежде, за исключением боли в коленях и рога, лежавшего у его лодыжки.

Вольф поднял рог и повернулся, чтобы осмотреть его на свету в комнате отдыха.

Хоть и ошеломленный, он больше не считал себя сумасшедшим. Он заглянул в другую вселенную, и из нее ему кое-что доставили — почему и как, он не знал.

Рог оказался немного меньше двух с половиной футов длиной и весил меньше четверти фунта. Формой он походил на рог африканского буйвола, но на выходе сильно расширялся. На узкий конец был насажен мундштук из какого-то золотистого материала. Сам рог выглядел сделанным из серебра или посеребренного металла. Пистонов Роберт не нашел, но, перевернув его, увидел семь маленьких кнопок в один ряд.

Внутри мундштука находилась паутина из серебристых нитей. Когда рог держали так, чтобы свет проникал внутрь, паутина выглядела уходящей глубоко в рог.

Свет как раз упал именно таким образом, и Вольф заметил то, что пропустил во время первого изучения: посередине между мундштуком и раструбом был начертан еле заметный иероглиф. Он отличался от всего ранее виденного, а Роберт являлся экспертом по всем типам алфавитной письменности, идеограммам и пиктограммам.

— Роберт! — окликнула его жена.

— Сейчас поднимусь, дорогая!

Он положил рог в правый передний угол стенного шкафа и закрыл дверь. Ничего другого он сделать не мог, кроме как убежать из дома с рогом. Если он появится с ним, его будут расспрашивать и жена, и Брессон. Поскольку Вольф вошел в дом без свертка, он не мог утверждать, что рог принадлежит ему.

Брессон захочет взять инструмент под свою охрану, поскольку он был обнаружен в доме, принадлежавшем его фирме.

Вольфа терзали муки нерешительности.

Как вытащить рог из дома? Что помешает Брессону привести новых клиентов, возможно, даже сегодня, которые увидят рог, как только откроют дверь стенного шкафа? Клиент может привлечь к нему внимание Брессона.

Вольф поднялся по лестнице в большую гостиную. Бренда пристально поглядела на него. Брессон, круглолицый очкастый человек лет тридцати пяти, похоже, чувствовал себя неуверенно, хотя и улыбался.

— Ну, как вам понравился дом? — спросил он.

— Очень, — ответил Вольф. — Он напоминает мне дома, какие были у нас на родине.

— Мне он тоже нравится, — сказал Брессон. — Я сам со Среднего Запада. Но мне легко понять, что вы можете не захотеть жить в доме типа ранчо. Не то, чтобы я его критикую. Я сам живу в таком.

Вольф выглянул в окно. Полуденное майское солнце ярко светило с голубых небес Аризоны. Лужайка зеленела свежей бермудской травой, посаженной три недели назад, новой, как и дома в этом недавно построенном районе Домов Хохокама.

— Почти все дома одноэтажные, — уверил Брессон. — Земляные работы в этой твердой почве стоят немалых средств, но эти дома недороги. Во всяком случае, за то, что вы получаете.

«Если бы почву не выкопали, — подумал Вольф, — чтобы оставить место для комнаты отдыха, что бы тогда увидел человек с другой стороны, когда появилось отверстие? Увидел бы он только землю и таким образом лишился бы шанса избавиться от рога? Несомненно».

— Может, вы читали, почему мы вынуждены были задержаться с открытием этого района, — сказал Брессон. — Пока мы копали, мы обнаружили бывшее поселение хохокамов.

— Хохокамов? — переспросила миссис Вольф. — А кто они были?

— Множество приезжающих в Аризону людей никогда не слышали о них, — ответил Брессон. — Но нельзя прожить долго в районе Феникса, не натываясь на упоминания о них. Они были индейцами, жившими давным-давно в Солнечной Долине. Они могли прибыть сюда по меньшей мере 1200 лет назад. Здесь они копали оросительные каналы, строили поселения, имели развивавшуюся цивилизацию. Но с ними что-то случилось, никто не знает, что. Они просто взяли и исчезли несколько сот лет назад. Некоторые археологи утверждают, что индейцы папаго и пима их потомки.

Миссис Вольф фыркнула и заметила:

— Я видела их. Они не выглядят так, словно могут построить что-то, кроме тех жалких глинобитных хижин в резервации.

Вольф повернулся и сказал почти грубо:

— Современные майя тоже не выглядят так, словно они могли когда-нибудь построить свои храмы или изобрести понятие нуля. Но они это сделали.

Бренда разинула рот. Мистер Брессон механически улыбнулся:

— Так или иначе, нам пришлось отложить выемку грунта, пока не поработали археологи. Это задержало строи-

тельство примерно на три месяца, но мы ничего не могли поделывать: штат связывал нам руки. Для вас, однако, это может стать удачей. Если бы нас не задержали, все эти дома могли быть уже распроданы. Так что все оборачивается к лучшему, да?

Он снова улыбнулся и перевел взгляд с мужа на супругу. Вольф помолчал, глубоко вздохнул, зная, что услышит от Бренды, и сказал:

— Мы его берем. Мы подпишем документы прямо сейчас.

— Роберт! — взвизгнула миссис Вольф. — Ты даже не спросил меня!

— Сожалею, дорогая, но я уже принял решение.

— Ну а я — нет!

— Ну, уважаемые, нет нужды торопиться, — вмешался Брессон. Его улыбка была отчаянной. — Не спешите, обговорите все. Даже если придет кто-то и купит этот конкретный дом; а это может случиться прежде, чем кончится день, — они продаются, как горячие пирожки, — ну есть же множество других точь-в-точь, как этот.

— Я хочу этот дом.

— Роберт, ты с ума сошел, — взвыла Бренда. — Я никогда не видела, чтобы ты так вел себя прежде.

— Я уступал тебе почти во всем, — бросил он. — Я хотел, чтобы ты была счастлива. Так что теперь уступи мне. Просьба не так уж велика. Кроме того, сегодня утром ты сказала, что хочешь дом именно такого типа, а Дома Хохокам — единственные, которые мы можем себе позволить. Давай подпишем теперь предварительные документы. Я могу выписать чек в качестве задатка.

— Я не подпишу, Роберт.

— Почему бы вам не поехать и не обсудить это дома? — предложил Брессон. — Вы найдете меня здесь, когда придете к решению.

— Разве моя подпись недостаточно хороша? — ответил вопросом Вольф.

Все еще сохраняя напряженную улыбку, Брессон сказал:

— Я сожалею, миссис Вольф тоже должна подписать. Бренда торжествующе улыбнулась.

— Обещайте мне, что вы не станете его больше никому показывать, — сказал Вольф. — Во всяком случае, до завтра. Если вы боитесь потерять продажу, я выпишу задаток.

— О, в этом нет необходимости, — Брессон двинулся к двери с поспешностью, выдававшей его желание выбраться из неловкой ситуации. — Я не буду его никому показывать, пока не услышу от вас известий утром.

На обратном пути в мотель «Сэндс» ни он, ни она не разговаривали. Бренда сидела, как деревянная, глядя прямо вперед через лобовое стекло. Вольф время от времени поглядывал, замечая, что нос ее, казалось, становится острее, а губы тоньше. Если она продолжит в том же духе, то станет выглядеть точь-в-точь как толстый попугай. Когда ее, наконец, прорвет, когда она заговорит, то будет кричать, извергая тот же старый, затасканный и все еще энергичный поток упреков и угроз. Она выберит его за то, что он все эти годы пренебрегал ею, напомним, Бог знает в который раз, что он сидел, уткнувшись носом в свои книги, или же практиковался в стрельбе из лука и фехтовании, а еще в альпинизме — видах спорта, которые она не могла с ним разделять из-за своего артрита. Она раскрутит долгие годы несчастья, или якобы несчастья, и закончит сильным и горьким плачем.

Почему он не мог от нее отделаться? Ответа он не знал, за исключением того, что очень сильно любил ее когда-то, а также потому, что обвинения ее не были совсем уж напрасными. Более того, он находил мысль о расставании болезненной, даже более болезненной, чем мысль о том, чтобы остаться.

И все же он имел полное право пожинать плоды своих трудов в качестве профессора английского и классических языков. Теперь, имея достаточно денег и досуга, он мог заняться исследованиями, которым мешали прежние обязанности. С этим аризонским домом в качестве базы он мог даже путешествовать. Или не мог? Бренда не откажется поехать с ним, фактически она настаивает на том, чтобы сопровождать. Но ей будет настолько скучно, что его собственная жизнь станет несчастной. Нельзя винить ее в этом, потому что интересы у них неодинаковы. Но следует ли ему бросить занятия, обогащавшие жизнь, просто чтобы сделать ее счастливой? Особенно, если она все равно не будет счастлива?

Как он и ожидал, язык жены развязался после ужина. Роберт слушал, пытался успокоить, указывая на отсутствие логики, несправедливость и безосновательность ее обвинений. Все было бесполезно. Закончила она, как все-

гда, плачем и угрозами оставить его или покончить с собой. На этот раз он не уступил.

— Я хочу купить этот дом и хочу наслаждаться жизнью так, как запланировал, — твердо заявил он. — И все тут!

Он надел куртку и двинулся к двери.

— Я вернусь позже. Может быть.

Она завизжала и запустила в него пепельницей. Он пригнулся, и пепельница отскочила от двери, отщепив кусок дерева.

К счастью, Бренда не последовала за ним и не устроила сцену в коридоре, как делала во многих случаях.

Наступала ночь. Луна еще не взошла, и свет лился из окон мотеля, фонарей вдоль улиц и многочисленных фар автомобилей на бульваре Апач. Вольф вывел машину на бульвар и поехал на восток, а затем свернул на юг. Через несколько минут он был на дороге к Домам Хохокам. Мысль о том, что он собирался сделать, заставила его сердце забиться быстрее и сделала его кожу холодной. Первый раз в жизни он всерьез думал совершить преступный акт.

Район Домов Хохокам утопал в огнях освещения и шуме музыки из громкоговорителей и голосов детей, игравших на улице, куда их родители рассматривали дома.

Он поехал дальше, через Месу, развернулся и двинулся обратно через Темпе до Ван Бурена и дальше. Он срезал угол на север, потом на восток, до тех пор, пока не оказался в городке Скоттсдейл. Здесь он остановился на полтора часа в маленькой таверне. После роскоши четырех рюмок «Вэт 69» Роберт остановился. Больше он не хотел — скорее, боялся принять больше, потому что ему не улыбалось быть пьяным, когда он приступит к делу.

Когда он вернулся к Домам Хохокам, свет уже не горел, и в пустыню вернулось безмолвие. Он припарковал машину позади дома, в котором побывал в полдень. Одетым в перчатку правым кулаком Вольф разбил окно, давшее ему доступ в комнату отдыха.

К тому времени, когда он оказался внутри комнаты, он тяжело дышал и сердце его билось так, словно он пробежал несколько кварталов. Хоть и испуганный, он улыбнулся про себя. Человек, много проживший в своем воображаемом мире, он часто мнил себя взломщиком — не заурядным, конечно, а Раффлзом, вором-джентльменом. Теперь он знал, что его уважение к закону было слишком

сильным, чтобы он стал когда-нибудь крупным преступником или даже мелким. Совесть мучила его из-за этого маленького проступка. Более того, мысль о возможной поимке чуть не заставила его плюнуть на рог. Прожив тихую, достойную и респектабельную жизнь, он погибнет, если его заметят. Стоил ли рог того?

Он решил, что да. Отступи он сейчас, — всю жизнь будет гадать, что же он упустил. Его ждало величайшее из всех приключений, такое, которого не испытывал никто другой. Если он сейчас струсит, то может с таким же успехом застрелиться, ибо не вынесет потери рога или самобичевания и обвинений в отсутствии смелости.

В комнате отдыха было так темно, что ему пришлось нащупывать путь к стенному шкафу кончиками пальцев. Обнаружив раздвигавшиеся двери, откатил левую, которую он открывал в полдень. Вольф медленно подталкивал ее локтем, чтобы избежать шума, и остановился послушать звуки снаружи дома.

Как только дверь полностью открылась, он отступил на несколько шагов. Роберт поднес мундштук рога к губам и тихо дунул. Раздавшийся трубный звук так сильно порастил его, что он выронил инструмент. Пошарив вслепую, он нашел его, наконец, в углу помещения.

Второй раз Вольф дунул сильнее. Раздалась еще одна громкая нота, но не громче, чем первая. Какое-то устройство в роге, наверное, серебристая паутина за мундштуком, регулировало уровень звучания. Несколько минут он стоял в нерешительности с поднятым у рта рогом. Он пытался мысленно реконструировать точную последовательность семи слышанных им нот.

Семь маленьких кнопок на нижней стороне явно определяли различные сочетания звуков. Но он никак не мог подобрать нужную мелодию, не экспериментируя и не привлекая внимания.

Роберт пожал плечами и пробормотал:

— Какого черта!

Он снова затрубил, но теперь нажимал кнопки, начиная с ближайшей. Вылетели семь громких нот.

Их длительность была такой, какую он помнил, но не в той последовательности.

Когда замер последний трубный звук, издаелека донесся крик. Вольф чуть было не запаниковал. Он выругался, снова поднял рог к губам и нажал на кнопки в таком

порядке, который, как он надеялся, воспроизведет «сезам откройся», музыкальный ключ к другому миру.

В то же время луч фонарика пробежался по разбитому окну комнаты, а затем последовал дальше. Вольф снова затрубил. Свет вернулся к окну. Послышались новые крики. Вольф пробовал разные комбинации кнопок. Третья попытка завершилась той самой мелодией, что произвел юноша на вершине валуна.

Фонарик просунули в разбитое окно. Глухой голос прорычал:

— Эй ты, там, выходи, или я буду стрелять!

Одновременно на стене появился зеленоватый свет, прорвался и выплавил дыру. Сквозь него сияла луна. Деревья и валун просматривались только как силуэты на фоне зеленовато-серебряного сияния огромного диска.

Роберт не стал задерживаться. Он мог бы заколебаться, если бы его не заметили, но теперь он знал, что должен бежать. Другой мир предлагал неуверенность в будущем и опасности, но в этом ждал неизбежный стыд и позор. Пока сторож повторял свои требования, Вольф оставил его и свой мир позади. Ему пришлось нагнуться и высоко шагнуть, пролезая через съезживающуюся дыру. Когда на другой стороне он обернулся бросить последний взгляд, то смотрел сквозь отверстие не крупнее, чем корабельный иллюминатор. Через несколько секунд оно исчезло.

Глава II

Вольф присел на траву отдохнуть и отдышаться.

Он подумал, какая ирония судьбы, если бы волнение оказалось слишком велико для его шестидесятишестилетнего старого сердца. Умер до оказания помощи. УДОП.

Им — кто бы они ни были — пришлось бы похоронить его и написать на могиле: «НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗЕМЛЯНИН».

Тут он почувствовал себя лучше.

Он даже засмеялся, поднимаясь на ноги.

С некоторой смелостью и уверенностью он огляделся вокруг.

Воздух оказался достаточно теплым, около семидесяти градусов¹, как прикинул он. В нем ощущались странные и

¹ По Фаренгейту; по Цельсию — около +21°.

очень приятные, почти фруктовые, ароматы. Кричали птицы — Вольф надеялся, что это только они — повсюду вокруг него. Издалека доносился тихий рев, но Вольфа это не пугало. Без всякого разумного на то основания он решил, что это приглушенный расстоянием грохот прибоя. Полная луна была огромной, в два с половиной раза больше земной.

Небо потеряло свой дневной ярко зеленый цвет и стало столь же черным, как ночное небо покинутого им мира. Множество больших звезд двигалось в различных направлениях и со скоростью, вызвавшей у него головокружение от страха и замешательства. Одна из звезд падала к нему, становилась все больше и ярче, пока не спикировала в нескольких футах над его головой. В оранжево-желтом свете он увидел четыре громадных эллипсоидных крыла, болтающиеся тощие ноги и силуэт головы с антеннами.

Это был светяк какой-то разновидности с размахом крыльев в десять, по меньшей мере, футов¹.

Вольф наблюдал за смещением, расширением и сокращением живых скоплений, пока не привык к ним. Он гадал, в каком направлении тронуться, и, наконец, звук прибоя заставил его решиться. Береговая линия даст определенную точку отсчета, куда бы он ни пошел после этого. Продвигался он медленно и осторожно, с частыми остановками, прислушиваясь и изучая тени.

Поблизости хрюкнуло что-то большое.

Вольф распластался на траве в тени густого куста и постарался дышать медленно. Раздался шорох, треснул прут. Вольф поднял голову достаточно высоко, чтобы взглянуть на залитую лунным светом поляну перед ним. Огромная туша, прямая, двуногая, темная и волосатая, протащилась всего лишь в нескольких ярдах от него.

Она вдруг остановилась, и сердце Вольфа стукнуло с перебоем. Голова туши повернулась из стороны в сторону, представляя свой гориллоподобный профиль. Это, однако, была не горилла — во всяком случае, не земная. мех зверя оказался не сплошь черным. Широкие черные и узкие белые полосы шли зигзагами по его ногам и телу. Руки выглядели намного короче, чем у его двойника на Земле, а ноги — не только длиннее, но и выпрямлены. Более того, лоб, хотя и прорезанный надглазной костью, был высоким.

¹ 1 фут — 30,5 см.

Он что-то пробормотал; не животный крик или стон, а последовательность четко модулированных слогов.

Зверь оказался не один. Зеленоватая луна освещала участок голой кожи сбоку от Роберта. Он принадлежал женщине, шедшей рядом с чудовищем, и плечи ее были спрятаны под огромной правой рукой.

Вольф не видел ее лица, но он рассмотрел достаточно — от длинных стройных ног, выпуклых ягодиц, изящной руки до длинных черных волос, чтобы гадать, прекрасна ли она и спереди.

Она заговорила с гориллой голосом, похожим на звук серебряных колокольчиков. Зверь ей ответил. Затем парочка ушла с освещенного места в темноту джунглей.

Слишком потрясенный, Вольф не сразу пошевелился.

Наконец он поднялся на ноги и стал проталкиваться дальше через подлесок, который оказался не таким густым, как в земных джунглях. В самом деле, кусты выглядели специально прореженными. Не будь окружающая среда такой экзотической, он бы не назвал ее джунглями. Она больше походила на парк, включая мягкую траву, такую короткую, что казалась недавно подстриженной.

Через несколько шагов его напугало какое-то животное, которое, фыркнув, пробежало перед ним. Он мельком увидел красноватые панты, беловатый нос, огромные бледные глаза и пятнистое тело. Животное с треском проломилось и исчезло, но спустя несколько секунд он услышал позади себя шаги. Он обернулся и увидел в нескольких футах такого же оленеподобного. Когда зверь понял, что его заметили, он медленно прошел вперед и ткнулся мокрым носом в вытянутую руку Вольфа. Потом он замурлыкал и попытался потереться боком о Роберта. Поскольку весил он, наверное, четверть тонны, это движение заставило Вольфа покачнуться.

Вольф привалился к животному, погладил его за большими чашеобразными ушами, почесал ему нос и слегка похлопал по ребрам. Оленеподобный несколько раз лизнул его длинным мокрым и шершавым языком, похожим на львиный. Надежда Вольфа, что зверь скоро устанет выражать свою симпатию, скоро осуществилась. Зверь покинул его одним внезапным прыжком — так же, как и появился.

После того, как он исчез, Роберт почувствовал себя в большей безопасности. Разве было бы животное таким дружелюбным с совершенно незнакомым человеком, если

бы ему приходилось опасаться плотоядных или охотников?

Рев прибора стал громче. Через десять минут Вольф оказался на краю пляжа. Там он пригнулся под широкой и высокой вайей¹, изучая залитую лунным светом панораму. Сам пляж был белым и покрыт, как удостоверила его вытянутая рука, очень мелким песком. Пляж тянулся в обе стороны, насколько хватало глаз, и ширина его между лесом и морем составляла около двухсот ярдов². Вдали с обеих сторон виднелись костры, вокруг которых прыгали силуэты мужчин и женщин. Их крики и смех, хоть и приглушенные расстоянием, подкрепляли впечатление, что они, вероятно, люди.

Затем его взгляд скользнул обратно по пляжу. Наискось от него, примерно в трехстах ярдах и почти у воды, находились два существа. При виде их у Вольфа перехватило дыхание.

Его шокировало не то, что они делали, а строение их тел. Выше талии мужчины и женщина казались такими же людьми, как и он, но в точке, где полагалось начинаться ногам, их тела сужались в хвосты с плавниками.

Вольф был не в состоянии обуздать свое любопытство. Спрятав рог в куче пушистой травы, он прокрался вдоль края джунглей. Оказавшись напротив парочки, он остановился понаблюдать. Поскольку самец и самка лежали теперь бок о бок и разговаривали, поза позволяла Вольфу изучить их более подробно. Он убедился, что они не смогли бы гнаться за ним по суше со сколько-нибудь приличной скоростью и не имели при себе никакого оружия. Вольф приблизился. Они могли даже оказаться дружелюбными.

Очутившись почти в двадцати ярдах, Вольф снова остановился. Если они русалки, то, разумеется, не полурыбы. Плавники на концах их длинных хвостов находились, в отличие от вертикальных рыбьих, в горизонтальной плоскости.

Хвосты, кажется, были лишены чешуи. Их тела сверху донизу покрывала гладкая коричневая кожа.

Вольф кашлянул. Они подняли головы, — самец зарычал, а самка завизжала.

Одним движением, столь быстрым, что Вольф не смог разобрать подробностей, а увидел его смазанным, они под-

¹ Лист папоротника.

² 1 ярд — 91,44 см.

нялись на концы хвостов и взметнули себя вверх и в волны. Луна отразилась на темной голове, ненадолго поднявшейся из волн, и вскинутом вверх хвосте.

Прибой накатился и с шумом разбился о белый песок. Светила огромная зеленая луна. Налетевший с моря бриз овеял вспотевшее лицо Роберта и отправился дальше охлаждать джунгли. Позади него из темноты раздались несколько странных криков, а с пляжа впереди донеслись звуки человеческого веселья.

Некоторое время Вольф не мог выпутаться из паутины мыслей. В речи русалки было что-то знакомое, так же, как в речи зебриллы — это новое слово Роберт придумал для того гориллы — и женщины. Вольф не узнал никаких отдельных слов, но звуки и взаимодействующая высота тонов разворошили что-то в его памяти. Но что? Их язык, безусловно, ему не приходилось изучать. Не напоминал ли он один из живых языков Земли, не слышал ли Роберт его в записи или в кино?

Рука сомкнулась на его плече, подняла его и развернула кругом. Готическая морда и пещерные глаза зебриллы приблизились к его лицу, и в ноздри ему ударило сивушное дыхание. Зверь заговорил, и из кустов вышла женщина. Она медленно подошла к нему, и в любое другое время у Вольфа перехватило бы дыхание при виде ее великолепно-го тела и прекрасного лица. К несчастью, сейчас ему было тяжело по иной причине. Гигантская обезьяна легко могла швырнуть его в море со скоростью даже большей, чем та, что недавно продемонстрировали русалки, когда нырнули. Или же огромная рука могла сжаться, дробя его кости.

Женщина что-то сказала, и зебрилла ответил. Вот тогда-то Вольф и понял несколько слов. Их язык оказался родственным догомеровскому греческому, микенскому.

Вольф не разразился речью, заверяя их в своей безвредности и добрых намерениях, хотя бы потому, что был слишком ошарашен и не способен мыслить достаточно ясно. К тому же, его знание греческого языка периода, даже близкого к эолийско-ионическому диалекту слепого аэда, ограничивалось необходимым минимумом.

Наконец Роберт сумел издать несколько чеподходящих фраз, не столько заботясь о смысле, сколько пытаясь выразить свое миролюбие. Послушав его, зебрилла крикнул, сказал что-то девушке и опустил Вольфа на землю. Тот облегченно вздохнул, хоть и поморщился от боли в плече.

Огромная ручища монстра была могучей. Если не считать ее величины и волосатости, рука выглядела человеческой.

Женщина дернула его за рубашку. Лицо ее выдавало легкое отвращение. Только позже Вольф понял, что отталкивало ее: она никогда раньше не видела толстого старика. Более того, ее озадачила одежда. Она продолжала тянуть его за рубашку. Роберт не стал ждать, когда она попросит зебриллу, и стащил ее сам. Она с любопытством посмотрела на рубашку, понюхала ее, сказала: «Уй!» — а затем сделала какой-то жест.

Хотя Роберт предпочел бы не понять ее и совсем не рвался подчиняться, он решил не перечить. Не было никакой причины расстраивать ее, а, главное, зебриллу. Вольф сбросил одежду и ждал новых приказаний. Женщина визгливо рассмеялась, зебрилла ответил лающим хохотом и ударил себя по бедру огромной ручищей так, что раздался звук, словно от рубящего дерево топора. Он и женщина обняли друг друга за талию и, истерически смеясь, пошли, пошатываясь, вперед по пляжу.

Взбешенный, униженный, опозоренный, и все же благодарный, что остался цел, Вольф снова надел брюки. Подбрав нижнее белье, носки и ботинки, он поплелся по песку обратно в джунгли. Достав рог из потайного места, он долгое время сидел, гадая, что делать. Наконец он заснул.

Он проснулся утром с затекшими мускулами, голодный, страдающий от жажды.

Пляж ожил. К виденным ночью русалкам прибавилось несколько больших тюленей с ярко-оранжевыми шкурами. Они плюхались взад-вперед по песку в погоне за янтарными шарами. Человек с выступавшими из-под лба бараньими рогами, мохнатыми ногами и коротким козлиным хвостом преследовал женщину, похожую на ту, которая была с зебриллой, только волосы у нее были желтыми. Она бежала, пока рогатый человек не прыгнул на нее и, смеясь, не повалил на песок. То, что случилось после, показало Вольфу, что эти существа, вероятно, столь же не ведали чувства греха и сдерживающих начал, как Адам и Ева.

Это казалось интересным, но зрелище завтракавшей русалки пробудило в нем более насущные желания. Русалка держала в одной руке овальный желтый плод, в другой

полусферу, похожую на скорлупу кокосового ореха. Женский двойник мужчины с бараньими рогами сидел на корточках у костра всего лишь в несколько ярдах от Вольфа и жарил на конце палки рыбу. Запах вызвал у Вольфа слюну во рту и урчание в животе.

Сперва он должен напиться. Поскольку единственной влагой в поле зрения была вода океана, Вольф вышел на пляж и зашагал к прибою.

Его приняли именно так, как он ожидал: удивление, отступление, в какой-то степени опасение. Все прекратили свои занятия и уставились на него. Когда Вольф слишком приближался, его встречали широко раскрытые глаза, разинутые рты и отступление. Некоторые из существ мужского пола, оставшись на месте, выглядели так, словно готовы были бежать, если он скажет «кыш». Хотя он и не испытывал желания бросить им вызов, поскольку самый маленький обладал мускулами, способными легко одолеть его усталое старое тело.

Он вошел до пояса в прибой и попробовал воду на вкус. Он видел, как другие пили, и надеялся, что она окажется приемлемой. Вода оказалась чистой и свежей, она обладала сильным, незнакомым привкусом.

Напившись до отвала, Вольф почувствовал себя так, словно ему перелили кровь. Он вышел из океана и поплелся назад по пляжу, в джунгли. Все вернулись к своей еде и развлечениям, и хотя следили за ним наглыми прямыми взглядами, ничего ему не сказали. Вольф улыбнулся, но это, казалось, испугнуло их. В джунглях он искал и нашел такие же плоды и орехи, как те, что ела подруга фавна. Желтый плод по вкусу напоминал грушевый пирог, а мякоть внутри псевдококосового ореха — очень нежное мясо, смешанное с мелкими кусочками грецкого ореха. После еды Вольф чувствовал себя вполне удовлетворенным, за исключением одного: он жаждал покурить. Но табак был единственным, что, кажется, отсутствовало в этом раю.

Следующие несколько дней он исследовал джунгли, проводил время в океане или поблизости от него. К тому времени обитатели пляжа привыкли к нему и даже начинали смеяться, видя его по утрам. Однажды несколько мужчин и женщин набросились на него и, буйно хохоча, стащили

с него одежду. Он кинулся за женщиной, убежавшей с его брюками, но она удрала в джунгли. Когда она появилась вновь, то оказалась с пустыми руками. Теперь он уже мог говорить достаточно хорошо, чтобы его поняли, если он медленно произносил фразы. Годы преподавания и изучения дали ему неплохой запас слов древнегреческого языка, и ему требовалось только овладеть интонацией и множеством слов, отсутствовавших в его «аутенрейте».

— Зачем ты это сделала? — спросил он прекрасную черноглазую нимфу.

— Я хотела посмотреть, что ты прячешь под этими отвратительными тряпками. Голый ты уродлив, но эти штуки на тебе заставляют выглядеть еще уродливей.

— Непристойно? — осведомился он, но она не поняла этого слова.

Он пожал плечами и подумал: «В чужой монастырь...» Только похожий на Сад Эдема. Температура днем и ночью оставалась приятной и отличалась примерно на семь градусов¹. Тут не возникало никаких проблем с получением разнообразной пищи, не требовалось никакой работы, не существовало никакой арендной платы, никакой политики, никакого напряжения, за исключением легко облегчаемого сексуального напряжения, никакой национальной или расовой вражды. Не требовалось оплачивать никаких счетов. Или нужно? Основным принципом на Земле являлось положение, что даром не получишь ничего. Остался ли этот принцип тем же самым и здесь? Кому-то полагалось бы заплатить по счету.

Ночью Роберт спал на куче травы в большом дупле дерева. Это было одно из тысяч таких дупел в деревьях особой породы, предлагавших всем желающим свое естественное пристанище. Вольф, не залеживаясь в постели по утрам, вставал перед рассветом и наблюдал, как прибывает солнце.

«Прибывает» — более подходящее слово, чем «восходит», ибо солнце, безусловно, не восходило. По другую сторону моря находился огромный горный кряж, настолько обширный, что казался Вольфу бесконечным. Солнце всегда выходило из-за горы, стоя уже высоко. Оно следовало прямо через зеленое небо и не тонуло, а исчезало, уходя за другой конец горного кряжа.

¹ На 4° по шкале Цельсия.

Час спустя появлялась луна. Она тоже появлялась из-за горы, проплывала на том же уровне по небесам и ускользала с другой стороны горы. Каждую вторую ночь в течение часа шел сильный дождь.

Вольф тогда обычно просыпался, потому что воздух становился немного холоднее. Он зарывался в листья и дрожал, пытаясь уснуть.

С каждой последующей ночью он находил, что сделать это становится все трудней. Он думал о своем собственном мире, об имевшихся там друзьях, работе, развлечениях и жене. Что поделявала теперь Бренда? Она, несомненно, горевала. Хотя она и бывала порой злой, скверной и скулящей, она его любила. Его исчезновение будет для нее ударом и потерей. О ней, однако, хорошо позаботятся. Бренда всегда настаивала на том, чтобы он вносил за страховку больше, чем мог себе позволить, это не раз приводило к ссорам между ними. Затем ему пришлось в голову, что она долгое время не получит ни цента, если не представит доказательства его смерти. И все же, ожидая, когда его объявят по закону умершим, она могла прожить на сощобеспечении. Это будет означать резкое понижение уровня жизни, но окажется волне достаточно, чтобы поддержать ее.

Вольф, разумеется, не имел ни малейшего намерения возвращаться. Он вновь обретал юность. Хотя он хорошо питался, но терял вес, а его мускулы становились все сильнее и тверже. У него появилась пружинистость в ногах и чувство радости, потерянное где-то в двадцать с небольшим. На седьмое утро он потерял лысину и открыл, что она покрылась легкой щетиной. На десятое утро он проснулся с болью в деснах.

Он потирал распухшую челюсть и гадал, предстоит ли ему заболеть. Он и позабыл о существовании такого понятия, как болезнь, потому что сам был здесь крайне здоров, и никто из пляжников, как он их называл, казалось, никогда не болел. Десны продолжали изводить его всю неделю, после чего он принялся пить естественно перебродившую жидкость в пунш-орехе. Эти плоды росли большими скоплениями высоко на вершине стройного дерева с короткими, хрупкими лиловыми ветвями и желтыми листьями. Когда дубленую кожуру ореха вскрывали острым камнем, он выделял запах винного пунша. По вкусу плод напоминал дыню с тоником и примесью вишневой настой-

ки и действовал, как стаканчик текилы. Он отлично помог, убивая и боль в деснах, и вызываемое ею раздражение.

Спустя девять дней после того, как у него впервые возникли затруднения с деснами, сквозь них начали резаться десять крошечных белых зубов. Более того, золотые пломбы в других вытаскивались возвращением естественного материала. Его плешивая прежде голова покрылась густой порослью.

И это еще не все. Плавание, бег и лазание по деревьям растопили весь жир. Выступавшие старческие вены снова утонули под гладкой твердой плотью. Он мог бегать на длинные дистанции, не запыхавшись, не чувствуя себя так, словно его сердце вот-вот лопнет. Все это приводило его в восторг, но и заставляло размышлять о том, почему или как это произошло.

Он спросил нескольких пляжников об их кажущейся всеобщей юности. У них был один ответ: «Такова воля Властелина».

Сперва он подумал, что они говорят о Творце, и это показалось ему странным. Насколько он мог судить, у них не существовало никакой религии и уж, разумеется, никаких организованных церемоний, ритуалов, таинств.

— Кто такой Властелин? — спрашивал он.

Он предположил, что неправильно понял слово «Ванакс», что оно могло иметь слегка иное значение, чем то, которое находишь у Гомера.

Ипсевас, зебрилла, самый умный из всех, кого он здесь встретил, ответил так:

— Он живет на вершине мира, за пределами Океаноса. — Ипсевас показал вверх через море на горный кряж.

— Властелин живет в прекрасном и неприступном дворце на вершине мира. Именно он — тот, кто создал этот мир и создал нас. Бывало, он часто спускался повеселиться с нами. Мы поступаем, как говорит Властелин, и играем с ним. Но мы всегда испытываем страх. Если он рассердится или будет недоволен, то, вероятно, убьет нас. Или хуже.

Вольф улыбнулся и кивнул. Так, значит, Ипсевас и другие имели не более разумное объяснение происхождения или функционирования своего мира, чем люди Земли. Но у пляжников было то, что отсутствовало на Земле. У них существовало единообразие мнений.

Все, кого он спрашивал, давали ему тот же ответ, что и зебрилла.

— Такова воля Властелина. Он создал мир, он создал нас.

— Откуда ты знаешь? — спросил Вольф. Задавая этот вопрос, он не ожидал чего-нибудь большего, чем слышал бы на Земле. Но ему преподнесли сюрприз.

— О, — ответила русалка Пайява, — так нам рассказывал Властелин. Кроме того, мать мне тоже рассказывала. А ей следовало бы знать. Властелин создал ее тело. Она помнит, когда он сделал это, хотя это было давно-давно.

— В самом деле? — переспросил Вольф.

Он гадал, не морочит ли она ему голову, и думал также, что было бы трудно с ней расквитаться, сделав то же самое.

— И где же твоя мать? Я хотел бы с ней поговорить. Пайява махнула рукой на запад.

— Где-то там.

«Где-то» могло означать тысячи миль, потому что он понятия не имел, как далеко простирался пляж.

— А насколько давно? — поинтересовался Вольф. Пайява наморщила свой прекрасный лоб и поджала губы.

«Очень заманчивые», — подумал Вольф. — И это тело! Возвращение юности приносило с собой сильное ощущение зова тела, пола. Пайява улыбнулась ему и сказала:

— Ты так проявляешь интерес ко мне, не правда ли?

Он покраснел и ушел бы прочь, но хотел получить ответ на свой вопрос.

— Сколько лет прошло с тех пор, как ты видела свою мать? — снова спросил он.

Пайява не могла ответить. Слова «год» не было в ее словаре.

Он пожал плечами и быстро ушел, исчезнув за колоритной растительностью у пляжа. Она кричала ему вслед сперва лукаво, а потом сердито, когда стало очевидным, что он не собирается возвращаться. Она сделала несколько уничижительных замечаний о нем, сравнивая с другими мужчинами. Роберт с ней не спорил — это было бы ниже его достоинства, и, кроме того, сказанное было правдой. Хотя его тело быстро возвращало себе молодость и силу, оно все еще проигрывало в сравнении с окружавшими его почти совершенными образчиками.

Он оставил эти размышления и обдумал рассказ Пайявы.

Если бы он смог обнаружить ее мать или ее ровесников, то, возможно, сумел бы побольше узнать о Властелине. Он

не подвергал сомнению рассказ Пайявы, который на Земле казался бы невероятным. Эти люди просто-напросто не лгали. Вымысел был для них чужд. Такая правдивость имела свои преимущества, но она также означала ограниченность их воображения и отсутствие большого чувства юмора или остроумия.

Смеялись они достаточно часто, но по очевидным и мелким поводам. Их развлечения не поднимались выше фарса и грубых розыгрышей.

Вольф выругался из-за того, что все время отвлекался. Казалось, сосредоточить внимание ему с каждым днем становилось все сложнее. Итак, о чем он думал, пока не сбился? Ах, да, о матери Пайявы! Некоторые из старейшин могли бы просветить его, если он сумел бы их обнаружить. Да только как их опознать, когда все взрослые выглядели одного возраста? По его наблюдениям, здесь имелось очень немного юнцов, наверное, трое на несколько сот встреченных им существ. Более того, среди многих здешних животных и птиц — некоторых довольно странных, к тому же, — только полдюжины не были взрослыми.

Малое число рождений сбалансировало отсутствие смерти. Он видел трех мертвых животных — двух погибших в результате несчастного случая, а третье — во время боя с другим из-за самки. И даже это было несчастным случаем, так как потерпевший поражение самец, антилопа лимонного цвета с четырьмя изогнутыми в виде восьмерки рогами, бросился бежать и сломал шею, перепрыгивая через бревно.

Тело мертвого животного не имело никаких шансов разложиться и начать издавать вонь: несколько вездесущих существ, похожих на маленьких двуногих лисиц с белыми носами, отвисшими, как у такс, ушами и обезьяньими лапами, съели труп за какой-то час. Лисы рыскали по джунглям и убирали все — плоды, орехи, ягоды, трупы. У них было пристрастие к гнилому, они бы проигнорировали свежие плоды ради побитых. Но они не выглядели диссонансом в симфонии красоты и жизни. Даже в Саду Эдема необходимы сборщики мусора.

Временами Вольф смотрел через голубой с белыми барашками волн океан на горный кряж, называвшийся Тайяфайавозд. Наверное, Властелин жил там. Может быть, стоило пересечь море и подняться на грозную кручу в надежде раскрыть какую-то тайну этой вселенной. Но чем

больше он пытался прикинуть высоту гор, тем меньше ему эта мысль нравилась.

Черные скалы воспаряли все выше и выше, пока не устал глаз и не спотыкался ум. Никакой человек не мог жить на его вершине, потому что там не было воздуха для дыхания.

Глава III

В один прекрасный день Вольф вынул серебряный рог из потайного места в дупле дерева. Пробираясь через лес, он пошел к валуну, с которого бросил рог человек, назвавшийся Кикахой. Кикаха и бугристые твари пропали из виду, словно никогда не существовали, и никто из тех, с кем он разговаривал, никогда не видел и не слышал о них.

Он вновь вступит в свой родной мир и даст ему еще один шанс. Если он сочтет, что мир Земли ближе ему, чем мир планеты-Сада, то останется там. Или, наверно, он сможет путешествовать туда-сюда и таким образом получит самое наилучшее из обоих. А когда устанет от одного, то устроит себе каникулы в другом.

По дороге он на минутку остановился по приглашению Эликопиды выпить и поболтать. Эликопида, чье имя означало «Яркоглазая», была прекрасной, великолепно сложенной дриадой. Она больше походила на «нормальное» существо, чем все, кого он пока что встречал. Если бы не темно-пурпурные волосы, то она, надлежащим образом одетая, привлекла бы к себе на Земле не больше внимания, чем обычно удостаивается очень красивая женщина.

Вдобавок, она была одной из немногих, кто мог поддерживать стоящий разговор. Она не считала, будто общение состоит из безудержной болтовни или громкого, беспричинного смеха и игнорирования тех, кто с ней общался. Вольф испытывал отвращение и депрессию, обнаружив, что большинство пляжников или лесовиков предпочитали всем видам беседы собственный монолог, какими бы общительными они ни выглядели.

Эликопида была иной, наверно, потому, что не принадлежала ни к какой «группе», хотя более вероятно, ее необычность — не следствие, а причина ее одиночества. В этом мире вдоль моря туземцы, не имея даже технологии австралийских аборигенов и не нуждаясь в ней, развили край-

не сложные общественные отношения. Каждая группа владела определенными участками пляжа и леса с внутренними уровнями престижа. Каждый оказывался способен подробно разъяснять — и любил это делать — свое горизонтально-вертикальное положение по сравнению со всеми личностями в группе, численность которой обычно приближалась к тридцати. Они могли зачитать по памяти и зачитывали, достоинства и недостатки характера любого из них, атлетическую мощь или отсутствие таковой, ловкость во множестве их детских игр, и оценить сексуальные способности каждого и каждой.

Эликопида обладала чувством юмора столь же ярким, как ее глаза, но она также обладала добавочной привлекательностью: зеркалом из стекла, установленном в золотом обруче, инкрустированном бриллиантами. Оно являлось одним из немногих виденных им здесь предметов материальной культуры.

— Где ты его достала? — спросил Роберт.

— О, мне его подарил Властелин, — ответила Эликопида. — Некогда, давным-давно, я была одной из его фавориток. Когда бы он ни спускался сюда в гости с вершины мира, он проводил много времени со мной. Мы с Хрисеидой были единственными, кого он любил больше всех. Поверишь ли, другие все еще ненавидят нас за это. Вот почему я такая одинокая.

— И как же выглядел Властелин?

Она засмеялась и сказала:

— Ниже шеи он выглядел во многом так же, как любой высокий, хорошо сложенный мужчина, вроде тебя.

Она обняла его одной рукой за шею и принялась целовать в щеку. Ее губы медленно перебирались к его уху.

— А его лицо? — с усилием проговорил Вольф.

— Не знаю. Я могла его коснуться, но не могла видеть. Меня ослепляло исходявшее от него сияние. Когда он приближался, мне приходилось закрывать глаза, таким оно было ярким.

Она закрыла ему рот своими поцелуями, и вскоре он позабыл свои вопросы. Но потом, пока она лежала рядом с ним в полусне на мягкой траве, он поднял зеркало и посмотрелся в него. Сердце его распахнулось от восторга. Он выглядел таким же, как тогда, когда ему было двадцать пять. Роберт это знал, но до настоящей минуты не мог осознать.

«А если я вернусь на Землю, состарюсь ли столь же быстро, как здесь обрел свою юность?»

Он поднялся и некоторое время простоял в задумчивости, затем произнес:

— Да кого я, собственно, обманываю? Я не собираюсь возвращаться.

— Если ты сейчас покинешь меня,— сонно проговорила Эликопида,— то поищи Хрисеиду. С ней что-то случилось. Она убегает всякий раз, когда к ней кто-нибудь приближается. Даже я, ее единственная подруга, не могу к ней подступить. Она тебе понравится. Она не похожа на других. Она похожа на меня.

— Ладно,— рассеянно ответил Вольф,— поищу.

Он шел, пока не оказался совсем один. Даже если он не намеревался воспользоваться вратами, через которые прошел, то хотел поэкспериментировать с рогом. Наверное, тут существовали и другие врата. Возможно, врата открывались в любом месте, где трубили в рог.

Дерево, под которым он остановился, являлось одним из многочисленных «рогов изобилия». Оно было высотой в двести футов, тридцать футов толщиной, имело гладкую, почти маслянистую, лазурную кору и ветви толщиной в человеческое бедро и длиной примерно в шестьдесят футов, лишенные прутьев и листьев. На конце каждой из них рос цветок с твердой скорлупой, восьми футов в длину и формой точь-в-точь как рог изобилия.

Из рогов изобилия на землю лились непрерывные струйки шоколадного цвета. На вкус продукт этот походил на мед с очень легким привкусом табака — курьезная смесь, и все же она ему нравилась. Все лесные создания ели это.

Под деревом Роберт протрубил в рог. Никаких врат не появилось. Он попробовал вновь, отойдя на сто ярдов, но без успеха. Он решил, что рог действовал только в определенных районах, наверное, только у поганковидного валуна.

Затем он увидел краем глаза голову девушки, которая высывалась из-за дерева в тот первый раз, когда открылись врата. Он узнал ее овальное лицо, огромные глаза, полные алые губы и длинные, в тигровую полосу, черно-коричневые волосы.

Он приветствовал ее, но она стремглав убежала. Незнакомка обладала прекрасным телом и самыми длинными ногами, какие он когда-либо видел у женщин. Более того,

она была стройнее, чем другие, слишком фигуристые и большегрудые женщины этого мира.

Вольф погнался за ней. Девушка бросила один взгляд через плечо, издала крик отчаяния и продолжала бежать. Тут он чуть не остановился, так как не встречал такой реакции ни у кого из туземцев. Первоначальное отступление — да, но не чистая паника и предельный страх.

Девушка бежала, пока могла. Наконец, с рыданием хватая воздух открытым ртом, она прислонилась к мшистому валуну поблизости от маленького водопада. Ее окружали желтые высотой по колено цветы в форме вопросительных знаков. На вершине валуна стояла и, моргая, смотрела на них птица с совиными глазами, перьями-штопорами и длинными, согнутыми вперед ногами. Она издавала тихие крики:

— Ви-ви-ви!

Приближаясь медленно и с улыбкой, Вольф проговорил:

— Не бойся меня. Я не причиню тебе зла. Я просто хочу поговорить с тобой.

Девушка показала трясущимся пальцем на рог и дрожавшим голосом произнесла:

— Где ты его взял?

— Я получил его от человека, назвавшегося Кикахой. Ты его видела? Ты знаешь его?

Огромные глаза девушки были темно-зелеными. Он считал их самыми прекрасными из всех, что он когда-либо видел. И это несмотря на кошачьи зрачки, а, может быть, именно из-за них.

Она покачала головой.

— Нет. Я не знала его. А впервые увидела, когда эти существа загнали его на валун.

Она сглотнула, побледнела и выглядела так, словно ее вот-вот стошнит.

— Я видела, как они стащили его с валуна и увели с собой.

— Значит, его не прикончили? — спросил Вольф. Он не сказал «убили», «зарезали» или «умертвили», так как эти слова были табу.

— Нет. Наверное, эти существа собирались сделать даже худшее, чем прикончить его.

— А зачем убегать от меня? — недоумевал Вольф, — Я же не одно из этих существ.

— Я не могу об этом говорить.

Вольфа покорило ее нежелание говорить о неприятном. В жизни этих людей было так мало отталкивающих или опасных явлений, и все же они не могли встретить лицом даже их. Они чересчур привыкли к легкому и прекрасному.

— Мне наплевать, хочешь ты говорить или нет, — бросил он. — Ты должна. Это очень важно.

Она отвернула лицо.

— Не буду.

— В какую сторону они направились?

— Кто?

— Эти чудища и Кикаха.

— Я слышала, как он называл их гворлами, — сказала она. — Я никогда раньше не слышала этого слова. Они, гворлы, должно быть, пришли откуда-то оттуда.

Она показала в сторону моря и вверх.

— Они, наверное, спустились с горы. Откуда-то там.

Она вдруг повернулась и подошла близко к нему. Ее огромные глаза поднялись к его лицу, и даже в этот момент он не мог не подумать, какими прелестными были черты ее лица и какой гладкой и кремовой кожа.

— Давай скроемся отсюда! — воскликнула она. — Далеко! Эти существа все еще здесь. Может, некоторые из них и забрали Кикаху, но не все они ушли. Я видела пару несколько дней назад. Они прятались в дупле дерева. Глаза их горели, как у зверей, и они издают ужасный запах, словно сгнивший заплесневелый плод! — Она положила руку на рог. — Я думаю, они хотят заполучить его!

— А я трубил в рог, — произнес Вольф. — Если они где-то поблизости, то должны были услышать его!

Он огляделся. Примерно в сотне ярдов, за кустом, что-то блеснуло.

Он не сводил глаз с куста и увидел, что куст дрожит, и снова появился отблеск солнечного света. Он взял узкую ладонь девушки в свою руку и сказал:

— Пошли. Но иди так, словно мы ничего не видели. Будь беспечной.

Она протянула руку и со страхом спросила:

— Что случилось?

— Не впадай в истерику. По-моему, я что-то увидел за кустом. Может, там и нет ничего, а, впрочем, опять же возможно, это гворлы. Не смотри туда! Ты нас выдашь!

Он сказал это слишком поздно, потому что она дернула головой, обернувшись, охнула и прижалась к нему.

— Они!

Он посмотрел в том направлении, куда указывал ее дрожащий палец, и увидел две темные приземистые фигуры, неуклюже выбиравшиеся из-за куста. Каждый держал в руке длинный, широкий, изогнутый стальной клинок. Они размахивали ножами и громко кричали хриплыми, резавшими слух голосами. На темных мохнатых телах не было никакой одежды, кроме широких поясов на талиях, подерживавших ножны, из которых торчали рукоятки ножей.

— Без паники,— сказал Вольф.— Я не думаю, что они могут очень быстро бегать на таких коротких кривых ногах. Где найти такое место, куда можно скрыться и куда они не сумеют последовать за нами?

— За море,— ответила она. Голос ее дрожал.— Я не думаю, что они смогут нас найти, если мы достаточно сильно опередим их. Мы можем переправиться на гистоихтис.

Она ссылалась на одного из огромных моллюсков, которыми изобиловало море. Тела у них были покрыты тонкими, как бумага, но прочными раковинами, похожими на корпус гоночной яхты. Из спины каждого вертикально выступал узкий, но крепкий хрящеватый штырь, а из этой мачты рос треугольный парус из кожи настолько тонкой, что она просвечивала насквозь. Угол наклона паруса управлялся движением мускулов, и напор ветра на парус плюс выбрасывание водяных струй делали это существо способным быстро двигаться и при ветре, и в штиль. Русалки и другие разумные существа, жившие на пляже, часто пользовались случаем прокатиться на них, управляя с помощью надавливания на открытые нервные центры.

Он понял ее:

— Ты думаешь, что гворлам придется воспользоваться лодкой? Если так, то им не повезло, разве что они ее сами сделают. Я здесь не видал никакого морского судна.

Роберт часто оглядывался. Гворлы шли быстрым шагом, тела их качались на каждом шагу, как у пьяных матросов. Вольф и девушка подошли к ручью примерно в семьдесят футов шириной. Вода, доходившая в самом глубоком месте им до пояса, была прохладной, но не ледящей, чистой, с мелькавшими туда-сюда серебряными рыбами. Когда они добрались до другого берега, то спрятались за большим деревом. Девушка уговаривала его продолжить бегство, но он отказался.

— У нас будет преимущество, когда они окажутся посередине ручья.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

Роберт не ответил. Положив рог за деревом, он огляделся и нашел камень размером с полголовы, округлый и достаточно шершавый, чтобы твердо держать его в руке. Вольф поднял и взвесил в руке один из опавших «рогов изобилия».

Хотя и огромный, он был полым и весил не больше двадцати фунтов¹. К тому времени двое гворлов оказались на противоположном берегу ручья. Вот тогда-то Роберт и открыл слабость этих отвратительных тварей. Они ходили взад-вперед вдоль берега, в ярости потрясали ножами и громко рычали. Наконец, один из них сунул в воду широкую косолапую стопу. Он почти сразу выдернул и затряс ею, как трясет мокрой лапой кошка, при этом что-то сказал другому гворлу. Тот что-то проскрежетал в ответ, а затем заорал.

Гворл с мокрой ногой покричал, но шагнул в воду и неохотно принялся переходить ручей вброд. Вольф заметил, что другой собирается болтаться на прежнем месте, пока его спутник не завершит свою переправу.

Вольф подождал, когда тварь пройдет середину ручья, затем взял в одну руку рог изобилия, в другую — камень и побежал к ручью. Позади него девушка пронзительно вскрикнула. Вольф выругался, потому что крик предупредил гворла о его приближении.

Гворл остановился по пояс в воде, заорал на Вольфа и стал размахивать ножом. Роберт поберег дыхание, так как не хотел запыхаться. Он мчался к ручью, в то время как гворл возобновил свое продвижение к берегу. Гворл на противоположной стороне замер при появлении Вольфа, но потом кинулся в ручей на помощь приятелю. Его действия совпали с планами Вольфа. Он только надеялся, что сможет разделаться с первым прежде, чем второй доберется до середины ручья.

Ближайший гворл метнул нож.

Роберт поднял перед собой рог изобилия. Нож ударил в его тонкую, но прочную скорлупу с такой силой, что чуть не вырвал рог из руки Вольфа. Гворл начал вытаскивать из ножен второй нож.

¹ 1 фунт — 453,6 г.

Вольф продолжал бежать, когда гворл поднял нож, собираясь ударить. Роберт выронил камень, высоко поднял колоколообразный рог и обрушил его на голову гворла.

Из-под скорлупы раздался приглушенный вопль. Рог изобилия упал вместе с гворлом, и оба поплыли вниз по течению. Вольф выбежал из воды, подобрал камень и схватил гворла за одну из барахтавшихся ног.

Бросив поспешный взгляд на второго, Роберт увидел, что тот поднял нож для броска. Вольф схватился за рукоять того ножа, который воткнулся в скорлупу рога, вырвал его, а затем кинулся в укрытие. Он вынужден был выпустить волосатую ногу гворла, зато избежал ножа, который пролетел над краем скорлупы и зарылся по рукоять в глину берега.

В то же время гворл, накрытый рогом изобилия, соскользнул, отплевываясь. Вольф пырнул его в бок, но нож соскользнул с хрящевидного бугра. Гворл завизжал и повернулся к нему. Вольф поднялся и изо всех сил ткнул его ножом в брюхо. Нож вошел по рукоять. Гворл схватился за него. Вольф шагнул назад. Гворл упал в воду. Роберт остался без ножа, камень в руке — вот и все оружие.

Оставшийся гворл наступал на него, держа нож поперек груди. Похоже, он больше не собирался его бросать, а решил вступить с Вольфом с ближний бой.

Вольф заставил себя задержаться, пока существо не оказалось в десяти футах от него. В то же время он пригнулся так, чтобы вода доходила до груди и скрывала камень, который он переложил из левой руки в правую. Теперь он мог ясно видеть лицо гворла. У того был очень низкий лоб, двойной карниз кости над глазами, густые мшистые брови, близко посаженные лимонно-желтые глаза, плоский нос с одной ноздрей, тонкие черные звериные губы, выдающаяся челюсть, придававшая рту лягушачий вид, никакого подбородка и острые, широко разделенные зубы плотоядного. Голова, лицо и тело были покрыты длинным, густым, темным мехом. Шея была очень толстая, а плечи — сутулыми. Его мокрый мех вонял, как гнилой заплесневевший плод.

Отвратительный вид существа испугал его, но Вольф не отступил. Если он сломается и побежит, то свалится с ножом в спине.

Когда гворл, попеременно шипя и скрежеща на своем наречии, оказался в пределах шести футов, Вольф выпря-

мился. Он поднял камень, а гворл поднял для броска нож. Камень полетел и врезался в бугор на лбу. Существо качнулось назад, выронило нож и упало спиной в воду. Вольф подошел, поискал в воде камень, нашел его и поднялся из воды как раз вовремя, чтобы столкнуться с гворлом лицом к лицу. Тот выглядел оглушенным, глаза его косили, но он собирался драться. И — держал другой нож.

Вольф высоко поднял камень и обрушил его на макушку гворла. Раздался громкий треск. Гворл снова упал на спину, исчез под водой и появился в нескольких ярдах ниже по ручью, плывя лицом вниз.

Роберт еле стоял на ногах. Сердце его стучало так сильно, что, казалось, вот-вот разорвется. Вольфа трясло и тошнило. Но он вспомнил про воткнувшийся в глину нож и вытащил его.

Девушка все еще стояла за деревом. Она выглядела слишком потрясенной, чтобы говорить. Вольф подобрал рог, взял девушку за руку и грубо встряхнул ее.

— Выходи из этого столбняка! Подумай, как тебе повезло! Ты могла бы умереть вместо них!

Она издала долгий вой, а потом начала плакать. Он подождал, когда ее слезы иссякнут, потом сказал:

— Я даже не знаю твоего имени.

Ее огромные глаза покраснели, а лицо выглядело старше. Даже теперь он подумал, что не видел землянки, которая могла бы с ней сравниться. Ее красота заставила померкнуть ужас схватки.

— Я — Хriseида, — представилась она. Словно гордясь этим, но в то же время робея от своей гордости, она добавила: — Я здесь единственная женщина, которой позволено носить это имя. Властелин запретил другим так называться.

— Снова Властелин, — проворчал он. — Всегда Властелин. Кто такой Властелин, черт побери?

— Неужели ты действительно не знаешь? — спросила она, словно не могла ему поверить.

— Да, не знаю.

Он с минуту помолчал, а затем произнес ее имя, словно пробуя его на вкус:

— Хriseида, а? Оно небызвестно на Земле, хотя боюсь, что университет, где я преподавал, полон неграмотных, никогда не слышавших этого имени. Они знают, что Гомер сочинил «Илиаду», и это примерно все.

«Хрисеида, дочь Хриса, жреца Аполлона. Она была захвачена греками в плен во время осады Трои и отдана Агамемнону. Но Агамемнона вынудили вернуть ее отцу из-за насланной Аполлоном бубонной чумы».

Хрисеида молчала так долго, что Вольф почувствовал нетерпение. Он был уверен, что им следует убираться с этого места, но не решил, какое выбрать направление и как далеко идти.

Хрисеида, нахмурившись, произнесла:

— Это же происходило давным-давно. Я едва могу вспомнить про это. Все это теперь так смутно.

— О чем ты говоришь?

— О себе, о моем отце, об Агамемноне, о войне.

— Ну, и что насчет них?

Он думал, что хотел бы отправиться к подножию гор. Там он может получить некоторое представление о восхождении.

— Я — Хрисеида, — сказала она, — та самая, о которой ты говорил. Ты разговариваешь так, словно только что явился с Земли. Ах, скажи мне, это правда?

Роберт вздохнул. Эти люди не лгали, но им самим ничто не мешало верить, будто их рассказы — правда. Он слышал достаточно невероятных вещей, чтобы знать: местные жители не только неправильно информированы, они, вероятно, переделали прошлое на свой вкус. Делали они это, конечно, искренне.

— Я не хочу разбивать мир твоих маленьких грез, — сказал он. — Но та Хрисеида, если она когда-нибудь существовала, умерла по меньшей мере три тысячи лет назад. Более того, она была человеческим существом. У нее не было волос в тигровую полосу и глаз с кошачьими зрачками.

— И у меня не было... тогда. Это Властелин похитил меня, привез в эту вселенную и изменил мое тело точно так же, как похитил других, изменил сознание или же вставил их мозги в специально созданные тела.

Она показала в сторону моря и ввысь.

— Он живет теперь там, и мы не очень часто видим его. Некоторые говорят, что он давным-давно исчез, и его место занял новый Властелин.

— Давай-ка, уберемся отсюда, — предложил Вольф. — Мы можем поговорить об этом позже.

Они прошли всего лишь четверть мили, когда Хрисеида жестом велела ему спрятаться за густым кустом с пурпур-

ными ветвями и золотыми листьями. Он пригнулся и, раздвинув ветки, увидел, что же ее встревожило. В нескольких ярдах от них стоял волосатоногий человек с тяжелыми бараньими рогами на макушке, а на низкой ветке на уровне глаз человека сидел гигантский ворон.

Он оказался таким же крупным, как золотой орел, и у него был высокий лоб. Череп выглядел так, словно мог содержать мозг размером не меньше, чем у фокстерьера.

Массивность ворона не удивила Вольфа, так как он повидал немало довольно крупных существ. Но он был потрясен, обнаружив, что птица и человек вели разговор.

— «Око» Властелина, — прошептала Хрисеида и в ответ на его озадаченный взгляд ткнула пальцем в ворона. — Это один из шпионов Властелина. Они летают над миром и смотрят, что происходит, а потом приносят новости хозяину.

Вольф вспомнил о реплике Хрисеиды, что Властелин вставлял мозги в новые тела. На его расспросы она ответила:

— Я не знаю, вставил ли он в головы воронов человеческие мозги. Властелин мог вырастить маленькие мозги по образцу больших человеческих, а затем обучить воронов. Или использовать только часть мозга человека.

К несчастью, как они ни напрягали слух, удалось уловить только несколько отдельных слов из разговора птицы и человека. Прошло несколько минут. Ворон, громко прокаркав «прощай» на искаженном, но понятном древнегреческом, сорвался с ветки. Он тяжело упал, но его громадные крылья быстро забили и унесли его вверх прежде, чем он коснулся земли.

Через минуту ворон пропал за листвой деревьев. Немного позже Вольф увидел его через разрыв в растительности. Гигантская черная птица медленно набирала высоту, направляясь к горе за морем.

Вольф заметил, что Хрисеида дрожит, и сказал:

— Что может ворон рассказать Властелину, страшного для тебя?

— Я боюсь не столько за себя, сколько за тебя. Если Властелин обнаружит, что ты здесь, он захочет убить тебя. Он не любит незваных гостей в своем мире.

Она положила руку на рог и снова затрепетала.

— Я знаю, что его дал тебе Кикаха, и ты не можешь его просто так выбросить. Но Властелин может не знать, что

тут нет твоей вины. Или ему может быть все равно. Он будет ужасно разгневан, если подумает, что ты имел какое-то отношение к похищению рога. Он сделает с тобой страшные вещи. Ты легче отделаешься, прикончив себя сейчас, не дожидаясь, когда попадешь в руки Властелина.

— Кикаха похитил рог? Откуда ты знаешь?

— О, поверь мне, я знаю. Рог — Властелина. Кикаха должен был похитить его, потому что Властелин сам никогда бы никому его не отдал.

— Я сбит с толку, — признался Вольф. — Но, может, в один прекрасный день мы сумеем все уладить. Что меня беспокоит прямо сейчас, так это вопрос: где Кикаха?

Хрисеида показала на гору и сказала:

— Гворлы взяли его туда. Но прежде чем они увели его... — Она закрыла лицо руками. — Нет. Они сделали что-то с...

Вольф отнял ее руки от лица.

— Если ты не можешь об этом говорить, то, может, покажешь?

— Я не могу. Это слишком ужасно. Мне дурно.

— Все равно, покажи мне.

— Я отведу тебя к тому месту. Но не проси меня смотреть на нее снова.

Хрисеида пошла, и он последовал за ней. Время от времени она останавливалась, но он мягко заставлял ее идти дальше.

После извилистого пути выше полумили она замерла. Рощица перед ними состояла из кустов вдвое выше Вольфа. Широкие листья одного куста напоминали формой слоновьи уши, светло-зеленые, с широкими красными прожилками, кончавшимися ржавыми цветками лилий.

— Она — там, — показала Хрисеида. — Я видела, как гворлы поймали ее и уволокли в эти кусты. Я пошла следом. Я...

Она не могла больше говорить.

Вольф с ножом в руке раздвинул ветви кустов. Он оказался на поляне. Посередине ее на короткой траве лежали разбросанные кости женщины-человека. Серые, лишённые мяса кости носили следы мелких зубов, по которым Роберт понял, что до нее добрались двуногие лисицы-мусорщики.

Он не испытал ужаса, но мог себе представить, что должна была почувствовать Хрисеида. Она, наверное, увидела изнасилование, а потом убийство. И прореагировала, как все другие обитатели Сада. Смерть в этом мире являлась

чем-то столь ужасным, что обозначающее ее слово давным-давно стало табу, а потом выпало из языка. Здесь нельзя было созерцать ничего, кроме приятных пейзажей и действий, от всего прочего полагалось отгораживаться.

Он вернулся к Хriseиде, смотревшей на него огромными глазами, словно она хотела, чтобы он сказал ей, что на поляне ничего нет. Он же сказал:

— Она теперь — всего лишь кости и давно не испытывает никаких страданий.

— Гворлы поплатятся за это! — в ярости бросила она. — Властелин не позволяет причинять вред своим созданиям! Это его Сад, и все вторгшиеся сюда наказываются!

— Вот и хорошо, — сказал он. — Я уж начал думать, что ты могла окоченеть от шока. Ненавись гворлов, сколько угодно: они этого заслуживают. А тебе нужно расслабиться.

Она завизжала и прыгнула на него, колотя по груди кулаками. Затем Хriseида принялась плакать и вскоре прижалась к нему, как бы прося защиты. Он поднял ее лицо и поцеловал. Она ответила ему страстным поцелуем, хотя из глаз ее все еще лились слезы.

После она сказала:

— Я побежала на пляж рассказать о том, что видела, моему народу. Но они не слушали. Они поворачивались ко мне спиной и притворялись, будто не слышат меня. Я пыталась заставить их выслушать, но Овисандр — человек с бараньими рогами, беседовавший с вороном, — ударил меня кулаком и велел убираться вон. После этого никто не станет иметь со мной никаких дел. А я... Мне нужны друзья и любовь.

— Ты не добьешься ни дружбы, ни любви, говоря людям то, чего они не хотят слышать, — сказал он. — Ни здесь, ни на Земле. Но у тебя есть я, Хriseида, а у меня есть ты. По-моему, я начинаю влюбляться в тебя, хотя, может, просто реагирую на одиночество и на самую странную красоту, которую когда-либо видел. И на свою новую юность.

Он сел и показал на гору.

— Если гворлы вторглись сюда, то откуда они явились? Почему они охотятся за рогом? Почему они забрали с собой Кикаху? Кто такой Кикаха?

— Он тоже приплыл оттуда. Но я думаю, что он — землянин.

— Что значит землянин? Ты же говоришь, что сама с Земли.

— Я имею в виду, что он — новоприбывший. Я не знаю. У меня такое чувство, что он здесь недавно.

Роберт встал и взял девушку за руки.

— Давай отправимся за ним.

Хрисеида втянула в себя воздух и, положив руку на грудь, отпрянула.

— Нет!

— Хрисеида, я мог бы остаться здесь с тобой и быть очень счастливым какое-то время. Но я всегда гадал бы, что значат все эти слухи насчет Властелина, и что случилось с Кикахой. Я видел его только несколько секунд, но думаю, он мне понравился. Кроме того, он бросил мне рог не просто потому, что я случайно оказался там. У меня предчувствие, что у него имелась веская причина, и я хотел бы выяснить, какая. Я не смогу успокоиться, пока он в руках этих тварей, гворлов.

Он отнял ее руку от груди и поцеловал ладонь.

— Тебе самое время покинуть этот Рай, который вовсе не Рай. Ты не можешь вечно оставаться здесь, вечно быть ребенком.

Она покачала головой.

— От меня не будет никакой помощи. Я просто встану у тебя на пути. И покинув... Я, ну я просто кончусь.

— Тебе придется научиться новому словарю, — сказал он. — Смерть будет только одним из многих новых слов, которые ты сможешь произнести без дальнейших раздумий или дрожи. Благодаря этому ты станешь лучшей женщиной. Называй ты ее или не называй, неприятность, знаешь ли, все равно происходит. Кости твоей подруги найдутся там, можешь ты говорить об этом или нет.

— Это ужасно!

— Истина часто бывает такой.

Роберт отвернулся и двинулся к пляжу. Через сто ярдов он остановился и оглянулся. Она бежала за ним. Он дождался ее, заключил в объятия, поцеловал и сказал:

— Ты можешь обнаружить, что идти трудно, Хрисеида, но скучать не придется, и не нужно будет напиваться до столбняка, чтобы вынести эту жизнь.

— Надеюсь, что так, — произнесла она тихим голосом. — Но я боюсь.

— Я тоже, но мы все равно пойдем.

Глава IV

Он взял ее за руку, и они пошли бок о бок к линии приборя, но прошагали не больше ста ярдов, когда Вольф увидел первого гворла. Тот шагнул из-за дерева и, казалось, удивился не меньше них. Он выхватил нож, а затем повернулся окликнуть других. Через несколько секунд образовался отряд из семи гворлов, и каждый держал длинный кривой нож.

Вольф и Хрисеида имели фору в пятьдесят ярдов. Все еще держа одной рукой рог, а другой сжимая ладонь Хрисеиды, Вольф увлек девушку за собой, стараясь бежать как можно быстрее.

— Что будем делать? — на бегу крикнул он.

— Не знаю! — в отчаянии ответила она. — Мы могли бы спрятаться в дупле дерева, но окажемся в западне, если нас найдут.

Они устремились дальше. Время от времени Вольф оглядывался. Кустарник здесь был густой и скрывал некоторых гворлов, но один-два всегда оставались видны.

— Валу! — воскликнул Роберт. — Он как раз впереди. Мы воспользуемся этим выходом!

Он вдруг понял, как сильно ему не хотелось возвращаться в свой родной мир. Даже если это означало дорогу к спасению и временное укрытие, он не хотел бы вернуться назад. Перспектива застрять там казалась такой ужасной, что он чуть не отказался от решения трубить в рог. Но нет, он должен это сделать. Куда же ему еще деваться?

Ситуация изменилась спустя несколько секунд. Пока они с Хрисеидой мчались к валу, Вольф увидел несколько темных фигур, сгорбившихся у его подножья. Гворлы со сверкающими ножами и длинными белыми клыками!

Вольф и девушка свернули, когда трое у валуна присоединились к погоне. Эти были ближе других, всего лишь в двадцати ярдах позади беглецов.

— Неужели ты не знаешь никакого места? — выдохнул он на бегу.

— За краем, — ответила она. — Это единственное место, куда они не смогут за нами последовать. Я бывала ниже грани. Там есть пещеры. Но это опасно.

Он не ответил, сберегая дыхание для бега. Вольф ощущал тяжесть в ногах, а легкие и горло горели. Хрисеида,

казалось, находилась в лучшей форме, чем он. Она бежала легко, ее длинные ноги ритмично поднимались и опускались, и дышала она глубоко и без мучительных усилий.

— Еще две минуты, и мы там, — сообщила она.

Две минуты показались Роберту намного длиннее, но каждый раз, когда чувствовал, что должен остановиться, он бросал еще один взгляд назад и восстанавливал свои силы. Гворлы, хоть они и отстали еще больше, по-прежнему оставались в пределах видимости. Они качались на своих коротких ногах, и на их бугристых лицах была написана решимость.

— Может быть, если ты отдашь им рог, — предположила Хрисеида, — они уберутся? Я думаю, им нужен рог, а не мы.

— Я сделаю это, если буду вынужден, — выдохнул он, — но только в качестве последнего средства.

Внезапно Роберт обнаружил перед собой крутой склон, и они помчались по нему вверх. Теперь его ноги стали ватными, но вскоре Вольф обрел второе дыхание и думал, что сможет выдержать еще какое-то время. Затем они вырвались на вершину холма и на край утеса. Хрисеида подошла к краю раньше, остановилась, посмотрела вниз и жестом подозвала его. Когда Роберт оказался рядом, он тоже взглянул вниз.

Желудок у него сжался в комок.

Утес, состоявший из твердой, черной, блестящей скалы, спускался на несколько миль прямо вниз. Дальше — ничего, кроме зеленого неба.

— Так, значит, это Край Света! — произнес он. Хрисеида не ответила. Она вновь побежала, теперь впереди него, глядя за край утеса, время от времени ненадолго останавливаясь, чтобы изучить грань.

— Еще около шестидесяти ярдов, — сказала она. — За теми деревьями, которые растут прямо на краю.

Они бросились вперед, но в то же время один гворл вырвался из кустов, росших по внутренней стороне холма. Гворл обернулся и крикнул, явно уведомляя своих собратьев, что нашел добычу, а затем атаковал, не дожидаясь подмоги.

Вольф ринулся на врага. Увидев, что тварь подняла нож для броска, он швырнул рог. Это захватило гворла врасплох, или, возможно, переворачивавшийся рог отразил ему в глаза солнечный свет. Какой бы ни была причина колебаний, Вольф получил преимущество и налетел на гворла,

когда тот пригнулся, чтобы схватить инструмент. Огромные волосатые пальцы обвилились вокруг рога, тварь издала скрежещущий крик восторга, и Вольф набросился на него. Он ткнул ножом в выпирающее брюхо. Гворл поднял собственный нож, два клинка лязгнули.

Прوماхнувшись при первом ударе, Вольф решил убежать. Эта тварь, несомненно, владела искусством боя на ножах. Роберт очень даже неплохо знал фехтование и никогда не бросал практиковаться в нем, но была большая разница между поединками на рапирах и грязной поножовщиной без всяких правил, он это знал. И все же Вольф не мог убежать: прежде чем он успеет сделать четыре шага, гворл свалит его, метнув нож в спину. Кроме того, существовал еще и рог, стиснутый в бугристом левом кулаке гворла. Вольф не мог его оставить.

Гворл, понимая, что Роберт оказался в очень неприятной ситуации, оскалился. Сверкнули его длинные, мокрые, желтые и острые клыки. Вольф подумал, что с такими-то тварь и в ноже не очень нуждается.

Мимо Вольфа пронеслось что-то золотисто-коричневое, с развевающимися волосами в черно-каштановую полосу. Глаза гворла расширились, и он повернулся налево. Утолщенный конец шеста — длинной палки, лишенной листьев и части коры, — врезался гворлу в грудь. Другой конец был в руках у Хрисеиды. Она бежала во весь дух, держа сук, словно шест прыгуна, но перед столкновением опустила его, и сук ударил чудовище с такой силой, что опрокинул его на спину. Рог выпал из кулака гворла, зато нож остался в руке.

Вольф прыгнул вперед и воткнул конец лезвия между двух хрящевых бугров на толстой шее гворла. Мускулы там были толстыми и сильными, но не настолько, чтобы остановить лезвие. Оно застряло, когда сталь перерезала трахею.

Вольф вручил Хрисеиде нож гворла.

— Вот, возьми его!

Она приняла его, но, казалось, пребывала в шоке. Пришлось надавать ей оплеух, чтобы столбняк исчез, а глаза перестали бессмысленно таращиться.

— Ты действовала отлично! — приободрил он. — Кого бы ты предпочла увидеть мертвым, его или меня?

Вольф снял с трупа пояс и пристегнул к себе. Теперь у него было три ножа. Он сунул окровавленное оружие в

ножны, взял в одну руку рог, а в другую ладонь Хрисеиды, и они снова пустились бежать. Позади них поднялся вой, когда первые из гворлов перевалили за край холма. Однако Вольф и Хрисеида имели фору в тридцать ярдов, которую они и сохраняли, пока не добрались до группы росших на краю скалы деревьев. Хрисеида вышла вперед.

Она опустилась на грань лицом вниз и перекатилась. Вольф посмотрел туда, прежде чем слепо последовать, и увидел примерно в шести футах от грани маленький карниз. Хрисеида уже опустилась на него и теперь висела на руках. Она снова упала, на этот раз на куда более узкий карниз. Но и это был не конец. Карниз тянулся под углом в сорок пять градусов вниз по поверхности утеса. Беглецы смогут воспользоваться им, если встанут лицом к каменной стене и будут двигаться боком, раскинув руки.

Вольф воспользовался обеими руками, заткнув рог за пояс.

Сверху раздался вой. Вольф поднял голову и увидел гворла, падавшего на карниз. Затем он оглянулся на Хрисеиду и чуть не упал от потрясения. Она исчезла.

Вольф медленно повернул голову и посмотрел через плечо вниз. Он ожидал увидеть ее тело, падающее в зеленую бездну.

— Вольф! — окликнула Хрисеида. Голова ее высывалась из самого утеса. — Здесь есть пещера. Спешите.

Дрожа и потя, он дюйм за дюймом пробрался к ней по карнизу и вскоре оказался в пещере. Потолок был не намного выше его головы. Вытянув руки в стороны, он мог почти коснуться ладонями стен. Внутренняя часть пещеры терялась в темноте.

— Насколько далеко она тянется?

— Не очень далеко, но тут есть естественная шахта, изъятая в скале, ведущая вниз. Она выходит на дно мира, ниже ничего нет, кроме воздуха и неба.

— Этого не может быть, — медленно произнес он, — но это есть. Вселенная, основанная на совершенно иных физических принципах, чем принципы моей вселенной. Плоская планета с краями. Но я не понимаю, как здесь действует гравитация. Где ее центр?

Она пожала плечами и ответила:

— Наверное, Властелин рассказывал мне давным-давно, но я не помню. Я даже забыла, что он рассказывал мне, будто Земля — круглая.

Вольф снял кожаный пояс, выдернул из него ножны и поднял овальный черный камень, весивший около десяти фунтов. Он просунул ремень через пряжку, а затем поместил камень внутри петли. Теперь он был вооружен плетью, на конце которой болтался тяжелый камень.

— Встань позади и сбоку от меня,— велел Роберт де-вущке.— Если я промахнусь, а кто-то проскочит мимо меня, толкай его, пока он не успел обрести равновесия, но не свались сама. Как ты думаешь, сможешь справиться?

Она кивнула, но не решилась сказать вслух.

— Это требует от тебя много мужества. Я способен понять, если ты сломаешься. Но ты же из крепкой древне-эллинской породы. В те времена люди были весьма жесткими. Ты не могла потерять все силы даже в этом омертвляющем псевдо-Раю.

— Я была не ахейка,— поправила она.— Я из сминтейцев. Но ты, в некотором смысле, прав. Я чувствую себя не так плохо, как думалось. Только...

— Только к этому требуется привыкнуть,— закончил он за нее. Он воодушевился, так как ожидал иного. Если она сможет продержаться, то, похоже, они вдвоем сумеют выпутаться. Но если она расклеится и придется успокаивать истеричную женщину, то оба могут пасть во время атаки гворлов.

— А вот, кстати, и они,— пробормотал он.

Он увидел, как черные, волосатые, бугристые пальцы выскользнули из-за угла пещеры, и с силой взмахнул ремнем, так что камень на его конце раздробил руку. Раздался рев удивления и боли, а затем долгий завывающий вопль, пока гворл падал. Вольф не стал дожидаться появления следующего. Он подобрался, насколько сумел, поближе к краю пещеры и снова взмахнул ремнем. Тот хлестнул за угол и стукнулся обо что-то мягкое. Снова раздался вопль, и еще один гворл растаял в бездне зеленого неба.

— Три долой — осталось семь! Допуская, что к ним не присоединились другие.

Он обратился к Хрисеиде:

— Они, может, не сумеют ворваться сюда, но смогут уморить нас голодом.

— Рог?

Он рассмеялся.

— Они не отпустят нас теперь, даже если я отдам им рог, а я не намерен допускать, чтобы рог попал к ним. Скорей уж я выброшу рог в небо.

На фоне входного отверстия внезапно появился уродливый силуэт. Гворл, влетев, приземлился на ноги и покачивался. Затем бросился вперед, покатылся волосатым шаром и снова очутился на ногах. Вольф был настолько удивлен, что не сумел сразу же прореагировать. Он не ожидал, что преследователи сумеют забраться выше пещеры и спуститься вниз, так как скала над входом выглядела гладкой. Каким-то образом гворл ухитрился не сорваться и теперь находился внутри с ножом в руке.

Вольф раскрутил камень на ремне и выпустил в гворла. Тварь метнула в него нож. Вольф пригнулся и испортил свой бросок. Камень пролетел над бугристой мохнатой головой, а метательный нож слегка чиркнул его по плечу. Вольф прыгнул за ножом на полу пещеры и увидел, как еще одна темная фигура упала в пещеру, а третья появилась на входе из-за угла.

Что-то неожиданно ударило Вольфа по голове. В глазах у него померкло, колени подогнулись.

Когда Вольф очнулся с болью с левой стороны черепа, у него возникло пугающее ощущение. Казалось, он вверх ногами плавал над огромным полированным черным диском. Вокруг шеи у него была затянута веревка, руки связаны за спиной. Он висел вверх тормашками в пустоте, хотя веревка вокруг шеи почему-то не так уж и сильно напряглась.

Откинув голову назад, он увидел, что веревка тянулась в шахту на поверхности диска, и из шахты лился бледный свет.

Вольф застонал и закрыл глаза, но открыл их вновь. Мир, казалось, вращался. Внезапно Вольф сориентировался. Теперь он знал, что не был подвешен вверх ногами вопреки всем законам гравитации. Он болтался на веревке, шедшей со дна южной стороны планеты. Зеленое под ним — не что иное, как небо.

«Мне полагалось бы уже давно задохнуться, — подумал он, — но нет никакой гравитации, тянущей меня вниз».

Он подрыгал ногами, и реактивная сила погнала его вверх. Отверстие шахты приблизилось. Его голова вошла в дыру, но тут движение замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. словно благодаря невидимой пружине, давившей ему на голову, он двинулся назад — наружу. Полет прекратился, когда натянулась веревка.

Такое с ним сотворили гворлы. Оглушив, они спустили его вниз по шахте, скорее всего, просто отнесли. Шахта довольно узкая, и можно спускаться, упираясь спиной в одну стену, а ногами в другую. Такой спуск сдерет с человека кожу, но волосатые шкуры гворлов выглядят достаточно жесткими, чтобы выдержать спуск и подъем без повреждений. Затем они спустили веревку, завязали у Вольфа на шее и бросили его через дырку в дне мира.

Не существовало никакого способа выбраться обратно. Он умрет от голода. Тело его будет болтаться на ветру, пока не сгниет веревка. Он и тогда не упадет, а будет дрейфовать в тени диска. Сшибленные им с карниза гворлы упали, но их продолжало уносить ускорение.

Испытывая отчаяние, он все же не мог не гадать о гравитационной конфигурации плоской планеты. Центр должен находиться на самом дне. Тяготение шло вверх через массу планеты. На этой же стороне никакого тяготения не было.

Что гворлы сделали с Хрисеидой? Убили ли они ее так же, как ее подругу?

Он знал, что как бы они ни поступили, гворлы намеренно не повесили ее рядом с ним. Они хотели, чтобы его мучения усугублялись тревогой за Хрисеиду. Покуда жив, он будет гадать, что с ней случилось, без конца рассматривая варианты, и все — ужасные.

Долгое время он висел с небольшим отклонением от перпендикуляра, поскольку ветер удерживал его на месте. Здесь, где не существовало никакой гравитации, он не мог раскачиваться, как маятник.

Хотя Вольф и оставался в тени черного диска, ему было видно продвижение солнца. Светило оставалось невидимым, скрытое диском, но свет от него падал на грань большой дуги и медленно полз вдоль нее. Зеленое небо под солнцем ярко светилось, в то время как неосвещенные части до и после оставались темными. Затем в поле зрения появилось более бледное свечение вдоль края диска, и он понял, что за солнцем последовала луна.

Он подумал, что сейчас, должно быть, полночь. Если гворлы куда-то увозят Хрисеиду, то могут проплыть небольшое расстояние по морю. Если ее пытали, она могла умереть. Он надеялся, что девушка умерла, если ее искалечили.

Внезапно, он почувствовал, что веревка у него на шее дернулась. Петля затянулась, но не настолько, чтобы уду-

шить, и его вытянули вверх по шахте. Он выгнул шею, пытаясь разглядеть, кто же его вытаскивает, но взгляд не мог проникнуть сквозь темноту шахты.

Затем его голова пробила паутину гравитации — словно поверхностное натяжение воды, — и его вытащили из бездны. Большие сильные руки обхватили его, прижали к твердой, теплой волосатой груди. В лицо ему выдохнули винным перегаром. Существо стиснуло его покрепче и начало дюйм за дюймом подниматься по шахте. Мех скреб по скале, когда существо отталкивалось ногами. Его поддерживали, и тогда ноги поднимались и обретали новую опору, за чем следовало новое подддерживание и новый рывок вверх.

— Ипсевас? — спросил Вольф.

— Ипсевас, — ответил зебрилла. — А теперь не разговаривай. Я должен побереечь дыхание. Это не легко.

Вольф подчинился, хотя ему было трудно не расспрашивать о Хрисеиде.

Когда они достигли верха шахты, Ипсевас снял веревку с шеи и бросил Вольфа на пол пещеры.

Теперь Роберт осмелился спросить:

— Где Хрисеида?

Ипсевас присел на полу пещеры, перевернул Вольфа и принялся развязывать узлы вокруг запястий. Он тяжело дышал после путешествия по шахте, но ответил:

— Гворлы взяли ее с собой в большую долбленку и поплыли через море к горе. Она крикнула мне, умоляя помочь. Потом гворл ударил ее, и она, я полагаю, потеряла сознание. Я сидел там, пьяный, как Властелин, сам наполовину без сознания от орехового сока, хорошо проведя время с Автоной — знаешь, аковилой с длинным языком. Прежде чем Хрисеиду оглушили, она крикнула, что ты зависишь из Дыры в Дне Мира. Я не понял, о чем она говорила, потому что давно уже здесь не бывал. Насколько давно — мне не хочется говорить. Собственно, я просто не помню. Теперь уже все, знаешь ли, в довольно густом тумане.

— Нет, не знаю, — сказал Вольф. Он поднялся и растер запястья. — Боюсь, что если останусь здесь, то тоже могу кончить в алкогольном тумане.

— Я думал пойти к ней, — продолжал свой рассказ Ипсевас, — но гворлы замахали на меня длинными ножами и сказали, что убьют меня. Я смотрел, как они вытаскивают из кустов свою лодку, и примерно тогда решил: какого

черта, если они убьют меня, так что? Я не собирался спускать им угроз или похищения бедной маленькой Хрисейды, один Властелин знает, куда. В былые дни мы с Хрисейдой были друзьями, знаешь, в Троеде, хотя здесь мы какое-то время имели мало общего. Думаю, долгое время. В любом случае, я вдруг возжаждал настоящего приключения, какого-то истинного волнения, и мне были ненавистны эти чудовищные бугристые твари. Я побежал к ним, но они к тому времени спустили лодку с Хрисейдой на воду. Я огляделся в поисках гистойхтиса, надеясь, что смогу протаранить их лодку. Как только я опрокину их в воду, они будут у меня в руках, хоть с ножами, хоть без. То, как они вели себя в лодке, показывало, что на море они чувствуют себя неуверенно. Я даже сомневаюсь, что они умеют плавать.

— Я тоже в этом сомневаюсь, — согласился Вольф.

— Но в пределах досягаемости не нашлось ни одного гистойхтиса, а ветер уносил лодку: у нее был большой треугольный парус. Я вернулся к Автаное и выпил еще. Я мог бы забыть о тебе точно так же, как пытался забыть о Хрисейде. Я думал о том, что ей придется худо, и не мог вынести мысли об этом, и поэтому хотел упиться до забытья. Но Автаноя — благослови Властелин ее пьяный мозг — напомнила мне о том, что Хрисейда сказала о тебе. Я быстро протрезвел и немного осмотрелся, потому что не мог вспомнить, где именно находились карнизы, ведущие в пещеру. Я чуть было не принялся снова пить, но что-то продолжало мучить меня. Может быть, я хотел совершить хоть одно доброе дело в этой вечности ничегонеделанья.

— Если бы ты не пришел, я висел бы там, пока не умер от жажды. А теперь у Хрисейды есть шанс, если я смогу ее отыскать. Я отправлюсь за ней. Хочешь пойти со мной?

Вольф ожидал, что Ипсевас скажет «да», но не думал, что тот сохранит свою решимость, и путешествие через море станет реальностью. Однако Вольфа ждал сюрприз.

Зебрилла сплавал, ухватился за выступ раковины проплывавшего мимо гистойхтиса и перебросил себя на спину этого существа. Он привел его к берегу, нажимая на крупные нервные пятна — темно-пурпурные кляксы, видимые на открытой коже как раз за конусовидной раковиной.

Вольф под руководством Ипсеваса сохранял давление на пятно, чтобы удерживать рыбу-парус — ибо таков был буквальный перевод гистойхтис — на пляже.

Зебрилла собрал несколько охапок плодов, орехов и большую коллекцию пунш-орехов.

— Нам надо будет есть и пить, особенно пить, — проворчал Ипсевас. — Путь через океаны к подножию горы может быть долгим. Я точно не помню.

Спустя несколько минут после того, как припасы были уложены в одно из естественных вместилищ на раковине рыбы-паруса, они отплыли. Тонкий парус поймал ветер, и огромный моллюск заглотнул в рот воду и выбросил ее через мускульный клапан сзади.

— У гворлов есть преимущество, — сказал Ипсевас, — но они не могут тягаться с нами в скорости. Они попадут на другую сторону не намного раньше нас.

Он расколол пунш-орех и предложил Вольфу выпить. Роберт согласился. Он был опустошен, но нервы оставались натянутыми, как струны. Вольф нуждался в чем-то таком, что оглушит его и позволит уснуть. Изгиб раковины создавал нишу, куда он мог заползти. Вольф лежал, прижавшись к излучавшей тепло голой коже рыбы-паруса. Засыпая, он видел Ипсеваса, согнувшегося у нервных пятен. Зебрилла поднимал над головой еще один пунш-орех и выливал его содержимое в свой огромный рот.

Проснувшись, Вольф обнаружил, что солнце выходит из-за изгиба горы. Полная луна — она всегда была полная, так как тень планеты на нее никогда не падала, — ускользала за гору.

Отдохнувший, но проголодавшийся, он съел кое-что из плодов и богатых белком орехов. Ипсевас показал ему, как можно разнообразить свою диету «кровавыми ягодами». Это были сверкавшие шарики, росшие гроздьями на кончиках мясистых стеблей, произраставших из раковины. Каждый был не меньше бейсбольного мяча и имел тонкую кожицу. Масса внутри ягод напоминала сырое мясо с супом из креветок.

— Созрев, они отваливаются, и большая часть их достается рыбам, — сказал Ипсевас, — но некоторые доплывают до пляжа. Вкуснее всего, когда срываешь их прямо со стебля.

Вольф, пригнувшись рядом с Ипсевасом, сказал с набитым ртом:

— Гистоихтисы очень удобны. Они кажутся чересчур хорошими.

— Властелин придумал и создал их для нашего и своего удовольствия, — ответил Ипсевас.

— Властелин создал эту вселенную? — спросил Вольф. Он больше не был уверен, что рассказы о Властелине являются мифом.

— Тебе лучше в это поверить, — ответил Ипсевас и выпил еще. — Потому что если ты не поверишь, Властелин тебя прикончит. Вообще-то я сомневаюсь, что он в любом случае позволит тебе жить. Он не любит незваных гостей.

Ипсевас поднял орех и предложил тост:

— За то, чтобы ты остался незамеченным, и за внезапный конец и проклятие Властелину.

Он выпил орех и прыгнул на Вольфа, который был зажат врасплох и не имел шанса защититься. Он растянулся в выемке раковины, где раньше спал, накрытый тушей Ипсеваса.

— Тихо! — скомандовал Ипсевас. — Оставайся здесь, свернувшись в клубок, пока я не скажу тебе, что все в порядке. Это «око» Властелина.

Вольф съежился, прижавшись к твердой раковине, и попытался слиться с тенью. Одним глазом он увидел неровную тень, за которой последовал сам ворон. Суровая птица промелькнула разок, развернулась и начала заходить на посадку на корме рыбы-паруса.

— Черт его поberi! Он не может не заметить меня! — пробормотал про себя Вольф.

— Без паники! — призвал Ипсевас. — А-а-а!

Раздался глухой стук, всплеск и пронзительный крик, заставивший Вольфа резко выпрямиться и сильно стукнуться головой о раковину. Сквозь вспышки света и тьмы он увидел, что ворон висит, обмякнув, в двух гигантских лапах. Если ворон был размером с орла, то его убийца, обрушившийся с зеленого неба словно молния, показался в первую секунду шока таким же громадным, как птица рух. Зрение Вольфа восстановилось, и он увидел орла со светло-зеленым телом, розовой головой и бледно-желтым клювом. Он был раз в шесть массивнее ворона, и его крылья, каждое длиной, по меньшей мере, в тридцать футов, тяжело хлопали, когда он старался подняться повыше над морем. С каждым мощным взмахом он поднимался на несколько дюймов. Вскоре он начал набирать высоту, но прежде чем удалиться слишком далеко, повернул голову и позволил Роберту заглянуть в глаза — черные щиты, отражав-

шие пламя смерти. Вольф содрогнулся. Никогда он не видел такой обнаженной жажды убивать.

— Ты вполне можешь содрогаться, — утешил его Ипсевас. Ухмыляясь, он просунул голову в углубление раковины. — Это была одна из птичек Подарги. Подарга ненавидит Властелина. Она напала бы на него сама, даже если бы знала, что это станет ее концом. Она знает, что не может приблизиться к Властелину, но может сказать своим птичкам, чтобы те питались очами Властелина, что, как ты видел, они и делают.

Вольф покинул каверну в раковине и некоторое время постоял, следя за силуэтом орлицы и ее добычей.

— Кто такая Подарга?

— Она, подобно мне, — одно из чудищ Властелина. Она тоже некогда жила на берегу Эгейского моря. Подарга была прекрасной молодой девушкой — во времена, когда жили великий царь Приам, богоподобный Ахилл и хитроумный Одиссей. Я знал их всех. Они оплевали бы критянина Ипсеваса, некогда храброго моряка и копыеносца, если бы могли увидеть меня сейчас. Но я говорил о Подарге. Властелин забрал ее в этот мир, создал чудовищное тело и поместил туда ее мозг. Она живет где-то там, в пещере на самом склоне горы. Подарга ненавидит Властелина. Она также ненавидит все нормальные человеческие существа и поедает их, если ее птички не доберутся первыми. Но больше всех она ненавидит Властелина.

Это, кажется, все, что знал о ней Ипсевас. Еще он помнил, что до того, как ее похитил Властелин, у Подарги было другое имя, и что он был когда-то хорошо знаком с ней.

Вольф принялся расспрашивать дальше, так как его заинтересовало, что Ипсевас может рассказать ему об Агамемноне, Ахилле, Одиссее и других героях гомеровского эпоса. Предполагалось, что Агамемнон был историческим персонажем. Но как насчет Ахилла и Одиссея?

— Они и в самом деле существовали? — спросил Вольф.

— Конечно, существовали, — сказал Ипсевас. Он крикнул, а затем продолжил: — Я полагаю, тебе любопытно узнать о тех днях, но я мало что могу рассказать. Это было слишком давно, слишком много праздных дней прошло. Дней, веков, тысячелетий — один Властелин знает. И слишком много выпито.

Весь остальной день и часть ночи Вольф пытался выкачать из Ипсеваса сведения о тех временах, но мало что

получил за свои хлопоты. Заскучавший Ипсевас выпил половину своего запаса орехов и, наконец, захрапел. Из-за горы пришел зеленовато-золотой рассвет.

Вольф усталился на воду, такую прозрачную, что он мог видеть сотни тысяч рыб фантастических очертаний и роскошных цветов. Из глубины поднялся ярко-оранжевый тюлень, существо, похожее на живой бриллиант. Рванул назад отброшенный тюленем спрут с пурпурными жилами. Далеко внизу на секунду появилось что-то огромное и белое, а затем нырнуло обратно на дно.

Вскоре до Роберта донесся рев прибоя, и показалась тонкая белая линия пены у подножья Тайяфайявозда. Гора, казавшаяся такой гладкой на большом расстоянии, была изломана трещинами, выступами и пиками, вздымавшимися откосами и замерзшими каменными фонтанами. Тайяфайявозд все рос и рос, и, казалось, висел над миром.

Вольф расталкивал Ипсеваса, пока зебрилла, стеная и бурча, не поднялся на ноги. Он поморгал покрасневшими глазами, почесался, откашлялся, а затем протянул руку за новым пунш-орехом.

Наконец, по настоянию Вольфа, он так вырулил рыбу-парус, что ее курс лег параллельно подножию горы.

— Я когда-то был знаком с этим районом, — сказал он. — Некогда я думал влезть на гору, найти Властелина и попытаться... — Он помолчал, почесал голову, вздрогнул и закончил. — Убить его! Вот! Я знал, что могу вспомнить это слово. Но это было бесполезно. У меня не хватило духу попробовать совершить это в одиночку.

— Теперь с тобой я, — заметил Вольф. Ипсевас покачал головой и выпил еще.

— Теперь — не тогда. Если бы ты был со мной тогда... Ну, что толку болтать? Ты тогда еще даже не родился. Тогда еще не родился и твой пра-пра-прадед. Нет, теперь уже слишком поздно.

Он замолчал, направляя рыбу-парус через отверстие в горе.

Огромное создание внезапно отклонилось от курса. Парус сложился у мачты из жесткого, как кость, хряща, тело поднялось на огромной волне, а затем они оказались в спокойных водах узкого, крутостенного и темного фиорда¹.

¹ Узкий глубокий морской залив с высокими скалистыми берегами.

Ипсевас показал на ряд неровных карнизов.

— Воспользуйся ими. Ты можешь забраться далеко. Насколько далеко — не знаю. Я устал, натерпелся страху и возвращаюсь в Сад, чтобы никогда его не покинуть, я думаю.

Вольф уговаривал Ипсеваса. Он сказал, что ему очень даже понадобится сила Ипсеваса, и что Хрисеида в нем нуждается. Но зебрилла покачал своей массивной головой.

— Я дам тебе свое благословение, чего бы оно ни стоило.

— А я благодарю тебя за то, что ты сделал, — сказал Вольф. — Если бы ты недостаточно сильно хотел прийти мне на помощь, я бы до сих пор качался на конце веревки. Может быть, мы снова встретимся с тобой. Вместе с Хрисеидой.

— Властелин слишком могуч, — возразил Ипсевас. — Неужели ты думаешь, что у тебя есть шанс против существа, способного создать свою собственную личную вселенную?

— У меня есть шанс, — ответил Вольф. — Покуда я борюсь, шевелю мозгами и имею некоторое везение, у меня есть шанс.

Он спрыгнул с раковины и чуть не поскользнулся на мокром камне.

— Дурное знамение, друг мой! — крикнул Ипсевас.

Вольф обернулся и, улыбнувшись ему, прокричал в ответ:

— Я не верю в знамения, мой суеверный друг-грек! Пока!

Глава V

Он начал восхождение и не останавливался, чтобы посмотреть вниз, около часа. К тому времени большое белое тело гистохтиса стало тонкой, бледной нитью, а Ипсевас — только черной точкой на его оси. Хоть Роберт и знал, что его нельзя разглядеть, он помахал зебрилле и возобновил восхождение.

Еще час карабкался по скалам вывел его из фиорда на широкий карниз на поверхности утеса. Здесь снова засиял яркий солнечный свет. Гора казалась по-прежнему высокой, а путь — тяжелым, и радоваться было не из-за чего. Руки и колени кровоточили, подъем утомил его. Вольф

сперва собирався провести ночь на карнизе, но изменил решение. Покуда есть свет, следует им пользоваться.

Он снова гадал, был ли прав Ипсевас, когда сказал, что гворлы, вероятно, выбрали этот маршрут. Ипсевас утверждал, что там, где море врезалось в гору, были и другие проходы, но они находились далеко. Роберт искал следы того, что гворлы прошли этой дорогой, но ничего не нашел. Это не означало, что гворлы выбрали другую тропу — если эту рваную вертикаль можно назвать тропой.

Спустя несколько минут Вольф вышел к дереву, росшему прямо из скалы. Под его кривыми серыми ветвями и пестрыми коричнево-зелеными листьями валялись пустые ореховые скорлупки и сердцевины плодов. Они были свежими. Кто-то не слишком давно останавливался позавтракать. В ореховых скорлупках осталось достаточно мяса, чтобы Роберт мог полууспокоить сосанье под ложечкой. Остатки плодов содержали так необходимую ему влагу.

Шесть дней он лез на гору и шесть дней отдыхал. На поверхности этого перпендикуляра существовала жизнь. На карнизах, из пещер и трещин росли маленькие деревья и большие кусты. Порхали птицы всех видов, мелькало множество мелких животных, которые кормились ягодами, орехами или друг другом. Роберт убивал птиц камнями и ел их мясо сырым. Он обнаружил кремь и сделал грубый, но острый нож. С его помощью он смастерил короткое копье с деревянным древком и другим кремнем в качестве наконечника. Он стал худощавым и твердым от толстых мозолей на руках, ногах и коленях, борода у него удлинилась.

На утро седьмого дня Вольф взглянул с карниза и прикинул, что, должно быть, находится, по меньшей мере, в двенадцати тысячах футов над уровнем моря. И все же воздух не был ни разряженнее, ни холоднее, чем в начале восхождения.

Море, достигавшее примерно двести миль¹ в поперечнике, выглядело, словно широкая река. За его пределами лежала грань края мира, Сад, из которого он отправился в погоню за Хрисейдой и гворлами. Грань казалась узкой, как кошачий усик, а за ней — только зеленое небо.

¹ 1 морская миля — 1852 метра.

В полдень восьмого дня он наткнулся на змею, питавшуюся мертвым гворлом. Сорока футов длиной, она была покрыта черными ромбами и алыми печатями Соломона. Из ее тела по бокам росли ступни без ног, они потрясаяще напоминали человеческие. Челюсти оказались утыкаными тремя рядами акульих зубов.

Вольф осмелился напасть на змею, потому что заметил, что из ее туловища торчит нож, из-под которого все еще сочится свежая кровь. Змея зашипела, развернулась и отступила. Вольф ткнул еще несколько раз, и она бросилась на человека. Роберт вогнал острие из кремня в один из больших тускло-зеленых глаз. Змея громко зашипела и поднялась стоймя, лягаясь двадцатью парами своих ступней. Вольф вырвал копьё из окровавленного глаза и воткнул его в мертвенно-белый участок как раз под челюстью змеи. Кремень вошел глубоко, змея дернулась так сильно, что вырвала древко из рук Вольфа. Тварь упала на бок, глубоко дыша, и через несколько минут сдохла.

Откуда-то сверху донесся вопль. Вольф слышал этот вопль и раньше, когда находился на рыба-парусе. Он нырнул в сторону и прокатился по карнизу. Докатившись до трещины, заполз в нее и повернулся посмотреть, что же ему угрожало. Это была одна из огромных ширококрылых красноголовых орлиц. Она сидела на змее и вырывала куски мяса желтым клювом. Глотая куски, она прожигала взглядом Вольфа, пытавшегося поглубже забиться под защиту скал.

Вольфу пришлось оставаться в щели, пока птица не набьет свой зоб. Поскольку это заняло весь остаток дня, и орлица даже ночью не покинула трупы змеи и гворла, Вольф испытывал голод, жажду и прочие неудобства. К утру он разозлился. Орлица сидела у трупов, сложив крылья и опустив голову.

Вольф подумал, что если она спит, то самое время бежать. Он выполз из щели, морщась от боли в затекших мускулах, но тут орлица вскинула голову, развернула крылья и заклекотала. Вольф отступил в щель.

К полудню орлица все еще не собиралась улетать. Она немного поела и, казалось, боролась со сном. Время от времени она рычала. Солнце жарило ее и два трупа, все трое воняли. Вольф начал отчаиваться. Он понимал, что орлица может оставаться, пока не обглодает и рептилию, и гворла до костей. К тому времени он, Роберт, будет полумертвым от голода и жажды.

Вольф покинул трещину и подобрал копые. Оно выпало, когда птица разодрала окружавшее наконечник мясо змеи. Роберт угрожающе ткнул копьём в сторону орлицы, которая обожгла его взглядом, зашипела, а потом заклекотала. Вольф крикнул в ответ и медленно отступил от птицы. Та наступала короткими медленными шагами, слегка покачиваясь. Роберт заорал и прыгнул на орлицу. Пораженная, она отскочила назад и снова заклекотала.

Вольф повторил свое осторожное отступление, на этот раз орлица не преследовала его. Только когда изгиб горы скрыл хищницу из виду, Вольф возобновил восхождение. Он удостоверился, что в любой момент сможет укрыться, если птица последует за ним. Однако погони не было. Орлица, очевидно, хотела только защитить свою пищу.

К середине следующего утра Вольф набрел на другого гворла. У того была раздроблена нога, он сидел, привалившись спиной к стволу небольшого дерева, и махал ножом, отгоняя дюжину красных свиноподобных зверей с копытами, как у горных коз. Они разгуливали взад-вперед перед покалеченным гворлом и глухо хрюкали. Время от времени один из них совершал короткий бросок, но останавливался в нескольких футах от мелькавшего ножа.

Вольф влез на валун и принялся кидать камни в копытных плотоядных.

Минуту спустя он пожалел, что привлек к себе внимание. Звери карабкались на крутой валун так, словно для них была установлена лестница. Только быстрыми выпадами копыя он сумел столкнуть их обратно на карниз. Кремневый наконечник втыкался в их крепкие шкуры не глубоко, но достаточно, чтобы ранить.

Звери с визгом падали на скалу и тут же снова лезли на валун. Их клыки щелкали поблизости от Вольфа, двое из них чуть не порезали ему ногу. Роберт пытался не дать им забраться на валун. Однако настал момент, когда все звери оказались на карнизе и никого на валуне, и тогда Вольф отложил копые, поднял камень вдвое больше своей головы и швырнул в спину кабана. Зверь завизжал и попытался уползти на передних ногах. Стая набросилась на его парализованные задние ноги и принялась поедать их. Когда раненый зверь повернулся, чтобы защитить себя, его схватили за горло. Через минуту он был мертв и разорван на части.

Вольф подобрал копые, спустился с другой стороны валуна и подошел к гворлу. Тот не сводил глаз со стаи, но

звери терзали тушу и лишь ненадолго поднимали головы, чтобы не упустить их из вида.

Гворл зарычал на Вольфа, нож он держал наготове. Роберт остановился достаточно далеко, чтобы иметь возможность уклониться от лезвия. Из пострадавшей ноги гворла ниже колена торчал осколок кости. Глаза его, утонувшие под подушками хряща на низком лбу, выглядели остекленевшими.

Реакция Вольфа оказалась неожиданной для него самого. Он думал, что сразу же жестоко убьет любого попавшегося гворла, но сейчас он хотел поговорить. Роберт стал таким одиноким за дни и ночи восхождения, что был рад поговорить даже с этим ненавистным существом.

Вольф спросил по-гречески:

— Не могу ли я чем-нибудь тебе помочь?

Гворл ответил глухими слогами своего языка и поднял нож.

Роберт начал приближаться, а затем бросился в сторону, когда нож просвистел у его головы. Он вернулся за ножом, а потом подошел к гворлу и снова заговорил. Существо заскрежетало в ответ, но более слабо. Вольф нагнулся, чтобы повторить свой вопрос, но гворл с ненавистью плюнул ему в лицо.

Это ожесточило Роберта. Он всадил нож в толстую шею, гворл несколько раз дрыгнул ногами и умер. Вольф вытер нож о темный мех и осмотрел содержимое кожаной сумки, притороченной к поясу гворла. Там имелось сушеное мясо, сухофрукты, немного твердого темного хлеба и фляга с огненной жидкостью. Вольфа беспокоило, откуда взялось мясо, но он сказал себе, что слишком голоден, чтобы быть разборчивым.

Вольф решил откусить хлеба. Хлеб был почти таким же твердым, как камень, но, размягченный слюной, на вкус оказался, как печенье из пшеничной муки.

Вольф продолжал восхождение. Дни и ночи проходили, а Роберт не встречал больше никаких следов присутствия гворлов. Воздух оставался таким же густым и теплым, как внизу, и все же, по расчетам Вольфа, он поднялся, по меньшей мере, на тридцать тысяч футов. Море превратилось в тонкий серебряный поясок вокруг талии мира.

Той ночью Роберт проснулся, почувствовав на своем теле множество маленьких мохнатых рук. Он рванулся и

обнаружил, что многочисленные руки были слишком сильны. Одни крепко держали его, в то время как другие связывали руки и ноги травянистой веревкой. Вскоре его высоко подняли и вынесли на каменную площадку перед маленькой пещерой, в которой он спал. В лунном свете Вольф разглядел несколько десятков двуногих, и каждый примерно два с половиной фута ростом. Существа были покрыты гладким серым мехом, словно мыши, и имели белый воротник вокруг шеи. Черные вдавленные морды походили на мордочки летучих мышей с огромными заостренными ушами.

Они молча потащили его через площадку в трещину, которая выходила в пещеру около тридцати футов в ширину и двадцати в высоту. Лунный свет проникал через щель в потолке и открывал то, что уже учуял его нос: кучу костей с остатками гниющего мяса. Существа положили его неподалеку от костей, отступили в угол пещеры и стали переговариваться между собой. Один подошел к Вольфу, с минуту смотрел на него, потом опустился на колени у горла Роберта.

Секунду спустя он принялся жевать его горло крошечными, но очень острыми зубами. За ним последовали другие, зубы вгрызались повсюду.

Все это происходило в мертвой тишине. Даже Вольф не издавал ни звука, кроме хриплого дыхания. Острая боль от зубов быстро прошла, словно ему в кровь вводили слабое анестезирующее средство.

Вольф почувствовал сонливость. Странно, но он перестал бороться. По его телу распространилось приятное онемение. Не стоило сражаться за свою жизнь. Почему бы и не отойти в мир иной так комфортно? По крайней мере, смерть его не окажется бесполезной. Отдать свое тело, чтобы эти маленькие существа могли набить себе животы и оставаться несколько дней сытыми и счастливыми, было бы благородно.

В пещеру ворвался свет. Сквозь теплый туман он увидел, как морды летучих мышей отодвинулись от него, и существа убежали в угол пещеры, где и сбились в кучку. Свет стал сильнее, оказавшись факелом. Над ним склонилось лицо старика. Роберт разглядел длинную белую бороду, впалый рот, кривой острый нос и огромные надбровные дуги с щетинистыми бровями. Тощее тело старика покрывал грязный белый балахон. Его рука с крупными венами

держала посох, на конце которого находился сапфир величиной с кулак Вольфа, вырезанный в образе гарпии.

Роберт попытался заговорить, но мог только пробормотать что-то неразборчивое, словно он выходил из-под наркоза после операции. Старик сделал посохом жест, и несколько существ отделились от общей массы. Они бочком шмыгнули через пещеру, не сводя со старика полных страха раскосых глаз. Существа быстро развязали Вольфа. Тот сумел подняться на ноги, но так шатался, что старику пришлось поддержать его, выводя из пещеры.

Древний старец проговорил на микенском греческом:

— Скоро ты почувствуешь себя лучше. Яд долго не действует.

— Кто ты? Куда ты меня ведешь?

— Прочь от этой опасности, — ответил старик.

Вольф поразмыслял над загадочным ответом. К тому времени, когда его ум и тело снова вошли в норму, они приблизились к другому выходу из пещеры. Они прошли через множество помещений, постепенно поднимаясь наверх. Когда они преодолели около двух миль, старик остановился перед пещерой с большой железной дверью. Он вручил факел Вольфу, потянул на себя дверь и взмахом руки предложил Вольфу заходить. Вольф вошел в большую пещеру, ярко освещенную факелами. Позади него лязгнула дверь, затем последовал глухой стук быстро закрываемого засова.

Первое, что поразило Вольфа, это удушающий запах, а потом — две приблизившиеся к нему зеленые красные орлицы. Одна заговорила голосом, как у гигантского попугая, и приказала ему шагать вперед. Он так и сделал, заметив в то же время, что существа с мордами летучих мышей, должно быть, забрали его нож. Хотя оружие принесло бы ему мало пользы. Пещера кишела птицами, и все они возвышались над ним.

У одной стены стояли две клетки, сделанные из тонких железных прутьев.

В одной находилась группа из шести гворлов, а в другой — высокий, хорошо сложенный юноша, одетый в набедренную повязку из оленьей кожи. Он улыбнулся Вольфу и сказал:

— Значит, ты сумел! Как ты изменился!

Только тогда рыжевато-бронзовые волосы, длинная верхняя губа и грубоватое, но веселое лицо стали знакомыми.

Вольф узнал человека, бросившего ему рог с осажден-ного гворлами валуна и назвавшегося Кикахой.

Глава VI

У Вольфа не нашлось времени ответить, потому что одна из орлиц открыла дверь клетки, используя свою ногу столь же эффективно, как руку. Могучая голова и твердый клюв втокнули его в клетку. Дверь со скрежетом закрылась за ним.

— Так, вот ты и здесь, — сказал Кикаха густым баритоном. — Вопрос такой: что нам теперь делать? Наше пребывание здесь может оказаться коротким и неприятным.

Вольф, посмотрев сквозь прутья, увидел высеченный из камня трон, а на нем — женщину, скорее, полуженщину, ибо она имела крылья вместо рук, а нижняя часть тела была птичьей. Ноги, однако, были намного толще, чем у земного орла нормальных размеров.

Вольф подумал, что этим ногам приходилось поддерживать большой вес, и понял: это и есть одно из чудовищ, произведенных в лаборатории Властелина. Сидящая на троне, наверное, и есть та Подарга, о которой рассказывал Ипсевас.

Выше талии она выглядела такой женщиной, видеть каких выпадала честь немногим мужчинам. Кожа у нее была белой, как молочный опал, груди — превосходными, шея — изумительной красоты. Длинные черные и прямые волосы ниспадали по обеим сторонам лица, даже более прекрасного, чем у Хрисеиды, а раньше он считал, что это невозможно.

Однако эту красоту портило нечто ужасающее: безумие. Глаза женщины были как у попавшего в клетку сокола, которого задражили до полусмерти.

Вольф оторвал взгляд от нее и оглядел пещеру.

— Где Хрисеида? — прошептал он.

— Кто? — прошептал в ответ Кикаха.

Несколькими быстрыми фразами Вольф описал ее и то, что с ним случилось. Кикаха покачал головой.

— Я ее никогда не видел.

— Но гворлы?

— Их было две банды. Другая, должно быть, держит и Хрисеиду, и рог. Не беспокойся о них. Если мы не угово-

рим Подаргу и не выберемся отсюда, нам конец, и весьма неприятный.

Вольф спросил о старике. Кикаха ответил, что некогда тот был любовником Подарги. Он — абориген, один из тех, кто оказался перенесенным в эту вселенную вскоре после того, как Властелин сотворил ее. Гарпия теперь держала его для черной работы, требовавшей человеческих рук. Старик явился спасти Вольфа от существ с мордами летучих мышей по приказу Подарги, которая давным-давно прослышала от своих пташек, что в ее владениях появился Роберт.

Подарга беспокойно поерзала на своем троне и развернула крылья. Они сошлись перед ней со звуком, похожим на раскаты грома.

— Эй, вы, двое! — крикнула она. — Кончайте шептаться! Кикаха, что еще ты можешь сказать в свою пользу, прежде чем я спущу своих пташек?

— Я могу только повторить, рискуя оказаться утомительным, то, что сказал раньше! — громко ответил Кикаха. — Я такой же враг Властелина, как и ты, и он меня ненавидит. Он убил бы меня! Он знает, что я украл его рог и опасен для него. Его «очи» рыщут на четырех уровнях мира и летают вверх и вниз по горам, пытаюсь найти меня, а...

— Где этот рог, который, по твоим словам, ты украл у Властелина? Почему его нет при тебе сейчас? Я думаю, что ты лжешь, чтобы спасти свою никчемную душу!

— Я же рассказывал тебе, что открыл врата в соседний мир и бросил его человеку, появившемуся во вратах. Он сейчас стоит перед тобой.

Подарга повернула голову, как поворачивает ее орлица, и прогггла взглядом Вольфа.

— Я не вижу никакого рога. Я вижу только какое-то жесткое и жилистое мясо за черной бородой!

— Он говорит, что рог похитила у него банда гворлов, — ответил Кикаха. — Он гнался за ними, чтобы вернуть рог, когда псевдолетучие мыши захватили его в плен, а ты столь великодушно спасла его. Освободи нас, милостивая и прекрасная Подарга, и мы вырвем рог. С его помощью мы окажемся способными сразиться с Властелином. Его можно побить! Может, он и могучий, но все же не всемогущ! Иначе он нашел бы и нас, и рог давным-давно!

Подарга встала, почистила крылья и, сойдя с трона, подошла к клетке.

Она не подпрыгивала при ходьбе, как птица, а шла на негнущихся ногах.

— Желала бы я тебе поверить, — произнесла она тихим, но столь же напряженным голосом. — Если бы только я могла! Я ждала годы и века, и тысячи лет, ах, так долго, что у меня сердце болит при мысли об этой прорве времени! Если бы оружие для ответного удара попало, наконец, в мои руки...

Пронзив их взглядом, она сказала, держа крылья перед собой:

— Видите! Я сказала: «мои руки», но у меня нет ни рук, ни тела, бывшего некогда моим. Этот...

Подарга разразилась бешеной бранью, заставившей Вольфа поежиться. Похолодеть его заставили не слова, а ярость, граничившая с божественной или бессмысленной.

— Если Властелина можно свергнуть — а я считаю, что можно, — тебе будет возвращено твое человеческое тело, — сказал Кикаха, когда она закончила.

Она тяжело дышала от гнева и уставилась на них с жаждой убийства во взоре. Вольф почувствовал, что все потеряно, но ее следующие слова показали, что эти чувства относились не к ним.

— Прежний Властелин давно пропал. Так гласит слух. Я послала одну из своих птиц разузнать, и она вернулась со странной новостью. Она сказала, что там наверху — новый Властелин, но она не знала, не был ли это тот же Властелин в новом теле. Я опять послала ее к Властелину, но тот отказал в просьбе вернуть мое истинное тело. Так что не имеет значения, тот или другой там Властелин. Он точно такой же злой и ненавистный, как и прежний, если он и в самом деле другой. Но я должна знать! Во-первых, кто бы ни был сейчас Властелин, он должен умереть. Потом уж я выясню, он ли это в новом теле, нет ли. Если же прежний Властелин покинул эту вселенную, я отыщу его через все миры!

— Ты не сможешь этого сделать без рога, — заметил Кикаха. — Он, и только он открывает врата без специального устройства в другом мире.

— Что мне терять? — сказала Подарга. — Если ты лжешь и позднее предашь меня, в конце концов я доберусь до тебя, а охота может оказаться забавной. Если же ты говоришь правду, то мы увидим, что может случиться.

Она поговорила с орлицей, и та открыла дверь.

Кикаха и Вольф последовали за гарпией через пещеру к большому столу с креслами вокруг него. Только тогда Вольф понял, что это помещение — сокровищница. Здесь была свалена добыча со всего мира. Тут стояли большие открытые сундуки, набитые сверкавшими драгоценными камнями, жемчужными ожерельями, валялись золотые и серебряные чаши изысканной формы, маленькие фигурки из слоновой кости и из какого-то волокнистого черного дерева, великолепные картины. Доспехи и оружие всех видов, кроме огнестрельного, беззаботно свалили в разных местах.

Подарга приказала им сесть в изукрашенные резьбой кресла с вытесанными львиными ножками. Она сделала крылом знак, и из тени вышел молодой человек.

Он нес тяжелый золотой поднос, на котором стояли три прекрасно вырезанные чаши из кристаллов кварца. Они были сделаны в виде прыгающих рыб с широко открытыми ртами, заполненными густым темно-красным вином.

— Это один из ее любовников, — прошептал Кикаха в ответ на любопытный взгляд Вольфа в сторону красивого белокурого юноши. — Он унесен ее орлицами с уровня, известного как Дракландия или Тевтония. Бедняга! Но это лучше, чем быть заживо объеденным ее пташками, и у него всегда есть надежда сбежать, делающая его жизнь сносной.

Кикаха выпил и вздохнул, удовлетворясь тяжелым, но бодрящим кровью напитком. Вольф почувствовал, что вино извивается в желудке, словно живое. Подарга зажала чашу между кончиками крыльев и поднесла к губам.

— За смерть и проклятие Властелину и за ваш успех! Двое мужчин выпили снова. Подарга поставила свою чашу на стол и слегка щелкнула Вольфа по лицу кончиком крыла.

— Расскажи мне свою историю.

Вольф рассказывал долго. Он ел нарезанные ломти жареной козосвиньи, хлеб и фрукты, пил вино.

Голова кружилась, но он все рассказывал и рассказывал, останавливаясь только тогда, когда Подарга о чем-то спрашивала. Старые факелы заменили свежими, а он все рассказывал.

Внезапно он проснулся. Из соседней пещеры лился солнечный свет, освещая пустую нишу и стол, на котором лежала его голова, пока он спал. Кикаха, ухмыляясь, стоял рядом.

— Пошли, — сказал он. — Подарга хочет, чтобы мы отправились пораньше. Ей не терпится отомстить. А я хочу убраться, пока она не изменила свое решение. Ты не представляешь, как нам повезло. Мы — единственные пленники, которым она даровала свободу.

Вольф сел и застонал от боли в плечах и шее. Голова казалась распухшей и тяжелой, но он переживал и худшие похмелья.

— Что ты делал после того, как я уснул? — спросил он. Кикаха широко улыбнулся.

— Я заплатил последнюю цену. Но это было совсем неплохо. Сперва я чувствовал себя довольно странно, но я парень адаптательный.

Они вышли из этой пещеры в следующую, а оттуда — на широкий, выдающийся из скалы каменный выступ. Вольф обернулся бросить последний взгляд и увидел несколько орлиц: зеленые монолиты, стоявшие у входа во внутреннюю пещеру. Мелькнула белая кожа и черные крылья, когда Подарга прошла на негнущихся ногах перед гигантскими птицами.

— Идем, — сказал Кикаха. — Подарга и ее пташки голодные. Ты не видел, как она пыталась заставить гворлов молить о пощаде. Одно могу сказать в их пользу: они не скулили и не ревели. Они плевали в нее!

Вольф подпрыгнул, когда из пасти пещеры донесся душераздирающий крик.

Кикаха взял Вольфа за руку и заставил идти побыстрее. Из клювов орлиц вырвались нервные крики, смешиваясь с воем существ, испытывающих страх и муки смерти.

— Это случилось бы и с нами, — сказал Кикаха, — если бы мы не отыскиали, на что обменять свою жизнь.

Они начали восхождение и к ночи поднялись на три тысячи футов.

Кикаха развязал свой кожаный рюкзак и извлек разнообразные предметы. Среди них оказался коробок спичек, и он разжег костер. За ними последовали мясо, хлеб и бутылочка радамантского вина. Рюкзак и его содержимое были подарками Подарги.

— Нам осталось около четырех дней восхождения, прежде чем мы доберемся до следующего уровня, — сказал юноша, — а потом — легендарный мир Индей.

Вольф начал задавать вопросы, но Кикаха заявил, что ему следует объяснить физическую структуру планеты. Роберт терпеливо выслушал до конца и не стал насмехаться. Объяснение Кикахи совпадало с тем, что он видел. Вольф собирался спросить, как Кикаха, явно уроженец Земли, попал сюда, но не успел. Юноша пожаловался, что долгое время не спал, а прошлой ночью особенно истощил силы, и провалился в сон.

Некоторое время Вольф сидел, уставившись на пламя умиравшего костра. За короткое время он повидал и испытал многое, но предстояло пройти не меньше, если он выживет. Из глубин поднялся гикающий крик, и зеленая орлица заклекотала где-то на склоне горы.

Вольф гадал, где провела сегодняшнюю ночь Хрисеида. Жива ли она, и если да, как у нее дела? И где рог? Кикаха сказал, что они должны найти рог, если рассчитывают хоть на какой-то успех. Без него они неизбежно проиграют.

С такими мыслями Вольф и уснул.

Четыре дня спустя, когда солнце находилось в средней точке своей траектории вокруг планеты, они перетаскивали себя через грань скалы. Перед ними лежала равнина, расстилавшаяся, по меньшей мере, на сто шестьдесят миль¹, прежде чем горизонт пропадал из виду. По обеим сторонам, на расстоянии, наверное, в сотню миль возвышались горные хребты. Они были достаточно большими, чтобы выдержать сравнение с Гималаями. Но они выглядели мышами рядом с монолитом Абхарплунты, господствующим в этом секторе многоярусной планеты. Абхарплунта, как утверждал Кикаха, находилась в пятнадцати сотнях миль от грани, и все же по виду она нисколько не отличалась от гор в пятнадцати милях от них.

Она казалась ничуть не больше, чем гора, на которую они только что поднялись.

— Теперь ты получил представление, — сказал Кикаха. — Этот мир не похож на грушу. Это — планетарная Вавилонская Башня, серия ступенчатого расположения колонн, и каждая меньше той, что под ней. На самом верху оси этой башни размером с Землю находится дворец Властелина. Как видишь, нам предстоит долгий путь. У нас впереди может оказаться множество неожиданностей. Но

¹ Сухопутная миля — 1605 метров.

жизнь эта великолепна, пока она продолжается! Я провел здесь дикое и чудесное время! Если бы Властелин сразил меня в эту минуту, я не мог бы жаловаться. Хотя, конечно, жаловался бы, будучи человеком и, следовательно, злясь из-за того, что меня срубает в расцвете лет! Поверь мне, друг мой, я — в расцвете лет!

Вольф не мог не улыбнуться юноше.

Он выглядел таким веселым и жизнерадостным, словно бронзовая статуя, вдруг ожившая и переполненная радостью, что жива.

— Ладно! — воскликнул Кикаха. — Первое, что мы должны сделать, это достать для тебя какую-нибудь подходящую одежду. Уровнем ниже нагота — шик, но здесь — нет. Тебе придется носить, по крайней мере, набедренную повязку и перо в волосах, иначе туземцы будут тебя презирать, а презрение здесь означает рабство или смерть.

Он двинулся вдоль грани, Вольф пошел рядом.

— Заметь, Боб, как зелена и сочна трава, и она доходит нам до колен. Она представляет пищу для жующих побеги. Но она также достаточно высока, чтобы скрыть зверей, кормящихся травоядными. Так что берегись! В траве рыскают равнинная пума, страшный волк, полосатая охотничья собака и гигантская ласка. И есть фелис атрокс, которого я называю жестким львом. Он некогда бродил по равнинам Северо-Американского Юго-запада и вымер там примерно десять тысяч лет назад. Здесь же он очень даже живой, на треть больше африканского льва и вдвое злее.

— Эй, гляди-ка! Мамонты!

Вольф хотел остановиться и понаблюдать за огромными серыми животными, находившимися, примерно, в четверти мили от них, но Кикаха заставил его идти дальше.

— Их кругом много, и придет день, когда ты пожелаешь, чтобы их не было. Трать свое время на наблюдение за травой. Если она будет двигаться против ветра, скажи мне.

Они быстро преодолели две мили и приблизились к табуну диких лошадей. Жеребцы захрапели и прискакали поближе, желая посмотреть на людей, и, взрывая копытами землю и фыркая, стояли, не отступая, пока двое путников не прошли мимо.

Это были великолепные животные, высокие, гладкие, черные или лоснившиеся гнедые, а еще в черно-белых яблоках.

— Тут нет никаких ваших индейских лошадей, — сообщил Кикаха. — Я думаю, Властелин не импортировал ничего, кроме самых лучших пород.

Вскоре Кикаха остановился у кучи камней.

— Это мой ориентир, — пояснил он.

От него он двинулся прямо в глубь равнины. Через милю они вышли к высокому дереву. Юноша подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку и начал взбираться на дерево. На половине пути к вершине он добрался до дупла и вытащил большой мешок. Спустившись, Кикаха достал из мешка два лука, два колчана со стрелами, набедренную повязку и пояс с кожаными ножнами, где находился длинный стальной нож.

Вольф надел набедренную повязку с поясом и взял лук и колчан.

— Ты знаешь, как ими пользоваться? — спросил Кикаха.

— Всю жизнь практиковался.

— Хорошо. Ты получишь больше чем один шанс подвигнуть свое искусство испытанию. Пошли, нам требуется покрыть много миль.

Они тронулись волчьим скоком: сто шагов бегом, сто — шагом. Кикаха показал на горный хребет справа.

— Там проживает мое племя хровака — медвежий народ. Коль скоро мы попадем туда, сможем какое-то время отдохнуть и сделать приготовления к предстоящему нам долгому путешествию.

— Ты не выглядишь похожим на индейца, — заметил Вольф.

— А ты, друг мой, тоже не смахиваешь на шестидесятишестилетнего старика. Но ладно. Я отложил свой рассказ потому, что хотел сперва услышать твой. Сегодня ночью мы поговорим.

Они мало разговаривали в тот день. Вольф время от времени удивлялся при виде некоторых животных. Здесь бродили большие стада бизонов, темных, лохматых, бородатых и куда более крупных, чем их земные родственники.

Встречались и другие табуны лошадей, и существа, напоминавшие верблюдов, и мамонты, и семейства степных мастодонтов. Стая страшных волков некоторое время сопровождала их на расстоянии в сто ярдов. В холке они доставали почти до плеча Вольфа.

Кикаха, видя тревогу Роберта, засмеялся и сказал:

— Они не нападут на нас, если не проголодаются. А это крайне маловероятно со всей этой дичью вокруг. Им просто любопытно.

Вскоре гигантские волки свернули в сторону, их скорость возросла, когда они выгнали из рощи нескольких полосатых антилоп.

— Это — Северная Америка, какой она была долгое время до прихода белого человека, — сказал Кикаха. — Свежая, просторная, с многочисленными животными и многими бродячими племенами.

Над головами у них пролетела, крикая, стая из сотни уток. Как гром средь ясного неба, рухнул ястреб, врезаясь с глухим стуком, и стая лишилась одной птицы.

— Счастливая Охотничья Земля! — воскликнул Кикаха. — Только иногда не такая уж и счастливая.

За несколько часов до того, как солнце ушло за гору, они остановились у небольшого озера. Кикаха нашел дерево, на котором соорудил помост.

— Мы сегодня будем спать здесь, неся караул по очереди. Единственное животное, способное напасть на нас на дереве, это гигантская ласка, но она — достаточное беспокойство. Кроме того, что гораздо хуже, тут могут оказаться военные отряды.

Кикаха отлучился с луком в руке и вернулся через пятнадцать минут с большим кроликом. Вольф развел маленький недымный костер, на котором они и зажарили длиннотухого. Пока они ели, Кикаха объяснял топографию местности.

— Что бы там ни говорить о Властелине, нельзя отрицать, что он проделал неплохую работу, проектируя этот мир. Возьми этот уровень, Индею. Он на самом деле не плоский. У него есть серия легких изгибов, каждый длиной примерно в сто шестьдесят миль. Они позволяют воде стекать, образовывать ручьи, реки и озера. На этой планете нигде нет снега, и его не может быть без смены сезонов и при довольно однообразном климате. Но дождь идет каждый день. Тучи приходят откуда-то из пространства.

Они съели кролика и завалили костер. Вольф вызвался караулить первым. Кикаха проговорил все дежурство Вольфа, а Роберт не засыпал все дежурство Кикахи, слушая его рассказ.

Вначале, давным-давно, больше двадцати тысяч лет назад, Властелины обитали во вселенной, параллельной зем-

ной. Тогда они еще не получили известность как Властелины. В то время их было не очень-то много, ибо они являлись видом, выжившим в длившейся тысячелетия борьбе с другими видами. Всего их было, наверное, тысяч десять.

— Но чего не хватало по части количества, они компенсировали по части качества, — рассказывал Кикаха. — У них имелась наука и технология, рядом с которыми наши, земные, выглядят мудростью австралийских аборигенов. Они могли сконструировать эти личные вселенные, и конструировали. Сперва каждая вселенная играла роль своего рода площадки для игр, микрокосмического загородного клуба для мелких групп. Затем, поскольку эти люди являлись человеческими существами, как бы ни походили своей мощью на богов, они поссорились. Чувство собственности было и есть в них таким же сильным, как и в нас. Они стали сражаться. Я полагаю, происходили также смерти от несчастных случаев и самоубийства. К тому же изоляция и одиночество Властелинов делали их одержимыми манией величия, естественно, если учесть, что каждый играл роль маленького бога и стал верить в нее. Если сжать длившуюся целые эпохи повесть в несколько слов, Властелин, построивший эту конкретную вселенную, в конце концов оказался в одиночестве. Его звали Джадавин, и у него не было даже жены из своих. Да он и не хотел. Зачем ему делить этот мир с равной себе, когда он мог быть Зевсом с миллионом Европ, с прекраснейшими из Лед? Он населил этот мир существами, похищенными из других вселенных, главным образом земными, или созданными в лабораториях во дворце на вершине горы самого верхнего яруса. Он создал таких, каких только желал, божественных красавиц и экзотических чудовищ. Единственная беда заключалась в том, что Властелины не довольствовались властью только над одной вселенной. Они начали желать миры других, и поэтому борьба продолжалась. Они воздвигали практически неприступную оборону и изобрели почти неотразимое нападение. Битва стала смертельной игрой. Эта роковая игра оказалась неизбежной, если учесть, что тоска и скука были такими врагами, каких Властелины не могли отогнать. Когда ты почти всемогущ, а твои создания слишком низки и слабы, чтобы вечно интересовать тебя, какие еще острые ощущения можно отыскать, кроме как рискнуть своим бессмертием против другого бессмертного?

— Но как в это угодил ты? — спросил Вольф.

— Я? На Земле меня звали Пол Янус Финнеган. Мое среднее имя — фамилия моей матери. Как тебе известно, это также имя латинского бога ворот и старого и нового года, бога с двумя ликами, одним, глядящим вперед, и другим, глядящим назад.

Кикаха усмехнулся и заметил:

— Янус очень подходящее имя, тебе не кажется? Я — человек двух миров, прошедший через врата между ними. Не то чтобы я когда-либо возвращался на Землю или хотел этого. Здесь я пережил приключения и приобрел положение, какого никогда не смог бы добиться на том мрачном старом шарике. Кикаха — не единственное мое имя. Я вождь на этом ярусе и своего рода большая шишка на других ярусах, как ты со временем увидишь.

Вольф начал задумываться. Кикаха был так уклончив, что Роберт заподозрил, что у того имелась еще одна личина, о которой он не собирается распространяться.

— Я знаю, что ты думаешь, но ты в это не веришь, — сказал Кикаха. — Я обманщик, но с тобой я откровенен. Кстати, знаешь ли ты, как я приобрел имя среди медвежьего народа? На их языке, Кикаха — мифологический персонаж, полубожественный обманщик и хитрец, что-то вроде старика Койота индейцев прерий или Нанабоэхо у оджибваев или Вакжункага у винебаго¹ Когда-нибудь я расскажу тебе, как заслужил это имя и как стал советником у хровака. Но сейчас я должен рассказать тебе о более важных вещах.

Глава VII

В 1941 году в возрасте двадцати трех лет Пол Финнеган записался добровольцем в кавалерию США, потому что любил лошадей. Короткое время спустя он стал водителем танка. Пол служил в Восьмой Армии и с ней, в конечном итоге, переправился через Рейн. Однажды, после того как они взяли небольшой городок, Финнеган обнаружил в развалинах местного музея необыкновенный предмет. Это был полумесяц из серебристого металла, настолько твердого, что удары молотка не гнули его, а ацетиленовая горелка не расплавляла.

¹ Индейские племена.

— Я расспросил о нем нескольких горожан. Они знали только, что он был в музее долгое время. Один профессор химии, после того как подверг его некоторым испытаниям, попытался заинтересовать им Мюнхенский Университет, но потерпел неудачу. Я забрал полумесяц себе вместе с другими сувенирами. Потом я вернулся в Индианский Университет. Отец оставил мне достаточно денег, чтобы прожить несколько лет без забот; у меня была небольшая милая квартирка, спортивная машина и так далее. Один мой друг работал газетным репортером. Я рассказал ему о полумесяце, его странных свойствах и неизвестном составе. Он написал о нем статью, которую напечатали в Блумингтоне, и статью эту подхватил и перепечатал газетный синдикат. Она не вызвала большого интереса среди ученых. Фактически, они не хотели иметь к этому никакого отношения. Три дня спустя в моей квартире появился человек, назвавший себя мистером Ваннаксом. Из-за его фамилии и иностранного акцента я подумал, что он голландец. Он хотел посмотреть на полумесяц. Я оказал ему такую любезность. Он очень разволновался, хотя старался выглядеть спокойным. Он сказал, что хотел бы купить рог у меня. Я спросил, сколько он заплатит, он ответил, что даст десять тысяч долларов, но не больше.

— «Разумеется, вы можете поднять и выше,— возразил я,— иронично продолжил Кикаха свой рассказ,— потому что, если вы не поднимете, то ничего не получите».— «Двадцать тысяч»,— предложил Ваннакс. «Давайте поднакачаем еще немного»,— предложил в ответ я. «Тридцать тысяч?»

Финнеган решил рискнуть. Он спросил Ваннакса, заплатит ли тот сто тысяч долларов.

Ваннакс еще больше побагровел и раздулся, словно «лягушка-скакушка», как выразился Финнеган-Кикаха, но ответил, что добудет нужную сумму через двадцать четыре часа.

— Тут я понял, что у меня действительно кое-что имеется,— рассказывал Вольфу Кикаха.— Вопрос был в том, почему этот тип, Ваннакс, так отчаянно хотел занять это. Никто в здравом уме, ни один нормальный человек не клюнул бы так быстро на приманку. Значит, следовало быть с ним поуклончивее.

— Как выглядел этот Ваннакс? — спросил Вольф.

— Здоровый парень, хорошо сохранившийся шестидесятилетний мужчина с орлиным носом и орлиными глаза-

ми. Он казался сильной личностью, но пытался обуздать себя, выглядеть по-настоящему любезным. Это давалось ему дьявольски тяжело. Одет он был в дорогой консервативный костюм. Он производил впечатление человека, не привыкшего, чтобы ему в чем-то перечили.

— Поднимите до трехсот тысяч долларов, и он — ваш, — сказал я. Мне и не снилось, что он скажет «да». Я думал, он взбесится и уберется, потому что я не собирался продавать ему полумесяц, даже если бы он предложил миллион.

Ваннакс, хотя и расвирепел, сказал, что заплатит триста тысяч долларов, но Финнегану придется дать ему добавочные двадцать четыре часа.

— Вам сперва придется сказать мне, зачем вам нужен этот полумесяц, и на что он годен, — заявил я. — «Никаких! — закричал Ваннакс. — Хватит и того, что ты грабишь меня, свинья ты купеческая, земляной червь!» — «Убирайтесь отсюда, пока я не выкинул вас, или пока я не вызвал полицию», — велел ему я.

Ваннакс начал кричать на каком-то иностранном языке. Финнеган отправился в спальню и возвратился с автоматическим пистолетом сорок пятого калибра. Ваннакс не знал, что он не заряжен. Он ушел, хотя ругался и что-то бормотал про себя всю дорогу до «роллс-ройса» модели 1940 года.

Той ночью Финнеган никак не мог уснуть. Было уже больше двух часов, когда это ему удалось, и даже тогда он постоянно просыпался. Во время одного из таких пробуждений он услышал шум в передней. Он тихо скатился с постели и достал из-под подушки заряженный пистолет сорок пятого калибра.

По пути к двери Финнеган взял с бюро фонарик.

Луч его поймал Ваннакса, нагнувшегося посередине гостиной. В руке у него был серебристый полумесяц.

— Затем я увидел второй полумесяц на полу. Его Ваннакс принес с собой. Он складывал их вместе, создавая полный круг. Мне было непонятно, зачем он это делал, но спустя минуту все выяснилось. Я приказал ему поднять руки вверх. Он это сделал, но поднял и ногу, чтобы шагнуть в круг. Я велел ему не двигаться даже на волосок, или буду стрелять. Он все равно поставил одну ногу в круг, поэтому я пальнул. Пуля просвистела у него над головой и ушла в угол комнаты. Мне просто хотелось припугнуть его, в расчете, что если он будет достаточно потрясен, то,

может, начнет говорить. Он и вправду напугался и отпрыгнул назад. Я прошел через гостиную, в то время как он отступал к двери. Он болтал, как маньяк, угрожая мне на одном дыхании и предлагая полмиллиона на следующем. У меня было намерение прижать его к двери и вогнать в живот дуло пистолета. Вот тогда-то он действительно заговорит и выложит всю подноготную о полумесяце. Но когда я последовал за ним через гостиную, то ступил в созданный двумя полумесяцами круг. Он увидел и заорал мне, призывая остановиться, впрочем, слишком поздно. Он и квартира исчезли, а я оказался по-прежнему в круге, только в другом, находившемся в этом мире, во дворце Властелина на вершине Мира.

Кикаха сказал, что мог бы тогда сойти с ума. Но он активно читал фэнтези и научную фантастику с четвертого класса начальной школы. Идея параллельных вселенных и устройств для перехода между ними была ему знакома. Он привык принимать такие концепции. Фактически, он наполовину верил в них. Таким образом, он мыслил достаточно гибко, чтобы согнуться, не ломаясь, а затем пружинисто распрямиться. Несмотря на испуг, его в то же время переполняло волнение и любопытство.

— Я вычислил, почему Ваннакс не последовал за мной через врата. Два полумесяца, сложенные вместе, создали «контур». Но они были активированы, пока внутрь излучаемого ими «поля» не шагнуло живое существо. Затем один полукруг остался на Земле, в то время как другой прошел через врата в эту вселенную, где он сцепился с поджидавшим его полукругом. Иными словами, чтобы создать замкнутый контур, требуется три полумесяца: один — в мире, куда ты отправляешься, а два других — в том, который ты покидаешь. Ты вступаешь в круг, один полумесяц перемещается к единственному в следующей вселенной, оставляя только один полумесяц в только что покинутом тобой мире. Ваннакс, вероятно, явился на Землю посредством этих полумесяцев. Он не прошел бы, не смог бы пройти, если бы на Земле уже не было полумесяца. Каким-то образом — как именно, мы, может, никогда и не узнаем — он потерял на Земле один из них. Может, он был украден кем-то, не знавшим его истинной ценности. Так или иначе, Ваннакс искал его. Когда появилась статья о том полумесяце, который я нашел в Германии, он понял: это то, что ему надо. Поговорив со мной, он сделал вывод, что я могу

и не продать его. Поэтому он забрался ко мне в квартиру с имевшимся у него полумесяцем. Он как раз готов был завершить круг и совершить переход, когда я его остановил. Он, наверное, застрял на Земле и не в состоянии попасть сюда, если не найдет еще одного полумесяца. Как я подозреваю, на Земле могут оказаться и другие. Тот, который я привез из Германии, может, и не Ваннаком был потерян.

Финнеган долгое время бродил по дворцу — громадному, потрясающе прекрасному, экзотическому, полному сокровищ, драгоценных камней и артефактов. Еще там имелись лаборатории со странными существами, формировавшимися в огромных прозрачных цилиндрах. Он видел пульта и множество действующих приборов, но понятия не имел, что они собой представляют. Символы под кнопками и рычагами были незнакомыми.

— Мне повезло. Во дворце полно ловушек, готовых поймать или убить незваных гостей. Но они не были взведены, почему — не знаю. Не знал я тогда и того, почему дворец необитаем. Но это оказалось удачей для меня.

Финнеган на время покинул дворец и прошел через окружающий его изысканный сад. Он приблизился к краю монолита, на котором располагались дворец и сад.

— Ты повидал достаточно, чтобы представить себе, что я почувствовал, посмотрев через край. Монолит достигал в высоту, наверное, тридцати тысяч футов. Ниже его находился ярус, названный Властелином Атлантидой. Не знаю, был ли земной мир основан на этой Атлантиде, или Властелин позаимствовал название из мифа. Ниже Атлантиды находится ярус, называемый Дракландией, потом — Индея. Все это я охватил одним взглядом, точно так же, как можно увидеть одну сторону Земли с космического корабля. Никаких деталей, конечно, просто большие облака, крупные озера, моря и контуры континентов. Добрая часть каждого из спускающихся ярусов загораживалась тем, который располагался непосредственно над ним. Но я мог разобрать структуру Вавилонской Башни этого мира, хотя в то время не понимал того, что вижу. Все это было слишком неожиданно и чуждо для меня, чтобы я сумел воспринять какую-либо форму. Вся эта панорама ничего для меня не значила.

Финнеган, однако, мог понять, что находится в отчаянном положении. Он не знал иного способа покинуть вер-

шину этого мира, кроме того как вернуться на Землю через полумесяцы. В отличие от других сторон монолита, поверхность там была гладкой, как металл. Но Финнеган не собирался снова пользоваться полумесяцами — ведь его, несомненно, поджидал Ваннакс.

Хотя Финнегану и не угрожала опасность умереть от голода — пищи и воды хватило бы на долгие годы — он не мог, да и не хотел оставаться во дворце. Он страшился возвращения хозяина, так как у того мог оказаться очень скверный характер. Во дворце имелись некоторые вещи, заставлявшие Финнегана испытывать беспокойство.

— Но вот появились гворлы, — продолжал рассказ Кикаха. — Я уверен, что они пришли из другой вселенной через врата, вроде тех, которые открыли дорогу мне. В то время я не имел представления, как или почему они оказались во дворце, но порадовался, что попал туда первым. Если бы я угодил к ним в руки... Позже я вычислил, что они служили другому Властелину. Он послал их похитить рог. Я видел рог во время своих скитаний по дворцу и даже потрубил в него, но не знал, как нажимать комбинацию кнопок, чтобы заставить его сработать. Не знал и его настоящей цели. Гворлы забрались во дворец. Их была, примерно, сотня. К счастью, я увидел их первым. Присущая им жажда убийства тут же втянула гворлов в беду. Они попытались прикончить некоторых из «очей» Властелина — воронов размером с орла, живших в саду. Меня они не беспокоили, наверное, потому, что думали, будто я гость, или я не выглядел опасным. Гворлы попытались перерезать глотку одному из воронов, и птицы напали на них. Гворлы отступили во дворец, вороны последовали за ними. Все залы той части дворца были забрызганы кровью, усыпаны перьями и кусками бугристой волосатой шкуры, валялись несколько трупов, принадлежавших обоим сторонам. Во время битвы я увидел, как один гворл выбрался из помещения, держа рог. Он двигался по коридорам так, словно что-то искал.

Финнеган последовал за гворлом в другое помещение, размером, примерно, с два ангара для дирижаблей. Там находился плавательный бассейн и множество интересных, загадочных устройств. На мраморном пьедестале стояла большая золотая модель планеты. На каждом из ее уровней было несколько драгоценных камней. Со временем Финнеган узнал, что алмазы, рубины и сапфиры составляли символы, указывающие различные точки резонанса.

— Точки резонанса?

— Да. Символы были закодированы мнемоническими записями¹ комбинаций нот, необходимых для открытия врат в определенных местах. Некоторые врата открывались в другие вселенные, другие — просто врата между ярусами в этом мире. Они давали Властелину возможность мгновенно путешествовать с одного уровня на другой. С символами были связаны крошечные модели характерных особенностей ландшафта резонансных точек на разных ярусах. Властелин, должно быть, объяснил гворлу с рогом, как читать символы. Очевидно, тот проводил для Властелина испытание, чтобы удостовериться, что добыл нужный рог. Он протрубил семь нот в сторону бассейна, и воды расступились, открыв кусок суши с алыми деревьями вокруг него и зеленым небом на заднем плане. Это было придумано первоначальным Властелином для входа на атлантический ярус через бассейн. Я в то время не знал, куда вели эти врата. Но я увидел свой единственный шанс сбежать из огромной ловушки этого дворца и ухватился за него. Подкравшись сзади к гворлу, я выхватил из его рук рог и столкнул гворла в бассейн — не во врата, а в воду. Ты никогда не слышал таких визгов и воплей и такого барахтанья. Весь страх, который эти существа испытывают перед другими вещами, ничто по сравнению с их водобоязнью. Гворл погрузился в воду, вынырнул, крича и отплываваясь, а затем сумел ухватиться за край врат. У врат, знаешь ли, есть определенные грани, осязаемые и изменяющиеся. Я услышал позади себя рев и крики. В помещение ввалилась дюжина гворлов с большими окровавленными ножами. Я нырнул в дыру, которая уже начала затягиваться. Она была так мала, что я содрал, пробираясь сквозь нее, кожу на коленях, но все-таки пробрался, и дыра закрылась. Она отхватила обе руки гворла, пытавшегося последовать за мной из воды. В руке у меня был рог, и я на какое-то время оказался вне досягаемости для этих тварей.

Кикаха ухмыльнулся, словно смакуя воспоминания. Вольф проговорил:

— Властелин, пославший вперед гворлов, и есть нынешний Властелин, верно? Кто он?

— Арвур. Отсутствующий Властелин был известен как Джадавин. Должно быть, он и являлся человеком, назвав-

¹ Условными схемами, выполненными с помощью символов.

шимся Ваннаксом. Арвур прибыл занять вакантное место, и с тех пор он все время пытался найти меня и рог.

Кикаха вкратце обрисовал, что с ним произошло после того, как он оказался на атлантическом ярусе. В течение двадцати лет земного времени он жил то на одном, то на другом ярусе, всегда замаскировавшись. Гворлы и вороны, служившие теперь новому Властелину Артуру, никогда не прекращали искать его, но бывали долгие периоды, иногда два-три года подряд, когда Кикаху не тревожили.

— Минутку, — прервал его Вольф. — Если врата между ярусами закрыты, как же гворлы спустились с монолита преследовать тебя?

Кикаха этого тоже долго не мог понять. Однако когда гворлы на уровне Сада захватили его в плен, он расспросил их. Хотя они и угрюмые ребята, но на некоторые вопросы ответили. Их спустили на атлантический уровень на тросах.

— Тридцать тысяч футов? — недоверчиво переспросил Вольф.

— Разумеется. Почему бы и нет? Дворец — это сказочный склад. Если бы я имел достаточно времени, я бы и сам нашел тросы. Пленившие меня гворлы сказали, что Властелин Арвур поручил им не убивать меня даже при угрозе, что я могу сбежать. Он хочет насладиться серией изысканных пыток. Гворлы говорили, что Арвур разработал новую изошренную технику и усовершенствовал некоторые из давно утвердившихся методов. Можешь себе представить, как я потел от страха на пути обратно во дворец.

После пленения в Саду Кикаху отвезли через океан к подножью монолита. Пока они восходили, их остановил ворон-«око». Он принес новость о пленении Кикахи Властелину, пославшему его обратно с указаниями. Гворлы должны были разделиться на два отряда. Одному предписывалось подниматься дальше с Кикахой, другому приказали вернуться к грани Сада. Если человек, овладевший теперь рогом, вернется через врата, его необходимо взять в плен. Рог надо доставить обратно Властелину.

Кикаха заметил:

— Как мне представляется, Арвур хотел, чтобы и тебя тоже доставили к нему. Он, вероятно, забыл передать такой приказ гворлам через ворона или же считал само собой разумеющимся, что тебя привезут к нему, забыв, что гворлы — ребята, мыслящие буквально, и начисто лишены воображения. Я не знаю, зачем гворлы захватили в плен

Хрисейду. Они, наверное, намеревались использовать ее как умиротворяющее подношение Властелину. Гворлы знают, что он недоволен из-за того, что я ускользнул от них в такой долгой, а иногда даже веселой охоте. Может, они собирались уменьшить его гнев, поднеся ему самый прекрасный шедевр прежнего Властелина.

— Значит, нынешний Властелин не может путешествовать между ярусами через резонансные точки? — сказал Вольф.

— Без рога — нет. Держу пари, что прямо сейчас его прошибает то горячий, то холодный пот. Ничто не может помешать гворлам воспользоваться рогом для ухода в другую вселенную, чтобы подарить его другому Властелину, кроме их неведения о том, где находятся резонансные точки. Если бы они нашли такую... Однако они не воспользовались им у валуна, так что мне кажется, что они не станут этого делать ни в каком другом месте. Они злобны, но умом не блещут.

— Если Властелины такие мастера сверхнауки, то почему Арвур не воспользуется для путешествия самолетом? — спросил Вольф.

Кикаха разразился продолжительным смехом, а затем сказал:

— Ну, ты шутник. Властелины — наследники науки и мощи, намного превосходящих земные. Но ученые и техники их народа давно умерли. Те, кто живет сейчас, знают, как пользоваться своими устройствами, но они не способны ни объяснить принципы их действия, ни отремонтировать. Длившаяся тысячелетия борьба за власть перебила почти всех, остались лишь немногие, и эти немногие, несмотря на свою огромную мощь, невежды. Они сибариты, мегаломаньяки, параноики — называй, как хочешь, — но не ученые. Вполне возможно, что Арвур является обездоленным Властелином, вынужденным бежать, спасая свою жизнь, и только потому, что Джадавин по какой-то причине пропал из этого мира, Арвур сумел завладеть им. Он прибыл во дворец с пустыми руками. У него нет доступа ни к каким силам, кроме тех, которые находятся во дворце, и с управлением многими из них он, скорее всего, незнаком. Он — тот, кто оказался победителем среди Властелинов, играющих на струнах вселенных, но все равно он в невыгодном положении.

Кикаха заснул. Вольф устался в ночь, так как был в первом карауле. Он не находил рассказ невероятным, но

предполагал, что в нем есть прорехи. Кикахе придется еще многое объяснить. И еще он думал о Хрисеиде, о щемяще прекрасном ее лице с большими глазами и кошачьими зрачками. Где она? Как у нее дела? Увидит ли он ее когда-нибудь вновь?

Глава VIII

Во время второго караула Вольфа кто-то черный и длинный быстро проскользнул в лунном свете между двух кустов. Вольф пустил в хищника стрелу, тот издал свистящий визг и поднялся на задние ноги, оказавшись вдвое выше коня. Вольф вставил в тетиву новую стрелу и выстрелил в белое брюхо, и все же зверь не упал, а убежал, свистя и с треском ломаясь через кусты.

К тому времени Кикаха с ножом в руке оказался рядом с ним.

— Тебе повезло, — только и сказал он. — Их не всегда увидишь, а потом — хлоп! Они вцепляются в горло.

— Мне бы не помешало ружье для слонов, — сказал Вольф, — но я не уверен, что и оно остановило бы эту тварь. Кстати, почему гворлы — да и индейцы, судя по тому, что ты мне рассказывал, — не пользуются огнестрельным оружием?

— Оно строго запрещено Властелином. Видишь ли, Властелин не любит некоторых вещей. Он хочет держать свой народ на определенном демографическом уровне, на определенном технологическом уровне и в пределах определенных социальных структур. Властелин правит планетой железной уздой. Например, он любит чистоту. Ты, может, заметил, что народ Океаноса — ленивая, радующаяся, что им повезло, компания. И все же они всегда убирают за собой. Нигде никакого помета. То же самое происходит на этом уровне, на каждом уровне. Индейцы также соблюдают личную чистоту, так же, как дракландцы в Атланте. Властелин хочет, чтобы было так, и наказание за неповиновение — смерть.

— А как он внедряет свои правила? — спросил Вольф.

— По большей части, включив их в нравы обитателей. Первоначально он поддерживал тесный контакт со жрецами и знахарями, и, используя религию — с собой в качестве божества, — сформировал и утвердил обычаи населе-

ния. Он любил аккуратность и не любил огнестрельного оружия или любой формы развитой технологии. Может быть, он романтик, не знаю. Но различные общества на этой планете — главным образом конформистские¹ и статичные.

— Значит, тут нет никакого прогресса?

— Ну, так и что ж? Разве прогресс обязателен, а статичное общество нежелательно? Лично я хоть и ненавижу надменность Властелина, его жестокость и отсутствие человечности, тем не менее одобряю кое-что из сделанного им. За некоторыми исключениями, мне этот мир нравится намного больше, чем Земля.

— Тогда ты тоже романтик!

— Может быть. Этот мир, как ты уже знаешь, достаточно реален и мрачен, но он свободен от грязи и копоты, от любых болезней, мух, москитов и вшей. Юность тут продолжается, пока ты жив. В целом, это не такое уж плохое место проживания. Во всяком случае, для меня.

Роберт стоял в последнем карауле, когда солнце появилось из-за угла мира. Светляки побледнели, и небо стало зеленым вином. Ветерок прошелся прохладными пальцами по двум путникам и омыл их легкие своими взбадривающими потоками. Вольф и Кикаха потянулись, а затем, спустившись с помоста, отправились поохотиться. Позже, наполнив животы жареным кроликом и сочными ягодами, они возобновили свое путешествие.

Вечером третьего дня, когда солнце приближалось к краю монолита, они вышли на равнину. Перед ними находился высокий холм, за которым, как сказал Кикаха, лежали небольшие леса. Одно из высоких деревьев послужит им убежищем на ночь.

Внезапно из-за холма выехал отряд в сорок человек — темнокожих, с волосами, заплетенными у каждого в две длинные косички. Лица их были раскрашены бело-красными полосами и черными иксами.

В руках они держали маленькие круглые щиты и копья или луки. На головы некоторых в качестве шлемов оказались надеты медвежьи черепа, у других — шапочки и шляпы с длинными птичьими перьями.

Увидев перед собой пешех, всадники закричали и бросили коней в галоп.

¹ Приспособленческие, соглашающиеся с мнением большинства.

Копья со стальными наконечниками опустились. Луки оцетинились стрелами, поднялись тяжелые стальные топоры и утыканные шипами дубинки.

— Стой спокойно! — велел Кикаха. Он улыбался. — Это хровака — медвежий народ, мой народ.

Он шагнул вперед, поднял обеими руками лук над головой и крикнул атаковавшим что-то на их родном языке — речи со многими глоттализированными остановками, назализированными гласными и быстро поднимающейся, но медленно опускающейся интонацией. Узнав его, они закричали:

— АнгКунгавас ТреКикаха!

Они подъехали и воткнули копья в землю, как можно ближе к Кикахе, но не задевая его. Дубинки и топоры свистели у него перед лицом или над головой, а стрелы вонзались в землю у его ног или даже между ними.

С Вольфом обошлись точно так же, он вынес это, не моргнув глазом. Подобно Кикахе, он продемонстрировал улыбку, но не думал, что она была такой же натуральной.

Хровака развернули коней и атаковали снова. На этот раз они резко натянули поводья, подняв своих лягавшихся, ржавших коней на дыбы. Кикаха подпрыгнул и стащил с коня юношу в шляпе с пером. Смеясь и тяжело дыша, они боролись на земле, пока Кикаха не повалил хровака на обе лопатки. Затем Кикаха поднялся и представил проигравшего Вольфу.

— Нгашу Тангис, один из моих шуринов.

Двое индейцев спешили и приветствовали Кикаху долгими объятиями и взволнованной речью. Тот подождал, пока они успокоятся, а затем принялся говорить долго и торжественно. Он часто тыкал пальцем в Вольфа. После пятнадцатиминутной речи, прерываемой время от времени краткими вопросами, он с улыбкой повернулся к Вольфу.

— Нам повезло. Они отправились в набег на ценаква, которые живут довольно близко к Лесу Деревьев со Многими Тенями. Я объяснил, что мы здесь делаем, хотя, конечно, не все. Они не знают, что мы посягаем на самого Властелина, и я не собираюсь им это рассказывать. Но они знают, что мы идем по следу Хрисеиды и гворлов, и что ты — мой друг. Они также знают, что нам помогает Подарга. Они испытывают большое уважение к ней и ее орлицам и хотели бы, если смогут, оказать ей услугу. У них масса запасных лошадей, так что выбирай на вкус. Не радуется

меня в этом лишь одно: ты не наведаешься в вигвам медвежьего народа, а я не увижусь со своими двумя женами, Гиушовой и Ангванат. Но нельзя иметь все.

Два дня скакал военный отряд без передышки, меняя лошадей каждые полчаса. Вольф натер себе ягодицы о седло, или, скорее, об одеяло. К третьему утру он был в такой же хорошей форме, как любой воин из медвежьего народа, мог оставаться на коне весь день, не чувствуя спазмов и боли во всех мышцах тела и костях. На четвертый день отряд задержался на восемь часов. Путь преградило стадо гигантских бородатых бизонов. Животные собрались в колонну шириной в две мили и длинной в десять миль, создав барьер, который не могли пересечь ни зверь, ни человек. Вольф был раздражен, но другие не слишком досадовали, потому что и всадники, и кони одинаково нуждались в отдыхе.

В хвосте колонны скакали охотники шаникоца, собравшиеся вогнать свои копыта и стрелы в отставших бизонов. Хровака хотела напасть на них и перебить всю группу, и только страстная речь Кикахи удержала их. После Кикаха рассказал Вольфу, что его соплеменники думают, что каждый из них равен десятку воинов из любого другого племени.

— Они — отличные бойцы, но чересчур самоуверенны и самонадеянны. Если бы ты знал, сколько раз мне пришлось удерживать их, чтобы не угодили в ситуации, где их стерли бы в порошок!

Они поскакали дальше, но были остановлены Нгашу Тангисом, одним из разведчиков в этот день. Он приблизился, крича и жестикулируя. Кикаха расспросил его, а затем сообщил Вольфу:

— Одна из пташек Подарги сидит на дереве в двух милях отсюда. Она потребовала у Нгашу Тангиса привести к ней меня. Сама она не может этого сделать, ее разодрала бы стая воронов.

— Вперед!

Орлица сидела на нижней ветке одинокого дерева, сжав когти вокруг тонкого насеста, согнувшегося под ее весом. Ее зеленые перья покрывала засохшая красно-черная кровь, а один глаз был вырван. Другим же она грозно глядела на медвежий народ, державшийся на почтительном расстоянии.

— Я — Аглая. Я давно тебя знаю, Кикаха-обманщик. И я видела тебя, о Вольф, когда ты был гостем большекрылой Подарги, моей сестры и царицы. Именно она отправила нас на поиски дриады Хрисейды, гворлов и рога Властелина. Но только я одна видела, как они вошли в Лес Деревьев со Многими Тенями по другую сторону равнины. Я налетела на них, надеясь застать врасплох и захватить рог, но они увидели меня и встретили стеной из ножей, о которую я могла пораниться. Поэтому я снова взлетела так высоко, что они не могли меня видеть. Но я, дальнзоркая попрыгунья небес, могла их видеть.

— Они надменны, даже умирая, — тихо сказал по-английски Вольф Кикаха, — и не без оснований.

Орлица выпила воды, предложенной Кикахой, и продолжала:

— Когда наступила ночь, они разбили лагерь на опушке рощи. Я спустилась на дерево, под которым спала дриада, укрывшись плащом из оленьей шкуры. На плаще была засохшая кровь, полагаю, человека, убитого гворлами. Они свежевали его, готовясь зажарить над своими кострами. Я опустилась на землю с противоположной стороны дерева. Я надеялась поговорить с дриадой, даже попытаться помочь ей бежать, но сидевший рядом с ней гворл услышал шум моих крыльев. Он выглянул из-за дерева, и это было его ошибкой, потому что мои когти вцепились ему в глаза. Гворл выронил нож и попытался отодрать меня от своего лица. Он этого добился, но вместе с моими когтями вырвал и оба глаза. Я предложила дриаде бежать, но когда она встала, плащ упал, и я увидела, что руки и ноги у нее связаны. Я ушла в кусты, оставив гворла выть по своим глазам, и по своей смерти тоже, потому что его собраты не станут обременять себя слепым воином. Сбежав через лес обратно на равнину, я снова смогла подняться в воздух и полетела к гнезду медвежьего народа сообщить тебе, о Кикаха, и тебе, о Вольф, возлюбленный дриады. Я летела всю ночь и весь день. Но охотничья стая очей Властелина увидела меня первой. Они были надо мной и впереди меня в сиянии солнца. Они обрушились сверху, эти псевдожесты, и застали меня врасплох. Я упала, гонимая их ударами и тяжестью дюжины птиц, вцепившихся в меня когтями. Я падала, переворачиваясь снова и снова, истекая кровью под ударами их острых, как кремь, клювов. Потом я выправилась и собралась с мыслями. Я хватала визжавших

воронов и откусывала им головы или же отрывала крылья и ноги, но убила вцепившуюся в меня дюжину только для того, чтобы подвергнуться нападению остальной стаи. И снова я дралась, и все повторялось. Они умирали, но, умирая, обрекали на смерть и меня, потому что их было много.

Наступило молчание. Орлица обожгла их взглядом оставшегося глаза, но жизнь быстро уходила из него. Медвежий народ притих, даже кони перестали храпеть, ветер, шептавший что-то с небес, был самым громким звуком.

Внезапно Аглая проговорила слабым, но по-прежнему надменным, резким голосом:

— Скажите Подарге, что ей незачем стыдиться меня. И пообещай мне, о Кикаха, — никаких обманных слов со мной! — пообещай мне, что Подарге обо всем расскажут.

— Обещаю, о Аглая, — сказал Кикаха. — Твои сестры прилетят сюда и унесут твое тело далеко от граней ярусов в зеленые небеса, и тебя пустят плыть через бездну, свободную в смерти, как и в жизни, пока ты не упадешь на солнце или не найдешь покой на луне.

— Я обязую тебя в этом, человечешко, — произнесла она. Голова ее опустилась, и она упала вперед, но железные когти так вцепились в ветку, что птица раскачивалась вверх ногами. Крылья ее обвисли и развернулись, их концы задевали траву.

Кикаха начал распоряжаться. Двум воинам он велел искать орлиц, чтобы передать сообщение Аглаи и рассказать о ее смерти. Он, конечно, ничего не сказал о роге, зато не пожалел времени на обучение посланников короткой речи на микенском. Удостоверившись, что они запомнили незнакомые слова, Кикаха отправил их в путь. Затем отряд задержался, перемещая тело Аглаи на вершину дерева, где она будет вне досягаемости для всех плотоядных, кроме пумы и стервятников. Для этого необходимо было срубить ветку, в которую она вцепилась, и поднять тяжелое тело до самого верхнего прочного сука. Здесь ее привязали стоймя к стволу сыромятными ремнями.

— Вот, — удовлетворенно сказал Кикаха, когда работа была завершена. — Ни одна тварь не приблизится к ней, пока она кажется живой. Все страшатся орлиц Подарги.

В полдень шестого дня после встречи с Аглаей отряд сделал долгую остановку у источника. Лошадям дали от-

дохнуть и набить животы длинной зеленой травой. Кикаха и Вольф сидели бок о бок на вершине небольшого холма и жевали вареное мясо антилопы. Вольф с интересом смотрел на небольшое стало мастодонтов. Поблизости прятался в траве полосатый лев, девятисотфутовый образчик вида феликс атрокс. Лев, по-видимому, питал слабые надежды напасть на одного из детенышей.

— Гворлам чертовски повезло, раз они добрались до леса в целости, — говорил Кикаха, — тем более что они пешие. Между нами и Лесом Деревьев со Многими Тенями находятся ценаква и другие племена хинг гатаврит.

— Полукони? — переспросил Вольф.

За несколько дней с хровака он нахватал изумительный объем слов и даже начал усваивать кое-что из сложного синтаксиса.

— Полукони. Ои кентаврои. Кентавры. Их создал Властелин точно так же, как создал других чудовищ этого мира. На индейских равнинах водится много племен. Некоторые говорят по-скифски или сарматски, поскольку Властелин захватил часть своего кентаврийского материка из этих древних степняков. Но другие усвоили языки своих соседей — людей. И все приняли культуру индейцев прерий — с некоторыми вариациями.

Военный отряд вышел на Большую Торговую Тропу. Она отличалась от остальной равнины только вогнанными в землю на каждой миле столбами, увенчанными вырезанными из черного дерева изображениями тишкетмоакского бога торговли Ишкетламму. Кикаха велел отряду пуститься в галоп, когда они приблизились к ней, и не замедлять хода, пока Тропа не останется далеко позади.

— Если бы Большая Торговая Тропа шла к лесу, а не параллельно ему, — сказал он Вольфу, — все бы было отлично. Покуда мы оставались бы на ней, нас бы не тревожили. Тропа священна, ее уважают даже дикие полукони. Все племена получают тут стальное оружие, одеяла, драгоценности, шоколад, высококачественный табак и прочее от тишкетмоаков, единственного цивилизованного народа на этом ярусе. Я поспешил пересечь Тропу потому, что был бы не в состоянии помешать хровака задержаться на несколько дней для торговли, если бы мы наткнулись на купеческий караван. Заметь, у наших воинов больше мехов на лошадях, чем им нужно. Это просто на всякий случай. Но теперь мы, к счастью, далеко.

Шесть дней прошло, хровака не заметили никаких вражеских племен, за исключением выкрашенных в чернокрасную полосу типи иреннуссойков, маячивших вдаль. Никто из воинов не выехал бросить им вызов, но Кикаха не расслаблялся, стараясь удалиться как можно дальше. На следующий день равнина начала меняться. Ярко-зеленая трава по колено перемежалась с голубоватой травой высотой в несколько дюймов. Вскоре отряд скакал по голубому пространству.

— Утоптанная территория полуконей,— пояснил Кикаха. Он высылал разведчиков на большие расстояния.

— Не давайте взять себя живым,— напомнил он Вольфу,— особенно полуконям. Человеческие племена, вместо того чтобы убить, могут принять тебя в племя, если у тебя хватит пороку весело распевать и плевать им в рожи, пока они поджаривают тебя на медленном огне, но полукони не держат даже человеческих рабов. Они будут много недель держать тебя живым и визжащим от боли.

На четвертый день после вторжения на территорию полуконей они поднялись на бугор и увидели впереди черную ленту.

— Деревья растут вдоль реки Винникакнау,— сказал Кикаха.— Мы проехали почти полпути до Леса Деревьев со Многими Тенями. Надо гнать лошадей, пока не доберемся до реки. У меня предчувствие, что мы съели большую часть своего везения.

Он замолк, когда увидел отблеск солнца на чем-то белом в нескольких милях справа. Затем белая лошадь Злого Ножа, разведчика, исчезла в ложбине между буграми.

Спустя несколько секунд на бугре появилась темная масса.

— Полукони! — заорал Кикаха.— Ходу! К реке! Мы можем дать отпор среди деревьев вдоль нее, если сумеем добраться туда!

Глава IX

Единым порывом весь отряд пустился в галоп. Вольф пригнулся к шее коня, великолепного чалого жеребца, погоняя его, хотя и без нужды. Равнина понеслась мимо него, когда чалый, казалось, вложил всю душу в свой бег. Несмотря на скорость, Вольф продолжал поглядывать впра-

во. Белая кобыла Злого Ножа время от времени мелькала, когда переваливала через складки местности. Разведчик направлял ее под углом к своему народу. Меньше чем в четверти мили позади него, настигая, мчалась орда полуконей. Численность их доходила до ста пятидесяти, точнее было не сосчитать.

Кикаха подскакал к Вольфу на своем жеребце, золотистом звере с серебристой гривой.

— Когда они догонят нас — а они догонят, — оставайся рядом со мной! Я организую колонну по двое — классический маневр, испытанный и верный! Таким образом, каждый сможет охранять бок другого!

Он отстал, чтобы передать приказ остальным. Вольф направил своего чалого следовать в цепи за Лапами Россомахи и Спит Стоя. Позади Белоносый Медведь и Большое Одеяло пытались держаться на таком же расстоянии от него. В целом же отряд двигался хаотично, и его пытались упорядочить Кикаха и советник, Паучьи Ноги.

Вскоре все сорок человек организовались в рваную колонну. Кикаха подскочил к Вольфу и крикнул, перекрывая грохот копыт и свист ветра:

— Они глупы, как дикообразы! Хотели развернуться и атаковать кентавров, но я им вбил в головы немного здравого смысла!

Слева скакали, стремясь присоединиться, еще двое разведчиков, Пьяный Медведь и Слишком Много Жен. Кикаха жестом велел им пристроиться в хвосте. Вместо этого парочка продолжала свой подход под углом девяносто градусов и промчалась дальше мимо арьергарда колонны.

— Эти дураки, по-моему, собираются спасти Злого Ножа!

Двое разведчиков и Злой Нож двигались навстречу друг другу. Злой Нож был всего в четырехстах ярдах от хровака, а полукони — в нескольких сотнях ярдов позади него, но с каждой секундой они сокращали разрыв, летя со скоростью, с какой не мог соперничать ни один обремененный всадником конь. Когда они приблизились, Вольф понял, чем именно они являлись.

Они и в самом деле были кентаврами, хотя и не совсем такими, как их рисовали художники Земли. И не удивительно. Властелин, создавая их в биолaborаториях, вынужден был сделать уступки реальности. Главное переустройство определялось потребностью кентавров в кисло-

роде. Большая животная часть кентавра должна была дышать — факт, который игнорировали традиционные земные изображения. Воздухом требовалось снабжать не только верхний, человеческий торс, но и нижнее, териоморфное¹ тело. Относительно небольшие легкие верхней части не могли удовлетворить потребности в воздухе.

Более того, желудок человеческого туловища препятствовал бы снабжению питанием тела под ним, а если бы его присоединили к крупным конским пищеварительным органам, все равно встала бы проблема рациона. Человеческие зубы быстро сотрутся, пережевывая траву.

Поэтому гибридные существа, несшиеся столь быстро и угрожавшие людям, не во всем совпадали с мифическими созданиями, послужившими образцом. Рты и шеи оказались пропорционально большими, чтобы вдохнуть достаточно кислорода. На месте человеческих легких находился похожий на меха орган, гнавший воздух через горлоподобное отверстие, а оттуда — в большие легкие конского тела. Эти легкие были больше лошадиных, потому что вертикальная часть увеличивала потребность в кислороде. Пространство для больших легких было создано удалением более крупных травоядных пищеварительных органов и заменой их меньшим плотоядным желудком. Кентавры ели мясо, включая тела своих индейских жертв.

Конская часть этих созданий по размерам соответствовала земному индейскому коню. Шкуры их были гнедые, белые и пегие. Конский волос покрывал все, кроме широкого, скуластого и большеносого лица почти вдвое больше человеческого. Черты лиц выглядели такими же, как у индейцев прерий Земли — Римского Носа, Сидящего Бизона и Бешеного Коня.

Боевая окраска расчерчивала их лица, а головы венчали уборы из перьев и шлемы из буйволиных шкур с выступавшими рогами.

Оружие оказалось таким же, как у хровака, за исключением одного предмета — болы, двух камней, закрепленных на концах сыромятного ремня. Пока Вольф гадал, что делать, если в него болу бросят, он увидел их в действии. Злой Нож, Пьяный Медведь и Слишком Много Жен встретились и скакали рядом друг с другом примерно в двадцати ярдах впереди своих преследователей. Пьяный Медведь

¹ Звериное.

обернулся и пустил стрелу. Она вонзилась в набухший, похожий на меха орган под человеческой грудью полукопья. Полукопье рухнул, перевернулся пару раз и остался лежать, не двигаясь. Верхний торс его согнулся под таким углом, который мог образоваться только в результате перелома позвоночника. И это несмотря на универсальное соединение кости и хряща при схождении человеческого и конского тела, придававшее крайнюю гибкость верхнему торсу.

Пьяный Медведь закричал и взмахнул луком. Он совершил первое убийство, и его подвиг будут много лет воспевать в Доме Совета хровака.

«Если останется кто-то, чтобы рассказать о нем», — подумал Вольф.

Было выпущено множество бол, раскрученных так, что камни стали едва видимыми. Вращаясь, словно сорвавшиеся со своих осей пропеллеры аэропланов, болы прочертили воздух. Камень на конце одной из них ударил в шею Пьяного Медведя и сбросил его с коня, оборвав его победную песнь. Другая бола обернулась вокруг задней ноги его коня, отправив его на землю.

Вольф одновременно с другими хровака из колонны выпустил стрелу. Он не мог сказать, попала ли она в цель, ибо трудно хорошо прицелиться, сидя на галопирующем коне. Однако четыре стрелы угодили в цель, и четверо полукопий пали. Вольф сразу же вытащил из колчана за спиной другую стрелу, заметив в то же время, что Слишком Много Жен и его конь лежат на земле. Из спины Слишком Много Жен торчала стрела.

Преследователи обогнали Злого Ножа. Вместо того чтобы заколоть его копьями, полукопья разделились и зашли с обеих сторон.

— Нет! — закричал Вольф. — Не давай им этого сделать!

Злой Нож, однако, заслужил свое имя не без веской причины. Если полукопья упустили шанс убить его ради того, чтобы взять живым для пыток, то им придется поплатиться за свою ошибку. Злой Нож швырнул свой длинный тишкетмоакский нож в лошадиное тело ближайшего к нему полукопья. Кентавр закувыркался. Злой Нож выхватил из ножен еще один. В его кобылу вогнали копье, но он бросился на ближайшего кентавра.

Вольф мельком увидел его сквозь массу тел. Злой Нож приземлился на спину кентавра, который чуть не рухнул

от толчка, но сумел оправиться и понесся дальше. Злой Нож вонзил лезвие в спину человеческого торса. Мелькнули копыта, хвост кентавра взметнулся в воздух, а за ним последовали круп и задние ноги.

Вольф подумал, что Злому Ножу конец, но нет. Тот каким-то чудом оказался на ногах, а затем вдруг на лошадином туловище другого кентавра. На этот раз Злой Нож держал лезвие клинка у горла врага. Он явно угрожал вскрыть ему яремную вену, если полуконь не унесет его прочь от других.

Пи́ка, воткнутая сзади, пронзила Злого Ножа, не раньше, однако, чем он выполнил свою угрозу и перерезал шею полуконю, на котором сидел.

— Я видел это! — крикнул Кикаха. — Какой муж этот Злой Нож! После того, что он сделал, даже дикие полукони не посмеют расчлени́ть его тело! Они чтят врага, давшего им жестокий бой, хотя они, конечно, все равно съедят его.

Теперь хинг гатаврит подобрался близко к заднему концу цепочки хровака. Люди разделились на отряды и увеличили скорость, чтобы обойти кентавров с обеих сторон. Кикаха сказал Вольфу, что полукони не бросятся сразу на хровака в массовую атаку. Они постараются немного поразвлечься с врагами, а также дать своим неиспытанным молодым воинам шанс показать свое искусство и смелость.

Полуконь в черно-белых яблоках, носивший единственное ястребиное перо в повязке вокруг головы, отделился от основной группы слева. Вертя болой в правой руке и держа оперенное копьё в левой, он поскакал к Кикахе. Камни на концах сыромятного ремня засвистели, став неразличимыми, а затем рванулись с его руки. Путь их полета лежал вниз, к ногам вражеского коня.

Кикаха накренился и ловко выставил на пути болы копьё. Он проделал это настолько своевременно, что встретил ремень посередине. Кикаха поднял копьё, а бола все вертелась и вертелась, пока не обмоталась вокруг древка. Добрую часть энергии поглотило длинное копьё, но инерция перенесла болу по дуге на правую сторону от Кикахи, чуть не ударив Вольфа, которому пришлось пригнуться. Кикаха едва не потерял копьё, поскольку оно выскользнуло из его руки, увлекаемое весом болы, но сумел-таки удержать. Тогда он победно потряс своим оружием с болой на верхнем конце.

Со стороны колонн кентавров поднялся рев одобрения и восхищения. Незадачливый же полуконь в ярости погро-

зил кулаком и решил атаковать Кикаху с копьем. Вождь вылетел вперед и перехватил юнца. Он сказал несколько слов и отправил его с позором обратно к основной группе.

Вождь был рослым чалым в шляпе со множеством перьев и полосами черных шевронов, нарисованных на его конских ребрах.

— Атакующий Лев! — крикнул по-английски Кикаха. — Он думает, что я заслуживаю его внимания!

Он проорал что-то на языке вождя, а затем разразился издевательским смехом, когда темная кожа последнего стала еще темнее. Атакующий Лев крикнул в ответ и рванулся вперед, чтобы поравняться с оскорбителем. Пика в его правой руке была нацелена в грудь Кикахе, но тот встретил ее своей собственной. Два древка отскочили друг от друга. Кикаха вытащил левую руку из креплений маленького щита из шкуры мамонта. Он блокировал своей пикой очередной удар пики кентавра, а затем метнул щит, словно диск. Щит пролетел между воинами и ударил Атакующего Льва по правой передней ноге.

Кентавр споткнулся и упал.

Когда он попытался подняться, то обнаружил, что не может наступить на правую переднюю ногу. Из группы полуконей вырвался крик, дюжина вождей в шляпах устремилась с копьями наперевес к Атакующему Льву. Тот держался храбро и ждал смерти, сложив руки на груди, как и подобало великому, но теперь потерпевшему поражение и искалеченному кентавру.

— Передай по цепи приказ замедлить скачку! — бросил Кикаха. — Кони не смогут долго выдержать такую скорость, многие из них уже сейчас в мыле. Может быть, мы сумеем поберечь их и выиграть немного времени, если полукони захотят испытать еще каких-нибудь своих необстрелянных. Если же не захотят, то какая разница?

— Пока было весело, — сказал Вольф. — Если мы и не сумеем доскакать до цели, то сможем, по крайней мере, сказать, что не скучали.

Кикаха приблизился, чтобы хлопнуть Вольфа по плечу.

— Ты мне по душе! Я счастлив, что познакомился с тобой. О-го-го! Вот уже скачет необстрелянный! Но он собирается выбрать Лапы Россомахи!

Лапы Россомахи, один из тестей Кикахи, находился во главе колонны хровака и как раз перед Вольфом. Он выкрикивал оскорбления полуконю, атаковавшему его и рас-

кручивавшему болу, а затем бросил копьё. Кентавр, видя летевшее к нему оружие, выпустил болу раньше, чем собирался. Копьё пронзило ему плечо, бола все же достигла цели и обмоталась вокруг Лапы Россوماхи. Потеряв сознание от удара камнем, он упал с коня.

Кони Кикахи и Вольфа перепрыгнули через тело, лежавшее перед ними. Кикаха нагнулся и проткнул Лапы Россوماхи своей пикой.

— Они не порадуются, пытая тебя, Лапы Россوماхи! — воскликнул Кикаха. — Ты заставил их поплатиться жизнью.

Наступил черед индивидуальных схваток. Вновь и вновь молодые необстрелянные кентавры выскакивали из основной группы, чтобы бросить вызов одному из людей. Иногда побеждал человек, иногда кентавр. В конце кошмарных тридцати минут от сорока хровака осталось двадцать восемь. Когда подошла очередь Вольфа, ему достался рослый воин, вооруженный дубиной, усаженной стальными шипами. У того также имелся маленький круглый щит, которым он попытался повторить трюк Кикахи. Это не сработало, так как Вольф отбил щит острием пики. Однако его защита была на минуту снята, в эту-то минуту кентавр и воспользовался своим преимуществом.

Он подскочил так близко, что Роберт не мог отпрянуть назад достаточно далеко, чтобы воспользоваться пикой.

Дубина высоко поднялась, на острых концах ее шипов сверкнуло солнце. Огромное широкое лицо кентавра расколола победная ухмылка. У Вольфа не было времени уклониться, а если бы он попытался схватить дубину, то пал бы с разбитой и искалеченной рукой. Не думая, он сделал нечто, удивившее как кентавра, так и его самого. Наверное, его вдохновил подвиг Злого Ножа. Он бросился с коня, пролетел под дубиной и обхватил полуконя за шею. Его враг пронзительно закричал от страха. Затем они рухнули наземь с ударом, отшибшим дыхание у обоих.

Вольф вскочил на ноги, надеясь, что Кикаха схватил его коня за узду. Кикаха и впрямь держал коня, но не делал ни малейшего движения, чтобы подвести его к Вольфу. И хровака, и полукони остановились.

— Законы войны, — крикнул Кикаха. — Кто первый схватит дубину, тот и победит!

Вольф и кентавр, теперь уже поднявшийся на ноги, — рванулись к дубине, валявшейся примерно в тридцати футах позади них.

Скорость четвероногого была слишком велика для двуногого.

Кентавр добрался раньше, опередив Роберта на десять футов. Не снижая скорости, он нагнул свое человеческое туловище и подхватил дубину. Затем он затормозил и развернулся, да так стремительно, что вынужден был встать на дыбы. Вольф не переставал бежать. Он приблизился, а затем прыгнул на полуконя, несмотря на то, что тот встал на дыбы. Кентавр ударил копытом, но Роберта это не оставило. Хотя удар ногой и задел его, Вольф врезался в верхнюю часть туловища полуконя с такой силой, что увлек его назад, и они оба снова упали.

Несмотря на столкновение, Вольф обвинил правой рукой шею кентавра. Он висел на нем, в то время как кентавр упорно пытался подняться на ноги. Кентавр, потеряв свою дубину, старался одолеть человека силой. Он снова усмехался, так как превосходил Вольфа в весе, по меньшей мере, на семьсот футов. Его торс, грудь и руки тоже были намного массивней, чем у Роберта.

Вольф напрягал ноги, сопротивляясь напавшему весу кентавра, и не отодвигался. Он сжимал руку на огромной шее, и в какой-то момент полуконь не смог дышать.

Тогда он попытался выхватить нож, но Вольф схватил другой рукой запястье соперника и выкрутил его. Кентавр завизжал от боли и выронил нож.

Со стороны полуконей раздался рев удивления. Они никогда раньше не видели такой силы у человека.

Вольф напрягся, рванул и опустил боровшегося воина на передние колени.

Его кулак ударил по вздымавшимся мехам под ребрами и погрузился в них. Полуконь издал громкое «уф». Вольф отпустил свой захват, сделал шаг назад и использовал правый кулак против толстой челюсти наполовину лишившегося сознания кентавра. Голова откинулась назад, и полуконь рухнул как подкошенный. Прежде чем он смог опять очнуться, ему раздробили череп его же дубиной.

Вольф снова вскочил на коня, и три колонны поскакали дальше легким галопом. Некоторое время полукони ничего не предпринимали. Их вожди, казалось, что-то обсуждали. Что бы они ни надумали, они потеряли свой шанс минуту спустя.

Кавалькады перевалили через небольшой бугор и поехали в широкую ложбину. Она была достаточно глубо-

ка, чтобы скрыть расположившийся там львиный прайд. Очевидно, двадцать с чем-то представителей вида фелис атрокс съели предыдущей ночью протOVERблюда и были слишком сонливы, чтобы обратить внимание на грохот приближавшихся копыт. Но теперь, когда скакуны внезапно оказались среди них, большие кошки вступили в действие. Их ярость увеличивалась желанием защитить детенышей.

Вольфу и Кикахе повезло. Хотя со всех сторон прыгали огромные кошки, ни одна не бросилась на них. Но Вольф оказался достаточно близко к одному самцу, чтобы разглядеть внушавшие ужас подробности, — ближе он никогда не желал бы оказаться. Кот был величиной почти с коня, и хотя у него отсутствовала грива африканского льва, зато отнюдь не отсутствовала мощь и свирепость. Он прыгнул мимо Вольфа на ближайшего кентавра, который с воплем упал. Челюсти сомкнулись на горле, и тот умер.

Вместо того чтобы заняться трупом, самец прыгнул на другого полуконя, и тот рухнул столь же легко.

Все превратилось в хаос из рычавших кошек, пронзительно ржавших лошадей, кричавших людей и полуконей. Каждый был за себя, о битве никто уже не помышлял.

Вольфу, Кикахе и тем хровака, которые оказались достаточно счастливыми, чтобы не подвергнуться нападению, потребовалось тридцать секунд, чтобы выбраться из ложбины. Им не нужно было понукать лошадей, которые рванули с такой скоростью, что возникли сложности с тем, чтобы не дать им загнать себя до смерти.

Позади них, но теперь в отдалении, из ложбины выби-
рались тонким ручейком кентавры, избежавшие львиных когтей и зубов. Вместо того, чтобы сразу преследовать хровака, они отбежали на безопасное расстояние от львов, а затем остановились подсчитать свои потери. На самом деле они потеряли не больше дюжины, но были сильно потрясены.

— Удача за нас! — крикнул Кикаха. — Однако если мы не сможем добраться до леса, прежде чем они снова погонят нас, то конец! Они не собираются больше продолжать индивидуальные схватки. Значит, произведут всеобщую атаку!

Лес, к которому они стремились, выглядел таким же далеким, как раньше. Вольф не верил, что конь, хотя он и был великолепным зверем, сумеет доскакать до него.

Шкура коня стала темной от пота, и он тяжело дышал. И все же мчался вперед, машина из прекрасно закаленной плоти и духа, которая будет бежать, пока у нее не лопнет сердце.

Теперь полукони пустились в полный галоп и постепенно настигали отряд. Через несколько минут они оказались на расстоянии выстрела из лука. Несколько стрел вонзились в траву, и кентавры отказались от стрельбы, так как поняли, что луки почти бесполезны из-за тряски и скорости, с которой мчались и лучники, и мишень.

Вдруг Кикаха издал восторженный вопль.

— Не снижайте скорости! — крикнул он всем. — Да благоволит нам дух Акджау-Димиса!

Вольф не понял его, пока не посмотрел, куда указывал палец Кикахи. Перед ними, полускрытые высокой травой, находились тысячи земляных холмиков. Там сидели существа, похожие на полосатых собак прерий.

В следующую минуту хровака скакали через звериную колонию, а полукони — сразу же за ними. Послышались вопли, лошади и кентавры с треском падали, ступив в ямы. Рухнувшие животные и полукони лягались и пронзительно кричали от боли в сломанных ногах. Кентавры, мчавшиеся позади первой волны, вставали на дыбы, чтобы остановиться, а те, что скакали следом, врезались в них. Теперь на границе поля полосатых собак прерий громоздилась куча переломанных и лягавшихся четвероногих тел. Полукони, которым повезло оказаться далеко позади, остановились и смотрели на своих застрявших товарищей, затем осторожно потрусили вперед, внимательно следя, куда ставят копыта. Тем, кто сломал руки или ноги, они перерезали глотки.

Хровака, хотя и сознавали, что происходило у них за спиной, не задерживались посмотреть. Они гнали дальше, но с меньшей скоростью. Теперь у них имелось десять лошадей и двенадцать человек. Жужжит Как Пчела и Высокая Трава сели за спины тех, у кого лошади не сломали ноги.

Кикаха, поглядев на них, покачал головой. Вольф знал, о чем он думает.

Ему следовало бы приказать Жужжит Как Пчела и Высокой Траве слезть и бежать на своих двоих, иначе не только они, но и подобравшие их воины неизбежно будут настигнуты. Затем Кикаха сказал:

— К черту все! Я их не брошу!

Он притормозил, поравнявшись с ними. Коротко поговорив со скакавшими парой, он снова поравнялся с Вольфом.

— Если они пропадут, так пропадем все вместе, — сказал он. — Но ты не обязан оставаться с нами, Боб. Ты должен хранить верность не нам. У тебя нет никакой причины приносить себя в жертву ради нас и терять Хрисеиду и рог.

— Я остаюсь, — твердо заявил Вольф.

Кикаха усмехнулся и хлопнул его по плечу.

— Я надеялся, что мы сможем добраться до леса, но нам этого не суметь. К тому времени, когда мы доберемся до большого холма, что в полумиле впереди, нас снова догонят. Очень жаль. До леса-то останется всего лишь полмили.

Колония прерийных собак осталась позади столь же стремительно, как раньше возникла перед ними. Хровака пустили своих животных в галоп. Минуту спустя кентавры беспрепятственно прошли через поле и тоже помчались на полной скорости. Преследуемые поскакали вверх по холму. На вершине они остановились, строясь в круг.

Вольф показал вниз по склону холма и через равнину на небольшую речку. Вдоль нее рос лес, но его волнение было вызвано не этим. У края реки сияли, частично загороженные деревьями, белые типы¹.

Кикаха долго смотрел на них, прежде чем сказать:

— Ценаква. Смертельные враги медвежьего народа. Впрочем, кто им не враг?

— Вот они выходят, — сказал Вольф. — Их, должно быть, предупредили часовые.

Он показал на неорганизованную группу всадников, выезжавших из леса.

Солнце отсвечивало от белых лошадей, белых щитов и белых перьев и искрилось на наконечниках пик.

Один из хровака, завидя их, завыл песню на высоких тонах. Кикаха прикрикнул на него, и тот замолк. Сейчас было не время для песни смерти, они еще обманут и полуконей, и ценаква.

— Я собирался дать здесь последний бой, — проговорил Кикаха, — но теперь — нет. Мы поскачем к ценаква, а затем оторвемся от них к лесу вдоль реки. Как мы отделаемся, зависит от того, решат ли оба наших противника

¹ Жилища северо-американских индейцев — шалаши, покрытые шкурами животных.

драться или нет. Если один откажется, то другой нас одолеет. Если нет... Ходу!

Пронзительно вопя «Хайя», они ударили пятками по ребрам лошадей и поскакали вниз с холма прямо на ценак-ва. Вольф оглянулся через плечо и увидел, что полукони мчатся по склону холма следом за ними.

— Не думал я, что они попадутся на это,— крикнул Кикаха.— Много женщин будет выть сегодня в вигвамах, но не только среди медвежьего народа!

Теперь хровака достаточно приблизились, чтобы различить узоры на щитах ценак-ва — черные свастики, символ, который Роберт воспринял без удивления. Крючковатый крест на Земле являлся древним и широко распространенным. Он был известен троянцам, критянам, римлянам, кельтам, норвежцам, индийским буддистам и брахманам, китайцам и всей доколумбовской Северной Америке. Вольф не удивился и тому, что надвигавшиеся индейцы оказались рыжими. Кикаха рассказывал ему, что ценак-ва красили свои черные локоны.

По-прежнему неупорядоченной массой, но битые теперь потесней, ценак-ва взяли копыя наперевес и издали свой боевой клич — подражание клекоту ястреба. Кикаха во главе колонны поднял руку, поддержал, а затем резко рубанул ею воздух. Его конь развернулся влево и поскакал прочь, за ним последовала цепочка медвежьего народа, словно он — голова, а другие — тело змея.

Вблизи от врага Кикаха резко свернул в сторону, его расчет времени оказался точен. Когда полукони и ценак-ва с треском врезались друг в друга и перепутались в потасовке, хровака ускакали прочь. Они добрались до леса, замедлили ход, пробираясь сквозь деревья и подлесок, а потом переправились через речку. Там Кикахе пришлось поспорить с несколькими соплеменниками, хотевшими вернуться обратно и сделать набег на типи ценак-ва, пока их воины заняты боем с полуконями.

— По-моему, в этом есть смысл,— высказался Вольф.— Если мы задержимся там ровно настолько, чтобы захватить несколько лошадей. Жужжит Как Пчела и Высокая Трава не могут продолжать скакать по двое.

Кикаха пожал плечами и отдал приказ.

Набег занял пять минут. Хровака вновь переправились через речку и, выскочив из леса с дикими криками, рассеялись среди типи. Женщины и дети завизжали и укры-

лись в лесу и в вигвамах. Некоторые хровака хотели захватить не только коней, но и добычу. Кикаха пригрозил, что убьет первого, кого поймают на краже чего-нибудь, кроме луков и стрел. Но сам нагнулся с коня и подарил хорошенькой, но боевитой женщине долгий поцелуй.

— Скажи своим мужчинам, что я взял бы тебя в постель и сделал бы так, чтобы навек оставить мучиться мужчин из твоего племени, — бросил ей Кикаха, — но нас ждут дела поважнее.

Он, смеясь, отпустил женщину, убежавшую в вигвам. Кикаха задержался достаточно долго, чтобы помочиться в большой котел посередине лагеря — смертельное оскорбление, — а затем приказал отряду убираться.

Глава X

Они ехали две недели, а потом оказались на опушке Леса Деревьев со Многими Тенями. Здесь Кикаха устроил долгое прощание с хровака. Они также, подойдя по очереди к Вольфу и положив ему руки на плечи, произносили прощальную речь. Теперь он стал одним из них. Вернувшись, он возьмет дом и жену и будет выезжать с ними на охоту и на войну. Он был Квашинг Да, «Сильный», он убил своего врага бок о бок с ними, он поборол полуконя, ему дадут медвежонка, чтобы он вырастил его как своего родного. Властелин благословит его сыновьями и дочерьми, и так далее, и тому подобное.

Вольф степенно ответил, что не мог придумать большей чести, чем быть принятым медвежьим народом, и он говорил правду.

Много дней спустя они проехали через Лес Деревьев со Многими Тенями. Однажды ночью они потеряли обоих коней из-за кого-то, оставившего следы четырехпалых ног, по размеру в десять раз превышающих человеческие. Вольф был опечален и разъярен, так как он успел привязаться к своему животному. Он хотел погнаться за этим Ва Ганасситом и отомстить. Услышав такое предложение, Кикаха в ужасе воздел руки.

— Будь счастлив, что тебя самого не уволокли! — воскликнул он. — Ва Ганассит покрыт полукремневой чешуей. Твои стрелы отскочат от него. Забудь про лошадей. Мы можем когда-нибудь вернуться и поохотиться на него. Ва

Ганассита можно поймать в ловушку, а потом зажарить на костре, что я и хотел бы сделать, но мы должны быть благоразумными. Пошли.

По другую сторону леса они соорудили каное и поплыли вниз по широкой реке, проходившей через множество больших и малых озер. Местность здесь была холмистая, с крутыми утесами. Она напомнила Вольфу лесные долины Висконсина.

— Прекрасная страна, но здесь живут чакоревачи и энвадоиты.

Тринадцать дней спустя, во время которых им трижды приходилось бешено грести, спасаясь от преследовавших их каное с воинами, они оставили лодку. Перейдя широкую и высокую гряду холмов, большей частью — ночью, они вышли к большому озеру. Там снова соорудили каное и пустились через воды.

Пять дней плавания привели их к подножию монолита Абхарплунты. Они начали медленный подъем, столь же опасный, каким было предыдущее восхождение. К тому времени, когда добрались до вершины, они израсходовали весь запас стрел и страдали от ран.

— Ты можешь понять, почему сообщение между ярусами ограничено, — сказал Кикаха. — Его запретил Властелин. Это, однако, не удерживает непочтительного авантюриста или торговца от подобной попытки. Между гранью и Дракландией лежат несколько тысяч миль джунглей с рассыпанными здесь и там большими плато. Река Гузирит протекает всего лишь в ста милях. Мы отправимся туда и попробуем нанять лодку.

Они приготовили кремневые наконечники и древки для стрел. Вольф убил тапироподобное животное. Мясо его было вонючим, но оно наполнило их силой. Роберт хотел скорей отправиться, находя неторопливость Кикахи раздражающей.

Кикаха посмотрел на зеленое небо и заметил:

— Я надеялся, что одна из пташек Подарги найдет нас и сообщит новости. В конце концов, мы не знаем, какое направление выбрали гворлы. Они должны были отправиться к горе, но могли выбрать два пути: дорогу через джунгли, маршрут слишком опасный, или — отправиться на лодке вниз по Гузириту. У этого маршрута свои опасности, особенно для таких бросающихся в глаза тварей, как гворлы. А Хрисеида получила бы высокую цену на работорговом рынке.

— Мы не можем вечно ждать орлицу, — возразил Вольф.

— Да нам и не придется, — ответил Кикаха.

Он показал наверх, и Вольф, проследив за его пальцем, увидел желтую молнию. Она исчезла только для того, чтобы появиться в поле зрения миг спустя. Орлица стремительно падала, сложив крылья. Вскоре она остановила падение и спланировала к ним.

Фтия представилась, а потом сразу же заявила, что принесла хорошие новости. Она заметила гворлов и женщину, Хрисеиду, всего в четырехстах милях отсюда. Они устроились пассажирами на купеческом судне и путешествовали вниз по Гузириту к Стране Людей в Доспехах.

— Ты видела рог? — спросил Кикаха.

— Нет, — ответила Фтия. — Но они, несомненно, прячут его в одном из своих бурдюков. Я выхватила у гворла один бурдюк, надеясь, что рог окажется там. За свои хлопоты я добыла мешок, полный барахла, и чуть не получила стрелу в крыло.

— У гворлов есть луки? — удивился Вольф.

— Нет. В меня стреляли речники.

Вольф спросил о воронах и услышал в ответ, что их было много. Властелин явно приказал им постоянно следить за гворлами.

— Это плохо, — встревожился Кикаха. — Если они нас заметят, мы окажемся в настоящей беде.

— Они не знают, какие вы на вид, — успокоила их Фтия. — Я спряталась и подслушала разговор с воронами. Гворлы пытались описать вас «очам» Властелина. Вороны ищут двух людей, путешествующих вместе; оба высокие, один — черноволосый, а другой — бронзоволосый. Но это и все, что они знают, а к этому описанию подходят многие люди. Вороны, однако, будут высматривать двух людей, идущих по следу гворлов.

— Я покрашу бороду, и мы достанем хамшемскую одежду, — решил Кикаха.

Фтия сказала, что она должна лететь дальше. Она отправлялась с докладом к Подарге, оставив другую сестру продолжать наблюдение за гворлами. Кикаха поблагодарил ее и взял слово, что она передаст его привет Подарге. После того, как гигантская птица поднялась в небо, спутники направились в джунгли.

— Ступай мягко и говори тихо, — велел Кикаха. — Здесь водятся тигры, фактически, джунгли кишат ими. Здесь

также водится большой топороклюв. Это бескрылая птица, настолько крупная и свирепая, что от нее бросилась бы улепетывать любая из птичек Подарги. Я однажды видел, как два тигра связались с топорокклювом, но почти сразу поняли, что неплохо было бы поскорее унести ноги.

Несмотря на предупреждение Кикахи, они увидели очень мало живности, за исключением огромного числа многоцветных птиц, обезьян и рогатых жуков размером с мышь. Для жуков у Кикахи нашлось только одно слово: «Ядовитые». С этого времени Вольф, прежде чем лечь, убеждался, что ни одного из них поблизости нет.

Перед тем, как двигаться дальше, Кикаха искал одно растение — губхареш. После длительных розысков он обнаружил несколько кустов, истолок волокна, сварил их и отжал черную жидкость. Ею он выкрасил свои волосы, бороду и кожу.

— Свои зеленые глаза я объясню сказочкой про мать-рабыню из Тевтонии, — сказал он. — Вот. Употребил немного и ты. Станешь немного потемнее, это не повредит.

Они вышли к полуразрушенному Каменному городу с приземистыми ширококоротыми идолами. Горожане оказались невысокими, худощавыми и темноволосыми людьми, одетыми в коричневые накидки и черные набедренные повязки. Волосы как у мужчин, так и у женщин, были длинными. Их смазывали маслом, получаемым из молока пегих коз, бойко скакавших по руинам и питавшихся травой, проросшей из трещин в камне. Эти люди, кайдушанги, держали кобр в маленьких клетках и часто выпускали своих любимцев, чтобы погладить. Они жевали дхиз, — растение, делавшее их зубы черными и придававшее взглядам туманное выражение, а их движениям — медлительность.

Кикаха, употребив х'вайжум, общепонятный местный жаргон, устроил меновую торговлю со старейшинами. Он сменял ногу убитого им с Вольфом гиппопотамоподобного зверя на хамшемскую одежду. Спутники облачились в красно-зеленые тюрбаны, украшенные перьями кигглибаша, белые безрукавные рубашки, мешковатые лиловые шаровары, кушаки, много раз обматываемые вокруг талии, и черные туфли с загнутыми носами.

Несмотря на оцепеневшие от дхиза мозги, старейшины оказались очень ловкими торговцами. Только когда Кикаха достал из своего рюкзака самый маленький сапфир —

один из драгоценных камней, подаренных ему Подаргой, — они продали инкрустированные жемчугом ножны и ятаганы из припрятанных ими товаров.

— Надеюсь, что лодка прибудет скоро, — заметил Кикаха. — Теперь, когда они знают, что у меня есть камни, они могут попробовать перерезать нам глотки. Я сожалею, Боб, но нам придется ночью караулить друг друга. Еще они любят посылать своих змей выполнять за них грязную работу.

В тот же день из-за поворота реки выплыло купеческое судно. При виде двух путников, стоявших на гниющем пирсе и махавших длинными белыми платками, капитан приказал бросить якорь и спустить паруса.

Вольф и Кикаха сели в спущенную для них лодочку и были отвезены на «Хриллкуз» — судно длиной в сорок футов, с низкой серединой, но высоко расположенными палубами на корме и в носовой части, с одним косым парусом и кливером. Матросы по большей части принадлежали к ветви хамшемского народа, называемой шибакуб. Они разговаривали на наречии, фонологию и структуру которого Кикаха описывал Вольфу прежде. Он был уверен, что это архаическая форма семитского, подвергшаяся влиянию аборигенных наречий.

Капитан Архюсель вежливо приветствовал их на полукуте. Он сидел, скрестив ноги на куче подушек и богатых ковров, потягивая густое вино из крошечной чашки.

Кикаха, назвавшийся Ишнакрубелем, выдал свою заботливо приготовленную историю. Он и его спутник, человек, давший обет не разговаривать, пока не вернется к своей жене в далекой стране Шипиту, провели несколько лет в джунглях. Они искали легендарный затерянный город Зикунант.

Сплетенные черные брови капитана поднялись, и он погладил ниспадавшую до пояса темно-каштановую бороду. Он попросил их присесть и принять чашу ахаштумского вина, пока они рассказывают свою повесть. Глаза Кикахи сверкнули, и он усмехнулся, погружаясь в свой рассказ. Вольф его не понимал и все же был уверен, что его друг в восторге от собственных длинных, богатых на подробности и приключения выдумок. Он только надеялся, что Кикаха не увлечется чересчур и не возбудит недоверия.

Проходили часы, пока каравелла плыла вниз по реке. Один матрос с мешками под глазами, одетый только в

алую набедренную повязку, тихо играл на флейте у фордека¹. Им принесли еду на серебряной и золотой тарелках: зажаренную обезьяну, фаршированную птицу, твердый черный хлеб и кислое желе. Вольф нашел мясо чересчур пряным, но съел.

Солнце приблизилось к своему еженощному повороту за гору, и капитан поднялся. Он провел их в маленькое святилище позади штурвала. Здесь стоял идол из зеленого нефрита, Тартартар. Капитан пропел молитву, главную молитву Властелину. Затем Архюрель опустился на колени перед мелким божком собственного народа и отвесил глубокий поклон. Матрос побрызгал немного фимиама на крошечный огонь, пылавший в выемке на коленях у Тартартара. В то время как аромат распространялся по кораблю, те, кто придерживался веры капитана, тоже пришли помолиться. Позже матросы, поклонявшиеся другим богам, исполнили свои личные обряды.

Той ночью путники лежали на средней палубе на предоставленной им капитаном куче мехов.

— Не знаю я насчет этого парня, Архюреля, — говорил Кикаха. — Я рассказал ему, что мы не сумели отыскать город Зикунант, но нашли небольшой тайник с сокровищами. Хвалиться нечем, но достаточно, чтобы позволить нам скромно жить без забот по возвращении в Шиашту. Он не попросил показать драгоценности, хотя я пообещал дать ему за наш проезд большой рубин. Эти люди заключают сделки не спеша: торопиться в делах — оскорбительно. Но жадность может победить его чувство гостеприимства и деловую этику, если он подумает, что легко сможет получить большую добычу, перерезав нам глотки и выбросив тела в реку.

Он на мгновение замолк. С деревьев вдоль реки доносились крики птиц. Время от времени какой-то ящер ревел с берега или из реки.

— Если он собирается сделать что-то бесчестное, то делает на следующей тысяче миль. Это отрезок реки, за которым городки и города становятся все более многочисленными.

В следующий полдень, сидя под установленным для их удобства пологом, Кикаха презентовал капитану рубин, огромный и прекрасной огранки. За него Кикаха мог бы купить у капитана само судно с экипажем впридачу. Ки-

¹ Складной подъемный верх.

каха надеялся, что Архюрель будет более чем удовлетворен. Капитан и сам мог, если желал, уйти на покой после его продажи. Затем Кикаха сделал то, чего хотел бы избежать, да знал, что нельзя. Он вынул остальные драгоценные камни: алмазы, сапфиры, рубины, гранаты, турмалины и топазы. Архюрель улыбнулся, облизнул губы и три часа гладил камни. Наконец он заставил себя отдать их.

Той ночью, пока они лежали в своих постелях на палубе, Кикаха достал пергаментную карту, позаимствованную им у капитана. Он показал на большой изгиб реки и постукал пальцем по кружку, отмеченному причудливыми завитушками слоговых символов хамшемского письма.

— Это город Хотсикш. Он брошен народом, построившим его, — подобно тому, из которого мы отплыли на этом судне, — и населен полудиким племенем визварт. Мы тихо покинем корабль в ночь, когда бросим там якорь, и пересечем тонкий сухопутный перешеек, срезав путь по реке. Возможно, мы сумеем выиграть достаточно времени, чтобы перехватить судно, везущее гворлов. Если же нет, то мы все равно окажемся впереди этого судна. Мы сядем на другого «купца» или, если ни одного не подвернется, найдем визвартскую долбленку с экипажем.

Двенадцать дней спустя «Хриллуз» пришвартовался у массивного, но потрескавшегося пирса. На каменном языке толпились визварты и кричали матросам, показывая им кувшины с дхизом и «золотым дождем», певчих птиц в деревянных клетках, обезьян на поводках, остатки материальной культуры из спрятанных и разрушенных городов в джунглях, сумки и кошель, сделанные из пупырчатых шкур речных ящеров, и плащи из шкур тигров и леопардов. У них имелся даже детеныш топороклюва, за которого, как они знали, капитан заплатит хорошую цену, чтобы продать потом его Башишубу, королю шибакуба. Их главным товаром, однако, были женщины — одетые в длинные дешевые халаты из алого и зеленого хлопка, они расхаживали взад-вперед по пирсу, молниеносно распахивали свои халаты, а потом быстро закрывались, одновременно выкрикивая цену проката на ночь для изголодавшихся по женщинам матросов. Мужчины, одетые только в белые тюрбаны и фантастические гульфики, стояли в стороне, жевали дхиз и усмехались. Все имели шестифутовые духовые ружья и длинные, тонкие, кривые ножи, воткнутые в спутанные узлы волос на макушках.

Во время торга между капитаном и визвартом Кикаха и Вольф бродили по циклопическим плитам и руинам города. Внезапно Вольф предложил:

— Камни-то у тебя ведь с собой. Почему бы нам не взять визварта-проводника и не отправиться сейчас? Зачем ждать ночи?

— Мне нравится твой стиль, друг, — согласился Кикаха. — Ладно. Пошли.

Они нашли высокого худого человека, Вивхина, который с энтузиазмом принял их предложение, когда Кикаха показал ему топаз. По их настоянию, он не сказал даже жене, куда идет, а сразу повел их в джунгли. Он хорошо знал тропы и, как обещал, доставил их за два дня к городу Кирукшак. Здесь он потребовал еще один камень, сказав, что если его наградят, он вообще никому не скажет о них.

— Награды я тебе не обещал, — сказал Кикаха, — но мне нравится проявленный тобой прекрасный дух свободного предпринимательства, друг мой, поэтому вот тебе еще один, но если попробуешь получить третий — убью.

Вивхин улыбнулся, поклонился, взял второй топаз и потрусил в джунгли. Кикаха, глядя ему вслед, произнес:

— Может быть, мне все равно следовало бы его убить. В лексиконе визвартов нет даже слова честь.

Они вошли в развалины. После получаса лазания и осторожного продвижения между обвалившимися зданиями и кучами земли путники оказались на приречной стороне города. Здесь собрались долины, народ той же языковой семьи, что и визварты, но их мужчины имели длинные, висящие усы, а женщины красили верхнюю губу в черный цвет и носили кольца в носу. С ними находилась группа купцов из страны, давшей говорящим на хамшемском свое название. У пирса не оказалось никакой речной каравеллы.

Увидев это, Кикаха остановился и собрался вернуться в развалины, но сделал это слишком поздно, потому что хамшеры увидели и окликнули их.

— С таким же успехом можно бросить им вызов, — пробурчал Вольфу Кикаха. — Если я заору, беги, как из ада. Эти субчики — работорговцы.

Там находилось около тридцати хамшеров, вооруженных ятаганами и кинжалами. Вдобавок, среди них было около пятидесяти солдат, высоких, широкоплечих, более светлых, чем хамшеры, с вытатуированными на лицах и

плечах спиральными узорами. Кикаха объяснил, что это шолкинские наемники, часто используемые хамшемами. Они являлись знаменитыми копейщиками, горцами, козопасами, презиравшими женщин, как не годных ни к чему, кроме домашних хлопот, работы в поле и рождения детей.

— Не давай им взять себя живым.

Это последнее, что услышал Вольф от Кикахи, прежде чем тот улыбнулся и поздоровался с предводителем хамшемов — очень высоким и мускулистым человеком по имени Абиру, лицо которого можно было бы назвать красивым, если бы его нос не выглядел чересчур большим и кривым, как ятаган. Он ответил Кикахе достаточно вежливо, но его большие черные глаза рассматривали их, словно взвешивали продаваемое мясо.

Кикаха выдал ему ту же историю, какую рассказал Архюрелю, но существенно сократил ее, умолчав про драгоценности. Он сказал, что они будут ждать, пока не придет купеческое судно и не отвезет их обратно в Шиашту. Затем он спросил, насколько славно обстояли дела у Абиру. К тому времени способность Вольфа быстро подхватывать языки дала ему возможность понимать хамшемское наречие на простой разговорной основе.

Абиру ответил, что благодаря Властелину и Тартартару данное деловое предприятие оказалось очень прибыльным. Кроме рабов обычного типа, он захватил в плен группу очень странных созданий, а также женщину исключительной красоты, подобной которой никогда прежде не видели, во всяком случае, на этом ярусе.

Сердце Вольфа начало сильно стучать. Неужели это возможно?

Абиру спросил, не хотят ли они взглянуть на пленников.

Кикаха бросил предупреждающий взгляд на Вольфа, но ответил, что он очень хотел бы увидеть как курьезных существ, так и сказочно прекрасную женщину. Абиру поманил капитана наемников и приказал ему отправить с ними десять его воинов. Тут Вольф почуял опасность, которую Кикаха признавал с самого начала. Он знал, что им следует бежать, хотя вряд ли бы им это удалось. Шолкины явно привыкли настигать беглецов своими копьями. Но он отчаянно хотел вновь увидеть Хрисеиду. Поскольку Кикаха не сделал никакого хода, Вольф решил не начинать ничего по собственной инициативе. Кикаха, больше опытный, наверняка знал, как лучше всего поступить.

Абиру, любезно болтая о прелестях столичного города Хамшема, провел их по заросшей подлеском улице к большому ступенчатому зданию с разбитыми статуями на разных уровнях. Он остановился перед входом, у которого стояло еще десять шолкинов. Даже прежде чем войти, Вольф узнал, что гворлы находятся там. Перекрывая вонь немых человеческих тел, оттуда плыл запах гнилых фруктов, исходящий от бугристого народа.

Внутреннее помещение оказалось огромным, прохладным и скудно освещенным. У противоположной стены на земле, наваленной на каменный пол, сидели вереницей около сотни мужчин и женщин, а также тридцать гворлов. Все были прикованы длинными, тонкими железными цепями за железные ошейники.

Вольф поискал взглядом Хрисеиду. Ее там не было.

Абиру, отвечая на невысказанный вопрос, сказал:

— Кошкоглазую я держу отдельно. У нее есть прислужница и особая охрана. Она получает все внимание и заботу, полагающиеся драгоценному камню.

Вольф не смог сдержаться:

— Я хотел бы увидеть ее, — сказал он.

Абиру пристально посмотрел на него и произнес:

— У тебя странный акцент. Разве твой спутник не говорил, что ты тоже из страны Шиапту?

Он махнул рукой солдатам, которые двинулись вперед с копьями наперевес.

— Неважно. Если ты и увидишь эту женщину, то увидишь ее с конца цепи.

Кикаха возмущенно закричал:

— Мы подданные царя Хамшема и вольные люди! Вы не можете сделать с нами этого! Это будет стоить вам головы, конечно, после определенных законных пыток!

— Я не намерен везти вас обратно в Хамшем, друг мой. Мы отправляемся в Тевтонию, где ты получишь хорошую цену, будучи человеком сильным, хоть и разговорчивым. Мы, однако, можем позаботиться об этом, отрезав тебе язык.

Ятаганы спутников были отобраны вместе с рюкзаком. Подталкиваемые копьями, они прошли к концу вереницы, непосредственно за гворлами, и были скованы железными ошейниками. Абиру, вывалив на пол содержимое рюкзака, выругался, увидев кучу драгоценных камней.

— Так, значит, вы кое-что нашли в затерянных городах! Какая удача для нас! Меня почти, но не совсем, одо-

дело искушение отпустить вас за то, что вы меня так обогатили.

— Как банально! — пробурчал по-английски Кикаха. — Он говорит, словно злодей из второсортного фильма. Черт бы его побрал! Если у меня будет шанс, я ему отрежу больше, чем язык.

Абиру, счастливый обогащением, вышел. Вольф изучил соединенную с опшейником цепь. Она оказалась сделанной из мелких звеньев. Он сумел бы порвать ее, если бы железо не слишком высокого качества. На Земле он забавлялся, втайне, конечно, разрывая такие цепи, но сейчас решил отложить попытки до наступления ночи.

Кикаха за спиной Роберта прошептал:

— Гворлы не узнают нас в этом гриме, поэтому пускай все так и останется.

— А что насчет рога? — спросил Вольф.

Кикаха, заговорив на ранней средне-германской форме тевтонского, попытался вовлечь в разговор гворлов. После того, как ему чуть не попали в лицо сгустком слюны, он бросил эту затею. Он сумел поговорить с одним из шолкинских солдат и с несколькими рабами-людьми. По мелочам он собрал немало сведений.

Гворлы были пассажирами на «Какиржубе», плававшей под командованием некоего Раххамена. В городе капитан встретил Абиру и пригласил его на борт выпить чашу вина. Той же ночью — фактически, в ночь перед тем, как Вольф и Кикаха появились в городе, — Абиру и его люди захватили судно. Во время борьбы капитан и несколько матросов были убиты, остальные сидели теперь в ряд на цепи. Судно было отправлено вниз по реке и далее вверх по притоку для продажи экипажа речному пирату, о котором слышал Абиру.

Что касается рога, то никто из экипажа «Какиржубе» о нем не слышал. Не добавил ничего нового и солдат. Кикаха сказал Вольфу, что, по его мнению, Абиру вряд ли проболтается о своей находке.

Он, вероятно, опознал инструмент, так как все слышали про рог Властелина, который был частью универсальной религии и описывался в священных книгах.

Наступила ночь. Вошли солдаты с факелами и едой для рабов.

После еды в помещении осталось двое шолкинов, и неизвестно сколько стражников стояло снаружи. О чистоте здесь не шло и речи, стоял удушливый запах.

Абиру явно не заботился о соблюдении санитарных норм в том виде, в каком они были изложены Властелином. Однако, наверное, некоторые из более религиозных шолкинов пожаловались, потому что несколько долинзов припили сделать уборку. На каждого раба выплеснули ведро воды, а несколько ведер оставили для питья. Гворлы завывали, когда на них попала вода, и долгое время после этого жаловались и ругались. Кикаха пополнил запас сведений Вольфа, сообщив, что гворлы, подобно сумчатым крысам и другим пустынным животным Земли, не нуждались в воде. У них имелось биологическое устройство, схожее с тем, что было у обитателей аридных зон¹, превращавшее жир в окись водорода.

Взошла луна. Рабы ложились на пол или прислонялись к стене и засыпали. Вольф и Кикаха изобразили, что засыпают. Когда луна стала видна сквозь дверной проем, Вольф сказал:

— Я попробую порвать цепь. Если у меня не хватит времени порвать твою, нам придется разыграть сиамских близнецов.

— Давай,— прошептал в ответ Кикаха.

Длина цепи между их ошейниками была около шести футов.

Вольф медленно, дюйм за дюймом подкрадывался к ближайшему гворлу, чтобы иметь ненатянутый отрезок достаточной длины. Кикаха полз вместе с ним. Путешествие заняло примерно пятнадцать минут, так как они не хотели, чтобы часовые заметили их перемещение. Затем Вольф, повернувшись спиной к охранникам, взялся за цепь обеими руками. Он натянул ее и почувствовал, что звенья держатся прочно. Медленное напряжение не помогло. Значит, необходим быстрый рывок. Звенья с шумом порвались.

Двое шолкинов, громко разговаривавшие и смеявшиеся, чтобы не дать заснуть друг другу, замолкли. Вольф не смел обернуться и посмотреть на них. Он ждал, куда шолкины обсуждали происхождение звука. Им явно не приходило в голову, что это разорвалась цепь. Они провели некоторое время, высоко держа факелы и рассматривая потолок.

Один пошутил, другой рассмеялся, и они возобновили свой разговор.

¹ Пустынь и полупустынь.

— Хочешь попробовать и вторую? — прошептал Кикаха.

— Очень даже хочу: если не попробую, мы будем в незавидном положении, — ответил Вольф.

Ему пришлось подождать, так как гворл, с которым он был скован, проснулся от звука лопнувшего звена. Он поднял голову и проворчал что-то на своем скрежещущем, как напильник по стали, языке. Вольф даже вспотел. Если гворл сядет или попробует встать, его движение откроет, что цепь повреждена.

После пронзающей сердце минуты гворл улегся и вскоре захрапел. Вольф чуть расслабился. Он даже натянуто улыбался, так как гворл ненароком подал ему идею.

— Подползай ко мне, словно тебе хочется согреться, — тихо сказал Вольф.

— Ты что, шутишь? — прошептал в ответ Кикаха. — Я чувствую себя, словно в парной бане. Ну, ладно. Вот так.

Он полз, пока его голова не очутилась у коленей Вольфа.

— Когда я порву цепь, не шевелись, — предупредил его Вольф. — У меня есть идея, как привлечь охранников сюда, не потревожив тех, что снаружи.

— Надеюсь, они не будут сменять караул как раз тогда, когда мы начнем действовать, — заметил Кикаха.

— Молись Богу, — ответил Вольф. — Земному.

— А Он помогает тем, кто сам не плошаает, — усмехнулся Кикаха.

Вольф рванул изо всех сил, звенья с шумом лопнули. На этот раз часовые перестали разговаривать, а гворл внезапно проснулся. Вольф сильно укусил гворла за палец ноги. Тварь не закричала, а крикнула и начала вставать. Один из часовых приказал ему сидеть, и оба двинулись к нему. Гворл не понял их языка. Он понял тон голоса и увидел направленное на него копьё. Он поднял ногу и принялся тереть, скрежеща в то же время проклятия Вольфу.

Факелы стали ярче, когда ноги часовых зашаркали по свободному от земли камню.

— Давай! — скомандовал Вольф.

Он и Кикаха одновременно поднялись и стремительно развернулись, оказавшись лицом к лицу с удивленными шолкинами. Наконечник копья находился в пределах досягаемости Вольфа. Его рука скользнула, Роберт ухватил древко как раз за наконечником и рванул на себя.

Часовой открыл было рот, чтобы заорать, но тут же резко его захлопнул, когда поднятый тупой конец копья треснул шолкина по челюсти.

Кикаха не так повезло. Другой часовой шагнул назад и поднял копьё, чтобы метнуть. Кикаха бросился на него, словно полузащитник на игрока с мячом. Они упали, покатались, и копьё лягнуло о стену.

Тишина была нарушена. Часовой заорал. Гворл поднял упавшее рядом с ним оружие и бросил его. Наконечник вонзился в открытое горло часового, и острие вышло из шеи.

Кикаха рывком высвободил копьё, вытащил из ножен убитого часового нож и метнул его. Первому вошедшему снаружи шолкину он вонзился в солнечное сплетение по рукоять. Увидев, что их собрат упал, другие, рвавшиеся следом, отступили. Вольф забрал нож у первого трупа, заткнул его за кушак и осведомился:

— И куда нам дальше?

Кикаха вытащил нож из солнечного сплетения другого и вытер его о волосы трупа.

— Не через эту дверь. Здесь их немало.

Вольф показал на дверной проем в противоположном конце помещения и побежал к нему. По пути он подобрал выроненный часовым факел. Кикаха сделал то же самое. Дверной проем был частично забит землей, им пришлось проползать на четвереньках. Вскоре они очутились в проходе, через который насыпалась земля.

Свет луны проникал сквозь отверстие в каменных плитах потолка.

— Они должны знать об этом, — подумал вслух Вольф. — Они не могут быть настолько беззаботными. Нам лучше пройти дальше.

Они едва прошли под брешью в потолке, когда сверху запылали факелы. Беглецы помчались вперед, слыша возбужденные голоса шолкинов.

Секунду спустя в землю врезалось копьё, едва не угодив Вольфу в ногу.

— Они бросятся следом за нами. Теперь они знают, что мы покинули главное помещение, — сказал Кикаха.

Они побежали дальше по коридорам, выбирая ответвления, которые, казалось, могли привести к черному ходу. Вдруг пол под Кикахой стал проваливаться. Тот попытался переползти по плите, на которую упал, но не сумел.

Одна ее сторона поднялась, и Кикаха полетел в дыру, закричав и выпустив из рук факел, который свалился туда же.

Вольф остался стоять, уставившись на поднятую плиту и проем под ней. Из дыры не проникало никакого света: либо факел погас, либо дыра настолько глубока, что огонь пропал из виду. В тревоге он подполз к отверстию и, держа факел над краем, поглядел вниз. Шахта, выкопанная в земле, оказалась по меньшей мере в десять футов шириной и пятьдесят глубиной. На дне виднелась куча земли, но там не было ни Кикахи, ни даже вмятины, указывавшей, где он мог бы приземлиться.

Вольф окликнул его по имени, слыша выкрики шолкинов, рыскавших по коридорам.

Не получив никакого ответа, он вытянул тело, насколько сумел, за край шахты и изучил провал повнимательней. Размахивания факелом для освещения темных мест не дало ничего, кроме того, что Роберт сумел разглядеть на куче земли головешку погасшего факела.

Глядя на темные пятна по краям кучи, Вольф предположил, что в стенах у дна имелись выемки. Возможно, Кикаха свалился в одну из них.

Звук голосов стал громче, из-за угла в конце коридора появилось мерцание факелов. Роберту ничего не оставалось, кроме как бежать. Он поднялся, и, замахнувшись как можно выше, бросил свой факел в другую от дыры сторону, а сам прыгнул, оттолкнувшись ногами изо всех сил. Вольф пролетел над проемом почти горизонтально, ударился о край, оказавшийся влажной мягкой землей, и заскользил вперед, пропахав ее носом. Теперь он был в безопасности, хотя ноги его торчали над краем.

Подобрав все еще горевший факел, Роберт пополз вперед. В конце коридора он нашел одно ответвление, совершенно забитое землей. Другое частично перегораживала огромная плита из гладко обтесанного камня, лежавшая под углом в сорок пять градусов к горизонтали. Слегка ободрав кожу на груди и спине, Вольф протиснулся между землей и камнем. За плитой находилось огромное помещение, даже больше того, где держали рабов.

В противоположном конце находилась серия грубых террас, образованная обвалом камня. Он поднялся по ним к углу между потолком и стеной. Сквозь щель проникал лунный свет, и это была единственная возможность вы-

браться. Он погасил свой факел. Иначе если по крыше здания бродят шолкины, то увидят его свет. У проема он на некоторое время пригнулся, стоя на узком карнизе и внимательно прислушиваясь. Если факел заметили, то его поймают, когда он станет вылезать из дыры, бессильный защитить себя. Тем не менее Роберт прополз, зная, что должен воспользоваться своим единственным выходом.

Он оказался почти на вершине земляного кургана, покрывавшего заднюю часть здания. Ниже его горели факелы. В свете их стоял Абиру, крича что-то и грозя кулаком солдату.

Вольф посмотрел на землю у себя под ногами, представляя, сколько же в ней камней, и вспомнил шахту, в которой предстояло умереть Кикахе.

Он поднял копьё и прошептал:

— Аве аткве вале, Кикаха!

Он хотел бы отнять еще несколько жизней у шолкинов — особенно у Абиру — в уплату за жизнь Кикахи, однако следовало оставаться благоразумным. Была еще Хрисеида, и был рог. Но Вольф чувствовал в себе пустоту и слабость, словно потерял здесь часть своей души.

Глава XI

Той ночью он спрятался в ветвях высокого дерева на некотором расстоянии от города. Он планировал последовать за работоторговцами и при первом же удобном случае вызволить Хрисеиду и рог. Роберт ждал поблизости от тропы, которую должны были выбрать работоторговцы: она единственная вела в Тевтонию. Наступил рассвет, а он все ждал, испытывая голод и жажду. К полудню он потерял терпение. Наверняка, они ищут его до сих пор. Вечером он решил, что должен, по крайней мере, напиться воды. Он спустился и направился к ближайшему ручью. Звериный рык заставил его тут же влезть на другое дерево. Вскоре через кустарник пробралось семейство леопардов и принялось лакать воду. К тому времени, когда они закончили и вновь скрылись в кустах, солнце приблизилось к краю монолита.

Роберт вернулся к тропе, уверенный, что находился слишком близко к ней, чтобы большой караван человеческих существ мог пройти неуслышанным. И все же никто

не появился. Ночью он прокрался по развалинам к зданию, из которого сбежал. Там никого не было. Уверенный, что они ушли, он порыскал по заросшим кустами дорогам и улицам, пока не наткнулся на сидевшего у дерева человека в полубессознательном состоянии от дхиза. Вольф пробудил его, надавав сильных оплеух по щекам, и, поставив нож к горлу, допросил его. Несмотря на свое ограниченное знание хамшемского и еще меньшее владение долинзским, они сумели наладить общение. Абиру и его отряд уплыли этим утром на трех боевых каноэ с наемными долинзскими гребцами.

Вольф нокаутировал наркомана и отправился к пирсу. Причал был пустынен, словно предоставляя Роберту возможность выбирать любое нужное ему судно. Он взял узкую легкую лодку с парусом и отправился вниз по реке.

Преодолев две тысячи миль, он оказался на границах Тевтонии и цивилизованного Хамшема. Далее он следовал за работоторговцами еще триста миль вниз по реке Гузирит, а затем по суше. Хотя ему давно уже полагалось бы догнать медленнодвигающийся караван, он трижды терял его, и путь ему нередко преграждали тигры и топороклювы.

Постепенно местность стала пониматься. Потом из джунглей перед его глазами поднялось плато. Восхождение всего лишь в шесть тысяч футов — ничто для человека, дважды поднявшегося на тридцать тысяч. Перевалив через грань, Роберт оказался в иной стране. Хотя воздух был ничуть не прохладнее, здесь росли дубы, платаны, самшит, трехгранный тополь, орешник, сусеница и липа.

Животные, однако, тут оказались другими. Вольф прошел не более двух миль по сумраку дубового леса, прежде чем его вынудили спрятаться.

Мимо него медленно прошел дракон, взглянул на него разок, зашипел и продолжил свой путь. Он походил на общепринятые западные изображения, был около сорока футов длиной, десяти футов высотой и покрыт большими чешуйчатыми пластинами. Он не дышал огнем. Дракон остановился в ста футах от убежища Вольфа на ветвях дерева и принялся щипать высокую траву.

«Так,— подумал Вольф,— значит, драконы существуют не только одного типа». Гадая, как отличить плотоядный тип от травоядного раньше, чем возникнет опасность,

Роберт слез с дерева. Дракон продолжал набивать себе брюхо, издавая слабый гром пищеварения.

Осторожнее, чем раньше, Вольф проходил под гигантскими ветвями деревьев и мхов, свисавшими со стволов зелеными водопадами. Рассвет следующего дня застал его на опушке леса. Перед ним расстилалась полого опускавшаяся земля. Роберт мог видеть на много миль вперед. Справа от него по дну долины текла река. На противоположной стороне, венчая собой колонну неровной скалы, находился замок. У подножья скалы располагалась небольшая деревня. Поднимавшийся из труб дым вызвал у него ком в горле. Ему казалось, что он не желал бы ничего большего, чем сидеть с друзьями за столом за завтраком и чашкой кофе после хорошего ночного сна в мягкой постели и болтать ни о чем. Боже! Как он тосковал по лицам и голосам истинных человеческих существ, о месте, где не все против него!

По его щеке пробежало несколько слезинок. Вольф осушил их и продолжал свой путь. Он сделал выбор и должен принимать плохое наряду с хорошим точно так же, как принимал бы на отвергнутой им Земле. А этот мир был, во всяком случае, в данный момент, не так уж и плох: свежий и зеленый, без всяких телефонных проводов, афиш, газет и усеявших сельскую местность консервных банок, без смога или угрозы атомной бомбы. Многое можно сказать в его пользу, какой бы плохой ни казалась его нынешняя ситуация. И Роберт имел здесь то, за что многие продали бы душу: молодость вместе с опытом возраста.

Всего лишь час спустя Вольф гадал, сумеет ли сохранить этот дар. Он вышел на узкую грунтовую дорогу и шагал по ней, когда из-за поворота выехал рыцарь в сопровождении двух пеших ратников. Огромный черный конь его был частично экипирован доспехами, сам же рыцарь облачен в черный пластинчато-кольчужный доспех, который, по мнению Вольфа, выглядел похожим на доспехи рыцарей Германии тринадцатого века. Поднятое забрало открывало мрачное ястребиное лицо с ярко-голубыми глазами.

Рыцарь натянул поводья коня. Он окликнул Вольфа на средне-верхне-германском наречии, с которым Вольф оказался знаком благодаря Кикахе, а также в результате своих исследований на Земле. Язык, конечно, изменился и был обременен заимствованиями из хамшемского и местного, но Вольф мог разобрать большую часть сказанного.

— Стой смирно, хам! — крикнул рыцарь. — Что ты здесь делаешь, разгуливая с луком?

— С позволения вашего августейшества, — язвительно ответил Вольф, — я — охотник, и поэтому имею королевское позволение носить лук.

— Ты лжец! Я знаю всех законных охотников на много миль вокруг. Ты мне кажешься похожим на сарацина или даже на идше, такой ты смуглый. Брось лук и сдавайся, или я зарублю тебя, как свинью, каковой ты, собственно, и являешься.

— Приди и возьми его, — посоветовал Вольф, чувствуя нарастающую ярость.

Рыцарь взял копьё наперевес, и его скакун пустился в галоп. Вольф удержался от желания броситься в сторону или назад от сверкавшего наконечника копьё. То, на что он надеялся, произошло в долю секунды. Рыцарь бросился вперед, копьё опустилось, чтобы пронзить Роберта насквозь, но прошло меньше чем в дюйме над ним, а затем воткнулось в землю. Словно прыгун с шестом, рыцарь вылетел из седла и, все еще цепляясь за копьё, описал в воздухе дугу. Шлем его ударился о землю, и падение, должно быть, оглушило рыцаря или сломало ему шею либо хребет, потому что он больше не шевелился. Ратники поспешили удалиться.

Вольф не терял времени даром. Он снял с рыцаря меч в ножнах и застегнул пояс на талии. Конь убитого — великолепный чалый — вернулся и встал рядом со своим бывшим хозяином. Вольф сел на него и поскакал дальше.

Тевтония была названа так потому, что завоевала ее группа Тевтонского ордена или Тевтонских Рыцарей Госпиталей Святой Марии в Иерусалиме. Этот орден возник во время третьего крестового похода, но позже отклонился от своей первоначальной цели. В 1229 году Немецкий Орден начал завоевание Пруссии для обращения в христианство прибалтийских язычников и подготовки немецкой колонизации. Одна группа оказалась на планете Властелина, на этом ярусе, либо благодаря случайности, что маловероятно, либо потому что Властелин преднамеренно открыл врата и, возможно, силой вынудил их войти.

Что бы ни было причиной, Орден Тевтонских Рыцарей покорил аборигенов и установил общество, подобное тому, которое они оставили на Земле. Оно, конечно, изменилось как из-за естественной эволюции, так и из-за желания

Властелина смоделировать его по собственному вкусу. Первоначальное единое королевство, или Гроссмейстерство, выродилось во множество независимых королевств. Эти, в свою очередь, состояли из мало связанных между собой баронетств, среди которых — множество незаконных или разбойничьих.

Еще одну часть плато занимало государство Идше. Его основатели прошли через врата немногим раньше Тевтонских Рыцарей. Опять же оставалось неизвестным, прошли они случайно либо по замыслу Властелина. Но множество говорящих на идше жителей Германии обосновалось в восточной части плато. Хотя первоначально они являлись купцами, постепенно стали хозяевами туземного населения. Они также приняли феодально-рыцарскую организацию Тевтонского Ордена, вероятно, вынужденные так поступить, чтобы выжить. Именно это-то государство и поминал рыцарь, когда обвинил Вольфа в том, что он идше.

Вольф невольно рассмеялся. Опять же, могло быть случайностью, что немцы вступили на уровень, где уже существовал архаически-семитический Хамшем, и где их современниками были презренные евреи. Но Вольфу думалось, что он видит за этим ироническое лицо Властелина, с улыбкой глядящего на созданную им ситуацию. На самом деле в Дракландии не было ни христиан, ни иудеев. Хотя две веры все еще употребляли свои первоначальные названия, обе стали извращенными. Властелин занял место Яхве и Готта, но к нему обращались, используя эти имена. Последовали и другие изменения в теологии: церемонии, ритуалы и заповеди переиначились.

Вольф отправился в путь к владениям фон Элгерса. Он не мог сделать этого столь быстро, как желал, потому что должен был избегать на пути дорог и деревень. После того, как он убил рыцаря, он не посмел срезать путь через баронетство фон Лаурентиуса, как планировал. Весь округ искал его, повсюду шныряли люди с собаками. Каменистые холмы, отмечавшие границу баронетства, были самой короткой для него дорогой.

Два дня спустя он добрался до места, где мог спуститься, не попадая в пределы сюзеренитета фон Лаурентиуса. Роберт съехал на коне с крутого, но не особенно трудного для прохождения холма. Перед ним расстилался широкий луг с речушкой. На противоположных концах его были разбиты два лагеря. Вокруг нарядных, украшенных фла-

гами и вымпелами шатров в центре каждого располагалось множество палаток поменьше, костры и лошади.

Большинство людей разбилось на две группы. Они следили за своим паладином и его противником, которые атаковали друг друга с копьями наперевес. Как раз в тот момент, когда Вольф увидел их, они со страшным лязгом встретились на середине поля. Один рыцарь полетел назад от врезавшегося в его щит копья другого. Тот, однако, потерял равновесие и с лязгом упал несколько секунд спустя.

Вольф изучал открывшуюся сцену. Это не был обыкновенный рыцарский турнир. Отсутствовали крестьяне и горожане, которым полагалось бы толпой окружать место сражения, и построенные на скорую руку скамьи для зрителей, где пестрела бы клумба ярко разодетой знати и дам. Это было одинокое место рядом с дорогой, где паладины разбивали свои шатры и вызывали на бой всех подходящих по званию проезжих.

Вольф осторожно спустился с холма. Хотя он и ехал на виду у тех, кто находился внизу, он не думал, что они проявят в такое время интерес к одинокому путешественнику. Он оказался прав. Ни из одного лагеря никто не поспешил расспросить его. Он смог подойти к краю луга и понаблюдать за происходящим, не торопясь.

Флаг под шатром слева от него представлял собой желтое поле со звездой Соломона. По этому признаку Роберт понял, что здесь разбил свой лагерь паладин идше. Под национальным флагом было зеленое знамя с рыбой и ястребом. В другом лагере реяло несколько государственных и личных вымпелов.

Один из них бросился в глаза Вольфу и заставил его вскрикнуть от удивления.

На белом поле была изображена рыжая ослиная голова и под ней кулак с выпрямленным средним пальцем. Кикаха однажды рассказал ему о таком символе, и Вольф здорово посмеялся над этим. Это было как раз похоже на Кикаху — избрать такой герб.

Тут Вольф отрезвел, понимая, что, скорее всего, его носил человек, заботившийся о территории Кикахи, пока тот отсутствовал.

Роберт изменил свое решение проехать мимо поля. Он должен был сам установить, что пользовавшийся этим знаменем человек — не Кикаха, хотя знал, что кости его дру-

га, должно быть, гниют под кучей земли на дне шахты в разрушенном городе среди джунглей.

Никем не остановленный, он проложил себе дорогу через поле и лагерь на западном конце. Ратники и слуги устали было на него, но только для того, чтобы отвернуться под его грозным взглядом. Кто-то пробурчал:

— Идишский пес!

Но никто не сознался в авторстве, когда Вольф обернулся. Вольф обошел ряд привязанных к столбу лошадей и приблизился к рыцарю, облаченному в сверкавшие красные доспехи с опущенным забралом и державшему огромное копье, дожидаясь своей очереди. На копье возле наколенника развевался вымпел с изображением рыжей ослиной головы и человеческой руки.

Вольф остановился около гарцевавшего коня, сделав его еще более нервным. Он выкрикнул по-немецки:

— Барон фон Хорстманн?

Раздалось приглушенное восклицание, пауза, и рука рыцаря подняла забрало. Вольф чуть не расплакался от радости, увидев под шлемом веселое длиннотелое лицо Финнегана-Кикахи-фон Хорстманна.

— Ничего не говори, — предостерег его Кикаха. — Не знаю, как ты, черт возьми, нашел меня, но я, разумеется, этому очень рад. Я увижусь с тобой через минуту. То есть, если вернусь живым. Этот Фунем Лаксфальк — крепкий парень.

Глава XII

Грянули трубы. Кикаха выехал на указанное герольдами место. Бритоголовый священник в длинной рясе благословил его, в то время как на другом конце поля равнин что-то говорил барону Фунему Лаксфальку. Идишский паладин оказался рослым человеком в серебристых доспехах и шлеме с видом рыбьей головы. Его скакун был огромным, моручим черным жеребцом. Трубы грянули вновь. Двое соперников качнули копьями, отдавая друг другу честь.

Кикаха ненадолго переложил копьё в левую руку, пока крестился правой. Он был ярым приверженцем соблюдения религиозных правил народа, среди которого ему случалось в данный момент находиться.

Раздался еще один гром длинных, с большими мундштуками труб, за которым последовал грохот копыт рыцарских коней и поощряющие крики зрителей. Противники встретились точно на середине поля, и копьа обоих попали точно в середины щитов соперников. Оба упали с лязгом, вспугнувшим птиц с ближайших деревьев, как их вспугивали уже много раз в тот день. Кони покатались по земле.

Ратники обоих рыцарей выбежали на поле, чтобы подобрать своих вождей и уволочь коней, сломавших шеи. На мгновение Вольф подумал, что Идше и Кикаха тоже убиты, потому что ни тот, ни другой не шевелились. Однако, после того как его принесли обратно в лагерь, Кикаха поднялся. Он слабо усмехнулся и сказал:

— Видел бы ты другого парня.

— С ним все о'кей,— ответил Вольф, взглянув на другой лагерь.

— Очень жаль,— ответил Кикаха.— Я надеялся, что он больше не причинит нам забот. Он и так уже чересчур задержал меня.

Кикаха велел выйти из шатра всем, кроме Вольфа. Его вассалы, казалось, не хотели покидать его, но подчинились, хотя и не без предупреждающих взглядов в сторону Вольфа. Кикаха рассказал:

— Я держал путь из своего замка в замок фон Элгерса, когда проехал мимо шатра Фунема Лаксфалька. Будь я один, я показал бы ему нос в ответ на его вызов и поскакал бы дальше. Но тут присутствовали также и тевтоны, и я должен был подумать о своих собственных вассалах. Я не мог себе позволить приобрести репутацию труса. Мои же собственные ратники забросали бы меня гнилой капустой, и мне пришлось бы драться с каждым рыцарем в стране, чтобы доказать свою смелость. Я счел, что мне не потребуется много времени, чтобы втолковать этому Идше, кто самый лучший воин, а потом я смогу отправиться дальше. Но вышло иначе. Герольды записали меня на позицию Номер Три. Это означало, что я должен был за три дня встретиться в поединке с тремя противниками, прежде чем доберусь до большой игры. Я протестовал, но бесполезно. Поэтому я выругался про себя и решил пережить все это. Ты видел мою вторую встречу с Фунемом Лаксфальком. В первый раз мы тоже вышибли друг друга из седла. Даже так — это больше, чем сделали другие. Они так и кипят, потому что Идше нанес поражение всем тевтонам,

кроме меня. Помимо этого, он уже убил двоих, а одного искалечил на всю жизнь.

Слушая Кикаху, Вольф снимал с него доспехи. Кикаха вдруг сел, стеная и морщась, и осведомился:

— Эй, а как ты, черт возьми, попал сюда?

— По большей части на своих двоих. Но я думал, что ты погиб.

— Сообщение о моей смерти было не слишком преувеличенным. Когда я свалился в ту шахту, то приземлился на земляном карнизе. Он отломился и вызвал небольшой обвал, засыпавший меня после того, как я приземлился на дно. Но я недолго пробыл без сознания, и земля лишь слегка покрыла мне лицо, поэтому я не задохнулся. Некоторое время я лежал тихо, потому что шолкины заглядывали в эту яму. Они даже бросили вниз копье, но оно разминулось со мной на волосок крота. Через пару часов я откопал себя. Прямо скажу, я здорово попотел, выбираясь. Земля продолжала обваливаться, я снова и снова падал обратно. Это заняло у меня, должно быть, часов десять, но и в этом мне повезло. А как ты попал сюда?

Вольф рассказал ему. Кикаха нахмурился и произнес:

— Так значит, я был прав, считая, что Абиру зайдет по пути к фон Элгерсу. Слушай, мы должны быстрее сматываться отсюда. Как бы тебе понравилось помахать с этим здоровяком Идше?

Вольф возразил, что он ничего не знает об изящных правилах турниров, и что на усвоение их потребуется целая жизнь.

Кикаха отмел это;

— Если бы ты собирался переломить с ним копье, ты был бы прав. Но мы вызовем его посостязаться на мечах, без щитов; фехтование на мечах — не совсем то, что поединок на рапирах или саблях. Здесь главную роль играет сила, а именно она-то у тебя имеется!

— Я же не рыцарь. Все видели, как я пришел, словно простой бродяга.

— Чепуха! Ты думаешь, эти дворяне не разгуливают все время, замаскировавшись? Я скажу им, что ты сарацин, язычник хамшем, но мой настоящий добрый друг. Я, мол, спас тебя от дракона, или наплету какую-нибудь сказку про белого бычка. Они ее проглотят. Придумал! Ты — сарацин Вольф. Есть знаменитый рыцарь с таким именем. Ты путешествовал, замаскировавшись, надеясь най-

ти меня и отплатить за спасение тебя от дракона. Я слишком избит, чтобы переломить еще одно копьё с Фунем Лаксфальком — это не ложь: я так избит, что едва могу двигаться, — и ты поднимаешь перчатку за меня.

Вольф спросил, какой ему выдвинуть предлог для применения копья.

— Я им расскажу какую-нибудь байку. Скажем, вороватый рыцарь спер твоё копьё, и ты поклялся никогда не пользоваться копьём, пока не вернешь украденное. Они это примут. Они всегда дают какой-нибудь такой глупый обет. Ведут себя точь-в-точь, как компания рыцарей Круглого Стола Короля Артура. На Земле никаких таких рыцарей никогда не существовало, но Властелину, должно быть, доставляло удовольствие заставлять этих вести себя так, словно они только что прискакали из Камелота. Он был романтиком, что там о нем ни говори.

Вольф сказал, что не горит желанием, но если это поможет ускорить их отправку к фон Элгерсу, он сделает все что угодно.

Собственные доспехи Кикахи были недостаточно велики для Вольфа, поэтому принесли доспехи идишского рыцаря, убитого в тот день Кикахой. Слуги облачили его в синие латы и кольчугу и отвели к его лошади. Это была прекрасная кобыла изабелловой масти, также принадлежавшая убитому Кикахой рыцарю, Риттеру ойф Ротфельдцу. Почти без труда Вольф сел на лошадь. Он-то ожидал, что доспехи окажутся такими тяжелыми, что его придется поднимать в седло с помощью крана. Кикаха сообщил ему, что некогда примерно так и было, но уже давно рыцари пользуются более легкими латами, а чаще просто надевают кольчугу.

Явился идишский посредник, объявивший, что Фунем Лаксфальк принял вызов, несмотря на отсутствие у Вольфа рекомендаций. Раз доблестный и почтенный барон-разбойник Хорст фон Хорстманн ручается за Вольфа, этого достаточно для Фунема Лаксфалька. Вся речь являлась просто формальностью. Идишский паладин ни на минуту не думал отвергнуть вызов.

— Сохранение лица здесь — большое дело, — пояснил Вольфу Кикаха.

Сумев, хромая, выйти из шатра, он давал своему другу последние инструкции:

— Я рад, что ты появился, старина. Я не смог бы выдержать еще одно падение, но не посмел бы и отступить.

Снова взревели трубы. Изабелловый и вороной пустились в галоп. Они на полной скорости пронеслись мимо друг друга, и в это время всадники взмахнули мечами, лязгнувшими один о другой. По руке Вольфа пробежал парализующий шок. Однако когда он развернул свою лошадь, то увидел, что меч его противника лежит на земле. Идше быстро спрыгнул с коня, чтобы добраться до своего клинка раньше Вольфа.

Он так торопился, что поскользнулся и упал головой вперед.

Вольф медленно подъехал на лошади и, не торопясь, спешил, давая ему время подняться. При виде такого рыцарского поступка оба лагеря разразились одобрительными криками. По правилам, Вольф мог остаться в седле и зарубить Фунема Лаксфалька, не разрешая ему подобрать оружие.

Оба пешие, они встали лицом друг к другу. Идишский рыцарь поднял забрало, открыв красивое лицо с густыми усами и бледно-голубыми глазами.

— Умоляю вас позволить мне увидеть ваше лицо, сударь, — сказал он. — Вы — истинный рыцарь, ибо не сражили меня, пока я был беспомощным.

Вольф на несколько секунд поднял забрало. Затем оба двинулись друг на друга и снова свели клинки вместе.

Удар Вольфа опять оказался таким мощным, что выбил меч из руки соперника. Фунем Лаксфальк вновь поднял забрало, на этот раз левой рукой.

— Я не могу пользоваться правой рукой, — сказал он. — Не разрешите ли вы мне воспользоваться левой?

Вольф мечом отдал честь и отступил.

Его противник ухватился покрепче за длинную рукоять и, шагнув вперед, изо всех сил обрушил его на Роберта сбоку. Опять шок от удара — и Вольф выбил у Идше меч.

Фунем Лаксфальк в третий раз поднял забрало.

— Вы такой паладин, какого я еще никогда не встречал. Мне крайне неприятно признавать это, но вы нанесли мне поражение, а это нечто такое, чего я никогда не говорил, да и не думал, что скажу. Вы обладаете силой самого Властелина.

— Вы можете сохранить свою жизнь, свою честь и свои доспехи и коня, — ответил Вольф. — Я только хочу, чтобы мне и моему другу фон Хорстманну позволили ехать дальше, без новых вызовов на поединок. У нас назначена одна встреча.

Идше ответил, что да будет так. Вольф вернулся в свой лагерь, радостно приветствуемый даже теми, кто считал его хамшеским псом.

Ликующий Кикаха приказал сворачивать лагерь. Вольф спросил, не думает ли он, что не связанные свитой, они смогут продвигаться намного быстрее.

— Разумеется, но это делается не очень часто, — ответил Кикаха. — Ладно, ты прав. Я отошлю их домой. И мы снимем эти проклятые локомотивные латы.

Они не успели далеко отъехать, когда услышали стук копыт. Следом за ними по дороге скакал Фунем Лаксфальк, тоже без доспехов.

— Благородные рыцари, — проговорил он, — я знаю, что вы находитесь в рыцарском поиске. — Он улыбнулся. — Не будет ли слишком бестактным с моей стороны попросить разрешения присоединиться к вам? Я бы счел это большой честью. Я также считаю, что только помогая вам, могу искупить свое поражение.

Кикаха посмотрел на Вольфа и сказал:

— Решать тебе. Но мне нравится его стиль.

— Поклянетесь ли вы помогать нам в чем бы то ни было? Конечно, до тех пор, пока это не роняет вашей чести. Мы можем в любое время освободить вас от клятвы, но вы должны поклясться всем, что для вас свято, что никогда не станете помогать нашим врагам.

— Клянусь кровью Бога и бородой Моисея.

Той ночью, когда они разбивали лагерь в чаще вдоль ручья, Кикаха заметил:

— Есть одна проблема, которую может осложнить присутствие Фунема Лаксфалька. Мы должны убрать краску с твоей кожи и удалить бороду, иначе если наткнемся на Абиру, тот опознает тебя.

— Одна ложь всегда приводит к другой, — спокойно рассудил Вольф. — Ну, скажи ему, что я — младший сын барона, который прогнал меня, поверив клевете моего ревнивого брата. С тех пор я путешествовал, переодевшись сарацином, но теперь намерен вернуться в замок отца — он уже умер, — и вызвать своего брата на поединок.

— Замечательно! Ты — второй Кикаха! Но что будет, когда он узнает про Хрисеиду и рог?

— Мы что-нибудь придумаем. Может быть, правду. Он всегда может отступить, когда узнает, что посягает на самого Властелина.

Все следующее утро они ехали, пока не добрались до деревни Этцельбранд.

Здесь Кикаха приобрел какие-то химикаты у местного белого мага, чтобы удалить краску. Едва выехав из деревни, они остановились у ручья. Фунем Лаксфальк с интересом, а затем с изумлением, а потом и с подозрением наблюдал, как сошла борода, а вслед за ней и краска.

— Божьи глаза! Вы были хамшемом, а теперь сойдете за идше!

Тут Кикаха пустился в трехчасовое, со множеством подробностей повествование, в котором Вольф был внебрачным сыном идишской незамужней дамы и тевтонского рыцаря в поиске. Рыцарь, Роберт фон Вольфрам, остановился в идишском замке после того, как покрыл себя славой во время турнира. Он и девушка полюбили друг друга, даже чересчур.

Когда рыцарь уехал, дав обет вернуться по завершении своего поиска, он оставил Ривке беременной. Но фон Вольфрам погиб; и девушка вынуждена была родить юного Роберта в бесчестии. Отец выгнал ее из дому и отправил в маленькую хамшемскую деревушку жить там до конца дней. Девушка умерла, рожая Роберта, но старый верный слуга открыл ему тайну его рождения. Юный бастард поклялся, что став мужчиной, отправится в замок родичей своего отца и предъявит права на свое законное наследство. Отец Ривке теперь умер, но замком завладел его брат, злой старик. Роберт намеревается вырвать у него баронетство, если он не отдаст его добром.

Под конец повести на глаза Фунема Лаксфалька навернулись слезы.

— Я отправлюсь с тобой, Роберт, и помогу тебе в борьбе против твоего злого дяди. Таким образом я смогу искупить свое поражение, — заявил он.

Позже Вольф упрекнул Кикаху за сочинение повести настолько детальной, что легко можно было наделать ляпов. Более того, ему не нравилось обманывать такого человека, как идишский рыцарь.

— Чепуха! Ему нельзя рассказать всей правды, легче выдумать полнейшую ложь, чем полуправду! Кроме того, посмотри, как сильно он наслаждался тем, что малость прослезился. И я же Кикаха, обманщик, создатель фантазий и реальностей, человек, которого не могут удерживать границы. Я шныряю от одной к другой, Финнеган здесь, Фин-

неган там. Я кажусь погибшим, и все же снова всплываю живой, ухмыляющийся и брыкающийся! Я быстрее людей, которые сильнее меня, и сильнее тех, кто быстрее. У меня мало объектов верности, но уж они нерушимы. Я любимец женщин, куда бы ни направился, и много слез проливается, когда я ускользаю в ночи, словно рыжий призрак. Но слезы могут удержать меня не больше, чем цепи. Я исчезаю прочь, и немногие знают, где я появлюсь, и каким будет мое имя. Я — мучитель Властелина. Он не может спать по ночам оттого, что я ускользаю от его очей-воронов и охотников-гворлов.

Кикаха остановился и принялся бойко хохотать. Вольф невольно улыбнулся в ответ. Было ясно, что Кикаха смеется над собой. Однако он наполовину верил в сказанное. А почему бы и нет? Не так уж он и преувеличивает.

Эта мысль повлекла за собой цепочку рассуждений, заставив Вольфа нахмуриться. А вдруг Кикаха сам и являлся замаскированным Властелином? Он мог развлекаться, бегая вместе с зайцем и гончими. Где найти лучшую забаву для Властелина, вынужденного веками искать что-либо новое, чем можно разогнать скуку? В Кикахе было много необъяснимого.

Выискивая на лице Кикахи какой-нибудь ключ к тайне, Вольф чувствовал, как его сомнения испаряются. Это веселое лицо не могло являться маской игравшего жизнью отвратительного холодного существа. И потом, у Кикахи бесспорно был хужеровский акцент и идиомы. Мог ли Властелин овладеть ими?

Ну, а почему бы и нет? Кикаха явно столь же хорошо владел другими языками и диалектами.

Такие вот мысли приходили на ум Вольфу в тот долгий полдень, пока они ехали. Но обед, выпивка и доброе товарищество рассеяли их, так что, укладываясь спать, он забыл о своих сомнениях. Трое спутников остановились в таверне в деревне Гназельшист и с аппетитом поужинали. Вольф и Кикаха умяли вдвоем зажаренного поросенка. Фунем Лаксфальк, хотя брился и придерживался других либеральных взглядов относительно своей религии, отказался от табуированной свиньи. Он поужинал телятиной, хотя и знал, что забили теленка не а ля кошер. Все трое осушили много кружек превосходного местного темного пива, и во время разговора за ним Вольф рассказал Фунему Лаксфальку несколько отредактированную историю их ро-

зысков Хрисейды — и в самом деле благородный поиск, согласился рыцарь; а затем все, шатаясь, отправились спать.

Утром они двинулись короткой дорогой через холмы, которая сократит им путь на три дня, если они проберутся. По этой дороге путешествовали редко, и по веской причине, ибо в этом районе кишмя кишели разбойники и драконы. Они набрали хорошую скорость и не видели никаких лесных людей — только одного дракона. Чешуйчатое страшилище вылезло из канавы в пятидесяти ярдах впереди них. Оно фыркнуло и исчезло в лесу на другой стороне дороги, ничуть не меньше их желая избежать драки.

Спускаясь с холмов на столбовую дорогу, Вольф заметил:

— За нами следует ворон.

— Да, я это знаю, но не горячись. Они кружат повсюду над этой местностью. Я сомневаюсь, что они знают, кто мы такие. Я искренне надеюсь, что не знают.

В полдень следующего дня они вступили на территорию владений Трегильна. Более чем двадцать четыре часа спустя они прибыли туда, где виднелся замок Трегильна, средоточие власти барона фон Элгерса — самый большой из всех замков, виденных пока Вольфом. Он был построен из черного камня и расположен на вершине высокого холма в миле от города Трегильна.

В полных доспехах, держа стоймя копьё с вымпелами, трое спутников храбро подъехали к окружавшему замок рву. Из маленького блокауза у рва вышел привратник и вежливо осведомился об их деле.

— Передай благородному властелинину, что трое рыцарей, пользующихся доброй славой, будут его гостями, — сказал Кикаха. — Бароны фон Хорстманн и фон Вольфрам и широко прославленный идишский барон Фунем Лаксфальк. Мы ищем благородного вельможу, который нанял бы нас или отправил в рыцарский поиск.

Сержант крикнул капралу, а тот побежал через подъемный мост. Спустя несколько минут один из сыновей фон Элгерса, роскошно одетый юноша, выехал принять их. На огромном внутреннем дворе Вольф увидел нечто, встревожившее его. Там слонялись и играли в кости несколько хамшемов и шолкинов.

— Они не знают никого из нас, — успокоил его Кикаха. — Выше нос. Если они здесь, значит, Хрисеида и рог тоже.

Убедившись, что о лошадях хорошо позаботятся, трое поднялись в отведенные им покои. Они приняли ванну и надели новые одежды яркого цвета, присланные фон Элгерсом. Вольф заметил, что они немногим отличались от одежды тринадцатого века. Как заверил его Кикаха, все новшества — следствие влияния аборигенов.

Когда они вошли в огромный пиршественный зал, ужин был в полном разгаре. Разгар — самое подходящее слово, так как рев стоял оглушающий. Половина гостей пошатывалась, а другие не двигались, потому что уже перестали шататься. Фон Элгерс сумел подняться и поздороваться с гостями. Он любезно извинился за то, что его застали в таком состоянии в столь ранний час.

— Мы несколько дней развлекали нашего хамшемского гостя. Он принес нам неожиданное богатство, и мы немного потратили его, отмечая это событие.

Он повернулся представить Абиру, сделал это слишком быстро и чуть не упал. Абиру поднялся ответить на их поклон. Его черные глаза полоснули по ним, словно острие меча, улыбка его была широкой, но механической. В отличие от других, он казался трезвым. Трое заняли свои места, находившиеся поблизости от Хамшема, так как занимавшие их прежде отправились под стол.

Абиру, казалось, не терпелось поговорить с ними.

— Если вы ищете службу, то вы нашли человека. Я плачу барону за препровождение меня в глубь страны, но я всегда могу найти применение лишним мечам. Дорога к моей цели длинная и трудная, она сопряжена со множеством опасностей.

— И в чем же цель вашего путешествия? — спросил Кикаха.

Никто и не подумал бы, что он испытывает к Абиру нечто большее, чем праздный интерес, ибо во время вопроса он горячо рассматривал белокурую красавицу, сидевшую за столом напротив.

— В этом нет никакого секрета, — ответил Абиру. — Владыка Кранзелькрахта, говорят, очень странный человек, но говорят также, что он богаче, чем даже сам Гроссмейстер Тевтонии.

— Я это знаю наверняка, — подтвердил Кикаха. — Я бывал там и видел его сокровища. Говорят, много лет назад он дерзнул вызвать неудовольствие Властелина и поднялся по великой горе на ярус Атлантиды. Он ограбил сокровищ-

ницу самого Радаманта и смылся с целым мешком драгоценных камней. С тех пор фон Кранзелькрахт увеличивал свое богатство, завоевывая соседние государства. Говорят, Гроссмейстер этим обеспокоен и думает организовать против него крестовый поход. Гроссмейстер утверждает, что тот, мол, еретик. Но если бы он им был, разве Властелин не поразил бы его давным-давно молнией?

Абиру склонил голову и коснулся лба кончиками пальцев.

— Пути Властелина неисповедимы. Кроме того, кто, кроме Властелина, знает истину? В любом случае, я везу своих рабов и определенные предметы в Кранзелькрахт. Я ожидаю получить огромную прибыль со своего предприятия, и те рыцари, которые достаточно храбры, чтобы разделить опасности со мной, приобретут много золота, не говоря уже о славе.

Абиру замолк, чтобы отпить вина. Кикаха шепнул Вольфу:

— Этот человек такой же лжец, как и я. Он намерен использовать нас как охрану, чтобы добраться до Кранзелькрахта, который находится неподалеку от подножия монолита. Потом он заберет Хрисейду и рог в Атлантиду, где ему должны отвалить за них целый дом золота и алмазов, если, конечно, его игра не идет дальше и глубже, чем я в данный момент полагаю.

Он поднял свою кружку и долгое время пил или делал вид, что пьет.

С треском опустив кружку на стол, он заявил:

— Будь я проклят, но Абиру мне кого-то напоминает! У меня возникло такое чувство, когда я увидел его в первый раз, но потом был слишком занят, чтобы думать об этой загадке. Теперь же просто уверен, что видел его прежде.

Вольф ответил, что в этом нет ничего удивительного. Сколько лиц он перевидел за свои двадцатилетние странствия?

— Может, ты и прав, — пробормотал Кикаха. — Но я не думаю, что было какое-то шапочное знакомство. Я, безусловно, хотел бы соскрести его бороду.

Абиру поднялся и, извинившись, вышел из-за стола, сказав, что настал час молитвы Властелину и его личному божеству Тартартару. После совершения обрядов он вернулся. Фон Элгерс жестом подозвал двух ратников, прика-

зал им сопровождать гостя до его покоев и позаботиться о безопасности. Абиру поклонился и поблагодарил его за заботу. От Вольфа не ускользнуло намерение, стоявшее за вежливыми словами барона. Тот не доверял хамшему, и Абиру знал это. Фон Элгерс, несмотря на опьянение, отлично сознавал, что происходит, и замечал все из ряда вон выходящее.

— Да, ты прав насчет барона, — подтвердил его мнение Кикаха. — Свое положение он занял не потому, что поворачивался к врагам спиной. Постарайся скрыть свое нетерпение, Боб. У нас впереди долгое ожидание. Прикинься пьяным, сделай несколько пасов дамам. Тебя сочтут ненормальным, если ты этого не сделаешь. Но не вздумай уйти с какой-нибудь. Мы должны оставаться на виду друг у друга, чтобы суметь удалиться вместе, когда придет нужное время.

Глава XIII

Вольф выпил достаточно, чтобы ослабить напряженные нервы. Он даже начал болтать с госпожой Алисон, женой барона Венцельбрихта Марча. Темноволосая и голубоглазая женщина величавой красоты, она носила облегавшее белое парчовое платье с таким низким вырезом, что вполне бы могла быть довольной, видя его возбуждающее действие на мужчин. Но она не переставала ронять веер и поднимала его сама. В любое другое время Вольф был бы счастлив нарушить с ней свой сексуальный пост. Было очевидно, что никаких затруднений у него бы не возникло. Леди была польщена, что великий фон Вольфрам заинтересовался ею. Она слышала о его победе над Лаксфальком. Но Роберт мог думать только о Хрисеиде, которая должна находиться где-то в замке. Никто не упомянул о ней, а он сам не посмел заикнуться. И все же его язык чесался от такого желания. Несколько раз он ловил себя на том, что вопрос вот-вот сорвется с его языка.

Вскоре — и как раз в самое нужное время, поскольку он не мог больше пропускать мимо ушей смелые намеки госпожи Алисон, не оскорбляя ее, — ему пришел на выручку Кикаха. Он привел с собой мужа Алисон, чтобы дать Вольфу резонный предлог покинуть ее. Позже Кикаха поведал, что уволок фон Венцельбрихта от другой женщины под

тем предложом, будто жена потребовала, чтобы супруг пошел к ней. Кикаха с Робертом ушли, предоставив отупевшему от пива барону объяснять супруге, что именно ему от нее понадобилось. Поскольку ни он, ни его жена этого не знали, у них должен был произойти интересный и наверняка озадачивающий разговор.

Вольф жестом предложил Фунему Лаксфальку присоединиться к ним. Все трое, прикинувшись пьяными, направились, пошатываясь, в туалет. Как только они скрылись из поля зрения сидевших в пиршественном зале, тут же поспешили вперед по коридору, удаляясь от своей предполагаемой цели. Спутники без помех одолели четыре лестничных марша. Вооружены они были только кинжалами, так как являться на пир при мечах и в доспехах считалось оскорблением. Вольф, однако, сумел отвязать длинный шнур от штор в своих покоях. Он обмотал его под рубашкой вокруг талии.

— Я подслушал, как Абиру говорил со своим помощником Рамнишем, — сказал идишский рыцарь. — Они говорили на торговом языке х'вайжум, не зная, что я путешествовал по реке Гузирит в районе джунглей. Абиру спросил Рамниша, выяснил ли уже, куда фон Элгерс забрал Хрисеиду. Рамниш ответил, что потратил немало золота и времени на разговоры со слугами и часовыми. Все, что он смог выяснить, она находится в восточной стороне замка. Гворлы, кстати, сидят в подземной темнице.

— Зачем было фон Элгерсу отбирать Хрисеиду у Абиру? — не понял Вольф. — Разве она не собственность Абиру?

— Может быть, у барона имеются касательно ее некоторые замыслы, — предположил Кикаха. — Если она такая необыкновенная и прекрасная, как ты говоришь...

— Мы должны найти ее!

— Не горячись. Найдем. Ого, в конце коридора часовой. Продолжайте идти к нему, пошатываясь чуть посильнее.

Часовой поднял копьё, когда они закачались перед ним. Вежливым, но твердым голосом он сообщил им, что они должны идти обратно. Барон запретил всем, под страхом смерти, проходить дальше.

— Ладно, — произнес заплетавшимся языком Вольф.

Он начал поворачивать, а затем внезапно прыгнул и схватился за копьё. Прежде чем пораженный охранник смог испустить крик, его стукнули о дверь и с силой при-

жали к горлу древко копья. Вольф продолжал давить на него.

Глаза караульного выскочили из орбит, лицо побагровело, затем посинело. Минуту спустя он рухнул замертво. Идше уволок тело дальше по коридору и втолкнул в комнату. Вернувшись, он доложил, что спрятал труп за большим сундуком.

— Очень жаль, — весело отозвался Кикаха. — Он мог быть милым парнем. Но если нам придется вырываться с боем, на пути будет одним меньше.

У покойника, однако, не имелось ключа, чтобы отпереть дверь.

— Вероятно, фон Элгерс — единственный человек, у кого он есть. Мы поднимем большой тарарам, добывая у него ключ, — сказал Кикаха. — Ладно. Пойдем в обход.

Он повел их обратно по коридору. Они отыскивали незапертую комнату и вылезли через ее высокое, заостренное вверх окно. За карнизом находилась серия выступов, каменной, вырезанных в форме голов дракона, бесов, кабанов. Украшения были размещены отнюдь не для того, чтобы обеспечивать легкий подъем, но храбрый или отчаянный человек вполне мог взобраться. В пятидесяти футах под ними в свете факелов с подъемного моста тускло поблескивала поверхность рва. К счастью, луну закрыли густые черные облака, не давая людям внизу увидеть влезавших.

Кикаха посмотрел на Вольфа, цеплявшегося за каменную горгулью, стоя одной ногой на змеиной голове.

— Эй, я забыл тебе сказать, что барон держит во рву кучу водяных драконов. Они не очень крупные, всего около двадцати футов длиной, и у них нет ног, но они обычно недокормлены.

— Бывают моменты, когда я нахожу твой юмор безвкусным, — свирепо отозвался Вольф. — Двигай.

Кикаха тихо рассмеялся и возобновил подъем. Вольф последовал за ним после того, как посмотрел вниз, чтобы удостовериться, что у идше все идет, как надо. Кикаха остановился и сообщил:

— Здесь есть окно, но оно зарешечено. Я не думаю, что внутри кто-то есть. Там темно.

Кикаха продолжал подниматься. Вольф остановился и заглянул в окно. Там было темно, как в глубине рыбьего глаза. Он просунул руку сквозь прутья и пошарил кругом, его пальцы сомкнулись на свече. Осторожно поднимая, чтобы она

выпала из подсвечника, он вытащил ее за решетку. Зацепившись рукой за стальной прут, он некоторое время висел, выуживая другой рукой спички из маленькой сумки на поясе.

Кикаха сверху поинтересовался:

— Что ты делаешь?

Вольф объяснил ему, но Кикаха возразил:

— Я пару раз произнес имя Хрисеиды. Там никого нет. Хватит терять время.

— Я хочу удостовериться.

— Ты слишком основателен и обращаешь слишком много внимания на детали. Если хочешь срубить дерево, надо отсекал щепу побольше. Лезем дальше.

Не потрудившись ответить, Вольф чиркнул спичкой. Она вспыхнула и чуть не погасла на ветру, но он сумел достаточно быстро засунуть ее за окно. Вспышка света показала спальню без всякого обитателя.

— Удовлетворен? — донесся голос Кикахи, более слабый, так как он влез выше. — У нас есть еще один шанс — сторожевая башенка. Если и там никого нет... В любом случае, я не знаю, как... Ой!

Позже Вольф возблагодарил судьбу за эту задержку. Он держал спичку, пока она не обожгла ему пальцы, и только тогда выпустил. Сразу же после приглушенного восклицания Кикахи на него упало тело. Столкновение было таким, что чуть не вырвало его руку из гнезда. Он крикнул и повис на одной руке. Несколько секунд Кикаха, дрожа, цеплялся за него, а затем глубоко вздохнул и возобновил подъем. Ни тот, ни другой не сказали ни слова, но оба знали, что если бы не упрямство Вольфа, то падение Кикахи спшибло бы Вольфа с ненадежной опоры в виде горгульи. Возможно, не удержался бы и Фунем Лаксфальк, так как находился прямо под Вольфом.

Сторожевая башенка оказалась большой. Она находилась примерно на трети пути вверх по стене, выступая далеко наружу, и из ее крестообразного окна лился свет. Стена выше ее была лишена украшений.

Внизу раздался громкий шум, а чуть послабее — из замка. Вольф остановился посмотреть на подъемный мост, полагая, что их заметили. Однако, хотя на подъемном мосту и территории внутри замка было много ратников и гостей, причем многие с факелами, ни один не глядел на верхолазов. Они, казалось, искали кого-то в кустах и среди деревьев.

Роберт подумал, что заметили их отсутствие и тело часового.

Им придется выбираться с боем. Но они сперва найдут и освободят Хрисеиду. Потом будет время подумать о битве.

Впереди него Кикаха командовал:

— Лезь сюда, Боб!

Голос его был таким взволнованным, что Вольф понял: он, должно быть, обнаружил Хрисеиду. Роберт вскарабкался быстро, быстрее, чем позволял здравый смысл. Пришлось влезать по одной стороне башенки, так как другая сторона выступала наружу под углом. Кикаха лежал на плоской вершине и пытался отодвинуться от ее края.

— Тебе придется повиснуть вверх ногами, чтобы заглянуть в окно, Боб. Она там, и она одна. Но окно слишком узкое, чтобы пропустить тебя или ее.

Вольф свесился через край башенки, а Кикаха схватил его за ноги. Он выползал все дальше и дальше и непременно упал бы в темнеющий внизу ров, если бы его не держали. Сквозь щель в камне он увидел перевернутое лицо Хрисеиды. Она улыбалась, но по щекам у нее катились слезы.

После он не мог точно вспомнить, что они сказали друг другу, так как пребывал в лихорадке нетерпения, ее сменил холод отчаяния, затем вновь вернулась лихорадка.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее ладони. И она тщетно пыталась дотянуться до него сквозь каменный проем.

— Ничего, Хрисеида, — ободрил он. — Ты знаешь, что мы здесь. Мы не собираемся уходить, пока не заберем тебя с собой, клянусь в этом.

— Спроси ее, где рог, — вмешался Кикаха.

— Я не знаю точно, но думаю, что у фон Элгерса, — отозвалась Хрисеида.

— Он тебя беспокоил? — свирепо спросил Вольф.

— Пока нет, но не знаю, долго ли придется ждать, прежде чем он потащит меня в постель, — ответила она. — Он сдерживается только потому, что боится понизить цену, какую надеется получить за меня. Он говорит, что никогда не видывал такой женщины, как я.

Вольф выругался, а затем рассмеялся. Это было похоже на нее, — говорить вот так откровенно; в мире Сада самовосхищение было нормой.

— Кончай ненужную болтовню, — разозлился Кикаха. — Для этого будет время, когда мы вызволим ее.

Хрисеида по возможности сжато и ясно ответила на вопросы Вольфа. Она описала путь в свою комнату, но не знала, сколько часовых было расставлено за дверью или по дороге.

— Я знаю то, чего не знает барон, — сказала она. — Он думает, что Абиру везет меня к фон Кранзелькрахту. Но мне-то лучше знать. Абиру намерен подняться на Дузвил-наву в Атлантиду. Там он продаст меня Радаманту.

— Он никому тебя не продаст, потому что я собираюсь убить его, — вскипел Вольф. — Сейчас я должен уходить, Хрисеида, но вернусь как можно скорее. И я приду не этим путем. А пока — я люблю тебя!

Хрисеида заплакала.

— Я тысячу лет не слышала таких слов ни от одного мужчины! Ах, Роберт Вольф, я люблю тебя! Но я боюсь! Я...

— Ты должна ничего не бояться, — сказал он. — В этом нет нужды, пока я жив, не намерен умирать.

Он велел Кикахе втащить его обратно на крышу сторожевой башенки. Поднявшись, он чуть не упал от головокружения, вызванного приливом крови к голове.

— Идше уже начал спускаться, — сказал Кикаха. — Я отправил его выяснить, сможем ли мы вернуться тем же путем, которым пришли, а также посмотреть, чем вызван этот шум и гам.

— Нами?

— По-моему, нет. Первое, что они бы сделали, это проверили бы Хрисеиду, чего они не сделали.

Спуск был еще опаснее, чем подъем, но они одолели его без происшествий. Фунем Лаксфальк ждал их у окна, из которого они начинали восхождение.

— Они нашли убитого вами часового, — сообщил идше, — но не думают, что мы имеем какое-то отношение. Гворлы вырвались на свободу из темницы и убили множество ратников. Они также захватили собственное оружие. Некоторые выбрались из замка, но не все.

Трое покинули комнату и быстро слились с людьми, искавшими гворлов. У них не было шанса подняться по лестничному маршу, в конце которого находилась комната Хрисеиды. Фон Элгерс, несомненно, позаботился, чтобы охрану увеличили.

Несколько часов они бродили по замку, знакомясь с расположением комнат. Они заметили, что хотя шок от

побега гворлов несколько отрезвил тевтонов, они все еще были очень пьяны. Вольф предложил им вернуться в свои покои и обговорить возможные планы. Наверно, они смогут придумать что-нибудь разумное.

Их комната находилась на пятом этаже, ниже окна башенки Хрисеиды. Чтобы добраться, им пришлось пройти мимо множества мужчин и женщин, вонявших пивом, пошатывавшихся, невнятно и без удержу болтавших. Чужие в их комнату не могли, потому что ключи имелись только у них и у главного привратника, а тот был слишком занят где-то в другом месте, чтобы врываться с обыском. Кроме того, разве гворлы могли войти через запертую дверь?

Но едва Вольф шагнул в комнату, он понял, что они каким-то образом все-таки вошли. В ноздри ему ударило затхлой вонью гнилых фруктов. Он втащил спутников внутрь и быстро запер за ними дверь, а затем обернулся с кинжалом в руке. Кикаха тоже, раздувая ноздри и озираясь, держал в руке нож. Только Фунем Лаксфальк ничего не замечал, кроме неприятного запаха.

Вольф шепотом объяснил ему. Идше подошел к стене, чтобы взять мечи, а затем остановился. Подставки были пусты.

Молча и медленно Вольф прошел в другую комнату, Кикаха — следом за ним, держа факел. Пламя заколебалось и отбросило горбатые тени, заставившие Вольфа дернуться. Он решил, что это гворлы.

Свет приблизился, тени улетели или приняли безобидные формы.

— Они здесь, — тихо произнес Вольф, — или только что ушли. Но куда?

Кикаха показал на закрывавшие окно высокие шторы. Вольф широким шагом подошел к ним и принялся протыкать красно-пурпурную бархатную ткань. Его клинок встретил только воздух и камень стены. Кикаха отдернул шторы, открыв то, что уже сказал ему кинжал. Никаких гворлов там не было.

— Они забрались через окно, — сказал идше. — Но зачем?

В этот момент Вольф поднял глаза и выругался. Он шагнул назад, чтобы предупредить своих друзей, но они уже смотрели вверх. Там, зацепившись согнутыми коленями за тяжелый железный каркас штор, висели вниз голо-

вами двое гворлов. В руках оба держали длинные окровавленные ножи, а один, вдобавок, сжимал серебристый рог.

Два создания прыгнули в ту же секунду, когда поняли, что их обнаружили. Оба сумели перевернуться и приземлиться на ноги. Тот, что справа, нанес удар ногой. Вольф покатился, а затем вскочил, но Кикаха промахнулся своим ножом, а гворл — нет. Кинжал сорвался с его ладони и вонзился в руку Кикахе.

Другой бросил нож в Фунема Лаксфалька. Оружие ударило идше в солнечное сплетение с силой, заставившей его согнуться и отступить. Спустя несколько секунд он выпрямился, и стало понятно, почему нож не смог войти в его тело. Сквозь порванную рубаху блеснула сталь легкой кольчуги.

Гворл с рогом исчез за окном. Люди не могли броситься к окну, потому что оставшийся гворл дал им жестокий отпор. Он снова сшиб Вольфа, на этот раз кулаком. Потом словно вихрь налетел на Кикаху, молотя кулаками, и отогнал его назад. Идше с ножом в руке прыгнул на гворла и попытался пырнуть его в брюхо, но его схватили за запястье и вывернули так, что он закричал от боли и выронил нож.

Лежавший на полу Кикаха поднял ногу и врезал пятой гворлу по голени. Тот упал, хотя и не ударился об пол, потому что его схватил Вольф.

Они кружили, сцепив друг друга в объятиях. Оба старались подставить друг другу подножку и сломать хребет. Вольф сумел перебросить его через бедро. Они вдвоем опрокинулись на стену, но большая сила удара пришлась на долю гворла, так как он ударился затылком о стену.

На долю секунды он был оглушен. Это дало Вольфу достаточно времени, чтобы крепко прижать к себе вонючую волосатую бугристую тварь и изо всех сил нажать на хребет гворла. Слишком мускулистый и слишком толстокожий гворл выдержал. В это время на него набросились с ножами двое остальных. Они несколько раз пырнули его и продолжали бы искать смертельную точку в жесткой, упроченной хрящами шкуре, не вели им Вольф прекратить.

Шагнув назад, Вольф выпустил гворла, упавшего на пол, истекавшего кровью и со стеклянным взглядом. Вольф игнорировал его, высматривая в окно бежавшего с рогом гворла. Через подъемный мост прогромыхал и удалился

отряд всадников. Свет показал только гладь черных вод рва. Беглеца нигде не было видно. Вольф повернулся к оставшемуся гворлу.

— Его зовут Дискибибол, а другого — Смил, — уведомил его Кикаха.

— Смил, должно быть, утонул, — сказал Вольф. — Даже если бы он умел плавать, его могли сцапать водяные драконы; но он не умел. — Роберт подумал о роге, лежавшем в иле на две рва. — Никто, кажется, не видел, как упал Смил. Так что на некоторое время рог там в безопасности.

Гворл заговорил. Хотя он употреблял немецкий, но плохо владел звуками. Его слова скрежетали в глубине горла.

— Вы умрете, человеки. Властелин победит. Арвур — Властелин. Ему не сможет нанести поражения такая падаль, как вы. Но прежде чем умрете, вы будете страдать большую...

Он начал кашлять, харкая кровью до тех пор, пока не умер.

— Нам лучше избавиться от его тела, — предложил Вольф. — Нам будет сложно объяснить, что он здесь делал. И фон Элгерс может связать пропажу рога с их присутствием здесь.

Взгляд из окна показал, что поисковая партия ускакала далеко по ведущей к городу утоптанной дороге. По крайней мере, в данную минуту на мосту никого не было. Он поднял тяжелый труп и вытолкнул его из окна. После того, как была перевязана рана Кикахи, Вольф и идше ликвидировали все следы борьбы.

Как только они закончили, Фунем Лаксфальк заговорил. Лицо его было бледным и мрачным.

— Это был рог Властелина. Я настаиваю, чтобы вы рассказали мне, как он попал сюда, и какова ваша роль в этом кажущемся кощунстве.

— Теперь самое время сказать всю правду, — заметил Кикаха. — Расскажи ты. Боб. На сей раз я не испытываю желания вступать в разговор.

Вольф был озабочен состоянием Кикахи, так как лицо приятеля выглядело бледным, и сквозь толстую перевязку сочилась кровь. Тем не менее, он как можно быстрее рассказал идше все, что мог.

Рыцарь слушал внимательно, хотя не мог удержаться от вопросов и ругательств, когда Вольф говорил ему что-нибудь особенно удивительное.

— Клянусь Богом,— произнес он, когда Вольф закончил,— эта повесть о другом мире заставила бы меня называть вас лжецом, если бы равнины уже не рассказывали мне, что мои предки и предки тевтонов пришли именно из такого места. И потом, есть Книга Второго Исхода, которая гласит то же самое и также утверждает, что Властелин явился из другого мира. И все же я всегда считал эти сказки грезами святых людей, которые чуточку безумны. Мне такое и присниться никогда не могло, а сказать об этом вслух я бы не хотел, так как меня побили бы камнями за ересь. К тому же, всегда остается сомнение, вдруг это окажется правдой. А Властелин карает тех, кто отрицает его. В этом-то никаких сомнений нет. Теперь же вы ставите меня в такое положение, какому ни один человек не позавидует. Я знаю вас обоих как самых грозных рыцарей, каких мне когда-либо выпадало счастье встретить. Вы такие люди, которые не станут лгать. В этом я готов поручиться своей жизнью. Ваша повесть кажется столь же правдивой, как прочны доспехи великого драконоборца фун Зильберберггла. И все-таки, я не знаю, как мне быть.— Он покачал головой.— Пытаться вступить в цитадель самого Властелина, нанести удар по Властелину! Это пугает меня. Первый раз в своей жизни я, Лейб Фунем Лаксфальк, признаю, что боюсь!

— Вы дали нам клятву,— сказал Вольф.— Мы освобождаем вас от нее, но просим, чтобы вы действовали так, как поклялись, то есть не говорили никому о нас и о нашем поиске.

— Я не говорил, что брошу вас! — возмутился, рассердившись, идше.— Я этого не сделаю, по крайней мере, пока. Существует нечто такое, что заставляет меня думать, что вы, может быть, говорите правду. Властелин — всемогущ, и все же его священный рог побывал в ваших руках и у гворлов, а Властелин ничего не сделал. Наверное...

Вольф ответил, что у него нет времени ждать, пока тот примет решение, рог должен быть возвращен сейчас, пока есть возможность, и Хрисеиду надо освободить при первом же удобном случае. Он вывел их в другую комнату, в данный момент свободную.

Там они взяли три меча взамен своих, которые гворлы, вероятно, выбросили из окна в ров. Через несколько минут они уже находились за пределами замка и притворялись, что ищут по лесу гворлов.

К тому времени большинство вышедших на поиски тевтонов вернулись в замок. Трое друзей подождали, пока оставшие ратники не решили, что гворлов поблизости нет.

Когда последние из них прошли через подъемный мост, Вольф и его друзья погасили факелы. На конце моста в караульной осталось двое часовых. Эти, однако, находились в ста ярдах от них и не могли видеть, где притаилась тройца. Более того, они были слишком заняты обсуждением событий этой ночи и вглядывались во тьму леса. Они совсем недавно заступили на пост, ибо предыдущих часовых убили гворлы, когда совершали свой рывок через мост.

— Место как раз под нашим окном. Вот где должен находиться рог, — подумал вслух Вольф. — Только...

— Водяные драконы!

Кикаха понял его с полуслова.

— Они уволочут тела Смила и Дискибибола в свои логова, где бы те ни были. Но поблизости могут плавать другие. Я бы нырнул, но эта моя рана сразу же привлечет их.

— Я говорил как раз о себе, — проворчал Вольф. Он принялся снимать одежду. — Насколько глубок этот ров?

— Узнаешь, — лаконично ответил Кикаха.

Вольф увидел нечто, блеснувшее красным в отраженном свете факелов с отдаленного моста. Он подумал, что это глаза зверя. В следующий миг его и других поймало что-то липкое и вязущее. Материал этот, чем бы он ни являлся, залепил глаза, ослепив его.

Роберт дрался жестоко, но молча. Хотя он и не знал, кем были напавшие, но не собирался поднимать обитателей замка. Каким бы ни вышел исход борьбы, их это наверняка не касалось.

Чем больше он трепыхался, тем туже цеплялась и связывала его паутина. В конечном итоге, разъярясь и тяжело дыша, он оказался совершенно беспомощным. Только тогда раздался низкий и скрипучий голос.

Нож разрезал паутину, оставив открытым его лицо. В тусклом свете отдаленных факелов он увидел две другие фигуры, завернутые в материал, и дюжину кривобоких силуэтов. Вонь гнилых фруктов была мощной.

— Я — Гагрилл, здррих'аг Аббкмунга. Вы — Роберт Вольф и наш великий враг Кикаха, а третьего я не знаю.

— Барон Фунем Ласкфальк,— процедил идше.— Освободи меня и скоро выяснишь, хорошо ли со мной знаться, вонючая свинья!

— Тихо! Мы знаем, что вы каким-то образом убили двух моих лучших убийц, Смила и Дискибибола, хотя они оказались не столь свирепыми, если дали себя убить таким, как вы. Оттуда, где мы прятались в лесу, мы видели, как упал Дискибибол, и следом выпрыгнул с рогом Смирл.

Гагрилл помолчал, а затем сказал:

— Ты, Вольф, отправись за рогом в воду и принеши его нам. Если ты это сделаешь, то, клянусь честью Властелина, мы освободим всех троих. Кикаху Властелин тоже хочет иметь у себя, хотя не так сильно, как рог, и сказал, что мы не должны убивать Кикаху, даже если при этом придется упустить его. Мы повинемся Властелину, потому как он — величайший убийца из всех.

— А если я откажусь? — спросил Вольф.— С водяными драконами во рву меня почти наверняка ожидает там смерть.

— А здесь верная смерть, без почти, если ты откажешься.

Вольф подумал. Ему не оставили выбора. Характер и намерения идше гворлам неизвестны, поэтому они не могли позволить ему отправиться за рогом. Фунем Ласкфальк мог и не вернуться. Кикаха являлся призом, уступавшим по ценности только рогу. Кроме того, он ранен, а кровь из раны привлечет водяных чудовищ. Вольф же, если ему не наплевать на Кикаху, вернется. Они, конечно, не вполне уверены в глубине его чувств к Кикахе. Это риск, на который им приходилось идти.

Наверняка Роберт знал одно: ни один гворл не рискнет сунуться в такую глубокую воду, если имеется кто-то, способный сделать это за него.

— Ладно,— согласился Вольф.— Освободите меня, и я отправляюсь за рогом. Но дайте мне, по крайней мере, нож для защиты от драконов.

— Нет,— отрезал Гагрилл.

Вольф пожал плечами. После того, как его вырезали из сети-паутины, он снял с себя всю одежду, кроме рубахи. Она прикрывала обмотанный у него вокруг талии шнур.

— Не делай этого, Боб,— заговорил Кикаха.— Гворлу можно доверять не больше, чем его хозяину. Они отберут у тебя рог, а потом сделают с нами все, что пожелают, и посмеются, что мы были их орудием.

— У меня нет выбора, — ответил Вольф. — Если я найду рог, то вернусь. Если не вернусь, ты будешь знать, что я погиб.

— Ты все равно погибнешь, — возразил Кикаха.

Раздался глухой удар кулака. Кикаха выругался, но тихо.

— Поговори еще, Кикаха, — сказал Гагрилл, — и я отрежу тебе язык. Этого Властелин не запрещал.

Глава XIV

Вольф поднял взгляд на окно, из которого все еще лился свет факела. Он вошел в воду, оказавшуюся прохладной, но не ледяной.

Его ноги погрузились в густой клейкий ил, вызывавший образы множества трупов, чья гниющая плоть, должно быть, и образовала часть этого ила. Вольф не мог удержаться от мыслей о плававших на дне ящерах. Если ему повезет, то в непосредственной близости их не будет. Если они уволокли тела Смила и Дискибибола... Лучше отбросить эти размышления и плыть.

Ров в этом месте был по меньшей мере в двести ярдов шириной. Вольф остановился посередине и, усиленно работая ногами, обернулся посмотреть на берег. С этого расстояния он не смог увидеть оставшихся.

С другой стороны, они тоже не могли его видеть. Гагрилл не определил ему срок возвращения. Вольф, однако, знал, что если он не вернется до рассвета, то не найдет их там.

В точке непосредственно под светом из окна он нырнул. Он погружался все глубже, и вода становилась холодней чуть ли не с каждым взмахом рук. У него начали зудеть, а затем сильно болеть уши. Он выпустил несколько пузырьков воздуха, чтобы облегчить давление, но ему это мало помогло. Как раз когда ему показалось, что он не сможет погрузиться глубже без того, чтобы не лопнули барабанные перепонки, его рука вонзилась в мягкий ил. Удерживаясь от желания сейчас же повернуться и плыть к поверхности за благословенным облегчением от давления и необходимым воздухом, он пошарил по дну рва. Он не нашел ничего, кроме ила и, один раз, костей.

Он насиловал себя до тех пор, пока не понял, что должен глотнуть воздуха.

Дважды он поднимался на поверхность, а затем снова нырял. К тому времени он понял, что даже если рог и лежит на дне, он может никогда не найти его. Слепой в темных водах, он мог проплыть в дюйме от рога и никогда не узнать об этом. Более того, возможно, Смил, упав, отбросил рог подальше от себя, или водяной дракон утащил его вместе с трупом Смила и даже проглотил его.

В третий раз Роберт, прежде чем погрузиться в воду, отплыл немного вправо. Он нырнул, как надеялся, под углом в девяносто градусов ко дну. В этой черноте он никак не мог определить направление.

Его рука вспахала ил. Вольф подплыл поближе, чтобы пощупать кругом, и неожиданно его пальцы сомкнулись на холодном металле, скользя по семи кнопкам.

Добравшись до поверхности, он вспенил воду и жадно глотнул воздух. Теперь надо было пускаться в обратное путешествие, которое, как он надеялся, он сможет проделать быстро, так как вскоре могли появиться водяные драконы.

В следующее мгновение он забыл про драконов, так как не увидел знакомых ориентиров. Свет факелов с подъемного моста, слабое свечение луны сквозь тучи, свет из окна наверху — все исчезло.

Вольф продолжал вспенивать воду ногами, тщательно обдумывая свое положение. Не ощущалось ни малейшего ветерка. Воздух был застоявшимся. Следовательно, Роберт мог находиться только внутри замка, и его счастье, что этому потайному месту случилось оказаться как раз там, где он вынырнул. Вольфу повезло, что он всплывал со дна под наклонным углом.

И все же он мог определить, в какой стороне находился берег, а в какой — замок. Потребовалось лишь несколько гребков, чтобы выяснить это. Его рука соприкоснулась с каменными кирпичами. Он двинулся вдоль стены, вскоре она начала выгибаться внутрь. Следуя за изгибом, он, наконец, добрался до того, на что надеялся.

Это был пролет каменных ступенек лестницы, поднимавшейся из воды и ведущей вверх.

Он медленно поднялся, держа перед собой руку на случай неожиданного препятствия. Ноги его скользили на каждой ступеньке, готовые остановиться, если нащупают отверстие или ступенька покажется непрочной. После двадцати ступенек вверх он достиг конца лестницы. Он находился в высеченном из камня коридоре.

Фон Элгерс, или кто бы там ни построил этот замок, сконструировал и способ тайного входа и выхода. Отверстие ниже уровня воды вело в камеру, низкий проход шел в замок. Теперь Вольф имел рог и возможность попасть в замок незамеченным. Не следует ли сперва вернуть рог гворлам? Потом он и двое других могли бы вернуться этим путем и отыскать Хriseиду.

Он сомневался, что Гагрилл сдержит слово. Однако даже если гворлы и отпустят пленников, когда они поплывут сюда, то рана Кикахи привлечет ящеров, и все трое пропадут. Тогда Хriseида лишится последнего шанса на свободу. А Кикаху нельзя оставлять, пока Роберт и Лаксфальк возвращаются в замок. Он окажется на виду у всех, как только наступит рассвет. Даже если он спрячется в лесу, к тому времени окрестности наверняка станет обыскивать новая охотничья партия, особенно после того, как обнаружит, что исчезли трое чужих рыцарей.

Он решил пойти вперед по коридору. Это был слишком хороший шанс, чтобы упускать его. До зари он сделает все, что в его силах. Если он ничего не добьется, то вернется с рогом.

Рог! Нет смысла брать его с собой. Если Вольфа, чего доброго, захватят в плен, он один будет знать о местонахождении рога.

Он вернулся, спустился по лестнице под воду, нырнул на глубину примерно в десять футов и оставил рог в иле.

Вернувшись на сушу, он устало брел, пока не подошел к другой лестнице в конце прохода. Пролет туго закрученной спиралью вел наверх. Счет ступенек привел его к мысли, что он поднялся по меньшей мере на пять этажей. На каждом предполагаемом этаже он ощупывал узкие стены в поисках дверей или пружин, открывавших двери, и ничего не находил.

Там, где мог быть седьмой этаж, он увидел вырывавшийся из отверстия в стене крошечный лучик света. Нагнувшись, он заглянул туда. В противоположном конце помещения сидел за столом с бутылкой вина фон Элгерс. Человек, расположившийся напротив барона, был Абиру.

Лицо барона побагровело не только от вина. Он рычал на Абиру.

— Это все, что я намерен сказать, хамшем! Ты отнимешь рог у гворлов, или я сниму тебе голову! Только сперва тебя бросят в темницу. У меня там есть кой-какие лю-

бопытные железные устройства, которые заинтересуют тебя.

Абиру встал. Лицо его с темной пигментацией было настолько же бледным, насколько у барона — багровым.

— Поверьте мне, государь, если рог захватили гворлы, он будет возвращен. Они не могут уйти с ним далеко. Если он у них, гворлов можно легко выследить. Они, знаете ли, не могут сойти за людей. Кроме того, они глупы.

Барон взревел, встал и треснул кулаком по столу.

— Глупы! Они оказались достаточно умны, чтобы вырваться из моей темницы, а я бы поклялся, что этого никто не сможет сделать! И они нашли мои покои и забрали рог! А ты называешь их глупцами!

— По крайней мере, — заметил Абиру, — они не похитили также и девушку. С этого я кое-что получу. Она принесет сказочную цену.

— Тебе она ничего не принесет! Она — моя!

Абиру прожег его взглядом и сказал:

— Она — моя собственность. Я приобрел ее с большим риском и провез весь этот путь, пойдя на крупные расходы. Я имею полное право на нее. Вы человек чести или вор?

Фон Элгерс одним ударом сшиб его на пол. Абиру, потирая щеку, сразу же поднялся на ноги. Глядя ровным взглядом на барона, он спросил, сохраняя спокойный тон:

— А как насчет моих драгоценностей?

— Они находятся в моем замке! — закричал барон. — А все, что в моем замке, принадлежит фон Элгерсу!

Он ушел из поля зрения Вольфа, со скрипом открыл дверь и проревел, зовя стражу. Стражники увели Абиру.

— Тебе повезло, что я не убил тебя! — бушевал барон. — Я не собираюсь, пес поганый, лишать тебя жизни! Тебе следовало бы пасть на колени и благодарить меня за это! А теперь немедленно убирайся из замка. Если я не увижу, что ты спешишь покинуть его как можно быстрее, то повешу тебя на ближайшем дереве.

Абиру не ответил. Дверь закрылась. Некоторое время барон расхаживал взад-вперед, а затем внезапно двинулся к стене, за которой пригнулся Вольф. Роберт отпрыгнул и отступил вниз по лестнице. Он надеялся, что выбрал правильное направление. Если барон будет спускаться по лестнице, он вынудит Вольфа нырнуть в воду и, наверное, обратно в ров. Но Роберт не думал, что барон пойдет этим путем.

На секунду свет пропал. Затем участок стены распахнулся с торчащим из отверстия пальцем барона. Факел фон Элгера осветил винтовую лестницу. Вольф согнулся в тени, отбрасываемой поворотом витка. Вскоре свет стал слабее, барон понес факел вверх по лестнице. Вольф последовал за ним.

Он не мог все время держать фон Элгера в поле зрения, так как должен был укрываться за поворотами, чтобы остаться незамеченным, если барон, чего доброго, взглянет вниз. Поэтому он не увидел, как фон Элгерс покинул лестницу, и узнал об этом, когда свет вдруг пропал.

Вольф заспешил наверх и остановился у ближайшего глазка. Он просунул туда палец и поднял его вверх. Небольшой участок поддался, послышался щелчок, и дверь распахнулась. Внутренняя сторона двери образовывала часть стены покоев барона. Вольф шагнул в комнату, выбрал с подставки на стене тонкий восьмидюймовый кинжал и снова вернулся на лестницу. Закрыв за собой дверь, он двинулся дальше.

На этот раз у него не было никакого света из отверстия в качестве ориентира. Роберт даже не был уверен, что оставался в том же месте, что и барон. Он прикинул высоту от себя до того места, где барон исчез. Не оставалось ничего другого, кроме как нащупывать устройство, которым, должно быть, воспользовался барон, открывая другую дверь. Вольф приложил ухо к стене, прислушиваясь к голосам, но ничего не услышал.

Его пальцы скользили по кирпичам и крошившейся от влажности известке, пока не встретили дерево. Это все, что он смог найти: камень и деревянная рама с гладко вставленной широкой и высокой панелью. Не было ничего, указывавшего на «сезам, откройся».

Он поднялся еще на несколько ступенек и продолжил ощупывать стену. Кирпичи не содержали ни намека на рычаг или пружину. Вольф вернулся к месту напротив двери и пошарил там. И опять на стене ничего не оказалось.

Теперь он чуть не обезумел. Он был уверен, что фон Элгерс направился в комнату Хрисейды, и не просто поболтать. Роберт вернулся вниз по лестнице, ощупывая стены. По-прежнему ничего.

Он снова безуспешно искал вокруг двери, потом толкнул по одной ее стороне только для того, чтобы убедить-

ся, что она не шелохнется. Он даже собрался замолотить по двери, чтобы привлечь внимание фон Элгерса. Если барон явится, то какое-то время будет беспомощен перед атакой сверху. Но Вольф отверг эту мысль. Барон был слишком хитер, чтобы попасться на такой трюк. Хотя он вряд ли отправится за помощью, так как не захочет открыть тайный ход другим. А покинуть комнату Хрисеиды он может и через обычную дверь. Поставленный перед дверью часовой подивится, откуда барон взялся, хотя, вероятно, подумает, что тот зашел еще до смены караула. В любом случае барон мог навсегда заткнуть рот подозрительному часовому. Вольф толкнул по другой стороне двери, и она распахнулась внутрь. Она не была заперта. Все, что ей требовалось, это давление на нужную сторону.

Он тихо застонал оттого, что так долго упускал очевидное, и шагнул через дверной проем. За дверью было темно. Он оказался в маленькой комнате, чуть ли не в чулане. Стены состояли из скрепленных известковым раствором кирпичей, за исключением одной. Здесь из деревянной стены торчал металлический прут. Прежде чем поработать над ним, Вольф приложил ухо к стене. Донеслись приглушенные голоса, но слишком слабые, и он не мог узнать их.

Чтобы активизировать дверную пружину, требовалось потянуть на себя металлический прут. С кинжалом в руке Вольф прошел через эту дверь и оказался в большой палате из крупных каменных блоков. В ней находилась большая постель с четырьмя изукрашенными резьбой столбами из лощеного черного дерева и ярко-розовым, с кисточками, балдахином. За ней виднелось узкое крестообразное окно, через которое он смотрел сюда этой ночью.

Фон Элгерс стоял спиной к нему. Барон держал в объятиях Хрисеиду и тащил ее к постели. Глаза ее были закрыты, а голова отвернута, чтобы избежать поцелуев. И он, и она оставались еще полностью одетыми.

Вольф в несколько прыжков пересек помещение, схватил барона за плечо и рванул на себя. Барон выпустил Хрисеиду, чтобы выхватить кинжал, но не напарил ножен. Видимо, он опасался, что кинжалом попытается воспользоваться Хрисеида.

Его лицо, покрасневшее от похоти, теперь посерело. Рот барона широко раскрылся, но крик о помощи застрял в глотке. Вольф не дал ему времени прийти в себя. Он бросил кинжал и ударил барона кулаком в подбородок.

Фон Элгерс рухнул без сознания. Роберт не хотел зря терять время, поэтому пробежал мимо побледневшей Хрисеиды и отрезал от простыней две полосы ткани. Меньшую он засунул барону в рот, а большей закрепил кляп. Затем отмотал кусок шнура со своей талии и связал фон Элгерсу руки спереди. Взвалив обмякшее тело на плечо, он командовал Хрисеиде:

— Пошли. Поговорить мы сможем и позже.

Он остановился, чтобы объяснить Хрисеиде, как закрыть стену-дверь. Ни к чему выдавать стражникам тайный ход, когда они, наконец, явятся, встревоженные долгим отсутствием барона. Хрисеида несла позади него факел, когда они спускались по лестнице. Когда они дошли до воды, Вольф объяснил, что собирается предпринять. Сперва нужно было вернуть рог. Сделав это, он зачерпнул воды в ладони и плеснул на лицо барона. Когда он увидел, что глаза барона открылись, то уведомил, что от него требуется.

Фон Элгерс отрицательно замотал головой. Вольф заявил:

— Либо вы отправитесь с нами заложником и рискуете столкнуться с водяными драконами, либо умрете прямо сейчас. Так какой выбор?

Барон кивнул. Вольф разрезал его путы, но привязал конец шнура к его лодыжке. Все трое вошли в воду. Фон Элгерс сразу же поплыл к стене и нырнул. Другие последовали за ним под стену, уходящую фута на четыре в глубину. Вынырнув на другой стороне, Вольф увидел, что тучи рассеиваются. Зеленая луна скоро станет совсем яркой.

Как им было указано, барон и Хрисеида плыли под углом к другой стороне рва. Вольф последовал за ними с концом шнура в руке. В таком положении они не могли плыть быстро. Через пятнадцать минут луна уйдет за монолит, а вскоре и солнце выйдет с другой его стороны. У Вольфа оставалось мало времени на выполнение плана, но контроль над бароном в спешке не сохранить.

Выбранное Робертом место на берегу рва находилось в ста ярдах от того, где ждали гворлы и их пленники. Через несколько минут они окажутся за изгибом замка вне поля зрения гворлов и часовых на мосту, даже если луна выйдет из-за туч. Этот путь являлся необходимым злом, потому, что каждая секунда в воде увеличивала шансы, что их обнаружат водяные драконы.

Когда они были в двадцати ярдах от своей цели, Вольф скорее почувствовал, чем увидел, как помутнела вода. Он обернулся: поверхность чуть вспучилась, в его сторону шла небольшая волна. Он вытянул ноги, изо всех сил ударил, попав по чему-то достаточно твердому и прочному, чтобы оттолкнуться. Он рванул назад, бросив в то же время конец шнура. Объемистая туша проплыла между ним и Хрисеидой, наткнулась на фон Элгерса и пропала, так же как и заложник Вольфа.

Они оставили всякие попытки плыть бесшумно и работали руками и ногами что было сил. Добравшись до берега, они вскарабкались на него, добежали до дерева и лишь там остановились. Хватая воздух разинутыми ртами, прильнули к его стволу.

Вольф не дожидался, пока полностью восстановится дыхание. Через несколько минут из-за Дузвиллनावы появится солнце. Он велел Хрисеиде ждать его. Если он не вернется вскоре после восхода солнца, то не придет еще долго, если вообще когда-нибудь придет. Она должна будет уйти и спрятаться в лесу, а потом поступать, как сумеет.

Она умоляла его не уходить, ибо не могла вынести мысли о том, что останется совсем одна.

— Я должен, — сказал Вольф и вручил ей свой запасной кинжал, который она воткнула в рубаху и закрепила на подоле.

— Я применю его против себя, если тебя убьют, — сказала она.

Роберту была мучительна мысль, что он оставляет ее такой беспомощной, но он не видел другого выхода.

— Убей меня сейчас, прежде чем покинешь, — взмолилась она. — Я слишком многое пережила, больше я не смогу вынести.

Он легко поцеловал ее в губы и возразил:

— Разумеется, сможешь. Ты сильнее, чем бывала прежде, и всегда была сильнее, чем думала. Посмотри на себя сейчас. Ты можешь сказать «убить» и «смерть», даже глазами не моргнув.

Он повернулся и побежал, согнувшись, к месту, где оставил друзей и гворлов. Примерно в двенадцати ярдах от них Роберт замер. Он ничего не услышал, кроме крика ночной птицы и приглушенного возгласа откуда-то из замка. Опустившись на четвереньки, с кинжалом в зубах, он пополз к месту напротив света из окна своих покоев.

В любой момент он ожидал почуять запах плесени и увидеть ком черноты на фоне полумрака.

Но там никого не оказалось, только мерцающе серые остатки паучьей сети, показывавшие, что гворлы действительно были здесь.

Он искал вокруг. Когда стало очевидным, что никакого намека, куда подевались гворлы и пленники, не осталось, а солнце вот-вот откроет его часовым на мосту, Вольф вернулся к Хрисеиде. Она прильнула к нему и заплакала.

— Видишь? Я все-таки здесь, — сказал он. — Но теперь мы должны убраться отсюда.

— Мы вернемся в Океанос?

— Нет. Мы отправимся за моими друзьями.

Они побежали мимо замка к монолиту. Отсутствие барона скоро заметят. На много миль вокруг ни одно место укрытия не окажется безопасным. Гворлы, зная это, тоже должны поспешить к Дузвиллаве. Как бы сильно им ни хотелось заполнить рог, они сейчас не могли болтаться поблизости. Более того, они наверняка думали, что Вольф утонул или съеден драконами. Для них рог мог быть в данный момент недостижим, но они могли вернуться, когда это станет неопасным.

Вольф и Хрисеида мчались вперед, останавливаясь лишь на короткие привалы, пока не добрались до густого леса Раухвальд. Там им пришлось ползти под спутанным терновником сквозь переплетающиеся кусты, пока у них не закровоточили колени и не заболели руки. Хрисеида ничком уткнулась в мох. Вольф собрал немного ягод, росших тут в изобилии. Они спали всю ночь, а утром возобновили свое путешествие на четвереньках. К тому времени, когда достигли другой стороны Раухвальда, они были исцарапаны колючками. На опушке их никто не поджидал, чего так опасался Роберт. Зато он почувствовал себя почти счастливым, когда наткнулся на доказательства того, что гворлы тоже прошли этим путем. На колючках терновника болтались клочки жестких волос гворлов и куски ткани. Их, несомненно, сумел оставить Кикаха, чтобы отметить дорогу, если Вольф последует за ними.

Глава XV

Через месяц они прибыли, наконец, к подножию монолита Дузвиллавы. Они знали, что находятся на правиль-

ном пути, поскольку до них доходили слухи о гворлах, им даже доводилось разговаривать с теми, кто видел их издали.

— Не знаю, почему они ушли так далеко от рога,— недоумевал Вольф,— Наверное, собираются спрятаться в пещере на поверхности горы и вернуться, когда их перестанут искать.

— Или, возможно,— добавила Хriseида,— у них есть приказ Властелина сперва привести Кикаху. Тот так долго был словно насекомое в ухе Властелина, что Властелин, похоже, приходит в бешенство при одной мысли о нем. Наверное, он хочет удостовериться, что Кикаху убрали с дороги, прежде чем снова послать гворлов за рогом.

Вольф согласился, что она может оказаться права. Возможно даже, что Властелин собирался спуститься из дворца по тем же тропам, по которым спустил гворлов. Это, однако, казалось маловероятным, так как Властелин не захотел бы застрять здесь надолго. Мог ли он настолько доверять гворлам, чтобы те поднимали его на канате?

Вольф смотрел на ошеломлявшие высоты башни Дузвиллны шириной с континент. Она была, по словам Кикахи, по меньшей мере, вдвое выше монолита Абхарплунты, поддерживавшего ярус Дракландии. Она воспаряла на шестьдесят тысяч футов или больше, а существа, жившие на карнизах и в нишах, оставались точно такими же страшными и голодными, как и на других монолитах. Дузвиллнава выглядела бугристой, подвергшейся эрозии, иссеченной и щетинистой. На ее разрушенной поверхности имелась огромная выемка, придававшая ей вид темного разинутого рта. Великан казался готовым съесть всякого, кто посмеет его обидеть.

Хriseида, рассматривая дикие скалы и их невероятную высоту, задрожала, но ничего не сказала. Она уже давненько перестала оглашать свои страхи.

Дело в том, что она больше не волновалась о себе, как думал Вольф, а сосредоточилась на росшей в ней жизни. Она была уверена, что беременна.

Он обнял ее одной рукой, поцеловал и сказал:

— Я хотел бы начать восхождение сейчас же, но мы должны задержаться на несколько дней, чтобы сделать приготовления. Мы не можем атаковать это чудовище без отдыха и достаточного запаса еды.

Три дня спустя, облаченные в прочную одежду из оленьей кожи, захватив с собой веревки, оружие, инструмен-

ты для восхождения и бурдюки с едой и водой, они начали подъем. Вольф нес рог в мягком кожаном мешке за спиной.

Девяносто один день понадобился им, чтобы проделать половину пути.

Чуть ли не на каждом втором шагу перед ними возникало препятствие в виде гладкой вертикальной стены, надежной и предательской скалы или таких хищников, как многостопая змея, встреченная ими на Тайяфайявозе, волки с огромными лапами, горная обезьяна, топороклювы размером со страуса и маленькая, но свирепая рысь.

Когда путники перевалили через верхний край Дузвиллनावы, прошло сто восемьдесят шесть дней. Роберт и Хрисеида были уже не те, какими они отправлялись в путь, — ни физически, ни психически. Вольф весил меньше, но к своей силе прибавил выносливости и жилистости. Лицо и тело его украшали шрамы, полученные от рысей, горных обезьян и топороклювов. Его ненависть к Властелину стала еще более жгучей, ибо Хрисеида потеряла плод, прежде чем они достигли высоты в десять тысяч футов. Этого и следовало ожидать, но Роберт не мог забыть, что им бы не пришлось совершать этого восхождения, если бы не Властелин.

Хрисеида закалилась телом и духом благодаря испытаниям, выпавшим на ее долю до подъема на Дузвиллनावу. И все же их дела на этом монолите шли намного хуже, чем прежде, и она могла бы сломаться. То, что она все-таки не сломалась, подтверждало первоначальные ощущения Вольфа: она создана из прочной ткани. Расслабляющее воздействие тысячелетней растительной жизни в Саду было сброшено, как старая кожа. Хрисеида, покорившая этот монолит, походила на женщину, привыкшую к жесткой и требовательной жизни древних эгейцев. Только она стала намного мудрее.

Вольф подождал несколько дней, отдыхая, охотясь, ремонтируя луки и изготавливая новые стрелы. Он не переставал высматривать орлицу. У него не было контакта ни с одной из них с тех пор, как он разговаривал с Фтией в разрушенном городе у реки Гузирит. Но зеленотелые желтоголовые птицы так и не появились, поэтому он неохотно решил вступить в джунгли. Как и в Дракландии, всю грань окружал пояс джунглей шириной в тысячу миль.

Внутри этого пояса находилась земля Атлантиды. Она, включая монолит в центре, покрывала площадь, превы-

шавшую Германию и Францию, вместе взятые. Вольф искал взглядом столп, на вершине которого находился дворец Властелина. Кикаха говорил, что его видно с грани, хотя он намного уже, чем любой из других монолитов. Роберт видел только огромный и темный континент облаков, разрываемых и скручиваемых молниями. Идаквиззурхруз был скрыт. И Вольф не смог увидеть его, ни поднимаясь на высокий холм, ни забираясь на громадное дерево. Неделью спустя грозовые облака продолжали окутывать каменный столп. Это беспокоило его, так как он не видел такой грозы за все три с половиной года, что пробыл на этой планете.

Прошло пятнадцать дней. На шестнадцатый они нашли на узкой, заполненной зеленью тропе обезглавленный труп. В ярде от него в кустах валялась покрытая тюрбаном голова хамшема.

— Абиру также мог пойти по следу гворлов, — сказал Роберт. — Наверное, гворлы прихватили его камни, покинув замок фон Элгерса, или, что более вероятно, он думает, что у них есть рог.

Через полторы мили они наткнулись на другого хамшема, с распоротым животом, но еще живого. Вольф попытался получить от него какие-нибудь сведения, однако тот уже слишком далеко ушел в потусторонний мир. Вольф избавил его от мук, заметив, что Хriseида даже не отвернулась, когда он это делал.

После этого он заткнул за пояс нож и взял в правую руку ятаган хамшема. Он чувствовал, что кинжал ему скоро понадобится.

Полчаса спустя путники услышали впереди выкрики и вопли. Вольф с Хriseидой скрылись в листве рядом с тропой и увидели, как выбежали Абиру и два хамшема, а по пятам за ними неслась сама смерть в образе трех приземистых негроидов с разрисованными лицами и длинными, причудливо выкрашенными в алый цвет бородами. Один из них метнул копьё. Оно прочертило воздух, закончив путь в спине хамшема. Тот без звука рухнул лицом вперед и заскользил по мягкой влажной земле, словно спускаемый в вечность парусник с копьём в качестве мачты. Два других хамшема повернулись, чтобы дать бой.

Вольф невольно восхитился Абиру, который дрался с большим умением и мужеством. Хотя его спутник пал с копьём в солнечном сплетении, Абиру продолжал сражаться

с нападавшими, размахивая ятаганом. Вскоре двое дикарей были убиты, а третий бросился наутек. После того, как негроид исчез, Вольф бесшумно подошел сзади к Абиру. Он ударил Абиру ребром ладони, парализовав ему руку и заставив выронить ятаган.

Абиру был так поражен и напуган, что не мог даже говорить. При виде вышедшей из кустов Хрисеиды он еще больше выпучил глаза. Вольф спросил его, что происходит. После некоторой паузы, Абиру вновь обрел дар речи и с трудом начал говорить. Как и догадывался Вольф, он преследовал гворлов со своими людьми и множеством шолкинов. В нескольких милях отсюда он настиг их или, точнее, они настигли его. Засада оказалась наполовину успешной, ибо в результате была убита или выведена из строя добрая треть хамшемов, и все это — без потерь со стороны гворлов, метавших ножи с деревьев или из кустов.

Хамшемы сломались и побежали, надеясь дать отпор в лучшем месте, если смогут такое найти. Затем и преследуемые, и преследователи столкнулись с ордой черных дикарей.

— И скоро прибегут новые искать тебя, — заключил Вольф. — Что насчет Кикахи и Фунема Лаксфалька?

— Насчет Кикахи я не знаю. Его с гворлами не было. Но идишский рыцарь был.

На миг у Вольфа возникло желание убить Абиру. Ему, однако, не нравилось быть палачом, а кроме того, хотелось задать еще несколько вопросов. Он считал, что Абиру утаивает больше, чем рассказывает. Толкая его вперед острием ятагана, Роберт направился дальше по тропе. Абиру пытался возражать, заявив, что лучше бы ему вернули оружие, иначе их быстро перебьют. Вольф велел ему заткнуться. Через несколько минут они услышали крики сражавшихся людей. Они перешли через мелкий ручей и оказались у подножья крутого, высокого холма.

Он был каменистым, растительность почти не скрывала тропы. Вдоль нее вверх по склону лежали мертвые и раненые гворлы, хамшемы, шолкины и дикари. Почти на самой вершине холма, прижавшись спиной к V-образной стене, под навесом, образованным двумя большими валунами, черных сдерживали трое. Это были гворл, хамшем и идишский барон. Когда Вольф и Хрисеида бросились вверх по склону, хамшем пал, пронзенный несколькими

наконечниками копий размером с лопату. Роберт велел Хрисеиде вернуться. В ответ она вставила в лук стрелу и выстрелила. Дикарь в арьергарде толпы упал назад с торчавшим из спины древком.

Вольф мрачно улыбнулся и начал орудовать собственным луком. Они с Хрисеидой выбирали только тех, кто находился дальше всех в тылу, надеясь перестрелять побольше, прежде чем это заметят те, что сгрудились впереди. Им сопутствовал успех, пока не пал двенадцатый. Один дикарь случайно оглянулся и увидел, что воин позади него рухнул. Он заорал и дернул за руку ближайшего соплеменника.

Дикари воздели копья и кинулись бегом вниз по холму к парочке, оставив большую часть своего отряда атаковать гворла и идше. Прежде чем они одолели половину склона холма, пало еще четыре дикаря. Затем трое других перекувырнулись через головы и покатались, пронзенные стрелами. Оставшиеся шестеро перестали рваться на дистанцию ближнего боя. Остановившись, они запустили копья с такого расстояния, что лучники без труда увернулись от них. Вольф и Хрисеида, действуя с хладнокровием и умением, рожденным большой практикой и опытом, застрелили еще четверых. Двое уцелевших побежали, вопя, обратно к своим собратьям. Ни тот, ни другой не сумели до них добраться, хотя один был только ранен в ногу.

К тому времени пал и гворл. Фунем Лаксфальк остался один против сорока. Он имел кое-какое преимущество, заключавшееся в том, что дикари могли добраться до него только по двое за раз. Стены из валунов и баррикада из трупов не давали другим навалиться на него всей оравой. Фунем Лаксфальк, размахивая окровавленным ятаганом, громко пел какую-то идишскую боевую песнь.

Вольф и Хрисеида нашли небольшое укрытие за двумя валунами и возобновили свою атаку с тыла. Пало еще пятеро, но тут у обоих опустели колчаны.

— Вытаскивай стрелы из трупов и используй их вновь, — скомандовал Вольф. — Я собираюсь помочь ему.

Он подобрал копье и побежал наискось вверх по холму, надеясь, что дикари будут слишком заняты, чтобы заметить его. Когда он обогнул холм, то увидел двух дикарей, пригнувшихся на вершине валуна. Им не давал прыгнуть на спину идше навес из валунов. Но они дожидались минуты, когда тот выйдет из-под его защиты.

Вольф вынул копье и попал одному в ягодицы. Дикарь закричал и навернулся со скалы вперед, надо полагать, на своих собратьев внизу. Другой встал и развернулся как раз во время, чтобы получить нож Вольфа в живот и упасть спиной со скалы.

Вольф взял большой камень и поднял его на вершину одного из огромных валунов и влез следом. Наверху он снова взял камень, поднял его над головой и, подойдя к переднему краю огромного валуна, заорал и бросил его в толпу. Дикари подняли головы как раз вовремя, чтобы увидеть летящий камень. Он раздробил кости, по меньшей мере, троим и покатился вниз по холму. Уцелевшие в панике убежали. Наверно они подумали, что Вольф не один. А может, неорганизованные дикари потеряли боевой дух, увидев, что понесли слишком большие потери. Зрелище трупов соплеменников позади тоже, вероятно, прибавило им страху.

Вольф надеялся, что они не вернутся. Чтобы подлить масла в огонь, он спрыгнул вниз, снова поднял валун и отправил его грохотать вниз по склону следом за дикарями. Камень подпрыгивал и подскакивал, словно гонящийся за кроликом волк, и действительно ударил еще одного, прежде чем достиг подножия.

Хрисеида из-за своего валуна выпустила в дикарей еще две стрелы.

Вольф повернулся к барону и обнаружил, что тот лежит на земле. Лицо его было серым, а из раны вокруг воткнувшегося ему в грудь наконечника копья хлестала кровь.

— Вы! — слабо произнес он. — Человек из другого мира. Вы видели, как я бился?

Вольф подошел к нему, чтобы изучить рану.

— Видел. Ты бился, словно один из воинов Ешуа Навина, друг мой. Такой славной битвы я никогда не видывал прежде. Ты, должно быть, убил, по меньшей мере, двадцать врагов.

Фунем Лаксфальк сумел улыбнуться.

— Двадцать пять. Я их считал.

Затем он широко улыбнулся и промолвил:

— Мы оба чуть-чуть округлили истину, как сказал бы наш друг Кикаха. Но не слишком сильно. Это был великолепный бой. Я только сожалею, что мне приходилось сражаться без друзей и без доспехов в одиноком месте, где никто никогда не узнает, что Фунем Лаксфальк прибавил

чести своему имени, даже если бой этот был против оравы воющих голых дикарей.

— Узнают, — пообещал Вольф. — Настанет день, и я расскажу.

Он не давал ложных слов утешения. И он, и идше знали, что смерть за поворотом нетерпеливо выжидает жертву.

— Ты не знаешь, что случилось с Кикахой? — спросил Вольф.

— А, с этим обманщиком! Он однажды ночью выскользнул из цепей. Попытался освободить и меня тоже, но не смог. Затем он ушел, пообещав, что вернется и выручит меня. Именно так он и сделает, но придет слишком поздно.

Вольф посмотрел вниз. Хriseида по склону поднималась к нему с несколькими извлеченными из трупов стрелами. Черные перегруппировались у подножия и оживленно толковали между собой. Из джунглей вышли и присоединились другие. Вместе со свежими численность дикарей возросла до сорока. Их возглавлял человек, разодетый в перья и носивший отвратительную деревянную маску. Он вращал трещеткой, прыгал и, казалось, что-то втолковывал.

Идше спросил у Вольфа, что происходит. Роберт объяснил. Лаксфальк говорил так слабо, что Роберт должен был приложить ухо чуть не к самому рту рыцаря.

— Моей самой дорогой мечтой, барон Вольф, было сражаться однажды бок о бок с вами. Ах, какую бы благородную пару рыцарей мы оба составили в доспехах и размахивая нашими... Это конец.

Губы его сомкнулись и посинели. Вольф поднялся и снова осмотрел склон. Дикари двигались вверх цепью, чтобы предотвратить бегство тех, кого собрались атаковать. Вольф взялся за работу: он стаскивал и сваливал в кучу тела, образовав из них вал. Единственной надеждой было оставить проход для атаки только для одного-двух дикарей за раз. Если они потеряют достаточно людей, то могут поостыть и задуматься: а не убраться ли восвояси? Он понастоящему в это не верил, так как эти дикари показали замечательную настойчивость, несмотря на ошеломляющие потери. Кроме того, они могли в любой момент отступить на небольшое расстояние, чтобы подождать, когда голод и жажда выгонят Вольфа и Хriseиду из убежища.

Дикари остановились на полпути к вершине, чтобы дать тем, кто обходил холм, время расположиться. Затем по

команде человека в деревянной маске они стали как можно быстрее взбираться на холм. Двое оборонявшихся не шелохнулись, пока брошенные копья не зазвенели о края валунов или не вонзились в баррикаду из мертвых.

Вольф выстрелил дважды, а Хрисеида — три раза. Ни одна стрела не прошла мимо цели.

Вольф выпустил свою последнюю стрелу. Она ударила по маске вождя и сшибла его спиной вниз с холма. Миг спустя он сбросил маску. Хотя лицо его кровоточило, он возглавил вторую атаку.

Из джунглей поднялось странное завывание, дикари остановились, обернулись и смолкли, уставясь на окружавшую холм зелень. Снова откуда-то из леса донесся поднимающийся и падающий крик.

Внезапно из джунглей выскочил бронзоволосый юноша, одетый только в набедренную повязку из леопардовой шкуры. В одной руке он держал копье, а в другой — длинный нож.

Вокруг плеча у него было намотано лассо, а на другом плече висели на ремне колчан и лук. За ним из леса хлынула масса громадных, длинноруких, грудастых и длиннозубых обезьян.

При их виде дикари громко закричали и хотели убежать за холм, но оттуда появились другие обезьяны. Две колонны, словно волосатые челюсти, сомкнулись на черных.

Бой был коротким. Некоторые обезьяны пали с копьями в животах, но большинство черных побросали оружие и попытались унести ноги или же стояли, согнувшись, — дрожащие, словно парализованные. Сбежали только двенадцать.

Вольф, облегченно улыбаясь, осведомился у человека в леопардовой шкуре:

— И как же тебя зовут на этом ярусе?

Кикаха усмехнулся в ответ.

— Я дам тебе шанс угадать, но, чур, с первого раза.

Улыбка его застыла, когда он увидел барона.

— Проклятье. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы найти обезьян, а потом вас! Он был хорошим человеком, этот идше. Мне нравился его стиль. Проклятье! Так или иначе, я обещал, что если он погибнет, то отвезу его кости в замок предков, и это обещание я сдержу, однако, не сейчас. Мы должны уделить внимание одному делу.

Кикаха подозвал несколько обезьян и представил им Вольфа.

— Как ты можешь заметить, — сказал он Вольфу, — они напоминают твоего друга Ипсеваса больше, чем истинные обезьяны. Ноги у них слишком длинные, а руки слишком короткие. Подобно же Ипсевасу и в отличие от больших обезьян любимого автора моего детства, они обладают мозгами людей. И ненавидят Властелина за то, что он с ними сделал. Они хотят не только отомстить, они хотят получить шанс снова погулять в человеческих телах.

Только тут Роберт вспомнил про Абиру. Его нигде не было видно. Очевидно, он ускользнул, когда Вольф бросился на помощь Фунему Лаксфальку.

Той ночью, сидя у костра и поедая жареного оленя, Вольф и Хрисеида слышали о катаклизме, произошедшем в Атлантиде. Все началось с нового храма, который принялся строить Радамант. Внешне башня строилась во славу Властелина. Она должна была подняться выше, чем любое когда-либо известное на планете здание. Чтобы воздвигнуть храм, Радамант мобилизовал все свое государство. Он продолжал добавлять этаж к этажу, пока все не стало выглядеть так, словно он хотел добраться до самого неба.

Люди спрашивали друг друга, когда же наступит конец работе. Все были рабами, которых держали только для одной цели: строить. И все же они не смели говорить открыто, ибо солдаты Радаманта убивали всех, кто не хотел или не мог трудиться. Затем стало очевидным, что в безумной голове Радаманта храм — не самое главное: он возводил средство штурмовать сами небеса — дворец Властелина.

— Здание высотой в тридцать тысяч футов? — недоверчиво переспросил Вольф.

— Да. Это невозможно сделать, конечно, во всяком случае, с имеющейся в Атлантиде технологией. Но Радамант был безумцем. Он действительно думал, что может это сделать. Вероятно, его поощрило то, что Властелин столь много лет не появлялся, и он подумал, что слухи об исчезновении Властелина верны. Конечно, вороны, должно быть, говорили ему иное, но он мог счесть, что они лгут, чтобы защитить себя.

Кикаха сказал, что опустошительные явления природы, уничтожающие сейчас Атлантиду, свидетельствовали о чем-то большем, чем об отмщении Радаманту за горды-

ню. Властелин, по-видимому, раскрыл, наконец, секреты того, как управлять некоторыми устройствами во дворце.

— Исчезнувший Властелин принял меры предосторожности против манипуляции их силами. Но новый Властелин сумел-таки узнать, где находится управление бурями. Доказательства: гигантские ураганы, торнадо и непрерывный дождь, изводившие страну. Властелин, должно быть, задумал избавить этот ярус от всякой жизни.

Прежде чем достичь опушки джунглей, они встретили приливную волну беглецов. Те рассказали о разрушенных домах и больших зданиях, о людях, подхваченных, унесенных и разбитых ветрами, о потопах, лишивших землю деревьев и всякой жизни и смывавших холмы.

К тому времени отряд Кикахи двигался, сгибаясь под встречным ветром. Вокруг них смыкались тучи, их хлестал дождь, а со всех сторон трещали и ослепляли молнии.

Бывали периоды, когда дождь и молнии прекращались. Высвобожденная Арвуром энергия расходовалась, и, прежде чем опять пустить ее в ход, требовалось накопить новые силы. В эти периоды относительного затишья отряд продвигался вперед, хотя и медленно. Они переправлялись через вздувшиеся реки, несшие обломки цивилизации: дома, деревья, мебель, колесницы, трупы мужчин, женщин, детей, собак, лошадей, птиц и диких животных. Леса были выворочены с корнем или разбиты ударами молний. Все долины бурлили водой, все впадины были залиты, а воздух наполняла удушающая вонь.

Когда они преодолели более половины пути, тучи начали рассеиваться. Путники снова оказались под солнцем, но на безмолвной, опустошенной земле. Только рев воды да крик каким-то образом уцелевшей птицы разбивали каменную тишину. Иногда у спутников по спине пробежал холодок от воя сошедшего с ума человека, но такое случилось редко — живых почти не осталось.

Унесло последнюю тучу. Перед ними в трехстах милях на равнине без горизонта сверкал белый монолит Идак-виззурхруза. Город Атлантида — или то, что от него осталось — находился на расстоянии ста миль. Путешественникам потребовалось двадцать дней, чтобы через обломки пробиться до его окраин.

— Может ли Властелин увидеть нас? — спросил Вольф.

— Мог бы, я полагаю, с помощью какого-нибудь телескопа, — ответил Кикаха. — Однако я рад, что ты спросил,

потому что теперь нам лучше бы путешествовать по ночам. Хотя он и так нас заметит.

Он показал на пролетавшего ворона.

Проходя через развалины столицы, они двигались по имперскому зоопарку Радаманта. Несколько прочных клеток все еще оставалось на месте, и в одной из них томилась орлица. На заплыванном дне валялось множество костей, перьев и клювов. Орлицы в клетках избегали голодной смерти, поедая друг друга. Единственная уцелевшая сидела истощенная, слабая и несчастная на самом высоком насесте.

Вольф открыл клетку, и вместе с Кикахой они попытались поговорить с орлицей Армонидой. Сперва Армонида хотела только одного — напасть на них, хоть и была ослабленной. Вольф бросил ей несколько кусков мяса, а затем двое друзей рассказали ей свою историю. Сначала Армонида заявила, что они — лгуны и имеют на уме какую-то человеческую и, следовательно, дурную цель. Когда же она дослушала рассказ Вольфа до конца, и он объяснил ей, что иначе им незачем было освобождать ее, орлица поверила. Когда Вольф объяснил, что придумал план, как отомстить Властелину, недавно тусклые ее глаза заблестели. Мысль напасть на Властелина, и, возможно, небезуспешно, придала ей сил больше, чем мясо. Орлица оставалась с ними три дня, отъедаясь, набираясь сил и точно запоминая, что именно она должна сообщить Подарге.

— Вы еще увидите смерть Властелина, а юные и прекрасные девичьи тела будут вашими, — пообещал Вольф, — но только если Подарга сделает так, как я ее прошу.

Армонида пустилась в путь с утеса, устремила вниз, захлопала своими размашистыми крыльями и начала взлетать. Вскоре зеленое небо поглотило зелень ее перьев. Ее красная голова стала черной точкой, а затем и она тоже пропала.

Вольф и его отряд укрывались в буреломе до ночи, прежде чем отправиться дальше. Раньше Кикаха, с одобрения всех, держал поводья в своих руках, а затем Вольф как-то незаметно стал лидером. Произошло нечто, давшее Роберту власть, хотя Вольф и не понимал, что именно. Он не стремился к власти. Все выглядело так, словно Кикаха дождался, когда можно будет передать ему бразды правления. Сам Кикаха оставался все таким же шумливым и энергичным, как и прежде.

Они путешествовали только в ночное время, в те часы, когда видели очень мало воронов. Очевидно, этот район находился под пристальным наблюдением самого Властелина. Кроме того, именно здесь Властелин недвусмысленно продемонстрировал силу своего гнева.

Прибыв к огромной опрокинутой башне Радаманта, путники укрылись в развалинах. Тут нашлось более чем достаточно металла, необходимого для плана Вольфа. Зато добывание пищи и попытки скрыть шум и свет, когда они пилили и ковали в маленьких кузницах, превратилось в проблему. Затем они обнаружили склад зерна и сушеного мяса. Много припасов уничтожили огонь и вода, но осталось вполне достаточно, чтобы путники могли протянуть несколько недель. С работой они управлялись, уходя глубоко в подземные помещения.

Чтобы прорыть туннель, понадобилось пять дней. Вольф не спешил, потому что знал: Армонида не скоро доберется до Подарги, если вообще достигнет своей цели. Многое могло случиться с ней по пути, особенно опасны вороны.

— Что, если она не сумеет долететь? — спросила Хрисеида.

— Тогда нам придется придумать что-нибудь еще, — ответил Вольф. Он погладил рог и нажал на его семь кнопок. — Кикаха знает врата, через которые он прошел, когда покинул дворец. Мы можем вернуться через них. Но это было бы безрассудством. Нынешний Властелин не так глуп, чтобы оставить проход без охраны.

Прошло три недели. Запас пищи настолько уменьшился, что приходилось отправлять за дичью охотников. Это было опасно даже ночью, так как легко было напороться на воронов. Более того, у Властелина могли быть приборы, позволявшие видеть ночью столь же легко, как и днем.

В конце четвертой недели Вольфу пришлось отказаться от расчетов на Подаргу. Либо Армонида не добралась до нее, либо Подарга отказалась ее слушать.

Той самой ночью, когда он сидел под прикрытием огромной пластины из стали и глядел на луну, он услышал шорох крыльев. Он взглянул во тьму. Вдруг лунный свет блеснул на чем-то бледном, и перед ним опустилась Подарга. За ней виднелось множество крылатых силуэтов, луна блестела на желтых клювах и отражалась в красных глазах.

Вольф провел их вниз по туннелям в большое помещение. В свете костров он снова посмотрел на трагически

прекрасное лицо гарпии. Теперь, когда она думала, что сможет нанести Властелину ответный удар, она действительно выглядела счастливой. Ее стая принесла с собой пищу; пока все ели, Вольф объяснил ей свой план. Когда они обсуждали детали, одна из обезьян — часовой — привела человека, пойманного ею, когда тот крался по руинам.

Это был хамшем Абиру.

— Это несчастье для тебя и огорчительное событие для меня, — сказал Вольф. — Я не могу просто связать тебя и оставить здесь. Если ты сбежишь и вступишь в контакт с вороном, Властелин будет заблаговременно предупрежден. Ты должен умереть, если не сможешь убедить меня в обратном.

Абиру огляделся и увидел в глазах окружающих только смерть.

— Отлично, — сказал он. — Я не хотел и не стану говорить при всех, если смогу избежать этого. Поверь мне, я должен поговорить с тобой наедине. Речь идет как о твоей жизни, так и о моей.

— Ты не можешь сообщить ничего такого, чего нельзя сказать всем, — ответил Вольф. — Говори.

Кикаха приблизил рот к уху Вольфа и прошептал:

— Лучше сделай, как он просит.

Вольф был поражен. К нему вернулись сомнения насчет истинного лица Кикахи. Обе просьбы были такими странными и неожиданными, что у него на миг возникло странное чувство, словно уплывает от своих спутников.

— Если никто не возражает, я выслушаю его наедине, — сказал Вольф.

Подарга нахмурилась и открыла рот, но прежде чем она смогла что-либо сказать, ее перебил Кикаха.

— Великая птица, теперь настало время для доверия. Ты должна верить в нас, доверять нам. Неужели ты хочешь упустить свой единственный шанс отомстить и получить обратно свое человеческое тело? Ты должна содействовать нам. Если ты вмешаешься — все потеряно.

— Я не знаю о чем тут, собственно, речь, — сказала Подарга, — но чувствую, что меня каким-то образом предают. Но я сделаю, как ты говоришь, Кикаха, потому что знаю тебя и знаю, что ты злейший враг Властелина. Но не испытывай слишком долго моего терпения.

Затем Кикаха прошептал Вольфу нечто еще более странное:

— Теперь я узнаю Абиру. Меня одурачили эта борода и краска на коже, и то, что я двадцать лет не слышал его голоса.

Сердце Вольфа часто забилося от неопределенного опасения. Он взял ятаган и проводил Абиру, чьи руки были связаны за спиной, в маленькую комнату. И здесь Вольф выслушал пленника.

Глава XVI

Час спустя он вернулся. Он выглядел ошеломленным.

— Абиру отправится с нами, — заявил он. — Он может оказаться очень полезным. Нам понадобится каждый, кого мы сможем заполучить, и каждый человек, обладающий знанием.

— Ты не хотел бы объяснить? — осведомилась Подарга.

Она сузила глаза, на лице ее проступила маска безумия.

— Нет, не хотел бы, не буду и не могу, — ответил он. — Но я чувствую сильнее, чем когда-либо, что у нас неплохие шансы на победу. Теперь, Подарга, насколько сильны твои орлицы? Они летели так далеко сегодня ночью, что мы должны подождать до завтрашней ночи, чтобы дать им отдохнуть.

Подарга ответила, что они готовы к предстоящей задаче. Она не хотела задерживаться.

Вольф отдал приказ, который Кикаха передал обезьянам, поскольку те подчинялись только ему. Обезьяны вынесли наружу большие поперечины и веревки.

В ярком свете луны они подняли тонкие, но прочные поперечины. Затем люди и обезьяны забрались в паутинообразные люльки под поперечинами и для страховки привязались ремнями. По четыре орлицы хватали веревки, прикрепленные к концам поперечин, а еще одна — привязанную в центре креста. Вольф подал сигнал. Безо всяких тренировок все птицы одновременно подпрыгнули в воздух, захлопали крыльями и медленно поднялись. Канаты были вытравлены больше чем на пятьдесят футов, чтобы дать орлицам шанс набрать высоту, прежде чем поднимать поперечины вместе с привязанными к ним пассажирами.

Вольф почувствовал внезапный рывок и резко выпрямил согнутые ноги, чтобы придать добавочный толчок.

Поперечина накренилась. По команде Подарги, летевшей выше стаи, орлицы подтянули канаты или выпустили отрезок, чтобы восстановить равновесие. Через несколько секунд поперечины выровнялись.

На Земле бы этот план не сработал. Птицы размером с орлицу, вероятно, смогли бы подняться в воздух, только спланировав с высокого утеса. Но даже тогда полет был бы очень медленным, может быть, слишком медленным, чтобы удержаться в воздухе. Однако Властелин дал орлицам мускулы с силой, соответствовавшей их весу.

Они поднимались все выше и выше. Бледные стены монолита мерцали в лунном свете в миле от них. Вольф впечился в ремни своей люльки и осмотрелся. Хрисеида и Кикаха помахали ему в ответ, а Абиру остался неподвижен. Разбросанные внизу обломки башни Радаманта уменьшились. Ни одного ворона не оказалось рядом, чтобы поразиться увиденному и предупредить Властелина. Те орлицы, которые не несли груза, кружили поблизости, высматривая возможных соглядатаев. Воздух был заполнен шумом армады, биение птичьих крыльев барабанило в уши Вольфа настолько громко, что он не понимал, почему этот шум не разносится на много миль.

Настал момент, когда перед ним развернулась охватываемая одним взглядом сторона опустошенной Атлантиды. Затем появилась грань и часть яруса ниже ее. Дракландия стала видимой как огромный полудиск. Тянулись часы. Появилась масса Индеи, словно обрубленная на грани. Сад Океаноса ниже Индеи увидеть было нельзя.

Теперь и луна, и солнце стали видны из-за сравнительной узости монолита. Тем не менее, орлицы и их ноша все еще оставались в темноте, в тени Идаквиззурхруза. Такое положение продлится недолго. Скоро эту сторону зальет дневной свет. Любой из воронов сможет увидеть их за много миль. Эскадра, однако, подлетела поближе к монолиту, чтобы птиц было сложнее заметить с вершины. Прошло свыше четырех часов, когда в солнечном свете они оказались на уровне вершины. Рядом находился Сад Властелина, место пламенеющей красоты. За ним поднимались башни, минареты, арочные контрфорсы¹ и паутина архитектуры дворца Властелина. Он воспарял на две

¹ Поперечная стенка, вертикальный выступ, укрепляющий наружную стену.

сти футов и занимал, по словам Кикахи, больше трехсот акров.

У них не было времени оценить его чудо, потому что вороны в саду подняли крик. Сотни пташек Подарги уже налетели на них, убивая, другие устремились к многочисленным окнам, чтобы ворваться и отыскать Властелина.

Вольф увидел, что многие попали внутрь прежде, чем успели активироваться ловушки Властелина. Те, кто не успел сразу прорваться через отверстия, исчезали в ударе грома и вспышке молнии. Обугленные до костей, они падали с карнизов на землю или на крыши и контрфорсы.

Люди и обезьяны опустились на землю перед ромбовидной дверью из выложенного рубинами розового камня. Орлицы отпустили канаты и собрались около Подарги, ожидая приказаний.

Вольф отвязал канаты от металлических колец. Затем он поднял поперечину над головой. Остановившись в нескольких футах от ромбовидного дверного проема, он бросил в него стальной крест. Одна штанга прошла через вход, две перпендикулярные зацепились за дверные косяки. Наружу вырвались языки огня.

Пламя вырывалось вновь и вновь. Гром оглушал Роберта. Вдруг из дворца повалил дым и молния пропала. Пламенное устройство разрушилось либо временно разрядилось.

Вольф бросил взгляд по сторонам. Другие входы тоже изрыгали вспышки огня, и их защита сгорала. Орлицы брали поперечины и бросали их под углом в окна наверху. Вольф перепрыгнул через добела раскаленную жидкость, оставшуюся от его поперечины, и оказался за дверью. Хрисеида и Кикаха присоединились к нему с другого входа. За Кикахой ввалилась орда гигантских обезьян. Все держали в руках мечи или боевые топоры.

— Она возвращается к тебе? — спросил Кикаха, имея ввиду память.

Вольф кивнул.

— Не все, но, я надеюсь, достаточно. Где Абиру?

— Подарга и пара обезьян не сводят с него глаз. Он может попытаться сделать что-нибудь ради собственных целей.

С Вольфом во главе они шли по коридору, стены были разрисованы фресками, которые привели бы в восторг и благоговейный ужас самых критичных землян. В противоположном конце находились низкие ворота из сложной

ажурной сетки, мерцавшей голубоватым металлом. Они остановились, когда их обогнал ворон, спасая свою жизнь. За ним гналась орлица.

Ворон пронесся над воротами и с разгона налетел на невидимый экран. Внезапно он превратился в россыпь тонких срезов из мяса, костей и перьев. Преследовавшая его орлица пронзительно закричала и попыталась остановить свой полет, но слишком поздно. Ее тоже разрезало на полосы.

Вольф потянул к себе левую секцию ворот, вместо того чтобы толкнуть их, что казалось более естественным.

— Теперь они должны быть о'кей, — сказал он. — Но я рад, что ворон первым активизировал экран. Я бы этого и не вспомнил.

Он все же ткнул мечом для проверки, а затем к нему вернулось воспоминание, что эту ловушку активировала только живая материя.

Оставалось только довериться тому, что он смог вспомнить правильно. Он прошел вперед, не почувствовав ничего, кроме воздуха, — другие последовали за ним.

— Властелин прячется в центре дворца, там, где находится главный пульт управления обороной, — сказал он. — Часть обороны автоматическая, но другой он может управлять сам, если, конечно, выяснил, как ею управлять. У него, надо думать, времени было достаточно.

Они прошагали милю коридоров и комнат, и каждая могла бы на много дней задержать любого, обладавшего чувством прекрасного. Время от времени грохот или вопль объявляли о сработавшей где-то ловушке.

Иногда Вольф останавливал отряд. Каждый раз он на какое-то время замирал, нахмурясь, пока вдруг не расцветал улыбкой. Затем он сдвигал картину под каким-то углом или касался какого-то места на фресках: глаза нарисованного человека, рога буйвола на индейских равнинах, рукоятки меча в ножнах рыцаря на панораме Тевтонии, — а затем шел вперед.

Наконец он вызвал орлицу.

— Приведи Подаргу и остальных, — проинструктировал он. — Им больше нет смысла жертвовать собой. Я покажу дорогу. — Потом он обратился к Кикахе. — Чувство «дежа вю» с каждой минутой становится все сильнее. Но я не помню всего, только определенные детали.

— Пока они — значительные детали: это все, что в данный момент имеет смысл, — отозвался Кикаха. Усмешка

его была широкой, а лицо светилось предвкушением битвы. — Теперь ты видишь, почему я не смел войти один. У меня достаточно пороха, но не хватает знаний.

— Я не понимаю, — проговорила Хрисеида.

Вольф привлек ее к себе и сжал в объятиях.

— Скоро узнаешь, если мы сумеем победить. Мне придется многое тебе рассказать, а тебе — многое мне простить.

Дверь ушла в стену, и к ним двинулся, гремя, человек в доспехах. В одной руке он держал огромный топор, размахивая им, словно перышком.

— Это не человек, — сказал Вольф. — Это один из талосов Властелина.

— Робот! — воскликнул Кикаха.

Вольф подумал, что это не совсем так.

Робот состоял не только из стали, пластика и электрических проводов. Половина его была протеиновой, выращенной в биобанках Властелина. Робот обладал волей к выживанию, какой не могла обладать машина, состоящая из одних неодушевленных частей. Это являлось его силой, а также слабостью.

Вольф быстро растолковал все Кикахе, который приказал обезьянам позади него подчиняться Роберту. Дюжина их шагнула вперед бок о бок и одновременно швырнула свои топоры. Робот уклонялся, но не мог избежать всех. Топоры ударили сильно и точно и разрубили бы пополам, не будь он покрыт доспехами. Робот опрокинулся и покатился, а затем поднялся на ноги. Пока он валялся, Вольф подбежал к нему и ударил его ятаганом по соединению плеча и шеи. Клинок сломался, не врубившись в металл. Однако сила удара снова спшибла талоса.

Роберт бросил оружие, обхватил талоса за талию и поднял его. Молча, ибо у него не было голосовых связок, бронированное существо лягалось и тянулось вниз, чтобы схватить Вольфа. Тот швырнул его об стену, и талос с грохотом свалился на пол. Когда он опять начал подниматься, Роберт выхватил кинжал и вонзил его в одно из глазных отверстий. Кончик ножа обломился, и удар бронированного кулака отшвырнул Роберта. Вольф ухватился за этот кулак и перебросил талоса через плечо. Прежде чем тот сумел встать, Вольф поднял его, подбежал к окну и выбросил головой вперед.

Талос несколько раз перевернулся и шмякнулся оземь четырьмя этажами ниже. Какой-то миг он лежал, словно

сломанный, а затем снова начал подниматься. Роберт крикнул нескольким орлицам, сидящим снаружи на контрфорсе. Они сорвались, спланировали вниз, и одна пара схватила талоса за руки.

Они поднялись вверх, нашли груз слишком тяжелым и снова опустились. Но они были способны удержать его в нескольких дюймах над землей. Орлицы полетели между контрфорсами и причудливыми резными колоннами. Добрались до края монолита, откуда и сбросили талоса. Даже его доспехи не смогут выдержать падения с высоты тридцать тысяч футов.

Где бы там ни прятался Властелин, он, должно быть, увидел, что случилось с роботом. Панель снова ушла в стену, и вышли двадцать талосов, все как один с топорами в руках. Вольф проинструктировал обезьян, и те снова швырнули топоры, сшибя большинство врагов. Затем антропоиды бросились в атаку по двое на каждого талоса. Хотя механическая сила роботов была большей, чем у обезьян, те вдвое превосходили их численностью. Пока одна обезьяна боролась с роботом, другая хватала голову-шлем и вывертывала ее. Металл трещал под напряжением, а потом шейные механизмы со щелчком ломались. Шлемы катились по полу, заливая его ихоровидной жидкостью. Других талосов поднимали и передавали из рук в руки, чтобы выбросить из окна. Орлицы уносили всех роботов к грани.

Несколько обезьян погибли под ударами топоров или из-за того, что им самим открутили головы. Протеиновые мозги полуавтоматов просто имитировали действия своих противников.

Когда схватка была закончена, наступавшие двинулись дальше, но в коридоре впереди и позади них сверху упали толстые листы металла, преграждая путь и к наступлению, и к отступлению. Вольф не помнил об этой ловушке до самой последней секунды, пока не начали опускаться плиты. Тем не менее, он успел опрокинуть мраморный пьедестал вместе со статуей. Конец упавшей колонны лег под плиту и помешал ей полностью закрыться. Однако силы были настолько мощны, что край плиты начал дробить камень. Отряд проскользнул через уменьшавшуюся щель, когда хлынула вода. Если бы Роберт не успел задержат плиту, их бы утопило.

Бредя по колено в воде, они прошли коридор и поднялись на один лестничный пролет. Вольф остановил их у

окна и бросил топор. Убедившись, что это не вызвало ни грома, ни молнии, он высунулся и позвал к себе Подаргу и ее орлиц.

Отряд выбрался наружу, чтобы найти другой маршрут.

— Мы находимся поблизости от центра дворца, от помещения, где должен скрываться Властелин, — сказал Вольф. — Дальше во всех коридорах в стенах укрыты лазеры. Лучи их могут образовать сеть, через которую никто не проникнет живым.

Он помолчал, затем добавил:

— Властелин может сидеть там вечно. Энергия для его лазеров не иссякнет, и у него хватит воды и питья, чтобы выдержать самую долгую осаду. Но есть одна старая военная аксиома, гласящая, что любую оборону, какой бы внушительной она ни была, можно прорвать, если организовать правильное нападение.

Затем он обратился к Кикахе:

— Когда ты отправился через ворота на ярус Атлантиды, ты оставил полумесяц здесь. А помнишь, где?

Кикаха усмехнулся:

— Да. Я засунул его за статую в комнате поблизости от плавательного бассейна. Но что, если гворлы нашли его?

— Тогда придумаем что-нибудь еще. Давай посмотрим, нельзя ли найти полумесяц.

— Что у тебя за идея? — тихо осведомился Кикаха.

Вольф объяснил, что Арвур должен иметь хоть какой-то путь для бегства из центра управления. Насколько помнил Вольф, там находится полумесяц, вделанный в пол, а также несколько свободных. Каждый из них в контакте с неподвижным полумесяцем открывал ворота во вселенную, с которой был резонирован, но ни один не давал доступа на другие уровни планеты в этой вселенной. Только рог мог воздействовать на ворота между ярусами.

— Разумеется, — согласился Кикаха. — Но какая польза от полумесяца, даже если мы его найдем? Его нужно будет совместить с другим. А где другой? И всякий, воспользовавшийся им, будет просто отправлен на Землю.

Вольф ткнул большим пальцем через плечо, указывая на свой длинный кожаный мешок, висевший у него на ремне.

— У меня есть рог.

Они тронулись по коридору. Подарга шла следом.

— Что вы затеяли? — свирепо спросила она.

Вольф ответил, что они ищут средство попасть в центр управления. Подарге следовало остаться, чтобы управлять с любой возможной неожиданностью.

Она отказалась, заявив, что теперь, когда они так близко подошли к Властелину, ей хочется держать их в поле зрения. Кроме того, если они проберутся к Властелину, им придется взять с собой и ее. Она напомнила про обещание Вольфа, что Властелин достанется ей, чтобы делать с ним все, что она пожелает. Роберт пожал плечами и пошел дальше.

Они отыскивали комнату, где находилась статуя, за которой Кикаха спрятал полумесяц, но изваяние было перевернуто в борьбе между обезьянами и гворлами. По всей комнате валялись тела. Вольф в изумлении остановился. С тех пор, как они вступили во дворец, он не видел ни одного гворла и считал, что все они погибли во время боя с дикарями. Видимо, Властелин не всех отправлял ловить Кикаху.

— Полумесяц исчез! — воскликнул Кикаха.

— Либо он был найден довольно давно, либо кто-то нашел его сразу после того, как сшибли статую, — рассудил Вольф. — У меня возникло подозрение... Вы видели Абиру?

Никто не видел его после того, как началось вторжение во дворец. Гарпия, которой полагалось не спускать с него глаз, потеряла подопечного.

Вольф побежал к лабораториям, а Кикаха и полуразвернувшая крылья Подарга следом за ним. Преодолев три тысячи футов, Вольф запыхался и, тяжело дыша, остановился у входа.

— Ваннакс может уже находиться в центре управления, — сказал он. — Но если все еще работает над полумесяцем, то нам лучше всего войти тихо и попробовать захватить его врасплох.

— Ваннакс? — переспросила Подарга.

Вольф мысленно выругался. Они с Кикахой не хотели пока раскрывать личность Абиру. Подарга так сильно ненавидела любых Властелинов, что сразу же убила бы его.

Роберт хотел сохранить его живым, потому что Ваннакс мог оказаться ценным союзником во время взятия дворца. Вольф пообещал, что тот сможет отправиться в другой мир и поискать счастья там, если поможет им в борьбе с Арвуром.

Ваннакс объяснил, как он сумел вернуться в эту вселенную. После того, как Кикаха, урожденный Финнеган, случайно отправился сюда, забрав с собой полумесяц, Ваннакс продолжил поиски другого. Его ждал успех — где бы вы думали? — в скобяной лавке в Неории, штат Иллинойс. Как полумесяц туда попал, и какой Властелин потерял его на Земле, теперь уже не узнать. Несомненно, на Земле были и другие полумесяцы. А этот пропустил его через ворота, расположенные на Индейском ярусе. Ваннакс поднялся на Тайяфайявозд в Хамшем, где ему повезло захватить гворлов, Хрисеиду и рог. После этого он пределал путь ко дворцу, надеясь попасть туда.

— Старая поговорка гласит, что Властелину нельзя доверять, — пробормотал Вольф.

— Что ты сказал? — спросила Подарга. — Я повторяю: кто такой Ваннакс?

Вольф испытал облегчение оттого, что она не знала этого имени. Он ответил, что Абиру иногда выступал под таким именем. Не желая отвечать ни на какие вопросы и чувствуя, что время не ждет, он вошел в лабораторию. Это было помещение, достаточно широкое и с таким высоким потолком, чтобы вместить дюжину реактивных авиалайнеров. Шкафы, пульта и различные аппараты создавали, однако, ощущение тесноты.

В сотне ярдов от входа Ваннакс склонился над огромным пультом, работая с кнопками и рычагами.

Трое молча двинулись к нему. Скоро они оказались достаточно близко, чтобы увидеть два соединенных полумесяца. На широком экране над Ваннаксом мерцало прозрачное изображение третьего полукруга. По нему пробежали волнистые линии света.

Ваннакс вдруг издал восторженное «А!», когда на экране появился еще один полумесяц. Ваннакс поманипулировал с несколькими шкалами, чтобы заставить два изображения двинуться друг к другу, а затем слиться в одно.

Вольф знал, что машина посылала частотный искатель, чтобы обнаружить частоту полумесяца, установленного на полу центра управления. Тогда Ваннакс подвергнет зажатые в пульте полумесяцы такому воздействию, которое изменит их резонанс на другой, соответствующий резонансу центра управления. Где Ваннакс раздобыл два полукруга, оставалось тайной, пока Вольф не вспомнил о полумесяце, с которым тот прошел через ворота на ярус Индеи.

Каким-то образом в период между своим пленением и бегством Ваннакс заполучил в свои руки этот полумесяц. Он, должно быть, спрятал его в развалинах, прежде чем обезьяна захватила его в плен.

Ваннакс оторвался от своей работы, увидел троицу и, взглянув на экран, сорвал полумесяцы с зажимов на пульте.

Трое бросились к нему, когда он положил на пол один, а затем и другой полумесяц.

Он засмеялся, сделал непристойный жест и шагнул в круг с кинжалом в руке.

Вольф издал крик отчаяния, так как они были слишком далеко, чтобы остановить его. Затем он остановился и вскинул руку к глазам, чтобы загородиться от ослепительной вспышки, но слишком поздно. Роберт услышал, как закричали Кикаха и Подарга, тоже ослепленные. А еще услышал вопль Ваннакса и почуял запах обгорелого мяса.

Ничего не видя, он двигался вперед, пока его ноги не коснулись труп.

— Что случилось, черт подери? — выругался Кикаха. — Боже, я надеюсь, мы не ослепли навсегда!

— Ваннакс думал проскользнуть через ворота Артура в центре управления, — объяснил Вольф. — Но Артур установил ловушку. Он мог бы просто разрушить аппаратуру, но его, должно быть, забавляло, что можно убить любого, кто попытается воспользоваться воротами.

Он стоял и ждал, зная, что время утекает, но, полуслепой, ничего другого он поделать не мог. Через некоторое время, показавшееся невыносимо долгим, зрение начало возвращаться.

Ваннакс лежал на спине, обугленный до неузнаваемости.

Два полумесяца на полу остались невредимыми. Миг спустя Роберт отделил один от другого.

— Он был предателем, — тихо сказал Вольф Кикахе, — но оказал нам услугу. Я собирался попробовать тот же фокус, только намеревался воспользоваться рогом для активации спрятанного тобой полумесяца.

Притворившись, что изучает другие пульты в поисках мин-сюрпризов, он сумел отойти вместе с Кикахой подальше от Подарги.

— Не хотел я этого делать, — прошептал он, — но придется. Надо будет воспользоваться рогом, если мы хотим вы-

гнать Арвура из центра управления или добраться до него, прежде чем он сможет использовать полумесяцы для побега.

— Я не успеваю за твоей мыслью,— сказал Кикаха.

— Когда я построил дворец, то включил термическую субстанцию в пластиковую оболочку центра управления. Ее можно запустить только определенной последовательностью нот из рога вместе с еще одним маленьким трюком. Я не хочу активировать систему, потому что тогда пропадет также и центр управления, а дворец окажется беззащитен против других Властелинов.

— Тебе лучше это сделать,— посоветовал Кикаха.— Есть, однако, одна причина, которая помешает Артуру смыться через полумесяцы.

Вольф улыбнулся и показал на пульт.

— Артуру следовало бы уничтожить пульт вместо того, чтобы ублажать свое садистское воображение. Как и всякое оружие, оно обоюдоострое.

Он активировал управление, и на экране снова засияло изображение полумесяца. По экрану побежали волнистые линии света. Вольф перешел к другому пульта и распахнул небольшую дверцу наверху, открыв панель с управлением без поясняющих надписей. Щелкнув двумя переключателями, он нажал кнопку. Экран опустел.

— Резонанс его полумесяца изменен,— констатировал Вольф.— Когда он захочет воспользоваться им в паре с любым другим, его ждет дьявольский шок, но не такого рода, что получил Ваннакс. У него просто не будет врат для бегства.

— Вы, Властелины,— подлый, изобретательный и коварный народ!— сказал Кикаха.— Но все равно, мне нравится твой стиль.

Он покинул помещение. Миг спустя из коридора донеслись его крики. Подарга бросилась из помещения, затем остановилась и прожгла Вольфа подозрительным взглядом. Он тоже пустился бежать. Подарга, убедившись, что он не остается, помчалась за ним. Вольф остановился и вынул из футляра рог.

Он просунул палец в мундштук, зацепил им за единственное отверстие в паутиноподобной структуре, достаточно большое, чтобы там поместился палец. Потянув, Вольф вытащил паутину наружу. Он перевернул ее и вставил передним концом внутрь рога. Затем он положил рог обратно в чехол и побежал следом за гарпией.

Она уже стояла рядом с Кикахой и выслушивала объяснения: ему померещилось, будто он увидел гворла, но это оказалось просто рыскавшая орлица. Вольф предложил вернуться. Он не объяснил, что рог должен находиться в пределах определенного расстояния от стен центра управления. Когда они возвратились в коридор перед центром управления, Вольф открыл чехол. Кикаха встал позади Подарги, готовый оглушить ее, если та вздумает причинять какие-то хлопоты. Что они могли бы сделать с орлицами, кроме как натравить на них обезьян, — это другой вопрос.

Подарга воскликнула, увидев рог, но ничего не предпринимала. Вольф поднес рог к губам, надеясь, что сможет вспомнить правильную последовательность нот. Многое он вспомнил с тех пор, как поговорил с Ваннаксом, многое оставалось пока утраченным.

Вольф как раз поднес мундштук к губам, когда загремел голос. Казалось, он исходил из потолка, стен и пола, отовсюду. Звучал язык Властелинов, чему Вольф был рад. Подарга этого языка не знала.

— Джадавин, я не узнал тебя, пока не увидел рог. Хотя был уверен, что ты выглядишь знакомым — мне следовало бы тебя узнать. Но это же было так давно! Как давно?

— Много веков или тысячелетий, в зависимости от временной шкалы. Значит, мы, два старых врага, снова встретились лицом к лицу. Но на этот раз у тебя нет выхода. Ты умрешь, как умер Ваннакс.

— Как так? — прорычал голос Арвура.

— Я заставлю расплавиться стены твоей будто бы неприступной крепости. Ты либо останешься в ней и зажаришься, либо выйдешь и умрешь иным образом. Я не думаю, что ты останешься.

Вольфа вдруг охватила грусть и ощущение несправедливости. Если Подарга убьет Арвура, она убьет не того, кто был ответственным за ее нынешнее состояние. Не имело значения, что Арвур сделал бы то же самое, окажись он в то время Властелином этого мира.

С другой стороны, он, Вольф, тоже не виноват. Он уже не был Властелином Джадавином, сконструировавшим эту вселенную, а затем управлявшим ею так дурно для многих своих созданий и похищенных землян. Амнезия его была полной и стерла всего Джадавина, сделав его чистой страницей. Из этой чистоты появился новый человек, Вольф,

неспособный действовать, как Джадавин или любые другие Властелины.

Даже вспомнив многое, он по-прежнему оставался Вольфом. Мысль о том, кем он был, вызвала боль, раскаяние и стремление все поправить, насколько это в его силах.

Разве так нужно начинать, позволяя Артуру умереть страшной смертью за преступление, которого он не совершал?

— Джадавин, — прогремел Артур, — ты, может, думаешь, что выиграл этот ход, но я снова одержал над тобой верх! Я могу выложить на стол еще одну монету, и ее цена намного выше той, что причинит мне твой рог!

— И какая же это цена? — поинтересовался Вольф.

У него было мрачное предчувствие, что Артур не блефует.

— Я подложил одну из бомб, прихваченных с собой, когда меня лишили Чиффаэзира. Она находится под дворцом, и, когда я пожелаю того, она взорвется и снесет всю макушку этого монолита. Верно, я тоже умру, зато прихвачу с собой своего старого врага. Твоя женщина и твои друзья тоже погибнут. Подумай о них!

Вольф подумал. Он испытывал страшные муки.

— Каковы твои условия? — спросил он.

— Я знаю, что ты не хочешь умирать. Ты такой жалкий, что тебе следовало бы хотеть умереть, но ты десять тысяч лет цеплялся за свою никчемную жизнь.

— Довольно оскорблений! Ты готов или нет? Мой палец в дюйме от кнопки.

Артур хохотнул и продолжал:

— Даже если я блефую, а это не так, ты не можешь позволить себе идти на риск.

Вольф передал разговор своим спутникам, которые слушали Артура, не понимая ни слова, но зная, что происходит что-то решающее. Он объяснил все, что сумел, опустив ту часть, в которой его называли Джадавином.

Подарга с лицом, на котором беспомощность соединялась с бешенством, произнесла:

— Спроси, каковы его условия. — Затем она добавила: — После того, как все это закончится, тебе, Вольф, придется многое мне объяснить.

Артур ответил:

— Ты должен отдать мне серебряный рог, драгоценнейшую работу мастера Ильмарволкина. Я воспользуюсь им, чтобы открыть ворота в бассейн и пройду через них на атлантический ярус. Это все, чего я хочу, за исключением

твоего обещания, что никто не бросится вслед за мной, пока не закроются врата.

Вольф несколько секунд обдумывал, а затем сказал:

— Ладно. Ты можешь теперь выходить. Я клянусь тебе своей честью Вольфа и рукой Детьюва, что отдам тебе рог и не пошлю никого вслед за тобой, пока не закроются врата.

Арвур засмеялся и сказал:

— Я выхожу.

Вольф ждал, когда распахнется дверь в конце коридора. Тогда, зная, что теперь Арвур не сможет его подслушать, он сказал Подарге:

— Арвур думает, что мы у него в руках, и он вполне в этом уверен. Он выйдет через врата в сорока милях отсюда, неподалеку от Иквеквы, пригорода столицы Атлантиды. Он был бы по-прежнему предоставлен милости твоей и твоих орлиц, если бы не было другой резонансной точки всего в десяти милях отсюда. Эти врата откроются, когда он протрубит в рог, и пропустят его в другую вселенную. Я покажу тебе, где они находятся, как только Арвур уйдет через бассейн.

Арвур уверенно шел к ним. Это был высокий, широкоплечий и красивый мужчина с волнистыми белокурыми волосами и голубыми глазами. Он взял у Вольфа рог, иронически поклонился и прошел дальше по коридору. Подарга уставилась на него с таким бешенством, что Вольф боялся, как бы она не бросилась на него. Он хотел сдержать свои обещания и ей, и Артуру.

Арвур шагал мимо безмолвных и угрожающих рядов так, словно они были не более чем мраморные статуи. Вольф не стал дожидаться, когда он доберется до бассейна, а сразу же направился в центр управления. Быстрое изучение показало ему, что Арвур оставил включенным устройство, активирующее бомбу. Он, несомненно, дал себе много времени, чтобы убраться восвояси. Вольфа прошиб пот, пока он удалял это устройство. К тому времени вернулся Кикаха, следивший, как Арвур уходит через врата в бассейне.

— Смысла, спору нет, — сказал он. — Но это было не так легко, как ему думалось. Место выхода находилось под водой из-за созданного им самим потопа. Он вынужден был упасть в воду и плыть к суше. Он все еще плыл, когда закрылись ворота.

Вольф отвел Подаргу в огромный зал карт и показал городок, поблизости от которого находились врата. Затем в зале обзора он показал ей на экране врата с близкого

расстояния. Подарга с минуту изучала карту и экран. Она отдала приказ орлицам, и те вышли следом за ней. Даже обезьян ужаснул блеск смерти в их глазах.

Арвур был в сорока милях от монолита, но его еще ждало десятимильное путешествие. Подарга же и ее пташки слетели с точки на высоте в тридцать тысяч футов. Они будут снижаться под таким углом и на такое расстояние, что смогут набрать огромную скорость.

Пока Вольф ждал перед экраном, у него было время для размышлений. В конечном итоге он расскажет Хрисеиде, кем он был и как стал Вольфом. Она узнает, что он отправился в другую вселенную навестить одного из немногих дружественных Властелинов. Вэрнирнам становилось одиноко, несмотря на их огромную мощь, время от времени они хотели пообщаться с равными себе. По возвращении в эту вселенную он попал в ловушку, расставленную Ваннаксом, еще одним Властелином, лишенным владений. Джадавина швырнуло во вселенную Земли, но он подхватил с собой и захваченного врасплох Ваннакса. Ваннакс сбежал с полумесяцем после жестокой борьбы на склоне горы. Что случилось с другим полумесяцем, Вольф не знал. Но Ваннаксу он не достался, это уж наверняка.

Тут его поразила амнезия, и Джадавин, потеряв память, стал, по существу, младенцем. Его взяли к себе Вольфы, и началась жизнь в качестве землянина.

Вольф не знал причин амнезии. Она могла быть вызвана ударом по голове во время схватки с Ваннаксом или произойти в результате шока от ужаса, что он, беспомощный, застрял на чужой планете. Властелины так долго полагались на свою науку, что лишенные ее достижений, становились беспомощными.

Потеря памяти могла произойти из-за его долгой борьбы со своей совестью. Долгие годы до того, как его волея-неволей вытолкнули в другой мир, он был неудовлетворен собой, испытывал отвращение к своим делам и печаль от одиночества и ненадежности положения. Не было ни одного существа могущественней Властелина, и все же никто не был более одиноким, с горечью осознававшим, что любая минута может стать последней. Против него строили козни другие Властелины. И все должны были каждую минуту оставаться настороже.

Какой бы ни была причина — он стал Вольфом. Но, как и говорил Кикаха, существовало взаимное притяжение меж-

ду ним, рогом и точками резонанса. Отнюдь не случайно он оказался в подвале того дома в Аризоне, когда Кикаха протрубил в рог. Кикаха подозревал, что Вольф был лишившимся памяти, изгнанным Властелином.

Теперь Вольф знал, почему он так необыкновенно быстро усваивал языки этой вселенной. Он вспоминал их. И такое стремительное влечение к Хрисеиде возникло потому, что она была самой любимой его фавориткой из всех женщин в его владениях. Он даже подумывал привести ее во дворец и сделать своей Госпожой.

Она не узнала в нем того, кем он был, встретив как Вольфа, потому что никогда не видела его лица. Тот дешевый фокус с ослепительным излучением скрывал его черты. Что же касается голоса, то он использовал прибор, чтобы усиливать и искажать его, внушая благоговение у поклонявшихся подданных. Его огромная сила тоже не была естественной, ибо он воспользовался биопроцессами для снаряжения себя мощными мускулами.

Он возместит, чем только сможет, жестокость и надменность Джадавина, являвшегося теперь столь малой частью его. Он создаст новые человеческие тела в биоцилиндрах и вставит в них мозги Подарги и ее сестер, обезьян Кикахи, Ипсеваса и всех прочих, кто того пожелает. Он позволит народу Атлантиды вновь отстроиться и не будет тираном. Он не станет вмешиваться в дела многоярусного мира, если не возникнет абсолютной необходимости.

Кикаха позвал его к экрану. Арвур каким-то образом нашел лошадь в стране мертвых и бешено гнал ее.

— Везет же дьяволу! — застонал Кикаха.

— Я думаю, дьявол гонится за ним, — заметил Вольф.

Арвур оглянулся назад и вверх, а потом принялся колотить лошадь палкой.

— Он сумеет добраться! — воскликнул Кикаха. — Храм Властелина всего в полумиле впереди.

Вольф посмотрел на огромное белокаменное строение на вершине холма. В нем находилось тайное помещение, которым он сам пользовался, когда был Джадавином.

Он покачал головой:

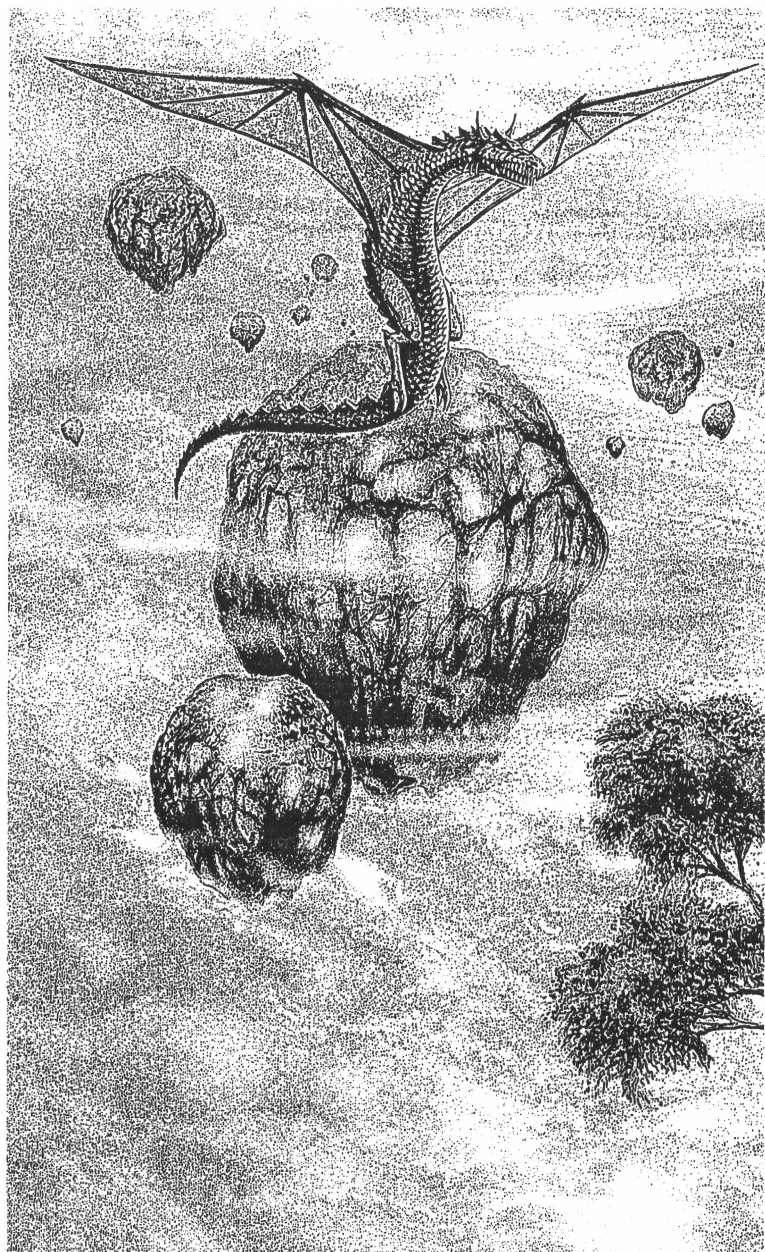
— Нет!

Подарга спикировала, попав в их поле зрения. Она снижалась на огромной скорости, хлопая крыльями и вытянув вперед белое на фоне зеленого неба лицо. За ней неслись ее орлицы.

Арвур скакал на лошади вверх по крутому холму. Затем ноги кобылы подкосились, и она рухнула. Арвур ударился о землю и тут же пустился бежать. Подарга налетела на него. Арвур петлял, как удирающий от ястреба кролик. Гарпия следовала за ним, повторяя его зигзаги, и, угадав, куда он метнется во время одного из своих прыжков в сторону, настигла. Когти вцепились ему в спину. Он вскинул руки в воздух, и рот его стал похож на «О», из которого вырвался беззвучный для смотревших на экран вопль.

Арвур упал, и Подарга опустилась на него. Другие орлицы приземлились и собрались вокруг посмотреть, что будет.

ВРАТА МИРОЗДАНИЯ

Глава I

Тысячи лет назад Властелины пользовались лекарствами, электроникой, гипнозом и психотехникой, чтобы обходиться без сна. Дни и ночи, даже месяцы их глаза не затуманивались, а тела оставались свежими и энергичными. Но со временем мозг разрушался. Галлюцинации, безграничная злоба и беспричинное чувство близкой гибели овладевали ими. Некоторые навсегда сходили с ума, и их приходилось убивать или заключать в тюрьмы.

Именно тогда Властелины обнаружили, что даже они, творцы вселенной, владыки науки, которая поставила их лишь на ступень ниже богов, должны спать. Бессознательно их разум, лишенный сна, взбунтовался. Его оружием стало сумасшествие, которое опрокидывало опоры разума.

Поэтому все Властелины теперь спали и видели сны.

Роберт Вольф, которого когда-то звали Джадавином, Властелин многоэтажной планеты, которая была построена наподобие Вавилонской башни, видел сон.

Ему снилось, что в его спальню через окно вплыла шестиконечная звезда. Кружась, она повисла в воздухе, в ногах кровати. Это был панлоголаз, один из древних символов религии. Вольф, имевший обыкновение мыслить главным образом по-английски, подумал о ней как о гексакулуме. Это была шестигранная звезда, ее центр сиял белым, каждая грань отбрасывала лучи своего цвета: красный, оранжевый, лазурный, пурпурный, черный и желтый. Гексакулум пульсировала, как сердцевина солнца,

лучи метали молнии, слегка задевая его ресницы. Сияние скребло кожу, как могла бы скрести, выпустив когти, домашняя кошка, чтобы разбудить спящего хозяина осторожным царапанием.

— Чего ты хочешь? — спросил Вольф; он знал, что видит сон. Гексакулум несла опасность. Даже тени между лучами были густыми и зловещими. Он узнал, что гексакулум послана отцом, которого не видел в течение двух тысяч лет.

— Джадавин!

Голос был безмолвным, слова формировались шестью лучами, которые теперь изгибались, свертывались кольцами и корчились, как огненные змеи. Буквы, в которые они превращались, были древними — из первоначальной письменности Властелинов. Он видел их светящимися, однако воспринимал не столько глазами, сколько на слух, как голос, шепчущий из глубины, будто цвета проникали в центр его мозга и воскрешали давно умерший голос. Слова так глубоко потрясали его внутреннюю сущность, что приводили к смятению, заставляя поверить в кошмарный обман сна.

— Проснись, Джадавин! — воззвал голос отца.

При этих словах Вольф понял, что гексакулум со светящимися лучами была не только в его разуме — она существовала в действительности. Его глаза открылись. Он уставился на вогнутый потолок, освещенный мягким, струящимся светом, испещренный красными, черными, желтыми, зелеными бликами. Он протянул руку, чтобы дотронуться до Хрисеиды, своей жены, и обнаружил, что ее сторона постели пуста.

Он сел, огляделся и, увидев, что ее нет в комнате, позвал:

— Хрисеида!

Затем он увидел сверкающий пульсирующий шестилучевой предмет, который висел в шести футах над краем кровати. Из него донесся голос отца:

— Джадавин, сын мой, враг мой! Не ищи утраченное. Ты оказал ей честь, сделав своей супругой. Она исчезла и не вернется.

Вольф выпрямился, а потом спрыгнул с кровати. Как эта штука проникла в его замок, считающийся неприступным? Задолго до того, как шестиугольник достиг спальни, находящейся в центре замка, его должны были разбудить

сигналы тревоги. Массивные двери в громадном замке обвязаны были закрыться, лазерные лучи в залах — нацелиться и уничтожить нарушителя, сотни хитроумных ловушек — прийти в действие. Гексакулум должны были сжечь, разрушить, взорвать, сокрушить, утопить.

Но ни единый огонек не засиял на стене, которая только казалась фантастическим украшением, но на самом деле являлась световым сигнализатором тревоги и контрольной панелью всего замка. Она тускло и спокойно светилась, как будто непрощенный гость пребывал за тридевять земель.

Голос Уризена, его отца, засмеялся и произнес:

— Ты ведь не думал, что можешь удержать Властелина Властелинов своим слабым оружием, не так ли, Джадавин? Я мог бы убить тебя сию же секунду — там, где ты стоишь, глупо удивляясь, такой бледный, дрожащий, покрытый потом.

— Хрисеида! — снова воскликнул Вольф.

— Хрисеиды больше нет. Безопасность твоих кроватей и твоей вселенной теперь не для нее. Ее захватили быстро и бесшумно, как вор крадет драгоценность.

— Что ты хочешь, отец? — спросил Вольф.

— Я хочу, чтобы ты последовал за ней. Попробуй-ка, найди.

Вольф в ярости вскочил на кровать и через спинку бросился на гексакулум. На мгновение он потерял рассудок, осторожность, предупреждающую, что каждое его движение может стать фатальным. Его руки устремились к многоцветной сверкающей звезде. Они сомкнулись в воздухе, а он стоял на полу, глядя вверх, туда, где мгновением раньше сияла гексакулум. В тот миг, когда его пальцы коснулись огненных бликов, многогранная звезда исчезла. Следовательно, она не была физическим телом, а являлась просто-напросто изображением, переданным неизвестным ему способом.

Но он сам не поверил такому выводу. Все же шестиугольник являлся формой энергии, переданным из другого мира. Источник мог находиться в соседней вселенной или за миллион миров отсюда. Расстояние не имело значения. Важно было то, что Уризен проник в личный мир Вольфа. И тайно похитил Хрисеиду.

Вольф не ждал других отцовских слов. Уризен не сказал, куда отправили Хрисеиду, как Вольфу следует искать

ее, и что с ней сделают. Однако Вольф уже составил план. Ему придется обнаружить скрытый, замкнутый на себя мир отца, затем отыскать врата, чтобы проникнуть в него. Наконец, распознать ловушки, поставленные Уризеном, и избежать их. Если он преуспеет, а вероятность удачи очень мала, ему предстоит добраться до Уризена и убить его. Только так он сумеет спасти Хрисеиду.

Таков был сюжет древней игры, в которую играли Властелины. Сам Вольф, будучи Джадавином, седьмым сыном Уризена, прожил десять тысяч лет, наслаждаясь каждым днем. Но ему удалось сделать очень многое, довольствуясь жизнью в собственном мире. В отличие от большинства Властелинов, он не уставал от сотворенного мира. Он наслаждался им, хотя, как признавал теперь, развлечения его бывали жестокими. Он не только эксплуатировал местных жителей, но соорудил оборону, которая поймала в ловушки десятки Властелинов. Захваченные мужчины и женщины — в том числе несколько его братьев и сестер — умирали медленно и ужасно. Вольф чувствовал теперь раскаяние за недоброе отношение к населению своего мира. Только убитые и замученные Властелины не вызывали в нем чувства вины. Они знали, на что шли, когда проникали в его мир, и если кто-то попадался в ловушку, то долго страдал, прежде чем умереть.

Потом Властелину Ваннаксу удалось забросить Джадавина в мир Земли, хотя он и сам угодил туда вместе с тем, против которого строил козни. Тем временем многоярусным миром завладел третий Властелин — Арвур. Воспоминания Джадавина о прежней жизни обрывались на том ужасе, который он испытал, когда оказался в чужом мире безоружным и не имеющим средств к возвращению: Джадавин стал пустым местом.

Его усыновил фермер по имени Вольф. Потерявшему память Джадавину дали имя Роберт Вольф. Ему исполнилось шестьдесят шесть лет, но он так и не вспомнил, что же произошло до того, как он свалился на Кентукскую гору. На Земле он преподавал латынь, греческий и индийские языки, потом вышел на пенсию и переехал в округ Финикс, штат Аризона.

И там, в доме, который собирался приобрести, он наткнулся в шкафу на забытое небо и прошел через раскрывшиеся врата обратно в мир, который сам создал и которым правил как Властелин в течение десяти тысяч лет.

Он с боем пробивал себе путь от самого нижнего уровня многоэтажной планеты, похожей на Вавилонскую башню, к замку Владыки Арвура. На нижнем ярусе он встретил и полюбил Хрисеиду, одну из собственных полусозданий. И снова стал Властелином, но уже не таким, каким покинул этот мир. Он стал гуманным. Его слезы, вызванные болью от потери Хрисеиды, и ужас, охвативший при мысли о том, что с ней может случиться, служили доказательством его человечности. Ни один Властелин не проливал слез над другими существами, хотя говорили, что несколько тысяч лет назад Уризен плакал от радости, поймав в ловушку двух сыновей.

Не теряя времени, Вольф приступил к делу, которое необходимо было выполнить. Прежде всего, предстояло убедиться, что никто не захватит замок, пока он будет отсутствовать. Роберт помнил, что случилось в прошлый раз, когда он покинул этот мир: вернувшись, он обнаружил на своем месте другого Властелина. Теперь был только один человек, способный занять его место, но ему-то Роберт мог доверять. Это был Кикаха (урожденный Пол Янус Финнеган из местечка Хауте в Индии на Земле). Именно Кикаха отдал ему рог, без которого Джадавин не сумел бы вернуться в этот мир. Кикаха же помог Властелину отвоевать свое владение.

Рог.

С ним он сможет выследить мир Уризена и отыскать вход туда!

Вольф прошел по хризолитовому полу вдоль стены и повернул фрагмент с вырезанным изображением гигантской орлицы. У него перехватило дыхание: в потайном месте рога не оказалось. Выдолбленная часть стены, в которой хранился рог, была пуста.

Итак, Уризен не только захватил Хрисеиду, но выкрал и древний рог Шамбаримена.

Пусть! Вольф будет оплакивать Хрисеиду, но не станет проливать слез над вещью, какой бы ценной она ни была. Он быстро прошел через зал, отмечая, что ни одно средство тревоги не сработало. Придворные и челядь спали, будто их ждал еще один день покоя и счастья, пришедших с возвращением во дворец на вершине мира его истинного создателя. Джадавин не мог сдерживать дрожи. Он всегда боялся отца. Теперь же, получив доказательство огромной силы родителя, Вольф ужаснулся, но решил, что страх его не остановит. Он выследит и убьет отца или погибнет.

Войдя в просторную комнату, Вольф уселся перед контрольной панелью, имеющей форму пагоды, и включил установку автоматического обзора всех мест планеты, где установлены телекамеры. А их было около десяти тысяч на каждой из четырех нижних ступеней; замаскировав камеры под скалы и деревья, их установили так, чтобы иметь возможность наблюдать за всем происходящим в ключевых местах планеты. В течение двух часов он сидел, наблюдая за меняющимися на экране видами. Потом, зная, что мог бы прождать так не один день, включил аппаратуру на поиск Кикахи и вышел. Теперь, если на экране появится изображение разыскиваемого, сработает стоп-кадр, и соответствующий сигнал уведомит его о выполнении задания.

Вольф задействовал еще несколько дисплеев. Компьютер сверял данные. Записи были семидесятилетней давности, поэтому количество вновь созданных вселенных допускалось равным тысяче. Именно ими Вольф интересовался в первую очередь. Последним местом пребывания Уризена был мир Гардазринтрах, где вырос Вольф со своими родными и двоюродными братьями и сестрами. Но Уризен, которому миры надоедали столь же быстро, как новые игрушки избалованному ребенку, давно уже покинул Гардазринтрах и трижды с тех пор переселялся. Возможно, что теперь он избрал резиденцией новый, четвертый мир, его-то и следовало отыскать и найти способ проникнуть туда.

Будь даже все миры зарегистрированы, не было бы никакой возможности вычислить вселенную отца. К тому же каждая была изолирована и не поддавалась обнаружению. Уязвимым местом являлись врата, некогда появившиеся и с тех пор периодически видимые. Но если в тот момент, когда видоискатели ищут коридор, врата будут закрыты, то местность сочтут «пустой».

Однако Уризен, завлекая Вольфа, наверняка должен был облегчить поиск.

Даже Властелины испытывают голод. Вольф съел легкий завтрак, принесенный роботом — одним из полубелковых андроидов, выглядевшим, как рыцарь в панцире. У Роберта было больше тысячи таких.

Потом Вольф побрился, принял душ в теплой ванне, вырезанной из целого изумруда. Он надел вельветовые ботинки, брюки и куртку, подпоясался коротким поясом из

мамонтовой кожи и повесил на шею золотую цепь. С цепи свисал красный нефритовый талисман Шамбаримена, подаренный ему великим ученым и механиком Властелинов в бытность, когда Вольф был еще десятилетним мальчиком.

Красный цвет нефрита ярким пятном выделялся на фоне однотонной коричневой одежды. Находясь в замке, Вольф одевался просто и небрежно. Лишь в редких случаях, вынужденный присутствовать на церемониальных приемах, он спускался на нижние этажи, облаченный в роскошные одеяния и в необычной шляпе Властелина. Во всякое другое время он покидал свои апартаменты инкогнито, переодевшись в наряды местных жителей.

Покинув замок, Вольф вышел на один из сотен балконов-садов. На дереве нахохлился огромный, как стервятник, ворон, «око». Он один из немногих остался в живых после штурма замка, предпринятого, чтобы вырвать этот мир у Арвур. Ныне, когда Арвур покоился в земле, вороны присягнули на верность Вольфу.

Вольф приказал ворону разыскать Кикаху и сообщить об этом задании всем остальным воронам, а также орлам Подарги. Кикахе надлежало передать, что он срочно нужен. Если же Кикаха, получив приказ и явившись в замок, уже не застанет Вольфа, пусть возложит на себя обязанности Властелина. В случае, если Вольф не вернется, Кикаха примет на себя все полномочия.

Он знал, что Кикаха последует за ним, и бесполезно это запрещать.

Ворон взлетел, ошастливленный заданием. Вольф вернулся в замок. Наблюдатели все еще искали Кикаху, но безуспешно. Однако искатели врат, которым требовались микросекунды, чтобы обнаружить их, прошли по всей вселенной и уже повторяли свой заход. Он позволил им продолжать поиск на тот случай, если какие-либо врата обладали дискретностью во времени и в пространстве. Результаты первого обхода уже отпечатаны на бумаге классическими иероглифами древнего языка. Обнаружено было тридцать пять новых миров. Из них единственные врата имел всего один.

Вольф вывел изображение этого мира на дисплей, и на экране возникла шестиконечная звезда — только не с белым, а с красным центром. Красное обозначало опасность. Врата вели в мир Уризена, и понять это было так же про-

сто, как если бы раздался голос врага и произнес: «Вот он я! Приди и завой, если осмелишься!»

Перед мысленным взором Вольфа возникло лицо отца — красивые соколиные черты, большие, похожие на бриллианты глаза. Властелины не бывали старыми. Их тела сохраняли физиологическую молодость двадцатипятилетних. Но чувства побеждали всемогущую науку Властелинов; атакуя в союзе со временем, они накладывали морщины на нестарющую плоть. Когда Вольф видел отца в последний раз, лицо того заметно покрывали линии ненависти. Бог знает, как глубоко избороздила ненависть его лик с тех пор.

Будучи Джадавином, Вольф отвечал на отцовскую ненависть тем же. Но не разделял кровавой жажды мщения своих братьев и сестер, не предпринимал никаких шагов. Теперь же, когда надругались над невинной Хрисеидой, ненависть в его душе взывала к мести.

Врата, ведущие в мир Уризена, соответствовали часто повторяемому изображению гексакулум. Роботам потребовалось двадцать два часа, чтобы соорудить аналогичную установку. К тому времени все наблюдатели планеты передали сообщение. Кикахи в поле зрения не оказалось. Отсюда не следовало, что он покинул планету, — он вполне мог находиться в одном из тысяч ее укромных уголков. Планета по площади превосходила Землю, и наблюдения, естественно, не могли охватить всю ее территорию. Ждать не было смысла.

Вольф решил не терять времени. В ту секунду, как автоматы закончили постройку аналога гексакулум, он стал собираться в путь. Перекусив и напившись вволю — неизвестно, когда еще придется сесть за стол, — он вооружился лучеметом, ножом, захватив также лук с колчаном, полным стрел. Могло показаться странным, что он рассчитывал с помощью такого примитивного оружия одолеть автоматику Властелинов. Но по иронии технического развития самые простые способы убийства оказывались самыми эффективными. Впрочем, он не обольщался на свой счет. Он слишком хорошо знал разнообразные ловушки Властелинов.

— Итак, — произнес Вольф, — в путь! Больше ждать нет смысла.

Он вошел в узкое пространство аналога гексакулум.

Вихрем засвистел и рванулся к нему ветер. Упала тьма. Словно огромные руки сдавили грудь. В одно стремитель-

ное мгновение нахлынула и спала вся гамма этих ощущений.

И вот он стоит на траве близ гигантских деревьев, а неподалеку плещется прибой. Над островом — солнце, льющее ровный свет. Одежда оставалась на Роберте, хотя при проходе сквозь врата ему показалось, что ее сорвало. Оружие также уцелело — ведь это не было внутренним дворцом крепости Уризена, потому что в противном случае крепость была бы самым неудобным местом жительства Властелина.

Он оглянулся на доставившую его гексакулум — врата исчезли, лишь высокий широкий шестиугольник образовался на плоскости валуна, там, где они были минуту назад. Вольфу вспомнилось, как что-то подтолкнуло его в проходе и заставило сделать несколько шагов, чтобы не упасть. Довольно быстро он понял: Уризен сдублировал врата гексакулум и перебросил его в неизвестное место.

Вольф отчетливо представлял, что может произойти, если он попытается вернуться сквозь врата. Но он никогда не сдавался без боя.

Обойдя валун, Вольф обнаружил, что врата, как он и ожидал, служили для выхода и для входа. Позади кто-то кашлянул. Вольф резко повернулся, держа лучемет наготове.

Глава II

В нескольких футах от Вольфа на самом краю скалистого, обрывистого берега расположилось странное существо, похожее на жабу. Подогнув колоннообразные ноги, не имеющие, казалось, костей, оно сидело на корточках и покачивалось на огромных ступнях. Жирное, похожее на человеческое туловище оказалось безголовым, а из живота выпирала длинная шея, гибкая, как у гуся, завершающаяся вполне человеческой головой. Правда, ушей не было, а череп, как лицо и тело, покрывал темно-синий маслянистый мех. Плоский нос очерчивали длинные узкие ноздри, рот окаймляли усики из красной плоти. Большие глаза цвета зеленого мха глядели на Вольфа.

— Джадавин! — произнесло существо на древнем языке Властелинов. — О Джадавин! Не убивай меня! Разве ты меня не узнаешь?

Джадавин был ошеломлен, однако не забыл оглянуться, странное существо вполне могло служить отвлекающим маневром.

— Джадавин! Неужели ты не узнаешь своего родного брата?

Вольф покачал головой. Тюлене-лягушачье тело, безухая голова, синий мех и расплющенный нос с длинными ноздрями существенно затрудняли возможность его узнать. Если существо когда-то и называлось его братом, то с тех пор минули тысячелетия. Вот только голос... Вольф покопался в пыли воспоминаний, словно собака в старой ветоши, но...

Он вновь покачал головой и взглянул на жабообразное существо.

— Кто ты? — спросил Вольф.

Существо захныкало, и по холодному завыванию нетрудно было догадаться, что его брат — если только это действительно был его брат — пребывал в таком состоянии долгое время. Ибо ни один Властелин не унижался до плача.

— Неужели ты отречешься от меня?! Неужели и ты прогонишь? Все надо мною смеются, все меня гонят прочь, бьют, все плюют на меня и говорят... — он прикрыл плавниками лицо, и огромные слезы покатались из зеленых глаз по синему меху щек. — О Джадавин, не будь таким, как остальные! Ведь я любил тебя больше всех! Так не будь же жестоким.

«Другие, — подумал Вольф. — Были и другие. Но как давно это было?!»

Вслух же он нетерпеливо спросил:

— Не будем играть в прятки, кто бы вы ни были. Ваше имя?

Существо привстало на бескостных ногах и, силой мускулов подняв жирную тушу, сделало шаг вперед. Вольф не отступил, но переложил лучемерт поудобнее.

— Больше ни шагу! Как тебя зовут?!

Существо остановилось, не переставая рыдать.

— Ты такой же плохой, как и другие. Ты думаешь только о себе, тебе безразлично, что случилось со мной. Неужели мое страдание, мое одиночество и муки, длившиеся так долго, так бесконечно долго, ничуть не трогают тебя?

— Возможно, я и растрогался бы, если бы знал, кто ты такой, — заметил Вольф. — Так что случилось?

— О Властелин Властелинов! О мой родной брат!

Жабообразное чудовище сделало еще один гигантский косолапый шаг, оставив за собой перепончатый мокрый след, и протянуло ласту, словно делая умоляющий жест рукой. Потом замерло, метнув взгляд вверх головы Вольфа. Вольф резко отскочил и обернулся так, чтобы держать под обстрелом и существо, и того, кто мог подкрасться сзади. Однако позади никого не оказалось.

Существо явно рассчитывало на его промашку, и в тот самый момент, когда Вольф отпрыгнул и развернулся, оно метнулось вперед: нижние конечности распрямились, словно освобожденная катапульта, и бросили тушу в воздух. Если бы Вольф не отскочил, чудовище погребло бы его под своим весом. Отступив в сторону, он избежал столкновения, однако не успел увернуться от удара по левому плечу. Толчок был столь сильным, что он отлетел в сторону, выронив лучемет. При этом не следует забывать, что Вольф обладал мощной мускулатурой, а нервные импульсы бежали по его телу вдвое быстрее обычного, ускоренные с помощью научных открытий Властелинов. Будь он простым землянином, его левая рука осталась бы навсегда искалеченной и он не смог бы избежать повторного нападения.

Воя от ярости и разочарования, жабообразная тварь приземлилась на месте, где мгновением раньше стоял Вольф, повернулась и, резко оттолкнувшись, словно вместо ног у нее были пружины, вновь бросилась в атаку. Вся схватка протекала настолько быстро, что напоминала кадры ускоренной киносъемки.

Вольф, не теряя ни секунды, метнулся к оружию. Тварь уже нависла над ним в прыжке, ее воинственный крик резал барабанные перепонки. Схватив лучемет, Вольф несколько раз перевернулся и вскочил на ноги. Чудовище прыгнуло в третий раз. Вольф перехватил лучемет в правую руку и обрушил удар в темечко противника. Удар отшвырнул существо назад, оно рухнуло наземь с окровавленной головой.

Поодаль послышались аплодисменты. Повернувшись, Вольф увидел в тридцати ярдах от поля боя мужчину и женщину, укрывшихся под тенью фрондов. Одетые в роскошные одежды Властелинов, они направились к нему; руки их были пусты, шпаги в ножнах, выделанных не то из грубой кожи, не то из рыбьей чешуи. Вольф не ослаблял бдительности, и когда свидетели схватки приблизились на

расстояние двадцати ярдов, приказал им остановиться. Поверженная тварь застонала и шевельнулась, но не сделала попытки сесть. Вольф все же отошел на безопасное расстояние.

— Джадавин! — окликнула женщина. Нежное, взволнованное его сердце пробудило воспоминание. Хотя они и не виделись более пятисот лет, Вольф узнал ее.

— Вала! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

Вопрос был чисто риторический. Он понял, что ее, должно быть, тоже пленил отец. Узнал и спутника сестры — это был Ринтрах, один из его братьев. Вала и Ринтрах, несомненно, попались в ловушку.

Вала улыбалась, и сердце Вольфа забилося сильнее. Она была самой красивой женщиной из всех, кого он знал, если не считать очаровательной Хрисеиды и его сестры, Ананы Великолепной. Однако он любил и ненавидел Анану немного сильнее, чем Валу.

Вала вновь захлопала и сказала:

— Молодец, Джадавин! Ты нисколько не утратил умения сражаться. Твой противник опасен и отвратителен. Он рабелепствует и хнычет, пытается завоевать доверие, но тут же — прыг! — хватает за горло! Он чуть не убил Ринтраха, когда тот впервые пришел сюда, и убил бы, если бы я не ударила его куском скалы и не лишила сознания. Итак, ты видишь, что я тоже имела с ним дело.

— А почему вы не добились его? — спросил Вольф.

Ринтрах улыбнулся и пояснил:

— Неужели ты не узнаешь собственного братца, Джадавин? Это существо — твой любимый маленький умненький Теотормон.

— Боже! — воскликнул Вольф. — Теотормон! Кто же его сделал таким?

Никто из двоих не ответил, да ответа и не потребовалось. Это был мир Уризена, только он мог сделать таким его братца.

Теотормон тяжело вздохнул и сел, положив лапы на кровоточащее место на голове; он качался из стороны в сторону и стонал. Его зеленые, как лишайник, глаза уставились на Вольфа, он тихо ругался, не осмеливаясь говорить громко. Вольф произнес:

— Уж не собираетесь ли вы утверждать, что сохранили ему жизнь из братских чувств? Не пытайтесь, все равно не поверю.

Вала засмеялась:

— Конечно, нет! Я думала, что его можно будет использовать позднее. Он хорошо знает эту маленькую планету, так как находится здесь довольно долго. Он трус, брат Джадавин. У него не хватило отваги испытать свою жизнь в лабиринте Уризена, он остался на этом острове и стал таким же, как вырождающиеся местные жители. Наш отец устал ждать, когда он соберется с несуществующим мужеством. Чтобы наказать его за отсутствие смелости, он забрал его в свою крепость Аппирмаздум. Там он придал ему другую форму, превратив в отвратительное морское чудовище. Даже тогда Теотормон не осмелился пройти через ворота во дворец Уризена, он остался здесь и жил, как отшельник, ненавидя и презирая себя и всех других живых существа, особенно Властелинов. Он живет, питаясь птицами, фруктами и морскими обитателями, которых может поймать. Он ест их сырыми. А когда предоставляется возможность, он убивает и ест местных жителей. Не потому, что они заслужили такую участь, они сыновья и дочери других Властелинов, проявившие, как и Теотормон, трусость. Они провели свою жалкую жизнь на этой планете, имели детей, вырастили их, затем умерли. Уризен сделал с ними то же самое, что и с Теотормоном. Он забирал их к себе в Аппирмаздум, превращал в страшных существ и возвращал сюда. Наш отец думал, что превращение в чудовищ разбудит их ненависть, что тогда они попытаются войти в Аппирмаздум и отомстить за себя, но они все были трусы. Они предпочитали лучше прожить уродами, чем умереть, как настоящие Властелины.

— Мне нужно побольше узнать о таких проделках моего отца. Но как я могу верить вам? — спросил Вольф.

Вала снова засмеялась.

— Все мы, попавшие в ловушку Уризена, находимся на этом острове. Кто-то только несколько недель, хотя Лувах уже полгода.

— Кто такие другие?

— Некоторые — твои родные и двоюродные братья. Кроме Ринтраха и Луваха, еще два брата — Энион и Аристон, и кузены Тармас и Паламброн.

Она весело засмеялась, показала на красное небо и сказала:

— Все, все пойманы в ловушку нашим отцом! Все снова собрались, все — снова, после горестной тысячелетней раз-

луки. Счастливая семейная встреча, какой не могут представить себе смертные.

— Я могу представить, — сказал Вольф. — Вы все еще не ответили на мой вопрос о доверии.

— Мы все дали клятву об общем перемирии, — сказал Ринтрах. — Мы нуждаемся друг в друге, поэтому должны отбросить нашу естественную враждебность и действовать сообща. Только тогда можно будет победить Уризена.

— Насколько я помню, общего перемирия не было давно, — сказал Вольф. — Я помню, как мать говорила мне, что такое перемирие было за четыре тысячи лет до моего рождения, когда Черные Беллеры угрожали Властелинам. Уризен совершил тогда два чуда. Он поймал в ловушку сразу восемь Властелинов и принудил их заключить перемирие. А это перемирие пусть несет с собой его гибель.

Затем Вольф сказал, что готов принести клятву на перемирие. И именем отца всех Властелинов, Великого Эпинима Лоса, он поклялся соблюдать все пункты мирного соглашения, пока не наступит время, когда все согласятся отказаться от него, или все, кроме одного, будут мертвы. Но даже теперь, дав клятву, он твердо знал, что на других нельзя положиться, нельзя верить, будто его не предадут. Он знал, что Ринтрах и Вала признавали это и доверяли ему не больше, чем он доверял им. Но все они, по крайней мере некоторое время, будут действовать вместе. И вряд ли кто-то нарушит перемирие. Они это сделают только тогда, когда появится не только возможность, но и полная уверенность в безнаказанности.

Теотормон скулил:

— Джадавин! Мой родной брат! Мой любимый брат, тот, кто всегда любил меня и защищал. Ты — как другие. Ты хотел повредить мне, убить меня. Своего собственного маленького брата.

Вала плюнула на него и сказала:

— Ты мерзкое, трусливое животное! Ты не Властелин и не наш брат. Почему ты не нырнешь в глубину и не утонешь там? Убери свой страх и предательство с наших глаз и от всех, дышащих воздухом. Пусть рыбы сожрут твоё жирное тело; хотя даже они изрыгнут тебя.

Ползя и протягивая лапы, Теотормон волочился к Вольфу.

— Джадавин! Ты не знаешь, как я страдаю. Неужели у тебя нет жалости ко мне? Я всегда думал, что у тебя, по

крайней мере, есть то, что не хватает другим. У тебя теплое сердце и сострадание, чего не хватает этим бездушным чудовищам.

— Ты пытался убить меня, — сказал Вольф, — и ты снова попытаешься, если решишь, что появилась реальная возможность.

— Нет, нет, — возразил Теотормон, пытаясь улыбнуться. — Ты совершенно не понял меня. Я думал, что ты станешь ненавидеть меня за то, что я больше люблю эту подлую жизнь, чем смерть, как Властелины. Я хотел забрать твоё оружие, чтобы ты не причинил мне вреда. Потом я бы объяснил, что случилось со мной, как я дошел до этого. Тогда бы ты понял меня. Ты бы искал меня и любил так же, как тогда, когда был еще мальчиком во дворце нашего отца, а я был твоим младшим братом. Вот все, что я хотел сделать: объяснить тебе, а не снова стать ненавистным. Я не хотел причинять тебе вред. Именем Лоса я клянусь тебе в этом.

— Мы еще поговорим, — бросил Вольф. — А теперь прощай, уходи.

Теотормон пошел прочь, широко расставляя ноги. Когда он достиг края острова, то повернулся и выкрикнул непристойности и оскорбления Вольфу. Роберт поднял лучемер, намереваясь только попугать его. Чудовище пронзительно закричало и прыгнуло, словно гигантская лягушка, в воду, причем его перепончатые ноги тащились позади него. Погрузившись в воду, он больше не появлялся. Вольф заинтересовался у Валы, как долго тот мог оставаться под водой.

— Не знаю. Возможно, полчаса. Но сомневаюсь, что он будет сдерживать дыхание. Вероятно, он в одной из пещер, которые имеются в корнях и кавернах, образующих основание острова.

Потом она сказала, что они должны идти и встретиться с другими. Пока они шли через фрондовый лес, она объяснила физические данные этого мира, насколько сама их знала.

— Ты, наверное, уже заметил, как близок горизонт. Эта планета имеет в диаметре около 2170 миль (Приблизительно столько, сколько и земная луна, подумал про себя Вольф). Сила притяжения резко падает при подъеме над атмосферой, как бы растекаясь, размазываясь в окружающую вселенную. Все остальные планеты этой галактики имеют подобное поле.

Вольфу это было неинтересно. Властелины могли делать с полями и притяжением то, о чем земляне и не мечтали.

— Эта планета полностью покрыта водой...

— А как насчет острова? — спросил он.

— Он плавает. Источник его происхождения — растение, которое пробивается на дне моря. Когда оно вырастает наполовину, его пузыри начинают наполняться газом, вырабатываемым бактериями. Тогда оно отрывается от корней и всплывает на поверхность. Там выпускает отростки, которые встречаются с отростками других таких же растений. Верхняя часть растения отмирает, в то время как нижняя продолжает расти. Гниющая верхняя часть образует почву. Птицы удобряют ее пометом и клюют семена. Они перелетают к новым островам, перенося в полете зерна, которые вырастают в деревья и кусты, — она указала на группу растений, похожих на бамбук.

Он спросил:

— Откуда взялись эти камни?

За бамбуком виднелось несколько белых валунов, примерно двенадцати футов в диаметре.

— Газово-пузырчатые растения, образующие остров, являются только одним, возможно, из нескольких тысяч видов. Есть вид, который прикрепляется к скалам морского дна и выносит их на поверхность, становясь плавучим. Местные жители приносят их и помещают на островах, если те не слишком большие. Белые валуны чем-то привлекают птиц гаржу, жители убивают или приручают их.

— А как насчет питьевой воды?

— Это океан свежей воды.

Вольф, глядя через просвет зарослей пурпурных с желтыми полосами фрондов и отягощенных ягодами кустов вышиной до пояса, увидел, как на горизонте появилась огромная черная арка; через минуту она стала окружностью, поднимающейся над горизонтом.

— Это луна, — сказала Вала. — Здесь все изменено. Солнца нет, свет исходит от неба. Поэтому луна означает ночь и отсутствие света. Этот вид бледной ночи все же лучше, чем никакого. Позднее ты увидишь планету Аппирмаздум. Она находится в центре этой вселенной, а вокруг нее вращается пять второстепенных планет. Ты увидишь и их — черные и погруженные в небо, как наша луна.

Вольф спросил, как она узнала так много о мире Уризена. Сестра ответила, что эти сведения дал, хотя и неохот-

но, Теотормон. Он узнал многое, пока был пленником Ури-зена. Он не хотел расставаться с информацией, так как был злым и эгоистичным животным. Но когда кузены, братья и сестра поймали его, то заставили его заговорить.

— Большинство его шрамов заживает, — сказала она и засмеялась.

Вольф хотел знать, не было ли, в конце концов, у Теотормона существенной причины для желания убить братьев и сестер. И он хотел знать, насколько правдива история об их отношениях. Ему придется поговорить как-нибудь с Теотормоном, конечно, на безопасном расстоянии.

Вала замолчала и схватила Вольфа за руку. Он стал отталкивать сестру, думая, что она пытается выкинуть какой-нибудь трюк. Но она с тревогой смотрела вверх, как и Ринтрах.

Глава III

Фронды высотой в шестьдесят футов скрывали какой-то предмет в небе. Теперь он увидел массу шириной, по крайней мере, четверть мили, пятидесяти футов толщины и почти милу длины, плывущую в пятидесяти футах над островом. Она дрейфовала с ветром, который дул из неизвестной стороны света. В этом мире без солнца север, юг, восток и запад ничего не значили.

— Что это? — спросил он.

— Это остров, который плавает в воздухе. Поспешим, мы должны добраться до деревни, пока не началась атака.

Вольф отправился за ними. Время от времени он поглядывал вверх через заросли фрондов на аэрносе. Тот спулся довольно быстро на противоположный конец острова. Вольф догнал Валу и спросил, как управлять этим небоплавателем. Она ответила, что его жители применяют клапаны в гигантских пузырях, чтобы выпускать водород. Эта процедура требует усилий почти всех жителей, так как каждый пузырь и клапан управляются вручную. Во время спуска им всем приходится заниматься управлением.

— Как они ведут его?

— Пузыри имеют выходные отверстия: когда абуталы хотят, чтобы остров летел в определенном направлении, они выпускают газ из пузырей на противоположной стороне. Остров не получает сильных толчков, так как они в

своим делом очень искусны. Но даже при этом приходится бороться с ветром, и они не всегда эффективно маневрируют. Нас они уже дважды атаковали и оба раза не смогли сесть на остров. Они бросают морские якоря — большие камни на концах канатов, — чтобы медленно спускаться. Первые атакующие опустились близко к острову, вместо того чтобы повиснуть как раз над ним, пришлось довольствоваться атакой с моря. Они потерпели неудачу, — она посмотрела вверх, покачала головой и добавила: — О нет! Это, кажется, илманиры. Да поможет нам Лос.

Сперва Вольф думал, что пятьдесят летательных аппаратов, выпущенных из аэроноса, — маленькие самолеты. Когда же они, кружась против ветра, спустились к земле, он увидел, что это планеры. Крылья длиной в пятьдесят футов были сделаны из какого-то блестящего металла и украшены на концах зубцами. Под каждым крылом темнел нарисованный краской глаз с перекрещенными над ним шпагами, фюзеляж не покрыт, корпус и его оснастка, элероны и рули — пурпурного цвета. Пилот сидел в плетеной корзине как раз впереди развернутых крыльев. Нос судна имел длинный рог, выступающий вперед на расстояние около двадцати футов. Напоминает рог нарвала, подумал Вольф. Как он узнал позднее, рога были взяты у гигантских рыб.

Планер прошел над ними до тропинки, где и приземлился. Вольф бросил взгляд на пилота. Его рыжие волосы торчали, по крайней мере, на фут в высоту и блестели от какого-то фиксатора. Лицо — выкрашено, как у краснокожего индейца, красными и зелеными кругами, и черные полосы спускались по его шее к плечам.

— Деревня находится недалеко, примерно в полумиле отсюда, — заметила Вала. — На самом конце острова.

Вольфа интересовало, почему она так обеспокоена. Почему Властелина заботило то, что случится с другими? Она объяснила, что если илманиры совершат успешную посадку, они убьют всех женщин на острове. Потом они оставят своих людей, как в колонии.

Остров не был совершенно плоским. Там и тут поднимались возвышенности, образованные неровно выросшими пузырями. Вольф взобрался на вершину одной из них и посмотрел поверх фрондов. Абута спустилась теперь уже до тридцати футов, медленно снижаясь и направляясь прямо к деревне, насчитывающей около сотни похожих на

улья хижин, построенных из фронды. Деревню окружала стена высотой в двадцать футов. Дома казались построенными из камней, бамбука, фрондов и каких-то скучно-серых столбов, которые могли быть костями гигантских морских животных.

За стеной прятались мужчины и женщины, а несколько групп находилось снаружи на открытой местности. Их вооружение составляли копья и луки со стрелами. За деревней были доки, построенные из обычного бамбука. Вдоль них на берегу лежали лодки различных размеров.

Дно летающего острова представляло собой густое сплетение толстых кореньев. Однако в нем имелись отверстия, и из нескольких прорех выбрасывались большие камни на канатах, сплетенных из каких-то растений. Камни-якоря, вырезанные в форме дисков, были белыми, похожими на гипс. Они волоклись с моря по острову, стучаясь о землю, некоторые попадали под лодки.

Другие якоря падали, ударяясь о стены деревни, или натыкались на сплетение материалов, образующих стены между высоких столбов. Некоторые бились о голую, без травы, землю и задевали хижины, рушившиеся под ударами камней. Из отверстий летающего острова в это время стреляли из луков, метали копья и бросали горящие факелы на людей, находящихся внизу. Некоторые островитяне оказались сбитыми с ног, хижины начали гореть. Плающие факелы взрывались, и от них поднимался густой черный дым.

Однако защитники не были обеспокоены. Из большого центрального дома вышли мужчины и женщины со странными приспособлениями. Они подожгли их и выпустили вверх, и непонятные устройства быстро достигли нижней части острова небоплателей, коснулись сплетения ветвей и загорелись, потом неожиданно взорвались и разнесли огонь по окружающим их корням.

Крыша одной из хижин поднялась и повернулась, как крышка люка. Стены аккуратно разошлись в стороны, падая на землю, и хижина приняла вид распустившегося цветка, в центре которого оказалась катапульта — гигантский лук со стрелой, сделанной из рогов неизвестного существа. К стреле было прикреплено несколько горящих пузырей. Тетеву отпустили, и горящая стрела взвилась вверх и вонзилась в нижнюю часть острова небоплателей. Команда катапульты снова начала натягивать тетиву.

Из отверстия небесного острова появился мужчина, за ним — еще десять. Они спускались, как на парашютах. Их спуск тормозили пучки пузырей, прикрепленных ремнями вокруг плеч и груди. Стрела пронзила первого абуталы в тот момент, когда он коснулся земли, а потом были проколоты еще трое из десяти, спускавшихся следом. Оставшиеся в живых приземлились невредимыми вблизи катапульты. Они отстегнули ремни — пузыри рванулись вверх. Прибывших сразу же окружили. Десантники сражались ожесточенно — один из них добрался до катапульты, но был сражен двумя копьями.

Летающий остров, подгоняемый ветром, проходил над деревней. С него падали новые камни на канатах, и несколько попало в сплетение стен, не разрушив их. Потом веревка упала на фронды, и огромная петля захватила несколько стволов.

Затормозив, небесный путешественник повернулся так, чтобы его большая часть нависла над этим местом острова. К тому времени планеры приземлились, хотя и не все успешно. Из-за густой растительности им пришлось спускаться на лес. Некоторые перевернулись, другие раскололись о стволы. Часть проскользнула между фрондами и вдребезги разбилась о плотные густые кусты.

Но оттуда, где стоял Вольф, было видно, по крайней мере, двадцать невредимых пилотов, которые теперь ускользали в джунгли. Там наверняка укрылись и другие. Он услышал, как его позвали по имени. Это вернулась Вала и остановилась у подножия холма.

— Что ты собираешься делать? — сердито спросила она. — Тебе нужно стать на чью-то сторону, Джадавин, хочешь ты этого или нет. Иначе абуталы убьют тебя.

— Возможно, ты права, — сказал он, спускаясь с холма. — Я решил сначала получить представление о том, что происходит. Не хочется слепо вмешиваться, не зная, где кто находится и как идет бой.

— Ты всегда осторожен и хитер, Джадавин, — отозвалась она. — Но это хорошо, это показывает, что ты не дурак, о чем я давно знаю. Поверь мне, ты нуждаешься во мне так же, как я в тебе. Ты не можешь сделать все один.

Роберт последовал за ней, и вскоре они наткнулись на Ринтраха, который припал к земле под фрондой. Он сделал им знак, чтобы они соблюдали тишину. Когда они приблизились, Вольф посмотрел туда, куда указывал Рин-

трах. Не более чем в двадцати футах от них стояли пять воинов-абуталов. Слева от них из кустов поднимался хвост разбитого планера. У абуталов были маленькие круглые щиты из кости, метательные костяные копья с бамбуковыми наконечниками, а некоторые имели короткие и сильно изогнутые луки со стрелами, сделанные из какого-то рогоподобного материала и состоявшие из двух частей, которые соединялись в центральной впадине рогов.

Воины находились слишком далеко, чтобы можно было подслушать их разговор.

— Какова дальность действия твоего лучемета? — спросила Вала.

— Он убивает на расстоянии до пятидесяти футов, — сказал Вольф. — Третья степень ожога — следующие двадцать футов, а после этого — вторая степень ожога, дальше — легкий ожог и совсем ничего.

— Тогда действуй. Нападай на них. Ты сможешь убить всех пятерых одним движением, прежде чем они поймут, что происходит.

Вольф вздохнул. Настанет ли время, когда не нужно будет ждать наставлений Вала? Прежде он давно бы убил их и продолжал действовать совместно с Валой и Ринтрахом. Но он не был больше Джадавином, он был Робертом Вольфом. Вала не поймет этого, она примет его колебания за слабость. Он не хотел убивать, но сомневался в том, что существует другой способ защиты, который заставил бы абуталов прекратить нападение. Вала знала островитян и, возможно, говорила правду. Поэтому, нравится ему или нет, — придется стать на их сторону.

Позади раздался пронзительный крик. Вольф перекашлялся через себя и привстал, увидев еще троих воинов-абуталов примерно в сорока футах. Они вышли из-за фрондов и целились, подняв свои метательные копья. Вольф повернулся кругом, чтобы стать лицом к нападавшим, и нажал на пластинку с нижней стороны трехфутового ствола. Ослепительно-белый луч толщиной с палец прошел через животы всех троих. Растительность между ними задымилась. Все трое упали ничком, роняя из рук копья и скользя по траве лицом.

Вольф поднялся на колено и повернулся к пятерым. Два стрелка прицелились в него. Вольф сбил их, потом — трех остальных. Он полз, оглядываясь кругом и разыскивая других, которых могли привлечь крики. Но слышен

был только ветер, дующий в листьях, затихающие крики и приглушенные звуки битвы в деревне.

Запах горелой плоти вызывал отвращение. Он поднялся и перевернул три трупа, а потом и те пять, что лежали в стороне. Он не думал, что они еще живы, но хотел удостовериться. Каждый был перерезан лучом почти пополам. Кожа вдоль ран подгорела. Крови было мало, так как луч сжег их легкие и все внутренности. Кишки сократились и выпустили содержимое.

Вала посмотрела на лучемет. Она была очень любопытна, но знала, что бесполезно просить Вольфа дать ей оружие.

— У тебя две ступени регулировки, — сказала она. — Что же он может сделать на полной мощности?

— Он способен разрезать десятифутовую плиту из стали, — ответил он. — Но заряд иссякнет через минуту. На половинной мощности он может работать в течение девяти секунд, — затем перезарядка. Она посмотрела на его карманы, и он улыбнулся. Он вовсе не собирался говорить ей, сколько у него в карманах зарядов.

— Что случилось с вашим оружием? — спросил он.

Вала выругалась и сказала:

— Его украли, пока мы спали. Я не знаю, сделал ли это Уризен или хитрый Теотормон.

Вольф двинулся к месту битвы, другие вплотную следовали за ним. Остров наверху казался бледной тенью, которая скоро станет гуще, когда ночь, принеся луну, покроет эту часть планеты. Илманиры, мужчины и женщины, продолжали спускаться с летающего острова через отверстия на дне. Другие, поддерживаемые пучками пузырей, тушили пожар на днище. Они пользовались странными предметами, которые выпускали струи воды.

— Это живые, кроткие существа, — сказала Вала. — Амфибии. Они путешествуют по суше, выбрасывая струи воды, передвигаясь толчками.

Вольф переключил лучемет на полную мощность. Всякий раз, когда они проходили мимо каната, прикрученного к дереву или каменному якорю, он перерезал канат. Трижды они наталкивались на абуталов, и он переключал лучемет на полную мощность. К тому моменту, когда они оказались в нескольких ярдах от деревни, было перерезано сорок канатов и убито двадцать мужчин и женщин.

— Счастье для нас, что ты прибыл вовремя, — сказала Вала. — Думаю, что мы бы не смогли справиться с ними без твоей помощи.

Вольф вздрогнул. Он извлек заряд лучемета и сунул в ствол другой. У него осталось еще шесть цилиндриков, и если дело будет продолжаться так же и дальше, то скоро он останется без зарядов. Но делать нечего, во время боя не до экономии.

Деревню со стороны суши окружили абуталы, примерно девяносто человек. Очевидно, те, которые остались в деревне, занимались тушением пожаров. Им больше не требовалось беспокоиться об атаке сверху. Остров илманиров из-за того, что было обрезано очень много канатов, скользнул по ветру прочь на четверть мили и только из-за сотни других веревок и якорей, которыми абуталы пользовались, еще держался над поверхностью острова.

Вольф срезал лучеметом группу офицеров, стоявших на вершине ближайшего к деревне холма.

Вскоре абуталы стали понимать, что происходит. Половина оставила осаду, чтобы окружить холм. Местность оцетинилась копьями и стрелами. Властелины оказались в центре залпа стрел, но укрылись под защиту четырех белых каменных идолов на холме.

Вала сказала:

— Теперь они перешли к обороне, а если не поняли этого пока, то скоро узнают. И это скоро будет хорошо для нас. Возможно...

Она молчала, пока Вольф расправлялся с тремя мужчинами, бежавшими по впадине на холме. Потом он спросил:

— Что возможно?

— Наш любимый отец оставил здесь для нас весточку. Он сообщил нам кое-что из того, что нужно сделать, чтобы найти врата, которые ведут к нему. Их нет на этом острове. Он сообщил, что есть пара врат на другом острове, но где именно, не указал. Нам нужно будет самим их найти, поэтому я думаю...

Послышался рев абуталов, и передовые отряды бросились на холм. Стрелки прикрывали их залпами, по крайней мере, из тридцати луков. Вала и Ринтрах укрылись за идолом, как им велел Вольф. Как бы сильно ни экономил, он не мог не расходовать заряды. Он переключил лучемет на полную мощность и выстрелил по головам первых рядов. От растительности и тел поднимался дым, когда он описывал круг ослепительно белым лучом. Стрелкам пришлось обнаружить себя, чтобы стрелять прицельно, и поэтому большинство упало сраженными.

Стрелы засвистели вокруг Вольфа, отскакивая от каменных идолов. Одна ударила его в плечо, другая рикошетом от камня пролетела между его ног. Потом стрел не стало. Абуталы во вторых рядах, увидев сморщенные тела и почуяв запах горелого мяса, дрогнули. Вольф направил луч на них, и те бросились в джунгли.

— Что ты думаешь? — спросил он Валу.

— Мы можем искать тысячи лет, используя этот остров, как корабль, и не найти острова, на котором находятся эти врата. Возможно, такова и была цель нашего отца: наслаждаться, видя бесполезные поиски, радоваться отчаянию, разногласиям и убийствам, которые возникнут между нами. Но если бы мы оказались на Абуте, который даст нам возможность не только передвигаться быстрее, но и видеть гораздо больше с высоты...

— Прекрасная мысль! — сказал Вольф. — А как уговорить абуталов, чтобы они приняли нас в свою компанию? И где гарантия того, что они не набросятся на нас при первой же возможности?

— Ты совсем забыл о своей младшей сестре. Как могли ты — единственный из всех, кто любил меня, не помнить, какой убедительной я могу быть?

Она встала и закричала в сторону безлюдных на первый взгляд джунглей. Некоторое время ответа не было. Она повторила. Вскоре из-за фронды вышел офицер — высокий, хорошо сложенный человек старше тридцати лет, красивый, несмотря на круги, наведенные у него на лице. Кроме черных полос вниз по шее и плечам, его украшала нарисованная на груди морская птица — инфтара, знак командира планерных войск. Позади офицера стояла его жена, одетая в короткую юбку из птичьих перьев красного и синего цвета; ее рыжие волосы были закручены, лицо выкрашено красными полосами с белыми ромбами, вокруг шеи висело ожерелье из костей пальцев, поперек груди был нарисована инфтара, а вокруг пупка — три концентрические окружности малинового, черного и желтого цветов. По обычаю абуталов, она сопровождала своего мужа в бой. Если он умирал, ее долгом было атаковать убийц, пока она не убьет их или не погибнет сама.

Оба приблизились к холму, и Вольф не приказал им остановиться. Вала начала говорить, и мужчина заулыбался. Его жена, однако, внимательно следила за Валою во время этого разговора.

Глава IV

Лугарн, офицер, капитулировал только тогда, когда были обговорены определенные условия. Он отказался покинуть остров, пока не получит то, что намеревался захватить, начиная атаку. Вала не колебалась и обещала ему, что военными трофеями будут домашняя птица и животные (морские крысы и молодые тюлени) защитников. Кроме того, абуталы могут изуродовать трупы своих врагов и снять с них скальпы.

Островитяне плавучего острова, который назывался Фринкан, стали возражать, когда услышали эти условия. Тогда Вольф сказал их вождям, что если они не примут условия — война продолжится. И он, Вольф, не встанет на их сторону. Конечно, те ответили, что сделают так, как он хочет. Абуталы отняли у жителей деревни все, что сочли ценным и нужным.

Другие Властелины — Лувах, Энион, Аристон, Тармас, Паламброн — находились в деревне, когда началась атака. Они очень удивились, увидев Вольфа, и не могли скрыть зависти к его лучемету. Только Лувах оказался рад видеть его. Лувах, самый низкорослый из всех, обладал песочного цвета волосами и красивыми чертами лица, правда, с широким и пухлым ртом. Его глаза были темно-голубыми, по переносице бежали дорожки веснушек. Он обнял Вольфа, крепко сжал и даже чуть не всплакнул. Вольф разрешил ему обнять себя, потому что верил — Лувах не воспользуется возможностью заколоть его. Детьми они крепко дружили, имели много общего, будучи оба фантазерами, склонными позволять другим думать и делать, что те хотят. Фактически Лувах никогда не принимал участия в смертельных играх Властелинов, пытавшихся лишить других собственности или убить.

— Как нашему отцу удалось выманить тебя? Ведь ты был счастлив в своем мире, — поинтересовался Вольф.

Лувах криво усмехнулся и сказал:

— Я мог бы спросить тебя о том же. Возможно, он проделал тот же трюк и с тобой. Он прислал посыльного — сверкающую гексакулум, она поведала, что послана тобой. Ты хотел, чтобы я навестил тебя, потому что страдаешь от одиночества и хочешь повидать своего единственного родственника, не жаждущего твоей гибели. Поэтому я, при-

няв, как я думал, необходимые предосторожности, покинул свою планету. Я вошел, как считал, в твои врата и очутился на этом острове.

Вольф покачал головой и заметил:

— Ты всегда был слишком стремительным, брат, слишком опрометчивым. И все же я преисполнен уважения к тебе, как к человеку, пренебрегшему собственной безопасностью, чтобы навестить меня. Только...

— Только мне бы следовало быть осмотрительным и удостовериться, что посыльный прибыл действительно от тебя. В другое время я так бы и сделал. Но в тот момент, когда появилась гексакулум, мои мысли были полны тобой, я скучал по тебе. Даже мы, Властелины, имеем слабости, ты же знаешь.

Вольф некоторое время молчал, наблюдая, как ликующие илманиры волокут домашнюю птицу, животных, награбленные ожерелья и кольца из морских нефритов. Потом произнес:

— Мы, безусловно, в отчаянном положении. И наибольшую опасность представляет отец. Но почти равная смертельная угроза нависла и над теми, кто стал нашим союзник. Данное ими слово не означает, что за ними не нужно присматривать. Я предлагаю тебе взаимную поддержку, мы будем спать и бодрствовать поочередно.

Лувах вновь усмехнулся:

— Однако во сне ты не забудешь держать один глаз приоткрытым, чтобы следить за мной, а, брат?

Вольф нахмурился, и Лувах поспешно продолжал:

— Не сердись, Джадавин. Нам с тобой удалось прожить так долго лишь потому, что мы не утрачивали взаимного доверия, причем поступали так с самыми благими намерениями. Подумать только, ведь было время, когда все мы, двоюродные братья и сестры, жили, учились и играли вместе, благословенные невинностью взаимной любви. Теперь же мы, словно лютые волки, готовы перегрызть друг другу глотки. А почему, спрашивается? Я скажу тебе. Потому что Властелины сумасшедшие. Они считают себя богами, тогда как в действительности они самые обыкновенные люди, не лучше вот этих дикарей. Только нам посчастливилось быть наследниками могущественной науки и техники, достижениями которой мы пользуемся, не понимая ее законов. Подобно злым детям мы забавляемся игрушками, способными создавать и разрушать целые миры. Вели-

кие и мудрые люди, придумавшие эти «игрушки», давно почили, знание их обратилось в прах, и лишь технология, унаследованная от космических государств, продолжает существовать, используемая только для утех и насыщения алчности.

— Мне все это хорошо известно, брат,— согласился Вольф,— возможно, даже лучше, чем тебе, поскольку было время, когда я сам наслаждался эгоизмом и пороками. Мне многое пришлось пережить, когда-нибудь я расскажу тебе,— и собственный горький опыт пробудил во мне человеческую сущность, которую, надеюсь, ты сможешь оценить.

Илманиры спустили с Абуты огромные лестницы, увлекаемые вниз тяжелым грузом. Награбленное добро привязали к направляющим веревкам и подняли через отверстия в донной части острова. Так же подняли и те планеры, которые еще можно было починить. Вольф расположился в упряжке, прикрепленной к паре пузырей; двигаясь вверх, он держал лучемет наготове, поскольку отдавал себе отчет, что находится во власти абуталов, а те были воодушевлены успехом. Но, как ни странно, никто не проявил враждебности. Он прошел через отверстие, две ухмыляющиеся женщины подхватили его. Они оттащили его в сторону и сняли упряжь. Затем унесли пузыри и бросили в самом дальнем углу.

Когда подняли всех Властелинов, вождь Лугарн со своей женой Ситаз отвели своих союзников в верхнюю часть острова. Ступени, изготовленные из весьма тонкого и легкого материала, но очень прочные, представляли собой уплотненную оболочку газовых пузырей. На Абуте, где газ считался жизненно важным, все делалось как можно более легким. Это повлияло даже на разговорный язык, как заметил потом Вольф. В целом их речь отличалась от основного наследия предков незначительно, но фонетически язык претерпел некоторые изменения. Кроме того, появились новые слова, уточняющие понятия, связанные с весом, формой, гибкостью, размерами, вертикальным и горизонтальным направлениями движений.

Поднявшись по лестничному колодцу — цилиндру, вырезанному в сплетении корней,— Вольф очутился в своеобразном амфитеатре. Полom просторного помещения служили широкие полосы оболочек пузырей, а покатые стены и потолок были огромными пузырями, связанными корня-

ми. На обширной палубе находилось только одно общественное здание с крышей, покрытой тростником, а также длинная, скрытая со всех сторон постройка, предназначенная для увеселений. В доме имелись плоские камни, на которых каждая семья готовила пищу. В проходах копошилась домашняя птица, бегали морские крысы, а в дюймовой глубине пруда играли тюлени, которых разводили на мясо. Ситаз, жена вождя, отвела новоприбывших в предназначенное для них помещение. Комнаты в виде небольших кабинок были вырезаны в корнях, а полом и стенами служили все те же оболочки пузырей. Двери заменяли вырезанные в полу отверстия, куда поднимались с помощью складных лестниц. Свет проникал через единственный иллюминатор, для освещения также использовались лампы, заправленные рыбьим жиром. Места едва хватало, чтобы сделать два шага в сторону и два шага в другую. В качестве кроватей использовались ниши в стенах, по форме напоминающие гроты, застеленные матрасами из перьев, набитых в рыбью кожу. Большая часть дневной и ночной деятельности проходила на «Главной палубе». Уединяться было негде, разве что на капитанском мостике.

Вольф ожидал, что абуталы тотчас же отплывут, подняв якоря. Однако Лугарн сказал, что им придется некоторое время подождать. Во-первых, острову необходима большая высота, чтобы лететь над открытым морем. А бактериям, вырабатывающим газ в пузырях, потребуется даже при усиленной подкормке, самое меньшее, два дня, чтобы наполнить пузыри, иначе полет не будет безопасным.

Во-вторых, в сражении абуталы понесли огромные потери; людей явно не хватало, чтобы эффективно управлять островом, поэтому Лугарн предложил последовать древнему обычаю и пополнить команду вербовкой фринканов. Убедившись, что гости благополучно разместились, Лугарн вернулся на поверхность. Вольф с любопытством последовал за ним. Вала также настояла на своем участии, хотя служило ли ее желание удовлетворению прихоти или она собиралась не спускать с него глаз — этого Вольф не знал. Возможно, решение было продиктовано и тем, и другим. Лугарн объяснил вождю фринканов, что от него требуется. Вождь удрученно махнул рукой, давая понять, что ему все равно. Лугарн собрал выживших и огласил свое предложение. К удивлению Вольфа многие пожелали стать

добровольцами. Вала сказала, что эти два народа были заклятыми врагами, но сейчас фринканы ослаблены и, кроме того, молодежь привлекала романтика жизни на летающем острове.

Лугарн осмотрел добровольцев и выбрал тех, кто проявил себя во время битвы. В первую очередь он старался взять женщин, особенно с детьми. Последовала церемония ритуальной пытки, заключающаяся в прижигании паха кандидата или кандидатки. Обычно захваченного противника пытали до смерти, если он не проявил должной стойкости и смелости. Потом его могли принять в племя.

В крайнем случае, как сейчас, — пытали символически.

Позднее, когда остров отплывет, новобранцы пройдут церемонию, в которой каждый смешает свою кровь с кровью илманиров. Это предотвратит месть со стороны наземных жителей, поскольку кровное братство считается священным.

— Есть и другая причина, почему время от времени необходимо пополнять команду, — сказала Вала. — Абуталы — и наземные, и воздушные островитяне — склонны к инцесту¹. Поэтому-то обычай и предписывает принимать в племя пленников.

Вала была очень дружелюбной с Вольфом и настаивала на том, чтобы проводить с ним все время. Она даже стала снова называть его уивкрат — термин Властелинов, означающий «дорогой». Она опиралась на его руку всякий раз, когда представлялась возможность и однажды даже легонько поцеловала его в щеку. Вольф не ответил на ласку. Даже теперь, пятьсот лет спустя, он не забыл, что когда-то они были любовниками, и она пыталась убить его.

Вольф отправился к вратам, через которые вошел. Вала увязалась следом. На ее вопросы он ответил, что хочет еще разок поговорить с Теотормоном.

— С этой морской жабой? Чего ради? Что он может знать?

— Посмотрим.

Они приближались к вратам, но Теотормона не нашли. Вольф прошелся по краю острова, чувствуя, как то тут, то там земля проседает под ним. Видимо, пузыри здесь были не такими полными.

— Сколько таких островов имеется на планете, и каков их максимальный размер? — спросил он.

¹ Брак между родственниками, кровосмешение.

— Не знаю. За время, что я здесь, мы видели два; фринканы говорят, что таких островов множество. Они упоминали еще мать островов, самом большом острове, имеющем, если верить слухам, огромную территорию. Все остальные летающие острова приблизительно одного размера. Слушай, зачем нам говорить об этих скучных материях? Разве нам нечего вспомнить?

— Что же? — осведомился Вольф.

Она повернулась к нему, приблизив лицо так, что губы едва не коснулись его подбородка.

— Почему бы не забыть прошлое? В конце-то концов, прошло так много времени, мы были тогда так молоды и глупы.

— Сомневаюсь, что ты сильно изменилась.

Вала улыбнулась.

— Почему ты так уверен? Как доказать тебе, что теперь я другая? — она обняла его и положила голову на грудь. — Кое в чем я действительно стала другой. Но ведь я любила тебя когда-то, и теперь, когда вижу снова, я понимаю, что никогда не переставала любить тебя.

— Даже тогда, когда попыталась убить меня в постели? — спросил он.

— Ах, дорогой мой, я была уверена, что ты изменяешь мне с противной и хитрой Алаграадой. Я думала, что ты предал меня. Можно ли бранить женщину, которая сходила с ума от ревности? Ты ведь знаешь, какая я собственница.

— Даже слишком хорошо знаю, — Вольф оттолкнул ее и добавил: — Еще ребенком ты была эгоисткой. Эгоистичны все Властелины, но ты своего рода уникам. Что я тогда в тебе нашел?

— Ах, мерзавец! — воскликнула она. — Ты любил меня, потому что я — Вала. Вот и все.

Вольф покачал головой.

— Возможно, когда-то так и было. Но теперь прошло. И никогда не повторится.

— Ты любишь другую? Я знаю ее? Это, случаем, не Анана, не моя ли глупая и кровожадная сестра?

— Нет! — отрезал Вольф. — Анана кровожадна, но не глупа. Ведь она не попала в ловушку Уризена. Я не вижу ее здесь. Или с ней что-нибудь случилось? Она умерла?

Вала пожала плечами и отвернулась.

— Понятия не имею. Но твое беспокойство доказывает, что ты ее любишь. Анана! Кто бы мог подумать!

Вольф не пытался убедить ее в обратном. Он считал неразумным упоминать о Хрисеиде, пусть даже Вала никогда с ней не встречалась. Не стоило рисковать.

Вала повернулась и спросила:

— А что случилось с твоей девицей-землянкой?

— Какой землянкой? — переспросил он, ошеломленный ее злобой.

— Как это — какой? — скривилась Вала. — Я имею в виду Хрисеиду, смертную, ту, что ты привез с Земли около двух с половиной столетий назад из района Земли под названием Троя или что-то в этом роде. Ты сделал ее бессмертной, и она стала твоей возлюбленной.

— Как и несколько тысяч ей подобных, — заметил он. — Почему именно она привлекла твое внимание?

— Не спорь, я все знаю, ты и впрямь стал вырождением, брат мой Вольф-Джадавин.

— Тебе даже известно мое земное имя — имя, которым я предпочитаю называться? А как много ты еще знаешь? И почему тебя это так интересует?

— Просто я всегда отличалась любопытством по отношению к Властелинам, — усмехнулась Вала, — вот почему я и остаюсь так долго в живых.

— А не скажешь ли ты, отчего умерло так много других?

Ее голос снова стал нежным, и она улыбнулась.

— Нам нет причин ссориться. Почему бы не оставить прошлое в прошлом?

— Ссориться? О, нет! Что прошло, то прошло, если только оно действительно было, только вот Властелины никогда не помнят хорошего и не забывают обид. И до тех пор, пока ты не убедишь меня в ином, я буду считать тебя прежней Валой. Такой же прекрасной, может, даже более прекрасной, чем раньше, но с черной гнилой душой.

Она попыталась улыбнуться.

— Ты всегда был слишком резок. Может, поэтому я и любила тебя. И как мужчина ты был лучше других, ты был самым великим из моих любовников.

Она ждала, что он вернет ей комплимент, но вместо этого он проговорил:

— Любовь — вот что творит любовников, и я тебя любил. Но все в прошлом.

Вольф повернулся и вновь зашагал по краю берега. Вала следовала за ним на расстоянии двадцати футов. Почва местами прогибалась под его ступнями.

Он замедлил шаг, чтобы Вала догнала его, и сказал:

— На дне должно быть много пещер. Как можно вызвать Теотормона?

— Никак. А пещер действительно много. Иногда погибает целая группа пузырей — по болезни или от старости, или их съедают рыбы, которым они приходится по вкусу. Тогда образуется каверна, хотя постепенно она заполняется новыми растениями.

Вольф отложил сведения в уголок памяти: если дела пойдут плохо, то человек всегда сможет найти укрытие под островом. Вала, очевидно, догадалась о его мыслях — дар, который поражал его, когда они были дружны, — поскольку заметила:

— Я бы туда ни за что не отправилась: вода кишит рыбами-людоедами.

— Как справляется с ними Теотормон?

— Не знаю. Вероятно, он превосходит их силой и быстротой. В конце концов он приспособился к такой жизни, если это можно назвать жизнью.

Вольф решил махнуть рукой на Теотормона. Он направился назад, в джунгли. Вала шла следом. Теперь он позволил ей идти сзади. Она слишком нуждалась в нем, чтобы покушаться на его жизнь.

Он прошел всего несколько ярдов, когда был сбит с ног ударом сзади. Сначала он подумал, что Вала все-таки прыгнула на него. Он откатился, стараясь одновременно выхватить из кобуры лучемер, и только тогда увидел, что сбит другим. Огромное блестящее тело Теотормона летело на него. Жирная туша навалилась, и дыхание Вольфа прервалось от тяжести четырехсот фунтов. Потом Теотормон уселся на нем и стал жестоко бить лапами по лицу. Первый удар привел Вольфа в полубессознательное состояние, второй вверх его в темноту.

Глава V

Хотя Вольф на несколько мгновений и лишился чувств, он, видимо, даже в бессознательном состоянии продолжал бороться. Вытащив обе руки из-под навалившейся туши, он схватил ласты. Какими бы они ни были скользкими, их удалось зажать. Способность мыслить вернулась к Вольфу в тот момент, когда он в ярости сдвинул ласты так, что

Теотормон завопил от боли и поднялся. Этого оказалось достаточно; Вольф пнул противника в толстый живот и частично освободился.

Поднявшись на ноги, Вольф еще раз ударил ногой в самую чувствительную часть чудища — в голову. Теотормон схватился за лоб и откинулся назад. Вольф двинул ему в челюсть, потом еще раз пнул в живот. Зеленые, как мох глаза потускнели, лягушачьи ноги подогнулись, и Теотормон рухнул на землю.

Однако он не потерял сознания, и когда Вольф приблизился, чтобы завершить дело, Теотормон ударил его громадной ступней. Вольф перехватил ступню и таким образом блокировал удар, но все же его отбросило назад. Теотормон вскочил, пригнулся и снова прыгнул вперед. Вольф также бросился на противника, выставляя правое колено. Удар пришелся Теотормону в подбородок, и оба снова упали на землю. Вольф поднялся, нащупывая лучемет, но не обнаружил его в кобуре. Теотормон тоже поднялся, оба противника стояли лицом друг к другу, только теперь ощущая боль.

Благодаря особым средствам естественная сила Вольфа была увеличена вдвое, и его кости окрепли, чтобы соответствовать возросшей мускульной силе. Однако подобный подготовительный курс прошли все Властелины, борясь друг с другом, они обладали примерно одинаковой мощностью. Теотормон, чье тело переделал Уризен, весил теперь, по крайней мере, на сто шестьдесят фунтов больше брата. Но Уризен, очевидно, не намного увеличил силу Теотормона, так как Вольф еще держался в схватке. Хотя вес, конечно, имеет большое значение в борьбе, и Вольфу следовало держаться настороже, чтобы не дать братцу воспользоваться этим преимуществом.

Теотормон, отдышавшись, рывкнул:

— Я из тебя еще выколочу дух, Джадавин! А затем нырну в море, отнесу в пещеру и буду держать там, скапливая своим любимцам.

Вольф огляделся. Вала стояла поодаль, странно улыбаясь. Он не стал тратить силы и время, прося ее о помощи. Подпрыгнув в воздухе, Вольф ударил Теотормона обеими ногами. Урод на мгновение замер, потом присел. Именно на это Вольф и рассчитывал. Он провел удар снизу, но Теотормон оказался весьма проворным. Скользя ботинками по спине чудовища, Вольф перелетел на другую сторо-

ну и тотчас же развернулся. Теотормон прыгнул, надеясь смять его, но был остановлен ударом в челюсть. Для большей уверенности Вольф врезал ему пару раз по ребрам.

Вала зааплодировала:

— Хвалю, хвалю, недаром я любила такого мужчину. И все еще люблю...

На этот раз Теотормон не поднялся, он лежал, шумно сопя разбитым носом. Теплый котиковый мех пропитался кровью, сочившейся из губ и сломанной челюсти.

— Почему же ты не помогла мне? — поинтересовался Вольф.

— В этом не было нужды. Я и так не сомневалась, что ты выйдешь из этого болтливового мешка все его жабыи мозги.

Вольф тщетно искал в траве лучемер. Вала, продолжая стоять на месте, спросила:

— Почему ты не воспользовался ножом?

— Не стоило, мне он нужен живой, мы возьмем его с собой.

Глаза ее широко раскрылись.

— Во имя Лоса, зачем?

— Нам могут понадобиться кое-какие его способности.

Теотормон застонал и сел. Вольф, не спуская с него глаз, продолжал поиски. Наконец он повернулся к Вале. Вала пошарила в одежде и вытащила лучемер.

— Я ведь могу тебя убить.

— Ну что ж, стреляй, только не морочь мне голову пустой болтовней. Меня не напугаешь.

— Ах, так! Держись! — она в ярости подняла лучемер.

На какое-то мгновение Вольф решил, что слишком раздражил ее. Отличаясь болезненным самолюбием и отменной реакцией, Властелины редко спускают оскорбления.

Но Вала нацелила оружие на Теотормона, и белый луч коснулся конца ласты. Заклубился дым, завоняла горящая плоть. Теотормон рухнул наземь, испустив вопль, глаза его налились кровью.

Вала с улыбкой опустила лучемер и вручила его Вольфу.

Тот выругался и заметил:

— Для стрельбы не было никакой причины, кроме твоей злобы, Вала. Злобы и глупости. Я же сказал тебе, что он мог бы стать спасением для нас во многих вопросах жизни и смерти.

Вала медленно прошла по влажной траве и наклонилась осмотреть Теотормона. Подняв ласту с обугленным концом, заметила:

— Он жив... пока. Его еще можно спасти, если так хочешь. Но ласту придется ампутировать по плечо.

Вольф молча повернулся и отправился звать илманиров, чтобы они помогли перенести Теотормона на летающий остров.

С помощью четырех пузырей это было сделано. Там его уложили на полу брига — клетки с очень легкими, но крепкими, как сталь, прутьями из расщепленных оболочек пузырей. Вольф принялся за операцию. Силой влив лекарство, которое дал илманир-лекарь, в горло Теотормона, Вольф осмотрел хирургический инструмент. Он принадлежал колдуну, который заботился как о физическом, так и о духовном благоденствии жителей острова.

Воспользовавшись пилой из акулоподобной рыбы, Вольф отпилил ласт чуть ниже плеча. Плоть расчленилась легко, но потребовалось дважды менять зубья, чтобы перепилить кость. Затем шаман прижал к культе горящий факел, чтобы закупорить кровоточащие сосуды, и наложил на ожог целебную мазь, уверяя Вольфа, что чудодейственное средство помогало и вовсе обгорелым.

Вала наблюдала за ампутацией с легкой усмешкой. И когда Вольф, на секунду оторвавшись от работы, встретился с ней взглядом, рассмеялась. Он пожал плечами. Прекрасный чарующий смех напомнил ему звуки гонга, слышанные им некогда на реке Гузирит, во время путешествия по стране Хамшем на третьем ярусе своей вселенной. В них также звучали золотистые нотки, а это единственное, с чем можно сравнить, вероятно, из бронзы изготовленный гонг, который звенел в темноте древних развалин храма из нефрита и халцедона. Звук его отдавался в камнях и зарослях джунглей. Гонг был бронзовым, но набат его звучал золотом. И вот так же звенел смех Вала — бронзово и золотисто, — полный потаенного и темного чувства.

Она сказала:

— Он никогда не отрастит себе новый ласт, ты ведь знаешь, что если постоянно не счищать струпья, ткань зарубцуется и не регенерирует.

— Вот это уже не твоя забота, — отрезал он. — Все, что могла, ты уже сделала.

Вала фыркнула и поднялась по винтовой лестнице на главную палубу. Вольф выждал некоторое время и, убедившись, что Теотормон не умер, последовал за ней. Там принятых в племя фринканов обучали новым обязанностям, и Вольф заинтересовался.

Он спросил Лугарна, чем питаются огромные газовые растения, ибо ему показалось, что корм должен иметь гигантский вес. А на летающем острове была, по крайней мере, тысяча пузырей, каждый из которых — размером с газовую камеру цеппелина¹.

— Растущий пузырь действительно надо кормить, — принялся объяснять Лугарн. — Но когда растение созреет, пузырь отмирает. Его оболочка становится сухой и твердой, и ее специально обрабатывают, чтобы сохранить гибкость и способность растягиваться. Внутрь же помещают новые колонии газовырабатывающих бактерий. Им тоже нужна пища, но в весьма незначительном количестве, а газа они вырабатывают много. На корм им идет, главным образом, сердцевина растений, хотя они могут питаться и рыбой, и мясом, и гнилью.

Некоторое время спустя Лугарн оставил его, сославшись на занятость. Лунные сумерки кончились, и вернулся полный дневной свет. Остров с силой натягивал веревки. Наконец Лугарн решил, что грузоподъемность достаточна, и пора отправляться в путь. Каменные якоря подняли, веревки, закрепленные на фрондах, обрубил. Медленно поднимаясь, остров проплыл над полуразрушенной деревней. Некоторое время он оставался на высоте ста пятидесяти футов. Потом, по мере того как газ продолжал наполнять пузыри, поднялся до пятисот футов. Лугарн приказал уменьшить подачу пищи бактериям и отправился на обход острова. Осмотр занял у него несколько часов, после чего он вернулся на мостик.

Роберт вернулся посмотреть, как чувствует себя Теотормон. Колдун доложил, что самочувствие пациента хорошее, даже лучше, чем можно было бы ожидать.

Вольф поднялся по лестнице на вершину стен. Здесь он обнаружил Луваха и одного из кузенов, Паламброна — прекрасно сложенного красавца, самого темного в семье. Его конусообразную шляпу с шестиугольным ободком украшали изумрудно-зеленые совы. Черная мантия со стоячим

¹ Дирижабля.

воротником и эполетами в форме львиных лап была сделана из зеленой мерцающей ткани с узором трилиотина, пронзенного окровавленным копьем. Рубашку цвета электрик украшала отделка из канта с белыми черепами. Большой кожаный пояс был отделан золотом и украшен бриллиантами, изумрудами и топазами. Мешковатые брюки — с белыми и черными полосами. На ногах — ботинки из мягкой кожи красного цвета.

Паламброн был исключительным красавцем, о чем и сам хорошо знал. Он кивнул в ответ на приветствие Вольфа и ушел. Тот глядел ему вслед, усмехаясь:

— Паламброн никогда не питал ко мне нежных чувств. Я бы встревожился, если бы он вдруг изменил свое отношение ко мне.

— Пока мы на летающем острове, можно не беспокоиться, — заметил Лувах. — По крайней мере, если поиск не слишком затянется. Хотел бы я знать, как долго он продлится. Так можно вечно летать над этим морем и никогда не наткнуться на врата.

Вольф посмотрел на красное небо, сине-зеленую воду и островок, который они покинули — кусочек дрейфующей суши, с высоты кажущейся не больше монетки. Чуть поодаль кружили белые птицы с огромными крыльями, желтыми кривыми клювами и оранжевыми круглыми глазами. Одна из них с резким криком опустилась рядом с тем местом, где они стояли, подняла голову и уставилась на них немигающими глазами. Вольфу вспомнились вороны собственного мира. Есть ли у этих птиц хоть капля разума? Следили ли они и подслушивали ли для Уризена? У отца наверняка имелись способы наблюдения, иначе бы он не получал бы полного удовлетворения от этой игры.

— Лугарн сказал мне, что Абута следует всегда одним и тем же курсом. Ветер здесь постоянный, и он гонит остров вокруг водного мира по спиральной орбите. Так что, в конечном счете, полет острова охватывает всю поверхность планеты.

— Но остров, на котором находятся врата, также движется. Что если наши курсы никогда не пересекутся?

Вольф пожал плечами.

— Тогда мы не найдем его.

— Этого-то Уризен и добивается. Вот уж он порадует, когда увидит, как все мы свихнемся тут от безделья и перегрызем друг другу глотки.

— Вполне вероятно. Однако курсом Абуты можно управлять. Поиски, конечно, потребуют времени, но шанс есть. Вот только...

Вольф умолк и молчал так долго, что Лувах забеспокоился.

— Что «только»?

— Наш добрый отец поселил здесь не только людей, я имею в виду не рыб, — животных, птиц. Так что следует ожидать, что некоторые водные и воздушные острова населены злобными существами.

Снизу раздался голос Валы, созывающей на обед. Собеседники спустились и расположились за столом вождя. Лугарн рассказал о своих планах. Он намеревался изменить курс Абуты, поскольку где-то на юго-западе дрейфовал еще один остров, которым правил его злейший враг Ваериш. Теперь, когда на Илманире находится Вольф с лучеметом, они без труда разделаются с ними. Победа покроеет Илманир славой, Ваериша навсегда похоронят в океане.

Вольф не стал возражать. Он только надеялся, что Ваериша не найдут, поскольку хотел сберечь заряды для более важных дел.

Ярко-красные дни и бледно-розовые ночи тянулись однообразно. Лишь в первое время для Вольфа нашлось занятие. Он разузнал все, что смог, об управлении Абутой, тщательно изучил нравы племени и характер каждого ее члена. Другие Властелины, за исключением Валы, не интересовались подобными вещами. Большую часть времени они проводили, слоняясь по носовой части, высматривая остров, на котором располагались врата Уризена. Они вечно сетовали на судьбу, изливая душу то абуталам, то друг другу, и постепенно задирались, правда, не доводя дело до дуэли.

По мере того, как проходили дни, Вольф все больше проникался к ним отвращением. Они явно не стоили того, чтобы спасать их, все — за исключением, пожалуй, Луваха. Высокомерие Властелинов, к тому же, раздражало абуталов. Роберт неоднократно напоминал братьям, что их жизнь зависит от островитян. Стоит только разгореться ссоре — и пришельцев тут же выбросят за борт. Сначала к его советам прислушивались, но прошло время, и тысячелетняя вера в свою богоподобность вновь овладела Властелинами.

Вольф целые дни проводил на мостике с Лугарном, считая необходимым хоть как-то разряжать напряженность, бездумно создаваемую его братьями и кузенами. Он также посещал занятия по планеризму, поскольку человек, не владеющий крыльями, не мог рассчитывать на уважение со стороны абуталов. Вольф как-то спросил Лугарна, почему это так, поскольку сам считал планеры пустой тратой времени.

Вопрос удивил Лугарна. Вождь поразмыслил и сказал:

— Почему?.. Просто потому, что так и есть. Ни один мужчина не станет мужчиной, пока не совершит взлет и посадку. А уж говорить, что планеры не стоят хлопот!.. Нет, ты тут заблуждаешься. Подождите, вот придет день, когда мы встретимся с врагом, и тогда все вы возьмете свои слова обратно.

На следующий день Вольф совершил пробный полет. Они с Лугарном сели в тренировочный планер, и два пузыря подняли его вверх, пока Абута не превратилась в крошечный овал. На этой высоте ветер дул сильнее, и они на несколько миль обогнали остров. Лугарн, выступавший в роли инструктора, отцепил подъемный механизм. Пузыри потянулись вниз на Абуку тонкой, но крепкой веревкой — чтобы их снова использовать.

Будучи Джадавином, Вольф имел представления о различных типах летательных аппаратов. На Земле он получил лицензию, разрешающую ему пилотировать одномоторный самолет. Он уже давненько не летал, но старые навыки не забылись. Когда планер начал спускаться по спирали, Лугарн передал ему рычаг управления. Потом похлопал Вольфа по плечу, одобрительно кивнул и вновь взялся за штурвал. Машина шла по ветру, слегка отклоняясь в сторону, и в последний момент приземлилась на широкой палубе.

Роберт совершил еще пять тренировочных вылетов, причем два последних — с самостоятельной посадкой. На четвертый день он поднялся в воздух один, Лугарн был поражен: ведь большинству новичков требовалось вдвое больше времени. Вольф поинтересовался, что будет, если выполняющий самостоятельный полет ученик не сможет посадить самолет на Абуку. Как островитяне подбирают его?

Лугарн улыбнулся, поднял руки ладонями вверх и сказал, что неудачника оставляют на волю судьбы. Больше на

эту тему не говорили. Но перед первым самостоятельным полетом Лугаря попросил Роберта оставить лучемер на Абу-те. Вольф передал оружие на хранение Луваха, поскольку не думал, что тот употребит его во зло.

Во всяком случае, вероятность предательства была намного меньше.

Лугарн также выразил желание побрататься с ним. Услышав об этом, другие Властелины принялись глумиться над Вольфом.

— Неужели Джадавин, сын Уризена, прямой потомок самого Лоса, станет братом вождя раскрашенных дикарей? Неужели нет у тебя гордости, брат?

— Не вам говорить о братстве, — ответил он. — Эти люди, по крайней мере, не пытались меня убить — чего нельзя сказать о вас, если не считать Луваха. И не вам презирать их, ведь они хозяева собственного мира, тогда как вы — скитальцы, попавшие в ловушку, как безмозглые гуси. Так что не спешите кичиться, а лучше постарайтесь подружиться с островитянами. Может случиться так, что их расположение вам очень понадобится.

Теотормон, прижимая к груди полуотросший ласт, сидя на корточках в мелком бассейне, воскликнул:

— Проклятие вам всем! Уризен в конце концов захлопнет ловушку и будет долго наслаждаться вашими воплями. Но вот что я скажу о Джадавине. Он — настоящий мужчина, не то, что вы. И я желаю ему удачи. Пусть он доберется до нашего любимого папочки и отомстит, а вы — сдохнете.

— Закрой свой безобразный рот, ты, жаба! — закричал Аристон. — У меня спазмы в желудке, когда я тебя вижу, а уж слушать — не дай Бог! О, как бы мне хотелось очутиться в своем мире и видеть тебя, закованного в цепи у моих ног. Я быстро заставил бы тебя молить о пощаде, мерзкое животное. А потом бы скормил твою жирную тушу своим любимым псам. О, мои прекрасные любимцы!..

— Размечтался! — съязвил Теотормон. — погоди, как-нибудь ночью я сброшу тебя с этого острова. Вот уж я посмеюсь, глядя, как ты будешь молотить кулаками воздух, летя вниз!

— Довольно детских пререканий! — оборвала их Вала. — Разве вы не знаете, что любая наша ссора восторгает отца?! Он порадуется от души, если вы растерзаете друг друга на куски.

— Вала права! — заметил Вольф. — Вы называете себя Властелинами, творцами, правителями всех миров. Однако ведете себя, как избалованные злые дети. Даже если вы ненавидите друг друга, помните, что тот, кто научил вас этой ненависти и возвел на эшафот, жив. А он должен умереть. Даже если нам придется погибнуть, чтобы убедиться в его смерти. Так что потрудитесь жить, как подобает Властелинам, и достойно встретить конец.

Неожиданно Аристон ринулся к Вольфу. Его лицо побуровело, рот перекосялся. Остановившись перед братом, который был явно сильнее, Аристон с такой яростью махнул рукой, что его шафранового цвета мантия с пурпурно-зеленой вышивкой распахнулась.

— Довольно я натерпелся, ненавистный брат! — вскричал он. — Больше я не намерен сносить твои оскорбления. Он, видите ли, лучше нас, потому что стал ближе к человеку! Говорю тебе, я — Аристон, и не смей нас равнять с этими скотами! Ненавижу тебя, как ненавидел всегда! Ты ничто!.. Ты подкидыш!..

Эти слова, надо заметить, для Властелина — самое худшее оскорбление, хуже, чем даже обвинение в том, что он не является потомком избранной расы. Аристон схватился за нож.

Вольф чуть согнул колени, готовясь к схватке и до последнего надеясь, что все устроится миром. Престиж Властелинов сильно упадет, если они начнут ссориться на глазах абуталов.

В этот момент с гондолы на носу острова раздался крик. Тотчас забили барабаны, и островитяне побросали свои дела. Роберт схватил пробежавшего мимо аборигена и поинтересовался, что за шум.

Мужчина указал на небо. Вольф повернулся и увидел на фоне красного небосвода темный силуэт.

Глава VI

Помчавшись к мостику, Вольф увидел второй темный силуэт, потом еще два. Его охватило смутное беспокойство, предчувствие того, что сейчас произойдет нечто необычное. Поначалу он не отдавал себе отчета в причине смутения, но внезапно понял, в чем дело: темные пятнышки двигались под прямым углом к ветру.

На мостике Лугарн приказал Вольфу оставаться рядом. Что касается Властелинов, то настало и для них время отработать свое содержание. Лугарн слышал, как они похвалялись своей силой. Пусть же действуют мечами, как языками, и подтвердят слова делом.

Связь на летающем острове во время боя осуществлялась барабаном. Приказы находящимся во внутренних помещениях передавались по проходам в боковых частях и через отверстия в дне. Всю Абуту пронизывала сеть тонких трубок, изготовленных из костей рыбы гирылы и обладавших хорошей звукопроводимостью. Голос был слышен на расстоянии до семидесяти пяти футов. На более далекие расстояния сигнал передавался кодом, выстукиваемым молотком.

Вольф наблюдал за Лугарном: приказы вождя выполнялись быстро и четко — чувствовалась хорошая выучка. Даже дети по мере возможности брались за поручения, высвобождая взрослых для более трудных и важных дел. Вала тоже поднялась на мостик, и Роберт заметил, обратившись к ней:

— Мы, так называемые божественные Властелины, могли бы многому поучиться у этих так называемых дикарей в том, что касается сотрудничества.

— Не сомневаюсь, — согласилась Вала и, посмотрев на воздушный океан, добавила: — Их уже шесть. Кто это?

— Лугарн называет их нечидлорами, но у него не было времени объяснять подробнее. Имей терпение, довольно скоро все прояснится. Думаю, даже слишком скоро.

В это время к планерам уже прикрепляли подъемные пузыри. Пилоты рассаживались по кабинам, а люди из «наземной службы» подвешивали к крыльям взрывчатые пузыри-бомбы. Вдоль строя планеров прошел колдун, облаченный в мантию и маску. Он нес двойной анкх, которым благословлял пилотов и машины: останавливался перед каждым планером, тряс двойным анкхом над пухом, произносил заклинания. Лугарн терял терпение, но не осмеливался поторопить колдуна. Как только последний из двадцати пилотов получил благословение, подкрепленное соответствующими заклинаниями, Лугарн подал сигнал. Пузыри с белокрылым грузом тотчас взмыли вверх, поднявшись на тысячу футов над островом.

Лугарн сказал:

— Они освободятся от смертельного груза, как только нечидлоры окажутся в пределах досягаемости. Да ведет их Лос! Немногие уцелеют, но гнезда разобьют...

— Их уже восемь... — заметил Вольф.

Ближайший из нападавших находился не далее чем в полумиле. Странное сооружение имело форму шара трехсот ярдов в диаметре. Неопределенность в очертании придавалась множеством отростков. Поросль скрывала газовые пузыри, образовавшие неправильные концентрические окружности. На поверхности сфероида-гнезда виднелись сотни коричневых кругов.

Воздушный помет, подумал Вольф. Лугарн указал рукой на небо, и Вольф увидел несколько маленьких темных точек.

— Разведчики, — пояснил Лугарн, — нечидлоры не начнут атаки, пока не получат разведанных.

— Кто они такие, эти нечидлоры?

— Вот один спускается, чтобы рассмотреть нас поближе.

Огромные, пятидесяти футов крылья с черными перьями росли прямо на широченных плечах, завершая безволосый, почти человеческий торс. Четко виднелась грудная клетка, ниже — живот с пупком. Тонкие, с огромными ступнями ноги походили скорее на лапы с когтями. Сзади торчал длинный, черный хвост с перьями. Лицо было человеческим, и только нос торчал на несколько футов и походил на хобот слона. Пролетая над островом, нечидлор пронзительно затрубил.

Лугарн бросил взгляд на лучемет Вольфа, но тот покачал головой и сказал:

— Не стоит раскрываться перед ними раньше времени. Тем более что запас зарядов у меня ограничен. Подождем, может, удастся сразить одним выстрелом нескольких.

Нечидлор, тяжело взмахивая крыльями, летел к ближайшему гнезду. Крылатые люди являлись, несомненно, работой Уризена, поместившего их сюда ради собственного удовольствия. Род их наверняка брал начало от человеческих существ, и не обязательно от Властелинов, переделанных в колбах лаборатории. Их вполне могли похитить из других миров, возможно даже, кто-то имел земное происхождение. Теперь же они вели странную жизнь под красными небесами и темной луной, рождаясь и вырастая в воздушном гнезде, носимом ветром над просторами бескрайнего океана. Питались они, в основном, рыбой, которую ловили клювами, подобно пеликанам. Но когда попадались надводные или летающие острова, нечидлоры сеяли смерть, пожирая свежее человеческое мясо.

Теперь Вольф разглядел, как движутся гнезда против ветра. Сотни нечидлоров, ухватившись клювами за отростки, усиленно махали крыльями. Отвратительная небесная колесница была запряжена самыми странными птицами, которые когда-либо существовали.

Когда гнездо приблизилось на четверть мили, черные крылья замерли. Постепенно сокращалось расстояние до других гнезд. Два сфероида опустились, чтобы атаковать дно острова, облетели и заняли позицию с противоположной стороны. Лугарн невозмутимо ожидал, пока нечидлоры приготовятся к атаке.

Вольф поинтересовался, почему он не приказывает планерам атаковать.

— Если отпустить планеры раньше, чем подойдут основные силы противника, то нечидлоры поднимутся и преградят нам путь, — пояснил Лугарн. — Планеры просто не смогут пробиться сквозь них. Только если мы отвлечем основные силы крылатых людей на себя, у планеров будет шанс прорваться к гнездам. Я это знаю по собственному опыту.

— Почему же нечидлоры не уничтожат сначала планеры? — удивился Роберт. — Ведь так для них было бы намного разумнее.

Лугарн пожал плечами.

— Я бы на их месте так и поступил. Но они почему-то следуют всегда одной и той же тактике; по-моему, природа лишила их не только рук, но и ума. Правда, ступни и хобот до некоторой степени заменяют им руки, но орудиями труда они пользуются значительно реже, чем мы.

— Могу предложить еще одно объяснение, если угодно. Возможно, нечидлоры сознательно представляют планерам возможность действовать и находят в этом своего рода удовольствие. Скажем, они самонадеянны — подобно морским орлам, которые нападают на акул, на тысячу фунтов превышающих их собственный вес, нападают, даже не смотря на то, что, прикончив эту злобную тварь, не в силах удержать ее на поверхности.

Ветер донес до Абуты бормотание и рев сотен голосов. И вдруг наступила тишина. Потом, медленно подняв руку, Лугарн застыл, настороженно озираясь. Воин, стоявший рядом с пузырем в руках возле каменной чаши с горящими углями, не спускал с вождя глаз.

Тишина прервалась дружным воплем нечидлоров, затрубивших в змеиные носы. С оглушительным громоха-

нием они поднялись с гнезд и сложили крылья в первом взмахе. Лугарн махнул рукой. Воин тотчас же опустил короткий фитиль пузыря в огонь и выпустил его. Пузырь взмыл на пятьдесят футов вверх и взорвался.

Планеристы отцепили подъемные пузыри и устремились каждый к предназначенному гнезду. Вольф взглянул на темные тучи приближающейся орды и почувствовал, что теряет веру в лучемер. Неся большие потери, илманиры отбили атаку прежде, чем удалось пустить в ход оружие. Но положение по-прежнему оставалось серьезным, потому что Абуту окружали восемь гнезд сразу.

В этот миг у него над головой тенью промелькнула белая птица с огромными крыльями. Ее крик донесся до Вольфа, и он подумал, не была ли она оком Уризена? Не следил ли отец за ними посредством мозга и глаз этой птицы? Если так, то зрелище битвы, несомненно, наполнило радостью его жестокое сердце.

Тем временем нечидлоры, которых было так много, что они походили на черные тучи, окружили остров. Замедлив приближение на расстоянии полета стрелы, они принялись описывать круги вокруг Абуты, все время уменьшая дистанцию. Илманиры-лучники напряженно ждали, когда вождь отдаст приказ открыть огонь. Женщины, вооруженные пращами, также замерли в ожидании.

Лугарн знал, что, разместив людей вдаль стен, он ослабляет оборону, и сконцентрировал защитников на носу Абуты. Ничто не мешало нечидлорам совершить посадку на дальнем конце острова. Однако они не опускались, не полагаясь на свои слабые ноги.

Вольф поискал взглядом планеры. Некоторые скрылись из поля зрения, атакуя два гнезда, находившиеся под дном. Другие продолжали кружить, опускаясь к целям. Из гнезда навстречу им спустились нечидлоры.

Две машины пролетели мимо ближайшего гнезда, скинув на шар дымящиеся бомбы. Хлопая крыльями, к ним тотчас же направились женщины-нечидлорки. Раздался взрыв, ввысь взметнулся язык пламени. Почти сразу же рвануло еще раз.

Оба планера резко взмыли вверх и развернулись для нового захода. Снова упали бомбы. Огонь мигом распространился по сухим веткам и охватил газовые ячейки. Нечидлоры завизжали так пронзительно, что перекрыли хлопанье собственных крыльев. Торопливо покидали они

горящее гнездо, держа пальцами ног детей. Шар разлетелся на части; осколки задевали женщин, обжигая и перерачивая их вверх ногами. Выроненные дети камнем падали в море, беспомощно трепеща короткими крылышками. Вольф увидел, как одна нечидлорка, сложив крылья, стремглав упала к ребенку. Подхватив его у самой воды, она направилась к еще целому гнезду.

К этому времени уже два шара, разлетевшиеся на части, падали в океан. Около сотни нечидлоров отделились от кольца, осаждавшего Абу́ту и устремились к планерам, которые виднелись далеко внизу, готовясь к посадке на воду.

Гнезда, находящиеся на одном уровне с островом, были недосыгаемы для лучемета. Понадеявшись, что с двумя гнездами внизу Абу́ты дело обстоит иначе, Вольф сообщил Лугарну о своем намерении и спустился по пятидесятифутовой лестнице к отверстию в днище. Как он и ожидал, вражеские шары находились совсем близко, и он взмахом лучемета, включенного на полную мощность, поразил оба сфероида. Гнезда рухнули с такой силой, что его чуть не скинуло с площадки взрывной волной. Отверстие в днище окуталось дымом, а когда он рассеялся, Вольф увидел летящие во все стороны куски растительности, тела детей и женщин, падавшие в море, как гирьки.

Воины-нечидлоры не оставляли попыток пробраться в донные отверстия. Вольф вдвое уменьшил мощность лучемета и очистил пространство от нападавших. Затем пробежал вдоль сходен, останавливаясь у каждого входа, чтобы снова пустить в ход оружие. Он насчитал, по меньшей мере, сотню атакующих. Некоторым удалось пробиться сквозь ряды защитников к отверстиям в дальнем конце острова. Ему потребовалось некоторое время, чтобы уничтожить их, так как приходилось соблюдать осторожность при стрельбе, поскольку в днище располагалось множество несущих пузырей.

Хотя Вольф уничтожил около тридцати нападавших, со всеми ему было не справиться. Остров слишком велик, чтобы он смог обойти все днище.

К тому времени, когда он снова поднялся к люку, нечидлоры предприняли еще одну массированную атаку. Восточная часть острова представляла собой кружащую, воющую, визжащую толпу. Повсюду валялись трупы.

Лучники и пращники понесли тяжелые потери за время первых двух атак. Но когда нечидлоры вновь ринулись

на штурм, завязался рукопашный бой. Единственным оружием крылатых людей являлись мощные крылья и когти на ногах. Взмахом крыла нечидлор сбивал илманира с ног, а затем прыгал на оглушенного и рвал его кривыми когтями. Абуталы защищались копьями с плоскими накоенчиками, усеянными зубами акул, и ножами, изготовленными из бамбукообразного растения.

Вольф принялся методично расстреливать нечидлоров, находящихся на главной палубе. Властелины сражались плечом к плечу, рубя нападающих мечами. Тщательно целясь, Роберт уничтожил окружающих их нечидлоров. Какая-то тень опустилась на него, он упал и выстрелил вверх. На палубу упало два нечидлора, крыло одного покрыло его, как знамя. Морщась от рыбного запаха, Вольф выбрался как раз вовремя, чтобы убить еще двоих, прижавших Лугарна к стене. Жена вождя стояла рядом, когда копьё крылатого воина попало ей в грудь. Ее лицо и тело были истерзаны, и нечидлор, одурманенный запахом горячей крови, уже принялся вспарывать ей живот, потянув за собой внутренности.

В следующую минуту Вольф подвергся смертельной опасности. По меньшей мере двадцать нечидлоров напали на него со всех сторон. Он кружился, как волчок, рассекая огненным лучом нападающих. Потом забрался на гору трупов. Бой кипел вовсю, Роберт стрелял во всех направлениях и обычно попадал в цель, хотя в пылу сражения два абутала попали под его луч. Этого было не избежать, и он радовался, что не убил больше.

Илманиры, несмотря на отчаянное сопротивление, потеряли половину своих людей. Даже помощь Вольфа не спасала положения. Нечидлоры теснили защитников острова. Огромные потери, казалось, несколько не поколебали их решимости разгромить врага, даже если для этого придется пасть всем до одного.

Вольф снова очистил от атакующих пространство вокруг Властелинов. Залитые вражеской кровью, они твердо стояли, размахивая мечами. Роберт крикнул, чтобы они собрались вокруг него, Властелины сдержат крылатых воинов, а он тем временем будет стрелять поверху них. Стоя на куче трупов нечидлоров, упираясь ногами в скользкие тела, он хладнокровно продолжал обстрел. Внезапно он понял, что у него осталось только два зарядных боеприпаса, необходимых для штурма крепости Уризена, но, видно,

ничего не поделаешь. Если не пользоваться лучеметом, их ждет неминуемая гибель.

В тот же миг раздался крик Валы. Он взглянул вверх, куда она указала. По небу стремительно двигался темный предмет — черная комета. Она появилась в то время, когда все были охвачены боем. Стоявшие неподалеку абуталы тоже взглянули вверх и, издав вопль, отчаянно побросали оружие. Не обращая внимания на крылатых воинов, островитяне сломя голову кинулись к ближайшему люку. Но и нечидлоры взглянули на небо, чтобы узнать причину паники, — их тоже охватил ужас. Они поднялись в воздух, чтобы спрятаться в гнездах или спастись под островом.

Вольф не бросил лучемет, но подобно другим ринулся к ближайшему укрытию. Лугарн рассказывал ему о черных кометах, время от времени появляющихся над планетой, так что Вольф представлял себе последствия.

Вольф мчался к люку, когда раздался свистящий звук. Над главной палубой повис дым, в стенах появились дыры. Нечидлор, нависший на высоте десяти футов над островом, неистово замахал пятидесятифутовыми крыльями, пронзительно заревел и рухнул на палубу, кожа его была продырявлена в нескольких местах, крылья дымились. Повсюду на палубу падали крылатые люди и вместе с ними падали абуталы. Трупы подергивались от ударов раскаленных капель.

Ударом ртути, или как его здесь называли, живого се-ребра, у Вольфа выбило из рук лучемет. Наклонившись, он подобрал его и возобновил бег. На минуту перед люком образовалась пробка: Властелины расталкивали друг друга, ругались и зывали к Лосу. Некоторые даже молили Уризена и поминали умершую мать.

На какое-то мгновение у Вольфа мелькнула дикая мысль расчистить себе путь лучеметом. Именно так поступил бы любой из них, за исключением разве что Луваха. Оставаться снаружи означало быть убитым. Каждая секунда была дорога.

Однако каким-то образом толпившиеся пробились в люк, и уже другие пробивали себе путь к спасению.

Что-то раскаленное прожгло Вольфу брюки, свистнуло над ухом, задело затылок. Вольф сиганул вниз головой и, пролетев вдоль невысокой лестницы, приземлился на обе руки, выпустив при падении лучемет. Паламброн, стоявший у люка в следующий пролет, вскрикнул и нырнул в

отверстие. Роберт заглянул в колодец и увидел, что все Властелины падали в кучу, крича и ругаясь. Паламброн восседал сверху. Однако никто вроде бы не пострадал.

В другое бы время Вольф рассмеялся. Теперь же он был слишком занят соскабливанием горячей ртути с волос. Затем осмотрел ноги и, удостоверившись, что раскаленные капли лишь задели его, спустился по лестнице. Следовало укрыться как можно ниже. Если ртутный ливень продолжится, верхние палубы будут разрушены. А если огненные капли поразят большие пузыри, то останется лишь сказать всему прости-пощай.

Глава VII

Вала со смехом приветствовала его в полумраке шарообразного отсека. Смеялась она не в истерике — она испытывала подлинное наслаждение поворотом событий. Вольф не сомневался, что, будь у схода светлее, он, несомненно, разглядел бы в ее глазах счастливый блеск.

— Рад, что ты находишь это смешным, — произнес он. Его качало от усталости, кровь нечидлоров покрывала его с головы до ног, одежда липла от пота. — Ты, Вала, всегда была со странностями. А став женщиной, испытывала куда больше удовольствия от вида крови, страданий, чем от любви.

— Не забывай, я — Властительница, — сказала она. — Дочь своего отца. И, как можно было бы добавить — сестра своего брата. Ты был точно таким же, Джадавин, пока не превратился в сентиментального человекоподобного Вольфа-выродка и полуземлянина. — Приблизившись и понизив голос, Вала добавила: — Я уже давненько никому не отдавалась, Джадавин. И ты не касался женщины с тех пор, как прошел через врата. А ведь я знаю твою мужскую силу, ты страдаешь, если не переспешь с женщиной хоть раз в день... Отбрось свою непонятную ненависть ко мне! Пойдем. На острове найдется сотня темных и теплых укромных местечек, где нам никто не мешает, я прошу тебя.

Вала говорила правду; как мужчина, он был действительно силен. И теперь Вольф чувствовал, как им овладевает желание, которое он день за днем подавлял делами. А по ночам, ложась в постель, он занимал свои мысли

планами борьбы с отцом, стараясь обдумать тысячи случайностей и найти способы уберечься от них.

— Сперва кровавый пир, а на десерт вожделение и страсть,— произнес он.— Не я возбудил тебя, а удары клинков и вид крови.

— И то, и другое,— сказала Вала и протянула ему руку,— пойдем со мной!

Вольф покачал головой:

— Нет! И давай больше не будем об этом говорить. Между нами все кончено раз и навсегда.

Она процедила сквозь зубы:

— Тогда скоро будет кончено и с тобой, еще никто не смел...

Она резко повернулась и ушла. Потом некоторое время спустя Вольф увидел ее, разговаривающую с принцем Паламброном, затем оба удалились в полумрак переходов.

В первое мгновение он собирался вернуть их. Ведь они, в сущности, дезертировали со своих постов. Опасность нападения нечидлоров, похоже, миновала, но если ртутный ливень усилится, то капли ртути могут серьезно повредить или даже разрушить остров.

Вольф пожал плечами и отвернулся. В конце концов, его никто не выбирал командиром. Властелины согласились сотрудничать лишь формально, а о мерах наказания вообще не было сказано ни слова. Кроме того, любую попытку с его стороны остановить парочку, все расценили бы как проявление ревности. И нельзя сказать, что подобное объяснение не было лишено оснований. Ему действительно стало больно, когда Вала ушла с другим мужчиной; очевидно, что она все еще нравилась ему. Что делать, если эхо чувств, которые он питал к ней более пятисот лет назад, все еще сохранялось в его сердце, и даже предательство не стерло воспоминаний?

Вольф осведомился у Лугарна:

— Как долго длится такой ливень?

— Около получаса,— ответил вождь.— Капли проносятся вместе с черной кометой. Мы называем их смехом Уризена. Только Уризен, жестокий и кровожадный, мог создать такую напасть. Он наслаждается страданиями своего народа.

Лугарн относился к Уризену иначе, чем Властелины. За многие тысячелетия, которые потомки Властелинов провели на этом острове из-за попавших в ловушку предков,

имя Уризена стало олицетворять злобное божество в пантеоне абуталов.

Послышался грохот, и Вольф на мгновение испугался, решив, что лопнул газовый пузырь на заднем конце острова. Однако скоро выяснилось, что это взорвалось гнездо нечидлоров. Оно попало под концентрированный поток капель — несущие пузыри стали один за другим выходить из строя. Наконец цепная реакция охватила весь сфероид, и он разлетелся на куски.

Вольф подошел к Теотормону, сидящему в углу на корточках, и попытался заговорить с ним. Брат бросил на него взгляд, полный ненависти и страданий, несколько минут оба молчали. Наконец Теотормон беспокойно заерзал и произнес:

— Отец говорил мне, что его крепость находится на планете Аппирмаздум. Вокруг нее вращаются четыре планеты, каждая из которых примерно такого же размера, как эта. И все удалены от Аппирмаздума не более чем на двадцать тысяч миль. Планеты не новые, отец создал их, как серию, примерно пятнадцать тысяч лет назад, но держал закрытыми, их врата действовали лишь тогда, когда через них проходил отец, потому они не поддавались обнаружению.

— Так вот почему я тоже видел три планеты, — сказал Вольф. — Они располагаются квадратом, и одна скрыта Аппирмаздумом.

Его не интересовало, каким образом тела таких больших размеров удерживаются в сравнительной близости и, тем не менее, остаются в стороне от исхоженных путей — наука Властелинов была вне его понимания. Они унаследовали и использовали силы, но принципов их действия уже не понимали.

Недостаток знаний делал Властелинов уязвимыми. У каждого из них имелось множество машин и механизмов, но если что-нибудь ломалось, терялось или было украдено, Властелину ничего не оставалось, как похитить подобную вещь у соседа, если у того имелся аналог. Поэтому оборонительные сооружения, какими бы неприступными они ни казались, всегда имели бреши. Но обнаружить их можно, только непрерывно нападая. Так что, несмотря на беспомощность группы в данный момент, Вольф не терял надежду на победу.

Ожидая, пока прекратится ртутный ливень, он размышлял. Из уголка мозга его всплывала мысль, уже давно

беспокоившая его и не имеющая, казалось бы, никакого отношения к происходящим событиям. Подсознательно он продолжал тревожиться о Хрисеиде, помочь которой в данный момент ничем не мог.

Имена отца, братьев и сестер, кузенов не переставали удивлять Вольфа с тех пор, как он восстановил в памяти свою жизнь Джадавина, Властелина мира Тнерса.

Уризен, Вала, Лувах, Анана, Теотормон, Паламброн, Энион, Аристон, Тармас, Ринтрах — именно под этими именами упоминал Уильям Блейк в своих символических и дидактических произведениях Властелинов и таинственных космогонов. Это не могло быть простым совпадением, Вольф был убежден в этом. Но как прознал про них английский поэт-мистик? Встретил ли он какого-нибудь изгнанного Властелина, скитающегося по Земле, и тот по неизвестной причине поведал о своих собратьях землянину? Может ли быть, что Блейк использовал некоторые эпизоды из жизни Властелинов как основу своих апокалиптических стихов? Хотя, конечно, он сильно исказил слышанные истории.

Когда-нибудь, если он выберется из этой ловушки, надо будет поискать поэта на Земле, а также порасспрашивать тех Властелинов, которые согласятся побеседовать.

Ртутный град прекратился. Выждав для полной уверенности еще полчаса, островитяне вернулись на главную палубу. Глазам их предстало печальное зрелище: настил был сожжен и исковеркан, стены — испещрены пробоинами настолько, что корни и листья превратились в лохмотья. Особенно сильно пострадала гондола: от нее остались одни обломки. Всю палубу усеивали капли ртути.

Теотормон произнес:

— Ртутный ливень нельзя сравнивать с метеоритным. Капли летят всего лишь сотню миль в час, когда входят в атмосферу, и, прежде чем достигнут поверхности, еще больше снижают скорость и распадаются на брызги. И все же...

Он махнул ластом, указывая на причиненный ущерб.

Вольф посмотрел вокруг. Уцелевшие гнезда медленно удалялись. У крылатых людей хватало своих забот, им было не до атаки.

Лишившиеся крова нечидлоры так перегрузили один из сфероидов, что он заметно терял высоту.

Лугарн был мрачен. Огромные потери среди островитян сильно затруднят маневрирование и сделают невозмож-

ным защиту острова в случае следующего нападения. Племя останется беззащитным до тех пор, пока не подрастут дети. Однако не было никакой надежды, что за весь этот долгий срок не произойдет ни одного столкновения.

— Мой народ обречен, — сказал Лугарн.

— Положение серьезное, — согласился Вольф. — Но в конце концов, вам же не обязательно затевать бой с каждой встречной Абутой или островом на поверхности океана. Вы как-то говорили мне, что единственным поводом битвы между племенами абуталов служит сближение их островов. Так избегайте этого, а нечидлоры встречаются редко. Ведь вы, если не ошибаюсь, натолкнулись на такое же большое гнездовье пятнадцать лет назад.

— Что? Уклоняться от сражений?! — воскликнул Лугарн. Он удивления у него отвисла челюсть. — Ну, знаете... такое даже в голове не укладывается. Ведь мы прослышем трусами, а наши имена станут оскорбительными словами в устах врага.

— Вздор, — возразил Роберт. — Как они разглядят вас, если вы не дадите им приблизиться, раз вы не можете отказать от своих предрассудков.

И Вольф вместе с другими принял расчищать остров. Мертвых и раненых нечидлоров выбросили за борт. Павшим в сражении абуталам устроили похоронную церемонию. Погребальный обряд совершил Лугарн, так как колдуну в стычке разбили голову. Тела погибших столкнули за борт, и их приняло море.

Днем и ночью остров медленно двигался по ветру. Долгими часами Вольф глядел на огромную сферу Аппирмазума. До нее было две тысячи миль — так близко и в то же время недостижимо. С таким же успехом она могла находиться и за миллион миль. Неужели нельзя отыскать способ попасть туда? В голове у Роберта мелькнула идея — идея столь сумасшедшая, что он сам посмеялся над собой. И все же, будь под рукой необходимые материалы, план можно было бы превратить в жизнь.

Абута пролетала над полярной областью, поверхность которой не отличалась от других районов планеты. Дважды на горизонте появлялись вражеские острова. Но как только они меняли курс на сближение с абутой, Лугарн печально приказывал спасаться бегством. Клапаны по бокам острова регулировались так, чтобы придать ему боковое ускорение, и расстояние между летающими островами

сохранялось неизменным. Через некоторое время противник прекращал преследование, не рискуя больше использовать газ из пузырей. Лугарн объяснил, что маневры абуталов при столкновении продолжаются иногда до пяти дней.

— Никогда не встречал людей, которые бы так стремились умереть, — откровенно признался Вольф.

Однажды, когда уже всем Властелинам казалось, что они будут вечно лететь над бескрайними просторами океана, раздался крик впереди стоящего. Все сбегались на крик.

— Мать всех островов! — кричал он. — Как раз впереди! Мать Островов!

По сравнению с Матерью Островов ее дети выглядели действительно небольшими. С высоты трех тысяч футов Вольф не мог окинуть плывущую массу от берега до берега одним взглядом. Остров был около двадцати миль в ширину и около тридцати в длину. Все на свете относительно, и Мать Островов была на этой планете почти континентом.

Побережье изрезали заливы и бухты, в низинах виднелись озера морской воды. Некий катаклизм, возможно, столкновение с другими островами, сморщили часть острова, образовав горы. И именно на вершине одной из них Вольф увидел врата.

Шестиугольных сооружений из светящегося материала было два, и каждое по величине равнялось газовой камере цеппелина.

Роберт поспешил объяснить новость Лугарну. Вождь уже знал о вратах и выкрикивал приказы. Он давно пообещал Вольфу выполнить соглашение, когда найдутся врата; Вольф с лучеметом и Властелины смогут покинуть Абуту.

Следовало торопиться и снизить летающий остров так, чтобы он пролетел над Мицой, Матерью Островов, на желаемой высоте, прежде чем отправиться дальше. Поэтому Властелины, не мешкая, спустились на нижнюю палубу, где для них уже приготовили упряжки на пузырях для спуска. Они застегнули пояса вокруг плеч, груди и ног и пошли к отверстию. Лугарн и абуталы, пришедшие проводить гостей, стояли вокруг. Из всех Властелинов они попрощались только с Вольфом и Луваком, расцеловали их и вручили по цветку молодого газового растения. Крикнув «до свидания», Вольф прыгнул в люк и устремился вниз со скоростью падающего парашютиста, за ним последовали остальные Властелины. Вольф наметил поляну между

фрондами, однако не принял в расчет ветер и врезался в верхушку дерева, которая спружинила, оборвав его падение. Остальные также приземлились успешно, хотя некоторые ушиблись. Теотормону, весившему четыреста пятьдесят фунтов, выделили дополнительную упряжь, но, тем не менее, он опустился гораздо быстрее других. Приняв удар на ноги, он упал, перевернулся и тут же с воплем подскочил, стукнувшись обо что-то головой.

Дожидаясь, пока все придут в себя, Вольф помахал рукой илманирам, выглядывавшим из донных отверстий. Летающий остров удалялся все дальше и дальше и вскоре исчез из виду. Властелины начали пробираться через джунгли к горе. Они держались настороже, так как видели с Абуты много местных деревень. Однако на пути к вратам аборигены им не встретились, и вскоре путешественники стояли перед высокими гексагонами.

— Почему два? — осведомился Паламброн.

— Очевидно, загадка нашего отца, — пожала плечами Вала. — Одни врата ведут, очевидно, в его дворец на Аппирмаздуме. Другие — кто знает?

— Как же быть? — спросил Паламброн.

— Тупица! — не сдержалась Вала. — Конечно, придется рисковать.

Вольф слегка улыбнулся; с тех пор как Вала развлекалась с Паламброном, она обращалась с ним с еще большим презрением, чем с другими. Паламброн был сбит этим с толку. Очевидно, он ожидал своего рода благодарности. Вольф сказал:

— Мы все должны пройти в одни врата. Было бы неразумно разъединять наши силы. Правильные врата или нет, но следует держаться вместе.

— Ты прав, брат, — согласился Паламброн. — Кроме того, если мы разделимся и одна группа доберется до Уризена и убьет его, то захватит власть и, конечно, предаст тех, кто пошел во второй группе.

— Призывая держаться вместе, я не это имел в виду, — заметил Вольф. — Но мыслишь ты правильно.

— Макушкой он мыслит, — буркнула Вала, — из Паламброна такой же никудышный мыслитель, как и любовник.

Паламброн побагровел и схватился за рукоятку меча.

— Мне надоело сносить твои оскорбления, мегера! — гневно вскричал он. — Еще одно слово, и твоя голова повалится с плеч.

— Вам еще представится случай воспользоваться оружием, — вмешался Вольф. — Попридержите свой пыл для того, кто находится по ту сторону врат.

Тут в сотне ярдов он заметил какое-то движение. За ними наблюдал туземец. Вольф не прочь был узнать, не пытался ли кто-нибудь из местных жителей пройти через врата. Если попытки предпринимались, то исчезновение людей наверняка пугало аборигенов, и место, возможно, считалось запретным.

Он интересовался реакцией туземцев также и потому, что рассчитывал в будущем на их помощь. Однако он просто не мог позволить себе потерять на расспросы ни одной секунды. Хрисеида томила в крепости Уризена, и каждое мгновение в застенках причиняло ей не только моральные, но и физические страдания.

Вольф вздрогнул и постарался выбросить из головы мрачную картину, вставшую перед его мысленным взором. Следовало сосредоточиться на насущных делах. Он окинул взглядом Властелинов, внимательно наблюдавших за ним. Хотя они и стали бы отрицать это, но в душе считали его вожак. Вольф не был самым старшим, он был моложе одного из кузенов. Но когда наступал кризис, он действовал решительно и дальновидно. У него имелся лучемер. Однако главная причина крылась в другом — в том, что Властелины внутренне ощущали в нем некоторую внутреннюю силу, которой не обладали сами, хотя и в этом они не признались бы, если их спросить. Жизненный опыт землянина развил в нем умение в делах, которые прочими считались слишком низменными, чтобы марать себе руки. Избавленные от тяжелого труда и необходимости заниматься простыми или, на их взгляд, примитивными вещами, они чувствовали себя потерянными. Когда-то Властелины создавали миры, теперь же стали не лучше дикарей, которых так презирали. Только Джадавин, или Вольф, как его стали теперь называть, был тем единственным человеком, кто знал такие варварские миры.

— Те врата или эти... — пробормотал Вольф. — На все воля случая... и ни мига мики мой.

— Что это за тарабарщина? — поинтересовалась Вала.

— Один из земных языков. Сейчас поймете. Поскольку Вала здесь единственная женщина...

— Но более мужчина, чем большинство из присутствующих, — объявила она.

— ... поэтому, почему бы ей не выбрать, в какие ворота войти? Думаю, этот метод ничуть не хуже других.

— Сукина дочь в жизни не поступала правильно, — возмутился Паламброн. — Но, впрочем, пусть выбирает. Мы пойдем не в те врата, которые она укажет, а в другие — тогда уж точно не ошибемся.

— Дело ваше, — пожала плечами Вала. — Но я говорю, надо идти в те врата.

Она указала на гексагон справа.

— Что ж, прекрасно, — сказал Вольф. — Поскольку у меня лучемер, я пойду первым. Не знаю, что ждет меня по ту сторону. Скорее всего, там — смерть, но трудно сказать, какую форму она примет. Однако на прощание мне хотелось бы напомнить вам вот о чем. Было время, когда мы, братья мои, кузены и сестры, любили друг друга. Тогда была еще жива наша мать, и мы были счастливы. Мы боялись отца, мрачного, страшного, далекого Уризена. Но не чувствовали к нему ненависти. Потом мать умерла. Как это случилось — никто не знает. Кое-кто, и я в том числе, уверены, что мать погибла от руки Уризена. Ведь не прошло и трех дней после ее кончины, как отец взял в жены Арагу, Властительницу соседнего мира, и таким образом объединил ее и свои владения.

Но пусть убийца матери неизвестен, зато мы все знаем о том, что последовало за ее смертью. Уризен пожалел, что имеет детей. Он был одним из немногих, кто воспитывал своих отпрысков как Властелинов. Ведь наша раса вымирает. Мы владеем бессмертием, мы обладаем властью, но род постепенно угасает. К тому же мы заплатили за свое могущество тем, что разучились любить.

— Ах, любовь! — усмехнулась Вала. Послышались смешки. Лувах тоже улыбнулся, но сдержанно.

— Вы похожи на стаю гиен, — повысил голос Вольф, — да, гиен, этих пожирателей падали — сильных, отвратительных и злобных животных, чье зловоние и мерзкие повадки везде вызывают к ним негодование и презрение. Но даже они выполняют полезную функцию, чего нельзя сказать о вас. Да, любовь, я не боюсь этого слова, хотя оно ничего не значит для вас. Ведь прошли тысячелетия с тех пор, как вы испытывали нечто подобное. Я уже говорил, мы узнали, что Уризен задумал погубить нас. Или, сохранив жизнь, сослать на одну из захудалых планет, лишенную врат, в одной из своих вселенных, чтобы мы вечно

влачили там свое жалкое существование вместе с аборигенами и никогда не смогли бы нанести ему ответный удар. Мы сбежали. Он последовал за нами и попытался убить. Нам удалось выжить, уничтожив других Властелинов и завладев их мирами. Шли годы, и мы забыли о своем родстве. Мы стали настоящими Властелинами — полными ненависти, вечно плетущими интриги друг против друга, завистливыми собственниками. Убийцами, не щадившими ни себя, ни людей, населяющих наши миры.

— Довольно разглагольствовать, брат, — сказала Вала. — К чему ты клонишь?

Вольф вздохнул: он понапрасну тратил время и силы.

— Я хотел сказать, что Уризен, сам того не зная, вполне мог оказать нам услугу. Возможно, нам как-то удастся воскресить в себе детскую любовь, вновь вспомнить, что мы кровные братья. Жить, как подобает.

Вольф запнулся. Лица, обращенные к нему, напоминали лики каменных идолов. Время разгладит их черты, любовь — никогда. Он повернулся и шагнул в правые ворота.

Глава VIII

Поскользнувшись, Вольф упал на бок и покатился по гладкой стеклянной поверхности вниз с горы, на вершине которой стояли врата. Склон, по которому он мчался вниз, был сухим, хотя казалось, что он смазан маслом. Несмотря на все старания притормозить каблуками или ладонями, он продолжал нестись вниз.

Это было похоже на спуск по льду.

Скорость все возрастала. Изогнувшись, он бросил взгляд по ходу движения. Отлогий склон постепенно выравнивался, падение несколько замедлилось. Но все же он спускался со скоростью, по меньшей мере, триста пятьдесят миль в час, не имея возможности остановиться. Он лишь приподнял руки и голову, предохраняя их от ожога. Одежда перекрутилась и порвалась от трения, но нагрелась не сильно.

В пурпурном небе над краем горизонта показалась яркая луна — почему-то Роберт решил, что это луна. Арка выделялась на фоне неба темно-багровым оттенком. Место не походило на дворец Властелина, он попал на другую планету. Судя по расстоянию до горизонта, эта планета

была приблизительно такого же размера, что и та, которую он только что покинул. И собственно говоря, не было никакой уверенности, что планета — одна из тех, которые они видел с поверхности водного мира.

Уризен сыграл с ними злую шутку. Он устроил врата, переместившие его на другую планету, вращающуюся вокруг Аппирмаздума. Другие врата водного мира привели бы его в мир Уризена. Но могли доставить и сюда же. Теперь узнать об этом было нельзя.

Куда бы ни вел другой выход, было поздно что-либо менять.

Он беспомощно попался в западню отца, удобную западню, если смерть можно назвать удобной.

Вольф проскользил, пожалуй, около двух миль, когда поверхность начала изгибаться кверху. Еще через полмили скорость замедлилась примерно до тридцати миль в час, хотя утверждать это было трудно, поскольку имелись лишь косвенные данные. По правую сторону вдали виднелись причудливые деревья. Не зная высоты и расстояния до них, он не мог точно определить скорость скольжения.

Еще несколько минут спустя склон резко оборвался, и Вольф вылетел за край уступа, не сдержав крика. Он падал в пропасть. Под ним в сорока-пятидесяти футах катила воды река. Противоположный берег был примерно в ста футах, образуя отвесную стену из того же стекловидного материала, по которому он катился от самых врат.

Вольф падал в каньон, дергая ногами и пытаясь сохранить вертикальное положение. До реки оказалось не так далеко, как он думал, и, ударившись ногами, он погрузился в холодную воду. По инерции Роберт ушел на глубину, потом выплыл. Течение быстро потащило его между стенами ущелья к повороту. Перед тем, как течение унесло его за изгиб реки, он успел заметить, что в воду упал еще один из Властелинов, третий взмыл над обрывом. Вскоре стены ущелья расступились, и река расширилась, начались пороги; к счастью камни были ровные и гладкие — очевидно, из того же стекловидного материала, поэтому Роберт отделался несколькими ушибами. После порогов течение замедлилось. Вольф поплыл к берегу, полого поднимавшемуся из воды. Но выбраться не смог, потому что все время соскальзывал по гладкой поверхности обратно.

Не оставалось ничего другого, как плыть вдоль берега и надеяться, что рано или поздно найдется место, где уда-

стся выйти из воды. Одежда, нож, лук и лучемер тянули его вниз. Вольф понимал, что нужно избавиться от груза, но откладывал это до последнего. Все же усталость одолевала, и он бросил лук и колчан со стрелами, еще через некоторое время отстегнул пояс с кобурой и ножнами, а лучемер и нож засунул в брюки. Еще немного погода освободился и от ножа.

Время от времени он оглядывался, различая вверх по течению восемь голов. Пока что все выжили, но если и дальше берега останутся неприступными, то всем будет конец.

Утонут, пожалуй, все, кроме, может быть, Теотормона, который продержится в воде дольше любого из них даже с полуотросшим ластом.

Именно тогда Вольфа осенило. Поплыв против течения, он оказался рядом с Лувахом, Валой и Тармасом. Приблизившись, крикнул им, чтобы они плыли против течения, если хотят спастись.

Наконец появилась огромная маслянистая сине-черная туша Теотормона, за ним последовали Аристон, Энион и Ринтрах. Больше всех похваливавшийся Паламброн вошел во врата последним. Лицо его было бледным, он тяжело дышал.

— Спаси меня, брат! — крикнул он. — Я больше не могу, я умираю.

— Побереги дыхание, — отозвался Вольф. Он обратился к Теотормону: — Ты нам нужен, брат. Именно ты, некогда презираемый нами, можешь нам помочь. Без тебя мы все утонем.

Теотормон ухмыльнулся, плывя против течения с легкостью.

— Чего ради вам помогать? Ведь всем плевать на меня, вас тошнит от одного моего вида, не так ли?

— Ты никогда не был мне безразличен, — возразил Вольф. — Я никогда не говорил, что меня тошнит от твоего вида. Именно я настоял на том, чтобы ты отправился с нами. Потому что предвидел день, когда мы будем нуждаться в твоей помощи. Взгляни на свое тело: ты можешь сделать многое, что нам не под силу. По иронии судьбы Уризен, устроивший нам эту ловушку, видно не учел того, что сам превратил тебя в морское чудовище, способное выжить при таких обстоятельствах. Поступив неразумно, он предоставил в твоём лице средство к спасению.

Учитывая ситуацию, речь была длинновата, и Вольф запыхался. Тем не менее, следовало похвалить Теотормона, ведь тому ничего не стоит бросить их умирать, да еще посмеяться, когда они пойдут ко дну.

Теотормон задумчиво произнес:

— Ты хочешь сказать, что Уризен перехитрил сам себя?

Вольф кивнул.

— И как же я могу спастись?

— В воде ты быстрый и сильный, как тюлень. Ты можешь разогнаться так, что выскочишь на берег и сможешь вытолкнуть на сушу одного за другим нас. Я знаю, ты сумеешь это сделать.

Теотормон хитро усмехнулся.

— Чего ради я стану выталкивать вас в безопасное место?

— Если ты этого не сделаешь, то останешься один в этом страшном мире, — сказал Вольф. — Может, ты и выживешь, но будешь одинок. Сомневаюсь, что здесь найдется еще одна живая душа. Тебе не с кем будет обмолвиться словом. Кроме того, нужно будет разыскать врата, которые ведут из этого мира. Сможешь ли ты найти их один? Когда ты ступишь на землю, тебе понадобятся товарищи.

— К черту вас всех! — крикнул Теотормон и, не добавив ни слова, скрылся под водой.

— Теотормон! — воскликнул Вольф.

Властелины принялись звать беглеца. Но тщетно приподнимались они над водой и оглядывали поверхность реки, с отчаянием поглядывая друг на друга. Тот не появлялся. На их лицах теперь не осталось и следа бывшего высокомерия.

Неожиданно Вала вскрикнула и, всплеснув руками, исчезла под водой. Она скрылась так быстро, словно ее потащили вниз.

Прошло несколько секунд. Наконец на поверхности показалась маслянистая голова Теотормона и мгновение спустя — рыжие волосы Валу. Длинные пальцы брата запутались в ее волосах, голову сестры он поддерживал ногой.

— Скажи, что сожалеешь! Скажи, что я не отвратительная медуза! Скажи, что я красивый! Обещай любить меня, как любила на острове Паламброна!

Вала рванулась, оставив между пальцами Теотормона темно-рыжие пряди, и воскликнула:

— Я убью тебя, жалкий прыщ! Я еще далека от смерти! Но даже если бы я умирала, то уж лучше это, чем лебезить перед тобой!

Глаза Теотормона расширились. Шлепнув по воде ногами, он отплыл от Валу и повернулся к Вольфу.

— Вот видишь! Так чего ради спасать ее или кого-нибудь из вас? Все равно вы будете ненавидеть меня, а я — вас.

Паламброн завопил, яростно разбрызгивая воду:

— Спаси меня, Теотормон! Я больше не могу! У меня нет сил! Я умираю!

— Помни, что я говорил об одиночестве, — произнес Вольф.

Теотормон усмехнулся и нырнул, а вскоре он уже толкал перед собой Паламброна, упершись головой в ягодицы брата, загребая воду ластами. Паламброн выскользнул из воды на стекловидный берег, на расстояние, приблизительно равное двум его ростам. Там он остался лежать, дыша, как загнанная лошадь. С одежды капала вода, из рта стекала струйка слюны.

Одного за другим Теотормон вытолкал всех на берег, где они остались лежать чуть живые. Только Вала отказалась от помощи, и, собрав все силы, продолжала плыть. Вольф только удивился ее мужеству. Приблизившись к берегу, она послала свое тело вперед и, медленно отталкиваясь локтями, поползла по покатому склону. Достигнув, наконец, ровного места, она осторожно приняла сидячее положение. Затем окинула остальных презрительным взглядом.

— И это мои братья? Всемогущие Властелины вселенных? Кучка полузатонувших крыс, вот кто вы! Лизоблюды морского слизня, канючившие, чтобы спасти свои жалкие жизни!

Теотормон мощным толчком вытолкнул себя на берег и прошел мимо спасенных. На Валу он даже не взглянул. Вскоре все восстановили силы, дыхание и выбрались на ровную землю. Вид у них был жалкий, так как почти все сбрасывали в воде одежду и оружие... Только Вольф и Вала оставались одетыми. Но Вольф лишился всего своего оружия, кроме лучемета. Да еще у Валу сохранился меч. Если не обращать внимания на мокрые волосы, то даже не верилось, что девушка побывала в реке; ее платье было сшито из водостойкой ткани.

Лувах дважды попытался идти, но оба раза шлепался на землю. Наконец он добрался до Вольфа ползком. Лицо

его вновь порозовело, и веснушки уже не были так заметны. Он сказал:

— Отец поймал нас, как детей, играющих в прятки. Только из детей мы превратились в младенцев. Мы даже не можем ходить, только ползать. Как ты думаешь, что он еще задумал?

— Не знаю, — пожал плечами Вольф. — Уверен я только в том, что Уризен долго вынашивал свои планы. И теперь мне начинает казаться, что он создал все планеты, которые вращаются вокруг Аппирмаздума только для того, чтобы мучить и испытывать нас.

Лувах безрадостно рассмеялся.

— И какая же награда ждет нас в конце всех мук и испытаний?

— Мы получим шанс пасть от руки отца или убить его.

— Неужели ты действительно веришь, что он поступит честно? Что он не сделает свою крепость абсолютно неприступной? Думаю, он способен на такое.

— Честно? А что такое «честно»? Согласно неписаному закону предполагается, что каждый Властелин оставляет в своей обороне лазейку, дефект, который может использовать искусный противник. Не знаю, многие ли следуют этому правилу. Но Властелинов убивают и лишают собственности — Властелинов, убежденных в своей безопасности, уверенных в том, что их защитные сооружения оградят их от атак более могущественных и умных соперников. Не думаю, что победителям везло из-за слабых мест в системе защиты. Оборона оказывается уязвимой по другой причине. Причина заключается в том, что Властелины наследуют оружие. Больше его взять неоткуда, либо получить в наследство, либо отобрать у другого. Наша раса растеряла древнюю мудрость. Мы стали лишь потребителями и расточителями. Поэтому Властелин вынужден пользоваться тем, что имеет, а если уж с наличным вооружением он в состоянии предусмотреть все непредвиденные обстоятельства, что невозможно, то в обороне волей-неволей оказываются лазейки, и тогда к нему действительно можно пробиться. Следует учитывать еще одно. Властелины сражаются за свою жизнь, и сражаются так, чтобы убить противника. Но большинство живет долго. Видимо, они устали от жизни и хотят умереть. Глубоко, в самом уголке разума, под наслоениями тысячелетнего могущества и недостатка любви они ищут смерти. Это делает их уязвимыми.

Лувах был удивлен.

— Ты в самом деле веришь в эту галиматью, брат? Я, например, ничуть не устал от жизни. Я и сейчас люблю так сильно, как и тогда, когда мне было сто лет. Другие стремятся к смерти ничуть не больше, они сражаются и будут сражаться за свою жизнь.

Вольф пожал плечами.

— Это только теория. Мысль пришла мне в голову, когда я был Робертом Вольфом. Став им, я понял то, чего не понимал раньше и что не доступно никому из вас.

Он подполз к Вале и попросил:

— Одолжи мне на минутку свой меч. Я хочу проделать опыт.

— Как, например, легко ли отделиться голова от шеи? — поинтересовалась она.

— Если бы я хотел убить тебя, то вполне мог бы воспользоваться лучеметом, — ответил Роберт.

Она вытащила короткий клинок и отдала Вольфу. Он легонько стукнул острием по стекловидной поверхности. Видя, что первый удар не оставил никакой отметины, он ударил посильнее.

— Что ты делаешь! — возмутилась Вала. — Прекрати, испортишь лезвие.

Вольф указал на царапину, оставленную вторым ударом.

— Похоже на царапину, сделанную на льду. Это вещество гораздо более твердое и стойкое, но в остальном напоминает замерзшую воду.

Он отдал ей меч и вытащил лучемет, установив его на полную мощность. Когда он направил луч на поверхность, стекловидное вещество покраснело, потом запузырилось и, наконец, потекло. Вольф выключил лучемет и вынул из выемки жидкость. Остальные подползли, заинтересовавшись происходящим.

— Странный ты человек, — заметила Вала. — Ну, кому бы такое пришло в голову?

— Зачем он это делает? — спросил Паламброн. — Глупость какая — вырезать дыры в земле.

К Паламброну вернулось былое высокомерие.

— Нет, это не глупости, — возразила Вала. — Джадавин любознателен, вот и все. А впрочем, ты, наверное, позабыл, что такое любознательность, Паламброн?.. Какой-то у тебя бледный вид... и движения вялые. А ведь еще недавно ты действовал куда оживленнее.

Паламброн вспыхнул, но ничего не сказал. Он наблюдал, как росла горка кристаллов на стенках выемки и вдоль царапины.

— Самовосстановление, — произнес Вольф. — Странно. Я прочитал все, что мог достать о древней науке предков, но нигде не встречал упоминания ни о чем подобном. Уризен, видимо, владеет знаниями, которые другие давно утратили.

— Может быть, эти знания достались ему от Рыжего Орка, — высказалась Вала. — Говорят, что Рыжий Орк знает больше, чем все остальные Властелины вместе взятые. Он последний из старшего поколения. Ходят слухи, что он родился свыше полумиллиона лет назад.

— Говорят, говорят... — скривился Вольф. — А ведь на самом деле никто не видел Рыжего Орка. Сотни тысячелетий. Я лично считаю, что он давно умер, и только легенда о нем продолжает жить. Но довольно об этом. Нам нужно найти следующую группу врат, хотя трудно сказать, куда они нас приведут.

Обнаженный Ринтрах дрожал. Он произнес:

— Не холодно, но что-то тревожит меня так, что пробирает дрожь. Наверное, эта тишина. Вы только послушайте, как тихо.

Все замолкли. Слышались только отдаленный шелест — это ветер шуршал в кустах и мохнатых ветвях — да журчание воды в реке. Больше ничего. Ни пения птиц, ни рева животных, ни человеческих голосов. Только шум ветра и реки, да и он, казалось, звучал приглушенно, словно придавленный пурпурным небосводом.

Глянцево-белое поле вокруг них простиралось во все стороны до горизонта. Поодаль возвышалось несколько холмов, над ними выступала закругленная вершина горы, с которой они скатились. Им было отчетливо видны ее склоны и врата — крошечный темный предмет на самом верху.

Как же нам выбраться? — думал Вольф. Без ключа здесь можно бродить вечно, но и это нам вряд ли удастся, если мы не найдем пищу.

Вслух он сказал:

— Я считаю, что нужно идти вдоль реки. Она течет вниз, следовательно, должна привести нас к какому-нибудь водоему. И то, что Уризен бросил нас в реку, может означать, что она является нашим проводником до следующих врат, одних или... нескольких.

— Звучит логично, — заметил Энион. — Но у твоего отца и моего дяди извращенный ум. Используя реку как указатель, он вполне мог иметь в виду, что нам надо продвигаться вверх по течению.

— Возможно, ты и прав, кузен, — согласился Вольф. — Однако имеется только один способ выяснить истину. Я предлагаю идти вниз по течению — хотя бы потому, что так двигаться будет легче. — Он обратился к Вале. — А что думаешь ты?

Вала пожала плечами.

— Не знаю. Я ведь ошиблась, выбирая врата. Почему ты спрашиваешь меня?

— Ну как же, ты ведь всегда была ближе всех к отцу, и лучше других должна знать его манеру думать.

Она слегка улыбнулась.

— Сомнительный комплимент! Но все же благодарю. Как ни сильна во мне ненависть к Уризену, я не могу не восхищаться им. Ведь он выжил там, где большинство его современников погибло. Ладно, коль уже ты меня спрашиваешь, скажу: я за то, чтобы идти вниз по реке.

— Есть еще мнения? — спросил Вольф. Уже сделав выбор, но он не хотел, чтобы другие жаловались, если путь окажется неверным. Пусть все разделит ответственность за принятое решение.

Паламброн заявил:

— Я говорю «нет», я настаиваю, чтобы...

Глава IX

Неожиданно ветер донес до Властелинов сильный звук, похожий на рев. В нескольких сотнях ярдов вверх по течению реки из-за холма появилось высокое, как слон, животное. Оно стояло между двумя валунами, задрав верблюжьей голову на длинной шее, украшенную оленьими рогами. Его глаза были огромными, а зубы — длинными и острыми, как у плотоядных. Скошенное от плеч туловище, покрытое бурой шерстью, опиралось на тонкие, как у жирафа, ноги, оканчивающиеся растопыренными темно-синими чашами.

Увидев чашеподобные ступни, нетрудно было догадаться об их назначении. Они походили на присоски или вакуумные подушки и позволяли легко передвигаться по гладкой поверхности планеты.

— Стойте спокойно, — распорядился Вольф. — Мы не сможем убежать, если бы даже и могли, но бежать некуда.

Животное фыркнуло и, не спеша, направилось к ним, раскачивая шеей и время от времени оглядываясь. Правая передняя и левая задняя ступни поднимались одновременно, и чашки издавали чмокающие звуки. Животное делало шаг, и присоски закреплялись на новом месте. Затем аналогичным образом передвигались левая передняя и правая задняя ступни. Примерно в пятидесяти футах огромная тварь встала и, задрав голову, издала пронзительный вопль. Затем изогнула шею и, упершись челюстью в землю, стала скрести, скользя из стороны в сторону по глянцевиной поверхности.

Странные движения напоминали поведение земного быка перед нападением. Вольф установил лучемер на половинную мощность и стал ждать. Неожиданно тварь вновь задрала голову и, завизжав, галопом рванулось в атаку. Скакало чудовище значительно медленнее, поскольку присоски мешали развить скорость. Но Властелинам его продвижение показалось даже излишне стремительным.

Вольф выждал некоторое время, дабы убедиться, что тварь не блефует. Когда же расстояние между ними сократилось до двадцати ярдов, он направил лучемер в место сочленения шеи и груди. Бурый мех тотчас же задымился и почернел. Тварь вновь завизжала, но атаку прекратила. Еще через мгновение Вольф понял, что при такой скорости она все-таки успеет до них добраться, и переключил лучемер на полную мощность.

Громадный зверь издал предсмертный вопль. Его тонкие ноги продолжали присасываться ступнями к земле. Они подогнулись, и туловище осело. Шея ослабла, и голова вытянулась вперед, из клыкастой пасти вывалился пурпурный язык, глаза остекленели. Наступившую тишину прервал смех Вала:

— Вот и обед! Да, пожалуй, тут еще и на завтрак останется. И, заметьте, бифштекс уже поджарен.

— Если он только съедобный, — буркнул Вольф, глядя, как Вала с Теотормоном, зажавшим нож пальцами ноги, вышли из укрытия и отрезали по кусочку полузапеченного мяса. Теотормон отказался пробовать его. Тогда вперед выдвинулся Вольф, однако как он не берегся, через пару шагов его ноги скользнули в разные стороны.

Вала с Теотормоном, которые добрались до зверя, ни разу не упав, засмеялись.

Вольф поднялся и продолжил свой путь, сказав им:

— Раз смелых нет, то попробую мясо я. Что толку стоять и спорить, можно ли его есть или нет.

— А я не боюсь...— сказала Вала.— Просто мне противно. Оно так дурно пахнет.

Все же она откусила кусочек и, пожевав, с брезгливым видом проглотила. Вольф решил, что ему теперь рисковать незачем. Вместе с другими он принялся ждать, когда же прошло полчаса и Вала не почувствовала себя плохо, тогда начал есть он. Остальные, кто ползком, кто по-стариковски шаркая, добрались до туши убитого зверя и разделили трапезу. Съедобного мяса было не так уж много, так как большая часть либо обуглилась, либо осталась сырой.

Вольф одолжил у Теотормона нож и вырезал еще один кусок мяса. Затем с неохотой, жалея растрачиваемый заряд, пропек вырезку. Каждый из Властелинов взял по куску, и отряд пошел вниз по реке. Вольф задержался на некоторое время, считая возможным отделить присасывающие ступни и использовать их для передвижения. Но отбросил эту идею, почувствовав толщину и жесткость костей и крепость связей между ногой и присосками. Мечом Валы можно было бы наверняка перерубить кости и сухожилия, но лезвие наверняка затупилось бы так, что стало бы непригодным.

После двухмильного продвижения ползком отряд подошел к зарослям кустов на берегу реки. Крона кустарника простиралась фута на три в стороны от грибовидного ствола. Толстые винтообразные ветви, как и на деревьях, покрывали волоски, вблизи напоминающие иглы. С ветвей свисали кисти темно-красных ягод.

Вольф сорвал одну ягоду и понюхал. По запаху она напоминала орех пекан. Кожа была влажной и гладкой. Пока он колебался, Вала вновь первой отведала незнакомый плод, причмокивая от удовольствия. За полчаса она съела шесть штук, потом к ней присоединились остальные. Паламброн, решившийся последним, пожаловался, что ему мало оставили.

— Кто же виноват, что ты такой трус? — хмыкнула Вала.

Паламброн промолчал и лишь свирепо взглянул на нее. Вала отошла, и за нанесенное оскорбление пострадал Теотормон. Решив, что тот не осмелится проявить негодование, Паламброн ударил Теотормона по лицу. Тот зарычал

от ярости и прыгнул на обидчика, однако в последний момент поскользнулся и упал ему под ноги. Паламброн покатился, как сбитая кегля, еле увернувшись от молотящего плавниками Теотормона. Оба в бешенстве предпринимали тщетные попытки вцепиться друг в друга.

Наконец Вольф, не разделяющий общего смеха, приказал прекратить драку.

— Пора, наконец, бросить эти детские выходки, которые только отнимают время. Предупреждаю, если еще раз повторится что-нибудь подобное, я сам займусь драчунами. И не лучеметом, жаль тратить заряды. Тех, кто начнет ссору, просто бросят одних или отправят назад. Наша сила в сплоченности, поэтому никаких раздоров быть не должно. Иначе Уризен лишь порадуетсЯ, видя, как мы уничтожаем друг друга.

Теотормон и Паламброн обменялись плевками, однако драку прекратили. Молча скользя в бледно-пурпурном свете луны, отряд продвигался вперед. С приходом ночи тишина прекратилась. Полумрак наполнился отдаленным блеянием, похожим на овечьё; мычанием, вроде коровьёго, и мощным, как будто львиным, рыком. Пройдя еще одни заросли кустарника, путники увидели небольших двуногих животных, поедающих ягоды. Их тела покрывал коричневый мех. Большие щелевидные глаза поглядывали с мордочек лемуров, уши торчали, как у зайцев. Верхние конечности кончались лапами, нижние — присасывающимися дисками, сзади виднелись короткие кроличьи хвостики. Увидев пришельцев, они перестали есть и уставились на Властелинов, подергивая носами. Убедившись, что незнакомцы не являют собой опасности, вновь вернулись к ягодам. Однако глаз с путников не спускали и время от времени на них по-собачьи лаяли.

В это время из-за холма вышло четырехногое животное размером с норвежского лося, покрытое желтовато-бурым мехом и лохматое, как овчарка; очертаниями оно напоминало лису. Ноги его заканчивались тонкими костяными копытцами, зверь довольно быстро катил к двуногим. Те пролаяли тревогу и, все как один, сорвались с места. Травоядные удирали со всей скоростью, какую только позволяли развивать присоски, но волк-копыткобежец двигался быстрее. Вожак двуногих, видя, что стаду не спастись, замедлил ход и отставал до тех пор, пока не поравнялся с самым медленным. Затем подтолкнул слабачку, сбив его с

ног, и побежал догонять остальных. Упавший завизжал и попытался встать на присоски, но тут же был снова сбит с ног рычащим волком-конькобежцем. Последовала короткая ожесточенная схватка, закончившаяся, когда челюсти волка сомкнулись на шее двуногого.

— Вот вам и объяснение царапин, которые мы замечали на поверхности, — произнес Вольф. — Некоторые представители местной фауны — конькобежцы.

Некоторое время он молчал. Насколько быстрее они могли бы передвигаться на коньках. Эта проблема угнетала его.

Отряд миновал еще одно животное — длиннее, с туловищем гиены и оленьими рогами. Оно вгрызалось в скалу, вырывало кусок массы и мерно жевало его. Животное не сводило с них глаз, рыча от наслаждения, упиваясь вкусом скалы, и его желудок урчал, как испорченный водопровод в старом доме.

Путники отправились дальше и вскоре подошли на расстояние трехсот ярдов к стаду местного подобия антилоп, пасущихся на скалах. Молодые детеныши резвились, бегая друг за другом, и прижимались к матерям. Самцы предостерегающе заревели на незнакомцев, а один даже попытался последовать за отрядом. Белую шкуру антилоп покрывали ромбовидные узоры, на голове красовались закрученные рога, ступни оканчивались копытами.

Вольф, уже подыскавший место для ночлега, повел отряд в изогнутую амфитеатром ложбинку, образованную четырьмя холмами.

— Первым на стражу стану я, — распорядился он. — Затем будет сторожить Лувах, потом — Энион.

Энион запротестовал и осведомился, на каком основании Вольф выбрал именно его.

— Ты, конечно, можешь отказаться выполнить свой долг, — холодно заявил Вольф. — Но если будешь спать, когда придет твой черед, то вполне можешь проснуться в челюстях вот такого красавца.

Он указал на что-то за спиной Эниона, и тот повернулся так быстро, что не удержался на ногах. Остальные тоже посмотрели туда, куда указывала рука Вольфа. С вершины одного из холмов на них глядело огромное гривастое животное. Кошачье туловище венчала голова коротконового крокодила, а ступни оканчивались большими чашами-присосками.

Вольф переключил лучемет на половинную мощность и выстрелил. Грива зверя окуталась дымом, а сам он скрылся за холмом.

— Настала пора сосредоточить официальную власть в одних руках, — произнес Вольф. — До сих пор мы, а точнее вы, уклонялись от этого. Главным образом, потому, что слишком ленивы и слишком заняты своими делишками, чтобы набраться смелости и взять на себя ответственность. Больше откладывать нельзя. Без вождя, чьи приказы будут незамедлительно и безоговорочно выполняться в случае необходимости, мы пропадем.

— Любимый брат, — сказала Вала. — Думаю, что ты уже доказал, что являешься человеком, способным повести за собой. — Я голосую за тебя. К тому же у тебя есть лучемет, а это делает тебя сильнее всех. Конечно, если у кого-то еще нет припрятанного оружия.

— Ты единственная, у кого достаточно одежды, чтобы спрятать оружие, — заметил Вольф. — Что касается лучемета, он будет у стоящего на страже. Я не пытаюсь сказать, что доверяю вам. Просто полагаюсь на здравый смысл. Думаю, у вас хватит ума не использовать лучемет в корыстных целях. Утром, надеюсь, мне вернут его.

Все согласилось, за исключением Паламброна, заявившего, что он считает голосование бессмысленным, поскольку и так очевидно, что большинство за Вольфа.

— Брат, ты, конечно, не собирался выставять свою кандидатуру, — съехидничала Вала. — Не верится, что подобное могло прийти тебе в голову, даже несмотря на весь твой ужасный эгоизм.

Паламброн оставил ее слова без внимания и обратился к Вольфу:

— Почему меня не назначили на стражу? Разве ты мне не доверяешь?

— Завтра вечером ты первым будешь охранять нас, — ответил Вольф. — Давайте все спать.

Властелины улеглись на твердой постели из белых скал, и Вольф остался на страже. Издалека доносились звуки ночной жизни: резкий вой, писк, жалобное рычание, свист. Однажды послышался звон и хлопанье крыльев над головой. Время от времени он вставал и прохаживался, внимательно оглядывая холмы. По истечении получаса Вольф разбудил Эниона и передал ему лучемет. У него не было часов, но, как и все Властелины, он определял время без

них. Еще ребенком он подвергся своего рода гипнозу, позволившему ему чувствовать время с точностью хронометра.

Улегшись, Вольф некоторое время ворочался без сна. Он беспокоился о первой вахте следующей ночи, когда он доверит свой лучемет Паламброну. Из всех Властелинов внушал самое большое подозрение. Ведь Паламброн ненавидит Валу. Устоит ли он перед искушением убить ее во сне? Вольф решил непременно переговорить с ним утром. Брат должен понять, что смерть одного из них повлечет за собой смерть всех остальных. Конечно, он сможет перебить их всех, но тогда останется одинок. Властелины терпеть не могли друг друга, но, как ни странно, еще больше страшились одиночества. Если бы не чрезвычайные обстоятельства, они бы ни секунды не остались вместе, однако в данной ситуации их объединял страх перед отцом, да и каждый чувствовал себя спокойнее, имея товарищей по несчастью.

Вольф уже засыпал, когда ему в голову пришла идея. Он даже выругался: почему это не пришло ему в голову раньше? Ведь не было никакой необходимости ползти на карачках по этой гладкой поверхности — они могли бы передвигаться гораздо быстрее на лодках. Да и находились бы в большей безопасности... Утром следует поразмыслить, что тут можно сделать.

На рассвете Вольфа разбудили крики и рев. Вскочив, он увидел, что Тармас стреляет в гривастое животное, похожее на того льва-аллигатора, которого он отпугнул, опалив шерсть. Зверь быстро спускался с холма, шлепая присосками. Позади него лежали три мертвые самки. Выживший хищник успел подойти на расстояние десяти футов, затем упал с перерезанной пополам мордой.

Тармас продолжал палить, уставившись на тушу. Вольф заорал, чтобы тот выключил лучемет — луч врезался в холм. Тармас очнулся от шока и выключил оружие, но к этому времени большая часть заряда была израсходована. Вольф, изрыгая проклятия, отобрал лучемет. Теперь у него оставалась последняя энергообойма.

Властелины принялись за работу. Ножам Теотормона и Валу они по очереди срезали с мертвого животного жесткую кожу. Дело шло медленно, поскольку работники из них были никудышные. То и дело они скользили на стекловидной поверхности и не могли удержаться, чтобы не

поспорить с Вольфом, раздраженно заявляя о бесполезности занятия. Ну и где достать остов для лодок, о которых он говорит, да и не хватит этой шкуры на обтяжку.

Вольф велел им замолчать и продолжать работу. Он знает что делает. С Лувахом, Валой и Теотормоном он направился к ближайшему кустарнику. Здесь опять пришлось воспользоваться лучеметом, чтобы прикончить поедавшее ягоды животное. Подобие китайского дракона зашипело, стоило им приблизиться. Кожа его была вся в складках и толстая, как броня, так что пробить ее можно было только лучом полной мощности. Вольф нацелился и выстрелил по глазам. Но заряд ударил в костяной щиток перед мордой зверя и не причинил ему существенного вреда. Дракон лишь замотал головой. В конце концов Вольфу удалось пробить броню с тыльной стороны черепа. Хищник задержался в смертельной агонии и рухнул на землю, задрав к небу зубчатые пластинки и крошечные присасывающие диски, с помощью которых он передвигался.

— Если так будет продолжаться, то скоро у нас не останется ни одного заряда, — вздохнул Вольф. — Хотя бы этот миг не настал.

Осмотрев кору кустарника, Вольф убедился, что она достаточно крепка. Однако предстояло обрубить кусты, срезать соответствующим образом кору, сплести остов — работа требовала массу усилий и времени, тем более что меч был один и наверняка бы затупился. Именно тогда, взглянув на катедракона (как он назвал его), Вольф увидел готовое судно. Ну, не совсем готовое, но для завершения его надо было положить гораздо меньше усилий, чем на постройку лодки по первоначальному плану.

Твердо сжимая в руках меч, Вольф отделил двигательные пластинки катедракона от костяной брони. Затем, орудуя мечом и ножом, из туши удалили внутренности. К этому времени к убитому дракону подошли другие Властелины, и все работали по очереди. Кровь забрызгала их с головы до ног, залила площадку и сделала поверхность еще более скользкой. Чуть поодаль появилось несколько львов-аллигаторов, привлеченных запахом крови. Обезумев от кровавого аромата, они напали на кораблестроителей — Вольфу вновь пришлось прибегнуть к лучемету.

В результате всех трудов Властелины получили в свое распоряжение довольно большое каноэ длиной в шестьдесят футов. Рот и ноздри оказались единственными отвер-

ствиями, доставившими много беспокойства. Этот дефект устранили, выгнув полую переднюю часть лодки кверху и привязав к ней плащом Валы несколько валунов. Вес каменной обеспечивал достаточную нагрузку, чтобы нос не мог опуститься и удерживался над поверхностью воды, по крайней мере, они надеялись, что так будет. И вновь Вольфу пришлось потратить энергию лучемета, чтобы выжечь куски хрящей из кровавого мяса, прилипших к внутренним стенкам костяной брони. Затем, ползая на коленях, Властелины потянули свое сооружение к реке. Добравшись до берега, они принялись забираться в лодку-дракон, переваливаясь через борта. Они делали это парами, чтобы судно не перевернулось. Когда все, кроме Вольфа и Валы, были внутри, эти двое спустили лодку на воду. К счастью, склон был пологим. Как только каноэ заскользило по воде, Вольф с Валой ухватились за борта, и их втянули внутрь.

Луна, приносящая ночь, скрылась за горизонтом, и лодка поплыла по течению; два Властелина остались дежурить на веслах, в то время как другие попытались заснуть. Вскоре небо озарилось ярким пурпуром. Путешественники миновали каньон и вновь выплыли на широкое пространство между холмистыми берегами. День прошел без происшествий. Властелины с трудом терпели вонь мяса и крови, от которых невозможно было избавиться. Ворчали, что прошлой ночью почти не сомкнули глаз, подшучивали над тем, что им нечего есть, болтали о том, что их ждет, когда отыщут врата, ведущие к отцу.

Так минули день и ночь. Утром на вторые сутки каноэ проплыло поворот, и путники увидели посреди реки белый купол скалы, вершину которого венчала пара золотистых шестигранных врат.

Глава X

Сидя на берегу реки, куда вытащили лодку-дракона, Вольф обдумывал, как добраться до врат. Пытаться вскарабкаться по отвесной гладкой стене — бесполезно. Единственный способ — это, пожалуй, забросить наверх веревку и зацепить ее за что-нибудь. Гексагоны слишком широки, чтобы накинуть на них петлю. Остается абордажный крюк — и то, если допустить, что по ту сторону врат, то есть на другой планете, есть за что зацепиться.

Если нарезать шкуры животных полосами и связать их, то будет веревка, хотя сначала надо будет продубить кожу, чтобы она стала гибкой. Металл для крюка тоже представлял проблему.

Возможно, где-нибудь в этом мире и есть металл, но добраться до него было практически невозможно. Поэтому оставалось только одно, и Вольф не очень рассчитывал на то, что к его плану отнесутся благосклонно.

Так и вышло. Ни Вала, ни Теотормон не желали расставаться со своим оружием.

Вольф тщетно проспорил с ними, убеждая несколько часов, что если они сейчас не отдадут нож и меч, то их со временем ожидает медленная смерть.

Наконец, после решительного отказа Теотормона, Вольф заявил:

— Ну, хорошо, оставайтесь при своем упрямстве. Но если мы отыщем другой способ добраться до врат, вас с собой не возьмем. Клянусь в этом! Вы навеки останетесь здесь, в этом тусклом мире ледяных камней, и будете влачить жалкое существование до тех пор, пока вас не сожрет здесь какой-нибудь зверь или пока не умрете от старости.

Оглядев сидящих Властелинов, Вала улыбнулась и сказала:

— Ладно. Можешь взять мой меч.

— Моего ножа ты все равно не получишь! — воскликнул Теотормон.

Властелины, не вставая, заскользили к нему. Теотормон встал и хотел бежать — огромные ступни давали ему возможность передвигаться по стекловидной поверхности лучше, чем другим, — но Вольф потянулся и схватил его за лодыжку. Теотормон упал, и все кучей навалились на него. Он сопротивлялся изо всех сил но, в конце концов, расплакался и сдался. Потом, скуля и ругаясь, отошел в сторону и в одиночестве уселся на берегу реки.

Похожим на мел камнем Вольф расчертил меч Валы, поставил лучемер на полную мощность и быстро вырезал треугольник. Потом уложил еще три и положил поверх еще несколько круглых пластинок, вырезанных из лезвия. С помощью лучемета он сварил три кругляшки и три зубца в единое целое. Затем охладил их в воде, вновь разогрел и придавал им слегка изогнутую форму. Наконец согнул еще одну полоску меча в петлю и приварил к

концу одного зубца так, чтобы можно было привязать веревку.

Нож не понадобился, и Вольф вернул его Теотормону. Рукоять с остатками лезвия отдал Вале — он еще мог послужить в качестве короткого меча. Все лучше, чем вообще никакого оружия, заметил он.

Изготовление веревки заняло несколько дней. Убить животных, а потом нарезать их шкуры полосами не составило труда, но вот с дублением было хуже. Несмотря на все поиски, отыскать дубильные вещества не удалось. Наконец Вольф решил смазать самодельную веревку жиром убитых животных и добился успеха.

И вот на рассвете, когда зашла пурпурная луна, лодку дракона подвели к скале с вратами. Властелины гребли против течения, удерживая каноэ на месте, а Вольф стоял на носу. Размахнувшись, он метнул крюк под арку.

Трехзубый крюк пролетел врата и исчез. Роберт потянул за веревку, и лодка причалила к основанию скалы. Вольф решил было, что крюк зацепился, но тот вдруг выскочил из врат в воду. Равновесие лодки нарушилось, и они попадали в воду. Им удалось ухватиться за перевернутую лодку. Вольф удержал веревку и крюк.

Полчаса спустя они повторили маневр.

— Попытка — не пытка, — утешил товарищей Вольф, — эта старая земная поговорка.

— Одолжи мне свои поговорки, — буркнул Ринтрах. — Я промок, как старая крыса, и чувствую себя просто жалким. Думаешь, есть смысл еще попытаться?

— Разве у нас есть выбор? Но — к делу! Вспомню-ка я старые университетские денечки.

Властелины непонимающе посмотрели на него, а затем неохотно вновь повели лодку. Теперь Вольф исполнил более сложный бросок. Он направил крюк на верхушку гексагона высотой двенадцать футов, что вместе со скалой составляло сорок два фута над уровнем воды. Бросок удался, и зубцы зацепились на другой стороне сооружения.

— Попа! — крикнул он, ухмыляясь, и потянул веревку за свободный конец. В этот момент лодка скользнула вдоль правой стороны скалы. Вольф приказал грести против течения, что Властелины и попытались сделать, но безуспешно. Лодка начала поворачиваться, увлекаемая течением вокруг скалы. Вольф, стоя на носу, знал, что если снесет лодку еще немного, то и зубцы соскользнут.

Ухватившись за веревку покрепче, Вольф повис на ней, и лодка ушла из-под него. Он попробовал упереться о скалу ногами, но подошвы соскальзывали с гладкой поверхности. Пришлось подтягиваться вверх, перебирая руками покрытые салом полоски кожи, а это было нелегко, так как скала изгибалась довольно отлого и веревка плотно прилегала к ней, а наиболее сильное натяжение приходилось на то место, где он держался. Ему приходилось силой проталкивать руки между веревкой и скалой.

Хоть и медленно, но все же Вольф поднимался. Он уже прошел полпути, когда раздался треск, чуть слышимый в шуме водоворота. У основания скалы натяжение веревки ослабло, и, вскрикнув от неожиданности, Вольф плюхнулся в воду.

Когда Вала с Энионом вытащили его из воды, он обнаружил, что на крюке отломилось два зубца. Теперь они валялись где-то на дне реки.

— И что же теперь делать! — застонал Паламброн. — Ты изломал все оружие, израсходовал почти всю энергию лучемета, а мы так и не приблизились к воротам ни на шаг. Наоборот, мы еще дальше от них. Посмотри на меня, с меня течет, как со старой крысы, вытащенной из омута, а я так устал! О, Лос! Как я устал!

— Что делать? Зондировать почву¹, — сказал Вольф. — Еще одно выражение землян...

Он замолчал. Вдруг глаза его расширились, и он пробормотал:

— Интересно...

— Ну, нет! — всплеснул руками Паламброн. — Довольно с меня твоих экзотических идей.

— Экзотические или нет, но это идеи, — отрезал Вольф. — И пока что я единственный, кто предлагает что-то... а не только скулит, поет и злословит.

Некоторое время он лежал на спине, устремив взгляд в пурпурное небо и жуя кусочек мяса, который дал ему Лувах. Насколько фантастична мысль о воздушном змее? Даже если его удастся изготовить, выйдет ли что-нибудь из этого? Нет, вряд ли. Каким большим не делай змея, он не перелетит с тяжелым крюком через шестигранник-гексагон. «Погоди-ка, — сказал он себе, — что если перелетит?» Вольф застонал. Нет, ничего не получится!..

¹ Игра слов: «зондировать почву» — «запускать змея».

Неожиданно он сел и воскликнул:

— И все-таки можно! Только потребуется не один, а два!

— Чего — два? — осведомился Лувах, очнувшись от дремоты.

— Ну, змея, конечно.

— Кто говорил о змеях? — удивился Лувах.

— Два человека и две лодки — тогда можно будет забросить! — Вольф в возбуждении почти кричал. — Да еще как сработает! Хо-хо! А я уже начал думать, что иссяк. Ладно, все равно ясно, что от вас благодарности не дождешься. Ведь все эти тысячелетия ваши мозги работали только в одном направлении: как бы только убить друг друга. Ни на что другое не годились.

— Ты устал, — тихо сказала Вала, — ляг и отдохни.

Она улыбнулась ему. Чему это она радуется? — удивился Вольф. Ведь сама промокла до нитки. Тело наверняка ломит от усталости, да и случившимся расстроена, небось, не меньше других. Неужели она все еще любила его, скрывая чувство под маской ненависти? Скорее, просто гордится тем, что он не опускает руки в унынии, как остальные, а продолжает бороться и искать выход. Или она делает только вид, что питает к нему симпатию? А если так, то что же таится под напускным самолюбием?

Ответа не было. Но Вольф знал, что никоим образом нельзя доверять ни любезным речам, ни кажущемуся благородству Властелинов, и не без оснований.

К тому времени, как остов второй лодки закончили плести, Вольф наметил первоначальный план. Будет лучше, если к скале с вратами подойдут не две, а три небольшие лодки.

Используя стволы, ветви деревьев и полосы шкур для крепления, Вольф изготовил подобие высоких козлов. Четыре стойки сооружения укрепили на трех плетеных лодчонках и на большой лодке-драконе. Тщательно растолковав Властелинам, что им нужно делать, Вольф приступил к осуществлению плана. Лодки с гигантскими козлами со всеми предосторожностями спустили на воду. Образуя прямоугольник, они медленно двинулись от берега. Пока Властелины подталкивали лодки, Вольф взобрался по одной из стоек на верхние мостки. Сооружение слегка покачнулось, но устояло.

Пловцы первыми забрались в лодку, стараясь равномерно распределить вес, и первыми принялись грести к

скале с вратами. Поначалу было нелегко согласовывать движения легких лодчонок, больше похожих на корзины. Однако после неудачных попыток путешественники все же направили неуклюжие суденышки к скале. Вольф раскачивался на перемычке, поглядывая на белый купол с двумя золотистыми гексагонами. Перед самой скалой он приказал Властелинам грести против течения, чтобы смягчить толчок при столкновении — козлы держались на честном слове и вполне могли рассыпаться от удара.

Предыдущий раз Властелины выбрали правые врата, поэтому теперь Вольф решил выбрать левые. Однако лодки несло ветром, и помост сместился к правому гексагону. Проверив, хорошо ли прикреплен к поясу лучемет и поправив веревку, Вольф присел на корточки и, когда постройка с громким треском врезалась в скалу, прыгнул вперед и влетел во врата.

Глава XI

У Вольфа не было ни малейшего представления о том, что ждет его по ту сторону врат. Он мог попасть на другую планету, а мог и оказаться в крепости Уризена. Однако вряд ли Уризен достаточно позабавился с ними, поэтому наиболее вероятным казалось то, что врата вели на третью из планет, вращающихся вокруг Аппирмаздума. Другое дело, что он мог свалиться в яму с дикими зверями или в пропасть.

Каменный склон холма оказался приятной неожиданностью. Вольф довольно удачно приземлился на вытянутые руки, чуть не врезавшись в гладкий валун. Оглядевшись, он понял, почему зубья крюка выскользнули из врат при первой попытке. Основание гексагона на этой стороне изобиловало гладкими, но не скользкими камнями, так что зацепиться было не за что.

Вольф усмехнулся, поняв, что отец предвидел вариант с крючьями и весьма эффективно пресек всякую возможность их использования. Но сын обошелся и без них.

Мерцающая пустота арки гексагона отличалась от врат, через которые они прошли в водный мир, этот выход не был однонаправленным. По той или иной причине Уризена не беспокоило, вернутся ли они назад на планету пурпурного неба. Скорее всего, он понимал, что вряд ли у них возникнет такое желание.

Вольф немного спустился по склону холма и привязал конец веревки к дереву, потом вернулся к воротам и швырнул свободный конец сквозь ворота. Тот исчез. Вскоре веревка задергалась и под воротами показалась Вала. Вольф помог ей пройти, и они оба принялись встречать Властелинов, взбирающихся по веревке.

Когда Ринтрах, последний из отряда, оказался в безопасности, Вольф просунул голову во ворота, чтобы бросить прощальный взгляд на покинутый мир. Глядел он одно мгновение, поскольку благоразумно опасался, зная, что его голова находится на расстоянии двадцати тысяч миль от туловища. А выключить ворота — такая шутка вполне в духе Уризена.

Помост, соединявший верх козлов, все еще находился в трех футах от ворот. Конечно, через некоторое время течение раскачает лодку, и шаткое сооружение рухнет в воду.

Вольф убрал голову из-под арки с таким чувством, будто вытащил ее из-под гильотины.

Властелинам следовало бы ликовать, но уж слишком измотали их тяжелые труды, да и будущее своей неизвестностью вселяло тревогу. Теперь уже не было сомнений, что они находятся на другом спутнике Аппирмаздума. Темно-желтое небо нависло над равниной, покрытой густой высокой травой и зарослями кустарника. Растительность походила на земную, хорошо знакомую Вольфу. Ветки кустов усыпали ягоды самых различных форм и размеров.

Плоды, однако, имели одно общее свойство — неприятный запах. Неподалеку от ворот виднелся берег моря. Широкая полоса желтого песка тянулась до самого горизонта. В противоположной стороне вздымались скалистые холмы. Один из них напоминал очертания человеческого лица. Чем больше Вольф смотрел на него, тем более уверялся, что физиономия ему знакома.

— Похоже, отец подает нам знак, — заметил он спутникам. — Глядите-ка, какой указатель он поставил на дороге к следующим воротам. Сомневаюсь, правда, что с нашей стороны было бы разумно следовать по предложенному пути.

И Властелины направились по равнине к отдаленному горному кряжу. Вскоре они подошли к широкой реке и двинулись вверх по течению. Вода в реке оказалась приятной на вкус и чистой. Путешественники поели мяса и ягод, которые принесли с собой из светло-пурпурного мира. Вско-

ре из-за горизонта выплыла луна, принесшая ночь. Розовато-лиловое ночное светило, как и на других планетах, едва озаряло тусклым светом сгустившиеся сумерки.

Отдохнув ночью, Властелины вновь отправились в путь и шли весь следующий день. Отряд продвигался молча: все устали, посбивали ноги и нервничали, потому что у них не осталось оружия. Их молчание сливалось с нависшей над местностью тишиной. Не кричал ни один зверь, не слышалось пения птиц, не видно было даже признаков животной жизни. Несколько раз путникам мерещились лесные существа, но, приблизившись, они никого не находили.

Так прошло три дня. По мере продвижения черты лица на скале становились отчетливее. На второй день, к вечеру они узнали лицо Уризена. Казалось, он глядел на них сверху вниз и усмехался. Властелины стали еще молчаливее и нервнее, будучи не в силах избежать пристального взгляда каменных глаз.

На четвертый день они подошли к подножию горы и остановились под крутым подбородком Уризена. Чуть поодаль в твердой скале телесного цвета виднелись отверстия — узкий каньон, протянувшийся до вершины горы, высотой, по меньшей мере, в десять тысяч футов.

— Похоже, что, кроме этого ущелья, пути наверх нет, — произнес Вольф. — Конечно, можно обследовать гору со всех сторон, но, по-моему, мы попросту потратим время.

— Зачем нам делать то, к чему нас подталкивает отец? — спросил Паламброн.

— У нас нет выбора, — ответил Вольф.

— Считаешь, что мы должны плясать под его дудку? Чтобы попасть напрямик к нему на вертел? — возмутился Паламброн. — Нет уж, хватит с меня походов! И так нет никаких сил.

— И где же ты расположишься на отдых? — осведомилась Вала. — Здесь? В этом раю? Ты, видно, не только глуп, но и слеп: у нас почти не осталось припасов. Мясо кончается, и мы съели сегодня утром последние ягоды. До сих пор мы не видели в этом мире ничего съестного. Ты можешь попробовать местные плоды, но я лично думаю, что они ядовиты.

— О Лос! Неужели ты хочешь сказать, что Уризен собирается заморить нас голодом? — воскликнул Паламброн.

— Если мы не отыщем пищу, то, конечно, умрем с голоду. А ничего съестного нам найти не удастся, если мы будем стоять здесь.

Вольф повел отряд в каньон. Властелины шли по гладкому голому камню, бывшему некогда дном горного потока. Теперь река обмельчала и бежала на несколько футов ниже берегов. По краям прохода росли кусты.

Путники весь день поднимались по извилистому ущелью. В тот вечер они съели остатки припасов. Когда наступил рассвет, Властелины поднялись с пустыми желудками и мрачной уверенностью, что на этот раз счастье покинуло их. Вольф вел отряд вперед без усталости, подгоняя путников. Он полагал, что чем быстрее они выйдут из каньона, тем легче отыскать что-либо пригодное в пищу. Рыбы в реке не оказалось. Не было заметно даже насекомых.

На второй день вынужденного голодания путники увидели первое живое существо. Они брели в молчании и, обогнув с подветренной стороны поворот, застали зверя врасплох. Двухфутовое травоядное стояло, как кенгуру, на задних лапах и сжимало ветку передними лемуруподобными лапами. Увидев незнакомцев, оно застыло, судорожно оглянулось и бросилось наутек большими скачками, вытянув стрелой длинный хвост.

Вольф кинулся было в погоню, но остановился, увидев, с какой скоростью оно скачет. Отбежав на сотню ярдов, животное вновь замерло и оглянулось. Шоколадного цвета голова вызвала в памяти мордочку чистокровного персидского кота, вот только красивые уши торчали, как у северо-африканского зайца.

Вольф вновь двинулся вперед, но животное испуганно прыгнуло и скрылось из виду. Он решил, что было бы неплохо обзавестись дубинками на тот случай, если прыгун вновь встретится на пути. С этой целью он нарезал из кустарника тяжелых сучьев.

Паламброн поинтересовался, почему Вольф не убил животное лучеметом. Вольф объяснил, что старается экономить энергию.

— И, кроме того, эта тварь так быстро поскакала, что я не был уверен, попаду ли в нее.

Однако Вольф понимал, что в следующий раз придется позабыть про энергию и стрелять в любом случае: Властелины нуждались в пище. Они продолжали путь. Прыгуны попадались еще несколько раз, но, видимо, предупрежденные первым, держались на недостижимом расстоянии. Два часа спустя путники подошли к широкой расщелине в стене ущелья. Вольф спустился по ней и обнаружил, что

проход ведет к углублению. Оно располагалось на тридцать футов ниже каньона и было около трехсот ярдов шириной и четырехста длиной. Дно густо поросло кустарником, среди которого он заметил пасущегося прыгуна.

Вольф вернулся к остальным и тихо распорядился. Лувах с Теотормоном остались в узком проходе, остальные, пройдя в каньон, разошлись широким полукругом и двинулись к животному. Прыгун стоял на поляне, мотал головой и подергивал носом. Вольф велел загонщикам остановиться, а сам отправился к зверю, держа дубину за спиной. Животное выжидало. Когда Вольф оказался в тридцати футах, оно исчезло, а примерно три секунды спустя появилось вновь — теперь уже в сорока футах от него. Только Вольф шагнул к нему, как оно снова исчезло. Спустя еще три секунды на поляне было уже два прыгуна: один — в десяти футах от Валы, другой в пятнадцати слева от Вольфа.

— Что за дьявольщина! — пробормотал Вольф. Непонятное исчезновение удивило его, раздвоение же и вовсе сбilo с толку.

В этот момент прыгун, стоявший неподалеку от Валы, исчез и остался только один. Вольф вскинул дубинку и с криком бросился на него. Однако нанести удар не удалось, прыгун исчез. Чуть позже он снова появился, на этот раз справа. И опять их стало двое.

Властелины стали смыкать кольцо. Животных вдруг стало пять.

С дружным криком все бросились на них, когда к полному замешательству вдруг увидели, что позади скачут еще несколько прыгунов. Часть загонщиков кинулась назад, и тут появилось еще два существа, которых Вольф называл темпосфуджерами. Эти двое мгновенно растроились, когда за ними началась погоня.

Потом снова животное осталось в единственном числе.

Властелины погнались за этим одним и неожиданно увидели перед собой двух. Три секунды спустя они преследовали троих.

Потом опять осталось одно.

Властелины со всех ног бросились за ним, когда прыгун вновь раздвоился, причем появившийся двойник оказался прямо перед носом несущегося во весь дух Паламброна. Тот отчаянно попытался уклониться от столкновения, но споткнулся и растянулся на земле. Существо перепрыгнуло через него и, едва Ринтрах замахнулся дубиной, испарилось.

Мгновение спустя меж ловцами вновь оказалось два прыгуна.

Три. И в следующий миг — не осталось ни одного.

Властелины застыли, уставившись друг на друга. В каньоне слышался шум ветра да их тяжелое дыхание.

И вдруг в середине круга появилось трое животных.

Погоню возобновили.

Появилось одно.

Пять.

Шесть.

В течение шести секунд — три.

Снова шесть.

Вольф приказал прекратить погоню. Он отвел Властелинов назад к узкому проходу, где все уселись, чтобы некоторое время отдохнуть и перевести дух. Придя через некоторое время в себя, они принялись обсуждать повадки прыгунов, однако никто не мог предложить увиденному мало-мальски вразумительное истолкование.

Вольф пристально разглядывал шестерых прыгунов, как ни в чем не бывало пасшихся на полянке.

Охи и удивленные восклицания, наконец, стихли, и Властелины уставились на задумавшегося брата. Вала осведомилась:

— Ну что ты на это скажешь, Джадавин?

— Я все вспоминаю, как исчезло первое животное, — произнес он. — И пытаюсь отыскать взаимосвязь между продолжительностью исчезновений и числом скакунов. — Он покачал головой. — Не знаю. Пусть это невозможно, но как еще можно истолковать происходящее? Ну-ка, скажи мне, кто-либо слышал о Властелине, которому удавалось произвести опыт над перемещением во времени?

Паламброн рассмеялся, а Вала, бросив ему: «Болван!» — обратилась к Вольфу.

— Ходят слухи, что над проблемой путешествия во времени не один год ломал голову некий Блайд Орк. Но говорят также, что в конце концов он отказался от этой затеи. Орк заявил, что проблема времени якобы столь же неразрешима, сколько и гипотезы, пытающиеся ответить на вопрос о происхождении Вселенной.

— А зачем ты спрашиваешь об этом? — поинтересовался Аристон.

— Видите ли, существует крошечная субатомная частица, которую ученые-земляне называют нейтрино, — от-

ветил Вольф. — Та частица не несет заряд и обладает нулевой массой покоя. Вы понимаете, о чем я говорю?

Все покачали головами. Лувах попытался оправдаться:

— Мы действительно получили прекрасное образование. Но, как ты знаешь, Джадавин, прошли тысячелетия с тех пор, как нас перестали интересовать науки. Нас интересует только техника, которую мы имеем под рукой, и лишь в той степени, чтобы удовлетворить наши насущные проблемы и потребности.

— Да, вот уж подобралась компания! — съязвил Вольф. — Самые могущественные существа космоса, можно сказать — боги, а на деле просто неграмотные дикари!

— Какое это имеет значение в создавшейся ситуации? — возмутился Энион. — И почему ты оскорбляешь нас? Сам ведь говорил, что надо покончить с оскорблениями, если мы хотим выжить.

— Извините, — вздохнул Вольф. — Меня иногда просто одолевают сомнения... не обращайтесь внимания. Так вот, нейтрино обладает рядом странных свойств. В частности, предполагается, что оно может перемещаться во времени...

— Не может быть! — удивился Паламброн.

— Я не настаиваю. Но поведение нейтрино можно охарактеризовать этим термином, независимо от того, входит ли частица в обратный хронологический механизм или нет. Я уверен, что данную гипотезу можно приложить и к прыгунам. Возможно, что они способны перемещаться во времени. Возможно также, что подобными качествами их наделил Уризен, но в этом я сомневаюсь, скорее всего, он просто натолкнулся на этих животных в какой-нибудь малоизвестной вселенной и переместил их сюда. Но каково бы ни было их происхождение, я считаю, что прыгуны действительно обладают способностью перемещаться во времени, затрачивая на каждое такое перемещение около трех относительных секунд. — Вольф палкой начертил на земле кружок. — Пусть это будет первое животное, которое мы увидели. — Затем он нарисовал второй кружок и соединил обе линии. — Изобразим таким образом его отсутствие во времени или «исчезновение». Предположим, что прыгун сместился во времени.

— Могу поклясться, что до его появления не прошло и трех секунд, — заметила Вала.

Вольф протянул от второго круга еще одну линию и соединил к ней третий кружок добавочной линией.

— Скакун переместился вперед во времени, вот так это можно изобразить. Потом через уже проделанный во времени туннель он вернулся в положение, которое занимал, когда делал первый прыжок. Мы видели животное в течение шести секунд, но не поняли, что оно прошло взад и вперед во времени и попало в момент, на который наложилось его... м-м-м... изображение из первого прыжка. Таким образом, мы увидели двоих... скажем, темпосфуджеров. То есть, второе было тем же животным, что и первое, но расщепленным во времени. Оно прыгнуло на три секунды вперед и на это время исчезло. Второе же осталось и начало бегать. Затем и оно прыгнуло, и тут появился темпосфуджер номер два. Причем, в этот момент прыгнул назад номер один, и мы увидели обоих.

— Как же их стало пять? — спросил Ринтрах.

— Давай проверь. У него было два прыгуна, вскоре сделал прыжок номер один, он-то и был одним из пяти. Затем он еще раз прыгнул вперед и стал номером третьим из пяти, номер второй прыгнул вперед и стал номером три из пяти, номер два прыгнул, когда был один темпосфуджер, чтобы стать номером два из пяти. Номера один и два тоже прыгнули, стали номерами четыре и пять из пяти, номера четыре и пять, в свою очередь, прыгнули вперед, когда их было только двое. Тем временем номер один прыгнул через три секунды, номер четыре не прыгнул, а номер пять прыгнул. Поэтому в тот момент их было только двое. По сути дела получается, что одно животное как бы рассеялось, раздробилось во времени.

Вольф с усмешкой глянул на откровенно скупающие физиономии.

— Теперь понятно?

— Это невозможно, — высказался Тармас. — Путешествие во времени! Знаешь, я просто не могу себе представить!

— Я тоже. Но путешествие во времени — единственно возможное объяснение их исчезновения. И если хронологическая гипотеза поможет их поймать, почему бы не принять ее на веру?

— Тебе надо было просто пальнуть из лучемета, — удрученно сказал Ринтрах. — Мы и так столько уже голодаем. А теперь после этой бессмысленной беготни за призраками я и вовсе без сил.

Вольф пожал плечами, поднялся и пошел к темпосфуджеру. Тот продолжал пастись, но стоило ему приблизиться

на расстояние в тридцать ярдов, как он тотчас же поскакал прочь. Вольф последовал за ними. Добравшись до глухой стены каньона, прыгуны разбрелись. Вольф настроил лучемер на полную мощность и прицелился.

Вероятно, темпосфуджер испугался поднятого оружия, когда Вольф выстрелил, он исчез, и энергия луча была поглощена валуном позади него.

Вольф выругался, повернулся и нацелился на другого. Тот резко отпрыгнул и избежал первого выстрела. Вольф не выключал лучемета, повернул его вдогонку. Животное снова прыгнуло, едва избежав луча. Вольф снова изменил прицел, и тут прыгун исчез.

Вольф резко развернулся и направил луч на третьего темпосфуджера. Он исчез в тот самый момент, когда белый луч, казалось, коснулся его. Тут позади раздался возглас. Вольф повернулся и увидел, что Властелины указывают на мертвое животное, лежащее в нескольких ярдах от него. Шкура прыгуна была продырявлена. Вольф заморгал от удивления. Вала подбежала и объяснила:

— Он выпал из воздуха уже мертвый и поджаренный.

— Но я же не попал ни в одного, если не считать последнего, — сказал Вольф. — И тот, в которого я попал, еще не появился.

— Не знаю, но этот темпосфуджер был уже мертв, когда упал на землю три секунды назад — за три секунды до того, как ты попал в другого. — Вала умолкла, усмехнувшись, и добавила: — Что я говорю... другого. Это ведь тот самый, в которого ты попал. Он был убит прежде, чем ты выстрелил. Или ты поразил его в тот момент, когда он прыгал назад.

Вольф медленно произнес:

— Ты говоришь, что сперва я его убил, а потом выстрелил?

— Ну, уж ты скажешь! Конечно, нет, вот только... ну не знаю. Но выглядело это так.

— Ладно, — буркнул он. — Как бы это ни было, еда у нас есть. Хотя и немного, но на всех хватит.

Вольф повернулся и провел лучом над землей. Луч чиркнул по скалам, затем приблизился к темпосфуджеру и погас. Вольф продолжал нацеливать лучемер на темпосфуджера, который, оцепенев, стоял на задних ногах, мигая широко раскрытыми глазами.

— Энергия израсходована, — сказал Вольф.

Он вытащил использованную энергообойму и засунул лучемер за пояс. Теперь оружие бесполезно, но он не собирался его выбрасывать. Все равно наступит время, когда удастся достать заряды.

Вольф уже собирался продолжить охоту с дубинками, но остальные запротестовали. Слабые и голодные Властелины требовали еды. Хотя мясо полусгорело, они с жадностью набросились на него и проглотили в один миг. Урчание в желудках утихло. Все немного отдохнули, затем снова принялись гоняться за темпосфуджерами.

План был таков: разойтись в широкое кольцо, чтобы охватить всех животных, затем медленно смыкать его, приближаясь к прыгунам на расстояние взмаха дубинки. Темпосфуджеры начали отчаянно метаться то в реальном мире, то в темпоральном потоке. Одно мгновение не было видно вообще ни одного животного. На протяжении всей охоты никто толком не понимал, что происходит.

Сначала Вольфу было нетрудно вести счет животным. Было шесть, потом ни одного, потом снова шесть, потом три, потом шесть, потом один, потом семь.

Назад, вперед, туда и сюда метались прыгуны, в то время как Властелины носились по лужайке, размахивая дубинками и издавая вопли в надежде захватить темпосфуджера в тот миг, когда тот выскочит из временного прыжка.

Неожиданно дубинка Тармаса ударила по голове одного из темпосфуджеров, когда тот материализовался. Прыгун свалился, дернулся пару раз и затих.

Тут восемь внезапно выскочили из воздуха. Одни оказались позади туши в то время, как остальные исчезли. В следующий миг их должно было быть семь, но снова было восемь, три секунды спустя их стало три. Еще через три секунды — девять, еще через три — ни одного. Девять, два, одиннадцать, семь, два.

Одиннадцать. Вольф метнул дубинку и попал одному по хребту. Тот упал вперед мордой. Вала бросилась к нему и добила прежде, чем тот очнулся от шока.

Затем численность увеличилась до пятнадцати, но быстро сократилась до тринадцати, когда Ринтрах и Теотормон убили по одному. Потом опять ни одного.

В течение минуты казалось, что темпосфуджеры расшвирипели. Страшно напуганные, они метались взад и вперед; их стало двадцать восемь, ни одного, двадцать, десять,

ни одного, пятьдесят шесть — или примерно столько. Конечно, подсчитать их точнее было невозможно. Еще немного позднее — полагаясь при определении численности лишь на удвоение — Вольф был уверен, что их 7192.

Больше стадо не несло потерь, Властелины не могли убить ни одного. Все возрастающее количество прыгунов ударяло охотников, людей сбивали с ног. Неведомо откуда появляющиеся животные неслись на них, царапали, лягали, мелькали перед самым носом.

Неожиданно прыгуны обратились в паническое бегство и, кувыркаясь, устремились ко входу в каньон. То один, то другой переворачивались, падали на землю, и стадо могло бы застрять в узком проходе, однако в последний момент животные каким-то образом восстановили порядок и скрылись.

Расстроенные и потрясенные, Властелины медленно поднялись. Они посмотрели на четырех убитых животных и покачали головами. Из восемнадцатитысячного стада, крутившегося под самыми дубинками, остались только эти четыре маленькие тушки.

— По половине темпосфуджера каждому — лучше, чем ничего, — заметил Вольф. — Но что мы будем есть завтра?

Все промолчали и отправились собирать хворост для костра. Вольф одолжил нож у Теотормона и стал снимать шкуры.

Утром Властелины позавтракали остатками вчерашнего пиршества, и Вольф повел отряд в путь. Безмолвие каньона по-прежнему нарушало только журчание реки. Стены продолжали сходиться. Высоко в небе сияло желтое солнце. Ближе к полудню в отдалении появилось несколько темпосфуджеров. Вольф бросил в одного из них камень, но увидел лишь, как тот исчез, будто скользя за невидимый воздушный угол. Он снова появился три секунды спустя на двадцать футов дальше, стремительно прыгая, точно спешил на важное свидание, потом снова исчез.

Еще два дня спустя после того, как Властелины отобедали прыгунами, они были готовы к тому, чтобы отведать ягод. Паламброн утверждал, что запах этих ягод вовсе не означает, что они не съедобны. Если они и не вкусные, то вряд ли ядовитые. Раз им так или иначе грозит смерть, то почему бы не попробовать эти плоды?

— Ну что ж, — сказала Вала. — Ты предложил, ты и пробуй.

Она как-то особенно улыбнулась ему, словно наслаждалась зрелищем противоборства страха и голода.

— Ну, уж нет, — возмутился Паламброн. — Не буду я подопытной свинкой. Почему именно я должен жертвовать собой? Я начну есть ягоды только вместе со всеми.

— Ты упускаешь возможность встретить смерть в прекрасной компании, — заметил Вольф. — И вообще, назвался груздем, полезай в кузов, как говорят земляне. Так что или пробуй, или заткнись. Пустые споры только отнимают время.

Паламброн понюхал ягоду, которую держал в руках, поморщился и бросил ее на землю. Вольф продолжил движение, и Властелины последовали за ним. Примерно час спустя перед путниками открылся еще один вход в боковой каньон. Свернув в ответвление, Вольф подобрал круглый камень, подходивший по весу и размеру для броска. Только бы удалось подобраться к темпосфуджеру достаточно близко.

Этот каньон был намного меньше первого. В его дальнем конце пасся один-единственный темпосфуджер. Вольф лег на траву и пополз по-пластунски, используя как покрытие каждую скалу, каждый кустик. И ему удалось покрыть половину расстояния, прежде чем животное неожиданно перестало двигать челюстями, село и настороженно огляделось. Нос у него подергивался, а уши вибрировали, как телевизионная антенна в сильный ветер. Вольф припал к земле и застыл. От нервного напряжения его прошиб пот. Голодная диета сильно ослабила его организм, хотелось вскочить и подбежать к темпосфуджеру, наброситься на него, разорвать на куски и тут же проглотить. Он чувствовал, что готов сожрать прыгуна целиком, от кончиков ушей до самого хвоста, а затем еще перебить кости и высосать мозг.

Но он заставил себя лежать неподвижно, животное скоро успокоилось, и стало можно продолжать черепашие продвижение. В этот момент из-за скалы неподалеку от темпосфуджера появилось еще одно животное. Зверь был серым, за исключением красных заячьих ушей, с длинной мордой, пушистым хвостом и величиной с лисицу или кайота. Зверь посмотрел в другую сторону, а затем прыгнул, намереваясь впиться в шею жертвы. Его зубы лязгнули в воздухе: прыгун исчез.

Хищник тоже исчез, пропав раньше, чем успел приземлиться.

Появилось трое животных, два темпосфуджера и один хищник. Вольф, имевший склонности к классификации, тотчас же назвал его хроноволком. В первый раз он видел существо, волею природы или Уризена заселившее этот мир, дабы препятствовать чрезмерному размножению прыгунов.

Устроившись поудобнее, Вольф с интересом наблюдал за ходом событий. Прыгунов было двое. Потом ни одного. Потом трое. Таким образом, настоящий темпосфуджер и хроноволк прыгнули вперед, но темпосфуджер задержался в будущем лишь на мгновение и тут же выпрыгнул назад. Так он воспроизвел себя, и теперь волк охотился сразу за двумя прыгунами. Затем животные снова исчезли и вскоре вновь появились, уже вчетвером. Два темпосфуджера, два волка. Охота продолжалась не только в пространстве, но и в страшных серых туннелях прошлого и будущего.

Еще прыжок, и волк скрылся в кустарнике у ближайшего валуна. Снова семь. На этот раз волк возник из ниоткуда — прямо за спиной жертвы. Он бросился вперед, и его челюсти сомкнулись прямо на шее темпосфуджера. Послышался треск костей, и прыгун упал замертво.

Семь живых и один мертвый темпосфуджер. Прыгнув в сторону, волк исчез: очевидно, решил отложить трапезу на потом. Вновь на поляне запрыгало семь животных. Вот сцепились два волка, один другому перегрыз горло.

На три секунды сцена опустела. Вольф мигом добрался до места схватки и бросился наземь. Хотя он и остался лежать на виду, но надеялся, что, оставаясь неподвижным, не привлечет к себе внимания, тем более что темпосфуджеры были охвачены ужасом, а волкам слепила глаза собственная кровожадность.

Еще один волк вынырнул из временного подпространства.

Оба волка набросились друг на друга, третий наблюдал за схваткой: темпосфуджеры очумело метались вокруг них.

Вскоре третьему волку надоела роль наблюдателя, и он активно включился в игру, схватив за горло темпосфуджера, налетевшего на него в сплошной суматохе.

Уже валялись мертвыми темпосфуджер и волк. Оставшиеся в живых исчезали. Когда они вновь появились в поле зрения Вольфа, волк схватил ближайшего темпосфуджера за шею и сломал ее.

Вольф медленно поднялся на ноги. В тот самый миг, когда один волк благополучно перегрыз горло другому,

Вольф швырнул зажатый в руке камень в победителя. Тот, должно быть, заметил угрозу, так как исчез раньше, чем камень успел коснуться его. Выскочив из туннеля, он со всех ног припустил к выходу из каньона.

— Не обессудь, что лишил тебя законной добычи, — крикнул ему вслед Вольф. — Удачи тебе в следующей охоте!

Он позвал своих спутников и объявил, что удача вернулась к ним. Шестерых животных хватит, чтобы всем набить животы, и еще останется на следующий день.

Однако хорошие времена продлились недолго. Три дня спустя голод терзал Властелинов пуще прежнего. Они исхудали, щеки у них ввалились, глаза казались темными и глубокими ямами, желудки словно прилипли к позвоночникам. В тот день Вольф разбил их на пары и отправил охотиться. Сам он намеревался пойти один, но Вала настояла, чтобы он взял с собой Луваха, а охотиться в одиночку вызвалась сама. На недоумевающий ответ Вольфа ответила, что не хотела бы иметь сопровождающим мужчину, причем в единственном числе.

— Ты нас людоедами считаешь, что ли? — осведомился Вольф.

— Вот именно, — отрезала она сухо. — Как будто ты не знаешь, что стоит нам поголодать еще немного, и мы наверняка бросимся друг на друга. Очень может быть, что Уризен на это и рассчитывает. Пиршество людоедов! Представляю, какое удовольствие он получит от этого зрелища.

— Ну, поступай, как знаешь, — буркнул Вольф.

И они с Лувахом отправились осматривать боковые каньоны. Вскоре они увидели нескольких темпосфуджеров, пасшихся в зарослях кустарника, и со всеми предосторожностями принялись подкрадываться к ним. За час они подползли к самым кустам и были близки к успеху. Но Вольф промахнулся, и камень пролетел в дюйме от головы наметенной жертвы. После этого атака потеряла смысл. Темпосфуджеры даже не стали использовать прыжки во времени, а просто ускакали прочь и скрылись в соседнем каньоне.

Властелины поворчали, поругались, но вскоре усталость и сон сморили их.

Вольф тоже уснул, но среди ночи проснулся. Ему почудилось, что вдали кто-то кричит. Он сел и оглядел спящих. Все были на месте, кроме Паламброна и Эниона.

Проснулась и Вала.

— Ты тоже слышал? — спросила она. — Или то было урчание наших желудков?

— Кричали около реки, — сказал Вольф, вставая. — Надо пойти посмотреть.

— Я с тобой, — заявила Вала, — все равно мне больше не уснуть. Стоит мне только подумать, что они там, может быть, пируют себе, как меня трясет.

— Крошкой прыгуном не наешься, — пробормотал он.

— Неужели ты думаешь... — ахнула Вала.

— Не знаю. Ты первой указала на такую возможность. И она мне кажется все более правдоподобной по мере того, как мы слабеем от голода.

Вольф прихватил дубинку, и они отправились вдоль берега реки. Сумрачный свет луны освещал им дорогу, и шагать было легко.

Так случилось, что они первыми заметили Паламброна. Его голова мелькнула над стеной каньона и вновь исчезла. На цыпочках они подобрались к скале. Из-за нее доносились звуки, похожие на удары камня о камень.

— Он пытается разжечь костер.

Вольф не ответил. Ему стало дурно. Так как он мог представить себе только одну причину, по которой Паламброн разводил костер, медленно подавляя ужас и отвращение, внушаемый ему картиной, которую он ожидал увидеть, Вольф заставил себя обойти скалу.

Паламброн стоял на коленях спиной к ним перед кучей веток и листьев и ударял кремень о кремень.

У Вольфа отлегло от сердца: около Паламброна валялась тушка темпосфуджера.

Но где же Энион?

Вольф бесшумно подошел и стал позади Паламброна. Вскинув дубинку, он громко спросил:

— Ну, Паламброн?

Тот вскрикнул и бросился на кучку, приготовленную для костра. Затем вскочил и повернулся к ним лицом. В руке он держал грубо сделанный кремневый нож.

— Он мой! — прорычал Паламброн. — Я его убил, и я голоден! Я умру, если не съем его!

— Так же, как и все мы, — заметил Вольф. — Где брат? Паламброн сплюнул.

— Скотина! Он мне не брат. Откуда я знаю, где он? Я ему что, нянька?

— Вы ушли вместе, — возразил Вольф.

— Не знаю я, где он. Мы охотились поодиночке.

— Тут кто-то, кажется, кричал,— сказала Вала.

— А-а, это я кричал,— пробормотал Паламброн.— Наткнулся тут на спящего темпосфуджера и крикнул, когда пристукнул его.

— Может быть,— с сомнением произнес Вольф.

Не спуская глаз с Паламброна, он отошел к реке и поднялся метров на сто вверх по течению, когда заметил торчащую из под валуна человеческую руку. Он обошел валун и увидел труп Эниона. Затылок был разбит, рядом валялся окровавленный камень.

Вольф вернулся, но Паламброна с тушей темпосфуджера уже не было. Вала ждала его одна.

— Почему ты не остановила его? — спросил Вольф.

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Я только женщина, как я могла задержать его?

— Могла, если бы захотела. Небось, рассчитывала развлечься погоней? Боюсь, буду вынужден огорчить: погони не будет. Я и не подумаю тратить силы на этого дурака. А если он еще и успеет поест, то тем более ударит от любого из нас.

— Ну и ладно,— согласилась Вала.— Так что мы теперь будем делать?

— Завтра пойдем дальше и будем надеяться на лучшее.

— И умрем от голода,— Вала указала на валун, скрывающий труп Эниона, и тихо сказала:— Там достаточно пищи для всех.

С минуту Вольф не отвечал. Предложение Вала заставило его внутренне содрогнуться, но обстоятельства складывались так, что не оставалось выбора.

Вала была права. Как не претила мысль о такой еде, без нее им не выжить. Так что Паламброн в известной степени оказал им любезность. Убив брата, он принял вину на себя. Теперь они могли есть, не считая себя убийцами. Не то, чтобы факт насильственной смерти сильно беспокоил его спутников, но сам бы он неизбежно мучился угрызениями совести, если бы лишил другого человека жизни, чтобы самому не умереть от голода.

Что касается еды, то теперь он чувствовал лишь слабое отвращение. Голод притупил естественный ужас перед каннибализмом.

И Вольф отправился будить остальных Властелинов, в то время как Вала подобрала кремни, оброненные Палам-

броном. Когда они все собрались, она не только развела костер, но успела разделать труп. На мгновение Вольф отшатнулся. Но затем подумал, что коль скоро он собирается разделить трапезу, ему следует поработать. Он одолжил у Теотормона нож и принялся нарезать куски. Остальные предложили свои услуги, но он отогнал их.

Казалось, он хотел наказать себя, выполняя самую ужасную работу.

Когда мясо было готово, он взял свою долю и пошел за скалу. Он знал, что не удержится и съест кусок, но знал также и то, что при виде спутников, пожирающих человечину, его непременно стошнит. Поэтому он решил есть в одиночестве.

Рассвет застал их за трапезой. Лишь к полудню они снова тронулись в путь. Оставшееся мясо завернули в листья и взяли с собой.

— Если Уризен наблюдал за нами, — заметил Вольф, — он, должно быть, неплохо повеселился.

— Пусть веселится, — отозвалась Вала. — Придет и мой черед.

— Твой? Ты, наверное, имеешь в виду — наш.

— Другие меня не касаются. Меня интересует, что сделаю я.

— Типично по-властелински, — заметил Вольф без уточнения.

Какое-то время после этого он наблюдал за Валой. Ее жизнеспособность поражала. Походка ее была легкой, щеки порозовели, движения казались проворными и изящными. Возможно, на нее такое влияние оказала еда. Но это не так, думал Вольф. Даже когда мы голодали, она не страдала от недоедания и не выглядела устало.

Если кому-то удастся выжить и схватить отца за горло, думал он, это будет Вала. Пусть и мне хватит сил, молил он.

Глава XII

Они голодали уже целые сутки, когда ущелье кончилось. Отлогий склон постепенно переходил в равнину, простиравшуюся до самого горизонта. В четверти мили от подножия горы виднелся небольшой холм и на нем — два гигантских гексагона.

Властелины остановились и тупо воззрились на них.

— Чем скорее мы пройдем через какие-либо врата, тем лучше, — произнес Вольф. — Надеюсь, по ту сторону найдется пища.

— А если нет? — спросил Тармас.

— Лучше уж помереть, пробираясь через оборону Уризена, чем сдохнуть от голода. А наши дела обстоят так, что...

Вольф взглянул на унылые физиономии спутников и осекся. Властелины устало последовали за ним к подножию украшенных золотистыми камнями сооружений.

— Ну что ж, сестра, — обратился Вольф к Вале, — предоставляем тебе право выбора. Поспешите, наши силы на исходе.

Вала подобрала камешек, повернулась спиной к вратам и швырнула его через плечо. Камень пролетел через правые врата, чуть не ударившись о перекладину арки.

— Так тому и быть, — объявил Вольф. Он посмотрел на спутников и рассмеялся. — Что, ждете команды? Вперед, братья brave Властелины! Вперед, бродяги! Дубинки, поломанный меч, нож, дряблые от слабости мускулы, желудки, ворчливо требующие мяса, — к бою! Ну, где мы еще видели такой презренный штурмовой отряд?

Вала тоже засмеялась и заметила:

— У тебя, Джадавин, хватит мужества на всех! Это что-нибудь да значит.

— Надеюсь, — отозвался Вольф и, разогнавшись, прыгнул в правые врата.

Он приземлился на мягкой почве, чуть подавшейся под ногами. Над равнинной местностью раскинулось голубое небо. Кое-где возвышались крутые холмы, такие каменистые и темные, что больше походили на наросты, чем на насыпи земли. Сомнения его усиливало и то, что поверхность, на которой он стоял, мало походила на землю. Она выглядела коричневой, гладкой, испещренной отверстиями: из каждой дыры рос тонкий трубчатый стебель высотой в фут. «Смахивает на кожу великана», — подумал Вольф. Единственной растительностью, если это можно назвать растительностью, оказались редкие деревья высотой около сорока футов с тонкими стволами и остроконечными ветвями, выступавшими от ствола вверх под углом в сорок пять градусов. Ветви были темнее, чем шафранового цвета стволы: их покрывали двухфутовые листья, похожие на лопасти.

Минуту спустя через врата прошли остальные Властелины. Вольф повернулся и произнес:

— Я рад, что обошелся без вашей помощи.

— Они были уверены, что на этот раз врата приведут в крепость Уризена,— объяснила Вала.

— И ждали, пока я очищу площадку от ловушек для их прибытия,— сказал Вольф.— Решили пожертвовать мной, получив шанс прожить на несколько секунд больше.

Властелины промолчали. Вольф укоризненно посмотрел на покрасневшего Луваха.

Затем он принялся исследовать врата. Они были либо уже отключены, либо однополярные по конструкции. Вдали виднелась длинная черная линия, возможно, берег реки или моря. Этот мир, столь похожий на тот, который они только что покинули, не давал указания, в каком направлении им надлежит двигаться. Лишь с того склона, куда он ступил из врат, Вольф увидел два темных холма, возвышающихся неподалеку друг от друга. Возвышенности могли служить своеобразным знаком, поставленным Уризенем. Существовал только один способ проверить правильность догадки, и Вольф принял решение без колебаний.

Он пошел по слегка пружинящей поверхности, остальные последовали за ним. Над головами спутников мелькнула тень птицы, и все посмотрели вверх. Белая птица с красными лапками была размером со стервятника. Мордочка напоминала обезьяню с изогнутым клювом вместо носа. Птица летела так низко, что Лувах не удержался и бросил дубинку, но промахнулся, слегка задев по расширяющемуся хвосту. Птица негодуяще вскрикнула и, быстро поднявшись, исчезла из виду.

— На дереве вроде бы гнездо,— сказал Вольф.— Посмотрим, нет ли там яиц.

Лувах побежал было вперед, чтобы подобрать свою дубинку, но на полпути застыл как вкопанный.

Земля заструилась. Поверхность вздыбилась дюймовыми волнами, покотившимися по направлению к упавшей дубинке. Лувах развернулся, собираясь убежать, но потом передумал и кинулся к своему единственному оружию. Поверхность позади него вспухла, вздыбилась еще выше и штормовой волной устремилась вперед.

Вольф закричал. Лувах оглянулся, увидел грозящую ему опасность и стремглав бросился в сторону, пытаясь

обежать катящийся вал. Вольф помчался вслед за гребнем, не зная, чем помочь Луваху.

Внезапно волна спала. Вольф с Лувахом остановились, но тут почва под ними вновь стала вспухать. Оба со всех ног бросились прочь, а земля или что-то под ней двинулось.

Они мчались, что было духу к воротам, надеясь, что они установлены на устойчивом месте, и рассчитывая обрести там твердую почву под ногами. Властелины добрались до безопасного места как раз вовремя. Поверхность сзади внезапно выгнулась, образовав широкое углубление, затем впадина превратилась в узкий колодец, стенки которого сомкнулись, издав чавкающий звук. Еще несколько мгновений — и дыра исчезла. Вновь перед ними расстилалась гладкая ровная поверхность, испещренная порами со стеблями, все еще продолжавшими вибрировать.

— Ну и ну! — пробормотал Лувах. — Клянусь Лосом!

Он был бледен, веснушки проступили на его лице, как Млечный путь.

Вольфу тоже было не по себе, словно он попал в землетрясение. И его сильно тревожило смутное подозрение, что на самом деле все обстоит еще хуже. Позади послышалось чье-то восклицание. Повернувшись, Вольф увидел Паламброн, пытающегося вернуться через ворота, в которые он только что вошел. Паламброн, очевидно, следовал за ними и, выждав время, чтобы Властелины успели отойти подальше, рискнул шагнуть под арку. Теперь он тоже попал в ловушку.

Впрочем, его ждало нечто похуже. Приказав Властелинам, пытающимся растерзать убийцу на куски, оставить его в покое, Вольф приблизился и, не скрывая своего презрения, оглядел трясущегося и стучащего зубами брата.

— Паламброн, — объявил Вольф, — тебя приговорили к смерти, потому что ты нарушил перемирие и убил своего брата.

Паламброн, увидев, что ему грозит немедленная расправа, обрел мужество. Считая, что у него еще есть шанс, вскричал: — По крайней мере, я не ел своего собственного брата! Я не виноват! Мне пришлось его убить, так как он напал первым!

— Эниона ударили по затылку, — возразил Вольф.

— Я не виновен! — кричал Паламброн. — Он упал в драке, а когда начал подниматься, я схватил камень и ударил

его. Разве я виноват, что он подставил свой затылок? Неужели я должен ждать, пока он повернется и набросится на меня?

— Я вижу, говорить с тобой бесполезно, — сухо заметил Вольф. — Ты свободен, никто не станет мारать об тебя руки. Но с нами ты не можешь остаться. Иначе никто не будет чувствовать себя в безопасности.

— Вы позволяете мне уйти? — удивился Паламброн. — Но почему?

— Хватит болтать! — рявкнул Вольф. — Если через десять минут ты не скроешься с глаз, я больше не буду никого сдерживать. Тебе лучше уйти подобру-поздорову. Ну?!

— Минуточку! — встревожился Паламброн. — Что-то тут не так. Нет, я никуда не пойду!

Вольф сделал знак остальным:

— Вперед! Убейте его!

Паламброн завопил и, повернувшись, со всех ног бросился бежать. Ярдов через тридцать он обернулся и, удивившись, что его никто не преследует, перешел на шаг.

В этот момент почва за ним вспухла, вздыбилась в два человеческих роста. В тот миг, когда волна набрала максимальную высоту, Паламброн обернулся. При виде устремившегося к нему гигантского вала он издал крик отчаяния и кинулся прочь. Волна резко опала, и сотрясение почти опрокинуло беглеца, сбив его с ног. Паламброн с трудом поднялся, шатаясь, и побежал дальше.

Неожиданно почва перед ним ушла вниз. Он вскрикнул и круто свернул в сторону. Ужас, казалось, вновь придал ему силы. Опять на его пути разверзлась дыра, и снова ему удалось увернуться. Но навстречу ему уже поднималась новая волна. Несчастный попытался еще раз свернуть, но поскользнулся и упал. Вздрыгнувший вал скрыл его от глаз Властелинов. На минуту волна застыла, чуть заметно подергиваясь, потом осела, и поверхность снова стала гладкой — лишь холмик длиной в шесть футов слегка выпирал на ровной поверхности.

— Проглочен, — выдохнула Вала. Она была заметно возбуждена: широко открытые глаза сияли, рот был приоткрыт.

— Похоже, что отец действительно создал для нас чудовище, — произнес Вольф. — Не удивлюсь, если вся планета покрыта шкурой этого... велтизмора.

— Что-что? — переспросил Теотормон. Его глаза все еще были полны ужаса. И хотя недавний голод явно не

пошел ему на пользу, за последние три минуты он похудел еще на пятьдесят фунтов. Кожа на нем висела складками.

— Велтизмир. Животное-мир. Германская мифология. Это земной язык.

Планета, покрытая шкурой, думал он. Или, возможно, не шкура, а амeba размером с континент. Амeba, завладевшая этим миром. Жуткая картина наводила страх.

Оболочка амeбы жила, и этого нельзя было отрицать. Но как же эта чертова тварь не умирает от голода? Миллионы тонн живой протоплазмы нужно ведь чем-то кормить. Конечно, она поедает животных, но вряд ли здесь найдется их достаточное количество, чтобы поддерживать жизнь в этой разросшейся клетке.

Вольф решил выяснить этот момент, если, конечно, ему представится такая возможность. Он был любопытен, как обезьяна или сиамский кот, и всегда готов исследовать, размышлять, анализировать. Он не успокаивался, пока не узнавал, почему и как.

Роберт присел и погрузился в раздумья о том, как быть дальше. Властелины, за исключением Вaлы, тоже расположились на отдых. Вaла же, осторожно ступая, отправилась прочь от безопасной зоны. Некоторое время Вольф с удивлением следил за ней, когда вдруг понял, в чем тут дело. И как он сразу не догадался? Вaла шла, тщательно избегая «волосков», торчащих из земли. Пройдя круг радиусом около двадцати пяти ярдов, девушка благополучно вернулась в зону врат. И ни разу поверхность не задрожала, ни разу не покрылась смертоносной рябью.

Вольф поднялся на ноги со словами одобрения:

— Молодец, Вaла. Один-ноль в твою пользу. Животное — или что бы там ни было — пробуждается от прикосновения к «волоскам» или щупальцам. Если мы будем передвигаться так же осторожно, как лавируют корабли на рифах, мы пересечем эту местность. Единственно, что внушает беспокойство, так это вон те горки.

Он указал на возвышающиеся вдаль не то холмы, не то грубые наросты. Волоски густо покрывали подножия бугров, а за ними плотно усеивали всю землю.

Вaла пожала плечами:

— Не знаю.

— Ладно, побеспокоимся, когда доберемся туда, — буркнул Вольф и зашагал, внимательно глядя под ноги. Властелины гуськом последовали за ним. Вaла же пошла па-

раллельно, держась от отряда на расстоянии пять-шесть ярдов.

— Трудновато будет охотиться в таких условиях, — произнес Вольф. — Придется краем глаза все время посматривать на «волоски», будь они неладны!

— Я бы на твоём месте не переживала, — заметила Вала. — Ещё неизвестно, есть ли на кого охотиться.

— Ну, уж в существовании одного представителя местной фауны я уверен, — отозвался Вольф.

Он больше ничего не добавил по этому поводу, и Вала недоуменно подумала: что он имеет в виду? Роберт тем временем пошел к дереву, на ветвях которого виднелось гнездо. Кучка палок и листьев фута три в поперечнике, скрепленных, похоже, каким-то клейким составом, располагалась на стыке ствола и одной из ветвей.

Остановившись меж двух «волосков», Вольф протянул дубинку и ударил по стволу. Вдали, приблизительно на таком же расстоянии, какое они прошли, виднелись верхушки гексагонов. Дерево никак не отреагировало на удар, и Вольф, взобравшись по стволу, засунул руку в гнездо. Пошарив, он извлек оттуда два яйца с зелеными и черными пятнами, размером вдвое больше индюшиных, и передал их Вале.

В это время вернулась птица-мать. Тельце, чуть больше лысого орла, покрывал белый пух с голубыми полосами. Обезьянью мордочку украшали орлиный клюв и волчьи уши, но более странно выглядели крылья летучей мыши, хвост археоптерикса и лапы хищника.

Сложив крылья, птица камнем рассекла воздух и рухнула на Вольфа. Перед самым ударом она завизжала так, словно пилили железо: визг, вероятно, предназначался для запугивания жертвы. Если так, то ее старания пропали впустую: едва заметив угрозу, Роберт отпустил ствол и упал. За ним послышался треск и повторный визг — на этот раз от боли и паники, так как разъяренный стервятник, не рассчитав скорости, слету врезался в дерево.

Свалившись на землю, Вольф покатился в сторону. Он чувствовал, что задевает «волоски», но не в силах был избежать этого. Наконец он поднялся, отряхивая листья и ветки, осыпавшиеся из полуразрушенного гнезда, и едва успел уклониться от полуоглушенной птицы; та, однако, падая, инстинктивно расправила крылья.

К этому времени земля-шкура среагировала на прикосновение щупальцев, которые затронул не только Вольф, но

и остальные Властелины, отскочившие, когда тот упал с дерева.

— Назад, на дерево! — крикнул он.

Вала опередила его совет и уже карабкалась по стволу. Он полез за ней и почувствовал, как острые когти, словно раскаленные добела крюки, впились ему в спину. Летающий хищник вновь напал на обидчика, придя в себя. Вольф опять рухнул наземь, подминая животное под себя.

Хищник надсадно дышал. Менее пострадавший Вольф скатился и, вскочив, ударил зверя по ребрам. Пасть животного под коричневым клювом раскрылась, обнажая два саблезубых клинка, покрытых слюной и кровью. Вольф еще раз ударил его и вернулся к дереву.

Но Властелины, неистово стремящиеся добраться до безопасного места на ветвях, совсем обезумели. Тармас наступил Вольфу на голову и, воспользовавшись ею, как трамплином, устремился наверх. Ринтрах потащил его вниз, отпихнув, и полез по стволу. Слетев вниз, Тармас рухнул на стоящего на четвереньках Вольфа.

Сидя на ветке дерева недалеко от вершины, Вала истерично хохотала, хлопая себя по бедрам. Но вдруг она пронзительно вскрикнула. Ветка обломилась, и она свалилась на землю. Удар был сильным, и она, видимо, лишившись чувств, осталась лежать. Теотормон перепугался больше всех. Он сильно похудел за последние дни, но все еще весил немало, да и лапы здорово мешали, так что взбираться по дереву ему было трудно. Он все время скатывался вниз и то и дело оглядывался через плечо, что-то бормоча.

Вольфу наконец-то удалось встать на ноги. Вокруг него, а точнее, вокруг дерева, шкура сходила с ума. Поверхность вздыбилась огромными валами, охотящимися за Лувахом и Аристом. Эти двое с невероятной скоростью мчались по кругу, ужас придавал новые силы их измученным и голодным телам. Земляная плоть гналась за ними по пятнам. Впереди уже появилась новая волна. Под ногами разверзались новые волны и ямы.

Лувах и Аристон резко свернули и двинулись навстречу друг другу. Опухоли и впадины, упустив близкую добычу, столкнулись. Вольф в ошеломлении следил, как протоплазма хаотично колыбалась, вспучиваясь и опадая, издавая чавкающие звуки. Больше всего эта сцена напоминала скопление водоворотов.

Прежде чем шкура смогла получить новые сигналы о Лувахе и Аристоне и перестроиться, им удалось добраться до дерева, но они мешали друг другу подняться. Пока два обезумевших беглеца цеплялись друг за друга, Вольф схватил тело летающего зверя и изо всех сил швырнул его. Труп птицы упал на приближающуюся опухоль, замершую в тот самый миг, когда мертвое животное коснулось ее. В месте соприкосновения тут же образовалась впадинка, которая быстро углубилась, потом края колодца сомкнулись, оставив на поверхности только выпуклость и рубец, указывающий, что внутрь что-то попало.

Хотя Вольф и хотел употребить птицу в пищу, но ею пришлось пожертвовать. Поверхность вокруг дерева разгладилась и, совершив несколько пульсаций, вновь стала неподвижной, будто и в самом деле являлась обычной почвой. Вольф подошел в Вале. Та сидела, тяжело дыша, с искаженным от боли лицом. Поскольку поверхность-шкура была пружинящей, то удар оказался не таким сильным, как если бы она упала на твердую землю, но все же лицо и плечи покрывали синяки, и некоторое время она не могла пошевелить рукой.

Более того — казалось, пострадало чувство ее собственного достоинства. Пылая негодованием, она обзывала их всех кучей трусливых глупцов, годных лишь на то, чтобы быть рабами. Властелины, смущенные оскорблениями, держались угрюмо. Они чувствовали ее правоту, и им было стыдно. Но, разумеется, никто из них не собирался в этом признаваться.

Теперь Вольф счел происходящее забавным. Он даже рассмеялся, но потом со стоном выпрямился — рана, нанесенная когтями летающего зверя, все еще болела. Лувах осмотрел его спину и сказал, что сочившаяся кровь, по его мнению, скоро остановится, но следует опасаться заражения, так как лекарств у них нет.

— Да, весело, — пробормотал Вольф.

Он поискал глазами яйца. Одно, разбившееся, растеклось у корней дерева. Другого не было видно — вероятно, его поглотила шкура.

— О Лос! — простонал Аристон. — Что нам теперь делать? Мы умираем от голода и не можем шагу ступить от этого дерева, иначе чудовище проглотит нас живьем. Отец убил нас, а мы даже не приблизились к его крепости.

— Эх вы, Властелины и Созидатели миров! Да вы просто жалкие человечки без своих крепостей и оружия, —

возмутился Вольф. — Напомню вам еще одну присказку землян: «Есть не один способ содрать шкуру с кота».

— Кота? — оживился Теотормон. — Я мог бы съесть дюжину котов.

Вольф только поднял глаза вверх, но ничего не сказал. Он велел всем забраться на дерево и, взяв у Теотормона нож, отошел на несколько футов в сторону. Присев на корточки, он изо всех сил всадил клинок в шкуру: если она достаточно податлива, чтобы образовывать псевдовпадины и дыры, то наверняка поддастся металлу.

Роберт вырвал нож из раны, поднялся и отступил на несколько шагов. Шкура раздвинулась, превратилась в дыру, затем вокруг раны образовался конус и начал сжиматься в кратер, заполняя сам себя. Вскоре он распрямился, и рана затянулась. Вместо крови, которую Вольф ожидал увидеть, выступила красная бледная сукровица.

Вольф приблизился к шраму, стараясь не касаться «волосков». Затем быстро вырезал из шкуры кусок, вытащил трепещущую массу и стремглав бросился назад к дереву. Снова протоплазма вздыбилась бурей хаоса — волны, кратеры, гребни и короткие водовороты, — затем плоть осела.

— Шкура вокруг дерева кажется гораздо крепче и менее податлива, чем на некотором расстоянии, — заметил Вольф. — Думаю, что мы находимся в безопасности, пока стоим на ней, хотя шкура может быть способна... приливная волна может смыть нас. Так или иначе, нам надо поесть.

Властелины поделили между собой кусок плоти. Свежевырезанное мясо оказалось упругим, скользким от сукровицы и неприятно пахло, но его можно было жевать и глотать. Набив желудки, путешественники почувствовали себя лучше. Некоторые легли спать. Вольф отправился на берег протекавшей поблизости речки. Вала и Теотормон последовали за ним. И Лувах, глядя на них, тоже решил пройтись. Земляная поверхность резко обрывалась. «Волосков» над обрывом росло мало, так что исследователи могли расслабиться.

Вольф стоял на самом краю и смотрел в воду. Солнца не было, но прозрачная вода позволяла видеть далеко в глубину.

У самого берега плавало множество рыб самых различных размеров, форм и расцветок. Наблюдая за ними, Вольф увидел, как тонкие длинные щупальца высунулись из-под

обрыва и схватили большую рыбину. Та сопротивлялась, но ее быстро утащили под обрыв. Вольф опустил на колени и перегнулся через край, чтобы посмотреть, кому досталась добыча. Обрыв, на котором он стоял, выдавался довольно далеко. Но основания выступа Вольф так и не увидел: крутой склон усеивали тысячи копошащихся щупалец, многие тянулись за рыбинами. Щупальца виднелись в воде, насколько хватало глаз. Вскоре еще одно из них свернулось, вытянув из глубины гигантскую рыбину.

Вольф поспешил убрать голову, так как в этот момент одно из гигантских щупалец поползло в его направлении. Он сказал:

— Я недоумевал, как такое чудовище добывает себе пищу. Теперь понятно, что оно питается главным образом морской живностью. И я готов поспорить, что животное, на котором мы стоим, — это огромное плавающее чудовище. Подобно островам водного мира, оно ни к чему не прикреплено.

— Приятно знать это, но как это поможет? — проговорил Лувах.

— Пожалуй, нам пора еще разок поесть, — заметил Вольф в ответ. — Теотормон, ты среди нас самый лучший пловец. Прыгни в воду и поплавай немного. Держись поближе к берегу и будь готов выскочить оттуда.

— Почему я? — закричал Теотормон. — Ты только посмотри, как эти щупальца хватают рыбу.

— По-моему, они движутся вслепую, может быть, чувствуют вибрацию воды. А ты двигаешься достаточно быстро, чтобы ускользнуть. Кроме того, с этого края щупальца короткие.

Теотормон покачал головой,

— Нет, я не буду рисковать своей жизнью.

— Ты умрешь с голоду, если не поймаешь рыбу, — настаивал Вольф. — Нельзя больше трогать шкуру, она становится все более раздражительной.

Он указал на рыбу, скользившую под поверхностью, — жирную и медлительную рыбу с головой сфинкса.

— Как, по-твоему, хороша будет на вкус?

У Теотормона потекли слюнки, в желудке заурчало, но он не пошевелился.

— Ладно, давай свой нож, — сказал Вольф.

Он выхватил у Теотормона нож, прежде чем тот успел перехватить руку пальцами ноги, и, отбежав как можно

дальше, кинулся в воду. Рыбы тотчас же бросились от него врассыпную. Они плыли медленно, но все же не настолько, чтобы он мог догнать их. Впрочем, он и не собирался ловить. Роберт и не думал об этом. Гораздо больше его интересовала реакция щупальцев на его появление в воде.

Одно из щупалец действительно отделилось от толстого основания и поползло по направлению к нему. Вольф погрузил голову в воду, чтобы наблюдать, и поплыл к берегу. Заметив, что псевдоподия увеличила скорость и приблизилась к нему, он протянул руку и ухватился за кончик отростка. До сего момента у него не было уверенности, что щупальца не ядовитые, как у медузы. Успокаивал лишь тот факт, что рыба, которую схватили, отчаянно боролась, не показывая признаков отравления.

Отросток сложился кольцом и схватил его за кисть. Вольф резко высвободился и довольно легко отсек ножом футов двенадцать плоти. Щупальце отпрянуло и начало отползать. Приблизившись к берегу, Вольф положил добычу на край обрыва и начал подтягиваться сам, когда почувствовал, как что-то схватило его ступню. Он глянул вниз и увидел у основания щупальца пасть. Пасть была беззубой, но смыкалась достаточно сильно, чтобы удерживать его ногу. Вольф вцепился руками в обрыв и выдохнул:

— Помогите мне!

Теотормон сделал по направлению к нему несколько шагов подпрыгивающей походкой и остановился. Вала, стоя в сторонке, глядела на щупальца и улыбалась. Лувах выхватил из ножен поломанный меч и прыгнул в воду. Вала рассмеялась и нырнула следом. Вынырнув, она взяла у Вольфа нож и вместе с Лувахом принялась трудиться над щупальцем в нескольких футах от пасти. Наконец они отрезали отросток, и Вольф выбрался на сушу, волоча за собой вцепившуюся в ногу пасть с куском щупальца.

Отрезанную плоть можно было есть, лишь поколотив о ствол дерева — для размягчения. Но даже после этого мясо напоминало жесткую резину. Как бы то ни было, желудки их заполнились.

Некоторое время спустя, они вновь тронулись в путь по равнине, соблюдая при движении все меры предосторожности. Достигнув самого первого холма, подножие которого обросло пучками «волос», путники остановились. Те-

перь они уже видели свою цель. На вершине высокого холма, в полумиле от них, возвышалась пара золотых гексагонов.

Вольф размахнулся и швырнул ветку, обломанную Валой при падении с дерева, в самую гущу «волосков». Все пространство мгновенно пришло в движение, причем поверхность колыхалась более энергично, чем в тех местах, где «волоски» покрывали землю не так густо.

— О Лос! — воскликнул Аристон. — Мы погибли! Нам никогда не добраться до врат! — он погрозил кулаком небу и прокричал: — Отец! Я ненавижу тебя! И тот день, когда ты меня зачал! Ты думаешь, что остановил нас там, где тебе было угодно, но клянусь Лосом и Хромым Энитармором — мы еще доберемся до тебя!

— Вот это характер! — заметил Вольф. — Я уже мгновение назад решил, что ты собираешься заскулить, как больная собака. Выскажись, братец, выскажись, возможно, этот старый ублюдок и услышит тебя!

Тяжело дыша и сжимая кулаки, Аристон заявил:

— На проклятия у меня смелости хватает. Но все-таки хотел бы я знать, что же нам делать?

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Вольф своих спутников.

Властелины покачали головами.

— Где же вся ваша дьявольская одаренность и лисий ум, который полагается иметь детям Уризена? — осведомился Вольф. — Или лгут истории, воспевающие ловкость каждого из вас, когда вы силой или хитростью захватывали неприятельские крепости? В чем же теперь дело?

— Все они храбрецы и умники, — заметила Вала, — когда вооружены до зубов. А теперь, я думаю, что они еще не оправились от шока, раз так легко попали в ловушку отца, да еще к тому же лишились своих апартаментов. А без них они утратили то, что делало их Властелинами. Теперь это просто людишки, и притом жалкие.

— Мы так устали! — воскликнул Теотормон. — Мои мускулы гудят и ноют от напряжения. Я так ослаб, словно нахожусь на планете с двойной силой тяжести.

— Мускулы, как же! — буркнул Вольф.

Развернувшись, он повел отряд назад к дереву. Вольф работал не покладая рук, несмотря на жгучий огонь в спине, охватывавший его всякий раз, когда он обламывал ветку, — раны от когтей при каждом движении причиняли

мучительные страдания. Властелины помогали ему, и вскоре у каждого в руке было по пучку веток.

Путешественники вернулись к краю густо заросшего «волосками» пространства и принялись бросать ветки в скопление «волосков». Они кидали не одновременно, а соблюдая строгую очередность. Поверхность-шкура зарокотала, как море во время урагана. Волны, кратеры, рябь искривили ровное пространство.

Однако по мере того, как они продолжали раздражать «волоски», буря стихала. И к тому времени, когда запас веток подошел к концу, поверхность почти не реагировала. Последняя палка вызвала лишь мелкие углубления и быстро спавшую дрожь.

— Похоже, она устала, — объяснил Вольф. — Однако поверхность может ожить довольно скоро. Поэтому предлагаю идти немедленно.

И он быстро зашагал вперед. Шкура заколыхалась и сгорбилась, отвечая на раздражение «волосков», на поверхности появились широкие углубления, вогнутые до трех футов. Вольф обошел их, затем побежал, не останавливаясь, пока не достиг холма, напоминавшего, подобно первому, нарост, огромную бородавку на шкуре. Хотя склоны его и вздымались почти отвесно, все же они оказались достаточно сморщенными, за складки можно цепляться руками и ногами. Подъем был не легким, но вполне возможным. Поэтому все Властелины добрались до вершины без неприятностей.

— Честь выбора снова предоставляется тебе. Какие врата? — спросил Вольф у Вала.

— До сих пор она не слишком-то преуспевала в своей задаче, — заметил Аристон. — Почему все время выбирает Вала?

Вала, как тигрица, повернулась к нему.

— Если ты думаешь, брат, что можешь сделать выбор лучше — выбирай! Но в доказательство своей правоты тебе придется первым пройти врата.

Аристон тотчас отступил, пробурчав:

— Ладно, ладно, не стоит нарушать обычай.

— Ах, уже обычай! — воскликнула Вала. — Так вот, я выбираю левые врата.

Вольф не колебался. Он был слаб и безоружен, и знал, что на этот раз может прямоком попасть в крепость Уризена, но все же решительно прыгнул под арку.

В течение минуты он не мог понять, где он и что происходит. Голова у него закружилась. В воздухе мелькнуло нечто странное.

Глава XIII

Он стоял на огромном, быстро вращающемся цилиндре из серого металла. При каждом обороте в поле зрения всплывали все новые и новые цилиндры, крутящиеся над ним со всех сторон на фоне бледно-розового неба.

Над каждым цилиндром сияли по три розовато-лиловых луча, начинающихся футах в двенадцати над центром основания. Время от времени лучи освещались красными, оранжевыми, черными, белыми и пурпурными огоньками, вспыхивающими как сигнальные ракеты. Огоньки проскакивали по лучам, словно их дергали за невидимые веревочки, и, доходя до точки, расположенной примерно в двенадцати футах от основания другого цилиндра, взрывались яркими вспышками и гасли.

Вольф закрыл глаза, чтобы побороть головокружение и боль. Когда он вновь открыл их, остальные Властелины уже прошли сквозь врата. Аристон и Тармас упали на металлическую поверхность и изо всех сил прижимались к ней.

Теотормон сел, будто боялся, что вращение потащит его прочь и вытолкнет в пространство между цилиндрами. Только Вала, казалось, ничуть не удивилась. Она спокойно улыбалась, хотя, быть может, мужество ее — показное. Но даже если и так, она вызывала восхищение.

Вольф, насколько возможно, изучал окружающую обстановку. Все цилиндры были размером с небоскреб. Он не понимал, почему его сразу не сорвало центробежной силой. Для этого тело должно обладать изрядной массой.

Как ни странно, так оно и оказалось. Наверное... нет, нельзя верить, что Уризену удалось установить равновесие сил так, чтобы тела с большей силой тяжести удерживались от падения друг на друга. Вероятно, разноцветные огоньки, бегающие вдоль лучей, и были проявлением постоянного восстановления равновесия, какая бы статика и динамика не использовалась, чтобы удерживать небольшие, но весившие, как и на земле, предметы.

Вольф понятия не имел, как это делалось, но он прекрасно знал, что наука, унаследованная Властелинами, далеко опередила земную.

Вокруг виднелись тысячи, а может, и сотни тысяч таких цилиндров, расположенных в миле друг от друга. Они вращались вокруг своих осей и медленно перемещались относительно друг друга, словно в слаженном танце.

Издалека отдельные тела выглядели как одна цельная масса; это, похоже, одна из планет, которые видны с водного мира.

Существовало одно преимущество в затруднительном положении путешественников. В таком крошечном мире им не придется далеко идти до следующих врат. Хотя вряд ли Уризен сделал короткий путь легким.

Вольф вернулся к вратам и попытался выйти. Он легко шагнул через раму, но, как и ожидал, оказался снова на цилиндре. Развернувшись, он предпринял попытку пройти врата с другой стороны, однако и она оказалась бесполезной. Тогда Вольф принялся искать другие врата, обходя цилиндр по окружности. Он не прошел и половины пути, когда увидел два гексагона.

Врата располагались в нескольких дюймах от поверхности, и между рамами и поверхностью цилиндра розовела полоска неба. Властелины двинулись к вратам. Вольф не отрывал глаз от шестиугольника, стараясь не отвлекаться на кружащиеся со всех сторон цилиндры.

Он шел впереди, поэтому первым заметил неожиданное поведение гексагонов-близнецов. Когда путешественники приблизились к ним на расстояние пятидесяти футов, врата начали отодвигаться.

Вольф пошел быстрее, но расстояние между ним и вратами осталось постоянным. Когда Вольф побежал, врата двинулись быстрее, но он все-таки выиграл несколько дюймов.

Остальные Властелины бежали за ним. Они топали по тяжелой металлической конструкции, и в воздухе слышалось их тяжелое дыхание. Вольф остановился, врата тоже. Все, кроме Валы, собрались вокруг него. Раздались возгласы:

— О Лос! Сперва он морит нас голодом до полусмерти... потом до смерти загоняет бегом.

Вольф восстановил дыхание, затем сказал:

— По-моему, их можно поймать. Как только я бросался бежать, они замедляли скорость. Это пропорциональное

уменьшение. Но я не могу бежать так быстро и долго, чтобы ухватиться за них. Кто здесь самый быстрый?

— Я всегда побеждал в беге, — отозвался Лувах, — но сейчас я очень устал, и у меня нет сил, абсолютно...

— Попробуй, — распорядился Вольф.

Лувах неопределенно улыбнулся и осторожно двинулся к вратам. Они отодвинулись. Он бросился бежать и вскоре скрылся за закруглением цилиндра. Вольф повернулся и побежал в противоположном направлении. Вала двинулась за ним. Горизонт с головокружительной скоростью метнулся навстречу. Роберт побежал дальше и сразу же увидел Луваха и врата, разделенных десятью футами. Но Лувах уже выдыхался: дыхание с хрипом вырывалось из его легких, ноги едва двигались. Наконец он остановился, и тут же застыли врата. Вольф приближался к гексагонам с противоположной стороны, но, когда он оказался на таком же расстоянии от них, как и Лувах, врата выскользнули в сторону, как мыло из рук. Вала направилась к ним под углом, но они вновь изменили направление. Наконец запыхавшиеся Властелины остановились. Образовался как бы квадрат; в трех углах стояли люди, в четвертом — врата.

— Где остальные? — спросил Вольф.

Лувах ткнул пальцем в сторону. Вольф поглядел туда и увидел, как оставшиеся Властелины вразброд бредут вдоль закругления этого крошечного мира. Он позвал их всех, и голос его прозвучал жутко в этой странной атмосфере. Лувах пошел было вперед, но Вольф скомандовал ему остановиться. Следуя указаниям Вольфа, Аристон, Тармас, Теотормон и Ринтрах образовали восьмигранник с вратами в центре. Потом все начали сходитьсь, сохраняя одинаковое расстояние между собой и двигаясь с равной скоростью. Врата раскачивались из стороны в сторону, но висели на месте.

После двух минут медленного и терпеливого движения Властелины, наконец, ухватились за гексагоны. На этот раз Вольф не спросил у Вала, в какие врата входить. Он направился в левые.

Остальные последовали за ним, и физиономии у них тотчас вытянулись. Они стояли на другом цилиндре, и на противоположном конце его виднелась еще пара врат. Вновь последовала утомительная погоня и сближение. Снова Властелины прошли через врата, на этот раз правые. И опять оказались на другом цилиндре.

Они проделали это пять раз. Властелины смотрели друг на друга красными, усталыми глазами. Ноги у них дрожали от изнеможения, грудь болела. Они покрылись потом, горло у каждого пересохло, как при самуме¹ в Сахаре, и они едва держались на ногах, цепляясь за гексагоны.

— Так продолжаться больше не может, — заявил Ринтрах.

— Спасибо за откровение, — заметила Вала. — Мог бы для разнообразия высказать что-нибудь пооригинальнее.

— Очень хорошо. Мне ужасно хочется пить, так хочется, что я бы не отказался глотнуть чьей-нибудь крови. Твоей, например.

Вала рассмеялась.

— Только подойди, и я тотчас проткну тебя этим мечом. Твоя кровь жидковата и дурно пахнет, но не беспокойся, я заткну нос.

— Почему-то мы всегда выбираем врата, которые ведут куда угодно, но только не к Уризену, — сказал Вольф. — Пожалуй, на этот раз нам следует разделиться. По крайней мере, хоть кто-то попадет к отцу.

Все заспорили. Вала и Лувах молчали. Наконец Вольф объявил:

— Мы с Валой и Лувахом пойдем в одни врата, остальные пойдут в другие, так-то вот.

— Почему с Валой и Лувахом? — спросил Теотормон. Он подозрительно прищурился, и в его голосе послышались злобные нотки. — Почему с ними? Вы трое знаете что-то, чего не знаем мы? Вы собираетесь покинуть нас?

— Я беру Луваха, потому что он единственный, кому я могу доверять, — объяснил Вольф. — А Валу — потому, что она среди вас — лучший мужчина.

Он оставил Властелинов пререкаться, а сам прошел вместе с сестрой и Лувахом в левые врата. Несколько минут спустя во врата прошли и остальные. Увидев Вольфа, Луваха и Валу, они смутились.

— Но мы прошли в правые врата! — заявил Ринтрах. Вала рассмеялась.

— Похоже, отец сыграл с нами еще одну жестокую шутку. И те, и другие врата ведут на один и тот же цилиндр. Я подозреваю, что они все здесь такие.

— Он играет нечестно! — возмутился Аристон.

¹ Самум — знойный сухой ветер, несущий песок и пыль.

При этом Вольф с Лувахом расхохотались, минутой позже и остальные, за исключением Аристона, присоединились к ним.

Когда смех, в котором, правда, слышались нотки отчаяния, замер, Вольф сказал:

— Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, каждый из цилиндров в этом... этом кружащемся мире имеет врата, и если мы будем так же продолжать действовать, то в конце концов пройдем через все, которые есть. Только в таком случае мы умрем раньше, чем отыщем хотя бы намек на истинный путь. Нам следует придумать что-нибудь новенькое.

Наступила тишина. Властелины сидели и лежали на твердом сером металле, а над ними в беззвучной серенаде вращались цилиндры. Близнецы-гексагоны над основаниями цилиндров, казалось, насмеялись над ними. Наконец Вала сказала:

— Я не верю, что ситуация безвыходная. Это не похоже на отца. Он не прекратит игру, пока у нас не останется хотя бы частичка силы для борьбы. Он хочет довести нас до агонии и сломить. И он рассчитывает — я уверена в этом, — что в конце концов мы найдем врата, которые приведут нас в его крепость. Он, должно быть, делает ставку на то, что мы догадаемся, в чем дело, и примем решение, и будет разочарован, если мы спасуем. Поэтому я считаю, что нам следует хорошенько подумать. Очевидно, врата на всех цилиндрах замкнуты между собой, то есть они ведут друг в друга, если входить в них обычным путем, через ту сторону, которая украшена драгоценностями. Но что если врата двухполярные? Что если другая сторона приведет нас к цели?

— Я пробовал другую сторону, — сказал Вольф, — как только мы попали сюда.

— Да, ты опробовал входные врата. Но проверил ли ты какие-нибудь из двойных врат на цилиндрах?

Вольф покачал головой.

— Усталость и жажда лишили меня разума. Я должен был подумать об этом. В конце концов это единственное, что нам остается сделать.

— Тогда поднимайтесь и пошли, — скомандовала Вала. — Соберитесь с силами, возможно, это и окажется выходом из этого проклятого крутящегося мира.

Снова Властелины загнали в тупик близнецов-гексагонов и ухватились за них. Вала первой прошла через сторо-

ну, не украшенную драгоценностями. Она исчезла. Вольф последовал за ней. Пройдя через ворота и опять очутившись на цилиндре, он почувствовал, как его воодушевление рассеивается, словно вино в вакууме. Потом он увидел на основании цилиндра ворота и понял, что они пошли верным путем.

В нескольких дюймах над поверхностью нависал только один гексагон. Но он вращался вокруг своей собственной оси, совершая полный оборот каждые полторы секунды.

К тому времени на цилиндре собрались остальные Властелины, раздраженные тем, что все еще находятся на крутящейся поверхности. Но когда они увидели вращающиеся ворота, то взбодрились и в то же время пали духом при мысли о выходе и связанной с этим опасностью.

— Почему они вращаются? — слабым голосом спросил Аристон.

— Понятия не имею, братец, — ответила Вала. — Но, зная отца, я подозреваю, что ворота имеют только одну безопасную сторону. То есть, если мы выберем правильную сторону, то пройдем невредимыми! Но если ошибемся... Как видите, ни одна из сторон не инкрустирована драгоценностями, обе выглядят совершенно одинаково и ничем не отличаются.

— Я так измучен, что мне все равно, — заявил Аристон. — Пусть даже смерть — лишь бы избавиться от этих страданий навсегда.

— Так не стоит противиться душевным порывам, — сейчас же отозвалась Вала. — Ты можешь первым испытать ворота.

Вольф ничего не сказал, но другие присоединили свои голоса к предложению Валы. Но Аристону, похоже, уже расхотелось умирать: он запротестовал, говоря, что не настолько глуп, чтобы рисковать собой ради них.

— А ты, братец, оказывается, не только слабоволен, но и труслив, — заметила Вала. — Ладно, я пойду первой.

Уязвленный Аристон шагнул все же к вращающимся воротам, однако, подойдя на несколько футов, остановился. Так он и стоял, глядя на гексагон, несмотря на насмешки Валы. Наконец она не выдержала и оттолкнула его так, что он свалился на серую поверхность, а Вала присела на корточки перед золотым гексагоном и несколько минут пристально разглядывала его. Неожиданно она бросилась вперед и исчезла под аркой. Ворота продолжали вращаться.

Аристон поднялся и, ни на кого не глядя и не отвечая на насмешки, подошел к вратам, на секунду остановился и бросился в них.

В то же мгновение он выскочил с другой стороны и упал на серую поверхность цилиндра.

Вольф подбежал к нему и перевернул тело на спину. Рот Аристона был широко раскрыт, глаза остекленели, кожа приобрела серый оттенок.

— Он прошел не с той стороны, — произнес Вольф, обернувшись к остальным. — Что ж, теперь мы знаем, что это за врата.

— Ну и везет же этой чертовой ведьме, — воскликнул Тармас. — Ты заметил, через какую сторону она прошла?

Вольф покачал головой и в сумрачном розовом свете еще раз осмотрел врата. Стороны были совершенно одинаковые. Он подозвал Луваха. Вдвоем они подняли труп Аристона и по команде Вольфа швырнули под арку. Труп вылетел с другой стороны.

Вольф с Лувахом зашли с другой стороны, снова раскачали тело и бросили в отверстие. На этот раз труп исчез. Вольф повернулся к Ринтраху:

— Ну что?

Ринтрах кивнул.

— Подними палец, когда повернется нужная сторона, — распорядился Вольф. — Только не тяни.

Ринтрах выждал пару оборотов и ткнул пальцем, Вольф бросился под арку, уповая на то, что Ринтрах не ошибся, — и упал на труп Аристона. Послышался шум моря, освещенного багровым небом.

Чуть дальше, смеясь, стояла Вала, явно забавлялась шуткой отца.

Они вновь находились на острове водного мира.

Глава XIV

Один за другим появились остальные Властелины. Как ни странно, никто не выглядел удрученным. Наконец-то они оказались на знакомой земле, почти дома, так сказать. И, по словам Теотормона, наконец-то могли отъесться.

Врата, через которые они прошли, были правыми гексагонами в огромной паре, установленной на высоком холме. Окрестности выглядели знакомыми. Властелины тот-

час напились в ближайшем ручье и отобедали рыбой, которую наловил Теотормон. Выставив охрану, все уснули. И лишь на следующий день обследовали местность.

Через полчаса не осталось ни капли сомнений, что они вернулись на громадный остров, которые местные жители называли Матерью Островов.

— Да, это те самые врата, с которых начались наши злоключения, — сказал Вольф. — Тогда мы прошли в правый гексагон. Так что левый может привести нас в мир Уризена.

— Ну и что? — отозвался Тармас. — Я не сказал бы, что это самый желанный из миров. Но не лучше ли наслаждаться жизнью здесь, чем отправиться навстречу верной гибели и провести остаток своих дней в застенках Уризена? Почему бы нам не забыть о вратах? Здесь есть пища, вода и женщины-aborигены. Пусть Уризен сидит на своем троне и ждет нас, пока не сгинет.

— Не забывай, что без соответствующих лекарств ты состаришься и умрешь. Тебе этого хочется? Кроме того, нет никакой гарантии, что Уризен не заявится сам, если мы не пойдем к нему. Нет, вы можете прохлаждаться здесь, сколько угодно, а я намерен продолжать борьбу.

— Видишь ли, Тармас, у Джадавина есть веская причина действовать, — криво усмехнулась Вала. — Его любовница — между прочим, не из Властелинов, а простолюдинка с Земли — захвачена в плен Уризенем. Так что пока она в руках отца, нашему брату не сидится.

— Вы вольны поступать, как вам вздумается, — сказал Вольф. — Но я сам себе хозяин.

Он поглядел на две огромные планеты, видневшиеся в этот момент на небе, и на чуть заметную полоску, похожую на черную комету, и добавил:

— Кстати, для чего нам ломиться в парадные двери, где нас непременно поджидает Уризен? Почему бы не воспользоваться черным ходом или, если угодно, форточкой?

В ответ на последовавшие вопросы, Вольф изложил мысль, осенившую его, пока он смотрел на другие планеты и комету. Властелины решили, что он сошел с ума, а идея его просто безумна.

— Почему бы и нет? — настаивал Вольф. — Все необходимое мы вполне можем достать, даже если для этого придется вновь пройти через врата. А до Аппирмаздума всего двадцать пять тысяч миль. Почему бы не отправиться туда на ракете?

— Построить аэростатный космический корабль?! — воскликнул Ринтрах. — Джадавин, жизнь на Земле повредила твой рассудок.

— Мне, конечно, потребуется ваша помощь, — продолжал Вольф, как ни в чем не бывало. — Осуществить задуманное представляется задачей большой сложности. Понадобятся не только время, но и колоссальные усилия. Однако задача осуществима, уверяю вас!

— Допустим, что так, — заметила Вала. — Но что помешает отцу заметить и уничтожить корабль, когда мы будем в космосе?

— Тут придется рискнуть. Будем надеяться, что он не установил между планетами детекторов. В конце концов, зачем они нужны? Ведь единственный вход в его мир — через врата, которые сделаны им самим.

— А что, если один из нас предатель? — спросила Вала. — Ты не подумал, что кое-кто из нас может быть доносчиком и обо всем информировать Уризена?

— Такая мысль приходила мне в голову, как, наверное, и всем остальным. Однако мне не верится, что предатель согласился бы подвергаться всем опасностям наравне с другими.

— А откуда нам знать, что Уризен не видит и не слышит нас прямо сейчас? — спросил Теотормон.

— Ты прав, конечно, такая возможность не исключена. Значит, придется и здесь рискнуть.

— В любом случае лучше принять предложение Вольфа, чем сидеть сложа руки.

Последовавшая дискуссия закончилась тем, что все Властелины согласились помогать Вольфу. Даже самые ярые оппоненты осознавали, что если план удастся, бездельников оставят на острове. И при мысли, что у кого-то вновь появится шанс стать Властелином, а кому-то придется разделить жалкое существование аборигенов, последние возражения рухнули.

Первым делом Вольф наладил отношения с местными жителями. К его удивлению, аборигены ни в чем не проявили враждебности. Они видели, как Властелины исчезли во вратах, а затем вновь вышли из них. Такое под силу только богам или почти богам. Вот почему Властелинов сочли особыми... и опасными существами. Туземцы были счастливы сотрудничать с Вольфом, это решение диктовалось их религией, которая представляла из себя мистиче-

ски искаженную веру Властелинов. Они почитали Лоса добрым богом, а Уризена — злым, своего рода сатаной. Местные предсказатели и знахари утверждали, что наступит день, когда злого бога низвергнут, и тогда наступит рай для всех алулос.

Вольф не пытался их разубедить. Пусть верят, во что хотят, лишь бы помогали. Собрав все, какие имелись в этом мире, материалы, он загрузил остальных посильной работой, а сам вместе с Лувахом прошел во врата. Оба продвигались по воздуху с помощью прикрепленных к спинам газовых пузырей и были вооружены короткими мечами, луками и стрелами. Одни за другими проходили они врата в поисках необходимых вещей. Они знали, что их ожидает и каких опасностей следует остерегаться. И все же приключений, выпавших на их долю, хватило бы на несколько книг.

Однако одного похода оказалось недостаточно, и в следующий раз их сопровождали Вала и Ринтрах. Из мира животных, катающихся на ороговевших подобиях коньков и передвигающихся с помощью присосок, они вынесли куски стекловидной массы. Из Велтизма — кучи птичьего помета, которые совместно с испражнениями туземцев шли на изготовление натриевой соли.

Ртуть добыли у туземцев, в больших количествах собиравших ее во время ливней, приносимых черными кометами. Капли ртути служили священными реликвиями, и их передали Вольфу только после того, как он заверил, что серебристый металл потребуется для свержения Уризена. Выяснилось, что одно из растений острова является источником древесного спирта. Сжигая прочие деревья, заготовили древесный уголь. Планета темпосфуджеров обеспечила строителей серой.

Когда Вольфу понадобились платиновые катализаторы для получения азотной кислоты, он вспомнил о цилиндрах вертящегося мира.

Платина имеет точку плавления 1773,5 градуса по Цельсию и обладает высокой прочностью. Ни выплавить, ни отрезать кусок цилиндра не было возможности. Однако Вольф решил задачу, воспользовавшись собственными устройствами Уризена.

Он взял с собой всех Властелинов, хотя Теотормон и Тармас сильно возражали. Окружив подвижные гексагоны-близнецы, их подвели к краю цилиндра. Здесь-то Тео-

тормон понял, зачем его заставили совершить это путешествие. Его вес потребовался, чтобы врата опустились к изгибающемуся краю цилиндра. Силы, удерживающие врата над поверхностью, были могучи, но не могли сопротивляться весу и мускулам Властелинов.

Часть дуги вошла в гексагон. Если бы врата оставались неподвижными, кусок цилиндра просто выступил бы через парные врата на другом цилиндре. Но врата перемещались и, действуя как своего рода ножницы, отрезали ту часть, которая прошла через арку.

Установив врата на место, Властелины прошли через них на следующий цилиндр и нашли кусок платины. Затем они воспользовались имеющимися там вратами и рассекли кусок на более мелкие части. На цилиндре с вертящимися смертоносными вратами Вольф, кидая камни и следя за их исчезновением, пометил безопасную сторону мазком желтой краски, принесенной с водного мира. Постепенно Вольф определил точное направление каждого гексагона и мог попадать в нужный мир кратчайшим путем.

Остров водной планеты к этому времени превратился в гигантскую кузницу, полную дыма и зловония. Выслушивая жалобы туземцев и Властелинов, Вольф то насмеялся, то угрожал. Он без устали подгонял всех. Так минуло шестьдесят темных лун. Работа продвигалась медленно, то и дело принося разочарования: отдельные операции зачастую становились опасными для жизни. Вольф с Лувахом продолжали совершать походы по мирам, доставляя необходимые материалы.

Аэростатный космический корабль был уже наполовину готов. Еще немного, и он покинет планету. В стратосфере поле притяжения должно быстро ослабеть, в чем Теотормон сильно сомневался, и притяжение темной луны поможет кораблю набрать большую скорость. Затем пороховые ракеты придадут ему ускорение. Изменять направление движения можно будет с помощью небольших взрывов пороха или газовыми струями из пузырей.

Вольф еще не решил всех проблем, связанных с регенерацией и циркуляцией воздуха в герметичной гондоле, не продумал трудностей жизнеобеспечения в невесомости. Впрочем, сила тяжести на корабле частично останется. До верхних слоев атмосферы они поднимутся за счет расширения газа в пузырях, а затем попадут в поле притяжения луны.

И лишь пороховые ракеты должны придать кораблю достаточное ускорение, чтобы преодолеть притяжение водного мира. Но если же тяготение планеты преодолеть не удастся, они вполне могут оказаться пленниками лунной орбиты.

— Никакие математические расчеты не подскажут, как избавиться от притяжения и выбрать необходимое направление, — заметил Вольф Луваха. — Придется действовать по наитию.

— Будем надеяться, что у нас неплохой нюх, — отозвался Лувах. — Скажи, ты и вправду считаешь, что у нас есть шанс?

— Надеюсь, — ответил Вольф. — Но сейчас стоит подумать о других вещах. Например, о космических костюмах, в которых мы будем работать. Нам придется носить скафандры, когда мы будем в гондоле, — нельзя полагаться на ее полную герметичность.

Уже приготовили гремучую ртуть для взрывных головок. Это была темно-коричневая смесь ртути, спирта и концентрированной азотной кислоты.

Азотную кислоту, окислившую серу до серной кислоты, получили путем нескольких химических превращений. Соль натрия кристаллизовали из птичьего помета и человеческих испражнений, а потом нагрели с серной кислотой (последнюю получили, сжигая серу с селитрой, то есть с калием или натрием).

Свободный азот, выделенный из воздуха, смешали с водородом (из газовых пузырей) и получили аммоний, который при соответствующей температуре смешали с кислородом (из пузырей, вырабатывающих кислород). Смесь пропустили через тонкий проволоочный смеситель, выполненный в виде контактной платины, чтобы одновременно подвергнуть катализу.

Полученные в результате азотные окислы смешали с водой и путем перегонки получили концентрированную кислоту. Материалом для тиглей, контейнеров и труб послужило стекловидное вещество с планеты конькобежцев.

Черный порох приготовили из древесного угля, серы и селитры.

Вольфу даже удалось получить из солей азотной кислоты взрывчатый порох. Однажды Вала сказала:

— Не кажется ли тебе, что мы делаем чересчур много пороха? Мы ведь все равно не сможем взять с собой так много, иначе корабль просто не оторвется от земли.

— Верно, — ответил Вольф, — Но, может быть, ты поинтересуешься, почему я размещаю взрывчатку в разных местах? Потому, что порох самовозгорается. Храня запасы по отдельности, я сохраню большую часть, если какой-нибудь склад взорвется.

Властелины побледили, а Ринтрах осведомился:

— Ты имеешь в виду, что взрывчатка, которую мы возьмем на корабль, может взорваться в любую минуту?

— Именно так. И боюсь, что это еще один неизбежный риск. Шансы на успех малы, но не следует отчаиваться. Разве вы не чувствуете иронии в том, что Уризен снабдил нас материалами для собственной гибели? Он сам вложил в наши руки оружие, которым мы разрушим его свёрхтехнику — если нам повезет, конечно.

— Если мы останемся в живых, то непременно посмеемся, — пробормотал Ринтрах. — Однако мне почему-то кажется, что смеяться будет Уризен.

— Старинная земная пословица гласит: «Не рой другому яму, сам в нее угодишь». И еще: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним».

В ту ночь Вольф пошел в хижину Луваха. Почувствовав на плече руку, Лувах моментально проснулся. Он схватился за меч, сделанный из кремня на планете темпосфуджеров, но Вольф сказал:

— Я пришел поговорить с тобой, а не убивать. Лувах, ты единственный, кому я могу довериться. Мне нужна помощь.

— Спасибо, брат. Ты лучший из нас. Я знаю, ты не способен на предательство.

Час спустя, нагруженные лопатами и топорами, они вышли из хижины и направились к холму, над которым стояла пара врат. Здесь их уже ждали двадцать туземцев, пользующихся доверием Вольфа. Они принялись копать, обрубая сплетения гниющей растительности и корни пузырей. Все работали слаженно и быстро, и когда луна зашла и увела с собой ночь, канава вокруг холма была закончена. Они продолжали вынимать грунт и остановились, когда до уровня воды осталось лишь несколько футов почвы и древесных корней. В канаву заложили азотную селитру, взрывчатку и старательно забросали их нарезанными корнями и грязью, стараясь замаскировать следы земляных работ.

— Стоит только взглянуть, и любой догадается, что здесь копали, — сказал Вольф. — Но будем надеяться, что

сюда никто не придет. Я ведь объявил, что сегодня день отдыха, так что все будут спать. — Он поглядел на врата. — Теперь нам предстоит обойти все планеты и сделать это надо быстро.

Добравшись до планеты темпосфуджеров, Вольф дал Луваху одно из своих духовых ружей. Оно было изготовлено из полого, похожего на бамбук растения, входившего во флору Матери Островов. Аборигены пользовались им, чтобы стрелять дротиками с наконечниками из костей особого вида рыбы. С этим оружием они охотились на птиц и крыс, живущих на острове.

Вольф и Лувах зашли в каньон и сбили там пять темпосфуджеров. Когда Вольф подбирал добычу, то нашел нору, в которой жили хроноволки. Он засунул конец духового ружья в нору и выпустил дротик. Выждав минуту, он просунул в нору руку и вытащил оттуда спящего хроноволка.

Животных, которые находились в бессознательном состоянии, бросили во врата, которые вели, по всей вероятности, в мир Уризена. Хотя, возможно, что и те, и другие врата вели лишь на следующий из второстепенных миров, как и врата на планете вращающихся цилиндров.

— Я надеюсь, что маленькие животные задействуют сигналы тревоги Уризена, — сказал Вольф. — Эти сигналы на некоторое время отвлекут его. Возможно также, что способность темпосфуджеров и хроноволков удваиваться и прыгать во времени, даст им шанс выжить какое-то время. Может быть, им даже удастся размножиться, попасть во дворец и разрушить какое-то количество ловушек и сигнальных устройств. Пока Уризен будет ломать голову над тем, что происходит, он отвлечется от врат, через которые ожидает нашего прихода.

— Хорошо, если так, — отозвался Лувах. — Боюсь, что гексагоны-близнецы здесь и на водном мире просто ведут на другую второстепенную планету.

— Нет ничего надежного в этих мирах, — заметил Вольф. — И даже бессмертных Властелинов за каждым углом ожидает смерть. Так что давай-ка завернем за угол.

Они прошли через врата велтизма. Не обнаружив никаких признаков хроноживотных, Вольф очень обрадовался, так как считал весьма вероятным, что они попали в крепость Уризена.

Спутники вернулись в водный мир, и Вольф отправил Луваха с заданием, провожая его задумчивым взглядом.

Возможно, он и ошибался, подозревая Валу в тайном сговоре с отцом. Но уж слишком ей везло.

При малейшей опасности она почему-то всегда оказывалась в безопасном месте. А как уверенно она держалась, когда они скатились в реку с ледяных скал! Даже Теотормон тогда устал до полусмерти, хотя вода, можно сказать, его родная стихия. Вала же плавала на поверхности воды без усталости. Вольф подозревал, что в ее поясе скрывалось устройство, позволяющее легко держаться на воде. А гексагоны? Каждый раз врата, которые она выбирала, вели на второстепенную планету. Неужели действительно ни одни не вели в крепость Уризена? Нет, уж слишком самоуверенно она держалась, что странно даже для нее. Такое поведение очень похоже на двойную игру.

Вала ненавидела отца, но могла сговориться с ним, чтобы погубить своих братьев и кузенов. Ведь их она ненавидела не меньше. Вала вполне могла носить при себе ловко припрятанный передатчик. Таким образом, Уризен мог все слышать, а возможно, и видеть. Она же наслаждалась этой игрой, совмещая роль беспристрастной наблюдательницы и участницы, подверженной всем опасностям. Уризену же зрелище смертельно опасных приключений доставляло удовольствие, напоминая своеобразные спортивные соревнования.

Вернувшись к холму, Вольф принялся претворять в жизнь последний этап плана. Аборигены почти закончили загружать корабль черным порохом, селитрой и гремучей ртутью. Почти построенный корабль состоял из двух каркасов, сделанных из полого бамбука с газовыми ячейками. Каркасы представляли собой верхние и нижние палубы, и соединить их можно будет позднее.

С самого начала он знал, что использовать этот корабль для космического путешествия невозможно. Он вообще сомневался, что корабль взлетит, а если и взлетит, вряд ли сможет преодолеть притяжение планеты. Шансов на успех практически не было. Но он делал вид, что уверен в успехе, и поэтому работы продолжались. Так что любой шпион, будь он Властелин или посторонний наблюдатель, оказался бы одурачен.

Возможно, Уризен наблюдает за ними и сейчас и недоумевает, что они собираются предпринять. Если так, то когда он сообразит, в чем дело, будет слишком поздно.

Аборигены отпустили канаты, которыми были пришвартованы обе половинки корабля, и те, поднявшись на не-

сколько футов в воздух, остановились примерно на той высоте, что требовалось Вольфу, — тонны взрывчатки не давали взлететь выше. Роберт подал сигнал, и туземцы начали толкать обе части корабля в сторону холма, пока не подвели их к самым вратам. Каждая половина была как раз таких размеров, чтобы пройти в шестиугольную арку; собственно, для этой цели Вольф и приказал строить корабль двумя отдельными частями — цельный корабль не смог бы протиснуться в такое узкое пространство, даже сейчас каркасы проходили в отверстие буквально впритирку.

Вольф поджег фитили на парящих в воздухе половинах корабля и дал сигнал людям. С дружным возгласом туземцы принялись подтаскивать каркасы. Стоя чуть поодаль, Вольф смотрел сквозь арку на ландшафт острова. Но вот нос одной из половинок вошел во врата и исчез, словно обрубленный. Следом исчезла корма.

Из зарослей вышел Лувах с бесчувственным телом Вала на плечах. За ним шагали остальные встревоженные и озадаченные Властелины. Вольф вкратце объяснил, что собирается делать.

— Я не мог доверить свои планы никому, кроме Луваха, — сказал он. — Я подозреваю, что Вала — шпионка отца. Может быть, она не виновна, но рисковать не стоит. Поэтому я и попросил Луваха оглушить ее. Надеюсь, он ударил ее не слишком сильно. Мы возьмем ее с собой, и к тому времени, когда она придет в себя — оправданны мои подозрения или нет, — она уже не сможет нам помешать. Теперь надевайте скафандры. Они будут действовать в воде так же хорошо, как и в космосе. Даже, пожалуй, лучше, поскольку их делали специально для погружения в воду.

Лувах посмотрел на врата.

— Ты думаешь, что взрывчатка уже сработала?

— Трудно сказать, — Вольф пожал плечами. — Врата односторонние, так что с этой стороны мы, конечно, взрыва не услышим. Но будем надеяться, что запал сработал, и часть ловушек уничтожена. И если так — Уризен, должно быть, весьма удивится и расстроится.

Лувах облачил Валу в защитный костюм, затем оделся сам. Вольф смотрел, как бежит огонь по фитилям, укрытым в полые бамбуковые трубки. Фитили вели к взрывчатке, аммониевой селитре и гремучей ртути, которые уложили на рассвете вокруг холма с вратами.

Глава XV

Раздался грохот, и земля дрогнула. В воздух поднялось облако черного дыма, обгорелые ветки и корни. Как только дым рассеялся, Вольф повел Властелинов к холму, быстро погружающемуся в воду. Взрыв как бы вырубил кусок острова, и под тяжестью гексагонов вырубленная часть уходила вниз.

Вольф бросил пару бомб к основанию врат, чтобы ускорить их погружение, и подождал, пока верхняя часть гексагонов не сравняется с поверхностью острова. Как только врата скользнули в воду, он повел отряд вперед. Его лицо скрывала кислородная маска, на спине крепились баллоны со сжатым воздухом, в одной руке Роберт держал копье с кремниевым наконечником, в другой — нож, за пояс он заткнул топор.

Верхушка врат скрылась в море. Вольф вынырнул на поверхность, чтобы осмотреться. Вода, взбаламученная взрывом, оказалась такой мутной, что ничего нельзя было разглядеть. Роберт ухватился за арку гексагона, чтобы вместе с ним достичь дна.

Лувах погружался следом, одной рукой он ухватился за лодыжку брата, а другой держал бесчувственную Валу. Остальные Властелины в свою очередь хватались за Луваха и друг за друга. Лишь Теотормон плыл сам по себе, пока отряд проходил через врата.

Убедившись, что находится у левого гексагона, Вольф вплыл в шестиугольную арку — точнее, его затащило туда напором воды.

Мощное течение стремительно понесло его по длинному холлу. В свете ламп взору Вольфа предстала живописная картина. Чудовищной силы взрыв вырвал часть плит, которыми был выложен проход; массивные двери из белого металла сорвало с петель и покорежило. Корабль-бомба сделал свое дело. Даже если бы взрыв не сорвал двери, отделявшие холл от остальных помещений дворца, они в конце концов были бы сметены напором воды; правда, к этому времени Властелинов расплющило бы чудовищное давление.

Вольфа внесло в проход и увлекло вниз по другому коридору. Чуть впереди бурлящий поток с ревом ударялся о стенку и сворачивал в сторону. В свете ламп Вольф разгля-

дел, что дно коридора усеяно рядом длинных металлических костылей. Несомненно, они предназначались для Властелинов, которые теперь проплывали над ними, приближаясь к водовороту. Вольф едва успел заметить, что проход разветвляется надвое, его неотвратно влекло к водопаду, срывающемуся из большого окна в конце спуска.

Водоворот морской воды крутил и кидал его как щепку, мимо стремительно проносились стены. Наконец ревущий поток вышвырнул его в окно и, уже падая, Вольф увидел перед собой вышедший из берегов пруд.

Удар оглушил его, но почти бессознательно он вынырнул и добрался до берега. Нам определенно повезло, подумал Вольф, разглядывая пруд. Иначе он неминуемо разбился бы насмерть. Все еще сжимая копье, он выбрался на камни.

Вскоре на поверхность один за другим вынырнули остальные Властелины. Первым показался Теотормон, за ним — Лувах с пришедшей в себя и перепуганной Валой. Еще через несколько секунд выплыл Ринтрах. Тармас с распростертыми руками безжизненно покачивался на воде лицом вниз. Роберт вытащил его на берег и уложил на камни. Тармаса, вероятно, ударило об окно перед тем, как увлечь водопадом, около колена виднелся кровоподтек, лицо покрывали ссадины.

Вала набросилась с упреками на Вольфа, но он велел ей замолчать — на разговоры не оставалось времени. В нескольких словах он объяснил ей, что сделал и почему. Вала быстро овладела собой. Она улыбнулась, хотя была все еще бледной, и сказала:

— Опять ты добился своего, Джадавин! Обратил механизм Уризена против него самого!

— Вот что, Вала,— перебил ее Вольф.— По-моему, ты в сговоре с отцом. Может быть, я чересчур мнителен, хотя такое трудно представить, когда имеешь дело с Властелинами. В общем, если ты невиновна, я попрошу прощения, если же нет, то он решит, что ты переметнулась на нашу сторону, и вряд ли станет выслушивать твои объяснения. Он просто убьет тебя при первой же возможности. У тебя нет выбора.

— Да-а, братец, ты всегда отличался коварством. Что ж, твоя взяла. Но с отцом я и сама справлюсь. Кто знает, может быть, у меня и будет такой шанс! Несколько часов

назад я поклялась бы, что мы попадем в западню, как только ступим в его владения, но вот мы здесь, и отцу тоже грозит смертельная опасность.

Она указала на окно, из которого мощным потоком извергалась морская вода.

— Очевидно, врата находятся в верхних этажах дворца. А вода бежит вниз. Если Уризен не примет в ближайшее время экстренных мер, то утонет, как крыса, в собственном дворце. — Оглядев окрестности дворца, Вала продолжила: — Как видишь, дворец расположен в долине, окруженной высокими горами. Через некоторое время все море водного мира вольется через врата, если они затонули не на мелководье. Долину затопит, а потом вода хлынет сквозь горы и затопит всю планету.

— Предлагаю забраться на горы и полюбоваться, как утонет отец, — предложил Ринтрах.

Вольф покачал головой.

— Нет. Во дворце Хрисеида.

— А нам-то что? — пожал плечами Ринтрах.

— Не забывай, у Уризена есть самолет, — сказал Вольф. — Так что он наверняка спасется и непременно отыщет нас. Но даже если мы сумеем спрятаться, то все равно обречены: довольно скоро океан затопит этот мир. Уризен может просто бросить нас здесь на произвол судьбы, мы окажемся в западне и неизбежно умрем с голода. Нет, если вы уж хотите выбраться отсюда и вернуться в свои вселенные, вам придется разделаться с Уризенем. — Вольф повернулся к Теотормону и сказал: — Ты должен знать какие-нибудь ходы, ведь отец держал тебя здесь пленником. Есть ли возможность пробраться внутрь так, чтобы не нарваться на ловушки?

— В саду, который теперь залила вода, был вход, — сказал Теотормон. — Пожалуй, это лучший вариант. Так мы сможем проплыть к вратам, которые еще не затоплены. Достаточно не притрагиваться к полу и стенам, и ловушки не сработают.

Властелины снова погрузились в воду и, держась стен пруда, чтобы не попасть под водопад, нырнули в глубину. Найти вход оказалось нетрудно: их буквально затащило туда течением. Они поплыли с потоком и вскоре добрались до широкой лестницы, выложенной из черного и красного камня. Поднявшись по ней и проплыв в коридорах некоторое время, путники очутились на втором этаже. Он тоже

был затоплен, и Властелины продолжали подъем. Пол следующего этажа вода покрывала всего на несколько дюймов, но уровень быстро повышался. Скинув маски, они избежали по лестнице на четвертый этаж.

Дворец Уризена, как и обиталища прочих Властелинов, был великолепен. В другое время Вольф непременно бы задержался, чтобы полюбоваться картинами, драпировками, скульптурами и прочими бесценными сокровищами, награбленными из десятков миров. Теперь же лишь две мысли владели его сознанием: убить Уризена и спасти свою жену, большеглазую Хрисеиду.

Перед тем, как отдать команду идти вперед, Вольф спросил:

— Где Вала?

— Минуту назад она шла за мной следом, — отозвался Ринтрах.

— Значит, жива-здорова, — заметил Вольф. — Но как быть, если она ускользнет к Уризену?

— Лучше бы нам опередить ее, — поторопил Лувах.

Вольф отправился вперед, каждую секунду ожидая, что вот-вот сработает смертельная ловушка. Двери наверняка защищались заградительными устройствами, хотя коридор — был такой шанс — мог оставаться свободным. Вполне вероятно, что Уризен считал себя здесь в безопасности. Возможно и то, что, заливая здание, вода могла нарушить режим работы накопителей энергии. К каким бы случаям Уризен ни готовился, вряд ли ему приходило в голову, что море другой планеты может залить его владения. Теотормон сказал.

— Комната, где меня держали, на следующем этаже. Личные апартаменты Уризена там же.

Вольф поднялся по первому пролету лестницы, которая им попалаась. Он шел медленно, внимательно разыскивая ловушки. Все было в порядке. Властелины без неприятностей поднялись на следующий этаж и на минуту остановились. Чем ближе они подходили к Уризену, тем больше нервничали. Ненависть уступала перед былым трепетом, наполнявшим их сердца в детстве.

Они находились в огромном зале, стены которого, выложенные плитами белого мрамора, украшало множество барельефов, изображавших различные сцены из жизни Властелинов. Вот Уризен восседает на троне. Вот он стоит на лугу, окруженный резвившимися детьми. Вольф узнал себя,

братьев, сестер и кузенов. То была счастливая пора, хотя и тогда время от времени их терзали смутные предчувствия грядущего, ненависти и тревог.

— Слышите грохот волн? — тихо спросил Теотормон. — Еще немного, и этот этаж тоже затопит.

— Хрисеиду, наверное, держат в той же камере, где томился ты, — сказал Вольф. — Веди нас туда.

Теотормон, отталкиваясь мощными ногами, пружинистой походкой направился туда, где столько времени провел в заточение. Он без колебаний находил дорогу в путанице комнат и переходов, казавшихся постороннему взгляду запутанным лабиринтом. Наконец он остановился перед высоким овальным входом из красного камня, украшенного пурпурными шероховатыми барельефами крылатых созданий. За проемом находился огромный зал, залитый тусклым светом.

— Вот здесь меня и держали, — сказал Теотормон. — Но я боюсь туда входить.

Вольф сунул копьё в сводчатый проход.

— Подожди минутку, — посоветовал Теотормон. — Реле ловушки может срабатывать с опозданием, чтобы вошедший не мог спастись.

Вольф продолжал держать копьё, считая секунды и прикидывая, как далеко удастся войти в помещение. Неожиданно в зале что-то ослепительно вспыхнуло, и Роберта отбросило назад.

Когда зрение вернулось, Вольф увидел, что половины копьё как не бывало. В проходе веяло жаром, воздух наполнился запахом гари.

— Твое счастье, что пламя направлено вверх, — заметил Теотормон.

Ловушка занимала около двадцати ярдов. Дальше помещение могло быть безопасным, но как миновать смертельную преграду?

Вольф отступил на шаг и, швырнув в зал остаток копьё, повернулся ко входу спиной. Снова последовала вспышка, осветившая на полу коридора тени Властелинов, из зала хлынула волна жара. Вольф повернулся и метнул в комнату стрелу, считая секунды. Ровно через три секунды стрела вспыхнула в пламени. Вольф объяснил спутникам свой план, и Властелины, спустившись этажом ниже, окунулись в воду. Затем они, мокрые, вернулись к сводчатому проходу. Вольф метнул стрелу. Последовала вспышка, и

как только жар чуть-чуть схлынул, он опрометью кинулся в помещение. За ним помчались Теотормон и Лувах. У них было всего три секунды, чтобы преодолеть двадцать ярдов — времени немного, но достаточно. Пламя высушило намокшие одежды и слегка опалило волосы. Но преграды остались позади.

У дверей остались Ринтрах и Тармас. Ринтрах метнул стрелу и кинулся в раскаленный воздух. Вольф, наблюдавший за ними, заметил, что Тармас заколебался, и предупреждающе крикнул, советуя подождать и попытаться еще раз. Но Тармас не обратил на его слова внимания, а может быть, просто не расслышал их. Он понесся изо всех сил, и глаза его были широко раскрыты под кислородной маской. Вольф приказал всем отвернуться. Вновь последовала ослепительная вспышка, и одновременно раздался пронзительный крик. В лица Властелинов полыхнул горячий воздух, комнату заполнил запах горелой плоти и сожженной рыбьей шкуры, из которой были сделаны одежды. Останки Тармаса темной грудой лежали на полу и дымились.

Властелины молча отвернулись и, не говоря ни слова, направились через зал. Подойдя к следующему проходу, Теотормон после соответствующей проверки провел их в узкую дверь. Отряд вошел в полукруглую комнату длиной около ста ярдов. Вдоль стен стояло множество клеток, и все они, за исключением одной, были пусты. Вольф увидел ее обитателя первым.

— Уризен! — воскликнул он.

Глава XVI

В клетке размером десять на десять футов имелось только тонкое одеяло, кран с питьевой водой, дыра в полу, заменявшая туалет, да автоматический раздатчик пищи. Человек в ней был худым и высоким. Лицо его все еще странным образом сохраняло соколиное выражение, но борода отросла ниже колен, а грязные спутанные волосы спадали до икр. Увидев клочья седины, Вольф понял, что отца держали здесь долго: даже прекратив принимать так называемое средство бессмертия, Властелины еще долгие годы испытывают воздействие препарата.

Уризен подошел к решетке, но держался осторожно, не прикасаясь к стальным прутьям. Вольф тихо приказал всем

отступить, а сам приблизился к клетке. Остановившись в нескольких дюймах от нее, он спросил:

— Ты все еще ненавидишь нас так сильно, отец, что жаждешь нашей смерти?

Вольф поскреб прутья кончиком стрелы: по металлу тотчас побежали блики света.

Уризен печально улыбнулся и заговорил глухим, полным боли голосом:

— Дотрагиваться до решетки только болезненно, но не смертельно. Ах, Джадавин, ты всегда был самым хитрым! Кому бы еще удалось зайти так далеко? Никому — разве только Вале, да, возможно, Рыжему Орку.

— Так, значит, моей сестрице удалось пробраться сквозь все твои ловушки, да еще и поймать того, кто их расставлял! — произнес Вольф. — Она непрестанно убеждала нас, что ты по-прежнему царствуешь на троне. Она забавлялась, разделяя выпавшие на нашу долю невзгоды и изображая из себя союзницу. Я подозревал, что она в сговоре с тобой, но чтобы она... нет, это мне в голову не приходило.

— Я обречен, — сказал Уризен. — Мне не выбраться отсюда, да и ты не сможешь открыть клетку. Не сможешь, даже если бы захотел помочь мне. Впрочем, я все равно скоро умру. Вала ввела мне медленно действующую и болезненную культуру рака. Собственно говоря, она делала это уже трижды, и каждый раз, когда я был уже при смерти, вылечивала, возвращая здоровье.

— Сказал бы, что мне жаль, но я не хочу лгать, — заметил Вольф. — Ты получил по заслугам.

— Выслушивать нотации от тебя? — воскликнул Уризен, и глаза его вспыхнули прежним огнем. Внутри у Вольфа что-то дрогнуло — былой страх перед отцом еще не угас. — Я слышал, Джадавин, что ты сильно изменился, пока жил на Земле, но не мог этому поверить. Теперь вижу, что это правда.

— Я пришел сюда не для того, чтобы спорить с тобой, — оборвал Вольф излишняя старика. — Да и времени для этого нет. Скажи, отец, как нам добраться до комнаты управления? Скажи, если хочешь отомстить. Вала снова свободна и находится там.

— Зачем я стану помогать вам? — спросил Уризен. — Пусть я умру, но, по крайней мере, буду знать, что ты, Ринтрах, Лувах, и Теотормон погибнете вместе со мной.

— Разве тебе приятна мысль о торжестве Вала? Разве ты получишь удовольствие от того, что Вала останется жива? Что она сделает из твоего тела мумию и выставит напоказ среди прочих трофеев?

Уризен горько улыбнулся.

— Если я сообщу сведения, которые тебя интересуют, то тогда Вала, может быть, и умрет, но зато вы все будете жить. Это отвратительный выбор. Как ни поверни — я в проигрыше.

— Ты можешь ненавидеть нас, но мы ведь никогда не делали тебе ничего плохого, — настаивал Вольф. — Вала же...

— Море скоро наводнит и этот этаж, тогда мы все погибнем, — вмешался Теотормон. — Вот уж посмеется Вала, сидя в безопасности перед контрольной панелью. И над Хriseидой она потешится, как захочет.

Чувство беспомощности овладело Вольфом. Какими угрозами заставить Уризена говорить? Он сделал все, что в его силах. Что же еще остается? Наконец он сказал:

— Пошли, больше нельзя терять ни секунды, — и добавил, обратившись к Уризену. — Прощай, отец. Твоя смерть близка. Я знаю, твое сердце жаждет отмщения. Несколько слов, и справедливая кара настигла бы Валу. Но ненависть ослепила тебя. Ты сам лишаешь себя возможности свершить возмездие.

— Подожди! — крикнул ему вслед Уризен.

Вольф быстро вернулся к клетке. Уризен облизал пересохшие губы.

— Если я помогу тебе, выполнишь ли ты одну мою просьбу?

— Я не могу освободить тебя, отец, — ответил Вольф. — Тут надо подумать, а ты сам видишь, что у нас нет ни минуты. А если бы и смог, я все равно бы убил тебя, как только открыл клетку.

— Я предлагаю услугу за услугу, — произнес Уризен. — Я прошу тебя только об одном — о смерти. Я бесконечно страдаю, сын мой. Гордость мешала мне сознаться. Но каждая минута такой жизни кажется мне тысячелетиями. Будь на моем месте кто-то другой, он давно бы пал на колени, умоляя положить конец его мукам. Уризен же никогда не унижается до просьб. Обмен — другое дело.

— Согласен, — сказал Вольф. — Стрела избавит тебя от мук.

Уризен склонился к решетке и прошептал несколько слов. Не успел он закончить, как в дальнем конце помещения послышался смех. Вольф резко повернулся и увидел идущую навстречу Валу. Он мигом положил стрелу на тетиву лука, хотя знал, что Вала ни за что не решилась бы войти сюда, будучи ненадежно защищенной.

Однако в следующий момент он заметил, что тело Валы просвечивает, и даже разглядел сквозь нее противоположную стенку. Тотчас же стало понятно, что перед ними проекция. Хоть бы она не подслушала, о чем сказал Уризен, взмолился про себя Вольф. Иначе все пропало.

— Отлично! Лучшего я и желать не могла, — заявило изображение. — Все в сборе — меня это полностью устраивает. Счастливое семейство снова вместе! Советую хорошенько поразвлечься, перегрызая друг другу глотки. Надеюсь, это будет достойное зрелище! Мне, к сожалению, некогда: я покидаю эту планету и отправляюсь на охоту за еще живыми братьями и любимой сестричкой Ананой. Правда, перед отлетом я немного отдохну... с твоей Хрисеидой.

— Тебе еще ни разу не удавалось и не удастся взять верх, — воскликнул в ярости Вольф. — Даже если ты убьешь нас, то недолго будешь упиваться победой. Слышала ли ты о яде эстрагво туземцев водяного мира? Он не имеет ни вкуса, ни запаха, и его очень легко подмешать в еду. Яд этот проникает в кровь и долгое время остается там, никак не проявляясь. Лишь через несколько дней ужасная боль скрючивает жертву, и несчастный долгие часы бьется в предсмертных судорогах. Знаешь ли ты, что от него нет противоядия? Так вот, Вала, я подсыпал эстрагво в твой ужин вчера вечером, подозревая тебя в предательстве. Скоро яд начнет действовать, вот тогда ты сможешь посмеяться.

Ничего подобного, конечно, Вольф не делал и до последнего момента даже не думал об этом. Но он рассчитывал, что если умрет, то Вала заплатит хоть несколькими часами ожидания смерти.

Изображение вскрикнуло от ярости и отчаяния.

— Ты лжешь, Джадавин! Ты никогда бы не решился на такое! Ты просто пытаешься запугать меня!

— Подожди немного и увидишь, правду ли я сказал тебе или нет, — парировал Вольф.

Он повернулся и с луком направился к клетке, намереваясь выполнить данное Уризену обещание. Изображение Валы исчезло.

Тотчас же из скрытых в потолке труб забили струи зеленой пены. Жидкость моментально залила пол и поднялась до колен, едкие испарения вызвали у Властелинов приступ кашля. Глаза у Вольфа заслезились. Он нагнулся за луком, который случайно выронил, и закашлялся еще сильнее.

Пена уже поднялась до уровня груди. Вольф с трудом шагал по вязкой массе, пробираясь к противоположной двери — хотя там его вполне могла ждать очередная ловушка. Когда пена начала захлестывать голову, он задержал дыхание и надел кислородную маску. Затем немного отодвинул ее от лица и выдул накопившийся там состав, надеясь, что другие сохранили присутствие духа и вспомнили о масках.

Буквально за несколько шагов до выхода, Вольф почувствовал, что пена начинает твердеть. Он протискивался, насколько хватало сил, но сопротивление вязкой массы все росло. Еще движение, — и пена превратилась в твердую массу. Он был обездвижен, как муха в янтаре.

Вольф не мог видеть идущих за ним следом Властелинов, стоя лицом к сводчатому проходу, к которому так стремился. Он попробовал шевельнуться и обнаружил, что может немного двигать руками и ногами. Прилагая неимоверные усилия, он протиснулся еще на полдюйма.

Но желе как бы спружинило, вернуло его назад и вновь сжало, как в тисках. Ему стало казаться, что невозможно что-либо предпринять, оставалось одно — ждать, пока не кончится запас воздуха. Система циркуляции кислорода в маске являлась замкнутой и перерабатывала выдыхаемый углекислый газ. Окажись она открытой, он уже давно бы умер: желе охватило его так плотно, что выдыхать было некуда. Ему оставалось жить, возможно, часа два. Похоже, Вала посмеется последней. А Хрисеида, большеглазая красавица Хрисеида — что станет с ней? Неужели ее заставят смотреть, как он умирает? Или же Вала развлекается, описывая ей предстоящие пытки?

Так прошло минут пятнадцать, и все его мысли были направлены на поиски выхода. Но спасения не существовало. Близился конец более чем двадцати пяти тысячам лет жизни и власти бога. Годы прошли напрасно, не стоило и рождаться. Он умрет, Хрисеида тоже умрет, обоих мумифицируют и выставят в зале трофеев среди прочих экспонатов.

Нет уж, этого не будет — во всяком случае, Вале придется покинуть эту планету. Вода, врывающаяся в верхние этажи дворца, лишит ее такого удовольствия. Первые тела — его и Хрисеиды — останутся под водой, в темноте прохода, пока плоть не сгниет и кости не разнесет течение.

Вода! Он совсем забыл про мощный поток, стремительно наполнявший этаж за этажом. Если бы только!..

Первая волна прокатилась по коридору, устремилась под арку и вымыла кусок желеобразного вещества. Коридор быстро наполнялся водой, и желе начало разжижаться. Однако время шло. И с каждой минутой вода приближалась к нему, пожирая пространство и превращая желе в зеленую пену. Так минуло полчаса, воздуха у него оставалось примерно на сорок минут. Он сдерживал дыхание, экономя каждый глоток кислорода.

Желе вокруг него опадало зеленой пеной. И вот уже густая масса растаяла — Роберт был свободен. Однако опасность еще не миновала. Ведь, оставаясь под водой, он неминуемо задохнется, как только кончится воздух.

Подплыв к спутникам, которых Вольф разглядел сквозь зеленую массу, он рывком освободил их от мертвой хватки желеобразного вещества. Все были живы, кроме Ринтраха — он вовремя надел кислородную маску, но что-то не сработало. Махнув Теотормону и Луваху, Вольф поплыл к выходу, ведущему к единственной надежде. Но проникнуть в двери, сквозь которые в зал врывался поток воды, оказалось невозможно. Их неизбежно сносило к другой арке.

На минуту Вольф застрял в желе, закупорившем выход. Наконец вода размыла преграду, и Властелинов вынесло в соседнюю комнату. Течение столкнуло их у противоположной стены. Роберт кое-как выкарабкался из потока и встал на ноги, затем выключил подачу воздуха и снял маску. Не было нужды говорить братьям, что через пару минут это помещение затопит, и что им следует беречь тот небольшой запас воздуха, который остался в баллонах.

— Уризен сказал мне, что во дворце есть еще один командный зал, и объяснил, как до него добраться. Он установил контрольную панель на тот случай, если кому-то удастся завладеть главным пультом. Но потайная дверь находится за залом с ловушкой испепеляющих лучей. У него не хватило времени сказать, как отключить эти лучи. Поэтому нам придется подождать, пока уровень во-

ды поднимется, потом надеть маски и попробовать миновать ловушку в воде. Надеюсь, она ослабит лазеры!

Властелины надели кислородные маски и пробрались в угол около входа, чтобы иметь какую-нибудь защиту от напора течения. Ударяясь о стену напротив арки, поток неся по полу к противоположной стене. Видя, что вода не приводит в действие лучи, Вольф метнул в проход свой каменный топор. Тотчас же последовала ослепительная вспышка, от воды столбом пошел пар.

Уровень воды быстро поднимался, и Властелины постепенно всплывали к потолку. Когда между поверхностью воды и потолком остался только фут воздуха, они опять надели маски. Вольф нырнул к полу и поплыл. Внезапно воздух в его маске иссяк. Роберт задержал дыхание и продолжил путь.

Вспышка света ослепила его, и вода, превратившаяся в кипяток, ошпарила незащищенные руки и шею. Потом его ударило о стойку двери и вынесло в соседнее помещение. Здесь Вольф оттолкнулся от пола и стремительно всплыл к потолку, вытянув вперед руки, чтобы не удариться.

Коснувшись камня, он скинул маску. Легкие наполнились воздухом, но тут же рот захлестнуло водой, и Роберт закашлялся. Теотормон и Лувах держались рядом. Вольф поднял руку и указал вниз:

— Следуйте за мной!

Он вновь нырнул, держа глаза открытыми и скользя рукой по стене, и через мгновение добрался до ниши. В ней стояла нефритовая статуя сидящего на корточках идола-божества неведомо какого племени.

Вольф повернул его голову, и часть стены отошла внутрь. Троиц Властелинов тотчас же втянуло в большую комнату. Обретя опору под ногами, Вольф подбежал к кронштейну и потянул рычаг с красной ручкой. Дверь под напором воды медленно закрылась. Как найти нужный кронштейн, а их было штук тридцать, Уризен успел ему сказать.

Вольф нажал прямоугольную пластинку с идеограммой на древнем языке Властелинов. Потом отступил назад и, впервые за долгое время, улыбнулся.

— Вала больше не сможет пользоваться своим пультом, более того, она в ловушке, — сказал он. — Все врата спасения в контрольной комнате отключены. Действуют только

долговременные врата дворца, поддерживающие связь с водным миром.

Вольф протянул руку к кнопке, приводившей в движение обзорный экран, но отдернул руку и с минуту стоял в размышлении.

— Чем меньше сестра будет знать о своем действительном положении, тем лучше, — сказал он, наконец. — Теотормон, иди сюда и слушай внимательно.

Через некоторое время Вольф с Лувахом, укрывшись за кронштейном, смотрели на экран через узкую щель. Теотормон нажал ластом кнопку. Вала уставилась на него. Волосы ее стали рыжими от влаги, лицо искажено яростью.

— Ты! — воскликнула она.

— Приветствую тебя, сестра, — произнес Теотормон. — Как видишь, я жив. Ты удивлена? Я вот думаю, как ты почувствуешь себя, узнав, что я отрезал все пути к спасению. Ты в моих руках.

— А где же братцы? Где твои любимые родственники? — поинтересовалась Вала.

— Погибли. У них кончился запас воздуха. У меня тоже, но тело, которое дал мне отец, позволило задержать дыхание, пока вода не смыла твое желе.

— Неужели Джадавин наконец-то мертв? Прямо не верится... Или ты разыгрываешь меня, а, глупый слизень?

— Ты не в том положении, чтобы ругаться.

— Покажи-ка мне его труп, — сказала она.

Теотормон пожал плечами.

— Это невозможно. Он плавает где-то во дворце. Я сам едва добрался сюда. И не могу пойти за ним — комната наполняется водой.

Вала взглянула на тонкий слой воды, покрывающий пол, и улыбнулась.

— А, так ты тоже в ловушке! Ах ты, воняющий рыбой идиот! У рыб и то больше мозгов — ты сам признался, что так же беспомощен, как и я.

Теотормон зевнул.

— Хм-м...

— Ты ведь думаешь, что я в твоей власти, — продолжила Вала. — Пожалуй, ты даже уверен в этом. Но твое положение на самом деле ничуть не лучше моего. Я знаю, где находится космический корабль. Он может доставить нас на другую планету, на которой есть врата, а через них

можно покинуть пределы этой вселенной. Ну, а что собираешься делать ты в своем безвыходном положении?

Теотормон почесал мех на голове концом лапы.

— Не знаю.

— М-да, ты не знаешь! Ты глуп, но не настолько же. Слушай, давай заключим сделку. Ты выпустишь меня, а я позволю тебе улететь со мной на корабле. Другого пути нет ни для одного из нас.

Вольфу не видно было лица Теотормона, но тон его изобличал хитрость и подозрение.

— Откуда мне знать, что я могу доверять тебе?

— А разве я могу доверять тебе? Нам нужно устроить все так, чтобы никто не мог заманить другого в ловушку. Согласен?

— Ну-у, я не знаю..

— Моя контрольная комната не пострадает, даже если море поднимется еще выше. У меня тут пища на целый год. Я просто могу сидеть здесь и ждать, когда ты умрешь. А потом отыскать какой-нибудь способ выбраться отсюда. Уж поверь, я что-нибудь придумаю.

— Если ты такая умная, что ж не выходишь? — съязвил Теотормон.

— Мне тут просто нравится. И дел здесь у меня хватит на год, не меньше.

— Ладно. А как насчет Хрисеиды?

— Я ее захвачу с собой, я кое-что задумала, — ответила Вала, но голос ее стал более настороженным. — А почему тебя это беспокоит?

— Никто не беспокоит меня, мне просто интересно. Может быть... может быть, ты отдашь ее мне? Судя по словам Джадавина, она должна быть очень красивой.

Вала засмеялась.

— О такой попытке для нее я не подумала! Но нет, братец. Ты ее не получишь!

— Тогда никакой сделки, — сказал Теотормон. — Хоть подавись ею! Посмотрим, чем вы будете развлекаться целый год. Да и не думаю, что ты сумеешь добраться до космического корабля. Давление воды будет слишком большим.

— Ах ты глупая, эгоистичная, скользкая кишка! Да ты скорее сдохнешь, чем хоть чем-нибудь поделишься! Ладно, бери ее.

Вольф улыбнулся. Он велел Теотормону выторговать Хрисеиду и таким образом отвести от себя подозрение Валу.

Желание обладать Хрисеидой было настолько неуместным и эгоистичным, что Вала невольно поверила в искренность Теотормона.

Теотормон от радости хлопнул ластами, Вольф хоть и надеялся, что столь бурное выражение восторга было притворным, не удержался от мыслей о возможном предательстве брата. Теотормон продолжал:

— Ладно, а как мы доберемся до космического корабля?

— Сначала выпусти меня, я все равно ничего не скажу тебе, иначе ты улетишь один.

— Но если я открою дверь, то ты сможешь выйти раньше меня.

— Неужели ты не сможешь установить рычаги так, чтобы моя дверь открылась только тогда, когда выйдешь ты?

Теотормон заворчал, как будто эта мысль была для него новой.

— Ладно, только из комнаты ты выйдешь раздетой. Мы оба выйдем голыми и с пустыми руками. Без оружия. Выйдем одновременно и встретимся в коридоре, который соединяет обе комнаты.

— А я-то думала!..— вздохнула Вала.— Ты хочешь сказать, что все время знал, как попасть сюда... и где находится запасной контрольный пульт! А я была уверена, что коридор упирается в глухую стену.

— Все равно это тебе уже ничего не даст,— буркнул Теотормон.— Тебе не выйти, пока я тебя не выпущу. Да вот еще что: раздень Хрисеиду тоже, я не хочу, чтобы ты прятала оружие на ней.

— Работаешь без риска, а? Да ты, похоже, умнее, чем я думала?

Что же Вала задумала? Если она действительно встретит его на середине коридора, то окажется совершенно беспомощной против огромной силы Теотормона. А он нападет на нее в тот же миг, как только она расскажет, где находится космический корабль. И Вала не могла не знать об этом.

Вольфу, Луваху и Теотормону на самом деле было известно, где находится корабль. Теотормон только притворился незнающим, чтобы дать ей мнимое преимущество. Надо было как-то вытащить ее из комнаты, иначе бы она ни за что не вышла. Вольф знал свою сестру. Она скорее

умрет, прикончив перед этим Хрисеиду, чем сдается. Мысль, что Властелин действительно может сдержать данное слово, даже не приходила ей в голову. И для этого у нее имелись веские причины.

Так что же все-таки она задумала?

Теотормон вновь стал спорить с Валой, прикидываясь дурачком и во всем сомневаясь. Наконец он выключил экран и повернулся к Вольфу и Луваку. Вольф открыл дверь. Как сказал Теотормон, коридор соединял обе контрольные комнаты. Помещения и холл образовывали единый блок и защищались металлической оболочкой 14-дюймовой толщины, способной выдержать любое давление и противостоять прямому попаданию водородной бомбы. Внутреннюю поверхность стен покрывал слой вещества, отражающего проникающую радиацию нейтронной бомбы. Именно поэтому Уризен расположил запасную контрольную комнату в непосредственной близости к основной. Кто бы ни завладел главным пультом, ему никогда не догадаться, что из помещения существует выход в коридор, достаточно лишь открыть часть стены, казавшейся монолитной.

Сам коридор был обставлен так роскошно, что в нем можно устраивать приемы. Даже у всех вместе взятых земных миллиардеров не хватило бы состояния, чтобы купить собранные там картины, мебель, скульптуры. На огромной цепи из золотого сплава висела полутонная люстра, высеченная из цельного алмаза. И она являлась не самым драгоценным предметом в коридоре.

Вольф спрятался за тахтой, покрытой шелковистой шоколадно-лазурной шкурой. Лувак укрылся за статуей. Теотормон, убедившись, что его спутники готовы, вернулся в контрольную комнату и сообщил Вале, что она может выходить. Потом нажал кнопку, освобождающую ее двери от запора.

Вала высунула наружу голову, осторожно осматриваясь. Проем залил свет. Теотормон столь же осторожно выглянул из своей комнаты и шагнул вперед, готовый сразу же отскочить, если у нее окажется оружие. Вала усмехнулась и вышла, разведя руки, чтобы показать, что в них ничего нет. Она великолепно выглядела в своей наготе.

Вольф глянул на нее лишь мельком. Он смотрел на женщину, которая шла за ней. Это была Хрисеида, пре-

красная большеглазая нимфа с тигриной походкой и распущенными волосами, тоже нагая.

— Рог Шамбаримена! — воскликнул Теотормон. — Я чуть не забыл... где он?

— В контрольной комнате, — ответила Вала. — Я не захватила его только потому, что ты велел войти с пустыми руками.

— Пойди и принеси его, Хрисеида, — распорядился Теотормон. — Но когда будешь нести, держи высоко над головой, на всю длину рук, и не нацеливай на меня. Любое неожиданное движение — и я убью тебя.

Смех Валы наполнил коридор.

— Ты так мнителен, что подозреваешь даже ее? Она не причинит тебе вреда! Она определенно не собирается выступать на моей стороне.

Теотормон не ответил. Соответствующим образом проинструктированный, он играл роль чрезвычайно настороженного Властелина, чтобы Вала не заподозрила его в предательстве. Будь Теотормон подоверчивее, она сразу почувствовала бы неладное.

Затем Вала и Теотормон двинулись навстречу друг другу, шагая медленно и не сводя друг с друга пристального взгляда. Все выглядело так, будто они играли или были партнерами в церемониальном танце — так величаво и ритмично они двигались.

Вольф согнул колени в ожидании. Он скинул костюм, чтобы тот не стеснял его движений. От напряжения все тело покрылось потом. Ни он, ни Лувах не были вооружены. Оба растеряли все свое оружие, пока добирались до потайного контрольного пункта. А в контрольной комнате, к его разочарованию, не оказалось никакого оружия. Очевидно, Уризен считал его ненужным. Или, что более вероятно, оно было спрятано так, что найти его мог только человек, знающий секрет. Но сообщить его Уризену не хватило времени... а может, он просто не захотел делиться последними секретами.

Их план заключался в том, чтобы дожидаться, когда Вала пройдет мимо спрятавшихся Вольфа и Луваха, а затем все трое прыгнули бы.

В нескольких футах от бриллиантовой люстры Вала остановилась и сказала:

— Ну, мой безобразный братец! Похоже, ты выполнил свою часть сделки.

Он кивнул.

— Итак, где же находится космический корабль?

Теотормон шагнул вперед, надеясь, что Вала тоже делает шаг. Однако она стояла неподвижно, затем насмешливо сказала:

— Вход как раз в другом конце коридора, в розовой оправе зеркала. Ты мог бы пройти в него, оставив меня умирать... если бы знал о нем! Ты безмозглая, мерзкая тварь!

Теотормон зарычал и прыгнул на нее. Лувах выскочил из-за укрытия и бросился было вперед, но столкнулся с Хрисеидой.

Вольф кинулся прямо к Вале.

Она пронзительно вскрикнула и вытянула правую руку, отведя ладонь под прямым углом к предплечью и напав жестко разведенные пальцы к потолку. Из ладони выплеснулся интенсивный белый луч не толще иглы. Вала повела рукой, луч скользнул по шее Теотормона, и его голова свалилась. Какое-то время тело еще стояло, из шеи фонтаном била кровь. Потом труп рухнул на пол.

Почему Вала не убила Вольфа крошечным лучеметом, имплантированным в ладонь, так и осталось тайной. Возможно, она хотела сохранить кого-нибудь в качестве будущей жертвы, которую можно поистязать, — такое решение вполне объяснялось психологией Власовича.

Вольф был беспомощен, теперь Вала не сомневалась в этом. Она шагнула к нему.

— Теперь я убью тебя, — сказала она. — Ты так опасен, что нельзя оставлять тебя в живых даже на секунду дольше, чем необходимо.

— Я еще не мертв, — процедил сквозь зубы Вольф.

Пальцы его сжались на голове Теотормона, и он метнул ее в Валу. Затем вскочил на ноги и кинулся к ней, зная, что у него нет ни одного шанса, но надеясь, что случится чудо и хоть на мгновение ее внимание отвлечется.

Вала подняла руку, чтобы отправить вызывающий ужас заряд. Луч рассек мертвую голову, половина которой, однако, все еще продолжала лететь к ней. Затем луч, метнувшийся к потолку, перерезал золотую цепь. Полутонная люстра рухнула на Валу. Вольф все еще бежал, когда это произошло. Он бросился на пол, спасаясь от выстрела, — на тот случай, если Вала еще жива. Сестра пристально смотрела на него, глаза ее все еще яростно сверкали. Но

тело и руки были придавлены тяжестью алмаза, по полу растекалась кровь.

— Ты... победил... брат,— выдохнула она.

Хрисеида вышла из-за статуи и бросилась к Вольфу. Зарыдав, она прильнула к нему. Он не мог ругать ее за это, но нужно было действовать.

Крепко обняв ее, он несколько раз поцеловал девушку, а потом отстранил.

— Нам нужно выбираться отсюда, пока это возможно,— сказал он.— Нажми на третью горгулью с левой стороны на верхнем украшении зеркала.

Она нажала, и зеркало повернулось, открыв проход. Вольф вскинул на плечо потерявшего сознание брата и двинулся к потайному проходу.

— Роберт! — позвала Хрисеида.— А как же она?

Он остановился.

— Что, как она?

— Неужели ты собираешься бросить ее здесь? Ведь она умирает! Она страдает!

— Ну и что? — ответил он.— Она это заслужила.

— Роберт!

Вольф вздохнул. Похоже, он снова стал настоящим Властелином, прежним Джадавином.

Он положил Луваха на пол и подошел к Вале. Та повернулась, и ее рука освободилась, причем кусок отколотого алмаза упал на пол. Вольф прыжком подскочил к ней и схватил за руку в тот момент, когда из ладони сверкнул луч. Роберт выкрутил ей руку так сильно, что затрещали кости. Вала вскрикнула от боли и умерла. Направленный на Вольфа лазерный луч рассек ее надвое. Вольф, Хрисеида и пришедший в себя Лувах устремились к кораблю.

Звездолет поднялся по стволу пусковой шахты на вершину дворца. Стартовав, Вольф повел корабль к вратам, укрытым в горах планеты темпосфуджеров. Только после этого у него нашлось время узнать, как Вале удалось выманить Хрисеиду из постели и похитить из его мира.

— Меня разбудил гексакулум,— объяснила Хрисеида.— Ты спал, она — Вала — предупредила меня, что если я попытаюсь разбудить тебя, ты умрешь страшной смертью. Вала сказала, что только беспрекословно выполняя указания, я спасу тебя от смерти.

— Тебе следовало бы знать ее лучше,— заметил Вольф.— Если бы она могла причинить мне вред, то сдела-

ла бы это без промедления. Но тогда ты слишком испугалась за меня, я понимаю. Ты не осмелилась даже подумать, что она блефует.

— Да, мне хотелось закричать, но я боялась, что она может осуществить свои угрозы. Я так боялась за тебя, что совсем потеряла голову. Поэтому я молча прошла через врата — те, что ведут в нижние этажи нашей вселенной. Перед тем, как выйти, я по ее приказу отключила сигнализацию. Вала ждала меня в пещере у врат, чтобы перенести в этот мир. Остальное ты знаешь.

Вольф передал рычаги управления Луваху, чтобы обнять и поцеловать Хрисеиду. Она заплакала, и глаза Вольфа тоже наполнились слезами. То были не только слезы облегчения от того, что он вернулся с Хрисеидой, целой и невредимой, — он освобождался от неимоверного напряжения, в котором жил последнее время, скитаясь по этой жестокой вселенной.

Еще он плакал по Вале и братьям, но не тем, которые хотели убить его, а по тем, какими они могли бы стать, но так и не стали.

ЛИЧНЫЙ КОСМОС

Глава I

Под зеленым небом и желтым солнцем на черном жеребце с выкрашенной в малиновый цвет гривой, а хвостом — в голубой, Кикаха скакал, спасая свою жизнь.

Сто дней назад, тысячу миль назад он покинул деревню хровака, медвежьего народа. Устав от охоты и простой жизни, Кикаха возжаждал вкусить цивилизации. Более того, ему захотелось поупражнять свой интеллект, а у тишкетмоаков, единственного цивилизованного народа на этом ярусе, имелось много такого, чего он не знал.

Поэтому он оседлал и навьючил пару лошадей, попрощался с вождями и воинами и поцеловал на прощание двух жен. Кикаха разрешил им взять новых мужей, если не вернется через шесть месяцев. Они же заявили, что будут ждать его вечно, на что Кикаха улыбнулся, ведь то же самое они говорили и предыдущим мужьям перед тем, как те ускакали на тропу войны, да так и не вернулись.

Несколько воинов хотели проводить его до Великих прерий. Он ответил «нет» и выехал один. Чтобы пробраться через горы, ему потребовалось пять дней. Один день был потерян, потому что за ним кралось двое молодых воинов из племени вакангишуп.

Возможно, они не один месяц ждали его в ущелье Черной Ласки, зная, что в один прекрасный день Кикаха будет проезжать здесь. Из всех наиболее желанных скальпов сотни воинов пятидесяти народов Великих Прерий и граничивших с ними горных хребтов волосы Кикахи считались самыми ценными. По меньшей мере двести воинов в одиночку пытались подстеречь его, однако ни один из них не вернулся живым.

Многие боевые отряды поднимались в горы, чтобы напасть на обнесенный частоколом форт хровака на вершине высокого холма, — в надежде захватить медвежий народ врасплох и во время боя снять с Кикахи скальп или голову. Самым близким к успеху был только большой набег полуконей из племени опангстава. Повесть об этом набеге и об уничтожении ужасных полуконей распространилась среди ста двадцати девяти племен прерий и пелась в вигвамах Совета и типи вождей в дни Праздника Крови.

Двое вакангишущей держались от своей добычи на почетительном расстоянии. Воины дождались, когда Кикаха разобьет лагерь на ночь. Они могли преуспеть там, где потерпели неудачу столько других, поэтому крались за ним осторожно и бесшумно. Но красный ворон величиной с орла пролетел в сумерках над Кикахой и дважды громко каркнул. Затем он пронесся над одним из спрятавшихся воинов, описал двойной круг, пролетел над деревом, за которым пригнулся второй, и снова описал двойной круг.

Кикаха, радуясь, что взял на себя труд обучать разумную птицу, улыбнулся, наблюдая за ней. Той ночью он всаdil стрелу в первого, приблизившегося к его лагерю, а три минуты спустя нож — в другого.

У него возникло искушение отклониться от своего пути миль на пятьдесят и швырнуть копьё с привязанными к нему скальпами воинов в середину стойбища вакангишущей. Подобными подвигами он заработал имя Кикахи, то есть обманщика, и стремился поддерживать свою репутацию. Однако на этот раз цель его путешествия казалась слишком важной. Образ Таланака — города, являвшегося горой, — светился у него в голове, как драгоценный камень над костром.

Поэтому Кикаха обошелся тем, что повесил два оскальпированных трупа на ветке вверх ногами. Он повернул голову своего жеребца на восток и таким образом спас жизнь нескольких вакангишущей, а, возможно, и свою собственную. Кикаха бахвалился своей хитростью, быстротой и силой, но признавался себе, что не был непобедимым или бессмертным.

Кикаха родился под именем Пол Янус Финнеган в городке Терре-Хот, штат Индиана, на Земле, во вселенной по соседству с этой (все вселенные соседствуют друг с другом). Его дотемна загорелую кожу украшали здесь и там медные пятнышки веснушек и более трех дюжин шрамов на теле

и лице — от легких до глубоких, а густые, волнистые, рыжевато-бронзовые волосы доходили до плеч и в данное время были заплетены в две косички.

Его лицо с ярко-зелеными глазами, курносый носом, длинной верхней губой и раздвоенным подбородком обычно выражало веселье. Повязка из полоски львиной шкуры вокруг головы обрамлялась направленными вверх медвежьими зубами, а с правой ее стороны было воткнуто чернокрасное перо из хвоста ястреба. Выше талии Кикаха не носил никакой одежды, если не считать ожерелья из медвежьих когтей на шее. Пояс из расшитой бирюзовыми бусами медвежьей шкуры поддерживал пятнистые штаны из оленьей кожи. На ногах были мокасины. На поясе висели ножны: одни для большого стального ножа, другие для ножа поменьше, идеально сбалансированного для метания. Одной рукой Кикаха держал копье, в другой поводья.

К седлу легкого типа, принятому недавно племенами прерии вместо одеял, были приторочены кожаные колчаны и ножны, содержавшие разнообразное оружие, а на соединенном с седлом деревянном крючке висел небольшой круглый щит с нарисованной на нем головой рычащего медведя. В скатанном за седлом плаще из медвежьей шкуры находилось легкое походное кухонное снаряжение. На другом седельном крючке висела бутылка воды в плетеной корзине, обмазанной глиной. Позади трусила вторая лошадь, несущая седло, кое-какое оружие и легкое снаряжение.

Кикаха, не торопясь, спустился с гор. Хотя он и насчитывал мотивы этого мира и родной Земли, но беззаботным не казался. Его глаза обшаривали местность, и поэтому он часто оглядывался.

Над его головой желтое солнце медленно двигалось по дуге в безоблачном светло-зеленом небе. Воздух был наполнен ароматами распускающихся белых цветов, сосновых игл, а иногда и запахами кустов с пурпурными ягодами. Один раз проклекотал ястреб, и дважды до него донеслось урчание медведей в лесу.

Кони, слыша эти звуки, прыдали ушами, но не нервничали. Они выросли вместе с ручными медведями, которых Кикаха держал в стенах деревни.

Вот так, настороже, но, наслаждаясь, Кикаха спустился с гор в Великие Прерии. Отсюда он мог видеть местность

на большом протяжении, так как здесь был центр стошестидесятимильного изгиба сектора. Путь, который предстояло преодолеть Кикахе на протяжении восьмидесяти миль вниз по склону, был настолько пологим, что уклон казался почти незаметным. Затем ему придется переправиться через реку или озеро, а там подъем станет минимальным.

Слева, будто бы всего в пятидесяти милях, а на самом деле в тысяче миль отсюда, находился монолит Абхарплунта. Он возвышался на тридцать миль, а на вершине его находилась еще одна страна и еще один монолит. Там, наверху, располагалась Дракландия, где Кикаха являлся бароном Хорстом фон Хорстманном. Он не был там два года, и если бы вернулся, то оказался бы бароном без замка. Его жена на том ярусе не могла примириться с его долгими отлучками, а потому развелась с ним и вышла замуж за его тамошнего лучшего друга барона Зигфрида фон Лисбата. Кикаха отдал им свой замок и отправился на самый любимый из всех ярусов — индейский.

Лошади покрывали легким галопом милю за милей, а Кикаха выматривал следы возможного присутствия врагов. Он наблюдал за поведением зверей, известных на Земле, но давно вымерших там, и животных из других вселенных. Большинство из них было привезено в эту вселенную Властелином Вольфом, когда-то известного как Джадавин, а некоторые созданы в лабораториях дворца на вершине самого высокого монолита.

Тут паслись огромные стада бизонов редкого вида, все еще известного в Северной Америке, и гиганты — вымершие в американских прериях примерно десять тысяч лет назад. В отдалении маячили огромные серые туши мамонтов и мастодонтов с кривыми бивнями. Щипали траву несколько гигантских существ с большими головами, отягощенными множеством шишковатых рогов и выступавшими из ороговевших губ изогнутыми зубами. Страшные волки высотой по грудь Кикахе трусили вдоль стада бизонов, дожидаясь, когда какой-нибудь детеныш отобьется от матери. Еще дальше Кикаха видел кравшееся сквозь высокую траву тело в черно-рыжую полоску и знал, что это — фелис атрокс, огромный безгривый четырехсоткилограммовый лев, скитавшийся некогда по травянистым равнинам Аризоны. Лев, наверное, рассчитывал поймать отставшего от матери мамонтенка, а может, питал какие-то слабые

надежды задрать одну из пасшихся поблизости многочисленных антилоп.

В небе кружили ястребы и канюки. Один раз над головой Кикаха прошел гусиный клин и, крича, полетел дальше к рисовым болотам в горах. В его сторону шло, покачиваясь, стадо неуклюжих длинношеих созданий, похожих на дальних родственников верблюдов, каковыми они, скорее всего, и были. С ними шло несколько тонконогих детенышей, и именно их-то и надеялась задрать волчья стая, если старшие отвлекутся.

Повсюду царили жизнь и обещание смерти. В воздухе веяло сладостью. Ни одного человеческого существа не появлялось в поле зрения. Вдали галопом мчался табун диких лошадей, возглавляемых великолепным чалым жеребцом. Повсюду виднелись звери прерий. Кикаха любил этот мир. Он был и опасным, и волнующим, и Кикаха думал о нем, как о своем мире, хотя и прекрасно знал, что этот мир создал и все еще владел им Вольф — Властелин, а он, Кикаха, вторгся сюда без приглашения.

Но в некотором смысле этот мир принадлежал Кикахе куда больше, чем Вольфу, поскольку он, безусловно, куда чаще пользовался его выгодами, чем Вольф, остававшийся обычно во дворце на вершине самого высокого монолита.

На пятидесятый день Кикаха выехал к Большой Торговой Тропе. Тут не было дороги в обычном смысле слова, поскольку трава росла не менее густо, чем вокруг, но каждую милю ее отмечали два деревянных столба, верхняя часть которых была вырезана в виде Ишкетламу — тишкетмоакского Бога торговли. Тропа тянулась на тысячу миль от границы империи тишкетмоаков, петляя по Великим Прериям и приводя к разным полупостоянным торговым местам, как в прериях, так и в горах. По тропе шли огромные фургоны с тишкетмоакскими товарами в обмен на меха, шкуры, травы, слоновую кость, плененных животных и человеческих пленников. Договор ограждал Тропу от нападения, и всякий, ехавший по ней, находился в безопасности, по крайней мере, теоретически, но если он выезжал за пределы узкой тропы, отмеченной резными столбами, то становился законной добычей любого встречного.

Кикаха несколько дней ехал по тропе, так как хотел найти торговый караван и узнать новости о Талааке. Однако ему не встретилось ни одного, и поэтому Кикаха поки-

нул тропу, тем более что она уводила его от прямого пути в Таланах. Сто дней спустя после того, как он покинул деревню хровака, ему снова попалась тропа. Поскольку она вела прямо в Таланах, он решил следовать по ней.

Через час после рассвета появились полукони. Кикаха не знал, что они делали в такой близости от тишкетмоакской границы. Наверное, они совершали набеги — придерживаясь соглашения о ненападении на Большой Торговой Тропе, они разоряли окружавшие ее тишкетмоакские владения.

Какой бы ни была причина, полукони не обязаны оправдываться перед Кикахой. И они, разумеется, сделают все, что в их силах, чтобы поймать его, поскольку считали своим величайшим врагом.

Кикаха пустил своих коней в галоп. Полукони — в миле от него — рванули в тот же миг, когда увидели, что всадник понесся вскачь. Они скакали быстрее, чем обремененный человеком конь, но Кикаха имел неплохую фору. Он знал, что впереди, в четырех милях от него, находится аванпост и там он окажется в безопасности, если сможет очутиться за его стенами.

Первые две мили он гнал своего черного жеребца с предельной скоростью. Тот отдал своему всаднику все, что мог. С губ у него срывалась пена, грудь увлажнилась. Кикаха жалел скакуна, но, разумеется, не собирался щадить животное, потому что, загнав коня, мог спасти собственную жизнь. Кроме того, полукони все равно забили бы его лошадей на мясо.

Проскакав две мили, полукони оказались достаточно близко, чтобы определить, из какого они племени. Они принадлежали к шойшателям и разбойничали обычно в трехстах милях отсюда, неподалеку от Леса Деревьев со Многими Тенями. Они походили на кентавров из земных миров, но были крупнее, а их лица и украшения не имели никакого отношения к Греции.

Их огромные, вдвое больше человеческих, головы с темными широкоскулыми лицами индейцев прерий украшали шляпы или повязки с перьями и длинные черные волосы, заплетенные в одну-две косички.

Вертикальное человеческое тело кентавра имело большой, похожий на меха орган, качавший воздух в пневматическую систему лошадиной части. Он вздымался и опал под человеческой грудью, подчеркивая и без того странную и зловещую внешность полуконя.

Первоначально кентавры были созданы Джадавином — Властелином этой вселенной. Он вырастил тела полуконей в своих биолaborаториях. Первых кентавров снабдили человеческими мозгами, взятыми у скифских и сарматских кочевников с Земли и у некоторых ахейских племен. Поэтому некоторые из полуконей все еще говорили на этих языках, хотя большинство давным-давно переняло язык какого-то индейского племени из прерий.

Теперь же шойшатели упорно гнались за ним, почти уверенные, что враг находится в их власти. Почти, потому что опыт рассеял иллюзии многих жителей прерий, веривших, что Кикаху можно легко поймать или, поймав, удержать.

Шойшатели, хотя и жаждали взять его в плен живым, чтобы помучить, вероятно, намеревались убить его как можно скорее. Попытка взять его живым требовала сдержанности и терпения, но они понимали, что если очень уж деликатничать, то Кикаха может улизнуть.

Пересев на другую лошадь — черную кобылу с серебряной гривой и хвостом, — Кикаха поскакал во весь дух. Жеребец отстал, дрожа и тяжело дыша, его грудь покрылась белой пеной. Он упал, когда полуконь проткнул его копьём.

Мимо Кикахи проносились стрелы и копья, не долетая, они падали позади. Но он решил не отвечать на стрельбу, а пригнулся к шее кобылы и понукал ее криками. Полукони уже настигали его, и стрелы с копьями ложились все ближе и ближе. Но тут Кикаха увидел на вершине невысокого холма аванпост, представляющий собою квадрат, построенный на вкопанных стоймя в землю заостренных бревнах. С каждой его стороны выступали блокгаузы. На шесте посредине столба развивался тишкетмоакский флаг: зеленый с алым орлом, глотающим черную змею.

Кикаха увидел, как караульный уставился на них, а потом поднял к губам конец длинного тонкого рога. Кикаха не мог расслышать сыгранной тревоги, потому что ветер дул от него, и грохот копыт был слишком громким.

Из рта кобылы хлестала пена, но она продолжала мчаться. И все-таки полукони приближались, а стрелы и копья пролетали, едва не задевая его. Бола с тремя камнями, образующими треугольник смерти, едва не поразила его. В тот момент, когда ворота форта распахнулись и оттуда вылетела тишкетмоакская кавалерия, кобыла под Кика-

хой споткнулась. Она попыталась встряхнуться и выправить бег, но Кикаха понял, что виной тому не усталость, а стрела, попавшая ей в крестец. Стрела пробила шкуру под таким углом, что наконечник вышел наружу. Было очевидно, что лошадь не могла уже скакать по-прежнему.

Еще одна стрела вонзилась в нее позади седла. Передние ноги кобылы резко подогнулись. Кикаха вовремя выбросился из седла, но не удержался на ногах и перекатился через голову. Недавно катившая его лошадь рухнула рядом и осталась лежать, не двигаясь. Кикаха вскочил и помчался к тишкетмоакам.

Позади него торжествующе закричал полуконь. Повернув голову, Кикаха увидел вождя в шляпе с перьями, с грохотом несшегося к нему, высоко подняв копье. Кикаха выхватил метательный нож, резко обернулся, принял стойку и, когда кентавр замахнулся копьем, метнул нож и тотчас же отпрыгнул в сторону. Копье прошло рядом с шеей. Полуконь с торчавшим из легких ножом кубарем покатился мимо Кикахи. Кости лошадиных ног и человеческий хребет вертикальной части трещали от ударов. Затем в полуконей полетели копыта. Одно из них сразило воина, считавшего, что преуспеет там, где потерпел неудачу вождь. Он не доверял своему умению метать, а намеревался пронзить Кикаху копьем, вложив в удар всю силу своего пятисотфунтового тела.

Воин рухнул, Кикаха подобрал копье и швырнул его в лошадиную грудь ближайшего кентавра. Затем кавалерия, превосходившая полуконей численностью, проскакала мимо него, и началась драка. Полуконей отогнали с огромными потерями для людей.

Кикаха сел на коня, потерявшего хозяина под ударом томагавка кентавра, и поскакал галопом вместе с кавалерией обратно к посту.

— Ты всегда приносишь с собой много бед,— сказал Кикахе командир аванпоста.

Кикаха усмехнулся:

— А признайся, ты ведь был рад волнению. Вы ведь умирали от скуки, верно?

Капитан усмехнулся в ответ.

Тем вечером к форту приблизился полуконь, несший шест с длинным белым пером цапли на конце. Уважая символ герольда, капитан отдал приказ прекратить огонь. Полуконь остановился перед воротами и крикнул Кикахе:

— Ты снова сбежал от нас, Обманщик, но смерть ждет тебя! Не думай, что сможешь воспользоваться Большой Торговой Тропой и не опасаться нас! Мы будем чтить тропу: никого на ней полукони не тронут! Кроме тебя, Кикаха! Мы убьем тебя! Мы поклялись не возвращаться к своим вигвамам, к своим женщинам и детям, пока не убьем тебя!

— Ваши женщины возьмут других мужей! — крикнул в ответ Кикаха. — А дети вырастут, не вспоминая о вас! Вам никогда не поймать и не убить меня, полуослы!

На следующий день прискакал сменный отряд, и получившие увольнительную кавалеристы поехали вместе с Кикахой в город Таланак. Полукони не появлялись, и Кикаха, пробыв некоторое время в городе, начисто забыл об угрозах шойшателей. Но очень скоро ему пришлось о них вспомнить.

Глава II

Река Ваткеткол вытекает из реки Гузирит в стране Хамшем — в Дракландии, на монолите Абхарплунта. Она бежит через густые джунгли до края монолита, а затем обрушивается через канал, проточенный водой в твердой скале. Долгое время река падает сплошной массой воды, затем, перед тем как достигнуть подножия тридцатимильного монолита, становится водяной пылью. Тучи, доходящие до монолита, скрывают брызги и пену от людских глаз. Подножия тоже не видно.

Те, кто пробовал зайти в этот туман, рассказывали, что там царит самая черная ночь, а влага через некоторое время становится сплошной водой. Туман простирается на одну-две мили от подножия и где-то там снова опадает, оборачиваясь рекой. Поток протекает через узкий канал в песчанике, а дальше — расширяется. Затем на протяжении пятисот миль река петляет, выпрямляется миль на двадцать, а потом разделяется, обтекая твердые скалы гор.

По другую сторону горы воды вновь воссоединяются, река резко поворачивает и течет шестьдесят миль на запад. Там она исчезает в огромной пещере и, надо полагать, стекает через сеть пещер вниз, внутрь монолита, на вершине которого находится Индейский уровень. Где после этого река выходит на свет, знают только орлицы Подарги, Вольф и Кикаха.

Обтекаемая рекой гора-остров была сплошной глыбой агата.

Когда Джадавин создал эту вселенную, он отлил гору из смешанного агата и нефрита в три тысячи футов высотой и примерно пирамидальной формы. Гора шла полосами яблочно-зеленых, изумрудных, коричневых, лиловых, желтых, голубых, серых, красных, черных и других оттенков. Джадавин поместил ее охладиться на краю Великих Прерий, а позже направил реку протекать вокруг подножия монолита.

Тысячи лет нефритовая гора оставалась нетронутой, если не считать птиц, приземлявшихся на ней, и рыб, обитавших у прохладного скользкого основания. Когда индейцев провели сквозь врата в этот мир, они наткнулись на нефритовую гору. Некоторые племена сделали ее своим богом, но кочевые народы поблизости не селились.

Затем в этот мир привели и поселили неподалеку от нефритовой горы группы цивилизованных людей из древней Мексики. Случилось это, насколько мог вспомнить Джадавин, ставший позже Вольфом, приблизительно тысяча пятьсот земных лет назад. Невольные иммигранты могли принадлежать к цивилизации, названной последующими цивилизациями ольмеками. Сами они называли себя тшкетмоаками. Они построили деревянные дома и деревянные стены по берегам к западу и востоку от горы, которой дали имя Таланак. Таланаком они называли своего бога-ягуара.

Котчултя — буквально, дом бога или храм Тошкоуни, божества письменности, математики и музыки, — находился на полпути к вершине похожего на ступенчатую пирамиду города Таланак. Храм выходил на улицу Смешанных Благословений и снаружи не выглядел впечатляюще большим. Фасад этого изящного здания, высеченного в склоне горы, представлял собой птичье-ягуарово лицо Тошкоуни. Здесь, как и в остальной внутренней части горы, все пещеры, резьба и барельефы были сделаны с помощью трения или бурения. Нефрит нельзя отколоть или расслоить, его можно пробуравить, но большая часть работ производилась трением, породившим все самое прекрасное и полезное.

Таким образом, черно-белый нефрит в этом районе истерли поколения рабов, применявших в качестве абразивов толченый корунд, стальные или деревянные инстру-

менты. Рабы выполнили основную черновую работу, а потом за дело взялись художники и ремесленники. Тишкетмоаки утверждали, что форма похоронена в камне, и кажется правдой, что ее можно открыть — как в случае Таланака.

«Боги прячут, люди находят», — говорили тишкетмоаки.

Когда посетитель вступает в храм через дверной проем, который словно сжимается за ним кошачьими зубами Тошкоуни, он попадает в огромную пещеру. Она освещена солнечным светом, льющимсквзось отверстия в потолке, и сотней бездымных факелов. За красно-белой нефритовой перегородкой высотой по пояс стоит хор одетых в черное монахов с выбритыми и окрашенными в алый цвет головами. Хор поет хвалы Повелителям Мира — Оллимамлу и Гошкоуни.

В каждом из шести углов помещения стоит алтарь в виде зверя, птицы или молодой женщины на четвереньках. На поверхности каждого алтаря выступают пиктограммы, а также мелкие животные и абстрактные символы — результат долгих лет самоотверженного труда и длительной неутолимой страсти. На одном алтаре лежит изумруд величиной с голову человека. Существует рассказ о нем, затрагивающий также и Кикаху. В самом деле, изумруд был одной из причин, почему Кикаху так тепло встречали в Таланаке. Камень однажды похитили, а Кикаха отобрал его у хамшемских воров со следующего уровня и вернул — хотя и не задаром.

Кикаха находился в храмовой библиотеке. Это было громадное помещение в глубине горы, куда можно было попасть, только пройдя через зал с публичными алтарями и по длинному широкому коридору. Оно тоже освещалось солнечными лучами, просачивающимися сквзось шахтные отверстия в потолке, да факелами и масляными лампами.

Стены долбили и терли, пока не создали тысячи неглубоких ниш, в каждой из которых теперь хранилась тишкетмоакская книга. Книги представляли собой свитки из спшитых вместе ягнячьих кож, по обоим концам их прикрепили к цилиндрам из дерева и слоновой кости. Цилиндр в начале книги вешали на высокую нефритовую раму, и свиток медленно разматывали перед глазами читателя.

Кикаха стоял в широко освещенном углу, как раз под отверстием в потолке.

Одетый в черное жрец Такоакол объяснял Кикахе значение некоторых пиктограмм. Во время прошлого визита Кикаха изучал письменность, но запомнил только пятьсот рисунков-символов, а для беглого чтения требовалось знать по меньшей мере тысячи две.

Такоакол показывал окрашенным в желтый цвет пальцем с длинным ногтем местонахождение дворца императора Миклосимла.

— Точно так же, как дворец Властелина мира сего стоит на вершине самого высокого уровня мира, так и дворец Миклосимла стоит на высочайшем уровне Таланака, величайшего города в мире.

Кикаха не стал ему перечить. Когда-то столица Атлантиды, занимавшей внутреннюю часть уровня, предшествовавшего самому высокому, была в четыре раза больше и населеннее Таланака. Но ее уничтожил захвативший тогда планету Властелин, и теперь в развалинах обитали только летучие мыши, птицы и разного рода ящерицы.

— Но, — продолжал жрец, — там, где у мира пять уровней, в Таланаке трижды три уровня, или улицы.

Жрец свел вместе крайние длинные ногти пальцев обеих рук и, полускрыв раскосые глаза, произнес речитативом проповедь о магических и теологических свойствах числа три, семь, девять и двенадцать. Кикаха не перебивал его, хотя и не понимал некоторых терминов.

Он услышал странное лязганье в соседнем помещении. Одного раза было достаточно для человека, выжившего потому, что его не требовалось предупреждать дважды. Более того, он потому-то и жив до сих пор, что всегда начеку. Минимальный уровень напряжения он сохранял даже в минуты отдыха и занятия любовью. Поэтому никуда, даже в предположительно безопасный дворец Властелина, он никогда не заходил, не отыскав прежде возможного укрытия для себя.

У Кикахи не было причин считать, что кто-то станет устраивать на него засаду в этом городе, и особенно в святой святого храма — в библиотеке. Но сколько раз в его жизни случалось, что никаких причин для беспокойства не имелось, и все же возникала опасность, грозящая гибелью.

Слабое лязганье повторилось. Кикаха, не извинившись, побежал к арочному проходу, из которого донесся этот

неопознанный и, следовательно, зловещий шум. Многие одетые в черное жрецы подняли головы, отрываясь от столов с наклонной поверхностью, где они рисовали на коже пиктограммы, или отвернулись от висевших перед ними книг. Кикаха был одет как преуспевающий тишкетмоак, поскольку считал благоразумным как можно больше походить на местных, где бы ни находился. Но кожа его выглядела намного бледнее, чем у самого светлого из жителей Таланака. И, кроме того, он носил на поясе два ножа, уже одно это выделяло его. Он стал первым, помимо императора, вошедшим в это помещение вооруженным.

Такоакол окликнул его, спрашивая, не случилось ли с ним чего-то неприятного. Кикаха обернулся и приложил палец к губам, но жрец продолжал ехидные расспросы. Кикаха пожал плечами. Возможно, на взгляд стороннего наблюдателя он и выглядел дураком или чересчур осмотрительным. Такое с Кикахой уже случалось, и не раз, в других местах, но ему было наплевать.

Приблизившись к арочному проему, он снова услышал лязганье, а потом легкое поскрипывание, словно люди в доспехах медленно, осторожно шли сюда по коридору. Они не были тишкетмоакскими солдатами, так как те носили стеганные доспехи. У тех имелось стальное оружие, но бряцание ножен звучало бы по-другому.

Кикаха собирался отступить через библиотеку и исчезнуть в одном из выбранных заранее выходов. В тени арочного проема он мог наблюдать за всеми, кто войдет в библиотеку. Но он не мог устоять перед желанием немедленно узнать, кто же сюда вторгся, и рискнул, выглянув из-за угла, чтобы бросить один быстрый взгляд.

В двадцати футах от него шел человек, полностью облаченный в стальные доспехи. За ним по пятам следовало двое или четверо рыцарей, а за ними по меньшей мере тридцать солдат, мечников и лучников. А сколько еще было за поворотом коридора?.. Кикаха и прежде случалось удивляться, пугаться и испытывать потрясения. Но никогда его реакция не была такой заторможенной. Несколько секунд он стоял оцепеневшим, прежде чем прошел шок от увиденного.

Рыцарь во главе колонны — высокий человек, лицо которого Кикаха рассмотрел благодаря поднятому забралу, — оказался королем Эгестхэма, Эрихом фон Турбатом. Ему и его людям абсолютно нечего было делать на этом уровне.

Они являлись дракландцами со следующего яруса планеты, все — жители внутреннего плато на вершине монолита, поднимавшегося с этого уровня. Кикаха, известный в Дракландии как барон Хорст фон Хорстманн, несколько раз посещал короля и однажды сшиб его с коня на рыцарском турнире.

Когда он увидел короля и воинов на уровне Индеи, то был поражен хотя бы потому, что попасть сюда они могли бы только одним путем: им пришлось бы спуститься вниз на сто тысяч футов по скале монолита. А их присутствие в городе казалось и вовсе непостижимым. Никто и никогда не мог незаметно преодолеть специальные оборонительные сооружения вокруг города. Кроме Кикахи, которому это однажды удалось, но он-то был один.

Придя в себя, Кикаха повернулся и бросился бежать. Он подумал, что тевтоны, вероятно, воспользовались одними из «врат», позволявших мгновенно переместиться с одного яруса на другой. Однако тевтоны, как и все население многоярусного мира, не только не знали, где находятся врата, но даже и не догадывались об их существовании. Лишь Вольф, Властелин этой вселенной, его жена Хрисеида да Кикаха пользовались ими. Только они и знали, как пользоваться вратами.

И все же тевтоны ворвались в город. Как они нашли врата и почему они прошли через них во дворец в Таланаке — на эти вопросы придется искать ответы позже, если вообще когда-нибудь придется.

Кикаха почувствовал приступ паники, но подавил ее. Вторжение рыцарей могло означать только одно: чужой Властелин успешно овладел этой вселенной. Он сумел отправить воинов за Кикахой, следовательно, Вольф и Хрисеида не смогли помешать ему. Получается, что они либо убиты, либо угодили в плен и, значит, нуждаются в его помощи. Ха! В его помощи! А он снова бежит, спасая свою шкуру!

В Таланаке имелось трое врат. Двое находились в храме Оллимамла на вершине города, рядом с императорским дворцом. Одни врата — большие, ими-то, скорее всего, и воспользовались воины фон Турбата, если они явились сюда с крупным войском. А силы вторжения должны быть немалыми, иначе тевтонам ни за что не одолеть многочисленный гарнизон и отряд фанатичных телохранителей императора.

Если, подумал Кикаха, захватчики сумели каким-то образом сразу же захватить в плен императора, тишкетмо-аки будут подчиняться приказам своего правителя, даже зная, что те продиктованы его захватчиками. Но это не будет долго продолжаться. Жители города все-таки — люди, а не муравьи, и, в конце концов, они взбунтуются. Ведь они считали своего императора воплощением бога, уступающего в старшинстве только всемогущему Создателю Ол-лимамлу, но еще больше они любили свой нефритовый город и дважды в своей истории совершали богоубийство...

В зал библиотеки уже входили захватчики, и Кикаха бежал к арочному проему на его противоположной стороне. Возгласы удивления пришпорили его, а затем заорало множество голосов. Вопили жрецы, слышалась брань на испорченном средневерхнегерманском диалекте дракландцев. Лязг доспехов и мечей вплетался в гам голосов.

Кикаха надеялся, что дракландцы воспользовались только одним коридором. Если же они сумели добраться до всех входов в зал... Он старался не думать об этом. Арка впереди вела в коридор, шедший, насколько он знал, дальше, в глубь горы. С ним могли пересекаться и другие коридоры, но ни один из них не вел наружу. То есть так ему говорили. Возможно, его осведомители по какой-то причине лгали или не поняли его несовершенного тишкетмоакского языка.

Лгали или нет, но придется выбрать этот путь. Единственная беда заключалась в том, что даже если коридор и свободен от захватчиков, то заканчивается он в горе.

Глава III

Зал библиотеки был огромным. Пятистам рабам, тершим и бурившим двадцать четыре часа в день, потребовалось двадцать лет для завершения основных работ. Расстояние от только что покинутого им арочного проема до того, куда он желал попасть, равнялось примерно ста шестидесяти ярдам. Некоторые захватчики успеют зайти в библиотеку и сделать хотя бы один выстрел.

Зная это, Кикаха побежал зигзагами. Когда он приблизился к арке, то бросился на пол и кувыркком перекатился через проход. Стрелы засвистели над ним и, ударившись о каменную стену, упали на пол. Кикаха пружинисто вско-

чил на ноги и помчался дальше по коридору. Он добежал до поворота и остановился. Мимо него протрусили двое жрецов. Они взглянули на него, но ничего не сказали. Жрецы забыли о его существовании, когда услышали пронзительные крики, и понеслись на шум голосов. Кикаха подумал, что будь они поумнее, то побежали бы в другую сторону. Судя по звукам, дракландцы истребляли жрецов в библиотеке.

Однако эти двое могли наткнуться на преследователей и на несколько секунд задержать их. Жрецов очень жаль, но не его вина, если их убьют. Он мог бы предупредить их об опасности, но не собирался терять времени на разговоры, ведь молчание поможет ему оставаться впереди охотников.

Он побежал дальше. Приближаясь к еще одному повороту, уходящему под углом в сорок пять градусов, Кикаха слышал крики позади. Он остановился и выдернул горящий факел из подставки на стене. Подняв его над головой, он посмотрел вверх. В двадцати футах от его макушки находилось круглое отверстие в потолке. Оно было темным, поэтому Кикаха полагал, что шахта где-то сворачивала, прежде чем соединиться с другой.

Всю гору пронизывали тысячи таких шахтных стволов, и все как минимум три фута в диаметре, иначе проложившие шахтные стволы и туннели рабы просто не смогли бы в них работать.

Кикаха подумал о шахте, но оставил эту мысль. Под рукой не оказалось ничего, что помогло бы ему добраться до шахты.

Услышав скрежет металла о камень, он выбежал за поворот и резко остановился... Первый лучник, получив в лицо пылающим факелом, завопил и, запатавшись, отступил назад, сбив с ног второго солдата. Конические стальные шлемы обоих свалились и загремели по полу.

Пригнувшись, Кикаха метнулся к своим противникам, используя как щит лучника с обожженным лицом, и выхватил из его ножен длинный меч. Лучник держался за лицо обеими руками и визжал, что ослеп. Солдат, которого сшибли с ног, встал, мешая лучникам прицелиться. Кикаха выпрямился и обрушил меч на незащищенную голову солдата, а затем развернулся и побежал, снова пригнувшись.

Лучники открыли стрельбу по нему слишком поздно. Стрелы попали в стены. Кикаха вбежал в большое складское помещение. Здесь хранилось много разных предме-

тов, однако его внимание сразу же привлекли длинные складные лестницы, применявшиеся в библиотеке. Он установил одну из них, уперев в край шахтного ствола на потолке. У подножия лестницы он положил меч, а затем взял другую лестницу и побежал с ней дальше по коридору, свернув через дверной проем в ответвлявшийся коридор, и остановился под другим шахтным стволом. Здесь он приставил лестницу к краю отверстия в потолке и полез в шахту. Упершись спиной в одну сторону шахтного ствола, а ногами в другую, он втиснул туда свое тело. Он надеялся, что первая лестница и меч рядом с ней одурачат его преследователей и они потеряют время, пуская стрелы в темную дыру. Когда же они поймут, что его не свалить, как медведя в дупле, то решат, что он сумел вовремя добраться до изгиба шахтного ствола. Потом несколькими солдатам прикажут подняться за ним в шахту. Но какими бы проворными солдаты ни оказались, они потеряют много времени, чтобы снять свои тяжелые кольчужные рубашки, юбки, латы и стальные шлемы.

Однако если они достаточно умны, то смогут предположить, что он выкинул какой-то трюк, и исследуют коридоры, ведущие в глубь. И тогда вскоре они окажутся под этим шахтным стволом, и стрелы поразят беглеца.

Мысль о подобной развязке подстегнула Кикаху, и он стал карабкаться еще быстрее. Он продвигал спину на несколько дюймов вверх, твердо упираясь ступнями и напрягая ноги, затем передвигал вверх ступни, снова спину и опять ступни. Хорошо, что стены были из гладкого, скользкого нефрита, а не шершавыми, как сталь, или угловатыми, как скала или дерево. Наверное, футов через двадцать — а это означало, что теперь он мог рухнуть на пол с высоты в сорок футов, — он добрался до шахтного ствола, шедшего под прямым углом горизонтально к полу.

Тут ему пришлось извернуться и вытянуть шею, чтобы посмотреть вниз. Он увидел, что лестница, приставленная к освещенному концу шахтного ствола, находится на месте. Из колодца не доносилось ни звука. Он подтянулся, перелезая в горизонтальный ствол.

В этот момент до него донесся невнятный голос. Солдаты, должно быть, попались на его хитрость. Теперь они либо поднимались за ним по тому, первому стволу, либо уже забрались и, возможно, находятся в том же горизонтальном шахтном стволе, что и он.

Кикаха решил охладить их пыл. Если он как-то выдаст себя, то солдаты пустятся за ним в погоню, а что еще хуже, могут передать друг другу по цепочке луки и стрелы. И если они поступят так, то смогут его застрелить без риска для себя.

Пытаясь вычислить направление шахты, где он оставил первую лестницу, он дошел до соединения, в котором три горизонтальных туннеля встречались с вертикальным. В проходе стало значительно светлее. Кикаха перепрыгнул через отверстие в полу и приблизился к просвету. За поворотом он увидел сидящего к нему спиной воина. Тот держал факел, который ему только что протянул солдат из вертикальной шахты. Воин бурчал, что факел опалил его, а солдат выше свирепо шептал, что следует вести себя потише.

Поднимавшиеся воины сняли свои доспехи и все оружие, кроме кинжалов на поясах. Стоящий на лестнице солдат передавал вверх луки и колчаны со стрелами. Воины в вертикальной шахте образовали цепочку, переправляя вооружение. Кикаха заметил, что они поступили бы умнее, разместив сперва в туннеле шесть-семь человек, чтобы дичь не могла напасть на них.

Кикаха хотел было сразу прыгнуть на одинокого солдата, но решил подождать, пока наверх переправят все оружие, которым собирались воспользоваться солдаты. Вот так — лук за луком, колчан за колчаном, мечи и даже доспехи передали наверх и вручили воину в туннеле, свалившему их поблизости. Кикаха почувствовал недоумение: неужели они не понимают, что доспехи лишат их подвижности и дадут их дичи преимущество? Более того, в тяжелых толстых кольчугах и тяжелой одежде они будут задыхаться и потеть. Единственная причина для того, чтобы тащить с собой весь этот скарб, — соблюдение военного устава. Если правила предписывают носить доспехи во время боевых операций, то они надеваются независимо от того, соответствует это обстановке или нет.

Солдат, принимавший вооружение, и те, что торчали в шахте, ругали, хотя и не громко, жару и неудобства. Кикаха слышал их отчетливо, а вот находившиеся внизу офицеры, видимо, нет.

Наконец на полу оказались сваленными тридцать пять луков и столько же кольчуг, мечей и шлемов. Когда Кикаха впервые увидел завоевателей в коридоре, солдат было намного больше, поэтому он подумал, что многие остались внизу. Среди них все офицеры, так как им не хочется

снимать свои стальные доспехи. Судя по переключке между воином в туннеле наверху и офицером внизу — что можно было продать куда тише, если бы воины в шахте передавали сообщение, — солдат в туннеле был самым младшим по званию.

Кикаха внимательно слушал, надеясь выяснить, поднимаются ли какие-нибудь воины по другим шахтным стволам. Он не хотел оказаться в западне, чтобы его расстреляли в спину. О других отрядах не было сказано ни слова, но это не означало, что их нет. Кикаха оглядывался, словно птица, остерегавшаяся кошек, но не услышал и не увидел ничего подозрительного. Шликруму (что у тевтонов соответствовало званию сержанта) полагалось быть столь же бдительным, как и Кикахе, но тот явно чувствовал себя в безопасности.

Это чувство испарилось, словно стакан воды в вакууме: солдат нагнулся помочь верхнему воину выбраться из шахтного ствола, когда Кикаха вонзил свой нож в правую ягодицу воина. Тот завопил, а затем, получив пинок, полетел вниз головой в шахту. Он упал на пытавшегося вскарабкаться воина. Оба свалились на воина внизу, и так далее, пока десять солдат не выпали, пронзительно крича, из отверстий в потолке. Они грохнулись друг на друга, и звуки ударов слабели по мере того, как увеличивался слой тел. Шликрум, падавший дольше других, приземлился, растянувшись на самом верхнем теле. Несмотря на рану, он вскочил на ноги, но поскользнулся и свалился рядом с подчиненными, и лишь тогда потерял сознание.

К нему, лязгая доспехами, подошел офицер и слегка нагнулся — видимо, желая расспросить, что произошло. Из-за гама внизу Кикаха не мог расслышать слов и поэтому прицелился в офицера из лука. Угол стрельбы был неудобным, но Кикаха тренировался стрелять из разных положений и послал стрелу верно. Стрела попала в соединение пластин шеи и плеча, вонзившись глубоко в тело. Офицер упал. Кикаху заинтересовал серебристый короб — не то ранец, не то шкатулка в руках у рыцаря, так как он никогда раньше не видел ничего похожего. Сейчас, однако, было не время ублажать свое любопытство.

Выбравшись из кучи тел, солдаты, оставшиеся в живых, исчезли из поля зрения Кикахи. Послышался гул голосов, но стих после того, как офицер рывкнул:

— Заткнитесь!

Кикаха узнал голос фон Турбата. Только тогда он вдруг понял, что означало это вторжение и дикая охота за его головой.

Фон Турбат был королем независимого государства Эгестхэм — горной страны с шестьюдесятью тысячами граждан. Одно время Кикаха под именем барона Хорста фон Хорстманна поддерживал с ним довольно дружеские отношения. После того как Турбат на турнире потерпел поражение от Кикахи, а затем поймал Кикаху, когда тот занимался любовью с его дочерью, он стал относиться к нему враждебно. Не активно враждебно, но ясно дал понять, что не будет мстить за смерть Хорстманна, если кто-то убьет его, пока тот находится под крышей дома фон Турбата. Услышав это, Кикаха немедленно смылся, а позже, играя свою роль барона-разбойника, ограбил шедший в Эгестхэм торговый караван. Но обстоятельства вынудили Кикаху бросить свой замок и бежать, спасая жизнь, на уровень Индеи. Это случилось несколько лет назад.

Не существовало никакой причины, по которой фон Турбат пошел бы на такой страшный риск и хлопоты, чтобы отомстить Кикахе. В первую очередь, откуда король вообще узнал, что Кикаха здесь? Откуда он мог узнать даже то, что Кикаха — это фон Хорстманн? Почему, если он случайно обнаружил врата и узнал, как ими воспользоваться, то вторгся в опасный город Таланак? Впрочем, слишком много вопросов оставалось без ответов.

В то же время, судя по приглушенным голосам и топоту бегущих солдат, стало ясно, что тевтоны поднимутся по другим шахтным стволам. Кикаха сомневался, что многие из них окажутся в доспехах или тяжело вооружены, поскольку большая часть амуниции и оружия оказалась теперь у него. Но Турбат, конечно, пошлет за подкреплением, и Кикахе лучше поскорее убраться отсюда.

Из-под тел выполз один из воинов, и Кикаха пустил в него стрелу. Он быстро пристрелил еще пятерых: если кто-то из них и жив, он ликвидировал потенциального убийцу. Примерно пять минут Кикаха бегал взад и вперед, вдоль и поперек по разным туннелям. Три раза ему удалось застать солдат, поднимавшихся по шахтным стволам, и подстрелить верхнего воина. Дважды он стрелял через шахтные стволы по воинам, шедшим по коридорам.

Но он не мог надеяться, что бежит достаточно быстро, чтобы прикрыть все шахты, а король явно не считался с

потерями. В шахтные стволы, куда совались первоначально, лезли вновь, а огни и звуки указывали, что в это время солдаты пытались проникнуть и в другие ходы. Кикахе пришлось бросить все оружие, кроме своих ножей, чтобы подняться еще по одной вертикальной шахте. Он собирался отыскать дорогу к отверстиям, выходявшим наружу. Там, высоко на поверхности горы, на улице Смешанных Благословений ему, возможно, удастся скрыться.

Однако фон Турбат наверняка должен учесть такую возможность. Он расставит лучников на верхних и нижних улицах.

Если бы он смог скрываться от солдат здесь, в сети туннелей, до темноты, то ему, возможно, удалось бы проскользнуть по нефритовой скале. Выступы барельефов и орнамента облегчили бы его задачу.

Кикаху мучила сильная жажда. Он ничего не пил с утра, ибо был охвачен жаждой познания. Теперь же потрясение, бой и беготня иссушили его. Небо его обволокла густая слюна, а горло словно наполнилось пустынным галечником, который искрошили копыта верблюдов.

Если понадобится, он перебьется без воды остаток дня и ночь, но это его ослабит. Следовательно, он должен добыть воду. А поскольку существовал только один способ добыть ее, именно этот способ он и выбрал.

Кикаха прокрался обратно к шахте, по которой только что поднялся, но остановился в нескольких футах от выхода и улыбнулся. Что с ним случилось? Неужели он испытал слишком большое потрясение, что лишился своей обычной хитрости и нетрадиционного мышления? Он едва не упустил свой шанс на спасение. Конечно, идея была безумной, но сама ее ненормальность служила для Кикахи лучшей рекомендацией и делала успех весьма вероятным. Если только еще не слишком поздно...

Спуск был легким. Кикаха бросился к куче доспехов. Солдаты еще не приблизились к этой шахте, они, должно быть, по-прежнему поднимались по более отдаленным ходам.

Кикаха снял с себя тишкетмоакскую одежду и запихал ее в кольчугу внизу кучи. Он поспешно надел доспехи, хотя ему и пришлось поискать для себя достаточно большие кольчугу и шлем. Облачившись, он нагнул над отверстием и окликнул солдат. Он в совершенстве умел имитировать чужую речь, и хотя прошло несколько лет с тех

пор, как он слышал эгестхэмский диалект немецкого языка, он воскресил его без труда.

Расположившиеся внизу солдаты заподозрили обман. Они были, в конце концов, не так уж и глупы. Однако они и представить себе не могли, что происходит на самом деле. Они решили, что Кикаха пытается заманить их в зону обстрела.

— Их утрершликрум Хайнс Гимбат! — крикнул он. — Я капрал Хайнс Гимбат!

Хайнс — обычное имя в Дракландии, а Гимбат — туземная фамилия; как большинство фамилий, кончающихся на «бат», она была особенно распространена среди низших классов Дракландии, представлявших собой смесь аборигенов и немцев. Кикаха не сомневался, что среди завоевателей должно обязательно найтись несколько солдат с таким именем.

В поле зрения появился сержант и остановился, подняв голову и вглядываясь в ствол шахты.

— Во ист де трикменш? (Где Обманщик?)

— Хир эн ист натюрлих. Их хап друсс. (Здесь его, конечно, нет. Я изнываю от жажды.)

— Франк эур фир васс? (Ты просишь воды? В такое время?) — взревел сержант.

Просьба была искренней, она вызвала возмущение сержанта, но также и сняла с Кикахи все подозрения. Пока сержант бушевал внизу, факелы с обоих концов туннеля объявили о подходе уже поднявшихся солдат. Кикаха покинул отверстие шахты и обратился к офицеру новоприбывших. Этот офицер, в конце концов, все-таки снял доспехи, очевидно потому, что, по мнению фон Турбата, руководить охотой следовало офицеру.

Кикаха узнал его. Это был барон Дибрис, правитель мелкого княжества на границе Эгестхэма. Он недолгое время находился при дворе, когда там находился Кикаха.

Кикаха держал голову склоненной, чтобы шлем оставлял часть его лица в тени, и сделал свой голос менее глухим. Фон Дибрис выслушал его, но не обратил внимания на его внешность. Для барона Кикаха был всего лишь еще одним безликим солдатом низшего класса. Кикаха доложил, что Обманщик бесследно исчез, а также поспешил добавить, что он попросил воды, но сержант, кажется, счел эту просьбу неразумной.

Барон, облизывая губы, не счел ее неразумной, и поэтому солдаты, стоявшие на лестнице, подняли на концах

шестов бутылки с водой, Кикаха получил свою порцию и напился. Затем он попытался скрыться с глаз рыцаря, чтобы выбраться в коридор, а там, возможно, и из храма. Фон Дибрис расстроил его планы, приказав ему первому подниматься по шахтному стволу до следующего горизонтального уровня. Барон выругал его за ношение доспехов, и Кикахе пришлось снять кольчугу. Он готов был ударить или бежать, если без лат и шлема его опознают. Но фон Дибриса интересовали только поиски варвара-убийцы.

Кикахе хотелось задать много вопросов. Но его любопытство могло вызвать подозрения, поэтому он хранил молчание. Кикаха полз по стволу шахты, а потом передавал луки, колчаны и длинные мечи. После этого отряд разделился надвое. Половина двинулась в одну сторону, а другая — в противоположную. Когда половина отряда, членом которой был Кикаха, снова соединится со вторым поисковым отрядом, они полезут выше.

Только что покинутые им уровни стали светлыми и шумными. Подходили новые солдаты в качестве подкрепления. Фон Турбат, или кто-то другой, стоявший во главе вторжения, прекрасно контролировал положение и не щадил сил многочисленных солдат.

Кикаха оставался с первоначальной группой. Никто его не знал, и проблем не возникало. Когда они встречали другие группы, Кикаха помалкивал. Он, как и многие другие воины, по-прежнему оставался в шлеме, так как барон фон Дибрис не приказал снять их.

Идти стало труднее, потому что шахтные стволы стали такими узкими, что отряду приходилось двигаться на корточках, гусиным шагом. Солдаты находились в прекрасной форме, но такой способ передвижения вызывал у них дрожь в ногах и боли в спине. Кикаха хотя и не мучился, тоже жаловался, чтобы не отличаться от прочих.

Казалось, что в таком положении они пребывают уже многие часы, хотя на самом деле поиски заняли не более восьмидесяти минут. Наконец отряд из шести солдат вылез из шахтного ствола в маленькую камеру. В противоположной стене виднелись круглые отверстия, выходившие наружу. Солдаты высунулись и посмотрели вниз, где увидели на улице Смешанных Благословений пешие войска и конных рыцарей. Хотя те и выглядели маленькими фигурками, расцветка вымпелов и гербы были вполне различимы. Кикаха опознал флаги и мундиры не только Эге-

стхэма, но и по меньшей мере дюжины королевств и нескольких баронетств.

Повсюду валялись тела убитых и раненых жителей тишкетмоакского города, здесь и там была пролита кровь. Бои между тевтонами и местным гарнизоном происходили, наверное, в другом районе, вероятно, на вершине города.

Намного ниже протекала река. Отсюда Кикахе были видны два моста, забитые беженцами, дружно убежавшими в старый город.

Вскоре по длинному изогнутому спуску прискакал тишкетмоак и остановился перед только что вышедшим из храма фон Турбатом. Король запрыгнул на коня, приосанился и только тогда позволил вестнику заговорить. Посланник был великолепен: в головном уборе из длинных изогнутых белых перьев, алом плаще и зеленых легилах. Он, вероятно, являлся каким-то чиновником императора. Он что-то докладывал Турбату, а это означало, что император попал в плен.

У Кикахи в городе имелось мало потайных мест: даже если бы он смог удрать, то вряд ли смог бы надежно укрыться. Оставшиеся в городе жители подчинятся приказам своего правителя, а если будет велено доложить о Кикахе, как только его обнаружат, то именно это горожане и сделают.

Тут один из шедших вместе с Кикахой солдат заговорил о награде, предложенной за пленение Кикахи или за сведения, способствующие его поимке. Десять тысяч дракенер плюс титул, замок, земли и все подданные баронетства Хорстманн. Если награду заслужит простолюдин, то он и его семья автоматически станут дворянами. Денег предлагалось больше, чем король Эгестхэма получал за два года от сбора налогов.

Кикаха хотел спросить, что случилось с Лизой фон Хорстманн, его бывшей женой, и фон Лисбатом, его добрым другом, в последнее время управляющим баронетством, но не посмел, и его замутило при мысли об их возможной участи.

Он снова высунулся из окна подышать свежим воздухом и увидел человека, которого сегодня уже встречал. Тогда рыцарь держался рядом с фон Турбатом, в одной руке он сжимал меч, а под другой держал металлический ранец. Теперь этот же самый рыцарь сопровождал фон Турбата на улице, а когда король направился обратно в храм, за ним, чуть ли не наступая на пятки, шел рыцарь с серебристым ранцем.

Очень странно, подумал Кикаха. Он никак не мог понять, что же происходит. Впрочем, ясно было одно: Вольф лишился власти над этим миром, иначе такого бы не слу-

чилось. Вольф либо убит, либо пленен в собственном дворце, либо спрятался в каком-либо из миров.

Вскоре капрал приказал отряду возвращаться вниз. Они опять прочесали все известные стволы в их секторе. Когда они добрались до коридора, то были усталыми, запарившимися и злыми. Их и без того дурное настроение ухудшилось после словесных оскорблений офицеров. Рыцари, и, главное, фон Турбат, никак не могли поверить, что Кикаха сбежал. Барон переговорил с офицерами и уточнил планы, а потом приказал возобновить поиски. Возникла задержка, пока солдатам раздавали бутылки воды, сухари и сушеное мясо. Кикаха сгорбился у стены вместе с другими и высказывался только тогда, когда к нему обращались. Воины из его группы служили вместе и знали друг дружку, но никто не спросил, из какого он взвода, — они слишком устали и не хотели тратить силы на разговоры.

Поиски отменили примерно через час после того, как стемнело. Один офицер заявил, что Обманщик никуда не денется хотя бы потому, что мосты перекрыли, а беженцев вернули по домам. Каждый мост тщательно охраняется, а противоположный берег реки прочесывают патрули. Более того, в городе начинались поварьные обыски домов.

Воины поняли, что поспать им нынче не придется. Они всю ночь будут оставаться на ногах, разыскивая Кикаху.

Солдаты не протестовали. Они знали, что любое недовольство карается поркой, а заканчивается кастрацией или веревкой на шее. Но между собой-то они ворчали, и Кикаха внимательно слушал их, извлекая информацию. Это были крепкие, твердые ребята, подчинившиеся бы любому приказу, в том числе и самому бессмысленному.

Маршировали они достаточно четко, хотя бедра у них безмолвно кричали от боли. Кикаха сумел попасть в задний ряд взвода, и когда они свернули на темную улицу, где не видно было ни местных жителей, ни завоевателей, он отстал и укрылся в дверном проеме.

Глава IV

Дверь, у которой он стоял, нельзя было, конечно, открыть снаружи. Она закрывалась изнутри большим засовом, применявшимся всеми гражданами Таланака для защиты от рыскавших по ночам воров.

Где есть цивилизация, там всегда найдутся и воры. В данную минуту Кикаха был благодарен судьбе, что преступность существует. Во время предыдущего длительного визита в Таланак он предусмотрительно свел близкое знакомство кое с кем из уголовной среды. Эти люди знали множество потайных входов и выходов в городе, а Кикаха захотел узнать их на случай, если ему когда-нибудь понадобится бежать от погони. Более того, он считал знакомых ему преступников, главным образом, контрабандистов, интересными людьми. Одна из них, Клататол, оказалась не только интересной. Она была прекрасна: длинные прямые черные волосы, очень длинные и густые ресницы, гладкая бронзовая кожа, налитая фигура, хотя, подобно большинству местных женщин, Клататол чуточку широковата в бедрах и немного толстовата в лодыжках. Кикаха редко требовал от других совершенства. Он соглашался, что небольшая асимметрия — фундамент истинной красоты.

Поэтому он и стал любовником Клататол в то же самое время, когда ухаживал за дочерью императора. На этой двойной жизни он, в конце концов, и споткнулся, и брат императора вместе с шефом полиции вежливо попросили его покинуть Таланак. Ему разрешили вернуться лишь после того, как дочь императора выйдет замуж и, как водится у знати, закроется в гинекее. Кикаха уехал, даже не попрощавшись с Клататол. Он посетил одно из небольших вассальских королевств на востоке — страну цивилизованного народа, называвшегося коацл-слет. Ее давным-давно покорили, и теперь она платила дань Таланаку, но народ все еще говорил на своем исконном языке и придерживался своих исконных, несколько странных обычаев. Находясь там, Кикаха прослышал, что дочь императора вышла, как и подобало по традиции, замуж за своего дядю. Он мог бы возвратиться, но вместо этого с тоски вернулся обратно к хровака, медвежьему народу, в горы у Великих Прерий.

Поэтому теперь он решил пробраться к дому Клататол и выяснить, не могла бы она его тайно вывести из города, — если она вообще примет его после ссоры, подумал Кикаха. Когда он видел ее в последний раз, она попыталась его убить. Но даже если она уже забыла обиду, то может снова разгневаться, узнав, что он вернулся в Таланак и не захотел сразу же повидаться с ней.

«Ах, Кикаха! — пробормотал он про себя. — Ты считаешь себя таким умным и всегда умудряешься все запутать!

К счастью, я единственный, кто знает, когда я появился в городе. Но я-то, каким бы болтуном меня ни считали, никогда не проболтаюсь».

Взошла луна. Не серебряная, как на Земле, а зеленая, как сыр, составлявший, по словам юмористов-фольклористов, лунный материал. Она была примерно в два с половиной раза больше земной луны и набухала в беззвездном черном небе, отбрасывая серебристо-зеленый свет на нефритовую улицу.

Гигантский диск двигался по небесам, и свет, словно его тянула упряжка мышей, вытягивался вперед и вскоре осветил дверную нишу, в которой укрывался Кикаха.

Беглец поднял взгляд на луну, и ему захотелось оказаться там. Он много раз гулял по ее поверхности, и если бы сумел добраться до известных ему скрытых в Таланакке маленьких врат, то мог бы снова погулять по ней. Однако слишком уж вероятно, что фон Турбат знает об их местонахождении, поскольку знал о больших вратах. Конечно, это стоило бы выяснить наверняка, но одни из маленьких врат находились в часовне в трех улицах над самой нижней, а другие — в храме. Захватчики перекрыли все ведущие к ним улицы и начали обыск дома за домом с самого нижнего уровня.

Они будут постепенно подниматься, действуя по теории, что если Кикаха прячется, то его будут гнать вверх, пока он не наткнется на плотную цепь солдат, расставленных на двух уровнях ниже дворца. В то же время промежуточные улицы будут патрулироваться, но не часто и мелкими отрядами: на большее у фон Турбата не хватит ратников.

Кикаха покинул укрытие и прошел через улицу и через вал, спустился по барельефам богов, зверей, людей, абстрактным символам и пиктограммам, выступавшим из поверхности горы между двумя улицами. Спускался он медленно, так как опоры из гладкого камня были весьма надежны для рук и ног. К тому же он заметил, что на улице располагались группы воинов, охраняющие пологий спуск с верхнего яруса. Они держали факелы, а некоторые сидели на лошадях.

На полпути Кикаха прильнул к стене, неподвижный, как муха, заметившая где-то вдали угрожающую ей огромную темную руку. По нижней улице зацокали копыта четырех конных патрульных. Они ненадолго остановились

поговорить с расположившимися у спуска часовыми, а потом отправились дальше. Кикаха тоже тронулся в путь, добрался до улицы и заскользил вдоль стены, вдоль фасада домов, от одной тени к другой. Он все еще нес лук и колчан, хотя без них, спускаясь, двигался бы более ловко и бесшумно. Но оружие могло спасти ему жизнь, и он пошел на риск, связанный с бряцанием и дополнительной тяжестью.

Пока он добирался до улицы, на которой жила Клата-тол, луна приготовилась уплыть за монолит на северо-западе. Это был район бедняков, рабов, недавно купивших себе свободу, квартир и таверн для матросов и контрабандистов с речных кораблей торговых флотов, для наемных охранников и возчиков фургонов караванов с Великих Прерий. Здесь так же проживало множество воров и убийц, против одних у полиции не имелось ничего осязаемого, а уличенные в преступлениях укрывались тут от правосудия.

В обычный день даже в это позднее время на улице Подозрительных Запахов толпилось бы множество людей, и стояли бы шум и гам, но введенный завоевателями коммандантский час оказался действенным.

Кикаха не заметил ни одного человека, кроме нескольких патрулей, а все окна и двери оказались закрыты на засовы. Этот уровень был, подобно многим нижним улицам, выдолблен тогда, когда тишкетмоаки начали свой труд по переделке горы в метрополис. Дома и лавки стояли здесь на самой улице. По крышам этих домов шла вторая улица с другими домами, по крышам домов этой улицы — третья, выше — еще одна. Иными словами, ступенчатая пирамида квартала бедняков была уменьшенной копией большой пирамиды города.

К этим улицам на крышах домов добирались по узким лестницам, выдолбленным из нефрита между пятым и шестым домом на главной улице. Вверх по лестнице можно было гнать мелких животных вроде свиней или овец, но поднимающийся конь рисковал поскользнуться на камнях.

Кикаха прошмыгнул через улицу Зеленых Птиц, находившуюся над четвертым уровнем домов улицы Подозрительных Запахов. Дом Клататол — если она все еще там жила — выходил фасадом на третий уровень. Он собирался перелезть через ограду, повиснуть на руках, а потом спрыгнуть на крыши домов четвертого уровня, а затем на

улицу третьего уровня. Но тут не было выступов, по которым можно было бы спуститься вниз.

Перейдя улицу Зеленых Птиц, Кикаха услышал цоканье железных подков. Из тени, отбрасываемой крыльцом фасада, выехали трое всадников на вороных конях. Один был рыцарем в полной броне, а двое других — ратниками. Кони мчались галопом — всадники низко пригнулись к шеем лошадей, а за их спинами развевались черные плащи, словно зловещий дым от огня дурных намерений.

Они находились достаточно далеко, чтобы Кикаха мог сбежать, перескочив через парапет и спрыгнув вниз, но у воинов, скорее всего, имелись луки и стрелы, хотя он и не мог разглядеть вооружения. И если они быстро слезут с коней, то сумеют подстрелить его. Лунный свет здесь был вдвое мощней, чем на Земле в полнолуние. Более того, даже если их стрелы пройдут мимо, они позовут других тевтонов и начнут обшаривать дом за домом.

Кикаха подумал, что теперь-то поиски начнутся, что бы там ни случилось, но... нет, если он сможет убить их, прежде чем их услышат другие... наверное... стоит попробовать...

При иных обстоятельствах Кикаха стал бы целиться во всадников. Он любил лошадей, однако когда дело шло о спасении его жизни, сентиментальность испарялась. Пусть умрут все создания, но Кикаха всегда старался, чтобы к нему смерть пришла как можно позднее.

Он целился в лошадей и одну за другой быстро свалил двух. Лошади тяжело упали на бок, и никто из всадников не поднялся. Третий рыцарь продолжал, не отклоняясь, скакать, нацелив копьё в грудь Кикахе. Стрела прошла сквозь шею лошади. Она упала головой вперед, вскинув копыта над хвостом. Всадник вылетел из седла — в полете он удерживал копьё, но бросил его перед тем, как удариться о землю. Он рухнул на мостовую, подогнув ноги и свернувшись в позу зародыша. Сорванный с головы конический шлем стукнулся о камень, подскочил и покатился по улице. Рыцарь скользил по камням боком, срывая плащ, ложившийся позади, словно его отделившаяся тень.

Рыцарь сумел подняться, несмотря на тяжелые доспехи, и вытащил меч. Он открыл рот, чтобы призвать любого, кто мог бы услышать его и прибежать на помощь. Стрела прошла меж зубов и сквозь спинной мозг, и рыцарь рухнул на землю — меч зазвенел по нефриту.

К седлу убитого коня мертвого рыцаря была приторочена серебряная шкатулка. Кикаха попытался открыть ее, но ключ, должно быть, находился где-то под латами рыцаря. Времени искать его у Кикахи не было.

На улице лежали три мертвых коня, убитый им рыцарь и, возможно, еще парочка трупов. На улице было тихо, никто не кричал, поднимая тревогу.

Однако груды тел на дороге могли легко разглядеть с верхних улиц. Кикаха бросил через ограждение лук и колчан и скользнул сам. Меньше чем через минуту он стоял на улице третьего уровня и стучал по толстой деревянной раме окна Клататол. Он стукнул три раза, сосчитал до пяти, постучал два раза, сосчитал до четырех и постучал один раз. В другой руке он держал нож.

Ответа не последовало. Он подождал, сосчитав до шестидесяти, по коду, каким его помнил, а затем снова постучал, как предписывалось. И тут на верхней улице послышались стук копыт и какой-то невнятный шум. Раздались встревоженные голоса и зов рога. На верхней и главной нижней улице вспыхнули факелы. Забили барабаны.

Вдруг ставни распахнулись, и Кикахе пришлось быстро пригнуться, чтобы не получить створкой по лицу. Внутри комнаты царил темнота, но Кикаха сумел разглядеть очертания женского лица и обнаженное тело. В лицо ему хлынул запах чеснока, рыбы, свинины и заплесневелого сыра. Кикаха никогда не понимал, как могут соседствовать красота обработанного нефрита и такое зловоние местных жителей.

В данный момент совокупность ароматов означала Клататол, бывшую одновременно и прекрасной, и страшной. Ее язык был похабным, а характер — горячим, как исландский гейзер.

— Ш-ш! — прошипел Кикаха. — Соседи!

Клататол изрыгнула новый поток кощунственных выражений.

Кикаха рукой зажал ей рот и чуть крутанул голову, чтобы напомнить, что он легко может сломать ей шею. Потом толкнул ее назад так, что она, зашатавшись, упала, и влез в комнату. Закрыв окно и заперев ставни, он повернулся к Клататол. Та встала и, найдя масляную лампу, зажгла ее. В мерцающем свете она подошла, покачивая бедрами, к Кикахе, затем обняла его и принялась целовать лицо, шею и грудь. По ее щекам текли слезы, но шептала она нежные слова.

Кикаха стал целовать ее в ответ, стараясь не обращать внимания, что ее дыхание густо насыщено запахами похожего на смолу вина, заплесневевшего сыра и чеснока, а затем спросил:

— Ты одна?

— Разве я не поклялась оставаться верной тебе? — возмутилась она.

— Да, но я об этом не просил. Это была твоя идея, — он усмехнулся. — Кроме того, как нам обоим хорошо известно, ты не можешь прожить без мужчины больше недели.

Они рассмеялись и прошли в заднюю комнату — квадратную, с потолком, образующим купол. Это была ее спальня, а также кабинет, поскольку именно здесь Клататол планировала свои контрабандные операции и распределяла товар. Мебели почти не было, и главным предметом обстановки являлась кровать — широкая низкая рама из дерева с натянутыми поперек кожаными ремнями и наваленными сверху шкурами пум и оленей. Кикаха сразу же улегся на нее. Клататол воскликнула, что он выглядит усталым и голодным. Она пошла на кухню, а Кикаха крикнул ей вслед, чтобы она принесла ему только воды, хлеба и ломтиков сушеного мяса или немного сушеных фруктов, если они у нее есть. Как он ни был голоден, но сыра вынести не смог бы.

Набив рот, он спросил, что она знает о вторжении. Клататол присела к нему на кровать. Она готова была продолжить любовную связь, которую они прервали несколько лет назад, но Кикаха охладил ее пыл. Он сейчас был слишком близок к гибели, чтобы думать о любви.

Клататол, какие бы они ни имела изъяны, являлась женщиной практичной, и потому согласилась подождать. Она встала и надела юбку из зеленых, черных и белых перьев, затем облачилась в розовый хлопчатобумажный плащ. Она прополоскала рот вином, разведенным в десяти частях воды, и бросила на язык бисеринку мощных благовоний, а потом снова уселась рядом с ним и начала рассказывать. Хотя Клататол и получала информацию по тайным каналам уголовного мира, но даже она не могла сообщить ему всего, что он хотел бы знать. Захватчики появились словно из ниоткуда, выйдя из задней комнаты в большом храме Оллимамла. Они хлынули наружу, ворвались во дворец и, сокрушив телохранителей, а затем и гарнизон, захватили императора и всю его семью.

Взятие Таланака было хорошо спланировано и исполнено почти безупречно. Покуда второй предводитель, фон Свиндебарн, удерживал дворец и начал преобразовывать таланацкую полицию и вооруженные силы города, чтобы направить их на помощь фон Турбату, последний повел все увеличивающиеся войска завоевателей из дворца в город.

— Все были точно парализованы,— рассказывала Клататол.— Это случилось настолько неожиданно... Эти белые люди в доспехах, хлынувшие их храма Оллимамла... словно сам Оллимамл послал их, и это усилило шок.

Вставшие на их пути граждане и полиция были изрублены, а остальное население либо укрылось по домам, либо, когда слух дошел до самых нижних уровней, попыталось сбежать по мостам за реку. Но мосты быстро перекрыли.

— Странная штука,— начала Клататол. Она поколебалась, а затем с силой продолжила: — Кажется, что они вторглись в город вовсе не из-за желания завоевать богатства Таланака. Такое впечатление, будто захват города всего лишь, как ты это называешь, побочный продукт. Захватчики, кажется, решили взять город только потому, что считают его прудом, где водится очень желанная рыбка.

— В смысле — я,— уточнил Кикаха.

Клататол кивнула.

— Я не знаю, почему эти люди так сильно хотят заполучить тебя. А ты?

— Я тоже не знаю,— ответил Кикаха.— Могу предположить, но не стану. Мои догадки только собьют тебя с толку, да и излагать их долго. Для меня первое дело выбраться из города и смыться. И вот тут-то, моя любовь, и вступаешь в игру ты.

— Теперь-то ты любишь меня.

— Если бы было время...— ответил он.

— Я могу спрятать тебя там, где у нас будет сколько угодно времени,— заявила она.— Конечно, там есть и другие...

Кикаха гадал, не скрывает ли она чего-то. Он находился не в таком положении, чтобы вести себя грубо, но она понимала только язык силы. Он схватил ее за запястье и резко вывернул. Она поморщилась от боли и попыталась вырвать руку.

— Какие другие?

— Перестань делать мне больно, и я тебе скажу... быть может, тебе скажу. Поцелуй меня, и я наверняка скажу тебе.

Дело стоило того, чтобы потратить несколько секунд, и потому он поцеловал ее. Благговония из ее рта наполнили ему ноздри и, казалось, просочились по телу до кончиков пальцев ног. Он чувствовал легкое головокружение и начал гадать, не заслуживает ли она награды после такой длительной разлуки.

Осторожность взяла верх, он засмеялся и мягко высвободился.

— Ты и впрямь самая прекрасная из всех, кого я когда-либо видел, а я видел многих, — сказал он. — Но по улицам гуляет смерть и ищет меня.

— Когда ты увидишь эту другую женщину... — проговорила она.

Она снова стала застенчивой, и тогда ему пришлось напомнить, что недомолвки будут автоматически приводить к боли. Ее это не возмутило, а даже порадовало, поскольку для нее эротическая любовь включала в себя и определенную долю грубости и боли.

Глава V

Трое чужаков, которые, похоже, бежали из самых глубин храма Оллимамла, опередили фон Турбата на несколько дней. Они тоже были светлокожими. Одна из них — черноволосая женщина, которую Клататол, очень ревнивая и не склонная кого-то хвалить, тем не менее назвала самой прекрасной из всех, кого она когда-либо видела. Спутниками ее были огромный, очень толстый мужчина и другой, низкорослый и тощий. Все трое носили странную одежду, и никто из них не говорил по-тишкетмоакски. Они разговаривали на вишпавамле — литургическом языке жрецов. К несчастью, спрятавшие эту троицу воры знали только несколько слов вишпавамла, да и те — из ответов мирян во время служб.

Тут Кикаха понял, что эти трое — Властелины. Именно язык Властелинов в этом многоярусном мире считался священным.

Их бегство от фон Турбата указывало, что они лишились собственных вселенных и, спасаясь, укрылись в этой. Но какое отношение мелкий король фон Турбат имел к делам, связанным с Властелинами?

— За эту троицу предложена награда? — поинтересовался Кикаха.

— Да, десять тысяч кватлумлов за каждого, а за тебя — тридцать тысяч и высокий официальный пост во дворце императора. И даже, возможно, хотя на это только намекалось, брак с членом царской семьи.

Клататол замолкла. Ее желудок глухо заурчал, словно предвкушая предложенные награды. Сквозь вентиляционные шахты в потолке слышались слабые голоса. В комнате, где царила прохлада, стало жарко. Из подмышек Кикахи сочился пот, на темно-бронзовой коже женщины поблескивали капельки. Из средней комнаты — кухни, ванны и туалета — доносилось тихое журчание и бульканье воды.

— Ты, должно быть, упала в обморок при мысли обо всех этих деньгах, — проговорил Кикаха. — Что помешало тебе и твоей шайке заполучить их?

— Мы воры и контрабандисты, даже убийцы, но я не предатель. Розоволикие предложили эти... — Она оборвала фразу, увидев, что Кикаха ухмыляется, и усмехнулась в ответ. — То, что я сказала, правда. Сумма, однако же, огромная, но отказаться от денег нас заставила, если хочешь знать, хитрый ты койот, мысль о том, что произойдет после того, как уйдут розоволикие или случится бунт. Мы не хотим, чтобы толпа разорвала нас на куски или подвергла пыткам, считая нас продажными предателями.

— А также?..

Она улыбнулась:

— А также трое беглецов предложили, если мы выведем их из города, во много раз больше того, что предлагали розоволикие.

— А как они это сделают? — подумал вслух Кикаха. — У них на счету нет ни одной вселенной.

— Что?

— Они способны предложить вам что-нибудь осязаемое прямо сейчас?

— На всех были драгоценности, стоившие намного больше обещанной награды, — ответила она. — Некоторые камешки... Ты знаешь, я никогда не видела ничего похожего. Они словно не из нашего мира!

Кикаха не стал объяснять ей, что это выражение являлось правдой в буквальном смысле. Он хотел спросить ее, не имел ли кто-нибудь из них оружия, но сообразил, что если даже у троицы таковое и имелось, то Властелины, разумеется, не станут сообщать об этом своим провожатым.

— А как насчет меня? — осведомился он.

Он не спросил, что предложила троица кроме драгоценностей.

— Ты, Кикаха, любимчик Властелина, так, во всяком случае, говорят. Каждому известно, что ты знаешь, где спрятаны все сокровища мира. Разве бедный человек вернул бы большой изумруд Ошкоацму?

— Розоволикие достаточно скоро забарабанят в твои двери, — сказал вместо ответа Кикаха. — Они перевернут весь этот район вверх дном. Куда мы отправимся, отсюда?

Клататол настояла на том, чтобы он позволил ей завязать себе глаза, а потом надеть на голову капюшон. Кикаха вынужден был согласиться. Она удостоверилась, что он в капюшоне ничего не увидит, а затем быстро повернула его дюжину раз вокруг своей оси. После этого он по ее приказу опустился на четвереньки.

Послышался скрежет камня, поворачивающегося на оси, и Клататол повела его по проходу настолько узкому, что он скреб стенки боками. Затем Кикаха встал и, держась за ее руку, поднялся, спотыкаясь, на сто пятьдесят ступенек, прошел двести пятьдесят шагов по слегка наклонной поверхности, спустился на триста шагов по скату и прошел еще сорок шагов по прямой линии. Клататол остановила его и сняла капюшон и повязку.

Кикаха поморгал и осмотрелся. Его привели в круглую камеру сорока футов диаметром, выкрашенную в зелено-черную полоску, с вентиляционной шахтой наверху. На концах укрепленных по стенам факелов корчилося пламя. В помещении имелись кресла из нефрита и дерева, несколько сундуков, куча рулонов тканей и мехов, бочонки пряностей, бочонок воды, стол с тарелками, сухарями, заплесневелым сыром и дыра, выполнявшая функции санузла.

Вдоль стены сидели на корточках шестеро тишкетмоаков. Блестящие черные пряди спадали им на глаза. Некоторые курили сигарки. Они были вооружены мечами, кинжалами и секирами.

В креслах сидели трое светлокожих. Один был низкорослым, тощим как скелет, с наждачной кожей, большим носом и акульим ртом. Второй выглядел человеком-ламантин¹, переваливавшимся через подлокотники кресла водоподами жира.

¹ Водные млекопитающие отряда сирен с длиной тела до 5 метров с гибкими плавниками.

При виде третьей Кикаха ахнул:

— Подарга!

Женщина была самой прекрасной из всех, кого он когда-либо встречал. Он видел ее прежде. То есть это лицо существовало в его прошлом. Но тело не принадлежало этому лицу.

— Подарга! — снова воскликнул он.

Он заговорил на испорченном ликонском наречии, которым пользовались она и ее орлицы:

— А я и не знал, что Вольф вынул тебя из тела гарпии и вложил твой мозг в тело женщины. Я...

Он замолчал. Она смотрела на него с непроницаемым выражением. Наверное, Подарга не хотела, чтобы другие узнали о ее прошлой жизни в птичьем теле. А он, обычно такой сообразительный, настолько потерял самообладание, что разболтался...

Но ведь Подарга узнала, что Вольф в действительности являлся Джадавином, который три тысячи двести лет назад похитил ее с Пелопоннеса и вложил ее мозг в тело гарпии, созданное в биолaborатории. Когда Вольф предложил Подарге исправить содеянное, она отказалась. Она так сильно ненавидела Властелина, что осталась в своем крылатом теле с птичьими ногами и поклялась отомстить ему.

Неужели она изменила свое решение? Но голос принадлежал не Подарге. Это, конечно, могло быть результатом смены телесной оболочки.

— Что ты там бормочешь, леблabbий? — спросила она на языке Властелинов.

Кикаха почувствовал желание дать ей по физиономии. Слово «леблabbий» являлось уничижительным выражением Властелинов, обозначавшим человеческие существа, обитавшие в их вселенных, перед которыми они строили из себя богов. Леблabbии были маленькими ручными зверьками в той вселенной, откуда пришли Властелины. Они ели лакомства, предлагаемые им хозяевами, но съели бы также при первом удобном случае и экскременты. И еще они часто сходили с ума.

— Ладно, Подарга, притворяйся, что не понимаешь помикенски, — сказал он. — Но осторожнее в выражениях. Я к тебе особой любви не испытываю.

Она, казалось, удивилась.

— А ты — жрец?

Кикаха был вынужден признать, что Вольф, бесспорно, превосходно сработал ее. Великолепное тело, кожа такая же белая и без единого изъяна, как он ее помнил, такие же длинные черные волосы, прямые и сверкающие. Черты лица не были, конечно, совершенно правильными, оставалась легкая асимметрия, в результате которой получилась такая красота, которая при иных обстоятельствах заставила бы его страстно желать ее.

Женщина была одета в светло-зеленый халат, по виду шелковый, и сандалии — так, словно приготовилась лечь в постель, когда ей пришлось спастись бегством. Почему Подарга спуталась с этими Властелинами? Ответ словно постучал его по плечу. Конечно же, она находилась во дворце Вольфа, когда туда вторглись. Но что случилось потом?

— Где Вольф? — спросил он.

— Кто, леблabbий? — удивленно отозвалась она.

— Его, бывало, звали Джадавин, — процедил он сквозь зубы.

Она пожала плечами.

— Его там не было, а если он и находился в этом мире, то его убили Черные Колокольники.

Кикаха пришел в еще большее замешательство.

— Черные Колокольники?

Вольф однажды начал рассказывать о них, но очень недолго, потому что их разговор прервала Хрисеида, заговорившая на другую тему. Позже, когда Кикаха помог Вольфу отбить свой дворец у Арвур, он собирался спросить Вольфа о Черных Колокольниках, да так и не собрался.

Один из тишкетмоаков резко обратился к Клататол. Кикаха понял его. Контрабандист хотел, чтобы Кикаха поговорил с этими людьми. Тишкетмоаки их языка не понимали.

Отвечая на его вопросы, светлая женщина пояснила:

— Я, Анана, — сестра Джадавина. Этот худощавый — Нимстоул, прозванный среди Властелинов Петельником, а другой, толстый — Джудубра.

Теперь Кикаха понял. Анана, прозванная Ослепительной, являлась одной из сестер Вольфа. И он использовал ее лицо в качестве образца, когда создавал в биолaborатории лицо Подарги. Скорее всего, черты лица он взял по памяти, поскольку к тому времени не видел свою сестру Анану свыше тысячи лет. Значит, с момента их последней встречи прошло свыше четырех тысяч лет.

Теперь Кикаха вспомнил, что Вольф говорил, будто Черные Колокольники применялись когда-то в качестве хранилищ памяти. Властелины, зная, что даже сложный человеческий мозг не мог вместить знаний, накопленных за тысячи лет, экспериментировали с трансформацией памяти. Теоретически ее можно было, когда надо, переправить обратно в человеческий мозг или демонстрировать воспоминания другим людям.

Послышался робкий стук. Распахнулась круглая дверь в стене в дальнем конце помещения, и вошел еще один человек. Он жестом подозвал других контрабандистов, и те собрались вокруг него и стали шепотом совещаться. Наконец Клататол покинула группу и заговорила с Кикахой.

— Награду утроили, — прошептала она. — Кроме того, этот розоволикий король фон Турбат провозгласил, что как только тебя поймают, войска уберутся из города, и все здесь пойдет по-прежнему.

— Если бы ты планировала выдать нас, то могла бы мне этого рассказывать, — отозвался он.

Но вполне возможно, что она применяла сверххитрость, чтобы он расслабился перед тем, как они нанесут удар. Восемь против одного. Он не знал, как поведут себя Властелины, так что не следует рассчитывать на них. При нем все еще оставались два его ножа, но в такой маленькой комнате... а, ладно, когда придет время — увидим.

— Фон Турбат также сказал, — добавила она, — что если тебя в двадцать четыре часа не доставят к нему, он убьет императора и его семью, а потом и всех жителей города. Он сказал это, находясь наедине со своими офицерами, но один раб подслушал. И теперь весь город знает об этом условии.

— Если фон Турбат говорил по-немецки, как же мог понять его раб? — недоуменно спросил Кикаха.

— Фон Турбат говорил с фон Свиндебарном и несколькими другими на священной речи Властелинов, — пояснила она. — Раб прислуживал в храме и знал священную речь.

Должно быть, лишь Черные Колокольники могли пролить свет на эту тайну. Кикаха знал, что двое тевтонских королей способны кое-как понять священника во время службы, но не знали священного языка настолько хорошо, чтобы разговаривать на нем. Следовательно, эти двое не были теми, за кого себя выдавали...

Но времени на расспросы ему не оставили.

— Розоволикие нашли тайник за стеной моей спальни, — сообщила Клататол, — и скоро вломятся сюда. Мы не можем оставаться здесь.

Двое мужчин покинули комнату, но быстро вернулись с раздвижными лестницами. Их на всю длину вытянули в вентиляционную шахту. При виде этих приготовлений Кикаха почувствовал, что плохо понимает ситуацию.

— Теперь ваш патриотизм требует, чтобы вы вручили нас фон Турбату. Так?

Двое мужчин полезли по лестнице в шахту, а другие побудили Властелинов и Кикаху отправиться следом.

— Мы слышали, что император одержим демоном, — ответила, наконец, Клататол. — Его душу загнали в залунный холод. В его теле обосновался, хотя и не со всеми удобствами, демон. Жрецы тайно распространили эту историю по всему городу. Они призывают нас бороться с этим самым страшным из всех зол, и мы не выдали тебя, Кикаха, любимец Властелина Оллимамла, и других также не заложим.

— Он одержим? — переспросил Кикаха. — Откуда вам известно?

Клататол не отвечала, они молча поднялись по шахте и оказались в горизонтальном туннеле. Один из контрабандистов зажег потайной фонарь, а другой втащил лестницу, сложил и понес дальше.

— Император вдруг заговорил только на священной речи, так что стало очевидным, что он не понимает по-тишкетмоакски, а еще жрецы сообщили, что фон Турбат и фон Свиндебарн тоже говорят только на священном и что без жрецов никто бы не понимал их приказы.

Кикаха не мог уразуметь, зачем демону овладевать императором. К тому же предполагалось, что литургический язык опалаял уста демонам, когда те пытались говорить на нем. Но Кикаха не собирался указывать на нелогичность, раз уж она благоприятствовала его спасению.

Группа спешила вперед по туннелю, и толстый Джудубра громко сопел и жаловался. Сквозь шахту его пришлось проталкивать, так что он порвал одежду и поободрал кожу.

Кикаха спросил Клататол, хорошо ли сохранился храм Оллимамла. Он надеялся, что тайные ворота поменьше не обнаружили. Она ответила, что не знает. Кикаха спросил, как они собираются выбраться из города. Она ответила,

что будет лучше, если он этого не узнает. И тогда, если он попадет в плен, не сможет предать других. Кикаха не стал с ней спорить. Хотя он и понятия не имел, как они покинут город, но мог себе представить, что случится после. Во время своего прошлого визита он выяснил, как именно она и ее друзья провозили контрабанду мимо таможни. Клататол не подозревала, что ему это известно. Кикаха заговорил с Ананой.

— Эта женщина, Клататол, говорит, что ее император и, по меньшей мере двое захватчиков одержимы демонами. Она имеет в виду, что они вдруг потеряли способность или желание говорить на каком-либо языке, кроме языка Властелинов.

— Черные Колокольники, — ответила, помолчав, Анана.

В этот момент в туннеле раздались крики. Отряд остановился, погасив лампу. По обе стороны туннеля появились огни. Голоса доносились как с верхних, так и с нижних шахт.

— Если у вас есть оружие, — обратился к Властелинам Кикаха, — то приготовьтесь им воспользоваться.

Никто ему не ответил. Отряд построился единой цепью, взявшись за руки, и контрабандист увел их в перекрестный туннель. Они прошли гусиным шагом около пятидесяти ярдов, слыша, как голоса охотников становятся все громче, прежде чем услышали отдаленный рев воды. Фонарь зажгли снова. Вскоре они оказались в небольшой камере, не имевшей выхода, если не считать отверстия в полу шириной в четыре фута у противоположной стены. Из него сюда проникали рев, влага и вонь.

— Шахта идет под крутым углом, а туннель сточных вод, с которым она соединяется, находится пятьюдесятью футами ниже. Съезжать, однако, будет не больно, — сказала Клататол. — Мы воспользуемся этим путем, если не получится выбраться другими, которые находятся поблизости. Если пройти по этой шахте до конца, то сорвешься в туннель, полный сточных вод. Он почти вертикально уходит в реку и кончается где-то под водой. И если не погнешь и всплывешь в реке, то тебя поймают расположенные там патрульные лодки розоволиких.

Клататол объяснила им технику спуска. Они уселись и поехали вниз по трубе, тормозя руками и ногами. Проехав две трети пути вниз — или им так показалось, — они остановились. Здесь они полезли через отверстие в неизвест-

ную властям шахту, выдолбленную несколькими поколениями преступников. Она вела наверх, в сеть, находившуюся над тем уровнем, с которого они только что бежали.

Клататол объяснила, что необходимо добраться до места, где они могли вступить в другую большую трубу для сточных вод. Эта труба, однако, была сухой, потому что тридцать лет назад ее замуровала — с превеликим трудом и потерей нескольких жизней — большая шайка уголовников. Поток наверху отвели в два сточных туннеля. Сухая труба уходила ниже уровня воды. Неподалеку от нее находилась шахта, которая шла горизонтально к подводному выходу, отверстие находилось далеко от стоков, охраняемых розоволикими. Выход располагался неподалеку от причалов, где стояли речные торговые суда. Чтобы добраться до судов, им придется проплыть милю по широкой реке.

Тремя улицами выше, по-прежнему внутри горы, отряд вышел к горизонтальной шахте, открывшей им путь к бегству, а сухой туннель шел под наклоном, составляя угол в пятьдесят пять градусов.

Кикаха так и не выяснил, что произошло. Он не думал, что тевтоны могли узнать, где скрываются беглецы. Должно быть, несколько поисковых партий отправились наобум, в разные районы, и эта случайно оказалась в нужном месте и увидела свою добычу прежде, чем ее заметили преследуемые.

Внезапно вспыхнули огни, послышались крики, вопли, что-то с глухим стуком билось в тела. Несколько тишкетмоаков рухнули, а затем Клататол впереди Кикахи упала навзничь. В тусклом свете валявшегося перед ним фонаря он увидел ее синевато-черную в неверном освещении кожу, отвисшую челюсть, скошеннные в вечность глаза и торчавшую над правым ухом арбалетную стрелу. Кровь обильно залила иссиня-черные волосы, ухо и шею.

Кикаха переполз через тело любовницы, онемев от потрясения, вызванного внезапным нападением, и ожидания следующей стрелы. Он юркнул в туннель, казавшийся свободным от врагов. Позади него в темноте послышалось тяжелое дыхание. Анана подала голос и назвалась. Она не знала, что случилось с другими Властелинами.

Они ползли и шли гусиным шагом, пока не заболели ноги и спины. Произвольно они сворачивали направо и налево без всякой системы и дважды поднимались по вертикальным шахтам. Настал момент, когда они очутились

в полной темноте и тишине, и только кровь стучала у них в висках. Кажется, они обогнали гончих.

Отдохнув, они направились вверх. Необходимо было выждать, пока ночь не скроет их передвижение на поверхности. И сделать это оказалось трудно. Хотя они устали и пытались уснуть, но без конца пробуждались — словно прыгая с трамплина высоко в воздух, выпадали из бессознательного состояния в ужасную действительность. Они понимали, что это глупо, но все равно не могли уснуть и забыться, как не могли и бодрствовать.

Наконец ночь заглянула в отверстие шахты, выходившей на поверхность горы. Они полезли наружу, внизу сновали конные и пешие патрули и раздавались их голоса. Подождав, когда всадники исчезнут в темноте, они полезли через валы вверх по склону и так добрались до следующей улицы.

Нижние районы города ярко освещались факелами. Солдаты и полиция основательно прочесывали нижние уровни. Когда беглецы поднялись выше, кольцо солдат стало плотнее, потому что уменьшалась зона поиска. Повсюду шныряли поисковые партии, которые осуществляли проверку на месте.

— Если тебя полагалось взять живым, то почему они в нас стреляли? — спросила Анана. — Они не могли достаточно хорошо видеть нас, чтобы различить цели.

— Они были возбуждены, — ответил Кикаха.

Он устал, проголодался, мучился от жажды и испытывал бешеную ненависть к убийцам Клататол. Печаль придет позже, чувство вины — никогда. Он никогда не страдал от такого чувства, если не имел реальной причины. Конечно, Кикаха имел некоторые невротические слабости и истерические достоинства — будучи человеком, их никак не избежать, — но необоснованного ощущения вины среди них не числилось. Он ни в коем случае не был повинен в ее смерти. Она впуталась в это дело по своей собственной воле, зная, что может погибнуть.

От ее смерти можно было даже получить немного радости: на месте Клататол мог оказаться Кикаха.

По лабиринту шахт он отправился за едой и питьем. Анана не захотела оставаться, поскольку боялась, что он не вернется. Труба вывела их к отверстию в потолке какого-то дома. Члены семьи громко храпели в своих постелях. Из комнаты сильно разило вином и пивом. Кикаха вернул-

ся в шахту с веревкой, хлебом и сыром, фруктами, мясом и двумя бутылками воды.

И снова они ждали, когда ночь выплывет из-за монолита и вцепится мертвой хваткой в город. Тогда они снова направились вверх, когда можно — пробирались снаружи, а когда им что-то препятствовало — внутри шахт. Анана спросила его, почему они поднимаются, и он ответил, что поневоле, так как город в любом месте кишмя кишит врагами.

Глава VI

В полночь они выбрались из вентиляционной шахты в жилой дом и прошли мимо спящих. Этот дом стоял на улице, находящейся лишь на уровень ниже императорского дворца. Дальше сеть внутренних шахт кончалась. Поскольку все лестницы и спуски охранялись, они могли добраться до своей цели, только поднявшись снаружи. Это будет нелегко. На протяжении сорока футов поверхность горы преднамеренно оставлена гладкой.

Когда беглецы крались в тени у подножия стены, они наткнулись на обутые в сапоги ноги, торчавшие из темной ниши. Ноги принадлежали мертвому часовому, рядом с ним лежал еще один труп. Один был заколот в горло, а другой удушен проволокой.

— Здесь побывал Нимстоул! — прошептала Анана. — Его, не зря, знаешь ли, прозвали Петельником.

В трехстах ярдах впереди по улице вспыхнули факелы приближавшегося патруля. Кикаха выругал Нимстоула за то, что тот не спрятал тела. Хотя на самом-то деле для патрулей не составляло большой разницы, убиты часовые или просто отсутствуют на своих постах. Тревогу поднимут в любом случае.

Небольшие ворота в стене оказались незапертыми. Запереть их можно было только снаружи. Кикаха и Анана, забрав оружие мертвых часовых, прошли в ворота и взбежали по крутой лестнице меж высоченных гладких стен. К тому времени, когда они добрались до верха, беглецы сильно запыхались и жадно глотали воздух открытыми ртами.

Снизу слышались крики. В крошечных воротах появились факелы, и солдаты стали взбираться по лестнице. Забили барабаны, затрубили трубы.

Кикаха и Анана побежали, но не ко дворцу справа от них, а к крутому лестничному маршу слева. На вершине лестницы поблескивали серебряные крыши и железные решетки. В ноздри ударил запах животных, соломы, старого мяса и свежего навоза.

— Царский зоопарк, — сказал Кикаха. — Я бывал здесь.

На противоположном конце длинной дорожки, вымощенной каменными плитами, что-то блеснуло, словно нить в шлейфе ночи. Оно пронеслось в лунном свете и оказалось в тени, а затем растаяло в огромных дверях колоссального белого здания.

— Нимстоул! — воскликнула Анана.

Она бросилась было за ним, но Кикаха грубо оттащил ее назад. С искаженным лицом, белым, словно отлитым из лунного серебра, и широко раскрытыми, как у разъяренной совы, глазами, она резко вырвалась из его рук.

— Ты смеешь прикасаться ко мне, леблаббий?

— В любое время, — отрезал он. — Перво-наперво, не называя меня больше леблаббием. Я тебя не просто ударю, я убью. Я не обязан сносить твое высокомерие. Ваше презрение основано на пустом, отвратительном и болезненном эгоизме. Если еще хоть раз назовешь меня так, я убью тебя. Ты меня, знаешь ли, ни в чем не превосходишь. Именно ты зависишь от меня.

— Я завишу от тебя?

— Разумеется, — подтвердил Кикаха. — У тебя есть план бегства, такой, который может сработать, даже если он дикий?

Содрогаясь от усилий, Анана взяла себя в руки и немного успокоилась. Затем она заставила себя улыбнуться. Если бы Кикаха не знал о скрытой ярости, то счел бы эту улыбку самой прекрасной, очаровательной и соблазнительной из всех, что ему приходилось видеть в двух вселенных.

— Нет, у меня нет плана. Ты прав. Я завишу от тебя.

— Ты, во всяком случае, реалистка, — заметил он. — Большинство Властелинов, как я слышал, настолько высокомерны, что скорее умрут, чем признаются в какой угодно зависимости или слабости.

Эта гибкость, однако, делала ее и более опасной. Он не должен забывать, что Анана — сестра Вольфа. А Вольф говорил ему, что его сестры Вала и Анана являлись, вероятно, самыми опасными из всех женщин. Даже делая скидку на вполне простибельную семейную гордость и оп-

ределенное преувеличение, они, вероятно, были крайне опасными особами.

— Оставайся здесь! — скомандовал Кикаха.

Он бесшумно и быстро бросился вслед на Нимстоулом. Он не мог понять, как двое Властелинов сумели попасть сюда раньше его. А самое главное, откуда они узнали о малых тайных вратах в храме? Только одним способом: во время своего краткого пребывания во дворце Вольфа они видели карту с их местонахождением. Анана не была с ними, когда это случилось, или, если и была, то по какой-то личной причине хранила молчание.

Но если про них могли узнать двое Властелинов, то почему Черные Колокольники не нашли их тоже, ведь времени у них было больше? Через минуту он нашел ответ. Колокольники знали о вратах и поставили перед ними двух часовых. Но этих двоих убили, одного закололи, а другого удавили.

Дверь на углу здания была открыта настежь, и оттуда лился свет. Кикаха осторожно проскользнул через узкое отверстие в небольшое помещение. В камень пола были вделаны четыре серебряных полумесяца, а четыре, висевшие на настенных колышках, исчезли. Двое Властелинов использовали врата для побега и прихватили с собой остальные полумесяцы, чтобы никто больше не воспользовался ими.

Разъяренный Кикаха вернулся к Анане и сообщил ей эту новость.

— Этот путь отпадает, но мы еще не повержены, — закончил он.

Кикаха тронулся дальше по изогнутой дорожке из диоритовых камней, инкрустированных по краям небольшими алмазами. Он остановился перед огромной клеткой. В ней стояли бок о бок две птицы и прожигали Кикаху взглядами. Ростом они достигали двух с половиной метров. Головы их были бледно-красными, клювы и ноги — бледно-желтыми, крылья и тела зелеными, как полуденное небо, а глаза — алыми щитами с черными точками. Одна птица заговорила голосом гигантского попугая:

— Кикаха, подлый Обманщик, что ты здесь делаешь?

В этой огромной голове находился мозг женщины, похищенной Джадавином три тысячи двести лет назад с берегов Эгейского моря. Мозг этот был трансплантирован ради развлечения Джадавина в созданное в его биолabora-

тории тело орлицы. Эта орлица оставалась одной из немногих, имевших человеческий мозг. Громадные зеленые орлицы, сплошь самки, воспроизводились путем партеногенеза. Из первоначальных пяти тысяч в живых оставалось еще около сорока.

Миллионы ныне живущих являлись их потомками.

Кикаха ответил на микенском греческом:

— Девиванира! А что ты делаешь в этой клетке? Я думал, ты пташка Подарги, а не императора.

Девиванира завизжала и вцепилась клювом в прутья решетки. Стоявший слишком близко Кикаха отпрыгнул, но рассмеялся:

— Вот так, правильно, глупая птица! Привлечи их внимание, чтобы они примчались сюда и помешали нам сбежать!

— Сбежать? — вскричала другая орлица.

— Да, — быстро ответил Кикаха, — сбежать. Согласитесь помочь нам выбраться из Таланака, и мы выпустим вас из клетки. Но говорите «да» или «нет» сейчас! У нас мало времени!

— Подарга приказала нам убить тебя и Джадавина Вольфа! — заупрямилась орлица.

— Вы можете попробовать совершить это позже, — предложил он. — Но если вы не дадите мне слово помочь нам, то умрете в клетке. Вы хотите снова взлететь, снова увидеть своих подруг?

На лестнице, ведущей ко дворцу и зоопарку, появились факелы, и Какаха повторил:

— Да? Нет?

— Да! — бросила Девиванира. — Клянусь грудями Подарги, да!

Анана вышла из тени помочь ему. До сих пор орлицы не видели отчетливо ее лица.

Они подпрыгнули, захлопали крыльями и каркнули:

— Подарга!

Кикаха не сообщил им, что она приходилась сестрой Вольфу, а лишь сказал:

— У лица Подарги имелся образец.

Он побежал к складу, радуясь, что осмотрел его во время своей экскурсии с императором, и вернулся с несколькими мотками веревки. Затем он спрыгнул в выдолбленную в камне яму и всем телом навалился на железный рычаг. Дверь заскрипела и распахнулась.

Анана стояла на карауле с луком и стрелой наготове. Девиванира, сгорбившись, прошла через дверь и стояла смирно, пока Кикаха привязал каждый конец веревки к ноге. Антиопа, другая орлица, покинула клетку и тоже дала привязать веревку к своим ногам.

Кикаха растолковал, что им следует сделать. Когда солдаты вбежали в сад, две огромные птицы прыгнули к краю окружавшего зоопарк низкого вала. Это не был их привычный способ взлета, когда орлицы находились на земле, то обычно широко разбегались и взмывали в прыжке. Теперь же приходилось полагаться только на силу крыльев и планирование.

Кикаха очутился между ног Девиваниры с веревкой под ягодицами. Он ухватился за обе ноги над огромными когтями и крикнул:

— Готово, Анана? Отлично! Девиванира! Взлет!

Обе орлицы, хоть и обремененные тяжестью людей, подскочили в воздух на несколько футов и тяжело забили крыльями. Кикаха почувствовал, как врезалась в его тело веревка. Его рвануло вперед и вверх, вал вылетел из-под его ног. Серебристо-зеленые угловатые стены, отражавшие пламя факелов, и улицы города оказались под ними, но стремительно надвигались.

Намного ниже, по меньшей мере, в трех тысячах футов отсюда, у подножия горы текла река, отливая черным серебром.

Склон горы скользил совсем рядом, в опасной близости. Орлицы могли нести относительно большой груз, так как их мускулы были намного сильнее, чем у земных орлов, но они не могли достаточно быстро махать крыльями, чтобы поднять взрослого человека. Самое большое, что они могли сделать,— это замедлить скорость снижения.

Вот так они и снижались, параллельно стенам, лихорадочно хлопая крыльями, когда мучительно медленно, как казалось Кикахе, подлетали к выпиравшей улице. Двигаясь вперед, они проносились над улицей и вновь, словно обрушивались вниз, слишком близко к белой, коричневой, красной или серой нефритовой поверхности, а затем яростно били крыльями и снова летели вперед.

Людам приходилось подтягивать ноги, чтобы не задеть за стены или ограды. Дважды их царапало, скребло и стучало о ветки деревьев, когда они пролетали сквозь вершины крон. Один раз орлицам пришлось резко снизиться,

чтобы не врезаться в высокую деревянную башню, возведенную на крыше. Потом орлицы едва не врезались в поверхность горы, а пассажиров протащило по коричнево-черной нефритовой скале, оказавшейся, по счастью, гладкой. Окажись там барельефы, они нанесли бы глубокие порезы или переломали им кости.

Позади остался самый нижний уровень — улица Отвергнутых Жертв, названная так по какой-то неизвестной Кикахе причине. Беглецы пролетели чуть ли не в дюйме над нефритовой оградой наружного края улицы. Страх налететь на нее и оказаться разорванным в клочья заставил Кикаху и в самом деле ощутить боль.

Они падали к реке под крутым углом.

В этом месте река была шириной в милю. На противоположном берегу находились доки и корабли, а чуть дальше от них — другие корабли на якоре. Большинство из них было длинными двухпалубными галерами с высокими кормовыми палубами и одной-двумя мачтами с прямым парусным оснащением.

Кикаха сразу же оценил обстановку и, когда орлицы снизились к пятнистой серо-черной поверхности, сделал то, о чем заранее договорился с Ананой. Он был уверен, что орлицы попытаются убить их, как только окажутся вне пределов города, и велел Анане при первом же удобном случае выпустить ноги орлицы и прыгать в воду.

До поверхности реки оставалось еще футов пятьдесят, когда Девиванира сделала первую попытку достать его клювом. К счастью для Кикахи, она не смогла достаточно согнуться, чтобы схватить его. Огромный желтый клюв рассек воздух в восьми дюймах над его головой.

— Отпускай! — завизжала орлица. — Ты утянешь меня в воду! Я утону!

У Кикахи возникло искушение именно так и поступить. Однако он боялся, что ей придет в голову очевидное. Если бы она смогла в достаточной мере сохранять высоту, в то время как Антиопа снижалась бы, ее голова могла бы оказаться на одном уровне с Кикахой. Тогда Антиопа смогла бы ударить его своим клювом, а потом две птицы могли бы поменяться местами и добраться до Ананы.

Он бросился спиной назад, дважды перевернулся, выпрямился и без всплеска вошел в воду вниз головой. Он вынырнул как раз вовремя, чтобы увидеть завершение прыжка Ананы. Они находились в двухстах пятидесяти

ярдах от ближайшей из пяти стоявших на якоре галер. В полтора миль ниже по реке к ним двигался свет факелов, а под ним поблескивали шлемы солдат; поднимались и падали весла.

Теперь орлицы перелетали реку, поднимаясь ввысь, — черные на фоне лунного света.

Кикаха окликнул Анану, и они поплыли к ближайшему судну. Одежда и ножи тянули его ко дну, поэтому он скинул одежду и бросил в глубину большой нож. Анана сделала то же самое. Кикахе не нравилось терять ни одежду, ни нож, но испытания последних сорока восьмью часами и нехватка пищи высосали из него всю энергию.

Наконец беглецы добрались до галеры и вцепились в якорную цепь, шумно втягивая воздух. Однако никто не появился на палубе корабля. Если там и был сторож, то он спал.

Дозорная лодка быстро продвигалась по направлению к ним. Кикаха, правда, не думал, что его и Анану увидели. Он объяснил ей, что нужно сделать. Набрав в легкие побольше воздуха, Кикаха нырнул под корпус корабля. Он перевернулся, когда счел, что прошел полпути, поплыл вдоль продольной оси к корме. Он ощупывал днище судна через каждый пяток гребков. Наконец, он всплыл под нависавшей кормой, так и не отыскав того, что искал. Анана, исследовавшая дно передней половины, встретила с ним у якорной цепи. Она тоже доложила о неудаче.

Кикаха проговорил, тяжело дыша:

— Вероятность того, что ни на одном из пяти судов не существует потайных камер для контрабандистов, весьма велика. Мы можем проверить их все и ничего не найти. А к нам приближается патруль.

— Наверное, следует попробовать выбраться отсюда по суше, — высказала свое мнение Анана.

— Только если не сумеем найти скрытых камер, — ответил он. — На суше у нас мало шансов.

Они поплыли вокруг галеры к следующей и там повторили свой поиск вдоль киля. Второе судно, так же как и третье, имело сплошное дно. Кикаха, хоть и не видел этого, знал, что патрульная лодка подплывает все ближе.

Вдруг с противоположной стороны лодки что-то грохнуло, словно слоновое ружье. Затем гроыхнуло второй раз, и сразу же послышались пронзительные крики орлиц и людей.

Кикаха не мог ничего разглядеть, но догадался, что случилось: зеленые орлицы вернулись, чтобы убить его, но сначала решили отомстить за свое пленение первым попавшимся людям. Поэтому они внезапно рухнули с ночного неба на солдат в лодке. Гром вызвали их крылья, внезапно расправленные для торможения. Теперь они, должно быть, находились в лодке и рвали солдат клювами и когтями.

Послышался всплеск и новые вопли, а затем наступила тишина.

Звуки триумфа, словно затрубил слон, затем хлопанье гигантских крыльев. Кикаха с Ананой нырнули под четвертое судно и таким образом укрылись от орлиц и продолжили поиски.

Кикаха, вынырнув под кормой, слышал шум крыльев, но не видел птиц. Он ждал в тени кормы, пока не увидел их, поднимавшихся ввысь от соседней галеры. Они могли прекратить охоту на него или намеревались снова рухнуть с небес. Ананы в поле зрения не было. Она так долго не показывалась, что Кикаха понял: она либо нашла то, что они искали, либо утонула, либо скрылась сама по себе.

Он проплыл под носом галеры, и вскоре его рука прошла над краем вырезанного в киле колодца. Он стал всплывать, открыл глаза и увидел наверху отблеск серого света. Затем он вынырнул на поверхность и оказался в квадратной камере, освещенной небольшой лампой. Он сморгнул воду и увидел стоявшую на четвереньках Анану с ножом в руке, глядевшую на него с полки. Полка находилась в двух футах над водой и тянулась по периметру всей камеры. Рядом с рукой, в которой она держала нож, виднелись черные волосы мужчины.

Это был тишкетмоак, и он крепко спал. Анана улыбнулась и пояснила:

— Он спал, когда я появилась из воды. Неплохое обстоятельство, между прочим, потому что он мог проткнуть меня, прежде чем я бы поняла, что произошло. Поэтому я треснула его по шее, чтобы гарантировать его дальнейший сон.

Полка достигала четырех футов в длину и столько же в ширину и была пустой, если не считать нескольких шкур, одеял и бочонка с нарисованными на нем пиктограммами, означавшими джин, да несколько деревянных контейнеров с металлическими обручами, содержащих, как надеялся Кикаха, еду. Опустевшие полки говорили о том, что

контрабандные товары уже удалили, и можно было не опасаться, что за добром кто-нибудь явится.

От лампы поднимался дым ко множеству мелких дырочек в потолке и в верхней части стены. Кикаха, приложившись щекой к стене рядом с ними, ощутил легкое движение воздуха. Казалось очевидным, что никто из находившихся на палубе не смог бы заметить света, но Кикаха хотел удостовериться в этом.

— Количество судов, снаряженных такими камерами, неизвестно, — сказал он Анане. — Иногда капитаны знают о них, иногда — нет. — Он показал на тишкетмоака. — Мы допросим его позже.

Кикаха связал ему лодыжки, а потом, перевернув, скрутил руки за спиной. Затем, хотя ему хотелось лечь и уснуть, он опять нырнул в воду. Вынырнул он неподалеку от якорной цепи, по которой и влез на корабль. Рыская по галере, он не обнаружил никаких сторожей и получил хорошее представление о конструкции судна.

Более того, он нашел несколько ломтей сушеного мяса и сухарей, завернутых в водонепроницаемые кишки. Орлиц в поле зрения не было, а патрульную лодку унесло так далеко, что он не мог разглядеть в ней никаких тел — если они там остались.

Когда он вернулся в потайную камеру, то обнаружил, что туземец пришел в себя.

Кикаха допросил его, и тот рассказал, что прячется тут от полиции — по какому обвинению, он не уточнил. О вторжении он не знал, а в рассказ Кикахи явно не поверил.

Кикаха обратился к Анане.

— Нас должно было увидеть множество людей, так что с поисками в городе покончат, и будут искать в старом городе, на фермах, в сельской местности, а также обыщут все суда. Потом, когда они потеряют наш след, тевтоны могут позволить горожанам вернуться к нормальной жизни. И эта галера сможет уйти туда, куда направлялась.

Кикаха спросил у Петорока (так звали туземца), где раздобыть достаточно еды, чтобы им троим хватило на месяц.

Глаза Ананы расширились, и она недоверчиво переспросила:

— Жить месяц в этой влажной вонючей дыре?

— Если ты хочешь оставаться живой, — ответил Кикаха. — Я искренне надеюсь, что мы здесь так долго не про-

будем, но хотел бы иметь резервы на случай непредвиденных обстоятельств.

— Но я сойду здесь с ума,— закричала она.

— Сколько тебе лет? — осведомился он. — По меньшей мере около десяти тысяч, верно? И за это время ты не научилась правильно относиться к подобным ситуациям?

— Я никогда не предполагала, что окажусь в такой ситуации,— зарыдала Анана.

Кикаха улыбнулся.

— Это что-то новенькое после десяти тысячелетий, да? Тебе следовало бы радоваться избавлению от скуки.

Неожиданно она рассмеялась.

— Я устала и сделалась раздражительной. Но ты прав. Лучше умирать от страха, чем от скуки. А то, что случилось...— она развела руками, показывая, что у нее нет слов.

Получив от Петорока необходимые сведения, Кикаха снова отправился на палубу. Он спустил на воду лодку, подгреб к берегу и совершил взлом пакгауза. Наполнив лодку продовольствием, он погреб обратно к судну. Здесь он привязал лодку к якорю, а затем нырнул, чтобы привести Анану. Они много раз ныряли, плавали туда-сюда, перетаскивая продукты в сетях. К концу своих трудов они настолько выбились из сил, что едва смогли подтянуться на полку в камере. Кикаха отпустил лодку вниз по течению, а затем нырнул в последний раз.

Он трясся от холода и истощения сил, ему отчаянно хотелось спать, но он не смел оставить туземца без охраны. Анана предложила разрешить эту проблему, убив Петорока. Пленник слышал, но не понял, поскольку они говорили на языке Властелинов. Однако он увидел, как она провела пальцем по горлу, и сообразил, что они обсуждают. Он поблел.

— Я не стану этого делать без надобности,— отверг предложение Ананы Кикаха. — Кроме того, если он даже умрет, нам все равно придется сторожить. Что, если явятся другие контрабандисты? Нельзя, чтобы нас застали спящими. Клататол и ее компания оказались способными устоять перед наградой, хотя я не уверен, что они могли бы и дальше держаться. Другие же тем более могут не проявить такого благородства.

Он взял стражу на себя и не засыпал, черпая воду и ополаскивая лицо, разговаривая с Петороком и расхажи-

вая взад и вперед по полке. Когда он счел, что прошло два часа, то разбудил Анану, похлопав ее по щекам и брызнув на ее лицо воды. Взяв обещание, что она не поддастся сну, Кикаха закрыл глаза. Они еще дважды сменяли друг друга, а потом его разбудили в третий раз. Но теперь он не должен был вставать в караул.

Анана закрыла ему рот ладонью и прошептала на ухо:
— Тихо! Ты храпел! А на борту люди.

Долгое время он лежал, прислушиваясь к топоту ног, крикам и разговорам, к грохоту, с которым передвигали туда-сюда груз и простукивали переборки и палубы, чтобы обнаружить скрытые отсеки.

После тысячи двухсот секунд, каждую из которых Кикаха мысленно отсчитывал, поисковая партия двинулась дальше. Он и Анана снова поочередно пытались наверстать упущенный сон.

Глава VII

Когда они достаточно отдохнули, чтобы бодрствовать одновременно, Кикаха спросил Анану, как она попала в такую ситуацию.

— Черные Колокольники, — ответила она и подняла правую руку. Средний палец украшало кольцо из совершенно черного металла с большим темно-зеленым камнем. — Я отдала контрабандистам все свои драгоценности, кроме этого кольца, — сказала она. — С ним я отказалась расстаться, заявив, что сперва им придется меня убить. Каждую минуту я думала, что они меня все-таки убьют, позарившись на кольцо. Дай-ка вспомнить, как это началось.

Первоначально Черные Колокольники были искусственной формой жизни, созданной учеными Властелинов около десяти тысяч лет назад. Колокольников создали в ходе поисков истинного бессмертия. Теперь слушай дальше. Колокольник имеет форму колокола черного цвета из материала, не поддающегося разрушению. Даже если присоединить его к водородной бомбе, Колокольник переживет ядерный взрыв. Колокольника можно запустить в сердце звезды, и он выйдет без единой царапины хоть через миллиард лет. Итак, сперва ученые сконструировали Колокольника таким образом, чтобы тот был полностью автоматическим. Он не обладал собственным разумом, а являл-

ся всего лишь прибором. Помещенный на голову человека, он засекал электрический потенциал человеческой кожи и автоматически выпускал две очень тонкие, но жесткие иглы. Они проникали сквозь череп в мозг. Через иглы Колокольник мог разрядить содержимое человеческого мозга, то есть мог размотать цепочки гигантских белковых молекул, составляющих память, а также мог диссоциировать сложные невральные узоры подсознания и сознания.

— Какой в этом был смысл? — не понял Кикаха. — Зачем бы Властелину захотелось выскребать, то есть разряжать себе мозг? И разве он не стал бы тогда пустым?

— Да, но ты не понимаешь. Разряженный и размотанный мозг принадлежал человеку, подданному Властелина, рабу.

Шокировать Кикаху было нелегко, но эти слова его ошеломили, и он почувствовал дурноту.

— Что? Но...

— Это было необходимо, — серьезно произнесла Ана-на. — Раб все равно бы умер, так какая разница? Но Властелин мог бы жить, даже если бы его тело смертельно ранили.

Она не объяснила, что научные средства Властелинов давали им возможность жить тысячи, а возможно, даже и миллионы лет, если не произойдет несчастный случай: убийство или самоубийство. Кикаха, конечно, это знал. Нестарение — в меньшей степени, чем у Властелинов, — было распространено у человеческих существ вселенной, созданной Вольфом. Воды этого мира содержали в себе вещества, не дававшие человеческим существам стареть приблизительно тысячу лет. Они так же сокращали плодовитость, поэтому не возникало проблемы перенаселения.

Колокольники представляли собой устройства, благодаря которым воспоминания Властелина можно было переписать в мозг носителя. Таким образом, Властелин мог продолжать жить в новом теле, покуда старое умирало от ран. Колокольника сконструировали так, чтобы содержимое мозга Властелина могло храниться очень длительное время, если того потребуют обстоятельства. Колокольник имел энергоблок для работы хранимого интеллекта, если возникнет такое желание. Более того, Колокольник автоматически черпал нервную энергию носителя для подзарядки энергоблока. Сканирование мозга, а потом запись его в структуру колокола фактически являлись дублирова-

нием ума. В результате дублирования первоначальный мозг опустошался, то есть становился чистым.

— Я повторяюсь только для гарантии, что ты меня понял, — объяснила Анана.

— Я поспеваю за твоей мыслью, — сказал он. — Но опустошение, сканирование и дублирование мозга не кажутся мне истинным бессмертием. Это все равно, что перелить содержимое мозга из одной головы в другую. Это не настоящая пересадка мозга. Все на самом деле сводится к записи церебральных комплексов, лобных долей мозга и, как я полагаю, затылочной части мозга тоже, чтобы охватить весь разум, — или у Колокольников нет подсознания. Происходит уничтожение оригинала, а потом прокручивание записей-дисков для построения, если угодно, идентичного мозга в другом контейнере. Однако мозг второй стороны — не мозг первой. В действительности первая сторона мертва. И хотя вторая сторона думает, что она — первая, потому что у нее мозговой комплекс первой стороны, она — всего лишь дубликат.

— Устами младенца глаголет истина, — усмехнулась Анана. — Это было бы верно, если бы не существовало такой штуки, как дух или душа, как называете ее вы, люди. Но у Властелинов имелись неоспоримые доказательства, что у каждого разумного существа имеется некая внепространственная, вневременная сущность, возникающая одновременно с появлением на его свет. Она есть даже у вас, людей, и она дублирует психическое содержание тела или сомы, отражая психо сому, а может, наоборот. Так или иначе, душа — это вторая половина «настоящей личности». Когда в Колокольнике строится дубликат сомы-мозга, душа или дух переходит в Колокольника, а когда Колокольник вновь переправляет содержимое мозга в нового носителя, то и дух переходит в этот же носитель.

— У вас есть доказательства существования этой души? — поинтересовался Кикаха. — Фотографии, свидетельства органов чувств и так далее?

— Я таких никогда не видела, — ответила она, — и равным образом не знала никого, видевшего эти доказательства. Но нас заверяли, что одно время доказательства существовали.

— Прекрасно, — заметил он с сарказмом, который она, может быть, уловила, а может, и нет. — Так что дальше?

— Эксперимент, как я думаю, занял свыше пятидесяти лет, прежде чем Колокольники стали стопроцентно безо-

пасными и идеально действенными. Большинство исследований проводилось на рабах-людях, которые часто умирали или становились идиотами.

— Во имя науки!

— Во имя Властелинов, — отрезала она. — Во имя бессмертия Властелинов. Но подопытные люди, а позже и подвергшиеся опытам Властелины сообщали о почти невыносимом чувстве отрыва от действительности, муках разлуки, которые они испытывали, покуда их разум обитал в Колокольниках. Видишь ли, в таком состоянии у мозга имеется некоторое восприятие окружающего мира, если выдвинуты иглы-антенны. Но восприятие это очень ограничено. Чтобы преодолеть изоляцию и страх, способности восприятия антенн улучшили. Через антенны сделались доступными звуки, запахи и ограниченное зрительное чувство.

— Эти Черные Колокольники — бывшие Властелины? — спросил напрямик Кикаха.

— Нет. Ученые случайно открыли, что используемый Колокол обладает потенциальными возможностями развития в существо. То есть, неиспользуемый колокол был младенцем-Колокольником. Если с ним беседовать, играть, научить говорить, узнавать, развивать — то он становился не вещью или механическим устройством, а личностью, довольно чуждой нам и странной, но все-таки личностью.

— Иными словами, — сказал Кикаха, — конструкция для обитания человеческого сознания могла сама по себе стать сознанием?

— Да. Ученые были заморожены. Они организовали отдельный проект по выращиванию Колокольников. Они обнаружили, что Колокольник мог стать столь же сложным и столь же умным, как и взрослый Властелин. В то же время первоначальный проект забросили, хотя недоразвитые Колокольники использовались как вместилища для хранения памяти Властелинов.

— Думается, я знаю, что случилось, — произнес Кикаха.

— Никто не знает, что там на самом деле случилось, — продолжила Анана. — В проекте участвовали десять тысяч вполне взрослых Колокольников и множество младенцев. Каким-то образом один из Колокольников сумел вонзить свои иглы-антенны в череп Властелина. Он размотал и демонтировал мозг Властелина, а потом перевел себя в мозг носителя. Впоследствии Колокольники захватили и других Властелинов, занимавшихся этим проектом.

Кикаха угадал правильно. Властелины сами создали своих чудовищ.

— В то время мои предки создавали свои личные, сделанные на заказ вселенные, — рассказывала она дальше. — Они и впрямь были Властелинами — богами, если таковые когда-либо существовали. Родная вселенная, конечно, продолжала оставаться основой для подавляющей массы населения. Многие из Колокольников в телах носителей сумели выбраться из родной вселенной в личные вселенные. К тому времени, когда открылась истина, было невозможно узнать, кто захвачен, а кто нет. Почти десять тысяч Властелинов были, так сказать, «колоколизированы». Война Черных Колокольников продолжалась двести лет. Я родилась именно в это время. К этому сроку большинство ученых и техников Властелинов погибли. Половина населения тоже умерла. Родную вселенную опустошили. Это было концом науки и прогресса и началом солипсизма¹ Властелинов. Уцелевшие имели в своем распоряжении много энергии, устройств и машин, но понимание принципов, служивших основой этой энергии и машин, было утрачено. Со всеми Колокольниками, кроме пятидесяти, было покончено. Девять тысяч девятьсот пятьдесят Колокольников поместили в специально созданную для них вселенную. Эта вселенная — с тройными стенками, чтобы никто не мог ни забраться туда и ни выбраться оттуда.

— А недостающие пятьдесят?

— Их так и не нашли. С того времени Властелины жили в атмосфере постоянной подозрительности, на грани паники. И все же не было никаких доказательств, что каких-то Властелинов колоколизировали. Со временем паника утихла, но про пятьдесят оставшихся не забыли.

Она подняла правую руку.

— Видишь это кольцо? Оно может засечь Колокольника, когда тот окажется на расстоянии двадцати футов. Оно, конечно, не может засечь Колокольника, обитающего в теле носителя, но Колокольники не любят находиться слишком далеко от колоколов. Если что-нибудь случится с телом носителя, Колокольник захочет иметь возможность переправить свой разум обратно в колокол прежде, чем умрет тело. Кольцо, засекая колокол, включает имплантированную в мозг Властелинов сигнализацию. Эта

¹ Крайний эгоизм, эгоцентризм.

сигнализация стимулирует определенные районы нервной системы так, что Властелин слышит звон колокола. Теперь, насколько я знаю, звон колокола тревоги не раздавался около десяти тысяч лет. Но он раздался для нас троих меньше двух недель назад, и мы поняли, что древний ужас вырвался на волю.

— Те пятьдесят теперь нашлись? — поинтересовался он.

— Не все пятьдесят. По крайней мере, я видела лишь нескольких, — ответила она. — По-моему, случилось вот что: все пятьдесят Колокольников были спрятаны в какой-то вселенной. Они пролежали около десяти тысячелетий в состоянии анабиоза. Потом какой-то человек, какой-то леб...

Она запнулась, увидев выражение его лица, а затем продолжила:

— Какой-то человек наткнулся на тайник. Ему стало любопытно, и он надел один из колоколов на голову. Колокольник автоматически выпустил антенны. Одновременно Колокольник пробудился от десяти тысячелетнего сна. Он анестезировал человека через кожу, чтобы тот не мог бороться, вонзил иглы в череп и мозг, разрядил невральную конфигурацию и память человека и перевел себя в его мозг, а затем эти пятьдесят начали свою быструю и бесшумную кампанию. Нельзя сказать, сколько вселенных они захватили, скольких Властелинов пленили или вселились в них, но им не повезло с тремя: Нимстоулом, Джудуброй и мной. Я и Нимстоул сумели уведомить о ситуации Джудубру, и тот разрешил им укрыться в своей вселенной. Только Черные Колокольники могли заставить Властелина забыть о своей вечной войне со всеми другими Властелинами. Джудубра как раз восстанавливал свою оборону, когда ворвался враг. Все трое Властелинов были вынуждены бежать через ворота во дворец Вольфа в этой вселенной. Они выбрали его мир, так как прослышали, что он теперь стал слабым и мягкотелым и не станет пытаться убивать их, если они будут дружелюбны. Но дворец оказался пустым, если не считать талосов, полуметаллических, полубелковых машин, бывших слугами и стражами Вольфа и Хрисеиды.

— Вольф исчез? — переспросил Кикаха. — И Хрисеида тоже, но куда?

— Я не знаю, — ответила Анана. — У нас было мало времени для расследований. Мы вынуждены были бежать через ворота из центра управления, не зная, куда попадем.

Мы вышли в храме Оллимамла, из которого бежали в город Таланак. Нам посчастливилось наткнуться на Клата-тол и ее шайку. Не прошло и четырех дней, как в Таланак вторглись дракландцы. Я не знаю, как Черные Колокольники захватили фон Турбата и других.

— Они прошли через врата в Дракландию, — ответил Кикаха, — и захватили двух королей, без ведома подданных, конечно. Они, вероятно, не знали, что я в Таланаке, но, должно быть, узнали обо мне, полагаю, из фильмов и записей во дворце. Они явились сюда за вами — Властелинами, но прослышали, что здесь и я, явились также и за мной.

— Зачем ты им нужен?

— Затем, что я многое знаю о тайных вратах и ловушках во дворце. В первую очередь, например, они не смогут проникнуть в арсенал, если не узнают схему кода. Вот почему они хотят взять меня живым — ради имеющихся у меня сведений.

— Во дворце есть какой-нибудь летательный аппарат? — спросила Анана.

— У Вольфа таких никогда не было.

— Я думаю, Колокольники доставят несколько штук из моего мира, но им придется разобрать их, чтобы пропустить через узкие врата во дворец, а потом снова собрать. Но когда люди увидят аэролет, Колокольникам придется давать объяснения.

— Они могут заявить народу, что это волшебные суда, — возразил Кикаха.

Он страстно захотел, чтобы у него оказался рог Шамбаримена или, как его иногда называли, Ильмарволкина. Когда в резонансной точке любой вселенной на нем играли нужную последовательность нот, эта точка становилась вратами между двумя вселенными.

Рог можно было также использовать для прохождения через врата между разными точками на этой планете. Имея рог, они бы обошлись без врат. Но Анана не видела рога во дворце. Вероятно, Вольф взял его с собой, куда бы они с Хriseидой ни отправились.

Последовавшие дни и ночи не отличались комфортом. Кикаха и Анана расхаживали, чтобы размяться, взад-вперед и позволяли то же самое и Петороку, покуда Кикаха держал завязанную на его шее веревку. Спали они беспокойно. Хотя они и решили поменьше жечь лампу, так как

хотели побережь масло, большую часть времени они держали ее зажженной.

На третий день на борт поднялось много людей. Вытащили якорь, и судно явно направилось к причалу. Сквозь деревянные переборки палубы доносились звуки погрузки, продолжавшейся сорок восемь часов без передышки. Затем судно покинуло гавань, и гребцы взялись за работу. Колотушка задавала им темп, беглецы слышали скрип уключин, плеск весел и журчание воды.

Глава VIII

Путешествие заняло около шести дней, а затем судно остановилось, бросило якорь, через стены камеры доносились звуки разгрузки. Кикаха был уверен, что они плыли на запад, к краю Великих Прерий.

Когда все, казалось, затихло, он прыгнул в воду. Вынырнув на стороне, обращенной к суше, он увидел причалы, другие галеры, костер перед большим бревенчатым зданием и невысокий, густо заросший лесом холм на востоке.

Он узнал последний приграничный городок для речных судов. Товары здесь перегружались в большие фургоны, которые затем караванами отправятся к Большой Торговой Тропе.

Кикаха не собирался отпускать Петорока, но спросил его, желает ли он остаться с ними или предпочел бы riskнуть присоединиться к тишкетмоакам. Петорок ответил, что его разыскивают за убийство полицейского и он riskнет отправиться с ними.

Беглецы прокрались на ферму неподалеку от городка и похитили одежду, трех лошадей и оружие. Чтобы раздобыть все это, пришлось оглушить фермера, его жену и двух сыновей, пока те спали. Затем они проехали мимо обнесенного частоколом городка и форта.

За час до рассвета они выехали к краю Великих Прерий и решили некоторое время следовать по Торговой Тропе. Целью Кикахи была деревня хровака в горах за тысячу миль отсюда. Там они могут составить план кампании, связанной с применением некоторых тайных врат на этом уровне.

Во время заточения в потайной камере на галере Кикаха пытался поддерживать боевой дух Ананы, постоянно шутя

и смеясь, хотя и тихо, чтобы их не слышали матросы. Теперь же его словно прорвало — смех и шутки так и сыпались, рот его буквально не закрывался. Анана заметила, что теперь он выглядит самым счастливым человеком, какого она когда-либо встречала, — так он сиял от радости.

— Почему бы и нет? — ответил он и махнул рукой, показывая на Великие Прерии. — Воздух наполнен солнцем, зеленью и жизнью. Перед нами огромные холмистые прерии, во многом похожие на равнины Северной Америки до прихода белого человека, но куда более экзотические, или романтические, или колоритные — выбирай любое прилагательное. Тут пасутся миллионы бизонов, диких лошадей, антилоп, оленей, за которыми охотятся крупные хищники: полосатый лев прерий или фелис атрокс, бегающий лев, являющийся гепардообразной эволюцией пумы, страшный волк и прерийный волк, койот и прерийная собака! Прерии кишат жизнью! Здесь не только доколумбовские животные, но и привезенные Вольфом через ворота с Земли, и вымершие там. Мастоdont, мамонт, прерийный верблюд и многие другие! И есть кочевые индейские племена: сплав американских индейцев и скифосарматских белых кочевников из древней России и Сибири, и полукони, созданные Джадавином, — кентавры, чья речь и обычаи такие же, как и у племен прерий. О, здесь можно много о чем порассказать, и многого я еще не знаю, но когда-нибудь узнаю! Понимаешь ли ты, что площадь суши этого уровня больше, чем у Северной и Южной Америки моей родной Земли, вместе взятых? Это сказочный мир! Мой мир! Я верю, что родился для него, что не случайно мне повезло попасть именно сюда! Это опасный мир, но какой мир, включая и Землю, не опасен? Я оказался самым везучим из людей, сумев проникнуть сюда, и не вернулся бы на Землю ни за какие коврижки. Это мой мир!

Анана легко улыбнулась и сказала:

— Да ты преисполнен энтузиазма! Это потому, что ты молод. Подожди, пока тебе не исполнится десять тысяч лет. Тогда и ты найдешь мало поводов для радости.

— Я подожду, — ответил он. — Мне пятьдесят лет, но я выгляжу и чувствую себя трепещущим двадцатипятилетним, если ты простишь меня за такой банальный эпитет.

Анана не знала, что значит банальный эпитет. И Кикаха, как умел, объяснил ей. Он обнаружил, что Анана кое-что помнила о Земле, так как бывала там несколько раз.

Самый последний ее визит приходился на 1888 год н. э. Она отправилась туда, как выразилась, «на каникулы».

Они подъехали к лесу, и Кикаха сказал, что им следует разбить лагерь на ночь. Он отправился поохотиться и вернулся с оленем-пигмеем. Он освежевал его, а потом зажарил над костром. Потом все трое нарубили веток и сделали помост на развилке двух больших веток дерева. Они согласились стоять по часу на страже. Анана сомневалась, можно ли спать, пока бодрствует Петорок, но Кикаха заверил, что им незачем беспокоиться. Парень слишком напуган мыслью об одиночестве в этом диком краю, чтобы подумывать убить их или просто сбежать.

Именно тогда-то Анана и призналась, что она рада компании Кикахи.

Это признание его приятно удивило, и он заметил:

— Ты, в конце концов, все-таки человек. Может быть, для тебя еще не все потеряно.

Она рассердилась, повернулась к нему спиной и притворилась спящей. А он нес караул и еще долго улыбался.

Луна в небе сияла зеленью. Ночь была наполнена звуками, но все доносились издалека. Иногда трубил мамонт или мастодонт, ревел, как гром, лев, вот заржал дикий конь, а один раз донесся свист гигантской ласки. Этот свист заставил его замереть, а кони зафыркали и всхрапнули. В прериях после человека и полуконя больше всего Кикаха страшился именно гигантской ласки. Прошел час, ласка так и не показалась, и лошади, казалось, расслабились. Время его вахты истекло, Кикаха разбудил Петорока и рассказал об этом опасном животном. Велел ему вглядываться во все тени в поисках огромного, длинного скользящего тела ласки и без колебаний стрелять из лука, если покажется, что увидел ее. Кикаха хотел быть уверенным, что Петорок не заснет на посту.

На рассвете Кикаха опять стоял в карауле. Он увидел отблеск света на чем-то белом, появившемся в небе. Некоторое время ничего разглядеть не удавалось, но затем солнце снова отразилось на предмете в небесах. Объект находился далеко, но быстро рос, снижаясь и обретая форму длинной иглы. Когда он приблизился, Кикаха разглядел выпуклость на его корпусе, что-то вроде застекленной кабины и силуэты четырех людей в ней.

Затем аэролет пропал среди прерий.

Кикаха разбудил Анану и рассказал об увиденном.

— Должно быть, Колокольники привезли аэролет из моего дворца,— решила она.— Это плохо. Аэролет не только может быстро покрыть большое расстояние, но и вооружен двумя дальнобойными лучеметами, а у Колокольников, вероятно, есть также и ручные лучеметы.

— Мы можем путешествовать ночью,— размышлял вслух Кикаха,— но даже в таком случае нам иногда придется спать днем на открытых местах. В Великих Прериях множество небольших рощ, но на нашем маршруте они будут встречаться не всегда.

— У них может оказаться несколько аэролетов,— заметила Анана.— Если их доставили из моего мира, то один из них может летать по ночам. Тогда у них есть приборы ночного видения, а значит, и возможность засекать тепло, излучаемое живыми существами.

С тревожным чувством путники выбрались в открытые прерии, надеясь, что судьба убережет их от встречи с Колокольниками. На следующий день, когда Кикаха поднялся на гребень невысокого холма, он увидел всадников, которые скакали вдаль. Но это были не кочевники прерий, как он ожидал, и не типкетмоаки. Их доспехи сверкали на солнце: шлемы и кирасы.

Кикаха обернулся, чтобы предупредить остальных.

— Это, должно быть, тевтоны из Дракландии,— сказал он.— Я не знаю, как они сумели так быстро попасть сюда. Минуточку! Они, вероятно, прошли через ворота примерно в десяти милях отсюда. Их полумесяцы вделаны в макушки двух зарытых рядом с колодцем валунов. Я подумывал сделать крюк в ту сторону и обследовать их, хотя в этом мало смысла. Эти ворота односторонние.

Тевтонов, должно быть, отправили искать Кикаху и отрезать ему дорогу, если он попытается пробраться к горам хровака.

— Им понадобится миллион воинов, чтобы разыскать меня в Великих Прериях, и даже тогда я мог бы ускользнуть от них,— сказал Кикаха.— Но аэролет меня очень беспокоит.

Три дня прошло без происшествий, если не считать случая, когда в небольшой ложбине они наткнулись на семейство львов. Взрослые самец и самка вскочили на лапы и предупреждающе зарычали. Самец весил по меньшей мере четыреста килограммов, и его рыжевато-коричневое тело покрывали бледные полосы. Его грива была очень малень-

кой — волосы густые, но не больше дюйма длиной. Самка уступала ему в размерах и весила не более трехсот килограммов. Два детеныша размером со взрослых оцелотов возились рядом.

Кикаха тихо велел спутникам держаться позади него, натянул поводья, а затем медленно повернул своего дрожавшего жеребца и заставил его удаляться не спеша. Львы рванулись было за всадниками, но остановились, сверкая глазами и рыча. Они не стали преследовать всадников. Лежавшее на земле полусъеденное тело дикого полосатого осла объясняло, почему они не желали гоняться за непрошеными гостями.

На четвертый день путники увидели караван фургонов тишкетмоакских торговцев. Кикаха скакал примерно в полумиле от него. На таком расстоянии его не могли опознать, а он, пользуясь обстоятельствами, хотел разузнать как можно больше о караване. Он не сумел объяснить Анане своего любопытства, просто Кикаха любил быть в курсе всего происходящего, чтобы не оказаться в неведении, если вдруг изменится ситуация.

Анана боялась, что Петорок воспользуется случаем и сбежит к каравану, но Кикаха держал наготове лук, а Петорок достаточно насмотрелся, как тот ловко пользуется оружием, чтобы уважать стрелка.

Караван насчитывал около сорока фургонов. Они были двухэтажными и десятиколесными, такой вид транспорта тишкетмоаки предпочитали для дальних перевозок по прериям. Каждый фургон тянула упряжка из десяти мулов, более крупных, чем першероны. Кроме того, имелось множество фургонов поменьше, оборудованных под спальни и столовые для охранявших караван кавалеристов. Кикаха насчитал около пятидесяти охранников, имелись косяки запасных лошадей для кавалерии и мулов для фургонов. Всего в караване ехало около трехсот пятидесяти мужчин, женщин и детей.

Кикаха двигался параллельным курсом и изучал караван. Наконец Анана осведомилась:

— Что ты об этом думаешь?

Он усмехнулся:

— Этот караван пройдет в двухстах милях от гор хровака. Добираться туда чертовски долго, так что идея, пришедшая мне на ум, не очень практична. Это слишком дерзко, а, кроме того, надо учесть и Петорока.

Некоторое время он слушал ее уговоры, затем поведал свой план. Анана решила, что он свихнулся. Все же после некоторого размышления она признала, что сама нестандартность и рискованность идеи, ее неожиданность могла и в самом деле сработать, если им очень уж повезет. Но, как заметил Кикаха, приходилось учитывать и Петорока.

Всякий раз, когда тот находится недостаточно близко, чтобы слышать, она настойчиво предлагала убить контрабандиста. Анана утверждала, что он заколол бы их в спину, если бы знал, что сумеет выжить в прериях в одиночку. Кикаха согласился, но не мог пойти на убийство без особых причин. Он подумывал бросить Петорока в прерии, но боялся, что его поймают Колокольники.

Путники держались подальше от каравана, но двигались несколько дней параллельно с ним на расстоянии нескольких миль. По ночам они отступали еще дальше, поскольку Кикаха не хотел, чтобы караванщики застали его врасплох. На третий день он думал вообще покинуть караван и тронуться в южном направлении. Однако, увидев, как что-то сверкнуло в небе, они поскакали к группе редко росших деревьев, обеспечивающих некоторое укрытие. Привязав лошадей к кустам, трое беглецов вползли по высокой траве на холм и стали следить за караваном.

Они находились достаточно далеко, так что едва-едва различали фигуры людей. Аэролет снизился перед ведущим фургоном и парил примерно в футах над землей. Караван остановился.

Через какое-то время у аэролета собралась группа людей. Даже на таком расстоянии Кикаха видел, как сильно они размахивали руками. Торговцы явно протестовали, но, видно, напрасно. Когда они вернулись к фургонам, начался тщательный обыск, занявший весь день, хотя тишкетмоаки работали как бешеные. Все фургоны пришлось разгрузить, чтобы стражники из аэролета могли осмотреть и ощупать транспорт и поклажу.

— Хорошо, что мы отказались от моего плана, — заметил Кикаха. — Нас наверняка бы нашли. Эти парни — я имею в виду Колокольников — работают основательно.

Той ночью они укрывались в зарослях кустарника и не разводили костра. Утром Кикаха, подкравшись поближе, увидел, что аэролет исчез. А тишкетмоаки, вставшие, должны быть, очень рано, заканчивали погрузку. Он вернулся к лагерной стоянке и поговорил с Ананой.

— Теперь, когда Колокольники проверили этот караван, маловероятно, что они станут проверять его вновь. Теперь мы могли бы сделать то, что я предлагал, если бы не Петорок.

Он, однако, решил повременить с путешествием на юг. Наоборот, они стали держаться поближе к каравану. Ему казалось, что Колокольники какое-то время не будут возвращаться в этот район.

На пятый день Кикаха отправился поохотиться в одиночку. Вернулся он с небольшим оленем, привязанным к седлу. Петорока и Анану он оставил на южном склоне холма. Там они и находились, но Петорок лежал, распростершись на спине, с открытым ртом и застывшим взглядом. Из его солнечного сплетения торчал нож.

— Он пытался напасть на меня, этот леблэбий! — заявила Анана. — Он хотел, чтобы я переспала с ним. Я отказалась, и он пытался силой добиться своего.

Это была правда: Петорок часто поглядывал на Анану с явным вожделением, хотя так бы повел себя любой мужчина. Однако он никогда не пытался дотронуться до нее или сделать какое-то неприличное замечание. Это не означало, что он отказался бы при первом удобном случае, но Кикаха не верил, что Петорок осмелился бы приставать к ней. Он до ужаса боялся Анану и страшился оставаться с ней наедине.

С другой стороны, не было никаких доказательств, что Анана лжет. Дело было сделано, и тут уже ничего не поправишь, поэтому Кикаха лишь сказал:

— Вытащи свой нож и вытри его. Я все гадал, что ты сделаешь, если я скажу, что хочу переспать с тобой. Теперь знаю.

Она удивила его, сказав:

— Ты не он. Но ты никогда не узнаешь, если не попробуешь, не так ли?

— Так, — резко ответил он.

Он с любопытством посмотрел на нее.

Властелины, по словам Вольфа, были совершенно аморальными людьми. Вернее, большинство из них. Анана являлась чрезвычайно привлекательной женщиной, которая могла быть, а могла и не быть фригидной. Но десять тысяч лет казались слишком долгим сроком, за века ее чувства могли совсем засохнуть. Хотя наверняка в великой науке Властелинов существовали средства для преодо-

ления фригидности. С другой стороны, способна ли страстная женщина сохранить свою натуру после десяти тысяч лет?

Вольф говорил, что даже долгоживущие Властелины жили одним днем. Подобно смертным, они были захвачены потоком времени. Память их оставалась далекой от совершенства, к счастью для них. Так что, хотя они и подвержены намного большей тоске и скуке, чем так называемые смертные, Властелины не страдали от пресыщения чувств. Самоубийства среди них случались гораздо реже, чем у сравнимой группы людей. Хотя этот факт можно объяснить и тем, что все, кто имел склонность к самоубийству, давным-давно разделились с собой.

Каковы бы там ни были чувства Ананы, она ему их не открывала. Если она и страдала от сексуальной фрустрации, как и Кикаха, то стойко переносила неудовлетворенность. Возможно, идея переспать с низкородным смертным была для нее невыносима. И все же он слышал рассказы о проявляемых Властелинами сексуальных интересах к своим наиболее привлекательным человеческим подданным. Вольф сам говорил, что когда он был Джадавином, то предавался разгулу с прекрасными женщинами многоярусного мира, используя свою неотразимую мощь, чтобы получить все, что хотел.

Кикаха пожал плечами. Ему требовалось поразмыслить о более важных вещах. Проблема выживания перевешивала все прочие.

Глава IX

В последующие два дня им пришлось держаться подальше от каравана из-за того, что охотничьи партии с него широко разошлись в поисках бизоньего, оленьего и антилопьевого мяса. И тогда, уклоняясь от охотников, путники чуть не наткнулись на небольшой отряд охотников-саткивлкапов.

Эти были индейцы, разрисованные с головы до ног в черно-белую полоску, с закрученными в спираль длинными черными волосами на макушках и с продетыми сквозь перегородки в носсах костями, с ожерельями из львиных зубов на шее, в шароварах из львиных шкур и мокасинах из оленьей кожи. Они проскакали в ста ярдах от Ананы с

Кикахой. Но они были поглощены стрельбой по бизонам и в пыли и пылу погони не заметили всадников.

Кроме того, тшкетмоакские охотники гнались за теми же бизонами, но они находились по другую сторону стада, отделенные от индейцев милей почти сплошных тел.

И тогда Кикаха принял окончательное решение. Он сообщил Анане, что сегодня ночью настало время для их плана. Она поколебалась, а затем сказала, что они вполне могут попытаться, что, разумеется, следует использовать любые средства, лишь бы укрыться от Колокольников.

Путники ждали, когда караванчики покончат с жареным мясом, допьют джин и водку и отправятся спать. По обеим сторонам каравана расставили непьющих часовых, но фургоны находились в пределах границ Большой Торговой Тропы, отмеченной резными деревянными изображениями бога торговли, и поэтому торговцы по-настоящему не тревожились о нападении людей или полуконей. Какое-нибудь животное могло забрести в лагерь, гигантская ласка или лев могли задрать коня или даже убить человека, но это было маловероятно, поэтому караулы расслабились и дремали на посту.

Кикаха снял с лошадей всю сбрую и хлопнул их по крупам, чтобы они ускакали, куда глаза глядят. Он испытывал легкое сожаление, поскольку одомашненным животным трудно будет выжить в диких Великих Прериях. Но они подвергались опасности не больше, чем отпустившие их всадники.

Затем они с Ананой, привязав к спинам тюки с водой в бутылках, сушеным мясом и овощами, с ножами в зубах поползли в залитой брызгами лунного света темноте к каравану. Они пробрались незамеченными мимо двух часовых, расположившихся на расстоянии сорока ярдов друг от друга, и направились к огромному десятиколесному фургону, стоявшему двадцатым в колонне.

Они проползли мимо небольших фургонов, в которых храпели спящие мужчины, женщины и дети. К счастью, при караване не было собак, и по веской причине: гепардоподобная пума и ласка любили собачье мясо до такой степени, что все путешественники давным-давно перестали брать с собой собак для путешествия по прериям.

Устроить жилое помещение внутри плотно упакованного груза на нижнем этаже фургона оказалось нелегко. Им пришлось вытащить множество деревянных ящиков и ру-

лонов тканей и ковров, а потом опять разложить их над норой, где они будут проводить свои дневные часы. Извлеченный груз с большим трудом вогнали туда, куда сумели втиснуть. Кикаха надеялся, что когда фургон покинет берег реки, никто не заметит, что расположение вещей изменилось.

У них имелись две пустые бутылки для естественных нужд, а одеяла обеспечили им постель, казавшуюся вполне удобной, пока фургон не тронулся в путь. Рессор у фургона не было, и хотя прерия казалась довольно гладкой идущему пешком, в экипаже неровность почвы становилась весьма ощутимой.

Скрываясь в замкнутом пространстве камеры галеры, Анана жаловалась на неудобство, теперь же она чувствовала себя погребенной под обвалом. Температура снаружи резко поднималась в полдень — выше двадцати четырех градусов по Цельсию, и тогда они задыхались из-за отсутствия вентиляции и тесноты. Им пришлось сесть и уткнуться носами в отверстия, чтобы получить достаточно кислорода.

Кикаха расширил эти отверстия. Ему очень не хотелось этого делать, так как увеличивалась опасность, что незваных пассажиров обнаружат караванщики. Однако во время путешествия на нижние, грузовые платформы почти не заглядывали.

В первый день им почти не удалось поспать. Ночью, пока караванщики спали, беглецы вылезли наружу и проползли мимо часовых в открытую прерию. Здесь они вымылись в ручье, снова наполнили бутылки водой, справили естественные надобности, которые было невозможно или крайне неудобно справлять в фургоне. Они проделали гимнастические упражнения, чтобы снять оцепенение мускулов, вызванное стесненными условиями, а также тряской и рывками фургона. Это казалось самой наглой выходкой в мире — прятаться прямо под носом тишкетмоаков. Будучи один, Кикаха чувствовал бы себя более комфортно и непринужденно. Анана хотя особенно и не жаловалась, но ее не слишком подавленные стоны и брань порядком надоели ему. В этих тесных, замкнутых условиях невозможно было не прикасаться друг к другу, но она каждый раз реагировала чересчур бурно. Она то и дело приказывала ему оставаться на своей собственной половине «гроба», не трестись или не нависать над ней, и так далее.

Кикаха начал всерьез подумывать о том, чтобы предложить ей скрываться от Колокольников порознь. А если она откажется, то нокаутировать, вытащить из фургона подалее в прерию и оставить там. Временами он даже представлял, как перерезает ей горло или привязывает к дереву так, чтобы ее растерзали волки или львы.

Он сказал себе, что это дьявольский способ начать любовный роман.

Тут он спохватился. Откуда взялись эти слова: любовный роман? Да как он мог влюбиться в такую злобную, высокомерную и смертоносную стерву?

Мог. Как сильно он ни бесился, как ни ненавидел и ни презирал ее.

Кикахе приходилось влюбляться, и не раз — и в том, и в другом мире, но никогда — при таких обстоятельствах. Несомненно, если не считать Подарги, лицо которой выглядело точь-в-точь как у Ананы, и странной, действительно неземной Хрисеиды, его спутница была самой прекрасной женщиной из всех, кого он когда-либо встречал.

Но само по себе это не означало для Кикахи любви. Он, конечно, ценил в женщинах красоту, но имел больше шансов влюбиться в женщину с приятным характером, сообразительную, с чувством юмора, чем в неприятную и тупую красавицу. Если женщина была всего лишь разумно привлекательной или пусть даже заурядной внешности, он мог бы влюбиться в нее, если находил родственную душу. Но Анана была неприятной и безжалостной особой.

Так почему же он испытывал к ней чувство любви пополам с враждебностью?

«Кто знает? — думал Кикаха. — Я-то уж точно — не знаю. И я этому даже рад. Ни к чему знать о себе все и быть легко предсказуемым».

К сожалению, его любовь была, скорее всего, безответной. Анана могла проявить чувственный интерес к Кикахе, но роман оставался бы эфемерным и сопровождался бы презрением. Она, разумеется, никогда не сможет полюбить леблabbия. Если уж на то пошло, Кикаха сомневался, что она вообще сможет полюбить кого бы то ни было. Властелины находились по ту сторону любви. По крайней мере, так говорил Вольф.

Второй день прошел гораздо быстрее, чем первый, обоим удалось почти нормально поспать. Той ночью, когда они прокрались к ручью освежиться, их загнал на дерево

львиный прайд, пришедший на водопой почти одновременно с людьми. Время приближалось к рассвету, а львы не проявляли ни малейшего желания убираться восвояси. Кикаха чуть не впал в отчаяние, понимая, что с восходом им не удастся проشمгнуть обратно в фургон. Он сказал Анане, что им придется слезть и попытаться спугнуть больших кошек.

Как обычно, у Кикахи имелся тайный мотив, кроме очевидного. Он надеялся, что если Анана имеет какое-то припрятанное или имплантированное в тело оружие, то теперь пустит его в ход. Но оружия у нее не оказалось, либо она считала ситуацию недостаточно отчаянной, чтобы воспользоваться им. Анана заявила, что может, если пожелает, попытаться отпугнуть этих чудовищ, но намерена оставаться на дереве, пока они не уйдут.

— При обычных обстоятельствах я бы с тобой согласился, — признался Кикаха, — но мы должны в течение ближайшего получаса вернуться в фургон.

— Я не должна, — огрызнулась она. — Кроме того, ты не подстрелил нам ничего на обед, прежде чем мы вернемся. Я не хочу провести еще один голодный день в этом гробу.

— У тебя там имеется масса сушеного мяса и овощей, — возразил он.

— Я весь день голодала, — ответила Анана.

Кикаха принялся спускаться с дерева. Львы, казалось, не обращали на него ни малейшего внимания, но один самец взметнулся в воздух, и его лапа с длинными когтями прошла в шести дюймах от ноги Кикахи.

— Они, кажется, не намерены пугаться, — пробормотал он. — Бывает порой, что их ничем не пронять, как сегодня, например...

С высоты дерева даже в лунном свете он мог разглядеть фургоны. Вскоре луна ушла за монолит, и на востоке показалось солнце. Караванщики начали просыпаться и развели костры. Возникла суета с приготовлением завтрака, а затем лагерь начали сворачивать. Вскоре множество колоритных солдат в деревянных шлемах с длинными перьями, в алых стеганых кирасах-тегинях¹, в юбках из зеленых перьев и окрашенных в желтый цвет легидах вскочили на коней. Они образовали полумесяц, внутри которо-

¹ Металлические латы.

го шли мужчины и женщины, несшие котелки, чайники, кувшины и другую посуду. Они направлялись к водопою.

Кикаха застонал. Ему доводилось иногда перехитрить самого себя, и сейчас, похоже, так и случилось. Выбора у них не было. Уж лучше столкнуться лицом в лицу со львами, чем оказаться захваченными в плен тишкетмоаками. Можно было попытаться договориться, чтобы их не выдали тевтонам, но он очень сильно сомневался в удачности переговоров. Слишком рискованно было бы полагаться на великодушные индейцев.

— Анана, — сказал он. — Я уйду на север, и уйду немедленно. Ты идешь со мной?

Она посмотрела вниз, на большого льва, выгнувшего спину у подножия дерева и уставившегося вверх огромными зелеными глазами. Его пасть была широко открыта. Четыре клыка — два верхних и два нижних — казались длинными, как кинжалы.

— Ты, должно быть, рехнулся, — проговорила она.

— Ну, и оставайся, если хочешь. До скорого, если вообще когда-нибудь встретимся.

Он начал спускаться по другой стороне дерева, подальше от льва. Огромный зверь поднялся и зарычал, а потом поднялись другие и направились к приближавшимся людям. Ветер донес их запах.

С минуту, львы, казалось, не знали, что делать. Затем самец под деревом зарычал и улизнул, а другие последовали за ним. Оставшуюся часть пути до земли Кикаха проделал по воздуху, а затем побежал в том же направлении, что и львы. Он не оглядывался, но надеялся, что у Ананы хватит присутствия духа последовать за ним. Если солдаты поймают ее или даже увидят, они обыщут весь район, логично заключив, что поблизости могут оказаться и другие беглецы.

Он услышал, как шуршит трава за спиной, а потом Анана догнала его. Тут он оглянулся и заметил, как над небольшим бугром показалась голова солдата. Схватив Анану, он повалил ее в высокую траву.

Послышался крик — всадник увидел их. Этого и следовало ожидать.

Кикаха поднял голову и осмотрелся. Первый всадник уже был на вершине бугра. Он привстал в стременах и показывал рукой в их направлении. К нему торопливо подъезжали остальные. Затем кавалерист, взяв пику наперевес, поскакал к ним.

Кикаха огляделся вокруг. Кругом прерия — здесь и там высокая трава, несколько деревьев. Вдалеке виднелась серая многообразная масса, являвшаяся стадом мамонтов.

Львы скрывались где-то в траве.

— Следуй за мной! — скомандовал он.

Кикаха бросился бежать быстрее, чем когда-либо бежал в жизни. Позади него орали солдаты и цокали копыта лошадей.

Большие кошки должны стать его джокером¹. Если он сумеет спугнуть львов и не попасть в когти сам, то, может быть, получится убежать от солдат.

Но львы его подвели. Они, ничуть не паникуя, неспешно разбежались. Они просто не пожелали вступать в схватку. План не удался — а он собирался скрыться, пока встревоженные львы рвали бы лошадей и всадников.

Часть отряда обошла беглецов с флангов, сомкнулась и развернулась к ним лицом, образовав полумесяц из пик. И вторая половина кавалеристов образовала полукольцо из пик. Они с Ананой очутились меж двух полумесяцев. Куда бы они ни кинулись, везде их поджидали острия пик.

— Вот что я получил за то, что был слишком умным, — сказал он Анане.

Женщина даже не улыбнулась. Да он и сам не испытывал желания смеяться.

Кикаха совсем приуныл, когда их привели обратно к каравану, связанных и беспомощных. Начальник каравана Клискат уведомил их, что вознаграждение утроили. Хотя он слышал о Кикахе и, конечно, восхищался им и уважал его как любимчика Властелина, но дела изменились, не так ли?

Кикаха вынужден был признать, что тот прав. Он спросил у Клиската, жив ли еще император. Вопрос удивил Клиската. Конечно же, император жив. Именно он-то и предлагал вознаграждение. Именно он и провозгласил союз с розоволикими чародеями, летавшими в бесколесном фургоне, — и прочее в таком же духе.

Кикаха попытался уговорить караванщиков, чтобы те их отпустили, рассказав об истинном положении дел в Таланаке, но ему не поверили. Имперская система сигнальных барабанов передала в пограничные городки сооб-

¹ В карточных играх: особая дополнительная карта, которой можно заменить любую другую.

щения об условиях жизни в столице. Многие новости оказались ложными, но Клискат верил им, а не Кикахе. И тот не мог винить начальника каравана.

Двух пленников хорошо накормили, женщины вымыли их, умастили маслом тела и волосы, причесали, надели на них свежую одежду. В это время между Клискатом, офицерами и взявшими беглецов в плен солдатами разгорелся жаркий спор. Начальник полагал, что солдаты должны поделиться с ним наградой. Офицеры считали, что следует выделить долю и им, а затем притопали несколько представителей остальных караванщиков и потребовали, чтобы вознаграждение было разделено поровну на весь караван.

Тут уже начальник, офицеры и солдаты объединились и принялись дружно орать на новоприбывших. Наконец, начальник попробовал успокоить всех, сказав, что есть только один способ решить вопрос: передать дело на рассмотрение императору. По существу, это означало передачу дела верховному суду Таланака.

Солдаты запротестовали. Дело могло тянуться годами, прежде чем его решат. А к тому времени судебные издержки пожрут большую часть наградных денег.

Припугнув всех этой угрозой, Клискат предложил компромисс, который, как он надеялся, окажется удовлетворительным: одна треть пойдет солдатам, другая — гражданским лидерам каравана, начальнику и офицерам, а последняя треть будет разделена поровну между остальными.

Снова возник спор, он не затихал ни за обедом, ни за ужином. Караван все это время не трогался с места.

Когда же все пришли к полюбовному согласию, возникли новые вопросы. Следует ли каравану двигаться дальше, взяв пленников с собой, ожидая, когда магический воздушный корабль появится снова, как обещали розоволикие чародеи? Тогда можно будет передать пленников чародеям? Или большому отряду солдат следует отвести пленных обратно в Таланак, в каравану продолжать маршрут?

Некоторые кричали, что чародеи могут и не вернуться, а даже если и появятся, в лодке не окажется места для беглецов.

Другие говорили, что солдатам нельзя доверять доставку пленников. Они могут забрать всю награду себе. К тому времени, когда караван вернется в столицу, может обнаружиться, что конвоиры уже истратили денежки, и подавать в суд будет бесполезно.

И так далее, и тому подобное.

Кикаха спросил у одной женщины, как розоволикие обращались с главой каравана.

— Розоволиких было четверо, и каждый занимал кресло в волшебном судне,— ответила она.— За них говорил жрец. Он сидел у ног того, что в переднем кресле справа. Розоволикие говорили на языке Властелинов — я знаю его. По крайней мере, когда слышу, то узнаю, хотя и не разговариваю на нем, как жрецы — а жрец слушал, а потом говорил с главой по-нашему.

Поздно ночью, когда луна одолела полпути через небесный мост, спор все еще продолжался. Кикаху с Ананой увели спать. Им выделили постели из мехов и одеял на верхнем этаже фургона. Когда они утром проснулись, обнаружили, что лагерь свернут. Торговцы решили взять пленников с собой, надеясь, что волшебная летающая лодка вернется, как обещали ее пассажиры.

Пленникам разрешили идти пешком в колонне каравана. Весь день их караулили шестеро солдат, и еще шесть стояли на страже у фургона ночью.

Глава X

На третью ночь события стали развиваться именно так, как и предполагал Кикаха. Шестеро караульных решали, что делить награду на весь караван слишком глупо. Они провели добрую часть ночи, перешептываясь между собой, и Кикаха, бодрствовавший в это время, потому что пытался сбросить свои путы, подслушал все, что они говорили.

Он велел Анане не устраивать криков или борьбы, если ее разбудят часовые. Их растолкали с предупреждением хранить молчание или умереть с перерезанными глотками. Затем провели между двух оглушенных часовых к небольшой группе деревьев. Здесь их ждали кони, оседланные, навьюченные и готовые принять на спины шестерых солдат и двух пленных, а также запасные лошади. Отряд крадучись отъехал на несколько миль, а потом пустился легким галопом. Бегство их продолжалось всю ночь и половину следующего дня. Они не остановились на привал, пока не уверовали, что их не преследуют. Поскольку они покинули Торговую Тропу и двинулись параллельно ей далеко на севере, погони не ожидалось.

На следующий день отряд продолжал двигаться курсом, параллельным Торговой Тропе. На третий день они решили вернуться к ней. Долгое пребывание за пределами безопасного Торгового пути заставляло их нервничать.

Кикаха с Ананой ехали в центре отряда. Руки им связали, но не очень туго, чтобы они могли держать поводья. В полдень отряд остановился. Но едва они успели прикончить сваренного в котелках кролика с зеленью, как раздался крик дозорного с ближайшего холма. Он галопом поскакал к отряду, вопя:

— Полукони!

Котелки опрокинули на костер, а влажный пепел закидали землей. Солдаты в панике позабыли упаковать большую часть утвари. Пленников снова заставили сесть на лошадей, и отряд рванулся к Торговой Тропе, лежавшей в нескольких милях к югу.

Вот тут-то солдаты и увидели стадо бизонов, похожее на волну, катящуюся по прерии. Это было громадное стадо — несколько миль в поперечнике, а в длину казавшееся бесконечным. Правый фланг находился в трех милях от них. Земля дрожала от топота четверти миллиона копыт.

По какой-то причине, известной только бизонам, те понеслись бегом. Стадо мчалось на запад, и притом столь быстро, что отряд мог и не суметь вовремя проскакать перед ними до Торговой Тропы. У них был шанс, но они не узнают, насколько он высок, пока не окажутся намного ближе к стаду.

Полукони увидели людей и припустили к ним галопом. Их было около тридцати: вождь в длиннохвостой шляпе с полным оперением, множество закаленных воинов в повязках с перьями и трое-четыре юнцов.

Кикаха застонал: ему показалось, что они из племени шойшателей. Однако они находились еще настолько далеко, что их раскраска была совсем неразличимой. Но ему чудилось, что осанка у вождя такая же, как у полуконя, выкрикивающего угрозы, когда он укрылся в форту.

Затем он рассмеялся, потому что не имело значения, какое это племя. Все племена полуконей ненавидели Кикаху, и все обошлись бы с ним исключительно жестоко, если бы поймали.

Он крикнул предводителю солдат Таквоку:

— Срежь веревки с наших запястий! Они нам мешают! Не беспокойся, мы не сможем скрыться от вас!

Таквок хотел было срезать веревки, но передумал. Испугался на такой скорости приближаться к Кикахе, опасался, что лошади могут врезаться друг в друга или пленник вышибет его из седла, вероятно. Он покачал головой.

Кикаха выругался, а затем пригнулся к шее жеребца и попытался выжать все, на что тот способен. Но конь не отреагировал, потому что он и так уже бежал с предельной скоростью.

Жеребец Кикахи летел стрелой, но на полкорпуса отставал от коня, на котором скакала Анана. Наверное, они обладали примерно равной беговой способностью, но Анана весила меньше. Тишкетмоаки не слишком отстали от них и разворачивались в полумесяц, в центре которого находились пленники. Полукони как раз переваливали через пригорок. Они на мгновение замедлили бег, вероятно, изумившись при виде громадного стада, а затем, размахивая оружием, устремились вниз с холма.

Стадо с грохотом несло на запад. Солдаты и пленники находились от бизонов справа — под углом в сорок пять градусов. Прежде чем перевалить через холм, полукони немного отклонились на запад, угадав направление погони. Большая скорость позволяла им сокращать расстояние между собой и намеченными жертвами.

Кикаха, наблюдая за клином, образованным флангом огромной колонны животных и ее фронтом — почти квадратным, — увидел, что отряд мог проскочить перед стадом. Скорость и удача означала спасение по другую сторону стада, а промедление — смерть под копытами мчавшихся бизонов. Отряд не успевал проскочить прямо перед надвигающимся стадом. Придется скакать одновременно вперед и под углом к движению животных.

Сейчас все и выяснится: смогут ли лошади совершить такой рывок, не споткнется ли какой-нибудь конь, чтобы оказаться расплюснутым вместе со всадником.

Он поощряюще крикнул Анане, когда та ненадолго оглянулась, но грохот копыт, сотрясавший землю и звучащий, словно вулкан, готовый взорваться, разорвал его выкрик в клочки.

Рев, запах животных и пыль пугали Кикаху. И в то же время он испытывал возбуждение. События совершенно неожиданно оказались такими крупномасштабными, а скачка такой прекрасной с призом в виде смерти или неожиданного спасения, что он почувствовал себя чуть ли не

богом. Именно в миг такой близкой и вероятной смерти он почувствовал себя бессмертным.

Это состояние быстро прошло, но пока оно продолжалось, Кикаха знал, что переживает мистическое состояние.

Со стороны, наверное, показалось, будто он пошел на столкновение с ближайшим углом стада, образованным флангом и фронтом. Теперь он мог разглядеть лохматые коричневые бока гигантских бизонов, горбы, вздымавшиеся, словно скачущие с волны на волну бурые дельфины, темно-коричневые лбы, массивные, опущенные, истекающие слюной черные морды, ноги, работавшие столь быстро, что почти сталкивались; пену, срывавшуюся с открытых зубастых ртов на густую лохматую шерсть на груди и верхней части ног. Сперва Кикаха не слышал ничего, кроме этого грохота, настолько мощного, что ему на секунду показалось, будто прерия сейчас расколется под копытами и из-под земли вырвется огонь и дым.

Он почувствовал запах миллиона бизонов, зверей, вымерших на земле десять тысяч лет назад, чудовищ с рогами в десять футов, мокрых от неуклонного движения и разрывавших ему сердце мощью своего бега.

Он ощущал и острый запах своего коня.

— Хайя! — заорал Кикаха.

Он обернулся к полуконям, жалея, что руки у него связаны и нет оружия, чтобы погрозить им. Он не услышал собственного вызывающего крика, но надеялся, что полукони увидят его открытый рот и ухмылку и поймут, что он насмешается над ними.

К тому времени кентавры оказались в ста пятидесяти ярдах от своей добычи. Они прилагали лихорадочные усилия догнать врагов, их огромные широкоскулые лица искажались от усилий, словно от мучительной боли.

Они не могли приблизиться достаточно быстро и знали это. К тому времени, когда их дичь пронесется под углом перед правым плечом стада, они будут примерно в пятидесяти ярдах позади, а когда достигнут фронта стада, их дичь ускачет слишком далеко вперед, их же самих настигнут бизоны, и прежде чем кентавры смогут добраться до другой стороны стада, они падут под ударами нависших лбов, изогнутых рогов и режущих копыт.

Несмотря на это, полукони продолжали погоню. Один необстрелянный юнец в налобной повязке, не имевший пока

скальпа или пера, сумел опередить других. Он вырвался вперед с такой быстротой, что у Кикахи расширились глаза. Никогда прежде ему не доводилось встречать такого резвого кентавра, а он повидал многих. Юнец все скакал и скакал с лицом, так искаженным невероятными усилиями, что Кикаха не удивился бы, если бы порвались мускулы его лица.

Рука полуконя ушла назад, а затем вперед, и пика полетела над ним, снижаясь по дуге. Кикаха вдруг понял, что может случиться почти невероятное.

Пике предстояло угодить в круп или в ноги его жеребца. И она снижалась по кривой, перелетая через скакавших позади тишкетмоакских солдат. Кикаха дернул поводья, направляя жеребца влево, но тот лишь повернул голову вбок и замедлил бег. Затем Кикаха почувствовал легкий толчок и понял, что пика воткнулась в тело. Конь перевернулся, передние ноги его подкосились. А задние все еще мчались, и круп взлетел в воздух. Шея жеребца прогнулась перед Кикахой, и он вылетел из седла.

Кикаха не знал, как это получилось. Кто-то внутри него взял управление на себя, как бывало и раньше, и он не упал и не заскользил по земле. Он приземлился на ноги и побежал во весь опор, видя слева черно-коричневую стену животных. Позади него, так близко, что он слышал это даже сквозь рев и топот стада, раздавался гром лошадиных копыт. Затем этот звук оказался повсюду вокруг него, и он не смог больше оставаться на ногах и заскользил, рухнув лицом в траву.

Тень пролетела над ним. Это была тень коня и всадника, когда жеребец перепрыгнул через него. Затем все семейство миновало его. Он увидел, как Анана оглянулась через плечо, как раз перед тем, как надвигающееся стадо отрезало ее — и также всех солдат — от его взора.

Они ничем не могли ему помочь. Задержка даже на секунду означала для них смерть под копытами бизонов или копьями полуконей. Он поступил бы точно также, если бы сам был на коне, а Анана упала бы со своего.

Наверное, полукони в это время победоносно вопили от восторга. Жеребец Кикахи убит, из его крупы торчит копые, а шея сломана. Их величайший враг, Обманщик, столь часто ускользавший от них, когда казалось, что он уже в руках, теперь не мог ускользнуть, если, конечно, сам не бросится под копыта бизонов, несшихся с грохотом в нескольких шагах от него.

Эта мысль, похоже, и осенила преследователей, потому что они стремглав ринулись к нему, а бросивший копье юнец попытался отрезать от стада. Другие отбросили прочь свои копья, дубинки, томагавки и ножи и помчались к своему врагу с голыми руками. Они хотели взять его живым.

Кикаха не стал колебаться. Он как можно скорее вскочил на ноги и побежал к стаду. Перед ним мелькали косматые бока животных. Бизоны достигали шести футов роста в холке и летели так, словно само время гналось за ними и угрожало уничтожить, как их собратьев на Земле.

Кикаха мчался, видя краешком глаза несущегося к нему галопом юнца. Он издал дикий крик и прыгнул вперед, вытянув перед собой руки. Его стопа ударилась о массивное плечо, и он вцепился в лохматый мех. Оттолкнувшись от земли, он скользнул, упал вперед и прижался животом к спине бизона. Он смотрел вниз, на крутую долину, образованную правым и левым боками двух бизонов.

Кикаха поднимался и опускался, чувствуя подступавшую дурноту. Он медленно, но верно соскальзывал под копыта.

Отпустив зажатые в кулаках клочки волос, Кикаха вцепился в другой бок, справа от него, и сумел так извернуться, что ноги оседлали спину бизона. Перед ним очутился горб, и беглец повис, ухватившись за его волосы.

Если Кикаха и сам почти не верил в удачу, то юнец-полуконь, думавший, что Обманщик уже у него в руках, и вовсе не поверил своим глазам. Он несея рядом с бизоном, на котором сидел Кикаха, и его глаза были широко раскрыты, а рот искажен гримасой. Он вытянул перед собой руки, словно все еще думал, что сгребет ими Обманщика. Кикаха из последних сил держался за шерсть горба. Он знал, что полуконь через мгновение оправится от потрясения, и тогда выхватит нож или томагавк из-за пояса и метнет в него, а если и промахнется, то запас оружия на этом не закончится.

Кикаха подтянул ноги и оказался сидящим на корточках на хребте огромного бизона, сложив ступни вместе и вцепившись одной рукой в мех. Он медленно поворачивался, не обращая внимания на тряску. Затем он бросился на спину бизона, бежавшего рядом.

Что-то темное пролетело, вращаясь, над его правым плечом. Оно попало в горб ближайшего бизона и, отскочив, упало под ноги стада. Это был томагавк.

Кикаха снова подтянулся, на этот раз быстрее, подобрал под себя ноги и прыгнул. Одна нога соскользнула, когда он покидал спину, но Кикаха был так близко к другому бизону, что успел вцепиться в мех обеими руками. Он висел так некоторое время, и пальцы его ног касались травы всякий раз, когда бизон приседал в своем галопирующем беге. Затем он немного соскользнул вниз, оттолкнулся от земли и подбросил себя вверх. Кикаха перекинул одну ногу через спину бизона и, подтянувшись, уселся верхом.

Юнец-полуконь все еще держался вровень с ним, другие тоже понемногу настигали. Наверное, они полагали, что он упал между бизонами и был растоптан в пыль. Если так, то, должно быть, они испытали потрясение, увидев его восставшим из мертвым, — Обманщика, хитрого, скользкого, увертливого врага, насмежавшегося над ними из пасти смерти.

Юнец, глядя на Кикаху, буквально сошел с ума. Неожиданно его громадное тело на четырех летящих копытах воспарило, и какое-то время он стоял на спине бизона у края стада. Он прыгнул на горб следующего, словно скачущий по движущимся горам горный козел.

Теперь Кикаха испытал изумление. Полуконь держал в руке нож и усмехался, словно говоря:

«Наконец-то тебе предстоит умереть, Кикаха! А меня будут воспевать по вигвамам и типи народов прерий и гор!»

Что-то такое, должно быть, проносилось в его огромной голове. Он стал бы самым знаменитым обитателем прерий и окрестностей, если бы преуспел. Его бы называли Убийцей Обманщика, Который Проскакал По Бешеным Бизонам, Чтобы Перерезать Горло Кикахе.

Но на третьем прыжке его копыто соскользнуло с мохнатого тела, и он перекатился через горб и упал между двух бизонов, взметнув задние ноги и задрав к небу хвост. И тут юнцу пришел конец, хотя Кикаха и не видел, что сделали копыта бизонов.

И все-таки попытка была великолепной и почти успешной, и Кикаха отдал ему честь, хотя тот и был полуконем. А затем человеку пришлось подумать о собственном выживании.

Глава XI

Некоторые кентавры подтянулись вровень с ним и начали осыпать его стрелами.

Но прежде чем они выпустили первую стрелу, он соскользнул по боку бизона, на котором скакал, вцепившись обеими руками в мех и зацепившись согнутой ногой за спину. Позиция его была ненадежной, так как шерсть на каждом подскоке выскальзывала из-под пальцев, а соседний бизон находился так близко, что вполне мог раздавить своей массой.

Стрелы пролетели над ним, что-то чиркнуло по его торчавшей в воздухе ноге. Один томагавк отскочил от макушки бизона. Неожиданно зверь захрапел, и Кикаха гадал: уж не пробила ли его легкие стрела. Бизон притормозил, чуть споткнулся, оправился и снова выравниал бег.

Кикаха протянул руку к следующему животному, захватил пригоршню шерсти, отпустил вторую руку, вцепился в мех, разогнул правую ногу, и его тело качнулось вниз. Словно на цирковой джигитовке, он ударился оземь обеими ногами, его тело взметнулось вверх и, перебросив левую ногу через спину, он зацепился как раз за горбом.

За его спиной рухнул только что покинутый им самец, пронзенный двумя стрелами. Два бизона перепрыгнули через упавшую тушу, но третий споткнулся, и возникла куча мала из десятка огромных тел, лягавшихся, борющихся, истекающих кровью, а затем умиравших, когда все новые животные врезались в них, проносились над ними и по ним.

Впереди что-то происходило. Он не видел, что именно, так как висел на боку и ему загораживали обзор хвосты, крупы и ноги. Но животные замедляли бег и поворачивали влево.

Бизон справа от Кикахи заревел, словно его смертельно ранили. Так оно и было. Он споткнулся, его повело, к счастью, в другую сторону от Кикахи, иначе зверь раздавил бы его в лепешку. Бизон рухнул, из огромной дыры в горбу хлестала кровь.

Кикаха осознал два обстоятельства. Первое — грохот бежавшего стада уменьшился настолько, что он мог расслышать отдельных животных, когда те мычали или ревели. Второе — к другим запахам теперь добавился запах палевого мяса и шерсти.

Ближайшее животное рухнуло, а затем бизон, несший Кикаху, остался один. Он мчался дальше мимо туш только что убитых сородичей и перескочил через самку с наполовину оторванной головой. Когда бизон свалился, от удара

шерсть вырвалась из цепких рук Кикахи. Кикаха полетел в траву, перекатился и вскочил на ноги, готовый сам не ведая к чему.

Окружавший мир покачнулся, а затем выпрямился. Кикаха стоял, хватая воздух открытым ртом, трясущийся, потный, окровавленный, испачканный бизоньим навозом, пеной и грязью, но он был намерен прыгнуть в ту или иную сторону, в зависимости от ситуации.

Повсюду валялись мертвые бизоны. То тут, то там попадались мертвые полукони. Уцелевшая часть стада повернула налево. Поток из миллионов тонн мяса и копыт с ревом уносился прочь все дальше и дальше.

Раздался треск, настолько неожиданный и громкий, что Кикаха подпрыгнул. Звук был таким, словно тысяча больших кораблей одновременно напоролась на риф. Что-то убивало бизонов впереди стада — одного за другим; за шесть-семь секунд погибли все животные первого ряда, а мчавшиеся позади споткнулись о них, и пошла свалка.

Стадо прекратило свой неистовый бег. Бизоны, оказавшиеся достаточно удачливыми, чтобы остановиться вовремя, с глупым видом застыли на месте, посапывая, запертые среди огромных курганов из туш, но все еще живые, и жалобно мычали.

Кикаха, наконец, увидел причину смерти животных и остановки стада. Слева, в четверти мили от него, примерно в двадцати футах над землей парил аэролет. Он походил на иголку и не имел крыльев. Его белую нижнюю часть украшали причудливые узоры, а верхняя часть была обтекаемой и прозрачной. Под колпаком можно было разглядеть пять силуэтов.

Летательный аппарат гнался за солдатом, пытавшимся спастись на коне. Гнался — не то слово. Аэролет двигался достаточно быстро, но как бы лениво, не делая никаких усилий. Тем не менее через миг он оказался над беглецом. Из установленного на носу аэролета цилиндра вырвался яркий белый луч, коснулся крупа коня, и тот упал. Всадник выбросился из седла, тяжело покатился, но быстро вскочил на ноги.

Кикаха огляделся по сторонам. Анана находилась справа в четверти мили от него. Поблизости топтались трое солдат и еще двое лежали на земле, словно мертвые. Одного придавил собственный конь. Все лошади явно были убиты лучом с аэролета.

Всех кентавров они тоже перебили.

Колокольники уничтожили всех лошадей, чтобы не дать отряду скрыться. Они могли даже не подозревать, что разыскиваемые ими мужчина и женщина находились в этой группе. Они, вероятно, заметили погоню и свернули посмотреть, что здесь происходит, а потом решили спасти преследуемых, надеясь получить в обмен полезную информацию. С другой стороны, Анана и Кикаха выглядели более светлокожими, чем солдаты в отряде. Правда, тишкетмоаки тоже различались оттенками кожи, некоторые выглядели довольно светлокожими. Поэтому Колокольники, наверное, решили проверить каждого человека. Или... Существовало множество вариантов, но ни один из них сейчас не имел значения. Важно было лишь одно: он и Анана снова оказались в безвыходном положении. Они не могли скрыться. И не имели никакой защиты от оружия Колокольников.

Кикаха не собирался сдаваться, хотя настолько устал, что почти ничего не чувствовал. Он вяло раздумывал, но вдруг услышал стук копыт и хриплое дыхание за спиной. Он бросился вперед и в сторону, надеясь уклониться от нападения неведомого врага.

Копье пролетело мимо, а затем свалилось на траву. Позади раздался рев разочарования. Кикаха резко обернулся и увидел несущегося к нему полуконя, который был тяжело ранен. Его задняя часть обгорела, хвост наполовину обуглился, а задние ноги едва могли двигаться, но кентавр твердо решил, что перед смертью достанет Кикаху. В левой руке он держал тяжелый длинный нож.

Кикаха подбежал к копы, схватил его и метнул в нападавшего. Кентавр в отчаянии заорал и попытался уклониться. Из-за покалеченных ног он двигался недостаточно быстро и получил копьё в свой человеческий торс — Кикаха выстрелил в выступавший орган мехов ниже груди. Полуконь упал, потом с трудом поднялся на передние ноги, а задние отказывались двигаться. Правой рукой он вырвал из груди копьё, повернул его и, не обращая внимания на хлынувшую фонтаном кровь, снова бросил его. Это оказалось неожиданностью для Кикахи, который бежал навстречу своему противнику, чтобы вогнать копьё поглубже и таким образом прикончить полуконя.

Но рука умирающего ослабла; копьё, покинув его руку, пролетело несколько футов и вонзилось в землю у ног Кикахи. Полуконь издал крик глубокого отчаяния. Навер-

ное, он надеялся, что прославится в песнях в этом мире и займет высокое положение в совете умерших. Но теперь он знал, что если кто-то из полуконей и убьет когда-нибудь Кикаху, то слава достанется кому-то другому.

Кентавр упал на бок, выронив нож. Его передние ноги несколько раз дернулись, огромное свирепое лицо обмякло, а черные глаза с укором уставились на врага.

Кикаха быстро обернулся и увидел, что аэролет летит в футе над землей примерно в четверти мили от него. Он явно догонял оставшихся в живых солдат, бросившихся бежать. Анана лежала на земле. Он не знал, что с ней случилось. Наверное, она прикидывалась убитой, что, собственно, он и сам собирался сделать.

Он вымазал себя кровью кентавра, лег перед ним, укрыв нож своим телом, а копьё вогнал в землю между своей грудью и рукой, зажав под мышкой. Древко торчало вертикально вверх, выглядя, как надеялся Кикаха, словно копьё попало ему в грудь.

Трюк был порожден отчаянием, и люди на него вряд ли бы купились. Но ничего другого Кикаха придумать не смог. Существовал шанс, что Колокольники, являясь нелюдьми, могут не знать некоторые человеческие хитрости. В любом случае он использует свой шанс, и если это не сработает, что ж, он ведь и не ожидал, что будет жить вечно...

Кикаха сказал себе, что это вранье, потому что сам, как и большинство людей, надеялся жить вечно. И пока выживал только потому, что дрался более энергично и хитро, чем большинство его противников.

Довольно долгое время, как ему показалось, ничего не происходило. Ветер овеивал прохладой его тело, пот высох, а кровь запеклась. Солнце опустилось, пробегая последнюю четверть своего пути по зеленому небу. Кикаха страстно желал, чтобы скорее наступили сумерки, которые увеличили бы его шансы, и если бы его желание могло воплотиться в коня, то он ускакал бы отсюда прочь.

Его прикрытые глаза уловили промелькнувшую тень. Кикаха напрягся, полагая, что это тень аэролета. Но резкое карканье подсказало, что это прилетела пообедать ворона.

Вскоре пожиратели падали слетятся со всех сторон: вороны, канюки, гигантские грифы, кондоры, ястребы, орлы, среди которых будут и огромные зеленые орлицы, птички Подарги.

Койоты, прерийные лисицы, обыкновенные волки и страшные волки будут держать нос по ветру и сбегутся на обильный пир. Более крупные хищники, не слишком голодные, чтобы есть мясо, добытое не ими, подберутся на мягких лапах в высокой траве, а потом зарычат, отпугивая зверей поменьше. С ревом и рычанием, ссорясь друг с другом, посетят пиршество полосатые прерийные львы и расшвыряют ударами когтистых лап меньших зверей и птиц.

От таких мыслей Кикаху прошиб пот. Он пуганул ворону, шипя и ругаясь уголком рта. Вдали завыл волк. Проплыл над головой кондор и медленно накренился, собираясь спланировать, вероятно, на тушу павшего бизона.

Затем по его лицу скользнула еще одна тень. Сквозь полузакрытые веки он увидел, как аэролет бесшумно прошел над ним, потом опустил нос к земле и начал снижаться, но Кикаха не мог следить за ним, не поворачивая головы. Аэролет летел примерно в сорока футах над землей, и Кикаха надеялся, что с такого расстояния можно поверить, будто копьё вошло ему в грудь.

Кто-то закричал на языке Властелинов. Ветер заглушил слова, и поэтому Кикаха не смог разобрать смысла фразы.

Наступила тишина, а потом до него вновь донеслись голоса, на этот раз с подветренной стороны. Если Колокольники все еще находились в аэролете, значит, он переместился куда-то между ним и Ананой. Кикаха ожидал, когда какой-нибудь Колокольник подойдет осмотреть его. Он надеялся, что аэролет не зависнет непосредственно над ним, и летевшие не смогут высунуться и разглядеть его. Он знал, что у Колокольников имеются ручные лучеметы, и что они будут держать их наготове. Вдобавок, оставшиеся в аэролете Колокольники используют мощный лазер для прикрытия вышедших наружу.

Он не услышал шагов приближавшегося Колокольника. Этот парень, несомненно, навел на Кикаху свой лучемет, готовый выстрелить, если ему покажется, что Кикаха только притворился мертвым. И тогда у Кикахи не останется никаких шансов.

Но удача еще не покинула его. На этот раз она явилась в виде бизона. Тот поднялся позади Колокольника и, заревев, попытался атаковать. Колокольник резко обернулся. Кикаха перекатился, используя мертвого полуконя в качестве щита, и выглянул. Бизон был тяжело ранен, он снова

упал на бок, не успев сделать и трех шагов. Колокольник даже не воспользовался лучеметом. Но его спина оказалась на минуту повернута к Кикахе, а внимание находившихся в аэролете в этот миг занимал другой вышедший Колокольник. Он шел к куче бизонов рядом с Ананой.

Один из сидевших в аэролете повернулся на мычание. Он развернул лучемет на турели¹. Вышедший Колокольник успокаивающе помахал ему рукой и показал на тушу. Колокольник в аэролете вернулся к наблюдению за вторым Колокольником. Кикаха поднялся и бросился на врага с ножом в руке. Тот медленно обернулся и был захвачен врасплох.

Он вскинул лучемет, а Кикаха швырнул нож, который вообще-то не предназначался для бросков. Когда-то Кикаха потратил, наверное, тысячи часов, практикуясь в метании ножей. Он бросал ножи многих разновидностей на разные расстояния, под разными углами, даже стоя на голове. Он заставлял себя этим заниматься, не делая никаких скидок. Он метал ножи до тех пор, пока не начинало казаться, что уже дышит ножами, и вид клинка заставлял его терять аппетит.

Бесконечные часы тренировок, пот, разочарования и самодисциплина окупилась. Нож вошел в горло Колокольника, и тот упал спиной на землю. Лучемет грохнулся рядом с ним.

Кикаха бросился к оружию, подхватил его, увидел, что хотя лучемет был и незнакомой модели, но действовал так же, как и другие. Для активации оружия вдавливался маленький предохранитель на плоскости рукоятки. Потом можно было нажимать на курок, который слегка выступал из пластины на внутренней стороне рукоятки.

Колокольник на корме аэролета разворачивал в сторону Кикахи большой лазер. Его луч полоснул белым и пропал в земле дымящуюся полосу. Он попал в тушу бизона, и ее охватило пламя. Лазер работал вполсилы.

Кикаха не успел выстрелить в Колокольника. Луч ударил по врагу сбоку, и тот рухнул за борт. Затем луч поднялся и упал, и аэролет оказался разрезанным пополам. Колокольников в рубке смело белое пламя.

Кикаха осторожно поднялся и крикнул:

¹ Приспособление для установки и кругового вращения пушки или пулемета.

— Анана! Это я, Кикаха! Не стреляй!

Из-за холма рогатых и лохматых туш появилось белое лицо Ананы. Она улыбнулась ему в ответ и крикнула:

— Все в порядке! Я прикончила их всех!

Он разглядел разбросанные по земле конечности недавно подходившего к ней, а теперь поверженного Колокольника. Кикаха направился к ней, но почувствовал тревогу.

Теперь, когда у нее появились лучемет и аэролет — во всяком случае, часть аэролета, — нужен ли ей попутчик?

Кикаха не успел сделать и четырех шагов, когда понял, что она все еще нуждается в нем. Он ускорил шаг и улыбнулся. Она не знала этого мира так, как он, а сражавшиеся против них силы были крайне мощными. Она не станет отвергать такого ценного союзника.

— Как, во имя Шамбаримена, ты сумел пережить все это? — спросила Анана. — Я могла бы поклясться, что тебя растоптало стадо и что до тебя добрались полукони.

— Полукони испытывали еще большую уверенность в этом, — ответил он.

Он усмехнулся и рассказал ей, что произошло. Она с минуту помолчала, а потом сказала:

— Ты уверен, что ты не Властелин?

— Нет, я человек, и всего лишь американец.

— Ты весь дрожишь, — заметила она.

— Я от природы легко возбудим, — ответил он, усмехаясь. — Ты и сама выглядишь похожей на осиновый лист.

Она взглянула на дрожавший в руке лучемет и улыбнулась.

— Мы оба многое пережили.

— Нам незачем оправдываться, — сказал он. — Ладно, давай-ка посмотрим, что у нас имеется на борту.

Солдаты издали казались маленькими фигурками. Они бросились враспынную, когда Анана принялась орудовать лучеметом, и явно не собирались возвращаться. Кикаха от души порадовался. У него не имелось никаких планов относительно своих конвоиров, и он не хотел об этом думать.

— Я прикинулась мертвой, — поведала Анана, — бросила в него копьё и убила. Колокольники в аэролете были настолько захвачены врасплох, что замерли. Я подобрала лучемет и убила их.

Это был милый, чистый, простой рассказ. Кикаха ему не поверил. Ее врага ничто не отвлекало, и Кикаха не мог себе представить, как она могла вскочить на ноги и мет-

нуть копьё прежде, чем пустят в ход лучемет. Колокольника пронзили копьем в рану, которую мог нанести лучемет. Кикаха был уверен, что при ближайшем рассмотрении на трупе нашлась бы маленькая прожженная дырочка. Вероятно, на доспехе тоже, потому что Колокольник носил кольчугу, рубаху и конический шлем.

Однако не стоило шарить по телу и выдавать свои подозрения союзнице. Он последовал за ней к аэролету, две половинки которого все еще висели в полуметре над землей. В обеих частях распростерлись мертвые Колокольники, впереди обугленной массой лежал жрец-тишкетмоак, переводчик Колокольников.

Кикаха вытащил тела и изучил аэролет. Тут имелось четыре ряда из двух сидений в каждом, а между ними узкий проход. На передних креслах сидели пилот и штурман. На панели имелось множество приборов и индикаторов. Они были помечены иероглифами, которые, как сказала Анана, происходили из классической письменности Властелинов и употреблялись редко.

— Этот аэролет — из моего дворца, — определила она. — Их у меня было четыре. Я полагаю, Колокольники разобрали все четыре и пронесли их через врата.

Анана сообщила, что части не падали потому, что когда аэролет остановился, плита кия была заряжена гравитонами в статическом состоянии. Оборудование для управления находилось в передней части, которая все еще могла летать, как целый аэролет. Кормовая часть будет некоторое время парить над землей. Затем, когда гравитационное поле распадется, она медленно опустится.

Кикаха решил, что нельзя потерять кормовой лазер или позволить, чтобы он попал в чужие руки.

— У нас только два ручных лучемета. Остальные расплавились, когда ты прошлась лучом по аэролету. Давай возьмем его с собой.

— И куда мы направимся? — спросила она.

— К Подарге, царице зеленых орлиц, — ответил он. — На данный момент она единственный полезный союзник, который приходит мне на ум. Если мне удастся удержать ее от попытки убить нас на время, достаточное на то, чтобы поговорить с ней, она может оказаться очень ценным союзником.

Он забрался в кормовую часть и достал их багажника кое-какие инструменты. Начал было отсоединять большой лазер от турели, но внезапно остановился и сказал Анане:

— Я не могу дожидаться минуты, когда увижу выражение твоего лица и лицо Подарги! Вы будете смотреть сами на себя!

Она не ответила. Используя лучемер и нож, Анана нарезала мясо с тела детеныша-бизона. Они оба так проголодались, что казалось, будто кишки в их урчащих животах стали прожорливыми хищниками, пожирающими друг друга. И они постарались набить животы под завязку, чтобы утихомирить этих хищников.

Хотя они настолько устали, что с трудом шевелили руками и ногами, Кикаха настоял на том, чтобы отправиться в полет без промедления. Он хотел добраться до ближайшего горного хребта. Там они могли бы спрятать аэролет в пещере или под прикрытием скалы и хорошенько выспаться. Оставаться в прерии было слишком опасно. Если поблизости крутится другой аэролет Колокольников, их могут заметить, попытаются выйти на связь, а не получив ответа, расстреляют с воздуха.

Анана согласилась, что он прав, и тут уснула. Кикаха узнал, как управлять аэролетом, поэтому он повел его к горам на максимальной скорости, которую способна была развить машина. От встречного ветра его защищал обтекатель рубки, но потоки воздуха влетали в открытую кормовую часть, выли и барабанили по спине Кикахи. Но, по крайней мере, он не давал ему заснуть.

Глава XII

Они добрались до гор как раз тогда, когда солнце ушло за монолит, и Кикаха еще минут пятнадцать летал кругами, прежде чем нашел то, что ему требовалось. Это была неглубокая пещера. Она располагалась почти на вершине отвесной скалы. Кикаха загнал задним ходом аэролет в пещеру, отключил управление, лег в проходе между креслами и отрубился.

Даже при таком истощении сил и в таком безопасном месте он спал неглубоким сном, словно плавая на поверхности подсознания. Он видел много снов и по меньшей мере дюжину раз просыпался. Тем не менее он спал лучше, чем ему думалось, потому что солнце успело прочертить четверть неба, прежде чем он полностью проснулся.

Он позавтракал жареным мясом бизона и несколькими круглыми печеньями, найденными в кармашке одного из

сидений. Поскольку другой пищи в аэролете не нашлось, он сделал вывод, что аэролеты вылетали из лагеря, находившегося не слишком далеко от места резни бизонов. Или же аэролет долго находился в полете, и пайки иссякли. Можно было придумать и другое объяснение.

Анана, проснувшись, полусонно наблюдала, как ее спутник поел, проделал энергичные упражнения для снятия онемения мышц и плеснул водой на лицо и руки. Предыдущим вечером он выкупался в ручье, поэтому выглядел вполне сносно. Насчет бритья он не беспокоился, поскольку как раз перед тем, как покинуть деревню хровака, принял снадобье, задерживающее рост бороды на несколько месяцев. Это был подарок Вольфа.

Средство можно было в любое время нейтрализовать другим снадобьем, если бы он пожелал отпустить бороду. Оно осталось в хижине в деревне хровака и, следовательно, теперь стало недоступным.

Едва проснувшись Анана выглядит так, словно была готова тут же отправиться на званый ужин. Она, однако, пожаловалась на дурной привкус во рту. А еще посетовала, что приходится справлять нужду при свидетеле.

Кикаха пожал плечами и заметил, что десятилетиями женщине следует быть выше этих человеческих условностей. Она не огрызнулась, лишь тихо спросила:

— Летим прямо сейчас? Или сегодня можем отдохнуть?

Его удивила уступчивость женщины. Это было не то, чего он ожидал бы от Властелина. Уже который раз Анана продемонстрировала эластичность и гибкость сознания, реалистический взгляд на жизнь. Она признавала, что это его мир, который ему знаком намного лучше, чем ей. Она оценила его ловкость и признала, что он обладает огромной способностью к выживанию. Однако истинные чувства к нему она скрывала.

Анана, вероятно, собиралась поладить с Кикахой ради своего блага и отвяжаться от него, если он станет помехой. Такую позицию он не мог осудить. До сих пор они достаточно гладко действовали вместе, но и только. Она ясно дала ему понять, что никогда не станет заниматься с ним любовью.

— Я тоже не отказался бы отдохнуть, — сказал он. — Но думаю, что среди хровака мы будем в большей безопасности. Мы можем спрятать это судно в пещере недалеко от деревни, а пока станем там жить, можем поговорить с

моим народом. Я планирую использовать своих соплеменников против Колокольников, если они захотят. А они захотят, они любят подраться.

Вскоре после этого Анана заметила мигающий на приборном щитке огонек.

— Другой аэролет пытается вызвать нас, — сказала она. — Хотя, возможно, запрос идет из штаб-квартиры во дворце Джадавина. Они, должно быть, встревожены, что не получили своевременного сообщения.

— Я бы прибег к обману, поговорив с ними, но недостаточно бегло говорю на языке Властелинов, чтобы одурачить их, — размышлял вслух Кикаха. — Могла бы попробовать и ты, но женским голосом их не обманешь. Так что пусть себе мигает. Меня беспокоит другое обстоятельство: у Колокольников есть какое-нибудь средство выследить этот аэролет?

— Только если мы будем несколько минут передавать сообщения, — уверенно сказала она. — Или аэролет окажется в поле зрения. Это мои машины, я оборудовала их некоторыми защитными устройствами, но не слишком многочисленными.

— Да, но не забывай, что они собрали аппаратуру из четырех дворцов, — возразил он. — Вольфа, твоего, Нимстоула и Джудубры. Они могут привезти эту аппаратуру и снабдить свои аэролеты.

Анана заявила, что если бы они это сделали, то установили бы аппаратуру и на этом аэролете. Она зевнула и приготовилась вздремнуть. Кикаха заорал, что она проспала уже двенадцать часов и ей следует пошевелить своей прекрасной задницей. Если они хотят выжить, то им лучше включиться в работу и поторапливаться, вопил он, употребляя множество грубых выражений и переходов на личность.

Анана признала, что он прав. Это удивило его, но не сняло настороженности. Она села в кресло пилота, надела ремни безопасности и сообщила, что готова.

Машина скользнула вдоль поверхности горы, а затем направилась к краю уровня, держась в нескольких футах над неровной поверхностью местности. Ей потребовалось два часа, чтобы выбраться с хребта, и к тому времени они оказались на кромке монолита, на котором располагался Индейский уровень. Каменный утес почти вертикально уходил на высоту более тридцати километров. У его подножия

находился Океанос, который не был океаном, а морем, имевшим форму кольца, опоясывающего монолит и нигде не достигавшего больше трех миль в ширину.

По другую сторону Океаноса находилась полностью видимая с этой высоты полоса суши, тянувшаяся вокруг нижнего яруса планеты. Полоса достигала пятидесяти миль в поперечнике, но отсюда, с края монолита, она выглядела тонкой, как нить. На ее сравнительно гладкой, заросшей лесом поверхности жили человеческие существа, получеловеческие создания и сказочные звери. Многие из них были продуктами биологической лаборатории Джадавина, обязанными ему своим долголетием и своей немеркнувшей юностью. Там обитали водяные и русалки, козлоногие и козлогорие сатиры, фавны, маленькие кентавры и другие создания, Джадавин создал существ, похожих на персонажи из древнегреческой мифологии. Полоса являлась своего рода Раем — Садом Эдема с добавлением множества инопланетных и иновселенных черт.

По другую сторону полосы сада находился край дна этого мира. Кикаха несколько раз бывал там, как он выражался, «на каникулах», а однажды был загнан ужасными гворлами, хотевшими убить его из-за рога Шамбаримена. Его на веревке выбросили за край, он висел и чувствовал волнение и страх: зеленая бездна внизу, под планетой, ничего кроме зеленого неба и ощущения, что он будет падать вечно, если веревка оборвется.

Кикаха рассказал об этом Анане и заметил:

— Мы могли бы спрятаться на нижнем ярусе надолго. Это великолепное место — никаких войн, никаких кровопролитий, помимо расквашенного иногда носа. Оно предназначено для чувственных удовольствий безо всяких интеллектуальных изысков. К сожалению, через несколько недель можно почувствовать такую тоску, что невольно станешь алкоголиком или наркоманом... Короче, прятаться там бессмысленно, потому что Колокольники в конечном итоге доберутся и туда, а к тому времени они могут стать намного сильнее.

— Можешь быть в этом уверен, — подтвердила Анана. — Они начнут создавать новых Колокольников. Я полагаю, что в одном из дворцов найдется пригодное для этого оборудование. В моем-то нет, но...

— У Вольфа есть, — ответил он. — Но Колокольнику требуется десять лет, чтобы стать достаточно зрелым и

образованным и занять свое место в обществе Колокольников, верно? Между тем их численность ограничивается первоначальными пятью десятками. Я хочу сказать, сорока шестью.

— Сорок шесть или пятьдесят, но они не остановятся, пока не захватят в плен или не убьют нас, троих Властелинов и тебя. Я сомневаюсь, что до тех пор они рискнут вторгнуться в какие-то новые вселенные. Они загнали всех нас в угол в этом мире и будут продолжать охоту, пока не доберутся до нас.

— Или пока мы не расправимся с ними, — добавил Кикаха.

Она улыбнулась:

— Вот это мне в тебе нравится. Желала бы я, чтобы ты был Властелином. Тогда бы...

Он не попросил ее уточнить детали и велел ей направить машину так, чтобы слететь вниз с монолита. Когда они снизились, то увидели, что казавшаяся гладкой поверхность во многих местах разломана. Там имелись карнизы и выступы, обеспечивающие проходы для множества знакомых и незнакомых созданий. Имелись и трещины, которые иногда расширялись и становились сравнительно большими долинами. В долинах текли ручьи, из отверстий в крутых скалах вырывались водопады, была даже река шириной в полмили, с ревом выплескивающаяся из большой пещеры в конце долины, а затем падавшая с края плескавшееся в двадцати двух километрах ниже море.

Кикаха объяснил, что площадь поверхности всех уровней этой планеты, то есть горизонтальных районов на вершинах монолитов, равнялась площади поверхности всех вод Земли. Это означало, что суша здесь — больше земной. Вдобавок существовали годные для обитания районы и на вертикальных поверхностях монолитов. Одни они, вероятно, равнялись площади земной Африки. Более того, имелись огромные подземные территории, большие пещеры в громадной сети, тянувшейся повсюду под поверхностью суши. В них жили разные народы и звери, приспособившиеся к подземной жизни.

— Когда примешь во внимание все это плюс тот факт, что тут нет никаких пустынь или районов, покрытых снегом и льдом, то поймешь, что пригодная для обитания суша этой планеты примерно в четыре раза больше земной.

Анана заметила, что она жила на Земле недолго и не помнит ее точных размеров. Однако планета в ее собственной вселенной была, если она правильно помнит, размером примерно с Землю.

— Положись на мое слово, — заверил ее Кикаха, — это чертовски большое местечко. За двадцать три года, что я пробыл здесь, я много путешествовал, но повидал только малую часть. Мне предстоит еще многое увидеть, если я, конечно, доживу до этого.

Машина быстро снижалась и теперь парила примерно в трех метрах над катившимися валами Океаноса. Прибой с белым ревом разбивался о рифы или прямо у подножия монолита. Кикаха хотел отыскать местечко поглубже и велел Анане пролететь еще пару миль. Здесь он выбросил в море четыре ранца-шкатулки, в которых, как объяснила Анана, находились матрицы Колокольников.

Вода была чистая, а солнце светило как раз под нужным углом, чтобы наблюдать. Он долго следил, как тонут шкатулки, прежде чем их поглотила зеленая тьма. Они падали сквозь стаи рыб, светившихся оттенками всех цветов, и мимо гигантского спрута в пурпурно-белую полосу, протянувшего щупальце и пытавшегося ухватить один ранец, пока он погружался.

Выбрасывать их было вовсе не обязательно, поскольку матрицы были пусты, а сознание Колокольников погибло в телах носителей. Но Анана сказала, что не успокоится, пока не увидит, что ни одно из разумных существ не сможет до них добраться.

— Шесть долой. Осталось сорок четыре, — заключил Кикаха. — А теперь — в деревню хровака, — медвежьего народа, — моего народа.

Аэролет примерно семьсот миль следовал вдоль изгиба подножия монолита. Затем Кикаха взял управление на себя. Он направил аэролет вверх и через десять минут поднялся к краю Индейского уровня. Еще час они осторожно петляли по долинам и перевалам горных хребтов и полчаса обследовали местность. Наконец зависли над небольшим холмом, на вершине которого находилась деревня хровака.

Кикаха почувствовал себя так, словно ему всадили в череп боевое копьё. Высокие заостренные бревна, образывавшие стены деревни, исчезли. То тут, то там торчали из пепла почерневшие пни.

Большой вигвам совета старейшин, жилища для холостых воинов, медвежьих загоны, лошадиные стойла, амбар, коптильни и семейные бревенчатые избы — все исчезло, было сожжено и превращено в серые холмики.

Предыдущей ночью прошел дождь, но несколько куч курились дымом.

На склоне холма лежали обугленные трупы — женщин и детей, обгоревших медведей и собак. Они, видимо, бросились бежать, когда по деревне ударили из лучеметов.

Он не сомневался, что это сделали Колокольники. Но как они узнали о его связи с хровака?

Его мысли ползли, как раненые звери. Наконец он вспомнил, что тишкетмоаки знали, что он происходил из хровака. Однако они не знали даже приблизительного местонахождения деревни. Мужчины-хровака всегда путешествовали, по меньшей мере на двести миль от деревни, прежде чем останавливались у Большой Торговой Тропы. Здесь-то они и дожидались каравана. Хотя сыны медвежьего народа любили поговорить, они бы не открыли местонахождения своей деревни.

Конечно, у хровака имелись старые враги, и, наверное, они-то и уведомили Колокольников. Существовали также фильмы о деревне и Кикахе, снятые Вольфом и хранившиеся во дворце. Колокольники могли прокрутить их и найти хровака, поскольку местоположение показывалось в фильме на карте.

Почему они сожгли деревню и всех жителей? Чем они помешали Колокольникам?

Тяжелым, срывающимся голосом он задал этот вопрос Анане. Она ответила с таким сочувствием, что в другое время ее реакция его приятно бы удивила.

— Колокольники сделали это не из мести, — сказала она. — Они холодны, их разум чужд нашему образу мышления. Ты должен помнить, что, хотя они были выращены и воспитаны человеческими существами, но являются, в сущности, механической жизнью.

Кикаха не настолько оцепенел, чтобы не заметить, что на сей раз она назвала Властелинов людьми.

— Разумеется, — продолжила она, — они обладают сознанием, что ставит их выше других машин. Но они рождены из металла и в металле. Они столь же жестоки, как и любой человек, но их жестокость — холодная и механическая. Жестокость применяется только тогда, когда по-

могает достичь какой-то цели. Они знают страсти, когда находятся в мозгу мужчины или женщины, точно так же, как становятся голодными, когда проголодается носитель. Но они не могут неоправданно мстить, как люди. Они не уничтожили бы племя только потому, что тебе случилось полюбить его. Думаю, у них имелась веская причина, чтобы сделать это.

— Наверное, они хотели иметь гарантии, что я не укроюсь здесь,— сказал он.— Но поступили бы умнее, подождав с нападением. Они могли спрятаться где-нибудь в горах, тогда сумели бы засечь мое появление.

Если Колокольники следили за ними, то они и впрямь хорошо спрятались. Детектор тепла и массы на аэролете не показывал ничего, кроме нескольких мелких зверей и птиц. Если же Колокольникам скрывались за большой скалой, то и сами не могли бы видеть свою дичь.

Более вероятно, что машина Колокольников после уничтожения деревни обыскала весь район. Не сумев обнаружить Кикаху, они улетели куда-то дальше.

— Я сяду за управление,— мягко предложила Анана.— Объясни мне, как добраться до Подарги.

Он все еще был слишком удручен, чтобы отреагировать на ее необычную заботливость. Позже он задумался над этим.

Теперь же он велел ей снова лететь к краю уровня и снизиться примерно на двенадцать метров. Затем она должна направить аэролет на запад, пока он не скажет, где остановиться.

Путешествие протекало бесшумно, если не считать воя ветра в открытой корме машины. Он не разговаривал, пока аэролет не остановился под огромным навесом сверкающей черной скалы.

— Я мог бы похоронить тела,— произнес он,— но это заняло бы слишком много времени. Колокольники обязательно вернутся для проверки.

— Ты все еще думаешь о них?— удивилась Анана. В ее голосе слышалось недоверие.— Я хочу сказать, неужели тебя беспокоит, что их слопают пожиратели падали? Они мертвы. Ты ничего не можешь сделать для них.

— Ты не понимаешь,— ответил он.— Когда я называл их своим народом, то говорил это серьезно. Я любил их, и они любили меня. Они были чужаками, когда я впервые встретился с ними. Я был юным среднезападным амери-

канцем середины двадцатого века, фактически из другой вселенной, а они были потомками индейцев, привезенных в эту вселенную примерно двадцать тысяч лет назад. Даже обычаи современных индейцев Америки чужды и почти непостижимы для белого человека. Но я усвоил их образ жизни и стал мыслить, как хровака. Мне было легко с ними, а им — со мной. Я стал Кикахой, Обманщиком, человеком многих способностей; Кикаха — бич врагов медвежьего народа. Эта деревня была моим домом, а они — моими друзьями, самыми лучшими из всех, каких я когда-либо имел, у меня были две прекрасные и любящие жены. Никаких детей, хотя Ангванат думала, что она, возможно, беременна. Верно и то, что я образовал множество иных личностей на двух других уровнях, к примеру, личность барона-разбойника Хорста фон Хорстманна. Но это все истаяло и слишком давно исчезло из Дракландии. Хровака были моим народом, черт возьми! Я любил их, и они любили меня!

Тут он громко зарыдал. Плач сотрясал его тело, стремительно подступая к горлу. Даже после того, как он перестал всхлипывать, где-то в глубине его сердца все еще оставалась боль. Боль была настолько сильной, что он боялся пошевелиться. Анана положила ладонь ему на руку.

— Все в порядке, — произнес он. — Мне уже лучше. Сажай его вон на тот карниз. Вход в пещеру Подарги примерно в десяти милях к западу. К нему опасно приближаться в любое время, но ночью особенно. Года два назад я единственный раз побывал у этой кровожадной гарпии. Тогда мы с Вольфом уговорили Подаргу выпустить нас из клетки.

Он усмехнулся и добавил:

— И за спасение я заплатил ночью любви. От других пленников требовали то же самое, но у многих ничего не получалось, потому что они испытывали слишком сильный страх или слишком сильное отвращение. Когда это случалось, Подарга разрывала их своими большими острыми когтями, словно бумажных. Потому, Анана, — продолжал он, — я в некотором смысле я уже занимался с тобой любовью. Вернее, с существом, имеющим твое лицо.

— Должно быть, ты почувствовал себя лучше, — холодно заметила она, — если заговорил о таких вещах.

— Я пытаюсь немного пошутить, поболтать о вещах, крайне далеких от смерти, — признался он. — Неужели ты не можешь этого понять?

Она кивнула, но ничего не сказала. Он тоже долгое время хранил молчание. Они поели холодного мяса и сухарей. Разводить костер было бы неразумно: свет мог привлечь Колокольников или зеленых орлиц, или других созданий, ползающих вокруг по скалам.

Глава XIII

Ночь прошла без происшествий, хотя время от времени их будил рев, вопли, уханье, рычание, трубные звуки и посвисты — все издали.

После завтрака они медленно двинулись на аэролете вдоль скальной поверхности. Кикаха увидел над морем орлицу. Он направил аэролет к ней, надеясь, что та не попытается скрыться или напасть. Похоже, любопытство победило все другие эмоции птицы.

Она окружила над машиной, которая оставалась неподвижной.

Вдруг она бросилась прочь, закричав:

— Кикаха!

Она спикировала вниз. Он ожидал, что она полетит на полной скорости к пещере Подарги. Но она повела себя неожиданно, что свойственно всем женщинам, — так он заявил Анане, — и снова взлетела вверх. Кикаха объяснил орлице, что он собирается приземлиться на карнизе, где и хочет с ней поговорить.

Наверное, орлица решила, что там она сможет напасть на Кикаху. Она опустилась неподалеку от машины и сложила крылья так, что поднялся легкий вихрь. Орлица с желтым кривым клювом и пылающими черно-красными глазами возвышалась над кабиной. Кикаха отбросил крышку обтекателя и поднял лучемет. Птица заглянула в кабину и отпрянула.

— Подарга! — пронзительно вскрикнула она.

Одна орлица, на взгляд Кикахи, ничем не отличалась от другой, и все они ненавидели Кикаху. Но эта помнила, как он сидел в клетке с Вольфом и как потом орлицы штурмовали дворец на макушке самого высокого монолита, пика планеты.

— Я — Фивеста, — представилась она.

У нее был голос огромного попугая, как у всех зеленых орлиц.

— Что ты здесь делаешь, Обманщик? Разве ты не знаешь, что Подарга приговорила тебя к смерти? А если мы изловим тебя живым, то к жестоким пыткам перед смертью.

— Тогда почему же ты не попытаешься убить меня?

— Потому что Подарга узнала от Девиваниры, что ты освободил ее из клетки, и она знает, что в Таланаке случилось нечто серьезное. Она пока не смогла выяснить, что именно. Она временно отложила приговор, пока не докопается до истины. Дан приказ препроводить тебя к ней, если ты появишься, умолая об аудиенции. Хотя, честно говоря, Кикаха, я предупреждаю — если ты войдешь в пещеру, то вряд ли ее покинешь.

— Я не молю об аудиенции, — поправил он. — И если я войду в пещеру, только на этом судне и полностью вооруженный. Ты передашь это Подарге? И передай заодно, что если она хочет отомстить тишкетмоакам за убийства и пленение ее орлиц, то я смогу помочь. Передай ей также, что по земле бродит великое зло. Оно сомкнет свои холодные пальцы на ней, ее орлицах и их птенцах. Я могу рассказать об этом, если только увижусь с ней.

Фивеста пообещала передать его слова и улетела, хлопая крыльями. Прошло несколько часов. Кикаха все больше нервничал. Он сказал Анане, что Подарга настолько безумна, что порой действует вопреки собственным интересам. Он не удивится, увидев орду гигантских орлиц, которые ринутся на них с зеленого неба, на фоне которого птицы почти не видны.

Но появилась всего одна орлица. Фивеста сообщила, что он может прибыть на летающей машине и привезти с собой человеческую самку. Он может прихватить все оружие, какое только желает, — от него будет немного толку, если он попытается лгать или обмануть Подаргу. Кикаха перевел все это Анане, поскольку они говорили на испорченном микенском наречии, греческом языке, которым пользовались Одиссей, Агамемнон и Елена Троянская.

Анана возмутилась определению, которое услышала от орлицы. Она презрительно усмехнулась.

— Человеческую самку! Неужели эта вонючая птица не узнает Властелина, увидев его перед собой?

— Очевидно, нет, — отозвался Кикаха. — В конце концов, ты выглядишь точь-в-точь, как обыкновенная женщина. Ты можешь скрещиваться с людьми, поэтому я бы

сказал, что ты — человек, даже если у Властелинов и иное происхождение. Может быть, я и не прав, считая вас людьми. Но у Вольфа есть на этот счет несколько интересных теорий.

Анана в ответ пробурчала какое-то ругательство на языке Властелинов. Кикаха поднял аэролет и последовал за орлицей ко входу в пещеру, где Подарга уже 500 лет содержала свой двор. Место для него гарпия выбрала прекрасное. Скала в несколько тысяч футов нависала над входом и была гладкой, как зеркало. Перед отверстием имелся широкий карниз, но приблизиться к пещере по нему можно было только с одной стороны. Эту тропу всегда охраняли сорок орлиц. Ниже карниза скала под углом смыкалась с монолитом. Армия очень решительных людей могла бы сбросить сверху веревки и попытаться спуститься к пещере, но на веревках они были бы беззащитны против гигантских птиц.

Вход представлял собой круглое отверстие диаметром около десяти футов. Оно вело в длинный коридор. Перья гигантских орлиц за пять веков до блеска отполировали каменные стены.

Аэролет продвигался по туннелю со скрежетом и скрипом, царапая углы на поворотах. После пятидесяти ярдов такого передвижения он влетел в огромную пещеру. Ее освещали факелы и огромные, похожие на перья растения, пылающие белым светом. Тысячи их свисали с потолка и торчали из стен, вогнав свои корни в скалу. Долетавший откуда-то ветерок мягко овеивал щеки Кикахи. Огромная пещера оставалась почти такой же, какой он ее помнил, хотя порядка в ней стало больше. Похоже, Подарга провела генеральную уборку. Мусор с пола удалили, а сотни больших сундуков и шкатулок, содержащих драгоценные камни, произведения искусства, золото, серебро и другие сокровища, расставили вдоль стен или куда-то унесли.

Две колонны орлиц образовали проход для аэролета, пересекавший пятьдесят ярдов гладкого гранитного пола и кончавшийся у каменного возвышения высотой в десять футов. К помосту вела лестница, сделанная из блоков кварца. Старое, высеченное из камня кресло исчезло. Вместо него посреди помоста установили огромное золотое кресло, украшенное алмазами. Мастера сработали его в виде Феникса с распростертыми крыльями. Кресло это раньше принадлежало рамаманту Атлантиды, правителю второго по

высоте уровня этой планеты. Подарга захватила этот трон при налете на столицу примерно четыреста лет назад.

Радамант погиб, атлантов почти не осталось, а великий город лежал в руинах. А планы Вольфа вновь населить эту страну так и не осуществились. Вольф исчез, и появились Черные Колокольники.

Подарга сидела на краешке трона. Ее тело было телом гарпии, сотворенным Вольфом — тогда Джадавином — три тысячи двести лет назад; ноги — птичьи, длинные, но толще, чем страусиные, они легко поддерживали вес ее тела. Нижняя половина тела выглядела птичьей, ее покрывали зеленые перья и венчал длинный хвост. Зато верхняя была телом женщины с великолепными белыми грудями, длинной шеей и лукаво-прекрасным лицом с длинными черными волосами и безумными глазами. Рук у нее не было, имелись крылья, очень длинные и широкие, с ало-зелеными перьями.

Подарга окликнула Кикаху низким хриловатым голосом:

— Останови свою воздушную машину! Ближе не подлетай!

Кикаха попросил разрешение вылезти из машины и приблизиться к ступеням лестницы. Подарга сказала, что разрешает. Он велел Анане следовать за ним, а затем вышел. При виде Ананы глаза Подарга широко раскрылись.

— Двуногая самка! — воскликнула она. — Ты — создание Джадавина? Он придал тебе лицо, сработанное по образцу моего!

Анана знала, что ситуация прямо противоположна, и ее гордость оказалась глубоко уязвленной. Но при всей своей надменности она была далеко не глупа и ответила:

— Я считаю именно так. Я не знаю своего происхождения. Я просто была, вот и все. Лет пятьдесят, я думаю.

— Бедное дитя! Значит, ты была игрушкой этого чудовища Джадавина! Как ты спаслась от него? Он устал от тебя и выпустил в этот злой мир жить или умереть по воле случая?

— Я не знаю, — сказала Анана. — Может быть. Кикаха думает, что Джадавин проявил милосердие, удалив часть моей памяти, так что я не помню ни его, ни своей жизни во дворце, если я и впрямь там жила.

Кикаха одобрил ее рассказ. Она умела лгать ничуть не хуже его. Затем он подумал: «Ой! Она кое-что не учла!

Пятьдесят лет назад Джадавина не было не только во дворце, но и в этой вселенной. Он жил в Америке как подвергшийся амнезии человек, усыновленный человеком по имени Вольф. Властелином во дворце тогда был Арвур».

Он успокоил себя, что это без разницы. Если Анана утверждает, будто она ничего не помнит ни о своем происхождении, ни о дворце, то ей не полагается знать, кто был Властелином.

Подарга не обратила внимания на это противоречие. Она обратилась к Кикахе:

— Девиванира рассказывала мне о том, что ты освободил ее из клетки в Таланаке.

— А она рассказывала тебе также, что попыталась убить нас в уплату за данную ей свободу?

Подарга чуть приподняла крылья и прожгла его взглядом:

— Она выполняла приказ! Благодарность не имела к этому никакого отношения! Ты был правой рукой Джадавина, который теперь называет себя Вольфом!

Она сложила крылья и, казалось, расслабилась, но Кикаху это не обмануло.

— Кстати, где Джадавин? Что происходит в Таланаке? Кто такие эти дракландцы? — спросила она.

Кикаха рассказал ей. Он умолчал лишь о двух Властелинах, Нимстоуле и Джудубре, и представил дело так, будто Анана давным-давно прошла через врата на Индейский уровень и была в Таланаке рабыней. Подарга испытывала безумную враждебность к Властелинам. Если бы она догадалась, что Анана принадлежит к их числу, если бы заподозрила, что Анана может быть сестрой Вольфа, то приказала бы немедленно ее убить.

Это поставило бы Кикаху в трудное положение, с которым ему пришлось бы разобраться в течение одной-двух секунд. Для себя он мог выбрать жизнь, чтобы бороться с Черными Колокольниками, но тогда бы Анану ждала смерть. Защищая ее, он бы погиб сам. А то, что они вдвоем, прежде чем их одолеют, перебили бы множество орлиц, нисколько не утешало.

«Хотя, наверное,— подумал он,— мы могли бы сбежать. Если бы я застрелил Подаргу и вызвал панику среди орлиц, а потом мы достаточно быстро забрались в аэролет и пустили бы в ход большой лазер, то, возможно, и сумели бы прорваться».

В этот момент Кикаха понял, что безоговорочно выбрал сторону Ананы.

— Значит, Джадавин мог умереть, — произнесла Подарга. — Это плохо! Я так давно мечтаю захватить его в плен. Я хочу, чтобы он жил долго-долго, страдая от пыток. Я хочу, чтобы он расплатился за каждый день моих мук!

Подарга стояла на своих птичьих ногах, вытянув когти, и визжала в лицо Кикахи. Тот прошептал уголком рта Анане:

— Ой! По-моему, она совсем чокнулась. Приготовься стрелять!

Подарга внезапно умолкла и принялась рассказывать взад-вперед, словно взбешенная птица в клетке. Наконец она остановилась и сказала:

— Обманщик, с какой стати мне помогать тебе в войне против врагов Джадавина, если не брать в расчет то, что они, возможно, лишили меня мести?

— Потому что тебе они тоже враги, — ответил он. — Верно, что пока они пользуются только человеческими телами. Но, по-твоему, Колокольники не подумывали об орлицах в качестве носителей? Люди — существа, прикованные к земле. Что может сравниться с пребыванием в теле земной орлицы, летающей высоко над планетой, в обители солнца, парящей, словно божество, над всеми зверями земными, домами и городами людскими? Орлицы недосыгаемы и тем не менее всевидящи, они охватывают одним взглядом тысячи миль! Ты думаешь, что Черные Колокольники не поймут этого? А когда поймут — не изловят ли твоих орлиц, а возможно, и тебя? Не поместят ли над вашими головами колокола, не лишат ли ваши мозги мыслей и памяти, не размотают их насмерть, чтобы овладеть вашим сознанием и телами для своих надобностей? Колокольники используют тела из плоти и крови точно так же, как мы, люди, носим одежду. Когда одежда изнашивается, ее выбрасывают. Точно так же выбросят и вас, выкинут в кучу мусора, хотя для вас это, конечно, уже не будет иметь значения, поскольку вы умрете задолго до того, как умрут ваши тела.

Он на мгновение замолк. Орлицы, зеленые башни высотой в три метра, беспокойно переминались и издавали горловые звуки бешенства. Выражение лица Подарги оставалось непроницаемым, но Кикаха был уверен, что она крепко задумалась.

— Сейчас существуют только сорок шесть Колокольников, — сказал он. — Да, они обладают большой мощью, но их мало. Сейчас самое удобное время остановить их, пока они не представляют слишком большой угрозы. Вскоре они начнут выращивать новых Колокольников в лабораториях дворцов Властелинов, можешь быть в этом уверена. Придет время, когда число Черных Колокольников будет исчисляться тысячами, а может быть, и миллионами, потому что они хотят обеспечить выживание своего вида. Тогда настанут времена, когда Колокольники станут настолько многочисленными и могущественными, что им будет невозможно сопротивляться. Они станут делать все, что пожелают. Если они захотят насладиться телами зеленых орлиц, то сделают это без вашего согласия.

После долгого молчания Подарга сказала:

— Ты хорошо говоришь, Обманщик. Я немного знаю о том, что происходит в Таланаке, потому что некоторые из моих птичек захватили тишкетмоаков и пытали их. Но эти люди почти ничего не знали. Они, например, никогда не слышали о Черных Колокольниках, но говорят, что, по утверждению жрецов, их правитель одержим демоном. Эта летающая машина и другие, замеченные моими орлицами, подтверждает твой рассказ. Очень жаль, что ты не привез трофейные колокола, чтобы мы могли посмотреть на них. Мне непонятно, зачем ты их выбросил в море.

— Я не всегда такой умный, как мне бы хотелось, — отозвался Кикаха.

— Еще одно признание, которое говорит в твою пользу, — призналась Подарга. — Даже если твой рассказ только полуправда или чистая ложь. Но я давно планировала отомстить тишкетмоакам за то, что они убили несколько моих птиц, а других посадили в клетки, словно они обыкновенные звери. Они начали это делать, когда трон унаследовал нынешний правитель, Коцхамл. Это произошло всего три года назад, и с тех пор он пренебрегал древним взаимопониманием между своим народом и мной. В своем безумном решении добавить животных в свой зоопарк и поставить набитые чучела в музей он повел против нас настоящую войну. Я послала орлиц передать ему, чтобы он немедленно одумался, а он заточил моих посланниц. Он сумасшедший, а поэтому — обречен!

Подарга продолжала говорить. Она явно устала от разговоров с орлицами и истосковалась по чужакам с интерес-

ными новостями. Кикаха же принес, вероятно, самую волнующую новость с тех пор, как призывал на штурм дворца Властелина три года назад. Возбужденная, она испытывала желание говорить и говорить, не переставая. Она разглагольствовала с таким пренебрежением к чувствам своих гостей, что не возникало сомнений — перед вами абсолютный тиран. Она велела принести еду и питье, а затем пригласила гостей за большой стол. Обед пришелся как нельзя кстати, но через некоторое время Анану стало клонить в сон, а Кикаха лишь еще больше оживился.

Он предложил спутнице вернуться в аэролет и немного поспать. Она догадалась, что он имел в виду, но не сказала ни слова, а поднялась и ушла в летающую машину. Там она улеглась в проходе на ковре, который ей подарила Подарга.

Глава XIV

Открыв глаза, она увидела спавшего рядом с ней Кикаху. Его курносое длинногубое лицо напоминало младенческое, но изо рта разило перегаром, а одежда пропиталась какими-то экзотическими духами. Он вдруг перестал храпеть и открыл один глаз. Радужку пронизывали тонкие красные молнии вен. Он ухмыльнулся и проговорил:

— Доброе утро! Хотя, по-моему, сейчас ближе к полудню.

Он сел и похлопал ее по плечу. Она дернулась от его фамильярности, а Кикаха заулыбался еще шире.

— Неужели возможно, что такая высокомерная супер-женщина, Властелин Анана Ослепительная, чуточку ревнует? Немыслимо!

— Ты прав, это невысказано, — подтвердила она. — Какое мне дело? И кого ревновать? Тебя? С какой стати?

Он потянулся и зевнул.

— Считай, как хочешь. В конце концов, если ты даже и отрицаешь, что Властелины — люди, для меня ты — женщина. Уже много дней мы находимся в тесном, почти интимном контакте, если можно так выразиться, а мне можно, хотя я всего лишь повторяю сказанное тысячами других. Я не могу не привлекать тебя, даже если ты немного презираешь себя за то, что считаешь леблabbия привлекательным.

— Тебя какие-нибудь женщины пытались когда-нибудь убить? — зарычала она.

— По меньшей мере дюжина. Фактически я был ближе к смерти от ран, нанесенных женщинами, чем всеми великими воинами, вместе взятыми.

Он нащупал два шрама под ребрами.

— Дважды они очень близко подошли к свершению того, чего не могли сделать и самые решительные мои враги, и обе утверждали, что любят меня. Меняю такую любовь в любое время на открытую чистую ненависть.

— Я тебя, конечно, не люблю, но и не ненавижу, — высокомерно заявила она. — Я — Властелин, а ты...

Ее прервала орлица, сообщившая, что Подарга приглашает их на завтрак. Посланница едва не взбесилась, когда Анана ответила, что сперва хотела бы принять ванну, и поинтересовалась, а нет ли среди сокровищ какой-нибудь косметики, духов и тому подобного. Кикаха чуть заметно улыбнулся и сказал, что отправится к Подарге один и попробует утихомирить ее гнев, вызванный задержкой «человеческой самки». Орлица запагала на негнущихся ногах впереди Ананы в угол пещеры, где разукрашенный филигранью комод содержал все, что требовалось женщине.

Подарга не стала сердиться на опоздание Ананы, поскольку думала о других вещах. Она поздоровалась с Кикахой так, словно испытывала к нему большое уважение, а затем сказала, что у нее появились кое-какие новости. На рассвете прилетела орлица с рассказом об огромном флоте воинов на реке, называемой Петчотакл. Это был широкий и извилистый поток, тянувшийся вдоль опушки Леса Деревьев со Многими Тенями.

По реке двигалось свыше ста длинных лодок примерно по пятьдесят воинов в каждой. Так что армия насчитывала около пяти тысяч краснобородых, называвших себя тиуда, то есть «народ». Кикаха сказал, что он слышал о них от тишкетмоаков, которые жаловались на участвовавшие набеги краснобородых на пограничные посты и городки. Но куда направлялся флот таких размеров? Неужели они решились напасть на Таланак и начать его осаду?

Орлица ответила, что тиуда пришли с огромного моря на западе, за Сверкающими Горами. Кикаха признался, что еще не пересекал Сверкающие Горы, хотя давно собирался. Но он знал, что это море примерно в тысячу миль

длиной и в триста — шириной. Он всегда думал, что на его берегах жили индейцы, люди вроде тех, что обитали в прериях.

Подарга, довольная широтой своих познаний, заявила, что он ошибается. Как докладывали ее орлицы, давным-давно там действительно жили оперенные шапки — индейцы, но потом Джадавин похитил с Земли племя высоких светловолосых людей с длинными бородами. Они поселились на восточном берегу, построили городки-крепости и корабли. Со временем они покорили и поглотили темнокожее население. Сперва темнокожие были рабами, но, в конце концов, стали равными и слились с тиуда, хотя некоторые и сохранили свои особенности.

Восточный берег моря был федерацией под совместным правлением королей: Бракия — что означает «борьба», и Саурги — «печаль». Но произошла долгая и тяжелая гражданская война, и Бракии пришлось бежать с кучкой верных воинов и женщин. Они перевалили через Сверкающие Горы и поселились вдоль верхнего течения реки. С годами их сила и численность увеличилась, и начались налеты на тишкетмоакские посты, речные суда, а иногда и караваны. Они часто сталкивались с полуконями, хотя и не всегда побеждали, но среди прочих племен не имели себе равных.

Тишкетмоаки выслали несколько карательных экспедиций, одна из которых уничтожила приречный городок, жителей же изрубили на куски. А теперь, похоже, краснобородые решили отомстить народу Таланака. Они были дисциплинированными, высокими, свирепыми воинами, но явно не представляли себе ни размеров страны, против которой двинулись в поход, ни ее обороны.

— Возможно, — согласился Кикаха. — Но к тому времени, когда они доберутся до Таланака, они обнаружат, что оборона сильно ослаблена вторжением тевтонов. Если мы воспользуемся ситуацией, то можем атаковать и покорить Нефритовый Город.

У Подарги мигом пропало хорошее настроение.

— Сперва мы нападём на краснобородых и рассеём их, как ястребы воробьев! Я не стану мостить дорогу тиуда!

— А почему бы не сделать их своими союзниками? — спросил Кикаха. — Битва против Колокольников, тишкетмоаков и дракландцев будет нелегкой, особенно если учесть имеющиеся у них аэролеты и лучеметы. Нам понадобится вся помощь, какую мы только сможем заполучить. Я пред-

лагаю привлечь тиуда на нашу сторону. Добычи и убийств хватит на всех. Там всего этого более чем достаточно.

Подарга поднялась с места и одним взмахом крыла смахнула на пол столовую утварь. Ее великолепные груди вздымались и опускались от ярости. Она прожгла его взглядом бешеных глаз, из которых начисто испарился разум. Кикаха внутренне съежился, хотя выдержал ее взгляд, не отводя глаз. Он сказал:

— Пусть краснокожие убивают наших врагов и умирают за нас. Ты утверждаешь, что любишь своих орлиц, ты называешь их своими птичками. Почему бы не спасти множество их жизней, усилив себя краснобородыми?

Подарга завизжала, а потом начала бесноваться и понесла уже суший бред. Он понял, что допустил серьезную ошибку, не соглашаясь с ней по всем пунктам, но было слишком поздно исправлять положение. Более того, он почувствовал, как его собственный рассудок затопила волна внезапно вспыхнувшей ненависти и отвращения.

Но он сумел усмирить свой гнев, чтобы не превратиться в прах, из которого не способен восстать ни один человек, и сказал:

— Я склоняюсь перед твоей мудростью, силой и могуществом, о Подарга! Будь по-твоему, как и... должно быть!

Он решил снова поговорить с Подаргой, когда к ней вернется рассудок.

Сразу же после завтрака он вывел аэролет из пещеры и поднялся на тысячу семьсот метров — к вершине монолита. Затем он пролетел над вершиной горного пика — высоким хребтом неподалеку от края монолита. Кикаха включил радио, и они с Ананой принялись громко обсуждать все, что случилось в пещерах Подарги. Во время разговора они подробно описали, где находится вход в пещеру. Они надеялись, что разговор засекут те, для кого беседа и передавалась во всеуслышание.

Когда прошло несколько часов, Анана притворилась, будто случайно заметила, что радио включено. Она жестоко обругала Кикаху за такую неуклюжесть и выключила его. Индикатор показал две точки. С края монолита, поднимавшегося из центра Индейского уровня, к ним приближалась пара аэролетов. Оба летели из дворца Властелина на вершине планеты.

Поскольку оба аэролета уже засекли беглецов своими приборами, то обнаружат и район, где исчезла их дичь.

Кикаха на предельной скорости подвел аэролет к краю уровня и резко опустил вниз. Он парил перед входом в пещеру до тех пор, пока из-за края не выскочил первый из преследователей. Тогда он резко кинул машину в пещеру и погнал через туннель, не обращая внимания на скрежет.

После этого им оставалось только ждать.

Большой лазер и ручные лучеметы находились в когтях орлиц, планировавших взад-вперед над пещерой. Когда они увидели аэролеты, то ринулись на них с зеленого неба. Колокольники, несомненно, заметили орлиц над собой, но не обратили на них внимания. Оpozнав в них птиц, они сосредоточились на пещере.

Тем, кто укрывался в пещере, не пришлось долго ждать. Через несколько минут одна из орлиц, держа в клюве лучемер, прилетела с докладом. В каждом аэролете находилось по трое Колокольников, все они были полностью захвачены врасплох. Их зажарили, а машины по-прежнему плавали там, где их остановили. Аэролеты остались совершенно невредимыми, если не считать нескольких сгоревших сидений и расплавленного здесь и там металла.

Кикаха предложил Подарге привести эти два судна в пещеру. В распоряжении Колокольников оставалась еще одна машина, и они могли отправить ее вниз, чтобы расследовать причину исчезновения этих двух. Собственно говоря, летательных аппаратов могло оказаться и больше, поскольку у других Властелинов имелись свои аэролеты.

— Двенадцать Колокольников долой. Осталось тридцать восемь, — подытожил Кикаха. — У нас теперь есть кое-какая огневая мощь и транспорт.

Они с Ананой вылетели на половине аэрoлeтa. Он перeбрaлся в парящую у вхoдa мaшину, зaгнaл ee в пещеру, a зaтeм oтпpaвилcя зa втoрoй. Кoгдa вce тpи aэрoлeтa встaли бoк o бoк в oгpoмнoй пещeрe, Пoдaргa нaстoялa, чтoбы oни oбучили нeскoлькo избрaнныx oрлиц упрaвлeнию «вoлшeбными» судaми. Кикaхa пoпpoсил снaчaлa вeрнуть ручнoe oружия и лaзeр, снятыe с их «пoлoвинки» aэрoлeтa. Пoдaргa кoлeбaлacь тaк дoлгo, чтo Кикaхa зaбeспoкoилcя. Уж нe рeшилa ли гaрпия пoвeрнуть oружия прoтив них? Oни с Aнaнoй были coвepшeннo бeспoмoщны, тaк кaк oдoлжили cвoи лучeмeты птицaм. У нeгo eщe имeлcя нoж, кoтopый oн твepдo рeшил мeтнуть в coлнeчнoe cплeтeниe Пoдaргa при мaлeйшeм пoдoзpeнии, чтo этo прикaз o нaпaдeнии. Этo нe cпaceт eгo c Aнaнoй, нo, пo кpaйнeй мeрe, oн пpихвaтит c coбoй нa тoт cвeт и Пoдaргy.

Гарпия, однако, приказала своим орлицам совсем другое. Лучеметы вернули, лазер установили на турель аэролета. И все же он испытывал беспокойство. Подарга не собиралась прощать ему дружбу с Вольфом, какие бы услуги Кикаха ей ни оказал. Как только гарпия решит, что помощь людей ей больше не нужна, кончится и его жизнь. Это может случиться и через тридцать минут, и через тридцать дней, предсказать невозможно.

Улучив момент, он переговорил с Ананой и сообщил ей, чего следует опасаться.

— Я предполагала, что это непременно случится, — сказала она. — Даже если бы ты и не был другом Джадавина. Тебе угрожает опасность, потому что ты ее любовник. Гарпия знает, что, несмотря на ее прекрасное лицо и груди, она — чудовищный гибрид. Она понимает, что отвратительна для мужчин, которых она заставляет заниматься любовью. Подарга не может этого простить, она убивает мужчин, которые втайне ее презирают. Мне тоже грозит опасность. Хотя бы потому, что у меня женское тело, а она ненавидит всех женщин, так как приговорена жить в полуптичьем теле. Во-вторых, наши лица одинаковы, и она не позволит женщине с моим телом и ее лицом задерживаться на этом свете слишком долго. В-третьих, она безумна! И порою пугает меня!

— Ты, Властелин, признаешь, что боишься?

Она покачала головой.

— Даже после десяти тысяч лет жизни я боюсь некоторых вещей. Одна из них — пытки, а я уверена, что Подарга захочет страшно пытать меня — если получит такой шанс. Более того, я беспокоюсь о тебе.

— Обо мне? — поразился он. — Ты тревожишься о леб-лаббии?

— Ты — необыкновенный человек, — сказала она. — Ты уверен, что не Властелин хотя бы наполовину? Может быть, ты сын Вольфа?

— Уверен, что нет. — Он усмехнулся. — Неужели ты можешь испытывать человеческие эмоции? Наверное, ты просто немного привязалась ко мне! Может быть, я чуточку тебя привлекаю? Возможно — да сгинет такая мысль! — что ты даже желаешь меня? То есть, если Властелин способен на любовь...

— Ты такой же сумасшедший, как и гарпия! — воскликнула она, прожигая его взглядом. — То, что я восхи-

щаюсь твоими способностями и смелостью, не означает, что я могу рассматривать тебя, как равного мне!

— Конечно же, нет, — согласился он. — Если бы не я, ты погибла бы дюжину раз или визжала бы сейчас в камере пыток. Вот что я тебе скажу. Когда ты будешь готова признаться, что не права, я спасу тебя от смущения. Просто назови меня любимым, вот и все. Не нужно никаких оправданий или слез раскаяния, просто назови меня любимым. Я не могу пообещать, что влюблюсь в тебя, но подумаю о перспективе стать твоим любовником. Ты чертовски привлекательна, во всяком случае — физически. И я не хотел бы обидеть Вольфа, отвергая его сестру, хотя, если поразмыслить, он тоже отзывался о тебе не очень-то нежно.

Он ожидал взрыва ярости. Но вместо этого она рассмеялась. И он был уверен, что смех ее — искренний.

Подробно поговорить им не удалось. По распоряжению Подарги они обучали орлиц, как управлять летающими машинами. Гарпия расспрашивала обоих о планировке Таланака, где она ожидала наибольшего сопротивления. Расспрашивала о слабых местах города и так далее. Были отправлены сотни посланниц собирать в поход других орлиц. Рекруты должны были собираться у слияния реки Петчотакл с маленькой речкой Квайкоймол. Здесь орлицы должны были располагаться и ожидать флот краснобородых.

Подарге приходилось решать множество проблем. Кормление армады птиц потребует реорганизации системы снабжения. Когда-то орлицы были армией со столь же основательной дисциплиной и иерархией, как в любой человеческой организации. Но яростный штурм дворца несколько лет назад погубил стольких офицеров, что гарпия так и не собралась восстановить армию и ее командный состав. Теперь же она столкнулась с этой неотложной, почти неодолимо трудной проблемой.

Она назначила число охотниц. Поскольку речные районы Великих Прерий изобиловали крупной дичью, они дадут необходимое армии продовольствие. В результате две орлицы из каждого десятка станут заниматься только охотой и доставкой дичи.

На четвертое утро Кикаха снова осмелился спорить с Подаргой. Он сказал ей, что неразумно тратить боеприпасы на краснобородых, что она могла бы приберечь заряды

до поры, когда нельзя будет обойтись без лучеметов. Он напомнил, что в Таланаке у Колокольников имеются такие средства, которые можно вывести из строя только таким же вооружением. Более того, теперь в ее распоряжении имелось достаточно орлиц, чтобы начать нападение на тишкетмоаков. Прокорм армии уже и сейчас достаточная головная боль, а ведь прилетают все новые и новые птицы...

Продолжить Кикаха не успел. Гарпия закричала, чтобы он помалкивал, если не хочет, чтобы ему вырвали глаза. Она устала от его самонадеянности и нахальства. Он слишком долго жил и слишком много бахвалился своей ловкостью и славой обманщика. Кроме того, она терпеть не может Анану, безусловно, еще более отталкивающее создание. И пусть он теперь найдет с помощью своей пресловутой хитрости выход из пещеры, если сможет. А эта девка пусть прыгнет со скалы в море, они оба могут попробовать укрыться в нем от ее гнева.

Кикаха помалкивал, но она не умолкала. Она продолжала орать на него не меньше получаса. Внезапно она замолчала и улыбнулась ему. По его телу пробежал холодок.

Время ожиданий прошло, и он предвидел развитие событий. Кикаха вскочил со стула, поднял за край очень тяжелый стол и опрокинул его на Подаргу. Гарпия завизжала, когда ее зажало между столом и стулом. Ее голова торчала над столешницей, а крылья бесполезно хлопали.

Он мог бы прожечь ее голову лучеметом, но не она сейчас представляла опасность, а две ворвавшиеся на визг служанки-орлицы, держащие в клювах лучеметы. Но они бросились к Подарге, и Кикаха подстрелил одну из них. Ее зеленые перья вспыхнули.

Анана выхватила свой лучемет, и оба луча скрестились на теле второй орлицы.

Кикаха крикнул, чтобы она бежала за ним к ближайшему аэролету. Она дышала ему в затылок, когда он нырнул в кабину, и без лишних слов врубила большой лазер. Кикаха уселся перед пультом управления и активировал моторы. Аэролет поднялся на фут и устремился ко входу в туннель. Три орлицы пытались остановить его своими телами. Судно прошло... тум... тум... тум... каждый раз подбрасывая Кикаху.

Затем его бросило вперед, и он стукнулся грудью о пульт — у него не было времени пристегнуться, — когда

судно застряло в узком каменном отверстии. Он увеличил мощность. Металл заскрежетал о гранит, и судно протаранило туннель, словно шомпол, прочищающий пушку.

На секунду яркий круг выхода из туннеля перекрыла огромная птица. Послышался глухой удар, еще стук, и аэролет вырвался на свет ослепительного желтого солнца, яркого зеленого неба, а внизу протянулась бело-голубая полоска морского прибоя.

Кикаха подавил свой страх и желание поскорее скрыться. Он поднял аэролет вверх, затем подал немного назад и снизился, паря над входом. Как он и ожидал, в погоню за ними выскочил второй аэролет. Это был один из летательных аппаратов, захваченных орлицами. За ним последовала «половинка». Анана разрезала обе машины по продольной оси установленным на полную мощность лазером. Распавшись на части, аэролеты, а с ними и разрезанные орлицы, полетели вниз. Их зеленые тела еще дымились, когда кабины поглотила голубая далекая пучина.

Кикаха опустил аэролет и выстрелил из носового лазера на полной мощности в туннель. Раздавшиеся внутри вопли рассказали ему, что он по меньшей мере нагнал страху на рассвирепевших птиц. Тут он придумал, что неплохо бы отрезать кусок скалы и заблокировать выход, но решил, что на это потребуется слишком много энергии. К тому времени в воздухе уже кишмя кишели сторожевыми отрядами орлиц, которые охраняли свое гнездо снаружи. Он врезался аэролетом в самую середину стаи, сбивая зеленые тела, в то время как Анана сжигала орлиц залпами кормового лазера. Они пробились сквозь стаю и на предельной скорости понеслись над горным хребтом, отгораживающим край уровня от Великих Прерий.

Глава XV

Кикаха резко снизился над прерией, летя на бреющем полете, чтобы уменьшить вероятность, что их засечет аэролет Колокольников. Машина неслась над самой травой и пологими холмами, над деревьями, огромными седыми мамонтами и мастодонтами, гигантскими верблюдами с испуганными мордами, девятифутовым рыжевато-коричневым фелис атроксом — жестоким львом, длинноногими собакомордыми гепардопумами, саблезубыми смилодонами

и лохматыми, тупыми на вид мегатериями¹ — над многими тысячами видов зверей и птиц и миллионами форм жизни. Кикаха пронёсился над ними и летел дальше, встретив за три часа то, чего не мог увидеть и за пять лет путешествия по земле.

Он пролетел поблизости от нескольких стойбищ Народов Прерий, мимо типи и круглых вигвамов вингачупта, хайхова, такотита и над кавалькадой полуконей, над свирепыми воинами, охранявшими со всех сторон племя, и самками, тащившими на волокушах племенное имущество. Детишки резвились и скакали, словно беззаботные жеребята.

Открывавшиеся просторы вызывали у Кикахи дрожь восторга. Одному ему из всех землян выпало счастье жить в этом мире. И пока ему везло, и если ему придется умереть в этом мире, то он не сможет сказать, что прожил жизнь зря. Напротив, ему даровалось то, что давалось очень немногим людям, и он был благодарен судьбе. Несмотря ни на что, он намеревался прожить долго. Здесь существовало слишком много такого, что хотелось бы повидать, исследовать, чему можно подивиться, предстояло также много интересных бесед, встреч с прекрасными женщинами и с врагами, с которыми требовалось драться на смерть.

Едва эта мысль пришла ему в голову, как он увидел в прерии странный отряд. Кикаха замедлил скорость и поднялся футов на пятьдесят. Это были конные дракландцы с небольшим отрядом тишкетмоакской кавалерии и тремя Колокольниками. Он разглядел серебряные шкатулки, притороченные к седлам их коней.

Они натянули поводья, несомненно, думая, что в аэролете находятся другие Колокольники. Кикаха не дал им много времени на размышления. Он резко снизился, а Анна разрежала всех троих пополам. Остальные солдаты в панике ускакали прочь. Кикаха подобрал шкатулки, а позже сбросил их в широкую реку Петчотакл. Он не мог понять, каким образом этот отряд забрался так далеко от Таланака. Неужели они не слезали с коней несколько дней и ночей? Более того, они скакали с противоположной стороны...

И тут его осенило, что солдаты прошли через врата, расположенные поблизости. Он помнил их: врата спрята-

¹ Вымершее млекопитающее, родственное ленивцам.

ны в пещере, в группе невысоких, но крутых каменистых холмов примерно в пятидесяти милях от края. Он направил туда аэролет и увидел именно то, что ожидал. Колокольники выставили здесь сильную охрану. Вероятно, они надеялись, что беглецы воспользуются этими воротами.

Кикаха захватил охрану врасплох, сжег всех и загнал аэролет в пещеру. Один Колокольник бежал к большим круглым воротам. Прежде чем враг добрался до них, Кикаха прожег в нем дырку.

— Шестнадцать долой. Осталось тридцать четыре, — заметил он. — И, может быть, через несколько минут их станет еще меньше.

— Не думаешь ли ты пройти через ворота? — недоверчиво произнесла Анана.

— Они приведут нас к храму в Таланаке, — сказал он. — Но мне кажется, нам следует приберечь их до другого времени, когда у нас появятся резервные войска.

Он не стал делиться с ней планами, вместо этого велел ей помочь избавиться от тел.

— Нам придется на время исчезнуть. Если через ворота сюда явятся еще какие-нибудь Колокольники, то им лучше бы не знать, что тут случилось.

План Кикахи имел реальные шансы на успех, но все зависело от его следующей фазы. Они летели над рекой, пока не увидели флот из множества лодок, которые по две в ряд спускались на веслах вниз по реке. Лодки напоминали ему корабли викингов с их вырезанными на носах драконьими головами, и матросы издали тоже походили на викингов. Они были рослыми, широкоплечими, носили рогатые или крылатые шлемы и волосатые штаны, в руках они держали секиры, мечи, тяжелые копья и круглые щиты. Большинство носили длинные, выкрашенные в красный цвет бороды, но попадалось немало и чисто бритых.

Когда Кикаха снизился, их приветствовали лавиной стрел. Однако Кикаха настойчиво правил к передней лодке, где стоял человек в длинной белой жреческой мантии с красным воротником. Когда экипаж лодки выпустил весь запас стрел, аэролет завис на высоте, куда не долетали боевые топоры. Проносились мимо или даже задевали корпус копья, но Кикаха маневрировал так, чтобы они избежать попадания в открытую рубку. Он окликнул жреца на языке Властелинов, и вскоре король Бракия согласился через

жреца поговорить с Кикахой. Они встретились на берегу реки.

У краснобородых имелась веская причина для враждебности. Всего неделю назад один аэролет поджег несколько их городков и убил множество юношей. Все налетчики имели внешнее сходство с Кикахой. Пришлось долго объяснять, что происходит в этом мире, хотя для полного понимания со стороны тиуда потребовалось два дня. Переговоры тормозились тем, что шли через алсхуму, как называли по-тиудски жреца. Кикаха приобрел уважение Бракии, когда Витрус, жрец, объяснил, что Кикаха является правой рукой Аллваллданса — Всемогущего.

Продвижение флота вниз по реке пришлось задержать еще на день, пока вождей и жреца на аэролете возили к пещере с вратами. Здесь Кикаха снова растолковал свой план. Бракия хотел увидеть, как действуют врата, но Кикаха возразил, что это может насторожить Колокольников в Таланаке. Разобравшись, что врата обнаружены, они готовятся к нападению.

Прошло еще несколько дней, прежде чем Кикаха вчера набросал, а затем детально продумал, как смогут пять тысяч воинов промаршировать через врата. Проход такой армии за один раз потребует строгой синхронности, потому что любая задержка могла привести к тому, что при отключении врат все, кто будет находиться в проходе, погибнут. Их попросту разрежет на части. Но раз Колокольники и дракландцы прошли большим отрядом, значит, и тиуда тоже смогут пройти.

Кикаха был очень раздражен, нетерпелив и обеспокоен, но не желал, чтобы его состояние заметили другие. Подарга, должно быть, уже готова поднять свою огромную крылатую армаду и направить в атаку на Таланак. Если же она собирается сначала уничтожить краснобородых, то вот-вот обрушится на их флот.

К этому времени Бракии и вождям уже не терпелось вступить в бой. Цветистые и восторженные описания таланацких сокровищ обратили их в пылких энтузиастов идеи штурма.

Кикаха построил рядом с пещерой модель больших врат и проводил с вождями тренировки воинов, которые потребовали три дня и добрую часть ночи. К тому времени, когда воины показали ему достаточно подготовленными, все они выглядели измотанными и раздраженными.

Бракия решил, что им нужен день отдыха. Отдых означал пьянку: с лодок прикатили большие бочки с пивом и огненным спиртным напитком, в лагере их раскупорили и сразу же приступили к распитию, не дожидаясь, пока дичь зажарится. Было много пения, криков, смеха и похвалы, немало драк, кончавшихся тяжелыми ранами или смертью.

Кикаха велел Анане оставаться в палатке, потому что Бракия и не пытался скрывать своего вожделения к ней. Хотя он никогда не говорил ничего, кроме комплиментов, граничивших с непристойностями — совершенно неприемлемых в обществе тиуда, как заметил жрец, — но во хмелю мог перейти от слов к действию. А это означало, что Кикахе придется драться с ним, поскольку все воины считали Анану его женщиной. Для поддержания этого обмана им приходилось разделять одну палатку. Той ночью Кикаха состязался бы с Бракией в поединке, кто кого перепьет, поскольку потерял бы лицо, если бы отказался принять вызов короля. Бракия, конечно же, намеревался напоить его до бесчувствия, а затем отправиться в палатку Ананы. Он весил, наверное, футов на сорок больше Кикахи и по идее должен бы суметь перепить его. Однако незадолго до рассвета Бракия свалился и уснул, к вящей забаве тех немногих краснобородых, которые не отрубались раньше.

В полдень Кикаха выполз из палатки с таким ощущением, словно всю ночь бодался с огромным бизоном. Король проснулся чуть позже и чуть не надорвал живот, смеясь над собой. Он не сердился на Кикаху, а когда появилась Анана, то приветствовал ее так, что стало ясно — он решил отказаться от своих похотливых планов.

Кикаха порадовался разрешению этой проблемы, но не захотел начинать атаку в этот день, как первоначально планировал. С похмелья армия была не способна сражаться даже с женщинами, не говоря уже о врагах, ждавших в Таланаке.

Бракия приказал выкатить новые бочки, и пьянка началась опять. В это время на ветку рядом с Кикахой сел ворон, птица размером с земного орла — одно из очей Вольфа, — и заговорил хриплым и каркающим голосом:

— Привет, Кикаха! Долго же я искал тебя! Вольф — Властелин — послал меня сообщить тебе, что он вынужден отправиться из дворца в другую вселенную. Кто-то похи-

тил у него Хрисеиду, и он собирается найти похитителя и убить его, а потом привезти свою женщину обратно.

Ворон-око продолжал, описывая, какие ловушки оставили активированными, какие врата — открытыми, и как он мог, если пожелает, безопасно проникнуть во дворец и покинуть его. Кикаха уведомил око, что все изменилось, и рассказал ему об оккупации дворца Колокольниками. Ворон не слишком поразился новостям. Он только что побывал в Таланаке, так как прослышал, что Кикаха находится там. Он видел Колокольников, хотя, конечно, не знал тогда, кто они такие. Кроме того, ворон видел зеленых орлиц Подарги, которые направлялись в сторону Таланака. Они отбрасывали огромную тень, чернившую землю подписью под смертным приговором, а их крылья были, словно барабаны в день Страшного суда. Расспросив ворона, Кикаха рассудил, что армада обрушилась на Таланак предыдущим днем.

Он прошел к Бракии и сообщил ему эту новость. К тому времени весь лагерь пьяно орал и смеялся. Бракия отдал приказ. Затрубили огромные рога, забили боевые барабаны, воины построились в некое подобие рядов. Бракия и вожди шли следом за Кикахой и Ананой, которые несли дальнобойный лазер с аэролета. За ними двигалась группа великих воинов, двое волокли второй мощный лазер. После них шли чисто выбритые юноши, которые не могли отращивать бороды и красить их в красный цвет, пока не убьют человека в бою. А за юношами, шатаясь в строю, шагала и остальная армия.

Кикаха, Анана, Бракия и шестеро вождей быстро шагнули в круг серого металла. Вождь отряда, шедшего за ними, начал считать, проверяя правильность времени активации. Кикаха ожидал, что их группа окажется в огромной палате храма, но переместились они совсем в другое место. Это помещение оказалось размерами поменьше, хотя все-таки и немалое. Кикаха мгновенно узнал в нем камеру врат неподалеку от центра города, ту, куда он не мог добраться, когда его преследовали Колокольники. Ему пришлось буквально выталкивать оцепеневших тиуда из круга, испугавшихся магического перехода.

А потом события завертились с головокружительной скоростью, поглощая время, энергию и много человеческих жизней. Старый город был объят пламенем, повсюду бушевали пожары. Как оказалось, орлицы забросали его

факелами. В нефритовом городе, где вроде бы и гореть-то нечему, шипели и дымились тысячи орлиц, попавших под лучи тепловых лучей Колокольников. На улицах и крышах домов валялись тела больших птиц, тишкетмоакских воинов и дракландцев. Большая часть боев велась сейчас поблизости от вершины города, вокруг храма и дворца.

Защитники и орлицы были так заняты, что не заметили краснобородых, пока три тысячи воинов не прошли через ворота в город. К тому времени уже ничто не могло помешать остальным двум тысячам пройти через ворота. Сотни орлиц повернули с вершины города, чтобы атаковать тигуда. Из всей битвы Кикаха запомнил только то, что стрелял из лазера и поднимался на каждый из кровавых, дымящихся, горящих уровней. Настало время, когда заряды лазера иссякли и пришлось использовать ручные лучеметы. Прежде, чем они добрались до вершины, лучеметы тоже стали бесполезными, и тогда в ход пошли мечи.

В храме Кикаха наткнулся на груды обугленных тел, в которых только по пристегнутым к спинам серебряным шкатулкам можно было узнать Колокольников. Их было шестеро, и они попали под перекрестный огонь орлиц с ручными лучеметами. Это, должно быть, произошло в самом начале — в первые мгновения внезапной атаки. Орлиц с лучеметами убили из лазеров, но они нанесли ощутимые потери Колокольникам.

Он обнаружил еще четырех мертвых Колокольников, прежде чем они с Ананой, Бракией и другими ворвались в огромное помещение, где были установлены большие ворота. Подарга и ее боеспособные орлицы загнали в угол множество дракландцев, тишкетмоаков и двух, нет, трех Колокольников. Это были фон Турбат, фон Свиндебарн и император Коцхамл. Их защищали воины, численность которых стремительно таяла под яростными атаками гарпии и ее больших птиц.

Кикаха, Анана и краснобородые атаквали. Кикаха врубился в гущу орлиц с тыла, полилась кровь, полетели перья и мясо. Он заорал в упоении — конец врагов был близок.

Затем, в последовавшей свалке, он увидел, что трое Колокольников бросили своих товарищей на произвол судьбы и побежали к большому кругу металла — воротам в углу. За ними помчалась Подарга и несколько орлиц. Кикаха бросился вслед. Колокольники исчезли, следом

пропала Подарга, а чуть позже и орлицы, словно их и не было.

Кикаха был настолько разочарован, что хотел заплакать, но не стал бросаться в погоню. Колокольники, несомненно, устроили ловушку для преследователей, и гарпия с орлицами обязательно угодит в нее. Кикаха не собирался рисковать попусту, как бы сильно ни желал заполучить в свои руки этих трех оборотней.

Кикаха не успел отвернуться от врат, как на него набросились две огромные птицы. Ему удалось серьезно ранить обеих, и это охладило их пыл. Но орлицы не отставали и постепенно теснили его к большим вратам в углу помещения. Одна из птиц вырвалась вперед и попыталась ударить его клювом. Он рубанул, едва не укоротив опасный клюв. Но тут выступила вторая орлица и повторила попытку соратницы.

Кикаха не мог никого позвать на помощь, поскольку остальные тоже сражались с зелеными птицами. Внезапно он понял, что все-таки придется воспользоваться вратами. Если он не воспользуется ими, то не устоит против двух острых, огромных, кривых клювов. Птицы разделились: одна зашла ему в тыл, и обе атаковали, так что даже если он прикончит одну, другая разорвет его на части.

Он отчаянно оглядел помещение, увидел, что Анана и краснобородые по-прежнему находятся в гуще сражения, и поэтому сделал то, к чему принуждали обстоятельства. Он резко повернулся, прыгнул на диск, опять обернулся и несколько секунд отбивался от птичьих атак. Затем врата активировались, но в последний миг крыло ударило его по голове. Кикаха на какое-то время потерял сознание.

Глава XVI

Кикаха открыл глаза и увидел странный и фантастический ландшафт.

Он находился в широкой и неглубокой долине. Землю, на которой он сидел, и окружающие холмы покрывала желтая, похожая на мох растительность.

Небо не отливало зеленью только что покинутого им мира. Оно было настолько темно-синим, что колебалось на грани черноты. Он бы подумал, что сейчас поздние сумерки, если бы солнце только что не миновало зенит. Налево

от него в небе висела колоссальная фигура, похожая на башню. Она была зеленого цвета с синими и голубыми пятнами и нечеткими, далеко отстоящими друг от друга белыми массами. Он понял, что очутился на луне, круглом спутнике ступенчатой планеты этой вселенной.

Забыв, как здесь надо себя вести, он вскочил на ноги и, воспарив в воздухе, растянулся, приземлился на нос, а потом на локти и колени. Удар смягчила растительность, но его все же здорово грохнуло.

Кикаха осторожно встал на четвереньки и помотал головой. Вот тогда-то он и увидел бежавших фон Турбата, фон Свиндебарна и Коцхамла и гнавшихся за ними четырех орлиц во главе с Подаргой. Однако слово «бег» определяло лишь намерение Колокольников, на деле же происходило нечто иное. Трое людей совершали невероятно длинные прыжки, которые зачастую заканчивались падением. Они поскальзывались, когда их ноги приземлялись на траву, или теряли равновесие еще в прыжке. Их неуклюжесть усугублялась отчаянием, и при других обстоятельствах ситуация показалась бы комичной.

Она и показала комичной Кикахе, которому прямо сейчас ничто не угрожало. Несколько секунд он смеялся, а потом отрезвел, когда сообразил, что его собственное положение вскоре окажется ничуть не менее опасным, наверное, даже и побольше. Троица приближалась к цели, которая вполне могла унести их от преследователей.

Он разглядел край тонкого круглого кольца, чуть приотпленного во мху. Кикаха понял, что это какие-то врата. Троица заранее собиралась пройти из врат в храм в эти врата на луне. Они наверняка и установили их для этой цели, чтобы заманить любых преследователей на луну, и пусть они там застрянут. А сами Колокольники вернутся через врата в Таланак или, что более вероятно, во дворец Властелина.

Врата, в которые они мчались, несомненно, были одноразовыми. Они примут и передадут первых, кто шагнет в них. После этого они закроются, пока их ни активируют вновь, а средства для включения находились, конечно же, не здесь.

Ловушка относилась к типу, высоко ценимому Кикахой, поскольку он и сам любил устанавливать такие капканы и довольно часто делал это. Но ловца могли самого поймать. Подарга и ее орлицы — не те преследователи, на

которых рассчитывали Колокольники. Хотя птицам тоже мешала непривычно слабая гравитация и шок от мгновенного перемещения на луну. Однако они помогали себе крыльями, чтобы удерживать равновесие и плавно приземляться. Более того, птицы преодолевали дистанцию намного быстрее, чем люди, потому что планировали.

Фон Турбат и фон Свиндебарн, прыгнув одновременно и держась за руки, приземлились точно на камень и исчезли. Коцхамл отстал от них на пять секунд, и когда опустился на камень, то остался на месте. В спокойном и безжизненном воздухе прозвучал его отчаянный крик.

Подарга развернула крылья и упала ему на спину. Коцхамл свалился под ее тяжестью. Подарга испустила долгий пронзительный крик, вырывая клочья мяса из спины павшего. Рядом приземлились другие орлицы. Они окружили Подаргу и ее извивавшуюся жертву и, нагнувшись, стали драть тело клювами, как только смогли дотянуться. Ранец, который носил на спине Коцхамл, был оторван и лежал теперь в стороне, неподалеку от камня.

Двадцать три Колокольника долой.

Кикаха медленно поднялся на ноги. Как только Подарга и ее пташки закончат свою работу, они оглядятся и заметят его, если он быстренько не скроется из виду. Перспективы были далеко не блестящими. Развалины города Кората находились в миле отсюда. Огромные белые здания сверкали на солнце, словно отдаленная надежда. Но даже если он вовремя доберется до развалин, то отыщет там не надежду, а тюрьму. Единственные ворота, какими он мог воспользоваться, находились не в городе, а были спрятаны в пещере среди холмов. Между ним и пещерой находились Подарга и ее орлицы.

Кикаха воспользовался сосредоточенностью птиц на кровавой забаве для того, чтобы вспомнить способ быстрого передвижения по луне. Он бывал здесь много раз и оставался надолго, но это было так давно. Поэтому адаптация напоминала плавание после многих лет жизни в пустыне. Говорят, что однажды усвоенная, эта способность уже не пропадает. Однако аналогия и есть аналогия. Кикахе все же потребовалось несколько минут, чтобы вновь освоить правильную координацию движений.

За это время он покрыл расстояние в четверть мили. Затем он услышал пронзительные вопли, которые выражали совсем иные чувства, чем удовлетворение от насыще-

ния кровавой пищей. Он оглянулся. Подарга и ее птицы заметили его и мчались вдогон. Они высоко подпрыгивали и перепархивали на большие расстояния, планируя, словно летучие рыбы. Видно, они пока боялись попробовать полет при такой низкой гравитации.

Словно прочтя его мысли, они перестали прыгать и взвились в воздух. Они взлетели намного быстрее, чем взмыли бы на планете, и издали пронзительный крик, на этот раз крик разочарования. Взлетев, они потеряли скорость.

Кикаха узнал об этом только потому, что рискнул оглянуться, когда подпрыгнул. Он невольно замешкался и поскользнулся при приземлении. Инерция увлекла его вперед и вверх, он дважды перекувырнулся. Пытаясь приземлиться на ноги или на четвереньки, он с силой врезался в землю. Из него вышибло дух. Он со свистом втянул воздух в легкие и заставил себя подняться.

Во время следующего прыжка он вытащил из ножен меч. Теперь оружие может ему понадобиться раньше, чем он доберется до города. Подарга и одна из орлиц оказались впереди, хотя все еще высоко. Они сделали вираж, а затем устремились к нему, планируя по длинной пологой дуге. Другие орлицы находились прямо над Кикахой и теперь пикировали, сложив крылья.

Падавшие птицы и гарпия, похоже, надеялись схватить жертву, когда она подпрыгнет. Кикаха продолжал двигаться вперед. Взглянув вверх, он обнаружил, что орлицы вот-вот настигнут его. Они растопырили желтые когти, напрягли ноги, словно огромные амортизаторы, рассчитанные на столкновение с его телом. Подарга и ее орлицы летели теперь почти параллельно земле, громко хлопая крыльями. Они находились примерно в шести футах от земли и ожидали, что вцепятся в Кикаху, когда тот подпрыгнет.

В предвкушении удачи Подарга оскалила зубы, с ее когтей падала кровь.

— Кикаха! — завизжала она. — Наконец-то!

Кикаха гадал, видела ли она меч в его руке или обезумела настолько, что ей стало все равно.

Это не имело значения. Он приземлился и снова взвился в прыжке, который продолжал возносить его и должен был, в конце концов, привести в пределы досягаемости когтей Подарги. Но на этот раз он изо всех сил прыгнул

прямо вверх. Скачок этот был поразителен, и Кикаха пролетел мимо удивленной Подарги и орлиц. А те завyli от разочарования.

А затем крики птиц превратились в испуганные вопли. Кикаха услышал гром хлопающих крыльев. Пикирующие орлицы пытались остановить свое падение.

Кикаха приземлился и двинулся дальше. На втором скачке он рискнул оглянуться через плечо. Подарга и орлицы валялись на земле. То тут, то там летали зеленые перья, вырванные при столкновении. Подарга лежала на земле с торчащими вверх ногами. Одна орлица валялась без сознания, две поднялись и ошеломленно брели, шатаясь, неведомо куда. Четвертая пыталась встать на когтистые лапы, но вновь и вновь падала, била крыльями и пронзительно кричала.

Несмотря на полученную фору, Кикаха все-таки едва успел добраться до входа в здание. Подарга отставала всего на несколько футов. Он обернулся и ударил ее мечом, но она отскочила назад, хлопая крыльями и пронзительно визжа. Рот ее был окровавлен, а глаза расширены безумным гневом. Кровь текла из большого пореза на боку, как раз под правой грудью. Во время столкновения или последней свалки ее пронзили меч или чей-то коготь.

Кикаха увидел, что за ней следуют только три орлицы, да и те значительно отстали. Он выбежал из дверей и поднял меч. Подарга была настолько поражена нападением, что к ней на какой-то миг вернулся рассудок. Она резко повернулась, подпрыгнула и забила крыльями. Он оказался поблизости от нее, и его меч свистнул, отрубив несколько хвостовых перьев. Затем Кикаха упал наземь и вынужден был укрыться в дверном проеме. Туда же попытались проникнуть орлицы.

Он легко ранил двух, и птицы отступили. Подарга бесновалась за их спинами. Кикаха пробежал по большому коридору, а потом пересек громадное помещение со множеством покрытых искусной резьбой столов и стульев. Проскочив зал, он побежал по следующему коридору, оставил позади большой двор и — как раз вовремя — ворвался в другое здание. В дверях только что покинутого им здания появилась орлица, а из-за угла высочила гарпия со второй птицей. Как он и предполагал, на него набросились бы с тыла, если бы он оставался стоять в дверном проеме.

Он подбежал к комнате, имевшей, как он знал, только один вход, и заколебался. Следует ли ему занять позицию здесь или попробовать подземные шахты? Он мог скрыться в темных лабиринтах. С другой стороны, орлицы могут учуять его, где бы он ни спрятался. А в шахтах водились существа не менее опасные, чем орлицы, и даже куда более неприятные. Их существование было идеей Кикахи, а Вольф создал чудовищ и поселил там.

Раздался вопль. Кикаха прыгнул через дверь и повернулся, чтобы защищаться. Решение приняли за него. У него не осталось иного пути, кроме спуска в шахты.

Кикаха больше не останавливался. Продолжая движение, он размышлял. Покуда он свободен, он сумеет перехитрить своих преследователей и победить. Но теперь он оказался в ловушке и не знал, как одержать верх. Это, разумеется, не означало, что он сдался. Подарга окажется в той же ловушке, что и он. Она понятия не имела, как выбраться с луны обратно на планету, а он знал. Можно будет поторговаться, если придется заключать сделку. А он еще посмотрит, как станут развиваться события.

Большая комната была выложена мрамором. В середине ее на большой золотой цепи, свисавшей с центра потолка, покачивалась хитро сработанная кровать из золота и серебра. Стены украшали яркие цветные рисунки, изображавшие светлокожих, хорошо сложенных людей с красивыми лицами, в громоздких плащах и со множеством украшений из металла и драгоценных камней. Мужчины были безбородыми и, как и женщины, отличались прекрасными длинными желтыми или бронзовыми волосами. Они играли в разные земные игры. Сквозь окна нарисованных зданий виднелось нарисованное голубое море.

Фрески писал сам Вольф, обладавший несомненным талантом художника. Но вдохновил его на труд Кикаха, который фактически придумал этот мир луны, за исключением самого лунного шара.

Вскоре после того, как они отбили дворец у Артура, и Вольф утвердился в качестве Властелина, он заикнулся, что давным-давно не бывал на луне. Кикаху это заинтересовало, и он настоял, чтобы отправиться туда. Вольф сказал, что там не на что смотреть. Кроме травянистых равнин, немногочисленных холмов и небольших гор там ничего нет. Тем не менее они отправились туда на лунный пикник, пройдя через одни из врат. Хрисеида, большегла-

зая тигроволосая дриада, жена Вольфа, приготовила полную корзину закусок и выпивки, словно она была земной американской домохозяйкой, готовившейся к прогулке в парк на краю городка. Однако они прихватили с собой оружие и несколько талосов, полубелковых роботов, выглядевших, словно рыцари в доспехах. Даже на луне Властелин не мог абсолютно расслабиться. Ему приходилось быть всегда настороже на случай нападения другого Властелина.

Они неплохо провели там время. Кикаха заявил, что тут есть на что посмотреть, чудес, что бы там ни говорил Вольф, хватало. Тут имелось славное и пугающее зрелище висевшей в небе планеты. Ради одного этого следовало предпринять путешествие. И потом, здесь можно было позабавиться, прыгая, как кузнечик.

К концу дня, когда он опьянел от вина, с которым на Земле ему и не выпало счастья познакомиться, у Кикахи возникла идея, названная им «Проект Барсум». Они с Вольфом болтали о Земле и книгах, которые любили там читать. Кикаха признался, что когда он был Полом Янусом Финнеганом и жил на ферме возле городка Терре-Хот, штат Индиана, то увлекался произведениями Эдгара Райса Берроуза. Особенно он любил Тарзана, Дэвида Икс и Джона Картера и не мог сказать, что предпочитает кого-то одного. Наверное, он лишь чуточку больше любил Джона Картера.

И вот тогда-то его и осенила идея. Он подпрыгнул так внезапно, что пролил содержимое бокала, и воскликнул:

— Есть! Барсум! Ты говорил, что эта луна размером с Марс, верно? И в твоих лабораториях все еще имеется громадный потенциал для биологических чудес, не так ли? Как насчет создания Барсума?

Он так развеселился, что взлетел высоко в воздух, но не сумел точно рассчитать посадку и поэтому приземлился прямо на закуску. К счастью, они уже почти все съели. Кикаха вымазался в еде и вине, но в порыве ликования даже не заметил этого.

Вольф терпеливо выслушал, улыбаясь, но его ответ отрезвил Кикаху:

— Я мог бы сделать разумную копию Барсума, — признался он, — и нахожу твоё желание быть Джоном Картером довольно забавным. Но я отказываюсь теперь играть роль Бога для разумных существ.

Уговоры ни к чему не привели. Вольф твердо стоял на своем. Кикаха тоже был упрям, но спорить с Вольфом, когда тот уже принял решение, было бесполезно. Это все равно, что пытаться точить гранит, стряхивая воду с концев пальцев.

Вольф, однако, сказал, что посадит на луне быстрорастущую траву, похожую на мох. Он сказал, что она быстро вытеснит зеленую траву и покроет пространство от ледяной шапки на северном полюсе до ледников на южном.

Он сделает и больше, поскольку не хочет разочаровывать Кикаху и казаться капризным. Проект заинтересовал его. Он вырастит в своих лабораториях тототов, бенсов и других барсумских животных. Кикаха, однако, должен понимать, что это займет немало времени, и результаты могут отличаться от его представлений.

Он даже попробует создать Древо Жизни, построит несколько разрушенных городов и проложит каналы.

Но он не будет создавать зеленых тарков, красных, желтых, черных и белых барсумцев. Как Джадавин он бы не поколебался, но как Вольф он не желает. И не только потому, что отказывается играть роль Бога. Научно-технические проблемы и труды, связанные с созданием на пустом месте целых народов и культур, настолько огромны, что на воплощение проекта потребовалось бы свыше ста земных лет.

Понимает ли, например, Кикаха, как сложно сконструировать эмбриональное развитие марсианских яиц? Конечно, когда их откладывали, они были невелики, вероятно, не крупнее футбольного мяча, а возможно, и меньше. Сам Берроуз никогда не описывал их размеры, но нельзя же забывать, что их несли самки. Яйца полагалось помещать в инкубаторы под лучи солнца. Через пять лет проклевывался детеныш. Но за это время яйца вырастали примерно до двух с половиной футов в длину — по крайней мере, яйца зеленых марсиан, хотя можно предположить, что они были крупнее, чем у марсиан человеческого типа.

Где яйца брали энергию для роста? Если энергия доставалась от желтка, то эмбрион вообще не развился бы. Яйцо являлось замкнутой на себя системой, оно долгий период не получало пищу от матери, как эмбрион через пуповину. Подразумевалось, что яйца получали энергию, поглощая солнечные лучи. Теоретически они могли это сделать, но

приобретенная этим способом энергия будет очень невелика, учитывая малую приемную площадь яйца.

Вольф не мог в данный момент представить себе, какие биологические механизмы могут вызвать такую феноменальную скорость роста. Должен существовать откуда-то приток энергии, и поскольку Берроуз не сказал, откуда именно, выяснять придется Вольфу и гигантским белковым компьютерам у него во дворце.

— К счастью, мне не придется решать эту проблему, поскольку не будет никаких разумных марсиан, зеленых или иных. — Вольф улыбнулся. — Но я могу повозиться с проблемой, просто чтобы посмотреть, можно ли ее решить.

Возникали и другие вопросы, которые требовали компромиссных решений. Воздух на луне был таким же густым, как и на планете, хотя Вольф вполне мог сделать его разреженным. Но он не верил, что Кикахе понравится жить в таких условиях. Плотность воздуха на Барсуме примерно соответствовала земной атмосфере на высоте в три километра. Более того, у Марса имелось два спутника — Фобос и Деймос. Если установить на орбитах два сателлита схожих размеров, то они очень скоро сгорят. Атмосфера луны простиралась вплоть до гравитационной складки, существовавшей между луной и планетой. Вольф, однако, решил эту проблему довольно хитро. Он запустил на орбиту две энергетические формы, светившие столь же ярко, как Фобос и Деймос. Светящиеся сгустки вращались вокруг луны с такой же скоростью и в тех же направлениях.

Позже, трезво поразмыслив, Кикаха понял, что Вольф был прав. Даже если бы была возможность запустить сюда создания из биолaborаторий и воспитать их в духе культур, основанной на намеках из романов Берроуза, ничего хорошего из этого не получилось бы. Не стоит и пытаться играть роль Бога. Вольф уже наигрался в создателя, когда был Джадавином, и вызвал много страданий.

Или это все-таки стоило попробовать? В конце концов, как подумал Кикаха, марсианам будет дана жизнь, и они получат столько же шансов любить и надеяться, как любые разумные существа в этом мире. Верно, что они будут страдать, узнают боль, безумие и душевные муки, но разве не лучше получить шанс на жизнь, чем быть навеки замурованными в нереальности просто потому, что кто-то решил избавить их от лишних мучений? Разве сам Вольф не

утверждал, что лучше жить, невзирая на тяготы и страдания, чем никогда не существовать?

Вольф признал правоту его слов, но сказал, что нужно сохранять объективность. Кикахе хочется поиграть в Джона Картера, точь-в-точь как он играл мальчиком на ферме. Но Вольф не собирается терпеть творческие муки и тратить свое время, создавая живых, дышащих, мыслящих зеленых марсиан или красных гелиумцев только для того, чтобы Кикаха мог проткнуть их мечом или, наоборот, они его.

Кикаха вздохнул, затем усмехнулся и поблагодарил Вольфа за то, что тот уже сделал. Он отправился через ворота на луну и прекрасно провел там целую неделю. Он поохотился на бенса, поймал арканом небольшого тотта и объездил его, рыскал по развалинам Корада и Тарка, как он назвал города, построенные талосами Вольфа. Затем ему стало одиноко, и он вернулся на планету. Он несколько раз возвращался сюда на «каникулы», один раз со своей женой-дракляндкой и несколькими тевтонскими рыцарями, а однажды с отрядом хровака. Но все, кроме него, чувствовали себя на луне очень плохо, пребывали в состоянии, близком к панике, и «каникулы» явно не удавались.

Глава XVII

Уже три года минуло с тех пор, когда Кикаха в последний раз посещал луну. И вот он снова оказался здесь, но в такой ситуации, которая ему не могла привидеться и во сне. Гарпия и орлицы рыскали по залам и переходам, а он попал в тупик. Ничья. Он не мог выбраться, но и им не удалось бы поразить Кикаху без серьезных потерь. У птиц, однако, имелось преимущество. Они могли достать пищу и воду. У них было время, чтобы подождать, когда он ослабеет от голода и жажды, не сможет сопротивляться или просто рухнет, сраженный сном. Им же некуда торопиться. Орлиц никто не подгонял.

Конечно, ситуация могла измениться. Вполне возможно, что Колокольники вернутся на луну через другие ворота. И на этот раз они приведут с собой значительные силы.

Если Подарга полагает, что он будет оставаться в комнате до полного изнеможения, то она ошибается. Он испробует несколько фокусов, а если они не сработают, то про-

рвется с боем. Может быть, он сумеет пробиться и проскочить мимо птиц в подземелье? Хотя надежды на такой исход маловато — клювы и когти у орлиц острые и стремительны. Но ничего, он тоже не подарок.

Кикаха решил создать для нападающих как можно больше проблем. Из паза между стенами он выкатил колесообразную дверь и, оставив узкое отверстие, окликнул Подаргу:

— Ты, наверное, считаешь, что теперь я у тебя в руках? Но даже если это и так, что толку? Неужели ты со своими птахами собираешься провести здесь остаток жизни? Тут нет никаких гор, заслуживающих внимания! Местность угнетающе плоская! И еду добывать будет нелегко! Все животные, обитающие на открытой поверхности, чудовищно огромны, а какие они жестокие бойцы!.. Что же касается тебя, Подарга, то тут не над кем царствовать. Твои сотни тысяч подданных остались на планете. И если даже твои девственные орлицы отложат по яйцу, чтобы увеличить число слуг, то птенцов вы вряд ли дождетесь. Слишком много здесь хищников, которые будут не прочь ими полакомиться. Я уж не говорю об огромных белых обезьянах, которые тоже любят яйца и не откажутся, я уверен, от орлиного мяса! Ах, да, огромные белые обезьяны! Вы еще не встречались с ними, не правда ли?

Он подождал, пока они переварят его слова, а затем добавил:

— Вы здесь застряли до самой смерти! Хотя можете заключить со мной перемирие! Я знаю, как вернуться на планету! Мне известно, где спрятаны врата!

Наступила долгая тишина. Затем послышались приглушенные голоса орлиц и гарпии. Наконец Подарга отозвалась:

— Слова твои искушают, Обманщик! Но меня они не одурачат. Все, что нам нужно, это подождать, пока ты заснешь или ослабнешь от голода и жажды. И тогда мои пташки возьмут тебя живым и станут пытать, пока ты сам не расскажешь все, что нас интересует. И тогда мы убьем тебя. Как тебе мой план?

— Ты этого не дождешься, — буркнул он. Затем крикнул: — Я лучше убью себя сам! Ты, Подарга, царственная потаскушка, поняла? Или твои куриные мозги совсем отказали?

Ее визгливые выкрики и гневное хлопанье крыльев подсказали, что она тоже не считает его гениальным мыслителем.

— Я знаю, где врата, Подарга! Но без меня вы никогда не сумеете найти их! Принимай решение, но только побыстрей! Я даю тебе полчаса, а потом начну действовать!

Он выкатил дверь, полностью закрыв проем, и сел, приклонившись спиной к красно-коричневой, гладко отполированной древесине. Если они попытаются ворваться, то у него будет уйма времени, чтобы вскочить и приготовиться к бою. Он мог немного отдохнуть. Долгая тяжелая битва в Таланаке, переброска на луну и последовавшая погоня истощили его силы. Очень хотелось пить.

Должно быть, он задремал. Кикаха выбрался из черных маслянистых вод дремоты. Во рту у него пересохло и першило. Казалось, что вместо глаз ему вставили круто сваренные горячие яйца. Дверь никто не сдвигал, Кикаха не мог понять, что его разбудило. Неужели его чувство бдительности дало осечку?

Он откинулся головой к двери. Сквозь нее доносились слабые крики и шум. Тогда он и понял, что его разбудило. Он вскочил на ноги и откатил дверь во внутренний промежуток. Едва преграда исчезла, в комнату ворвались звуки свирепой битвы.

Гарпия и три орлицы столкнулись с тремя огромными темно-рыжими зверями, похожими на кошек, но десятиногими. Два гривастых самца и самка. Это были бенсы, марсианские львы, описанные Берроузом и созданные Вольфом в его биолaborаториях. Они кормились тотами, детенышами зитидаров, большими белыми обезьянами и всем, что могли поймать. Обычно они охотились по ночам, но, должно быть, голод отправил их рыскать по городу в дневное время. А возможно, их разбудил весь этот шум либо привлек запах крови.

Как бы там ни было, бенсы загнали в угол врагов Кикахи. Они убили одну орлицу, вероятно, в первой же внезапной атаке, как предположил Кикаха. Зеленые орлицы считались достаточно грозными бойцами. Они могли обратиться в бегство пару тигров, не потеряв при этом ни перышка. Однако бенсы уже убили одну орлицу и нанесли другим несколько серьезных ран. Но и у бенсов из глубоких и мелких порезов сочилась кровь.

Получив отпор, львы изменили тактику. Они отступили в глубь коридора, время от времени один из них бросался на орлицу. Иногда атаки были ложными, бенс останавливался так, чтобы смертельные, как боевые секиры, клю-

вы не могли его достать. Но иногда зверю удавалось нанести удар огромной лапой с серповидными когтями. И тогда мелькали острые, как сабли, клыки и желтые клювы, летели клочья рыжеватой шкуры или вырванные из гривы пучки волос, крутились в воздухе зеленые перья. Сверкали зеленые, желтые и красные глаза, хлестала кровь, раздавался рев и пронзительные крики. Но бенс вдруг отбежал, уступая место своему сородичу.

Подарга держалась позади своих огромных, словно зеленые башни, орлиц. Кикаха следил за схваткой. Вскоре все три бенса напали одновременно. Один самец и орлица покатались и с треском врезались в дверь. Кикаха отпрыгнул назад, а затем шагнул вперед и вогнал меч в барахтавшуюся массу. Его не волновало, кого он заколет, бенса или орлицу, хотя он все-таки надеялся, что жертвой окажется птица. Они были умнее и не забывали о цели, а желали они в первую очередь убить Кикаху.

Но он лишь уколол чью-то плоть, а тела откатились в сторону. Оба животных издавали столько шума, что Кикаха не мог определить, кого же он ранил.

И в это мгновение в центре коридора открылся путь к бегству. Обе орлицы схватились со львами, Подарга прижалась спиной к стене, сдерживая когтями разъяренную самку. У львицы текла кровь из глаз и ободранного носа. Ослепленная кровью, она не решалась наброситься на гарпию.

Кикаха стрелой пронесся по коридору, потом перепрыгнул через два тела, пытавшихся перекрыть ему путь. Он оттолкнулся от рыжеватой мускулистой спины и взвился в воздух. К несчастью, он вложил в свой прыжок слишком много сил. Он врезался головой в мраморный потолок и разрезал кожу на макушке о большой алмаз, вставленный в мрамор.

Удар его оглушил. Покачиваясь, Кикаха двинулся вперед. В этот момент он был уязвим. Если бы на него обрушились орлица или лев, они бы убили его, как волк большого кролика. Но они были слишком заняты битвой, и вскоре он выбрался из здания. Через несколько минут он покинул город и огромными прыжками понесся к холмам.

Он проскакал мимо разорванного тела орлицы, которая покалечилась при столкновении с поверхностью луны. Рядом с ним лежал растерзанный бенс, который, должно быть, напал на орлицу, ожидая легкой добычи, но он ошибся и поплатился за свое заблуждение.

Немного позже он проплыл над телом Коцхамла — скорее, частями тела, так как они валялись отдельно: голова, руки, ноги и прочие разные органы.

Кикаха запрыгал вверх по холму, казавшемуся таким высоким, что его вполне можно было назвать горой. В двух третях пути к вершине находился спрятанный за изогнутым выступом гранитной скалы вход в пещеру. Кикаха надеялся, что теперь-то уж ему никто не мешает. А всего лишь несколько минут назад ему показалось, что удача навсегда от него отвернулась.

Пронзительный крик за спиной подсказал Кикахе, что удача ему только померещилась. Он оглянулся. В четверти мили от него Подарга и две орлицы летели к нему, хлопая крыльями. Семейство бенсов их не преследовало. Очевидно, они не смогли удержать Подаргу и орлиц в углу. Наверное, огромные кошки были даже рады, что птицы сбежали. Бенсы остались живы и могли теперь насладиться пожиранием убитой ими орлицы.

Что бы там ни произошло, Кикахе снова грозила опасность. И он опять на открытой местности. Его преследовательницы уже приноровились летать при низкой гравитации. И продвигались они втрое быстрее, чем на планете, — так, во всяком случае, показалось Кикахе. Хотя понятно, что после яростной схватки и потери крови, они не могли лететь быстрее.

Он оглянулся еще раз и заметил кровавые раны на телах Подарги и одной из орлиц. Крылья их двигались все медленнее, они отставали от второй орлицы. Ее зеленые перья тоже были окровавлены, но выглядела она не такой израненной. Она догнала Кикаху и рухнула вниз, словно ястреб на суслика.

Суслик этот, однако, был вооружен мечом и продумал свои действия. Заранее рассчитав, когда атака совпадет с его прыжком, он развернулся в воздухе, и вытянутые когтистые лапы орлицы оказались в пределах досягаемости меча. Она пронзительно закричала и растопырила крылья, пытаясь притормозить, но Кикаха нанес удар. Если бы он стоял на поверхности, то вложил бы в удар больше силы. Приземляясь, он потерял равновесие. Тем не менее меч обрубил все когти на одной птичьей лапе и почти перерубил вторую. Затем Кикаха ударился оземь и упал на бок, задохнувшись от удара.

Он снова поднялся, всхлипывая и хрипя, словно порванная волынка, и нащупал выпавший меч. Орлица била

крыльями по земле, словно раненая курица, и не заметила его приближения. Кикаха обрушил меч ей на шею. Голова отвалилась, и один черный с алой каймой глаз злобно глянул на него, а потом потускнел и застыл.

Кикаха еще морщился и с хрипом втягивал в себя воздух, когда прыгнул к отверстию пещеры. Подарга и последняя орлица отставали на каких-нибудь двадцать ярдов. Он приземлился точно у отверстия и метнулся к дальнему концу пещеры, к гранитной стене в двенадцати метрах от входа.

Он нарушил покой семейства больших белых обезьян. Четырехрукий папаша ростом в три метра сидел на корточках у стены справа. Макушку его черепа, похожую на буханку хлеба, украшал ежик белых волос, на гориллообразной морде сверкали колючие розовые глаза. Он раздирал клыками оторванную ногу маленького тотта. Мамаша глодала голову убитого животного и одновременно кормила грудью двух детенышей.

С большими белыми обезьянами Вольф и Кикаха промахнулись. Они позабыли, что единственными млекопитающими на Марсе Берроуза были люди и небольшие существа. К тому времени, когда они обнаружили ошибку, на луне уже обитало несколько тысяч обезьян. Вольф решил, что не стоит уничтожать такое количество питомцев и выращивать в биолaborаториях новые виды.

Колоссальные приматы удивились появлению человека не меньше его. Но Кикаха двигался, а поэтому имел небольшое преимущество. Он с ходу повернул маленький камень-ключ в каменном гнезде, а затем надавил на тяжелую плиту в черной скале. Часть стены распахнулась, а часть ушла внутрь, открыв квадратную камеру примерно шести метров в поперечнике. Неподалеку от задней стены в гранитный пол были вделаны семь полумесяцев, а справа на уровне глаз — прибиты колышки, на которых висели семь других, переносных серебристых полумесяца. Чтобы активировать врата, их следовало расположить друг против друга, сравнивая сходство иероглифов.

Если круг смыкался правильно, то открывались врата к заранее определенному месту на планете. Кикаха знал, что двое врат являлись ловушками. Воспользовавшись ими, неосторожный человек оказался бы в тюрьме.

Кикаха торопливо осмотрел иероглифы. Медлить было нельзя. Сумрачный свет едва позволял разбирать надписи.

Кикаха пожалел, что не подумал установить здесь осветительный прибор. Но теперь не до сожалений. У него слишком мало времени, необходимо действовать.

В пещере стало шумно, как внутри барабана. Две взрослые четырехрукие обезьяны вскочили на кривые короткие ноги и сердито зарычали. Верхними руками они молотили по груди, а двумя нижними — по животу. Но как только животные двинулись на Кикаху, их чуть не сшибли Подарга и орлица, ворвавшиеся, словно заряд из дробовика.

Птицы надеялись поймать загнанного в угол беспомощного Кикаху, хотя прежний опыт мог бы и научить их осторожности. И теперь они поменяли трех раненых, усталых и не желавших сражаться бенсов на двух чудовищно больших, полных сил и разъяренных белых обезьян.

Кикахе посмотрел бы на битву, подбадривая криками обезьян, но боялся спугнуть удачу, запасы которой не бесконечны. Поэтому он бросил два ловушечных полумесяца на пол и снял другие пять. Четыре он сунул под мышку, собираясь прихватить с собой. Если гарпия чудом спасется от обезьян и воспользуется полумесяцами, то угодит в двор тюрьму.

Кикаха слишком долго оттягивал свое исчезновение. Подарга вырвалась из свалки и понеслась через пещеру, словно бейсбольный мяч. Она так быстро влетела в камеру, что Кикахе пришлось бросить полумесяцы и поднять меч. Гарпия ударила его лапой, и он врезался в стену, отбив печень и почки. Он не мог замахнуться мечом, потому что гарпия находилась слишком уж близко. Кроме того, после удара он едва удерживал рукоять.

Противники покатались по полу, и ее когти вцепились ему в бедра. Боль была нестерпимой. Подарга колотила его крыльями по лицу и бокам.

Не обращая внимания на боль и удары, он сумел стукнуть ее кулаком в подбородок, а затем оглушил рукоятью меча.

Глаза Подарги перекозились и остекленели, из носа хлынула кровь. Она упала на спину, раскинув крылья, словно руки. Но когти ее все еще впивались в его бедра, и Кикахе пришлось отрывать их один за другим. Кровь стекала по его ногам, образуя лужицу. Когда он отрывал последний коготь, в камеру ворвался самец обезьяны. Кикаха схватил меч двумя руками и обрушил его на вытянутую лапу. Руки онемели, и он едва не выронил оружие. Но отрублен-

ная по запястье лапа упала на пол. Его окатило хлынувшей из обрубка кровью, на мгновение ослепив. Смахнув кровь рукавом, он увидел, что обезьяна, визжа, удирает на двух ногах и трех оставшихся лапах. Самец врезался головой в орлицу, которая клювом и когтями выпускала кишки из убитой самки. Они сцепились и покатались по полу.

В этот момент Подарга пришла в себя. Она с визгом вскочила и лихорадочно забила крыльями. Кикаха подобрал полумесяц, разглядел иероглиф в его центре, отыскал сходный знак на полу и сложил половинки вместе. Затем он резко обернулся и ткнул мечом гарпию, которая разъярила себя криками и собралась броситься в атаку. Подарга отпрянула, а Кикаха шагнул в круг из двух полумесяцев.

— Прощай, Подарга! — выкрикнул он. — Счастливо тебе сгнить на этом самом!..

Глава XVII

Он не успел договорить до конца, когда ворота сработали. Он попал из пещеры — как всегда, безо всякого ощущения перехода — в другое место, стоя внутри уже другого кольца из двух полумесяцев. Контакт двух полумесяцев в пещере и появление массы его тела в излучаемом ими поле активировали ворота после трехсекундной задержки. Его и незакрепленный полумесяц переправило к той половине, которая совпадала по частоте.

Ему снова удалось сбежать, значит, можно заняться ранами. Иначе он вскоре истечет кровью.

И тут он понял, какую ошибку допустил под натиском Подарги. Он поднял не тот полумесяц, когда на него напала гарпия. В ходе борьбы один из полумесяцев-ловушек, должно быть, вышибли пинком из его угла и отправили к остальным. Именно его-то он и поднял, убегая через ворота.

Он оказался в тюрьме двorca Властелина.

Однажды он похвастался Вольфу, что сможет сбежать из так называемой гарантированной от побегов камеры, если когда-нибудь попадет в нее. Он считал, что умного и решительного человека не удержит любая тюрьма. Побег может затянуться, но совершить его все-таки можно.

Теперь он застонал, проклиная свой длинный язык.

Создавая тюрьму, Вольф постарался на совесть. Она располагалась под двадцатью метрами твердого камня и не

имела прямой связи с внешним миром. Она была замкнутой на себя самообеспечивающей системой, за исключением одного: еда и вода для заключенного передавалась из дворцовой кухни через ворота, слишком маленькие, чтобы пропустить что-либо больше подноса.

Конечно, в тюрьме имелись ворота, через которые заключенного могли поднять в тюремную камеру во дворце, но их мог активировать лишь кто-то из дворца наверху.

Комната была цилиндрической, длиной около двенадцати метров. Свет исходил неизвестно откуда, при этом не существовало никаких теней. Стены Вольф разрисовал сценами с древней планеты своих предков. Создатель не ожидал никаких заключенных, кроме Властелинов, и поэтому нарисовал эти картины именно для них. В пейзажах фресок было что-то жестокое. Все они изображали широкие и прекрасные панорамы открытых пространств, напоминая заключенному о тесном и замкнутом пространстве камеры.

Меблировка отличалась великолепием и принадлежала к стилю, известному среди Властелинов как средние тямарзанский до Исхода. За дверцами больших бюро и шкафов находилось множество приборов для развлечения и просвещения заключенного. Первоначально их в камерах не было, но когда Вольф отвоевал свой дворец у Арвура, он поместил их сюда, не желая пыток пусть даже и скукой. Он сам иногда исчезал надолго, поэтому автоматизировал снабжение заключенных.

Так уж случилось, что до настоящего времени в этой комнате не содержалось никаких заключенных. По иронии судьбы и великому разочарованию Кикахи, ее первым посетителем станет лучший друг тюремщика, а тюремщик об этом так и не узнает.

Он надеялся, что Колокольники во дворце тоже не узнают о нем. В трех местах будут мигать лампочки, указывая, что в камере кто-то обитает: один огонек будет пульсировать в спальне Вольфа, второй — на пульте в центре управления, а третий — на кухне.

Если Черные Колокольники заметят сигнал, то должны встревожиться. Но смогут ли они отгадать, что означают эти огоньки? Кухонные талосы станут его кормить, но даже если их спросят о назначении лампочек, они не смогут ответить. Они слышат приказы, но их рты предназначены не для болтовни, а затем, чтобы пробовать пищу.

Думая об этом, Кикаха проглядел шкафчики, отыскивая средства для оказания первой помощи. Вскоре он наткнулся на антисептик, лекарства, бинты, словом, все, что ему требовалось. Он очистил раны и приготовил пленки псевдокожи, которую и наложил для остановки кровотечения. Лекарства сразу же начали оказывать свое целительное действие.

Затем Кикаха напился воды, а также открыл бутылку холодного пива. Он принял душ, вытерся и, поискав, нашел пилюлю, способную успокоить его перевозбужденные нервы. После потери крови нужно хорошо отоспаться. Однако таблетки могут подождать, сперва он поест и закончит обследование тюрьмы.

Ему рано думать об отдыхе. Время не терпит. Трудно сказать, что происходит в Таланакке с Ананой и краснобородыми. В любой момент их может атаковать аэролет Колокольников с мощными лучеметами. И что сейчас делает фон Турбат?

Сбежав от Подарги, фон Турбат вместе с фон Свиндебарном, должно быть, вернулись во дворец. Неужели они удовлетворятся положением дел? Или же они, что казалось Кикахе более вероятным, вернутся на луну через другие врата? Они решат, что он застрял там и надолго вышел из игры. Но у них могут возникнуть некоторые сомнения. Вполне вероятно, что они отправят на луну по меньшей мере, один аэролет и множество солдат. Устроят на него большую охоту.

Кикаха усмехнулся. Они будут искать его наверху, а он в это время будет, так сказать, прямо под их ногами. Существовала, конечно, возможность, что они отыщут пещеру неподалеку от Корада. А если начнут проверять оставшиеся полумесяцы, то, по крайней мере, один Колокольник вскоре окажется в этой камере. Тогда о сне не может быть и речи. Ему нужно действовать и как можно скорее выбраться из этой камеры.

И все же Кикаха решил, что прежде всего должен выпиться. Иначе он рухнет без сил или станет таким медлительным, что не сможет защищаться. С легким головокружением после бутылки вина и трех стаканов пива он подошел к маленькой двери в стене, над которой мигал желтым светом топаз. Он открыл дверь и вынул из ниши серебряный поднос. На подносе стояло десять покрытых серебром и инкрустированных самоцветами блюд, содержащих изысканные яства.

Он опустошил все блюда, а потом вернул поднос и его содержимое в нишу. Ничего не произошло, пока он не закрыл дверцу. Секунду спустя он снова открыл ее. Ниша была пуста. Поднос переправился через ворота в кухню, где талос вымоет и вытрет его. Через шесть часов талос поместит на кухонные ворота другой поднос с едой и отправит его в погребенную в камне камеру.

Кикаха хотел бы проследить, как поднос появится в следующий раз. К несчастью, в тюрьме не имелось никаких часов, так что придется полагаться на свои биологические часы, а они в его нынешнем состоянии ненадежны.

Он пожал плечами и сказал себе: «Какого черта?» Он попробует вырваться. Если он не добьется успеха в этот раз, то попробует в другой. Он должен выспаться. Кто знает, с чем он столкнется позже, если когда-нибудь выберется из тюрьмы. В самом деле, сейчас для него это самое безопасное место во вселенной, если только Колокольники не обнаружат на луне пещеру с воротами.

Первым делом он должен обследовать тюрьму и убедиться, что тут ему ничего не грозит. Осмотреть все, что может пригодиться для побега. Он подошел к двери в конце камеры и открыл ее. Кикаха шагнул в маленькую голубую приемную, открыл дверь в противоположной стене и вошел в еще одну цилиндрическую камеру примерно сорока футов длиной. Она была роскошно изукрашена и меблирована, но в другом стиле. Мебель, однако, постоянно меняла форму, и всякий раз, когда он продвигался поближе к дивану, креслу или столу, тот ускользал от него. Когда он ускорил шаг, предмет увеличивал свою скорость настолько, чтобы оставаться вне досягаемости. Другая мебель тоже ускользала от него, стоило к ней направиться.

Комнату спроектировали, чтобы позабавиться и Калатол в конечном итоге разъярить заключенного. Предполагалось, что это отвлечет его от мысли о своем незавидном положении.

Кикаха махнул рукой на бегающий диван и покинул комнату через дверь в противоположном конце. Она закрылась за ним точно так же, как и другие. Он знал, что выйти с этой стороны нельзя, но продолжал проверку просто на тот случай, если Вольф допустил ошибку. Кикаха вошел в небольшую прихожую, а помещение за ней оказалась студией художника. Следующая комната была раза в

четыре больше предыдущей, здесь находился плавательный бассейн. Прохладная пресная вода попадала в него через ворота из водохранилища во дворце и утекала тоже через ворота. Приток осуществлялся через зарешеченное отверстие сбоку, а отток — через отверстие в центре дна. Кикаха изучил устройство бассейна, а затем пошел в следующее помещение.

Комната не отличалась по размерам от первой. В ней находились гимнастические снаряды, а гравитационное поле в полтора раза превышало притяжение многоярусной планеты, которое было эквивалентно земному. Многие снаряды показались удивительными даже Кикахе, а уж он-то попутешествовал, как никто другой. С крючьев и брусьев в потолке свисали веревки и канаты, предназначенные, очевидно, для лазанья.

Кикаха смастерил из одной веревки лассо, смотал его в кольцо и повесил на плечо. На всякий случай прихватил с собой еще несколько веревок. В общей сложности он прошел через двадцать четыре помещения, и все они отличались друг от друга. В конце концов, он вернулся в первоначальную камеру.

Любой другой заключенный предположил бы, что комнаты соединялись между собой, образуя замкнутую цепь, но он-то знал, что между комнатами нет никакой физической связи. Каждая отделялась от предыдущей двенадцатью метрами гранита.

Переход из одной комнаты в другую осуществлялся воротами, установленными в дверных проемах. Когда дверь распахивалась, ворота активировались, и заключенного мгновенно переправляло в другую приемную, выглядывшую точь-в-точь как та, в которую он, по его мнению, входил.

Кикаха осторожно прокрался в комнату. Он хотел удостовериться, что никакой Колокольник не прошел сюда через ворота на луне, пока он обследовал тюрьму. Комната была пустой, но нельзя не учитывать возможность, что Колокольник уже попал сюда, а потом отправился так же, как и он, обследовать тюрьму. Кикаха поставил друг на друга три стула и проследовал с этой пирамидой в соседнее помещение, в комнату с ускользающей мебелью. Он выбрал диван и заарканил его за гротескно изукрашенный выступ на спинке. Выступ изменил форму, но его метаморфозы ограничивались в рамках определенных объемов и

размеров, и лассо держалось крепко. Диван двинулся было прочь, когда человек подошел, но Кикаха лег на спину и стал подтягиваться на веревке, пока диван метался туда-сюда. Толстые ковры предохраняли от ушибов, хотя дело не обошлось без ожогов кожи. Наконец он вцепился в диван и забрался на него. Только тогда тот остановился, задрожал, отвердел и стал таким же спокойным и постоянным, как обыкновенная мебель. Однако если бы Кикаха слез, диван снова начал бы убегать и изменяться.

Кикаха привязал один конец лассо к выступу, а затем заарканил спинку невинно стоявшего поблизости стула. Стул не двигался, если человек не попытался подойти к нему. Кикаха спрыгнул с дивана и с помощью серии маневров подогнал все еще соединенные веревкой диван и стул ближе к выходу. С помощью других веревок и разных предметов, используемых в качестве гирь, он соорудил устройство Руби Голдберга. Идея заключалась в том, что любой человек, прошедший через дверь, шагнет в лежавшую на полу веревку с петлей. Масса его тела обратит в бегство диван и стул, а это затянет петлю вокруг голени вошедшего. Один конец петли был привязан к веревке, натянутой между диваном и стулом. Другая веревка, соединяла выступ на диване с золотой люстрой, усыпанной бирюзой и изумрудами. Кикаха забрался на пирамиду из трех стульев, принесенных сюда, и вытащил стержень, державший люстру на потолочном креплении. Он извлек его только наполовину, чтобы люстра не упала. Когда диван вместе со стулом рванут вошедшего, натяжение привязанной к стержню веревки выдернет его до конца, как надеялся Кикаха, и люстра с грохотом упадет на пол. Если его расчеты верны, она упадет на того, кто угодит в петлю.

Он, конечно, не ожидал, что ловушка остановит противников. Он не думал, что найдется настолько беспечный враг, что не заметит петли. И все же существовал шанс, что кто-то в нее попадет. И в этом, и в соседнем мире полно дураков и неуклюжих идиотов.

Кикаха прошел в соседнюю комнату, студию художника. Здесь он взял большой шар из пластика. Материал отличался крайней податливостью, и ему можно было придать любую нужную форму. Для этого после лепки в пластик вводился специальный реагент, который вызывал гипотермическую реакцию. Он унес шар и шприц в комнату

с плавательным бассейном. Там он нырнул и забил пластиком сливное отверстие, превратив пластиковый шар в диск. Затем он затвердил импровизированную пробку с помощью шприца. После этого он выбрался из бассейна.

Уровень воды начал сразу же подниматься. Дело обстояло именно так, как он надеялся. Система впуска и удаления воды не имела обратной связи и регулирующих устройств, и поэтому подача продолжалась даже при заблокированном стоке. Вольф проглядел такую возможность. Впрочем, у него не было причин ломать голову над такими тонкостями. Если заключенный захотел бы расстаться с жизнью, то мог хоть утопиться, хоть повеситься.

Кикаха ушел в следующую комнату. У дверей он навалил баррикаду из мебели и статуй, вытерся полотенцем и лег спать. Он был уверен, что никто никогда не войдет в эту комнату. Но если все-таки в тюрьму угодит Колокольник, то, добираясь сюда, он столкнется со множеством трудностей и попадет сюда, только подняв большой тарарам.

Он проснулся рывком, чувствуя, как бренчат колокольчики его нервов. Сердце его молотило, словно крылья куropатки на взлете. Что-то с треском вломилось в его сны, нет, в комнату. Он выскочил из-за дивана с мечом в руке и поднялся как раз вовремя, чтобы увидеть человека, ударившегося об пол вместе с волной воды. Затем дверь за незнакомцем автоматически закрылась. Человек хватал воздух открытым ртом, словно он долгое время задерживал дыхание.

Это был длинноногий парень мощного сложения, с бледной кожей, большими веснушками и темными от воды волосами. Лучемета он не имел. Его единственным оружием оказался короткий кинжал и меч. Доспехов он не носил. На нем была красная рубашка с короткими рукавами, большой кожаный пояс и желтые шаровары с лампасами.

Кикаха выпрыгнул из-за дивана и подбежал к нему, подняв меч. Человек вовремя сообразил, что не успеет вскочить на ноги и защититься, зато Кикаха дает ему шанс капитулировать. Поэтому и принял единственное разумное решение, которое мог выбрать умный человек, — поднял руки.

Кикаха заговорил с ним на речи Властелинов. Человек озадаченно посмотрел на него и ответил по-немецки. Кикаха перешел на дракландский язык и позволил ему подняться, чтобы тот мог сесть в кресло. Человек дрожал от холодной воды и от мысли, что Кикаха легко может разделиться с ним.

Факта, что этот человек бегло заговорил по-немецки, хватало, чтобы Кикаха поверил: он не может быть Колокольником. Речь выдавала в нем уроженца гор Айхонер. Очевидно, Колокольники не хотели подвергать себя опасностям, отправляясь в неизведанные врата. Поэтому и послали на разведку пушечное мясо.

Пал До Шуптарп рассказал Кикахе все, что знал. Он был баронетом, командовавшим гарнизоном замка короля Эгестхэма фон Турбата. Он оставался дома, пока происходило вторжение в Таланак. Но день назад фон Турбат и фон Свиндебарн вернулись в Эгестхэм. Они вышли откуда-то изнутри замка и приказали гарнизону и множеству других отрядов следовать за ними в «волшебную комнату замка». Фон Турбат объяснил, что их лютый враг Кикаха находится теперь на луне и что необходимо отправиться туда с помощью магии — разумеется, белой магии — и отыскать его. Фон Турбат не сообщил о том, что случилось с солдатами в Таланаке.

— Они все погибли, — сказал Кикаха. — Но как же фон Турбат разговаривал с вами?

— В последнее время он разговаривает только через жреца, — ответил До Шуптарп.

— Тебе не кажется это странным?

До Шуптарп пожал плечами и сказал:

— Произошло сразу столько странных событий, что мы перестали удивляться. Кроме того, фон Турбат утверждал, что получил божественное откровение от Властелина. Он сказал, что ему был дан дар говорить на святом языке, но запрещено говорить на любом другом, потому что Властелин хочет, чтобы все знали, как он благоволит к фон Турбату.

— Весьма хорошее оправдание, — заметил Кикаха.

— Над замком появилась магическая летающая машина, — продолжал До Шуптарп. — Она приземлилась, и мы помогли разобрать ее и отнести по частям в комнату, откуда нас магически переправили на луну.

Он признался, что это было ужасное испытание — оказаться на луне и видеть, что планета, на которой ты нахо-

дился за мгновение до того, теперь висит в воздухе, угрожая упасть и раздавить всех.

Но человек привыкает ко всему.

Поисковые партии обнаружили пещеру на склоне холма, наткнулись на тело орлицы без ног и головы. В пещере оказались два трупа взрослых обезьян и еще одна мертвая орлица. На полу лежало пять незакрепленных полумесяцев. Услышав эти новости, Кикаха понял, что Подарга тоже сбежала через ворота и находится где-то на планете.

Фон Турбат отобрал десять лучших рыцарей для испытания врат, по двое на круг. Он надеялся, что кто-то из них найдет и убьет Кикаху.

— Вас двое?

— Со мной отправился Карл фон Ротадлер, — пояснил До Шуптарп. — Но он убит. Он вступил в петлю, но так стремительно ворвался, что проскочил ее. Ротадлер всегда бросался в атаку, полагаясь только на силу и меч, хотя и мог бы сперва выяснить обстановку. Он вбежал, и поэтому диван и стул быстро рванули прочь. Не знаю, как ты их заколдовал, но ты, должно быть, могучий маг. Бегающая мебель вытащила стержень, и люстра упала ему на голову.

— Значит, ловушка сработала, хотя и не совсем так, как было запланировано, — заметил Кикаха. — А как ты пробрался через комнату, заполненную водой?

— После того как убило Карла, я попытался вернуться тем же путем, которым пришел. Но дверь не открывалась. Поэтому я двинулся дальше. Когда я приблизился к двери заполненной водой комнаты, мне пришлось толкнуть ее изо всех сил, чтобы открыть. Из отверстия брызнула вода, и я отступил. Но я не мог вернуться, и приходилось идти только вперед. Я снова толкнул дверь. Давление воды было очень сильным. Я чуть приоткрыл дверь, и хлынувшая вода тут же сшибла меня с ног. Но я сумел пройти — я очень сильный. Пока я пробирался, приемная почти заполнилась водой, и дверь закрылась, как только я оказался в большой комнате. Вода была прозрачной, а свет ярким, иначе бы я утонул, прежде чем нашел выход. Я всплыл к потолку, надеясь, что там существует пространство, не заполненное водой, но его не оказалось. Поэтому я поплыл в другой конец комнаты. Давление воды открыло дверь и пропустило часть воды в следующее помещение. Но дверь опять закрылась сама по себе. На самом-то деле она, должно быть, не раз уже делала это. Приемная напол-

нилась водой не больше чем наполовину. К тому времени давление воды открывало также дверь и в эту комнату. Я подождал, пока она закроется. Затем, когда она начала снова чуть-чуть приоткрываться, я резко оттолкнулся ногами от пола и ввалился, как ты видел, словно незадачливый матрос, выброшенный бурей на пустынный остров.

С минуту Кикаха воздерживался от комментариев. Он думал о затруднительном положении, в которое поставил себя и этого парня, вызвав наводнение в бассейне. В конечном итоге все двадцать четыре комнаты будут затоплены.

— Ладно, — сказал он. — Если я не смогу вычислить способ быстренько выбраться, то нам какую.

До Шуптарп спросил, что он имеет в виду. Кикаха объяснил. До Шуптарп стал еще бледнее. Кикаха рассказал тевтону многое из того, что стояло за недавними событиями. Особое внимание он уделил описанию зверств и коварных замыслов Черных Колокольников.

— Ты раскрыл мне глаза на многое из того, что казалось нам непостижимым, — сказал Шуптарп. — Жизнь шла, как обычно. И вдруг фон Турбат и фон Свиндебарн провозгласили священную войну. Они сказали, что Властелин, Герр Готт, приказывает нам напасть на город на уровне ниже нас, и мы должны найти и убить трех прячущихся там еретиков. Большинство из нас никогда не слышали ни о Таланаке, ни о тишкетмоаках, ни о Кикахе. Мы, разумеется, слышали о бароне-разбойнике Хорсте фон Хорстманне. Потом фон Турбат сказал, что Властелин дал нам магические средства для перехода с одного уровня на другой, и объяснил, почему он пользуется только речью Властелина. А теперь ты говоришь мне, что души моего короля и фон Свиндебарна и несколько других были съедены, а тела захватили демоны.

Кикаха видел, что баронет не вполне понял суть дела, но не пытался рассеять его заблуждения. Если кому-то нравится быть суеверным, пусть себе. Важно, чтобы он поверил, что под обликом двух королей скрывается ужасное зло.

— Могу ли я доверять тебе? — спросил он Шуптарпа. — Поможешь ли ты мне теперь, когда знаешь истину? Веришь ли ты, что это правда? Конечно, все это не имеет значения, если я не смогу вычислить способ выбраться во дворец, прежде чем мы утонем.

— Я клянусь тебе в вечной вассальской верности!

Кикаху это не убедило, но он не хотел убивать его: Шуптарп мог оказаться полезным. Кикаха велел ему забрать свое оружие и повел его кружным путем в первую комнату. Вернувшись туда, Кикаха поискал записывающее устройство и легко нашел. Это была одна из многих машинок, какими мог развлекаться заключенный. Но на уме у Кикахи были вовсе не развлечения. Он взял черный кубик трех дюймов в поперечнике, нажал на красное пятнышко на нижнем квадрате и наговорил в него несколько слов на речи Властелинов. Затем нажал на белое пятнышко сбоку, и кубик воспроизвел его слова.

Время тянулось, им казалось, что прошло несколько часов. Наконец замигал топаз над дверцей в стене. Кикаха вынул поднос с едой, которой вполне хватало на двоих. В кухне теперь мигали два огонька, и талосы, заметив это, обеспечили надлежащее снабжение.

— Ешь, — предложил Кикаха. — Следующего обеда тебе, возможно, придется ждать долго, если ты его вообще дождешься.

Шуптарп вздрогнул. Кикаха старался есть медленно. Внезапно дверь распахнулась, и в комнату плеснула вода. Кикаха быстро доел остатки еды. Дверь закрылась, но почти сразу же вновь приоткрылась на несколько дюймов и изрыгнула новую порцию воды.

Кикаха положил блюдо на поднос и поставил его в стенную нишу. Он надеялся, что у талосов не найдется каких-то более срочных дел. Если они задержат перенос подноса на кухню, то спасение может прийти слишком поздно.

Кубик, положенный на поднос, начал вновь и вновь проигрывать записанные инструкции. Кикаха настроил его так, что инструкция повторялась шестьдесят раз. Оставались опасения, что талос замешкается и не успеет вытащить поднос прежде, чем кончится запись.

Топаз перестал мигать. Он поднял дверцу. Поднос исчез.

— Если талос сделает то, что я ему велел, то мы спасены, — уведомил тевтона Кикаха. — По крайней мере, мы выберемся отсюда. Если же талос не подчинится, тогда буль-буль, и конец всем нашим заботам.

Он велел Шуптарпу следовать за ним в приемную. Там они простояли около минуты.

— Если вскоре ничего не произойдет, — сказал Кикаха, — мы вполне можем поцеловать себе...

Глава XIX

Они стояли в большой комнате на круглой пластинке из серого металла. Мебель здесь была экзотической, раннего радамантского периода, а стены и пол — из розового камня с черными прожилками. В этой комнате не имелось ни дверей, ни окон, хотя одна стена и казалась окном.

— Зажгутся лампочки, указывающие, что мы в этой камере, — сказал Кикаха. — И будем надеяться, что Колокольники не сообразят, что это значит.

Все эти неожиданно вспыхивающие огоньки, возможно, приводили Колокольников в состояние паники. Они, несомненно, рыскали по дворцу, пытаясь выяснить, что случилось, и случилось ли вообще что-нибудь.

Вскоре часть стены, казавшейся сплошной, отодвинулась и исчезла. Кикаха вошел первым. Их ждал талос шести с половиной футов ростом, в доспехах, словно рыцарь. Он вручил ему черный кубик-магнитофон.

— Спасибо, — поблагодарил его Кикаха. Затем он приказал: — Посмотри на нас внимательно. Я — твой хозяин. Этот человек — мой слуга. Ты должен служить нам обоим, если этот человек, мой слуга, не будет делать чего-то, что может повредить мне. Тогда ты воспрепятствуешь таким попыткам. Другие существа во дворце — мои враги, и ты должен убивать всех, кого увидишь. Однако сперва ты возьмешь этот кубик, после того как я наговорю в него сообщение, и дашь услышать его другим талосам. Он прикажет им атаковать и убивать моих врагов. Ты все понял?

Талос отдал честь, показывая, что до него дошел приказ. Кикаха наговорил инструкцию в кубик, установил его на повтор сообщений тысячу раз и протянул талосу, который снова отдал честь, повернулся и замаршировал прочь.

— Они превосходно выполняют приказы, — заметил Кикаха, — но последний, достигший их ушей, главный, он перечеркивает все остальные.

Вольф знал об этом недостатке, но не захотел менять их программу. Он считал, что эта особенность может однажды здорово пригодиться. Маловероятно, что о ней знают захватчики.

Вслед за этим Кикаха растолковал Шуптарпу, как обращаться с лучеметом, если тот когда-нибудь попадет ему в руки, а затем они отправились в дворцовый арсенал.

Чтобы добраться до него, требовалось пройти весь этаж в этом крыле, а потом спуститься на шесть этажей. Кикаха выбирал лестницы, поскольку Колокольники, скорее всего, контролировали лифты.

Величие дворца вызвало у тевтона благоговейный трепет. Огромные размеры комнат, меблировка, в каждой из которых содержалось достаточно сокровищ, чтобы купить все дракландские королевства, низвели его до состояния ахавшего, охавшего, пресмыкавшегося существа. Баронет хотел бы остановиться, посмотреть, пощупать и, наверное, набить карманы. Затем он испугался, потому что абсолютная тишина и богатство заставили его почувствовать, что он находится в священном месте.

— Мы можем бродить много дней, так и не встретив ни одной живой души, — высказался он.

— Могли бы, — согласился Кикаха, — если бы я не знал, куда иду.

Он гадал, насколько полезным окажется этот парень. При нормальных обстоятельствах он, вероятно, был первоклассным воином. И то, что он уцелел в залитой водой комнате, свидетельствовало о его отваге и сообразительности. Но дворец Властелина пугал его и казался вмещающим сверхъестественных сил. Такие же чувства испытывал бы любой земной христианин, если бы его переправили в град Божий и открыли, что его захватили черти.

Неподалеку от подножия лестницы Кикаха уловил запахи расплавленного пластика и горелой протоплазмы. Он осторожно высунул голову из-за угла. В ста шагах по коридору на полу лежал, неуклюже раскинувшись, талос. Рядом валялась бронированная рука, отрезанная от плеча лучеметом.

Чуть поодаль распластались два мертвых Колокольника, таковыми, во всяком случае, счел их Кикаха, заметив пристегнутые к спинам ранцы. Двое других, оба с лучеметами в руках, взволнованно переговаривались. Один держал в руке то, что осталось от черного кубика. Увидев магнитофон, Кикаха усмехнулся. Аппарат повредили лучеметом, поэтому записанные на нем инструкции прослушать невозможно. Следовательно, Колокольники не узнают, почему талос напал на них и что за сообщение содержалось в кубике.

«Двадцать девять долой. Осталось двадцать два», — заключил Кикаха и убрал голову.

— Теперь они будут настороже, — произнес он себе под нос. — Арсенал, вероятно, никто бы и не подумал охранять, если бы не случилось нападения робота. Но теперь они знают, что кто-то начал с ними борьбу и наверняка будут остерегаться. Ну что ж, тогда мы попробуем другой путь. Возможно, он опасен, впрочем, какой не опасен? Давай-ка поднимемся по лестнице обратно.

Он провел Шуптарпа в комнату на шестом этаже. Она имела примерно шестьсот футов в длину и триста в ширину. В ней находились чучела животных и некоторых разумных существ из множества вселенных. Беглецы прошли мимо прозрачного куба, в котором застыло, словно стрекоза в янтаре, существо, казавшееся полунасекомым, получеловеком. У него были антенны и огромные, но совершенно человеческие глаза, узкая талия, тощие ноги, покрытые розоватым пушком, четыре тощие руки, большая горбатая спина и четыре, как у бабочки, крыла, выступавшие из горба.

Несмотря на срочность действий, Шуптарп остановился посмотреть на незнакомое чудище.

— Этому экспонату десять тысяч лет, — сказал Кикаха. — Это квисвас, человек-жук, продукт биолaborатории Ананы, во всяком случае, так мне сказали. Властелин этого мира совершил набег на мир своей сестры и приобрел несколько образчиков для своего музея. Этот квисвас, как я понял, был в то время любовником Ананы, но нельзя верить всему, что говорят, особенно когда один Властелин рассказывает о другом. Все это, конечно, случилось давным-давно.

Чудовищно большие глаза пялились сквозь толстый пластик десять тысячелетий, оказавшись здесь на пять тысяч лет раньше, чем на Земле возникла цивилизация. Хотя Кикаха и видел его раньше, он все равно почувствовал благоговение, беспокойство и свою незначительность перед ликом времени. Как сильно и умно сражалось это существо, сохраняя свою жизнь? Наверное, так же энергично и бешено, как сражался теперь Кикаха. Потом оно погибло, как может погибнуть и он, и было превращено в чучело и поставлено взирать невидящими глазами на борьбу других разумных существ. Все прошло...

Кикаха мотнул головой и поморгал глазами. Философствовать — дело хорошее, если ты занимаешься этим в спокойной обстановке, а теперешняя к таковым не относи-

лась. Кроме того, смерть приходит даже к тем, кто избегал ее столь же изобретательно, как и он. И что из этого? Стоило драться и за одну лишнюю минуту, при условии, что минуты, прошедшие прежде, были стоящими.

— Хотел бы я знать, какой была история этого существа, — тихо произнес Шуптарп.

— Наша история придет к схожему концу, если мы не двинемся дальше, — отозвался Кикаха.

В конце стены он покрутил выступ, выглядевший таким же неподвижным, как и другие украшения. Он повернул его на сто шестьдесят градусов вправо, потом на сто шестьдесят градусов влево, а затем дважды полностью повернул вокруг оси по часовой стрелке. Часть стены ушла в сторону. Кикаха испустил вздох, освобождаясь от вызванного неуверенностью напряжения. Он не был убежден, что правильно помнит код. Существовала опасность, что неправильная манипуляция приведет к чему угодно, от облака ядовитого газа до луча, разрезающего пополам.

Он втолкнул Шуптарпа в открывшийся проем. Тот начал упираться и испуганно закричал, когда они покатались в неосвещенную шахту. Кикаха захлопнул ему ладонью рот и скомандовал:

— Тихо! И с нами ничего не случится!

Встречный ветер унес его слова, Шуптарп продолжал рыпаться, но затих, когда их падение стало замедляться. Вскоре им показалось, что они повисли в воздухе. Внезапно стены озарились, и путники увидели, что все-таки падают, хотя и медленно. Шахта в нескольких футах под ними и в нескольких футах над ними оставалась темной. Свет сопровождал их по мере спуска. Затем они достигли дна. Там не было ни пылинки, хотя из-за темноты наверху и безмолвия возникало такое ощущение, словно это место сотни лет не видело ни одного живого существа.

— У меня чуть сердце не оборвалось, — сердито сказал тевтон.

— Мне пришлось так поступить, — возразил Кикаха. — Если бы ты знал, что тебе предстоит упасть, то ни за что бы не прыгнул по доброй воле. Я не мог требовать от тебя слишком многого.

— Ты-то прыгнул, — не согласился Шуптарп.

— Разумеется. Я много практиковался. У меня тоже не хватало духу на прыжок, пока я не увидел, как Вольф — Властелин — несколько раз проделал этот трюк. — Он улыб-

нулся. — И даже на этот раз я не был уверен, что поле включено. Колокольники могли вырубить его. Разве это не сыграло бы с нами хорошую шутку?

Шуптарп, похоже, не посчитал эту шутку забавной. Кикаха переключился на более важное занятие. Для того чтобы выбраться из шахты, требовалось отстучать по стенке код костяшками пальцев. Часть стенки отодвинулась, и они вошли в хорошо освещенную выбеленную комнату площадью примерно в тридцать квадратных футов. Она была пустой, если не считать дюжины полумесяцев, вделанных в пол, и еще дюжины, висевших на стене. Полумесяцы не имели меток.

Кикаха поднял руку, сдерживая Шуптарпа.

— Больше ни шагу! Эта комната очень опасна, пока не совершишь особый ритуал без малейших отклонений. Я же не уверен, что помню все детали.

Тевтона прошиб пот, хотя воздух был прохладным.

— Я собирался спросить, почему мы сразу не пришли сюда, — произнес он, — вместо того чтобы тащиться по коридору. Теперь я понимаю.

— Будем надеяться, что ты останешься таким же разумным, — двусмысленно сказал Кикаха.

Он сделал три шага вперед, затем пошел боком, пока не поравнялся с крайним правым полумесяцем на стене. Он раз развернулся кругом и пошел к полумесяцу, жестко вытянув правую руку под прямым углом к стене. Как только кончики его пальцев коснулись серебристого металла, он объявил:

— Порядок, солдат. Можешь теперь гулять, как тебе нравится, по крайней мере, мне представляется, что это безопасно.

Но, изучая полумесяцы, он перестал улыбаться и проговорил:

— Один из них доставит нас через ворота в арсенал. Но я не помню, какой. Второй справа или третий?

Шуптарп спросил, что случится, если выбрать не тот полумесяц?

— Один из них — не помню какой — отправит нас в центр управления, — ответил Кикаха. — Я бы его и выбрал, если бы имел при себе лучемет или считал, что Колокольники не оборудовали центр управления сигнализацией, поднимающей тревогу в случае появления добавочной массы, и если бы знал, какой именно этот полумесяц.

Другой отправит нас обратно в подземную тюрьму, откуда мы только что выбрались. Третий перешлет нас на луну, четвертый — на уровень Атлантиды. Я не помню точно, что сделают другие, за исключением того, что один выкинет тебя во вселенную, являющуюся, мягко говоря, нежелательной.

Шуптарп вздрогнул и сказал:

— Я храбрый человек. Я доказал это на поле брани. Но здесь я чувствую себя, словно ребенок, заблудившийся в кишасщем волками лесу.

Кикаха не ответил, хотя и одобрил про себя искренность Шуптарпа. Он не мог решиться, каким из полумесяцев воспользоваться — вторым или третьим. Он должен выбрать один из них, потому что обратно по шахте не подняться. Она, подобно многим маршрутам во дворце, была односторонней.

Наконец он заявил:

— Я почти уверен, что это третий. Вольф любит тройку или числа, кратные ей, но... — Он пожал плечами. — Какого черта? Не можем же мы вечно здесь стоять.

Он приложил третий полумесяц справа к третьему следу на полу.

— Я помню, что незакрепленные полумесяцы сходятся с противоположными закрепленными, — сказал он.

Затем они оба шагнули в образованный двумя полумесяцами круг и подождали примерно три секунды. Не возникло ни малейшего ощущения движения, ни молниеносного мерцания перед глазами, но они очутились в комнате площадью около трехсот квадратных футов. На полках вдоль стен, на козлах или подставках на полу находились знакомые и экзотические доспехи и оружие.

— Мы выиграли, — воскликнул Кикаха, выходя из круга. — Мы возьмем несколько ручных лучеметов и зарядов, самонаводящиеся ракеты и очки. Ах, да, еще несколько нейтронных ручных гранат малого радиуса действия.

Он прихватил также два хорошо сбалансированных ножа для метания. Шуптарп опробовал свой лучемет на небольшой мишени в глубине арсенала. Металлический диск толщиной в шесть дюймов расплавился за пять секунд. Кикаха пристегнул себе к спине ремнями металлическую коробку. В ней хранились несколько ракет-шпионов, мощный приемник-передатчик для ракет и аудиовизуальные очки.

Кикаха надеялся, что Колокольники еще не сталкивались с подобными штуками. Если они расставили часовых, выглядывавших из-за угла или рыскающих по коридорам, то их дело — труба.

Дверь была заперта Вольфом, и, насколько мог определить Кикаха, никто ее не открывал. У нее имелось много предохранительных устройств, чтобы посторонний не мог войти снаружи, но ничто не мешало находившемуся внутри беспрепятственно выйти. Кикаха испытал чувство облегчения. Колокольники не смогли проникнуть сюда, а это означало, что у них нет ракет-шпионов. Если только они не доставили их из других вселенных. Но поскольку в аэролетах таких систем не применяли, Кикаха предположил, что они у Колокольников отсутствовали.

Он надел очки на глаза и уши, держа в руках пульт управления, и направил ракету в открытые двери. Ракета достигала в длину примерно трех дюймов и походила формой на сложенный из бумаги самолетик школьника. Она была прозрачной, и при сильном свете под определенным углом можно разглядеть крошечные цветные детали. На носу у нее имелся «глаз», через который Кикаха получал странный и ограниченный обзор, и «ухо», через которое он, по желанию, мог услышать приглушенные или усиленные звуки.

Маневрируя снарядом, повернул ракету в одну, потом в другую сторону, увидел, что в коридоре никого нет, и сдвинул очки на лоб. Покинув арсенал, он закрыл дверь, зная, что та автоматически включит системы безопасности. Он пользовался собственными глазами, управляя ракетой в пределах прямой видимости, а когда ему хотелось заглянуть за угол, сдвигал на глаза очки.

Следуя за ракетой, они одолели примерно шесть миль горизонтального и вертикального пути, покинув одно крыло и пройдя в другое, чтобы попасть в здание, где находился центр управления. Из-за их осторожности путешествие заняло больше времени, чем обычно требовал этот путь.

Один раз они прошли мимо колоссального окна неподалеку от края монолита, на котором располагался дворец. Шуптарп едва не упал в обморок, когда увидел солнце под ним — ему приходилось смотреть вниз, чтобы увидеть светило.

Когда он разглядывал плоскости уровня Атлантиды, раскинувшегося на пятисотмильном радиусе, а потом ча-

сти следующего уровня и кусочка нижнего, то побледнел как мел.

Кикаха оттащил его от окна и попытался объяснить ступенчатую структуру планеты. Дворец действительно находился над солнцем, которое вращалось на уровне среднего монолита.

Тевтон прошептал, что он это понимает, но никогда не видел солнца иначе, чем со своего родного уровня и, конечно, с луны. Но оба раза солнце казалось стоящим высоко.

— Если ты думаешь, что это был пугающий опыт, — утешил его Кикаха, — то тебе следует как-нибудь поглядеть за грань мира с нижнего уровня, уровня Сада.

Они вошли в центральный массив здания, где располагался центр управления.

Здесь они продолжали путь еще медленнее. Они прошли гигантский зал, облицованный зеркалами, дававшими не внешнее физическое отражение, а внутреннее, психическое, каждое зеркало засекало волны различных участков мозга, а потом синтезировало их в музыку, цвета и ультраинфразвук и выдавало обратно, как визуальные образы. Некоторые из них были ужасными, некоторые угрожающими, некоторые просто непристойными, а некоторые почти божественно прекрасными.

— Они ничего не означают, — заверил Кикаха тевтона, — если только смотрящий не хочет заняться истолкованием.

Шуптарп был рад двинуться дальше.

Затем Кикаха выбрал достаточно широкую лестницу, чтобы по ней могли промаршировать десять взводов солдат, выстроившихся в ряд. Лестница закручивалась и закручивалась, и казалось, никогда не кончится, словно шла в самое Царствие Небесное.

Глава XX

Уставший баронет взмолился об отдыхе, и Кикаха внял его мольбам. Он послал ракету-шпиона вперед — еще раз посмотреть, что их ждет на пути к центру управления. На этаже ниже, там, где располагался центр управления, Колокольников не было. Виднелись обгоревшие и расплавленные тела десяти талосов на первых десяти ступенях лестницы. Очевидно, они шли, чтобы напасть на Коло-

кольников в центре управления, и их сразили из лучеметов. Устройство, которое могло это сделать, притаилось на лестничной площадке. Оно представляло собой небольшой черный ящик на колесах. Из него выходила длинная тонкая шейка из серого металла. На конце шейки или хобота виднелась крошечная лампочка. Эта лампочка могла засекать движущуюся массу и разрушать ее лазерным лучом. Максимальный радиус поражения агрегата не превышал сорок футов.

Устройство двигало длинной шейкой направо и налево, охватывая детектором всю лестницу. Однако оно не заметило пронесшуюся над ним ракету, а это означало, что «змеиная шея», как окрестил ее Кикаха, была запрограммирована засекать только большую массу.

Кикаха повернул ракету и направил вперед по коридору к двойным дверям центра управления. Они оказались закрытыми. Через глаз ракеты он увидел, что из стен по всей длине коридора торчит множество маленьких дисков — детекторов массы. Диапазон их действия был небольшим. В центре коридора должен остаться узкий проход, чтобы предупрежденный мог пройти по нему, не подняв тревоги.

Здесь наверняка имелась видеоаппаратура, поскольку Колокольники не стали бы пренебрегать столь важным средством наблюдения. Кикаха очень медленно двинул ракету под самым потолком, потому что не хотел, чтобы ее увидели. И вскоре заметил приборы наблюдения. Они были спрятаны в пустотелых головах двух бюстов на высоких пьедесталах. Пустотелыми их сделали Колокольники.

Кикаха осторожно повел ракету назад, а затем снял очки и повел Шуптарпа вверх по лестнице. Вскоре они почувствовали запах горелой протоплазмы и пластика. Когда поднялись на этаж, где произошла бойня, Кикаха остановил тевтона.

— Насколько я могу судить, — сказал он, — они окопались теперь в центре управления. Нам предстоит выкурить их оттуда или наброситься на них прежде, чем они свалят нас. Я хочу, чтобы ты все время следил за нашим тылом. Не спускай глаз! В центре управления есть множество врат, способных переправить их в любое место во дворце. Если Колокольники вычислили врата, то воспользуются ими. Поэтому будь начеку!

Он находился вне поля зрения лучемета — «змеиной шеи», — стоявшего на лестничной площадке. Кикаха сел и растрепал волокна из своей самой тонкой веревки и завязал их вокруг ракеты. Затем он надел очки и направил ракету вверх по лестнице. Из-за тяжести веревки она двигалась медленно. «Змеиная шея» продолжала обшаривать детектором поле перед собой, но не выстрелила по ракете или веревке. Это еще раз подтвердило, что она запрограммирована реагировать только на большую массу. Зато она не передавала изображения Колокольникам в центр управления. Если те увидят ракету и веревку, то могут пойти в атаку, начнут стрелять через перила. Кикаха велел Шуптарпу следить за положением наверху и стрелять во все, что движется.

Ракета проскользнула вокруг «змеиной шеи» раз, затем другой, таща за собой веревку. После этого она полетела обратно вниз по лестнице. Кикаха снял очки, отвязал веревку, ухватил ее за концы, слегка потянул, удостоверился, что она не соскальзывает, и с силой рванул на себя. «Змеиная шея» дернулась и с грохотом пролетела половику пролета. Она валялась на боку, ее шея-глаз двигались взад-вперед, но не поворачивались к правой стороне лестницы. Кикаха приблизился к ней сзади и отключил, повернув диск на «спине».

Взяв машину подмышку, он отнес ее обратно наверх, держа в правой руке лучемет. Неподалеку от лестничной площадки он опустился на ступени и столкнул машину на пол. Здесь он повернул ее так, чтобы она располагалась лицом к бюсту в конце коридора за дверями в центр управления. Он покрутил, устанавливая диски, а затем следил, как машина выкатывается из поля зрения. Вскоре послышался оглушительный грохот. Кикаха опустил на глаза очки и послал ракету посмотреть: Как он и надеялся, «змеиная шея» покатила напрямик по коридору, масса пьедестала и бюста активировали ее. Лучемет прожигал пустотелый камень пьедестала, пока тот не расплавился. Бюст валялся на боку, и его передающая камера смотрела на стену.

«Змеиная шея» обратила свой луч к упавшему бюсту. Кикаха спустился обратно по лестнице и удалился в глубь коридора, пока не оказался вне поля зрения всякого, кто мог выйти на лестничную площадку или посмотреть вниз по лестничному колодцу. Он вновь надел очки и разместил

ракету над двойными дверями. Ракета, прильнув к стене, стояла на носу и смотрела прямо вниз.

Кикаха ждал. Минута проходила за минутой. Он хотел снять очки и удостовериться, что Шуптарп следит за всем, но поборол этот импульс — он должен быть готовым к тому, что двери могут внезапно открыться.

В скором времени это произошло. Оттуда высунулась трубка перископа и повернулась в обоих направлениях. Затем перископ убрался, и медленно вылезла белобрысая голова. Колокольник подбежал к «змеиной шее» и отключил ее. Кикаха был разочарован, так как надеялся, что машина свалит-таки Колокольника. Однако она замечала и поражала только объекты, находившиеся непосредственно в зоне обзора.

Бюст расплавился до неузнаваемости. Колокольник некоторое время смотрел на него, а затем подобрал «змеиную шею» и унес в центр управления. Кикаха послал ракету через верхнюю часть дверного проема под самый потолок центра, являвшегося достаточно просторным, чтобы вместить земной авианосец выпуска 1945 года. Кикаха пустил ракету вдоль потолка, а потом опустил вниз, почти до пола за пультом управления, когда та достигла противоположной стены. Изображения и звук потеряли четкость, наверное, Колокольники закрыли двери. Хотя ракета могла передавать информацию даже сквозь стены, передача теряла свое качество.

Зиматол рассказал Арсвурду о странном поведении «змеиной шеи». Тот заменил ее другой, которая, как он надеялся, не разладится. Камеру он не стал менять. Все, что нужно, могла сделать и другая камера на противоположном конце коридора. Зиматол сожалел, что они слишком заняты, пытаясь установить контакт с фон Турбатом на луне. Иначе бы они могли следить за мониторами и увидеть, что там произошло.

Кикаха с удовольствием продолжал бы подслушивание, но он должен был довести до конца свой план. Он отключил ракету в центре управления и привязал конец веревки к другой ракете. Эту он послал вверх и вокруг «змеиной шеи» и послал ее вниз.

Новая стреляющая машина кувыркалась намного дольше. Она резко остановилась, налетев на кучу тел талосов у подножия лестницы. Ее оптический прицел уставился в потолок. Кикаха подполз к ней, протянул руку и отклю-

чил ее. Затем отнес стража обратно наверх и пустил против пьедестала и бюста в другом конце коридора. Потом он слетел вниз по лестнице, надел очки и запустил еще одну ракету, прежде чем раздался грохот. Этот грохот дошел до его ушей через микрофон ракеты.

Телеглаз показал ему, что случилось почти то же самое. Он повернул снаряд следить за дверью, но долгое время ничего не происходило. Наконец он переключился на ракету в центре управления. Зиматол утверждал, что неискправность двух машины подряд нельзя объяснить случайным совпадением. Происходит что-то подозрительное и, следовательно, опасное. Он не хотел снова выходить в коридор для расследования причин.

Арсвурд ответил, что, нравится им это или нет, но они не могут оставаться на месте. Врага требуется убить — и этим врагом, вероятно, является Кикаха. Кто еще мог пробраться во дворец, когда активированы все защитные средства, делавшие его неприступным?

Зиматол возразил, что это не мог быть Кикаха. Разве фон Турбат и фон Свиндебарн отправились бы искать его на луну, если бы его там не было?

Это озадачило Кикаху. Что делает фон Турбат на луне, когда он должен знать, что его враг бежал через ворота в камере пещеры? Или фон Турбат настолько подозрительно относился к хитрости своего архиврага, что думал, будто Кикаха никуда не делся? Он что-то отправил через ворота вместо себя, чтобы придать делу такой вид, словно его больше нет на луне. Вдруг он подумал, будто на луне есть нечто, способное удержать там Кикаху?

Кикаха очень расстроился и даже чуть испугался. Не могла ли Анана отправиться туда за ним через ворота? Не на нее ли охотились Колокольники? Такое было возможно, и это вызывало чувство тревоги.

Зиматол, согласился, что только Кикаха мог натравить талосов на них. Арсвурд ответил, что тем больше причин избавиться от такой опасности. Зиматол осведомился: каким образом?

— Да уж не прячась здесь, — ответил Арсвурд.

— Тогда сам выйди и поищи его, — посоветовал Зиматол.

— И выйду, — ответил Арсвурд.

Кикаха удивился, что их разговор оказался таким человеческим. Колокольники могли быть продолжением метал-

лических комплексов, но они не походили на машины со сборочного конвейера. У них имелись индивидуальные различия, присущие людям.

Арсвурд пошел было к двери, но Зиматол позвал его обратно. Он заявил, что их долг требует, чтобы они воздержались от ненужного риска. Их теперь осталось так мало, что смерть даже одного сильно уменьшит шансы на победу. Фактически сейчас, вместо того чтобы нацеливаться на победу, они сражаются за выживание. Кто бы мог подумать, что какой-то леблэббий сумеет так изобретательно и безжалостно поубивать их? Да ведь Кикаха даже не был Властелином — он всего-навсего человек.

Зиматол сказал, что они должны подождать, пока не вернутся двое их вождей. С ними нельзя вступить в контакт, что-то препятствует попыткам наладить связь. Кикаха мог бы рассказать им, почему их усилия бесполезны. Структура пространственно-временной связи этой вселенной создавала особую деформацию, искажая передачу по радио или лазеру. Если бы, к примеру, самолет попытался пролететь между планетой и луной, то развалился бы в узкой зоне на полпути между двумя телами. Единственный способ путешествовать с планеты на планету — только через ворота.

Двое Колокольников нервно обсуждали свои проблемы. Погибло двадцать девять Колокольников из первоначальных пятидесяти. Двое находились здесь, двое — во вселенной Нимстоула, двое — у Ананы, двое — у Джудубры. Зиматол считал, что их следует призвать на помощь, или еще лучше, чтобы Колокольники в этой вселенной покинули ее и замуровали все ворота. Имелось множество других вселенных. Почему бы им не отрезать эту навек? Если Кикаха хочет ее, пусть забирает себе. В то же время в безопасном месте они смогут сделать миллионы новых Колокольников. Через десять лет они будут готовы, тогда вернутся, нападут на Властелинов и выметут их отовсюду.

Но фон Турбат, которого они называли Граумграссом, отличался необыкновенным упрямством. Он откажется сдаться. С этим соглашались оба.

Для Кикахи стало очевидным, что Арсвурд, несмотря на необходимость покинуть центр и найти врага, не хотел, а точнее, и не собирался выходить. Тем не менее он хотел казаться храбрецом.

Эти двое не выглядели нечеловеческими, холодными, строго логичными, предельно безэмоциональными суще-

ствами, описанными Ананой. Если удалить из их разговора определенные элементы, то они могли показаться просто двумя болтающими солдатами любой страны или вселенной.

Какой-то миг он гадал, нельзя ли убедить их образумиться, не смогут ли они удовольствоваться возможностью занять свое место в этом мире, как и другие разумные существа.

Чувство жалости быстро прошло. Колокольники предпочитали захватывать человеческие существа, они не хотят оставаться замкнутыми в своих металлических колоколах: слишком искушающими были восторги и преимущества плоти. Нет, они не удовлетворятся пребыванием в колоколе, они будут продолжать очищать человеческие мозги и вселяться в обездоленные тела.

Войну необходимо продолжать до конца, пока не погибнут все Колокольники или Кикаха.

В данный момент он чувствовал себя так, словно весь мир стал бременем, возложенным на его плечи. Если они убьют его, то смогут двинуться туда, куда им заблагорассудится, потому что лишь немногие знают, кто они и каковы их цели, а эти немногие, вероятнее всего, погибнут. Это был, как он хвалился, его мир, и Кикаха оказался самым везучим человеком в двух мирах, потому что являлся единственным из землян, сумевшим перебраться через стену между двумя мирами. Этот мир он любил намного больше, чем Землю, и он сделал его своим в такой степени, в какой не сумел сделать даже Вольф — Властелин многоярусного мира.

Теперь его восторг и радость исчезли, их заменила столь громадная ответственность, что он даже боялся думать о ней, потому что такие мысли были невыносимы.

Для человека с таким грузом ответственности он действовал безрассудно. Именно потому, однако, он и прожил так долго. Если бы он поступал с великой осторожностью, сознавая свою важную роль, то его, вероятно, давно бы поймали и убили, или же он сбежал бы, но стал бы при этом совершенно бесполезным существом, потому что боялся бы предпринимать любые действия. Опрометчив он или нет, Кикаха будет поступать так же, как поступал в прошлом. Если он рассуждает неверно, то станет частью прошлого, а Колокольники превратятся во Властелинов в настоящем и будущем. Да будет так!

Он переключился на третью ракету и поместил ее как раз над дверьми. Затем он положил пенал управления и очки рядом с собой и сказал Шуптарпу, что собирается делать дальше. Тевтон счел эту идею безумной, но согласился помочь ее реализовать. Они подняли талоса и поволокли тело, весившее, наверное, пятьсот фунтов, вверх по лестнице. Они протащили его по коридору в проход между полями детекторов и прислонили к дверям, а затем поспешно, но осторожно отступили на этаж ниже.

Быстро оглядевшись, Кикаха вновь надел очки. Он опустил ракету над дверями, расположил ее сбоку от сидевшего талоса и швырнул ракету на шлем-голову талоса. Удар сломал ракету, и поэтому он не мог наблюдать за ее действиями. Но он быстро послал наверх другую и установил ее над дверями. Талос упал именно так, как хотелось Кикахе. Его голова и плечи оказались в поле детектора. В центре управления должна была дико зазвенеть сигнализация.

Ничего не произошло. Двери не открылись. Он ждал долго, но настал момент, когда Кикаха не смог больше выносить напряжения. Хотя было существенно важно держать ракету на посту над дверями, он отправил ее на пол, а затем снова переключился на ракету в центре управления. Он не видел ничего, кроме задней стенки пульта, и ничего не слышал. Сигнализация не завывала — ее, должно быть, отключили. Колокольники не разговаривали и не издавали ни звука, хотя он включил усиление сигнала.

Кикаха снова переключился на ракету перед дверью. Двери были закрыты, так что он вернулся к ракете в центре. По-прежнему не было слышно ни звука.

Что происходит? Неужели они выжидают, чтобы он первым бросился в атаку?

Он вернулся к ракете в центре и послал ее по полу в сторону стены. Она медленно поднялась по стене, участок на фут перед ней был ясно виден, а дальше все становилось нечетким. Он собирался ее завести под потолок, а потом опустить, надеясь, что увидит Колокольников раньше, чем те увидят ракету. Ракету можно использовать для убийства, разогнав как пулю, но ее нужно приблизить к врагу, иначе оператор не успеет ее нацелить точно, и дичь извернется. Если Колокольник закричит и выдаст звуком свое местонахождение, то Кикаха сумеет послать в него ракету,

прежде чем Колокольник успеет сбить ее из лучемета. Шанс поразить противника был слабым, но Кикаха был готов ухватиться и за него.

Он привел ракету приблизительно туда, где должен находиться пульт управления. Ракета опустилась прямоком до пола, ничего не обнаруживая. Затем она поднялась и покружила, не засекая Колокольников. Он расширил территорию поисков. Конечно, Колокольники могли заметить ракету и отойти за пределы ее видимости и слышимости. Это не имело смысла, если они хотели держать оператора ракеты занятым, пока один или двое отправятся из центра на его поиски. Они, вероятно, не знали, как действует ракета, но должны были понимать, что радиус ее передачи ограничен и что оператор должен находиться сравнительно недалеко.

Кикаха велел Шуптарпу быть особенно бдительным, ожидая появления Колокольников на лестничной площадке, и не забыть применить нейтронные гранаты, если возникнет такая необходимость. Не успел он закончить инструкции, как Шуптарп заорал. Кикаха был так поражен, что невольно вскинул руку. Пульт управления полетел прочь, так же как и Кикаха. Срывая очки, он в то же время катился и катился, чтобы сбить прицел каждому, кто мог выстрелить по нему. Он понятия не имел, что заставило тевтона закричать, но не собирался сидеть смирно, отыскивая взглядом источник тревоги.

Направленный в него луч опалил ковер. Он ударил из неожиданного места, с противоположного конца коридора. Из-за угла высывалась голова и рука, державшая лучемет. К счастью, Шуптарп выстрелил, как только увидел Колокольника, и поэтому тот не смог направить луч прицельно. Колокольник шмыгнул обратно. На таком расстоянии эффективность лучемета значительно снижалась. На коротком расстоянии он мог прожечь тридцатисантиметровую сталь и за секунду изжарить человека. Но сейчас он был способен только вызвать ожог третьей степени или ослепить, если попадет по глазам.

Шуптарп отступил к первым ступенькам лестницы, где и укрылся за кучей талосов. Кикаха побежал прочь по коридору, остерегаясь того, кто может выскочить с ближайшей стороны. Один или оба Колокольника из центра прошли через ворота в другую часть дворца и устроили атаку с фланга. Либо один, либо оба отправились через

врата куда-то еще — очевидно позвать на помощь других Колокольников.

Выругавшись, Кикаха круто повернул и побежал обратно к брошенным очкам и пульта управления. Колокольник на противоположном конце высунул голову поблизости от пола и выстрелил. Шуптарп, находившийся под более тупым углом по отношению к Колокольнику, так как он был на лестнице, ответил своим лучом. Кикаха тоже выстрелил. Колокольник убрался прежде, чем направлявшиеся над ковром лучи успели пересечься. Там, где ударяли лучи, несгораемый ковер расплавился.

Три гранаты остались у баронета, не было времени riskнуть и сбежать за ними. Кикаха подхватил коробку, очки, круто повернулся и стремглав бросился назад по коридору. Он ожидал, что в конце кто-то появится, и поэтому был готов шмыгнуть в ближайшую дверь. Когда он оказался в двух дверях от конца коридора, он увидел высывающуюся из-за угла голову. Он нажал на спуск лучемета, водя лучом по плинтусу, а затем вверх к углу. Голова, однако, отдернулась назад прежде, чем луч попал в нее. Кикаха пригнулся у стены и выстрелил мимо угла, надеясь, что какая-то часть энергии рикошетом ранит спрятавшегося за углом Колокольника. Крик показал, что он кого-то напугал или подпалил.

Кикаха усмехнулся и спрятался в дверном проеме прежде, чем Колокольники испробуют тот же трюк на нем. Собственно, радоваться было нечему, но он не мог не испытывать чувства варварского веселья, когда ему удавалось лишний раз одурачить врага.

Глава XXI

Комната, в которую он отступил, оказалась сравнительно небольшой. Во дворце имелись сотни подобных. Они служили в основном для хранения бесценных произведений искусства. Обставлены они были со вкусом, словно в комнате жили или часто ее посещали.

Кикаха быстро огляделся, отыскивая врата, поскольку во дворце их было столько, что он смог запомнить лишь малую часть. Однако он не заметил ничего похожего.

Он натянул очки, делая это с огромной неохотой, так как они оставляли его слепым и глухим к тому, что про-

исходит в коридоре. Кикаха переключился на ракету в центре управления. Она все еще находилась в воздухе, описывая круги в соответствии с его последним приказом. В радиусе ее действия не появлялся ни один Колокольник. Затем Кикаха переключился на ракету перед дверьми и повел ее вниз по лестничному пролету. Чем ближе она подлетела к нему, тем лучше становилась передача звука и изображения.

Шуптарп не давал вылезти Колокольникам в противоположном конце. Кто бы там ни был, именно они являлись непосредственной опасностью. Он послал ракету под потолок и за угол. Там притаились три Колокольника, все с ручными лучеметами. Лицо одного из них было багровым, словно от солнечного ожога. К троице приближались еще два Колокольника, толкая перед собой грависани. На них стоял мощный лучемет. Его луч можно было послать за угол, чтобы он ricochetил от стен и держал врага на расстоянии, в то время как другие будут стрелять из ручных лучеметов. Под прикрытием их огня большой лазер вытолкнут из-за угла, и его мощности хватит на всю длину коридора. Он сожжет или расплавит все на своем пути.

Кикаха не колебался. Увеличив скорость, он отправил ракету к человеку, толкавшему сани справа. Изображение смазалось от скорости, а затем экран потемнел. Ракета вонзилась в тело Колокольника и попала во что-то твердое и разрушилась от удара. Кикаха снял со спины контейнер, извлек следующую и послал ее из комнаты под потолком. Внезапно один Колокольник выпрыгнул из-за угла. Он стрелял и орал от страха, а может, надеялся привести противника в замешательство. Колокольник увидел ракету и поднял лучемет. Кикаха увеличил ее скорость. Экран померк. Ракета либо вошла в тело, либо разбилась о стену. Хотя не исключено, что ее сбил лучом Колокольник.

Теперь у Кикахи не было времени, чтобы отправить очередную ракету и посмотреть, что там происходит. Если Колокольник избежал смерти, он теперь заглядывает в дверь, ища оператора, и, вероятно, зовет на помощь других.

Кикаха сорвал очки и с лучеметом наизготовку двинулся к двери. Он оставил ее открытой, чтобы лучше управлять ракетой. Кроме того, он надеялся, что противник станет сперва осматривать комнаты с закрытыми дверьми.

Но когда он приблизился к дверному проему, то столкнулся с Колокольником. Кикаха, не задумываясь, нажал на спуск лучемета, как только в его поле зрения появилось чье-то плечо. Колокольник почернел, его кожа отваливалась слоями, белки глаз стали темно-карими, а затем глазные яблоки закипели и лопнули, волосы вспыхнули, белые зубы стали черными, губы исчезали слой за слоем. Огнеупорная одежда расплавилась.

Все это произошло за четыре секунды. Кикаха пинком закрыл дверь и нажал пластинку автоматического замка, затем пересек комнату и отключил защитную энергию поля в окне. Он выбросил в пропасть коробку с ракетами, чтобы ею не воспользовались Колокольники и, привязав один конец веревки к ножке бюро, выполз из окна. Отсюда до поверхности монолита было примерно тридцать километров. Эта часть дворца выступала над краем монолита. При желании он мог бы одним взглядом окинуть половину площади Атлантиды. Отбросив мысли о долгом-предолгом падении, он прикинул, что между небольшим карнизом под окном этажом ниже и болтающейся веревкой примерно пара метров. Он скользил вниз, повис напротив карниза, а затем чуть качнулся. Когда его понесло к стене, он прыгнул и твердо встал ногами на карниз, а руками ухватился за край подоконника. Его колени, слегка согнутые, оказались в опасной близости от невидимого силового поля. Держась одной рукой за край окна, он снял рубашку, обмотал ею руку, а затем вынул нож и медленно двинул его вперед. Затем он отвернул голову и закрыл глаза — силовое поле, активированное ножом, должно вызвать вспышку, и энергия может не только спалить рубаху, но и обжечь руку. Разряд способен отшвырнуть нож с такой силой, что от рывка можно сорваться.

Кикаха, однако, питал надежду, что поле не включено. Это казалось маловероятным. Скорее всего, Вольф, прежде чем уйти, активизировал все охранные системы и ловушки. А если он что-то и забыл, его упущение обязательно исправили Колокольники.

Вспышка прошла даже сквозь закрытые веки. Пламя лизнуло его лицо, голые плечи, ребра и ноги. Нож в его руке дернулся, но он продолжал держать его в радиусе поля даже тогда, когда ткань затлела и вспыхнула пламенем, а в руке возникло такое ощущение, словно ее запихнули в печь.

Затем он нырнул через окно на пол. Существовала двухсекундная пауза между перезарядкой поля после его активации, и Кикаха прыгнул, надеясь, что защита не успеет включиться. То, что он все еще был жив, хотя и обжегся, доказывало, что он правильно рассчитал время. Нож превратился в перекрученную, докрасна раскаленную полоску металла. Рубашка обуглилась, а его рука почернела и покрылась волдырями. В другое время ожоги его бы озаботили, но сейчас Кикаху могли остановить только серьезные увечья. Или смерть.

В этот момент мимо окна пролетела веревка с дымящимся концом. Лазер насквозь прожег дверь и пережег ее. Через минуту Колокольники кинутся за Кикахой вниз по лестнице, отыскивая на нижних этажах. Что же касается бедняги тевтона, то ему лучше самому позаботиться о себе. Большой лазер, несомненно, используют и против него. Если бы только у парня хватило здравого смысла дунуть вверх по лестнице, то он мог бы заставить Колокольников разделить силы.

Кикаха выглянул из дверей, не увидел никого и помчался по коридору. При выходе к подножию лестницы он посмотрел наверх, прежде чем пересечь площадку перед ней, и вновь не заметил никаких Колокольников. Он побежал дальше по коридору, а потом вниз по чрезвычайно длинной лестнице и дальше через коридор, мимо зала ретропсихических зеркал. Он миновал несколько лифтов, но не воспользовался ими. Колокольники могли заминировать их или по меньшей мере оснастить телекамерами. Он пробирался в комнату, где имелись тайные ворота, которые Кикаха приберегал на самый крайний случай. Не станет их активировать и сейчас. Но если его загонят в угол, то хотелось находиться рядом со спасительными воротами.

В комнате он выпотрошил кресло и вытащил из-под сиденья полумесяц.

Другая половинка находилась под основанием пьедестала. Статуя на вид весила не меньше полтонны, но пьедестал легко сдвигался. Кикаха заткнул оба полумесяца за пояс на спине и потуже затянул ремень. Половинки мешали двигаться, но служили страховкой, стоившей любых затруднений.

По всему дворцу имелись тысячи таких спрятанных половинок врат и тысячи других, неотмеченных, — в от-

крытых местах. Последними мог пользоваться всякий, но неосведомленный человек не будет знать, что его ждет на другом конце перехода. Даже Вольф не помнил, где находятся все спрятанные полумесяцы и куда ведут все те врата, что открыты. Вольф занес их все в кодовую запись, но и сам прибор был замаскирован и находился в центре управления.

Кикаха бежал очень быстро и все же оказался недостаточно стремителен. Когда он шагнул из комнаты, в дальнем конце коридора появился Колокольник. Другой выглянул из-за угла в противоположном конце. Они, должно быть, заметили его на экранах и явились сюда в надежде изловить заклятого врага. По крайней мере, у них хватило ума обойти его с двух сторон и отсечь пути к отступлению.

Кикаха отступил в комнату, дезактивировал силовое поле и выглянул из окна. Примерно шестнадцатью метрами ниже шел карниз, но у него не было веревки, чтобы спуститься. Ему не хотелось усмирять еще одно оконное поле без абсолютной необходимости. Кикаха вернулся к двери, высунул лучемер и, не высывая головы, выстрелил наугад в обоих направлениях. Послышались крики, но они показались далекими, поэтому он решил, что ни в кого не попал. Дверь комнаты напротив была закрыта. Он мог метнуться в нее через коридор, если не отыщет лучшего пути для бегства. Но если дверь окажется заперта, а это вполне возможно, то его накроют огнем с двух сторон. У Колокольников появится прекрасная возможность поразить Кикаху, когда он бросится обратно. Однако для сожалений не осталось времени.

Если бы он не задержался, доставая полумесяцы, то мог бы сбить погоню со следа. А теперь его снова загнали в угол. Ему ужасно не хотелось пользоваться вратами, ведь они вели в Таланак. Он понимал, что во второй раз вернуться во дворец будет намного труднее. Кроме того, тевтон окажется представленным самому себе, останется без поддержки. Кикаха чувствовал себя так, словно бросает его на произвол судьбы, но ничего с этим поделать не мог.

Он сложил два полумесяца, образуя круг. Когда он выпрямился, в дверной проем влетела граната и покатилась по комнате. Прокатилась около полутора метров и остановилась, вращаясь вокруг своей оси. Она находилась примерно в десяти метрах от Кикахи, а это означало, что он

находится вне досягаемости смертельного облака нейтронов.

Но сюда швырнут другие гранаты, оставленные им около тел сраженных талосов. Возможно, у Колокольников, имеется и свой запас такого оружия. А скоро сюда привезут и большой лазер. Бесполезно откладывать неизбежное, иначе враги лишат его и последней возможности улизнуть.

Глава XXII

Он шагнул во врата и очутился в камере храма Таланака. Здесь же находились Анана, краснобородые и множество тишкетмоаков. Они стояли у стены и о чем-то разговаривали. Заметившие его воины испытали потрясение. Кто-то подпрыгнул, а кто-то закричал, кто-то просто смотрел на него широко раскрытыми глазами. Кикаха шагнул вперед, и вдруг люди исчезли. Небо осталось беззвездным, но с запада на восток несясь небольшой пылающий объект, а объект помедленнее тащился на запад.

Над его головой висела наклоненная, словно пизанская башня, масса монолита, ярко пылая в небесах. Вдали, отражая свет планеты, сверкали мраморные здания Корада. В сотне ярдов от него взвод дракландских солдат заметил, что во вратах кто-то появился. Из-за холмов медленно всплывал темный продолговатый объект. Это был аэролет Колокольников.

Затем все пропало. Он очутился в пещере примерно трех метров в поперечнике и двух с половиной в высоту. Во входе врывались яркие солнечные лучи. В отдалении росло гигантское дерево с огромными лазурными листьями шестиугольной формы. За ним виднелось несколько алых кустов и зеленых лоз, поднимавшихся, казалось, без всякой опоры, как поднимается в воздух веревка под музыку факира-индуса. Еще дальше проглядывала тонкая голубая линия, белая нить и тонкая черная линия — море, прибой и черный песок пляжа.

Кикаха приходилось бывать здесь прежде. Этими вратами он пользовался, чтобы попасть на самый нижний уровень — уровень Сада — во время своих «каникул».

Оцепенев, Кикаха понял, что попал в резонансную цепь. Где-то кто-то установил устройство, ловившее всякого шагнувшего в любые из врат цепи. Пойманный не мог выйти,

потому что время активации было слишком кратким. Точнее, выйти-то Кикаха мог, но оказался бы разрезанным пополам. Одна часть останется на месте, а другая отправится путешествовать по кругу.

Пещера исчезла, и он очутился на макушке высокого узкого пика, который стоял среди таких же крытых скал. Сбоку сквозь ущелье можно было разглядеть пейзаж, похожий на Великие Прерии. Огромное стадо бизонов заполняло коричнево-зеленую степь, словно черное море. Проплыл, заклекотав, парящий ястреб. У него была изумрудно-зеленая голова и закручивающиеся спиралями перья на ногах. Насколько он знал, этот ястреб обитал только на Индейском уровне.

Затем все пропало, и он снова оказался в пещере. Она была больше, чем пещера Сада, и темнее. К полумесяцам врат прикреплялись провода. Они тянулись по зеленому полу за огромный валун примерно в шести метрах. Где-то звенела сигнализация. У противоположной стороны стоял шкафчик с открытыми дверцами. На полках лежало оружие и разного рода приборы. Он узнал эту пещеру, а также понял, что именно здесь кто-то замкнул резонансное кольцо. Но ловца Кикаха пока не видел. Хотя понятно, что, услышав сигнал тревоги, он поспешит взглянуть на добычу.

Затем все пропало, и он очутился в камере из каменных плит, склоненных в одном направлении, словно их толкнула огромная рука, а часть потолка обвалилась внутрь. Небо было зеленое, а монолит, часть которого он видел, тонким и парящим, и поэтому он понял, что находится в камере на уровне Атлантиды и что каменный столп — тот, который поддерживает дворец Властелина в тридцати километрах выше.

Внезапно он очутился там, откуда начал свое невольное путешествие с прыжками, как при игре в «классики». Он стоял в кольце полумесяцев в комнате дворца. На него палили двое Колокольников, а затем они подняли свои лучеметы. Кикаха выстрелил первым, так как знал, что вскоре ему придется воспользоваться оружием. Луч рассек их тела.

Тридцать четыре долой. Осталось шестнадцать.

Комната исчезла. Ахана и тигуда стояли теперь у врат. Кикаха крикнул ей:

— Резонансная цепь! Я попался!..

Он очутился на луне. Аэролет был теперь немного ближе, спускаясь вдоль склона холма. Сидевшие в нем, вероятно, еще не заметили Кикаху, но увидят на следующем обороте или чуть позже. Все, что им требуется, это держать луч поперек врат, и его разрежет, как только он появится.

Дракландские солдаты бежали теперь к нему. Некоторые стояли смирно, но взводили свои арбалеты. Кикахе не хотелось привлекать внимания Колокольников, поэтому он на сей раз воздержался от стрельбы.

Его перебросило в пещеру Сада. Затем он очутился на вершине пика на Индейском уровне и очень удивился тому, что ястреб влетел в район врат как раз в момент его появления. Ястреб поразился не меньше. Он заклекотал и, врезавшись в грудь человека, вонзил в нее когти. Защищая лицо, Кикаха выставил руку и почувствовал страшную боль, когда клюв ястреба впился в ее обгоревшую плоть. Толчок отбросил ястреба, но тот прихватил с собой по куску кожи и мяса. Ястреб вылетел за границу поля, но не был разрезан пополам. Ему лишь отсекло перья на кончике крыла: врата как раз активировались. Птицу перебросило в пещеру на Дракландском уровне.

Такого точного, до долей секунды, совпадения заранее рассчитать невозможно. Только что вошедший в пещеру чрезвычайно толстый человек держал в одной руке мертвого полуобугленного кролика, а в другой — лучемет. Он ожидал, что появится мужчина или женщина, хотя, конечно, не мог знать, когда именно, но не ожидал когтей и клюва kloкочущей от ярости птицы.

Кикаха увидать, как Джудубра выронил кролика и лучемет и вскинул руки, защищая лицо. Затем Кикаха очутился в камере атлантов. Он присел и подпрыгнул вверх, стараясь, чтобы ни одна часть его тела не вышла за пределы поля. На пике своего прыжка он оказался в дворцовой комнате. Но его прыжок, предназначенный для того, чтобы вознести его над лучом, который могли направить поперек круга, не пригодился. Двое Колокольников валялись на полу, почерневшие, в сгоревшей одежде. В комнате было не продохнуть от запаха обгоревших тел. Он не знал, что тут случилось, но предполагал, что на следующем круге в этой комнате вновь окажутся Колокольники. Они, как он надеялся, будут знать о происходящем не больше, чем он. Однако они не настолько глупы, чтобы не

понять, что убийца выскочил из врат, а потом вскочил обратно. И станут ждать.

Он очутился во вратах храма в Таланакке. Анана исчезла. Жрец Витрус крикнул ему:

— Она прыгнула во врата! Она тоже попала в ловушку...

Кикаха очутился на луне. Аэролет приблизился, но не прибавил скорости. Внезапно включился мощный прожектор на его носу, и луч света двинулся в сторону врат. Возможно, Колокольники в аэролете заметили волнение бегущих туда солдат, которые нацелили арбалеты, и включили свет, чтобы выяснить причину суматохи.

Раздался свист, когда арбалетчики выпустили свои стрелы. Но Кикаху уже перенесло в пещеру на уровне Сада. Следующая остановка — маленькая плоская площадка на вершине пика. Он посмотрел себе на грудь, с которой капала кровь, и на руку, тоже окровавленную. Боль его почти не беспокоила. Куда больше его волновала безысходность ситуации и неизбежный конец. До него доберутся либо толстяк в пещере, либо Колокольники. Толстяк, избавившись от ястреба, мог спрятаться за валуном и испепелить Кикаху, когда он появится. Существовала, конечно, надежда, что Джудубра захочет захватить его в плен.

Кикаха очутился в пещере. Ястреб и толстяк лежали мертвые, почерневшие, и ноздри Кикахи забил запах обгоревших перьев и мяса. Существовало только одно объяснение: их сразила Анана, которая перемещалась по замкнутой цепи впереди него. Джудубра, должно быть, боролся с ястребом, и поэтому Анана застала его врасплох.

Кикаха сильно сомневался, что она влюблена в него. Но странно: она была готова пожертвовать жизнью, пытаясь спасти леблabbия. У нее было мало времени, чтобы разобраться, что происходит, но она не стала тратить времени на расчеты и бросилась во врата. Она, вероятно, знала, чем рискует, если не угадает момент активации. Анана увидела, как он появился и исчез, а затем решила действовать на свой страх и риск.

Он подумал, что на такое способна только влюбленная женщина.

Но раз она могла заскочить, не пострадав, то он мог выскочить. Когда материализовались, словно гигантский волшебный замок, атлантические развалины, он прыгнул вперед. Кикаха приземлился на полу комнаты во дворце,

но не смог избежать раны. Его пятка болела так, словно в нее вцепилась крыса. Кусочек кожи срезало дезактивирующим полем.

Затем во вратах кто-то появился. Это была Анана.

— Какие-нибудь предметы! — выкрикнула она. — Бросайте их в круг...

Она пропала.

Ему не пришлось ломать голову над тем, что она пыталась сказать. Во время скачек по кругу он додумался, как остановить резонансную цепь. Можно либо отключить активирующее устройство, либо заполнить пустые врата какими-нибудь массивными предметами. Когда все врата будут заполнены, кругооборот прекратится.

Несведущий человек попытался бы рассоединить полумесяцы врат, но это бы не помогло. Резонансная цепь включала магнитное притяжение между полумесяцами, разорвать его могли только особые устройства, а они, должно быть, заперты в арсенале дворца.

Не спуская глаз с двери, с лучемером наготове он подтащил тело Колокольника к полумесяцам. Он подсчитывал секунды, пытаясь вычислить приблизительное время появления Ананы. И пока он считал, видел уголком глаза как во вратах появляются и исчезают различные предметы. Появилась бочка, перерезанный по талии торс драк-ландского солдата, половина большого серебряного сундука с рассыпавшимися самоцветами, большая нефритовая статуя и безголовое, безногое, почти бескрылое тело зеленой орлицы.

Его охватила лихорадочное беспокойство. Тиуда в Талане, должно быть, выполняли приказ Ананы, отданный ею перед тем, как она прыгнула во вращающуюся ловушку. Они бросали предметы во врата все, что попадалось под руки. Но цепь могла разомкнуться и тогда, когда Анана окажется на луне, и, вполне возможно, что будет схвачена или убита.

Он собрался было опрокинуть во врата тело Колокольника, но там появилась Анана. И никуда не исчезла, как в прошлый раз.

Кикаха пришел в такой восторг, что едва не перестал следить за дверью.

— Удача не покидает нас! — воскликнул он. Потом сообразил, что его могут услышать в коридоре, и тихо добавил: — Нам повезло, что ты оказалась именно здесь! Шан-

сы, что цепь остановится рядом со мной, были почти нулевыми.

— Шанс тут ни при чем, — ответила Анана.

Она шагнула из врат, обняла и поцеловала его. В любое другое время он пришел бы в восторг, теперь же только и сказал:

— Позже, Анана. Колокольники.

Она отступила и предупредила:

— Через секунду здесь появится Нимстоул. Не стреляй.

Маленький человечек внезапно очутился во вратах. Один лучемет был у него в руке, а другой — за поясом. Еще у него имелись нож и намотанная вокруг плеча веревка. Кикаха отвел свой лучемет от двери и направил его на Нимстоула.

— В этом нет необходимости, — сказал Нимстоул. — Я ваш союзник.

— До каких пор? — уточнил Кикаха.

— Все, что я хочу сделать, это вернуться в свой собственный мир, — заверил его Нимстоул. — С меня больше чем достаточно этих убийств и пребывания на грани смерти. Во имя Шамбаримена, разве одной вселенной недостаточно для человека?

Кикаха ему не поверил, но решил, что Нимстоулу можно будет доверять, пока не умрет последний Колокольник.

— Я не знаю, что происходило там, за дверью, — сказал он Властелинам. — Я ожидал атаки, но Колокольники почему-то медлят. У них там большой лазер. И они в любой момент могут выстрелить и поджарить нас всех.

Он спросил у Ананы, что с ней случилось, хотя и сам догадывался. Она ответила, что ловушку с вратами придумал Джудубра, но его, вероятно, застрелил тот, за кем он охотился. Нимстоул попал в пещеру и нашел своего партнера мертвым. Нимстоулу надоело прятаться, он решил вернуться в собственный мир. А перед этим, конечно, как и положено Властелину, стереть в порошок Колокольников. Он отключил резонансный прибор, когда увидел, как во вратах появилась Анана. Через несколько секунд они вдвоем настроили резонатор так, чтобы он доставил двух человек с безопасными интервалами во дворец, где Анана видела Кикаху.

— Что ты хочешь этим сказать? — переспросил Кикаха. — Мне пришлось выпрыгивать! Я выскочил, но потерял кожу с пятки.

— Конечно, ты никак не мог этого знать,— сказала она.— Но если бы ты не прыгнул, то минуту спустя вышел бы совершенно безопасно.

— В любом случае, ты бросилась за мной,— решил он.— А это для меня самое главное.

Анана озабоченно оглядела Кикаху. Он обгорел, и из его ран все еще капала кровь. Анана вздохнула, но ничего не сказала. Помочь ему было нельзя до тех пор, пока они не отыщут какие-нибудь медикаменты. Аптечка скорой помощи могла находиться рядом, они ее непременно найдут, если троица, конечно, сможет выбраться из этой комнаты.

Кому-то должен был рискнуть и глянуть, что творится в коридоре. Нимстоул не собирался записываться в добровольцы, а Кикаха не хотел, чтобы это делала Анана, и поэтому выглянул сам. Вместо ожидаемого лазерного луча он увидел пустой коридор. Кикаха позвал Властелинов и повел их в комнату, которая располагалась примерно на четверть мили дальше по коридору. Здесь он продезинфицировал свои раны и ожоги, наложил на них псевдокожу и выпил лекарство, которое снимало боль и ускоряло восстановление крови. Все трое поели и напились, пока обсуждали дальнейшие планы.

Говорить особенно было не о чем. Прежде чем строить планы, предстояло выяснить, куда подевались Колокольники.

Глава XXIII

Они вышли к огромной лестнице, ведущей на этаж с центром управления, но так никого и не встретили. Одолев несколько пролетов, наткнулись на тело мертвого Колокольника с сожженными ногами, а за обуглившимся диваном лежал другой Колокольник. У этого обгорел бок, но, судя по степени ожога, энергию луча частично поглотила баррикада из мебели. Он еще дышал.

Кикаха осторожно приблизился к нему и, удостоверившись, что Колокольник не прикидывается потерявшим сознание, опустился рядом с ним на колени. Он собирался похлопать его по щекам, чтобы привести в чувство, а затем допросить. Но едва он приподнял голову, Колокольник открыл глаза.

— Лувах! — воскликнула Анана. — Мой брат! Один из моих братьев! Но что он здесь делает? Как...

Она вертела в руках предмет, который, должно быть, подобрала под диваном. Прекрасная вещь из какого-то серебристого металла изгибом и формой напоминала рог африканского буйвола. Однако на выходном отверстии имелся широкий раструб, а на другой конец насажен мундштук из золотистого материала. Наверху рога вытянулись в ряд семь маленьких кнопок.

Кикаха сразу узнал рог Шамбаримена. Восторг и надежда одним рывком подняли его на ноги.

— Вольф вернулся! — воскликнул он.

— Вольф? — переспросила Анана. — А, Джадавин. Наверное. Но что делает здесь Лувах?

У Луваха было лицо, которое при нормальных обстоятельствах казалось бы привлекательным. Он был Властелином, но со своим курносым носом, широкой губой, веснушками и светло-голубыми глазами легко мог бы сойти за ирландца.

— Поговори с ним, — предложил Анане Кикаха. — Может быть, он...

Она опустилась на колени рядом с Лувахом и что-то зашептала на ухо. Он, похоже, узнал сестру, но выражение его лица могло означать все, что угодно.

— Он в таком состоянии, что не помнит меня, — сказала она. — Либо боится. Возможно, он думает, что я собираюсь убить его. Вспомни, я же Властелин.

Кикаха сбегал по коридору в комнату, где можно было набрать воды. Он принес полный кувшин, и Лувах жадно напился. Затем он шепотом рассказал Анане свою историю.

Спустя несколько минут она поднялась и пересказала ее своим спутникам:

— Он попал в ловушку, устроенную Уризеном, нашим отцом. Так, во всяком случае, он думал в то время, хотя на самом деле ее устроила Вала — наша сестра. Они с Джадавином-Вольфом стали друзьями. Вольф и его женщина — Хрисеида — попали в ловушку вместе с другими, с еще одним братом и несколькими кузенами. Он говорит, что история эта слишком длинная, чтобы рассказывать ее сейчас. Уцелели только Лувах, Вольф и Хрисеида. Они вернулись, воспользовавшись рогом. Он, как ты знаешь, может воспроизвести резонанс любых врат, если только те

не переключаются наугад, безо всякой системы. Они вернулись через ворота в тайное отделение центра управления. Затем Вольф заглянул в главный зал через монитор. В нем никого не было. Он переключился на другие видеокамеры и увидел множество убитых людей и талосов. Вольф, конечно, сперва не знал, что эти люди — Черные Колокольники, а потом увидел ранцы с матрицами. Вольф все еще не улавливал главного. Ничего удивительного — ведь прошло столько времени — десять тысяч лет! Вольф прошел через ворота в центр управления вместе с Хрисеидой. Просто для страховки он отправил Луваха через ворота в комнату этажом ниже. Если бы кто-то напал на них в центре управления, то Лувах мог бы нанести удар с тыла.

— Вольф — не дурак, — согласился Кикаха.

Он гадал, почему Вольф не заметил живых Колокольников, но вспомнил, что дворец был таким огромным, что можно потратить много дней, прежде чем осмотр всех комнат закончится. Вольфу, вероятно, так не терпелось отдохнуть после своих, несомненно, мучительных приключений и так радостно было опять оказаться дома, что несколько погорячился и поддался спешке. Кроме того, центр управления и прилегающие к нему коридоры в тот момент оказались пустыми.

— Лувах сказал, что он поднялся по лестнице и собирался войти в центр управления и сообщить Вольфу, что все чисто. Тут-то в самых больших воротах и появились два человека — Колокольники, конечно. С ними были части разобранного аэролета и большой лазер.

— Фон Турбат и фон Свиндебарн! — догадался Кикаха.

— Скорее всего, — согласилась Анана. — Они поняли, что случилось какая-то неприятность после твоего появления и исчезновения во воротах на луне, а потом и моего вояжа. Они прекратили поиски и...

— Расскажешь мне все остальное, пока я несу Луваха, — перебил ее Кикаха. — Мы доставим его в комнату, где сможем заняться ожогами.

Нимстоул прикрывал тыл, а Анана следила, что происходит впереди. Кикаха отнес потерявшего сознание Луваха в комнату, где не так давно лечился сам. Здесь он применил противошоковые медикаменты, средства, восстанавливающие кровь, и наложил псевдокожу на раны Луваха.

Тем временем Анана продолжала рассказ.

Два лидера Колокольников ожидали любого подвоха и были наготове. Они выстрелили из большого лазера и вынудили Вольфа с Хрисеидой укрыться между гигантских пультов и консолей. Лувах нырнул и спрятался за пультом неподалеку от дверей. Колокольники вели непрерывный огонь, пока им на помощь через ворота входило множество солдат. С ними вместе прибыло существо, показавшееся Лувахи странным. По его описанию Анана узнала Подаргу. Лувах видел ее не дольше секунды, но решил, что пернатая тварь потеряла сознание. Ее несли несколько солдат.

— Подарга! Я думал, что она воспользовалась воротами в пещере, чтобы убраться с луны. — Кикаха недоумевал. — Интересно...

Несмотря на серьезность ситуации, он не мог удержаться от смеха. Одни из врат отправили бы ее в пещеру на уровне Атлантиды. Там имелось шесть или семь врат, все помеченные, на какой уровень они доставят путешественника, но все знаки лгали, а код знали только Кикаха, Вольф и Хрисеида. Конечно, гарпия воспользовалась полумесяцем, который будто бы отправит ее на Атлантический уровень, чтобы очутиться сравнительно недалеко от дома. Но снова оказалась на луне, в той же самой пещере.

Почему же тогда там находилось только четыре полумесяца, когда ее возвращение должно было довести число половинок до пяти?

Подарга тоже была хитра. Должно быть, она бросила что-то во врата, оставив только четыре полумесяца. Поскольку Шуптарп не упомянул о детенышах больших белых обезьян в пещере, она, должно быть, пустила их вместо себя. Наверное, потому что страдала подозрительностью — какие еще мотивы имелись у безумной полуженщины-полуптицы? В любом случае она выбрала возможность остаться на луне. Колокольники, вероятно, именно на нее и охотилась в развалинах Корада, когда Кикаха увидел их, находясь в резонансной цепи.

Появившиеся солдаты отрыли огонь из лучеметов, и Лувах был вынужден отступить из центра управления. Это удивило Кикаху. Должно быть, Колокольники дошли до крайнего отчаяния, если выдали дракландцам такое опасное оружие.

Отступая, Лувах убил много преследователей, а затем сам получил тяжелый ожог. Он успел укрыться за диваном

и в упор расстрелял врагов. Шестеро убитых носили на спине ранцы.

— Вольф! Хрисеида! — воскликнул Кикаха. — Мы должны сейчас же отправляться к ним на помощь! Возможно, они нуждаются в нас!

Несмотря на свой неистовый порыв, он сумел взять себя в руки, прежде чем они добрались до центра управления. По пути они прошли мимо обугленных тел — свидетельства героической битвы Луваха.

Кикаха торопился и вел остальных быстрее, чем требовала осторожность, но полагал, что Вольф в этот самый миг остро нуждается в нем. Путь к центру управления устилала обугленные трупы и поврежденная мебель. Вонь от пережаренного мяса становилась тем сильнее, чем ближе они подходили к своей цели. Кикаха замер на пороге зала. Он боялся, что Вольф и Хрисеида пережили столь многое только для того, чтобы оказаться убитыми по возвращении домой.

Кикаха мысленно подбодрил себя и, пригнувшись, вбежал в центр. Огромное помещение выглядело безмолвным, как червь в труп. Повсюду валялись убитые, включая четверых Колокольников, но ни Вольфа, ни Хрисеиды не было.

Кикаха испытал облегчение — они сбежали. Но куда? Беглый осмотр показал, где они дали свой последний бой. Они окопались в углу у задней стены за огромным щитом видеомониторов. Экраны вдребезги разлетелись от лучей лазеров, а металл шкафа был расправлен и разрезан. То тут, то там за пультами валялись тела дракландских солдат, попавших под лучи Вольфа или Хрисеиды.

Фон Турбат, он же Граумграсс, и фон Свиндебарн тоже погибли. Они лежали у большого лазера, который продолжал стрелять, пока у него не иссякла энергия. В стене, куда он целил, дымилось двенадцатифутовое отверстие, а по полу растекалась лужа все еще горячего металла. Фон Турбата разрезало почти пополам, фон Свиндебарна зажарило от бедер до макушки. К их спинам все еще были пристегнуты ранцы.

— Остался только один уцелевший Колокольник, — прикинул Кикаха.

Он вернулся к углу, где сражались Вольф и Хрисеида. Здесь к металлическому полу был прикреплен большой серый металлический диск. Должно быть, это были новые

врата, установленные Вольфом после последнего визита Кикахи во дворец.

— Анана, — сказал он, — возможно, мы сумеем выяснить, куда ведут эти врата, если Вольф занес их в свою кодовую книгу. Он, должно быть, оставил мне записку, если у него нашлось время. Но ее могли уничтожить Колокольники. А может, и нет. Мы сперва должны отыскать того последнего и единственного Колокольника. Если он убрался отсюда, вернувшись через врата в твою вселенную или же к Нимстоулу с Джудуброй, то мы получим настоящую проблему.

— Это вызывает такой страх! — Анана содрогнулась. — Почему Властелины не бросят драться между собой и не объединятся, чтобы избавиться от Колокольников?

Она пошла прочь. Ее паника, вызванная звоном в мозгу от близости ранцев Колокольников, бросалась в глаза.

— Я должна убраться отсюда, — сказала она, — или, по крайней мере, отойти на некоторое расстояние.

— Я еще раз осмотрю трупы, — сказал он. — погоди! Где Нимстоул?

— Он был здесь, — ответила она. — Я думала, что... Нет, я не знаю, куда он исчез!

Кикаха почувствовал раздражение оттого, что она не уследила за маленьким Властелином, но воздержался от замечаний, поскольку гневом делу не поможешь. Кроме того, похоже, звон в голове сводил ее с ума.

Она поспешно покинула центр. Кикаха прошел через помещение, проверяя каждое тело, заглядывая во все закоулки.

— Вольф и Хрисеида, безусловно, хорошо постояли за себя, — сказал он. — Но как они искривляли лучи, чтобы достать врагов за пультами? Не верится, что два человека способны навалить такую гору трупов. И куда же подевалась Подарга?

Он подошел к дверям, где Анана наблюдала за коридором.

— Я не могу взять этого в толк, — сказал он ей. — Если Вольф убил всех нападавших, что маловероятно, то зачем ему с Хрисеидой понадобилось уходить через врата? И как, черт побери, Вольф сумел сразить лучом двух Колокольников, когда те могли изжарить его первым же выстрелом из лазера? Где Подарга и недостающий Колокольник?

— Наверное, они тоже ушли через врата в разгаре боя, — предположила Анана. — Или, воспользовавшись паникой, Подарга вылетела из центра управления.

— Да, а куда подевался Нимстоул? Пошли. Начнем поиски.

Она застонала. Он не винил ее. Они оба едва держались на ногах, но не могли сейчас остановиться. Он помог ей подняться, и вскоре они изучали тела в коридорах за пределами центра управления. Он удостоверился, что убил двух Колокольников ракетами-шпионами. Пока они рассматривали солдата, сгоревшего во время боя с Лувахом, до них донесся стон.

С лучеметами наготове они с двух сторон приблизились к перевернутому бюро. За обгорелой мебелью они обнаружили Нимстоула, который сидел, привалившись спиной к стене. Он держался за правый бок, и сквозь пальцы сочилась кровь. Рядом лежал человек с пристегнутым ранцем.

Это был последний Колокольник. В живот ему загнали нож по самую рукоятку.

— У него был лучемет, — сказал Нимстоул, — но заряд, кажется, истощился. Он попытался подкрасться и убить меня ножом.

Кикаха осмотрел рану Нимстоула. Хотя кровь текла обильно, рана была неглубокой. Он помог Властелину подняться, а затем удостоверился, что тот не припрятал оружия. Он поднял его на руки и отнес в комнату, где спал Лувах. Там наложил на рану коротышки псевдокожу и дал ему выпить немного лекарства для восстановления крови.

— Он мог бы добраться до меня, — жаловался Нимстоул. — Он так быстро прыгнул! Но этот сигнализатор вовремя предупредил меня.

Он поднял руку с таким же, как у Ананы, кольцом.

— Все Колокольники мертвы, — облегченно вздохнула Анана.

— В это трудно поверить, — отозвался Нимстоул. — Наконец-то! И последнего убил я!

Кикаха улыбнулся, но воздержался от комментариев, а просто предложил:

— Ладно, Нимстоул, поднимайся-ка на ноги и не пытайся что-нибудь выкинуть. Я на время запру тебя.

Он снова обыскал Нимстоула. Тот принял позу оскорбленного достоинства и возмутился:

— Почему ты так поступаешь со мной?

— Я не желаю идти на ненужный риск. Я хочу проверить тебя. Пошли. Дальше по коридору есть комната, в

которой я тебя запру, пока не удостоверюсь, что ты безопасен.

Нимстоул всю дорогу протестовал, и Кикаха, прежде чем запереть его, спросил:

— Зачем ты ушел так далеко от центра управления? Тебе полагалось быть с нами. Ты ведь не убегал от нас, верно?

— Ну и что с того, что убегал? — огрызнулся Нимстоул. — Битва закончилась, или я, по крайней мере, так думал. Я собирался вернуться в свою вселенную, прежде чем эта сука Анана попытается убить меня, так как теперь она во мне не нуждается. Я не мог уповать на то, что ты удержишь ее. В любом случае не так уж плохо, что я покинул вас. Если бы я этого не сделал, Колокольник мог бы уйти или устроить засаду.

— Может быть, ты и прав, — согласился Кикаха. — Но, так или иначе, ты останешься здесь.

Он закрыл дверь и запер ее, нажав кнопку в стене.

Глава XXIV

После этого они с Ананой продолжили поиски. Они могли бы поберечь ноги, осматривая комнату за комнатой с помощью видеомониторов в центре управления, поскольку через них можно было увидеть все комнаты и коридоры дворца. Правда, Вольф перед уходом отключил их, зная, что Кикаха легко сможет их активировать, если наведается во дворец. Колокольники же не сумели включить систему и не располагали ни временем, ни достаточным числом рук, чтобы перемонтировать пульта. Теперь же Кикаха не мог воспользоваться мониторами, потому что во время боя они были уничтожены.

Они осмотрели сотни комнат, дюжины коридоров, десятки лестниц и все же охватили лишь малую часть одного крыла главного корпуса. Они решили, что им надо подкрепиться и выспаться. Они проверили состояние Луваха, который спал, и заказали из кухни обед. Поев, Кикаха захотел подняться в центр управления и удостовериться, что там не произошло ничего важного. Он питал надежды, что может вернуться Вольф, хотя это казалось маловероятным. Скорее всего, врата действовали в одну сторону, а рог Шамбаримена остался у Луваха.

Они потащились обратно вверх по лестнице: Кикаха не хотел пользоваться лифтами, пока не удостоверится, что Колокольники не успели их заминировать. Перед тем как войти в центр управления, он остановился.

— Ты что-нибудь слышала?

Она покачала головой. Он жестом велел ей прикрыть его, прыгнул к двери и покатился по полу за пульт управления. Некоторое время он лежал там, прислушиваясь. Вскоре он услышал тихий стон. Затем последовала тишина и еще один стон. Кикаха пополз от пульта к пулту, ориентируясь на звук. Увидев Подаргу, он удивился, но не потерял бдительности. Перья гарпии почернели и выпускали зловоние, ноги обуглились так, что отвалились некоторые пальцы. Груды превратились в коричнево-красное мясо. Рядом с ней лежал лучемер, когтистая лапа стискивала его рукоять.

Она проникла в центр, пока они с Ананой отсутствовали, и кто-то подстрелил ее. По-прежнему ползком он произвел разведку и через минуту обнаружил стрелявшего. Это был Шуптарп, которого он считал убитым. Но теперь Кикаха вспомнил, что не видел его среди трупов. Правда, некоторые обуглились до неузнаваемости.

Значит, тевтон сбежал от Колокольников и, вероятно, спрятался на нижних этажах. Он вернулся выяснить, что происходит. Подарга тоже вернулась после своего побега из центра в разгар боя между Колокольниками и Вольфом. Эти двое, не имевшие на самом деле никаких причин конфликтовать, смертельно обожгли друг друга.

Кикаха заговорил с тевтоном, и тот в ответ что-то проворкотал. Кикаха нагнулся к нему поближе. Слов было почти не разобрать, но некоторые из них он уловил. Они не походили на немецкие. Баронет заговорил на языке Властелинов!

Кикаха вернулся к Подарге. Ее открытые глаза тускнели, словно на них слой за слоем накладывали вуали смерти.

— Подарга! — позвал Кикаха. — Что случилось?

Гарпия застонала, а потом что-то произнесла, и Кикаха снова поразился. Она тоже заговорила на языке Властелинов!

После этого она умерла.

Кикаха позвал Анану. Пока она стояла на страже, он попытался допросить Шуптарпа. Тевтон находился в глубоком

шоке и быстро умирал. Но он, казалось, узнал Кикаху, хотя только на миг. Наверное, жажда жизни, нахлынув, придала ему столько сил, что он сумел высказать просьбу, способную спасти его — если бы Кикаха проявил милосердие.

— Мой колокол... там... надень его... мне на голову... Я буду...

Губы его дернулись, в горле что-то забулькало.

— Ты вселился в Шуптарпа? — спросил Кикаха. — Овладел им, вместо того, чтобы убивать? Кто ты?

— Десять тысяч лет, — прошептал Колокольник. — А потом... ты...

Глаза его поблекли, словно в мозг сыпалась пыль, челюсть отвисла, будто подъемный мост для выпуска души — если у Колокольников имелись души. А почему бы и нет, если они имелись у других? Колокольники были смертельными врагами всех разумных существ, особенно ужасными из-за захвата сознания. Но в действительности они являлись не более злобными и смертельными, чем любой другой враг. Захват хотя и казался особенно ужасным, он не был таковым для жертвы, чей разум умирал прежде, чем в тело всеялся Колокольник.

— Третий Колокольник захватил мозг Шуптарпа, — сказал Кикаха. — Затем, он, должно быть, сбежал на верхние этажи, рассчитывая, что если до меня не доберутся его дружки, то он-то позже обязательно доберется до меня. Он думал, что я приму его за Шуптарпа. Теперь — Подарга... Я бы предположил, что Колокольник переправился в нее на луне, но этого не может быть. На луне были только два Колокольника: фон Турбат и фон Свиндебарн. А Лувах сказал, что видел, как они прошли через ворота в центр управления. Поэтому передача, скорее всего, произошла после того, как скрылись Вольф и Хрисеида. Один из этих Колокольников вселился в Подаргу, но не раньше, чем эти двое перебили находившихся с ними дракландских солдат, чтобы придать сражению вид, будто все они были убиты Вольфом и Хрисеидой. Потом один из Колокольников вселился в Подаргу, а другой — в солдата, которого пощадили для этой цели. Вот в теле этого солдата Колокольник и прыгнул на Нимстоула. Так что теперь фон Турбат и фон Свиндебарн мертвы, несмотря на все их хитрости, а Колокольник в теле Подарги, должен был, держу пари, притвориться, будто она оставила попытки добратся до меня. Она должна была молить меня о дружбе и вести

себя так, словно действительно раскаивается, а когда моя бдительность ослабнет — убить. Знаешь, это действительно смешно. Ни Подарга-Колокольник, ни Шуптарп-Колокольник не знали, что другой — это тоже замаскированный Колокольник, и поэтому убили друг друга.

Кикаха захохотал, но вдруг замолчал и снова стал серьезным.

— Вольф и Хрисеида где-то застряли. Давай сходим в библиотеку и заглянем в кодовую книгу. Если он занес туда эти врата, то мы можем узнать, куда их занесло и насколько это опасно.

Они направились к двери. Кикаха немного поотстал, потому что его опечалил вид мертвой Подарги. Она обладала лицом Ананы, и одного этого хватило, чтобы испортить настроение — она выглядела, словно мертвая Анана. Он подумал о безумии гарпии, той муке, которую она терпела три тысячи двести лет. Гарпия могла бы снова оказаться в женском теле, если бы приняла предложение Вольфа, но слишком уж углубилась в свое безумие, она хотела страдать, а больше того желала страшно отомстить человеку, вместившему ее в тело гарпии.

Анана остановилась так внезапно, что он чуть не врезался в нее.

— Этот звон! — простионала она. — Он начался опять!

Она закричала и одновременно вскинула лучемет. Кикаха уже выстрелил. Он едва не задел Анану, его луч ударил в дверной проем прежде, чем кто-нибудь там появился. И теперь лучемет работал на полную мощность, оружие не сжигало, а скорее резало. Луч отсек кусок левого плеча Нимстоула.

Нимстоул отпрыгнул назад.

Кикаха подбежал к двери и замер, не рискуя выглядывать в коридор.

— Это фон Турбат или фон Свиндебарн! — крикнул он Анане.

В его голове выстроилась стройная цепочка. Один из двух вождей забрался в Подаргу, другой переключился в тевтона. Затем они сожгли свои бывшие тела и покинули центр управления, отправившись каждый своей дорогой, надеясь истребить своих врагов.

Тот, что был в теле тевтона, напал на Нимстоула. Наверное, он действительно ранил Властелина, но все равно вынужден был вселиться в него.

Нет, это абсолютно невозможно. Для захвата тела требовалось два Колокольника. Иначе кто бы поместил ему на голову матрицу?

Выходит, Колокольник в теле Подарги сопровождал лже-солдата. Он помог оглушить Властелина и после переноса сознания удалился. Лже-Нимстоул пырнул ножом лишенного разума солдата, а перед Кикахой разыграл роль коротышки. Подозрительность Кикахи разрушила его планы. Он запер Колокольника, но тот каким-то образом сумел выбраться. Может, у него имеется лазер, вживленный в тело?

Нимстоул-Колокольник вернулся, надеясь застать врасплох Анану и Кикаху. В случае удачи он мог бы восстановить свою расу и привести ее к господству. Но Колокольник не удержался и прихватил с собой матрицу-колокол. Именно поэтому Анана почувствовала его приближение.

Допустим, перейти из тела солдата в тело Нимстоула помогла Подарга. А если не она, то по дворцу бродит еще один Колокольник, которого предстоит найти и уничтожить. Но сперва нужно расправиться с Нимстоулом.

Кикаха выждал минут десять и решил действовать. Если Колокольник остался на ногах, то мог уйти далеко. Значит, можно покинуть центр управления, не опасаясь выстрела в упор. Если же враг лежит в коридоре, истекая кровью, то им тоже ничего не угрожает. Хуже, если рана у него несерьезная. Тогда он дожидается, чтобы использовать свою последнюю возможность.

Ожидать какого-то знака со стороны было бессмысленно. Кикаха велел Анане отойти, разбежался и прыгнул в дверной проем. В прыжке он развернулся и нажал на курок. Луч скользнул по стене, прочертив в мраморе канавку. Сместить прицел ничего не стоило.

Но Колокольник и не пытался сопротивляться. Он сидел в луже крови, вытекающей из раны, прислонившись спиной к стене. Лучемет валялся у ног. Голова откинута, челюсть отвисла. Кожа начинала синеть.

Кикаха упал на пол, вскочил на ноги и медленно приблизился к Колокольнику. Убедился, что он безопасен и нащупал пульс. Лучемет валялся у ног. Голова откинута, челюсть отвисла. Кожа начинала синеть.

Кикаха упал на пол, вскочил на ноги и медленно приблизился к Колокольнику. Убедился, что он безопасен и нащупал пульс. Нимстоул открыл глаза.

— Мы — обреченный народ, — прошептал он. — В нашем распоряжении имелось все, чтобы завоевать галактику, а нас уничтожил один человек.

— Кто ты? — спросил Кикаха. — Граумграсс?

— Я Граумграсс, король Колокольников. Сначала я находился в теле фон Турбата, а потом в теле солдата.

— Кто помог тебе перейти в тело Нимстоула?

Колокольник взглянул на него с надеждой.

— Ты не знаешь? — обрадовался он.

Анана сняла с него ранец, открыла и с отвращением извлекла матрицу-колокол.

— Возможно, ты решил унести эту тайну в могилу, — сказала она. — Но у тебя ничего не получится. Мы узнаем, кто этот Колокольник и что он собирается делать. Держи его голову, — велела она Кикахе. — Я помещу на нее эту штуку.

Граумграсс попытался сопротивляться, однако сил ему не хватило.

— Что вы задумали со мной сделать? — гневно закричал он.

— Сейчас твой разум перейдет в матрицу-колокол, — ответила Анана. — Ты и сам это прекрасно знаешь. Тело умрет, но мы найдем здорового раба и поместим в него твой разум. И тогда ты изведешь невыносимые пытки и расскажешь все, что мы захотим узнать.

Граумграсс снова закричал и принялся вырываться, но Кикаха легко удерживал его, а Анана наложила на голову черный купол матрицы. После этого глаза Колокольника остекленели, и смерть простучала кастаньетами, вырываясь из горла. Анана приподняла матрицу, две иглы тут же втянулись в темное дно.

— Надеюсь, что разум перешел раньше, чем умерло тело, — сказал Кикаха. — Но я не позволю разрушать мозг человека, оживляя это дерьмо ради информации. И не надо объяснять, насколько она нам важна.

— Я это знала с самого начала, — призналась Анана. — И не собираюсь губить еще одну человеческую душу. Ты многому меня научил, я, похоже, вернула какую-то часть потерянной гуманности. К тому же здесь нет живых тел, которые можно использовать для этой цели.

Она молча взглянула на Кикаху.

— Не смотри так, Анана! У меня не хватит духу, — признался он.

— И мне не хочется подвергать тебя такой опасности.

— Но я же...

— Я тебя не виню, — она криво улыбнулась. — Это сделаю я.

— Но...

Он замолчал. Это требовалось сделать, и если бы она не вызвалась добровольно, то это сделал бы он, хотя и очень неохотно. Он чувствовал стыд, что подвергает ее тяжелому испытанию, но не настолько, чтобы настаивать на своей кандидатуре. Кикаха был храбрым человеком, но этот акт требовал больше, чем он имел. Полная беспомощность сделала из него труса. Чувство страха было невыносимым.

— Здесь есть наркотики, способные развязать язык любому, — сказал он. — Я полагаю, что они без труда вытянут из тебя — я имею в виду Колокольника — всю информацию об уцелевшем противнике. Но ты действительно считаешь это необходимым?

Он знал ответ. Просто не мог смириться с мыслью, что Анана покорится колоколу.

— Ты знаешь, какой ужас я испытываю перед колоколом, — ответила она. — Но я вложу в него свой разум и впущу одну из этих тварей в свое тело, если это наведет на след последнего Колокольника, последнего раз и навсегда.

Он хотел возразить, но удержал язык за зубами. Это требовалось сделать.

Хотя Кикаха называл себя трусом за то, что сам не мог решиться на такое испытание, и по его коже пробегали мурашки от страха за нее, — все-таки он позволил ей воспользоваться колоколом.

Прежде чем подвергнуться захвату, Анана прильнула к нему и яростно поцеловала.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Я не хочу этого делать! У меня такое чувство, словно я кладу себя в могилу как раз тогда, когда могла бы обрести твою любовь.

— Мы могли бы просто обыскать вместо этого дворец, — сказал он. — Мы бы обязательно выкурили Колокольника.

— Если он скрылся, мы никогда не узнаем, кого искать, — возразила она. — Нет. Действуй! Сделай это! Быстрее! Я сейчас чувствую себя так, словно умираю.

Анана лежала на диване. Она закрыла глаза, пока он надевал ей на голову колокол. Затем он держал ее, пока тот не завершил свою работу. Ее дыхание, быстрое и неглубокое от беспокойства, через некоторое время замедли-

лось, веки затрепетали и открылись, глаза смотрели так, словно свет в них застыл во времени, замерз в какой-то странной неподвижности.

Подождав несколько лишних минут для гарантии, что колокол закончил пересадку, он мягко снял его головы Ананы и положил в шкатулку на полу, после чего связал ей руки и ноги и плотно прикрутил ремнями к дивану.

Он установил ей на голову колокол, содержащий разум Граумграсса. Когда прошло двадцать минут, он почувствовал уверенность, что передача завершена. Лицо ее ожило, глаза стали дикими, как у попавшего в силки ястреба, голос остался прекрасным голосом Ананы, но модуляции изменились.

— Я могу определить, что нахожусь в теле женщины, — произнесла она.

Кикаха кивнул, а затем сделал укол наркотика ей в руку. Выждал минуту, а затем стал выкачивать нужные ему сведения. Для извлечения фактов совсем немного времени.

Властелины ошибались относительно точного числа Колокольников. Их оказалось пятьдесят один, а не пятьдесят, и Колокольники, конечно же, не посвятили в это своих врагов. «Лишним» был Табууз. Большую часть времени он находился внизу, в лабораториях дворца, где занимался созданием новых Колокольников. Когда началась тревога из-за появления Кикахи, он поднялся из лаборатории. Он не получил шанса много сделать, но смог помочь Граумграссу нокаутировать Нимстоула, а потом пересадить его.

Граумграсс в теле маленького Властелина должен был сделать еще одну попытку убить двух оставшихся врагов Колокольников. В случае неудачи Табууз должен был отправиться через врата на Землю со своим колоколом и своими знаниями. Там, на Земле, спрятавшись среди людей, чрезвычайно густо населяющих небольшую планету, он должен был изготовить новых Колокольников для следующей попытки завоевания.

— Какими вратами он воспользовался?

— Теми же, что воспользовались Вольф и Хрисеида, — ответил Граумграсс. — Они ведут на Землю.

— Откуда ты это знаешь?

— Мы нашли кодовую книгу и раскрыли код. Таким образом выяснили, что эти врата ведут на Землю. Табууз получил приказ воспользоваться ими, если чрезвычайная

обстановка потребует, чтобы он убрался из дворца в место, где мог бы спрятаться.

Кикаха был потрясен, но, поразмыслив, остался доволен. Теперь у него появились две причины отправиться на Землю. Одна, и самая важная, — это найти Табууза и убить его, прежде чем тот начнет осуществлять свой проект. Вторая — он должен найти Вольфа с Хрисеидой и сообщить им, что они могут вернуться домой, если пожелают. Вольф, несомненно, захочет помочь ему и Анане в охоте на Колокольника. Кикаха вновь поместил колокол на голову Ананы. Через пятнадцать минут перекачивание разума Граумграсса в колокол завершилось. Тогда Кикаха надел ей на голову колокол, содержащий ее собственный разум. Примерно через двадцать минут она открыла глаза, радостно произнесла его имя и заплакала, прижимаясь к нему.

Анана рассказала, что впечатление от пребывания в колоколе такое, словно ее мозг вырезали из головы и поместили в темную бездну. Она не переставала думать, что с Кикахой может что-нибудь случиться, и тогда она навсегда будет заперта в колоколе. Она знала, что сойдет с ума, и мысль о возможности остаться навеки безумной приводила ее в еще большее неистовство.

Кикаха утешил ее, и когда Анана немного успокоилась, сообщил ей все, что узнал. Анана сказала, что они должны отправиться на Землю, но им сперва следует отделаться от Граумграсса.

— Это будет легко, — сказал Кикаха. — Я помещу колокол в пластиковый куб и поставлю его в музей. Позже, когда у меня будет время — то есть когда я вернусь с Земли, — я доставлю его в Таланак. Можно будет разрядить его в приговоренного к смерти преступника, а потом убить. Тем временем давай готовиться к путешествию на Землю.

Он проверил по кодовой книге сведения, которые узнал от Колокольника. Врата переносили во врата, находящиеся в Южной Калифорнии, однако точное место не указывалось.

— У меня бывали временами приступы ностальгии, — признался Кикаха, — но я преодолевал их. Это мой мир — мир ярусов, зеленых небес и сказочных зверей. Земля мне кажется похожей на большой серый кошмар, когда я думаю о том, чтобы постоянно жить там. Но все же время от времени возникает некоторая тоска по дому.

Он помолчал, а потом добавил:

— Мы, возможно, пробудем на Земле какое-то время. Нам понадобятся деньги. Интересно, припас ли их где-нибудь Вольф?

Банк памяти компьютера сообщил ему, где находится склад земной валюты. Кикаха вернулся из хранилища со странной усмешкой и мешком в руке. Он вывалил содержимое мешка на пол.

— Множество американских долларов,— доложил он.— Много стодолларовых банкнот и дюжина тысячедолларовых. Но самые поздние купюры выпущены в 1985 году.

Он засмеялся.

— Мы все-таки захватим их. Возможно, нам удастся продать их коллекционерам. Мы захватим также несколько драгоценных камней.

Он запрограммировал машины для изготовления земной одежды себе и Анане. Они были смоделированы такими, какими он помнил самые последние американские моды 1946 года.

— Сойдут и такие,— решил он,— а потом купим что-нибудь поновее.

Во время сборов они перенесли Луваха в комнату побольше и поудобнее и поручили кухонным талосам присматривать за ним. Кикаха оставил Анану поговорить с братом, а сам занялся укладкой вещей, необходимых для путешествия на Землю. Он достал некоторые медикаменты, наркотики, лучеметы, заряды к ним, метательный нож для себя и небольшой стилет с ядом в полый рукоятке для Ананы. На всякий случай уложил в футляр рог Шамбаримена.

Он отнес вещи в комнату, где расположились два Властелина.

— Я выгляжу, словно музыкант,— сказал он.— Мне надо будет постричься при первом же удобном случае, когда окажемся там. У меня такие длинные волосы, что я напоминаю Тарзана. Я не хочу привлекать внимания. Ах, да, ты отныне можешь называть меня Пол. «Кикаха» не годится. Я теперь снова Пол Янус Финнеган.

Они попрощались с Лувахом, который пообещал охранять дворец. Он позаботится, чтобы талосы отправили все тела в крематорий, и установит защиту дворца от мародерствующих Властелинов. Лувах обрадовался, что встретил свою сестру Анану, пусть даже и на короткий срок. Он

оказался необычным Властелином — мягким и человеческим.

Тем не менее, едва только они вышли из его комнаты, Кикаха поинтересовался:

— Ты поговорила с ним о старых временах, как я тебя просил?

— Да, — ответила она. — Нашлось множество вещей, которых он просто-напросто не мог вспомнить.

Кикаха остановился.

— Ты думаешь?..

Она покачала головой и рассмеялась.

— Нет. Нашлось также множество вещей, которые он помнил и о которых Колокольник вообще не мог знать. Он напомнил о некоторых подробностях, о которых забыла я. Он, безусловно, брат мой, он не Колокольник, как ты подозревал, мой бдительный любимый.

Кикаха усмехнулся и парировал:

— Тебе эта мысль пришла на ум в то же самое время, что и мне. Помнишь?

Он поцеловал ее. Перед тем как шагнуть во врата, активуемые кодовой фразой, Кикаха спросил:

— Ты говоришь по-английски?

— Я прожила на Земле три года. Я провела их в Париже и Лондоне, — ответила она. — Но я начисто забыла и французский, и английский.

— Изучишь снова. А пока предоставь говорить мне, — он постоял, словно не хотел отправляться в такой опасный путь. — Одно хорошо: мы станем отслеживать Колокольника. Но нам не придется беспокоиться о кознях какого-нибудь взбесившегося Властелина.

Анана удивилась:

— Разве Вольф не говорил тебе? Нас ждет встреча с Рыжим Орком — тайным Властелином Земли!

ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ

*Эти приключения Кикахи
посвящаются Джеку Кордсу,
живущему в карманных вселенных
Пеории и Пекина¹.*

Двадцать четыре года небо было зеленым, но внезапно оно оказалось голубым.

Кикаха зажмурился. Он вновь очутился дома. Или скорее опять очутился на планете, где родился. Когда-то он жил на Земле. Затем в «карманной» вселенной, названной им Многоярусным Миром. Теперь же, хотя его сюда и не тянуло, он вернулся «домой».

Он стоял в тени огромного козырька скалы. Ветер, гулявший по поверхности скал, дочиста вымел каменный пол. За пределами небольшой пещеры лежали горы, покрытые соснами и елями. Воздух отличался прохладой, но быстро теплел. Наступало утро июльского дня в южной Калифорнии. Если его расчеты правильны.

Пещера находилась почти у самой вершины, откуда открывался прекрасный обзор в юго-западном направлении. Там за небольшими отрогами холмов виднелась большая долина, которая простиралась, по предположению Кикахи, до самого Лос-Анджелеса. Зрелище встревожило и удивило его, так как совсем не походило на то, что он ожидал увидеть. Долину скрывало густое серое облако ядовитого дыма, словно почва под этим облаком была покрыта кипящими и бурлящими гейзерами, извергающими ядовитые газы из нутра Земли.

Он и понятия не имел, что произошло на Земле с той ночи 1946 года, когда его случайно перебросило из этой

¹ Пекин здесь — не столица Китая, а городишко в штате Иллинойс. Да и вселенные здесь — не вселенные, а университеты. (Прим. авт.)

вселенной во вселенную Джадавина. Наверное, крупные долины в районе Лос-Анджелеса заполнили ядовитые газы, сброшенные каким-то враждебным государством. Он не мог понять, какой враг смог такое сделать, поскольку Германия и Япония, когда он покинул этот мир, были разорены и наголову разгромлены, а Россия тяжело израна.

Он пожал плечами. Со временем все выяснится. Банки памяти под огромным дворцом-крепостью на вершине единственной планеты во вселенной зеленого неба гласили, что эти «врата» открывались где-то в горах неподалеку от озера под названием Эрроухэд.

Врата представляли собой круг неразрушимого металла, вплавленный на несколько дюймов в гранитную скалу. Их присутствие отмечало только нечетко нарисованное пурпурное кольцо на камне.

Кикаха, урожденный Пол Янус Финнеган, был ростом в шесть футов и один дюйм, весил сто девяносто фунтов и отличался широкими плечами, узкой талией и массивными бедрами. Бронзово-рыжие волосы обрамляли лицо с густыми, темными изогнутыми бровями, листовидно-зелеными глазами, прямым, но коротким носом, длинной верхней губой и раздвоенным подбородком. Он носил походную одежду, за спиной висел рюкзак. В одной руке он держал темный кожаный футляр. Судя по виду, футляр предназначался для музыкального инструмента, вероятнее всего — рога или горна.

Волосы Кикахи доходили до плеч. Он подумывал подстричь их до возвращения на Землю, чтобы не выглядеть странным. Но время поджимало, и он решил подождать, пока не доберется до парикмахерской. На вопросы о своем необычном виде он придумал легенду, будто они с Ананой очень долго путешествовали в горах, и там попросту негде было обкорнать свою гриву.

Женщина рядом с ним была настолько прекрасна, насколько это вообще возможно для женщины. Ее темные волнистые волосы ниспадали на безупречно белые плечи, а от синих глаз и превосходной фигуры у любого мужчины перехватывало дыхание. Одета она была в походное туристское облачение: сапожки, джинсы, клетчатую рубашку лесоруба и каскетку с длинным козырьком. Она тоже несла на спине рюкзак, где лежали туфли, платье, нижнее белье, сумочка и несколько приборов, способных потрясти

ученых Земли. Волосы она причесала по моде 1946 года, как помнил эту моду Кикаха. Косметикой она не пользовалась, да она в ней и не нуждалась. Тысячи лет назад Анана навсегда сделала себе губы красными, как поступали все Властелины женского пола.

Кикаха поцеловал женщину в губы и сказал:

— Ты, Анана, побывала во множестве миров, но, держу пари, не видала ни одного более странного, нежели Земля.

— Я и прежде видела голубые небеса, — не согласилась она. — Вольф и Хрисеида опередили нас на пять часов. Колокольник на два часа. И в их распоряжении большой мир, в котором можно затеряться.

Он кивнул и добавил:

— У Вольфа и Хрисеиды не было никаких причин болтаться поблизости, так как врата эти односторонние. Они наверняка отправятся к ближайшим двусторонним вратам, которые находятся в районе Лос-Анджелеса, если они еще существуют, те врата. Если же нет, то ближайшие находятся в Кентукки или на Гавайях. Так что мы знаем, куда они могут двинуться. — Он помолчал, облизывая губы, а затем добавил: — Что же касается Колокольника, то кто его знает? Он может отправиться куда угодно или остаться где-то поблизости. Он попал в абсолютно чужой мир, он ничего о Земле не знает и не умеет говорить ни на одном из местных языков.

— Мы не знаем, как он выглядит, но мы найдем его, — уверенно произнесла она. — Я знаю Колокольников. Этот не станет прятать свой колокол, а потом убегать и скрываться, рассчитывая вернуться за ним позже. Колокольник не способен вынести мысли, что ушел слишком далеко от своего колокола. Он будет таскать его за собой, сколько сможет. И это будет единственным средством опознать его.

— Знаю, — отозвался Кикаха.

Ему вдруг стало трудно дышать, и на глаза его навернулись слезы. Внезапно он заплакал. На минуту Анана встревожилась, потом поддержала:

— Поплачь! И я однажды заплакала — когда вернулась в свой родной мир. Я думала, что глаза у меня высохли навек, что слезы — это удел смертных, но возвращение домой меня расслабило.

Кикаха вытер слезы, снял с пояса флягу, открыл ее и сделал большой глоток.

— Я люблю свой мир, мир с зелеными небесами, — заявил он. — Земля мне не нравится. Я вспоминаю ее без

особой симпатии. Но, надо полагать, я люблю ее сильнее, чем предполагал. Признаюсь, время от времени я испытывал некоторую ностальгию, некоторое слабое стремление вновь увидеть ее, повидать знакомых мне людей. Но...

Под ними, наверное, на тысячу футов ниже, гору огибала двухполосное шоссе. Дорога плавно поднималась вверх, теряясь за поворотом. На подъеме появился автомобиль, пронесся под ними, а затем скрылся за нижним поворотом дороги.

Глаза Кикахи широко раскрылись, и он воскликнул:

— Я никогда прежде не видел такой машины. Она выглядела словно какой-то жучок. Жук.

В поле зрения показался ястреб, оседлавший воздушные потоки. Он спланировал и пролетел примерно в ярдах ста от них.

Кикаха пришел в восторг.

— Это первый краснохвостый, которого я увидел с тех пор, как покинул Индиану!

Он шагнул на карниз, забыв на секунду — но только на секунду — об осторожности. А потом отпрянул обратно под защиту каменного козырька. Он подозвал Анану, и та подошла к одному концу карниза и выглянула, в то время как Кикаха сделал то же самое с другой стороны. Внизу, насколько он мог разглядеть, никого не было, хотя обилие деревьев скрывало всякого, кто не хотел оказаться увиденным. Он прошел подальше и посмотрел вверх, но из-за козырька не смог ничего рассмотреть. Не обнаружив никакой тропы, Кикаха обследовал нижний склон и нашел с правой стороны карниза несколько выступов и углублений. Для начала могли сойти и они, а когда путники начнут спускаться, появятся и другие опоры для рук и ног.

Кикаха осторожно свесился с карниза, нащупывая ногой выступ. Затем он влез обратно, лег на карниз и снова тщательно изучил дорогу и лес тысячей футов ниже. Где-то под ними подняли крик голубые сойки. Прохладный ветер доносил их слабые крики.

Он достал небольшой бинокль и подкрутил три диска на его поверхности. Затем вынул наушник и тонкий проводок со штепселем на одном конце и вставил этот штепсель в гнездо бинокля. Он осмотрел дорогу и рощу, а затем навел окуляры на то место, где трещали сойки.

Благодаря прибору отдаленный лес внезапно приблизился, а слабые звуки стали громкими. Внизу двигалось

нечто темное, и, настроив бинокль, Кикаха увидел лицо человека. Потом он разглядел еще трех человек. Каждый был вооружен винтовкой с оптическим прицелом, а у двоих имелись бинокли.

Кикаха передал прибор Анане, чтобы та взглянула сама, и спросил:

— Ты уверена, что Рыжий Орк — единственный Властелин Земли?

Она опустила бинокль и подтвердила:

— Да.

— Тогда он, должно быть, знает об этих вратах. Он установил здесь какую-то сигнализацию, которая сообщает, когда они активированы. Возможно, Вольф с Хрисейдой и Колокольник убрались прежде, чем сюда сумели попасть его люди. А может, и нет. В любом случае ясно, они поджидают нас.

Кикаха и Анана не стали обсуждать отсутствие ловушки во вратах или постоянной охраны. Рыжий Орк или какой-то еще Властелин не выставил охрану, превращая вторжение других Властелинов на его личную территорию в игру. Это была смертельная игра, но тем не менее игра.

Кикаха вернулся к обзору четверки под деревьями. Вскоре он сообщил:

— У них есть портативная рация.

Он услышал над головой жужжащий звук. Перекатившись на спину, он поднял голову и увидел странную машину, только что вылетевшую из-за горы справа от него.

— Гидроплан! — воскликнул он.

Машина скрылась за рогатым пиком. Кикаха вскочил и побежал в пещеру. Анана последовала за ним.

Стрекошущий звук моторов гидроплана превратился в рев, а затем машина зависла над карнизом. Кикаха начал осознавать, что машина не была настоящим гидропланом. Насколько он знал, гидроплан не мог висеть неподвижно в воздухе, или, как делал этот, раскачиваться из стороны в сторону, или поворачиваться на одном месте вокруг оси.

Корпус машины был прозрачен. Кикаха разглядел пилота и трех человек, вооруженных винтовками. Они с Ананой оказались в ловушке, им было некуда бежать и негде спрятаться.

Несомненно, люди Рыжего Орка отправились сюда, чтобы выяснить: каким арсеналом обладали незваные гости. В таких обстоятельствах гости либо применяют свое ору-

жие, либо угодят в плен. Путешественники выбрали свободу. Оба прокричали активирующее кодовое слово, направили кольца-излучатели на машину и произнесли последнее слово.

Из приборов вырвались тонкие, словно иглы, золотые лучи, заряд крошечных аккумуляторов колец. Гидроплан раскололся в двух местах и упал. Кикаха выскочил иглянул через край как раз вовремя, чтобы увидеть, как обломки ударились о поверхность горы. Одна часть взорвалась красно-белым шаром, распавшимся на дюжину шаров поменьше. Все обломки, в конце концов, упали не слишком далеко друг от друга у подножия горы. Пламя яростно плясало на них.

Лица четверки, что были под деревьями, побелели, а человек с портативной рацией бросил в передатчик несколько слов. Кикаха попробовал настроить луч приемника, но перехватить сообщение не удалось, мешал шум горящей машины.

Кикаха порадовался, что попал с первого раза, но радость от первой победы быстро прошла. Он понимал, что Властелин намеренно пожертвовал людьми в гидроплане, чтобы выяснить, насколько опасны его противники. Более того, до наступления ночи спуститься по горному склону будет невозможно, а тем временем Властелин нападет снова.

Они с Ананой вновь зарядили кольца крошечными аккумуляторами. Кикаха продолжал следить за людьми в роще, в то время как она осматривала горные склоны. Вскоре слева появился красный автомобиль с откидным верхом. В нем сидели мужчина и женщина. Машина остановилась неподалеку от охваченных пламенем обломков, и парочка вышла осмотреть место катастрофы. Они постояли, поговорили, затем вернулись в машину и умчались.

Кикаха ухмыльнулся. Эта парочка, без сомнения, сообщит об аварии властям. А значит, что четверка не посмеет штурмовать пещеру. Но с другой стороны, полиция может забраться на гору, тогда его и Анану привлекут в качестве свидетелей. Он мог утверждать, что они простые туристы, и надолго власти задержать их не смогут. Но даже временное пребывание под стражей даст Властелину возможность схватить путешественников, как только их отпустят. Кроме того, им с Ананой нечем удостоверить свои личности, и, возможно, власти станут удерживать их для дальнейшего опознания.

Конечно, не отыщется никаких сведений об Анане, но если проверят его отпечатки пальцев, то найдут нечто труднообъяснимое. Они узнают, что он — Пол Янус Финнеган, родившийся в 1918 году неподалеку от города Терре-Хот, штат Индиана, что во время Второй мировой войны он служил в танковом корпусе Восьмой армии, что он таинственно исчез из своей квартиры в городке Блумингтон. Они поймут, что он и есть тот студент из Индианы, который находится в розыске с 1946 года.

Он, безусловно, всегда мог сослаться на амнезию, но как объяснить, что хронологически ему пятьдесят два года, а физиологически всего лишь двадцать пять? И как он объяснит происхождение странных приборов, что находятся в его рюкзаке?

Он тихо выругался: по-тишкетмоакски, на языке полуконей, на средневерхненемецком Дракландии, на языке Властелинов и, наконец, по-английски. А затем переключил свое мышление на английский, поскольку наполовину забыл этот язык и теперь должен заново освоиться с беглой речью. Если эти четверо будут торчать там, пока не появятся власти...

Но четверка поступила иначе. После длинных переговоров, явно получив приказ, все четверо убрались. Они вылезли на дорогу, а через минуту появился автомобиль. Он остановился, четверо забрались в него и укатили.

Кикаха учитывал, что это может быть обманным ходом, чтобы выманить его и Анану спуститься с горы. Тогда другой гидроплан застигнет их на горном склоне, или вернутся бандиты. Или одновременно нападут с воздуха и с дороги.

Но если они станут дожидаться, пока явится полиция, то, возможно, не спустятся до наступления ночи. А внизу будут поджидать люди Орка и, скорее всего, применят какое-то необычное оружие — оружие Властелинов, — так как не побоятся применять его ночью, да еще в столь отдаленном районе.

— Пошли, — скомандовал он по-английски. — Мы сейчас спустимся вниз. Если нас увидит полиция, мы скажем, что просто путешествуем автостопом. Говорить предоставь мне. Я скажу, что ты финка и еще не говоришь по-английски. Будем надеяться, что среди полицейских не окажется настоящих финнов.

— Что? — переспросила Анана. Она провела на Земле три с половиной года в 1880-х и немного выучила англий-

ский, чуть лучше французский, но забыла и то малое, что знала.

Кикаха медленно повторил.

— Это твой мир, — ответила она по-английски. — Ты — босс, ты и командуй.

Он усмехнулся, услышав такое заявление, так как очень немногие Властелины женского пола признавали, что бывают ситуации, когда мужчины командуют. Он вновь свесился с карниза. Пот заливал глаза. Солнце перевалило через гору, и стало жарко. Но в обильном потоотделении солнце было не виновато. Кикаха вспотел от мысли о возможном возвращении людей Рыжего Орка.

Они с Ананой преодолели примерно две трети пути вниз, когда появилась первая полицейская машина. Она была черно-белой с большой звездой на борту. Из нее вылезли двое. Их мундиры походили на форму полиции штата, насколько он помнил по жизни на Среднем Западе. Спустя несколько минут появился еще один полицейский автомобиль и «скорая помощь». Затем остановились еще две машины. Через некоторое время их скопилось уже около десятка.

Кикаха отыскал тропинку, которая местами становилась ненадежной. Она шла под углом направо по склону. Какую-то часть спуска они с Ананой могли оставаться скрытыми от людей внизу. Если их и увидят, то не должны вроде бы остановить. Полиция может направиться к ним, но она окажется настолько далеко позади, что погоня станет безнадежной.

Так, во всяком случае, казалось, пока не появился еще один гидроплан. Этот мотался взад-вперед, явно ища тела или кого-нибудь, кто уцелел. Кикаха с Ананой спрятались за большим валуном, пока машина приземлялась недалеко от дороги. Тогда они продолжили спуск с горы.

Когда они добрались до дороги, то выпили немного воды и поели концентратов, прихваченных из другого мира. Кикаха сказал, что они пойдут по дороге, направляясь вниз. Он также напомнил, что люди Рыжего Орка, вероятно, будут кататься взад-вперед по дороге, высматривая их.

— Тогда почему бы нам ни спрятаться до наступления темноты?

— Потому что при дневном свете я замечу машину, определенно не принадлежащую Орку. Я не буду возражать, если она подвезет нас. Но если появятся люди Орка

и что-нибудь затеют, при нас будут наши кольца, и мы будем настороже. А ночью не разберешь, кто там остановился, чтобы нас подвезти. Мы могли бы вообще избегать дороги и двигаться параллельно ей по лесу, но это будет очень медленно. Я не хочу, чтобы Вольф или Колокольник чересчур нас опередили.

— Откуда мы знаем, что все они не двинулись в другом направлении? — усомнилась она. — Или что их не сцапал Рыжий Орк?

— Разумеется, мы не знаем, — согласился он. — Но держу пари, что эта дорога в Лос-Анджелес. Она ведет на запад и пролегает по склону. Вольф это поймет, а Колокольника, я полагаю, идти вниз побудит инстинкт. Возможно, я ошибаюсь. Но не могу же стоять здесь целую вечность, пытаясь решить, что произошло? Идем.

И они тронулись в путь. Воздух был сладок и чист, пели птицы, на ветку высокой полузасохшей сосны выбежала белка и стала следить за ними своими яркими глазками. Тут попадалось много умерших и умирающих сосен. Очевидно, их поразила какая-то растительная болезнь.

Единственным признаком присутствия человека были опоры высоковольтных передач да тянувшиеся вверх по склону горы алюминиевые провода. Кикаха объяснил Анане, что они собой представляют. Отныне ему предстояло объяснять ей многое. Он не возражал. Это даст ей возможность усвоить английский, а ему — восстановить забытое.

Сзади них ехал автомобиль. Услышав звук мотора, Кикаха и Анана отошли на обочину дороги, готовые стрелять лучами из колец или, если понадобится, спрыгнуть вниз по склону. Кикаха поднял руку, голосуя. Автомобиль, в котором ехали мужчина, женщина и двое детей, даже не притормозил. Затем мимо путников проехал грузовик, тянущий трейлер. Водитель собирался вроде бы остановиться, но, подумав, поехал дальше.

— Эти машины! — воскликнула Анана. — Такие примитивные! Такие шумные! И они воняют.

— Да, но у нас есть все-таки атомная энергия, — возразил Кикаха. — По крайней мере, атомные бомбы у нас были. Во всяком случае, у Америки. Я думал, что к настоящему времени у них будут машины на атомной энергии. Для изобретения их имелось целое поколение.

Мимо них проехал микроавтобус с мужчиной, женщиной и двумя подростками. Кикаха уставился ему вслед.

Волосы у паренька оказались такими же длинными, как у Кикахи, и куда более растрепанными. А у девчонки длинные желтые волосы гладко спадали на плечи, лицо покрывал густой слой косметики. Как у шлюхи, подумал Кикаха. Неужели у нее и в самом деле зеленые веки?

Родители, выглядевшие лет на пятьдесят, казались нормальными. Исключая то, что прическа мамыши определенно не относилась к 1946 году. И косметика на ее лице была достаточно обильной, хотя и не такой густой, как у девчонки.

Ни одной из машин он опознать не смог. На некоторых стояла эмблема «ГМ»¹, но это был один-единственный знакомый элемент. Конечно, этого и следовало ожидать. Но Кикаха был поражен, увидев, что следующий проехавший мимо автомобиль оказался «жуком», замеченным им, когда он в первый раз свесился с карниза. Или он выглядел достаточно похожим, чтобы быть тем же самым «VW»²? Что бы это значило?

Он предвидел множество перемен, часть которых не будет поддаваться объяснению. Но не смог придумать никакой причины, по которой покупатели приобрели бы такой тесный, уродливый автомобиль, как «VW», хотя и помнил крохотный «виллис» своего отрочества. Кикаха пожал плечами.

Потребуется слишком много времени и энергии для вычисления причин всего, что он увидел. Если он хочет выжить, ему придется сосредоточиться на непосредственной проблеме: убраться подальше от людей Орка. Если они служат ему...

Они с Ананой двигались раскованно. Она начала расслабляться и проявлять интерес к окружающей природе. Потом улыбнулась, сжала его руку и сказала:

— Я люблю тебя.

Кикаха поцеловал ее в щеку и ответил:

— Я тоже.

Анана стала говорить и вести себя как земная женщина, а не как суперженщина-Властелин.

Он услышал гул мотора в четверти мили от них и оглянулся. Это был черно-белый автомобиль полиции штата с двумя людьми в позолоченных шлемах. Он стал смотреть вперед, но уголком рта скомандовал:

¹ «Дженерал Моторс».

² «Фольксваген».

— Если эта машина остановится, веди себя спокойно. Это полиция штата. Если я подниму вверх два пальца, беги и прыгай вниз по склону. Хотя нет! Я передумал... Слушай, мы поедem с ними. Они могут отвезти нас до города или его окраин. Там мы оглушим их кольцами. Усекла?

Автомобиль, однако, пролетел мимо них, не останавливаясь и не притормозив. Кикаха вздохнул с облегчением:

— Мы выглядим не так подозрительно, как мне казалось.

Они пошли дальше по дороге. Пройдя примерно с четверть мили, они услышали позади себя слабый рев. Звук стал громче, потом Кикаха невольно оглянулся и усмехнулся:

— Мотоциклы. Уйма мотоциклов.

Рев стал очень громким. Они обернулись и увидели около двух десятков мотоциклов, мчавшихся из-за горы, словно черная туча. Кикаха пришел в изумление. Он никогда не видел ни мужчин, ни женщин, одетых подобно этим. Вид некоторых пробуждал воспоминания, которые он старался забыть после объявления мира в 1945 году. Рука его метнулась к рукоятке ножа в ножнах на поясе, а глазами он искал кювет, куда можно сигануть.

На трех мотоциклистах были немецкие каски с нарисованными на сером металле большими черными свастиками. У других на шеях болтались на цепочках «Железные кресты» или металлические свастики.

Почти все носили темные очки, и это совмещалось с бородами или длинными усами мужчин и густой косметикой женщин. Одежда их была темной, хотя некоторые из них и носили грязные, некогда белые футболки; у большинства на ногах — сапоги. Одна женщина щеголяла в кепи и ярко-красной драгунской куртке с желтыми галунами. На черных кожаных куртках и грязных футболках выделялись черепа со скрещенными костями, с виду походившими на фаллосы, и надпись «Лоботрясы Люцифера».

Кавалькада с ревом пронеслась мимо, некоторые газовали или махали парочке, а несколько мотоциклистов завилили по дороге взад-вперед, нагибаясь со сложенными руками то в одну, то в другую сторону, как можно ниже. Увидев это, Кикаха оценивающе усмехнулся: когда он ходил в школу в Терре-Хоте, у него был мотоцикл. И он любил его.

Анана, однако, наморщила нос:

— Вонь от горячего достаточно плоха. Но ты почувствовал, как пахнут они? Неделю не мылись... или месяц...

— Властелин этого мира очень небрежен,— согласился Кикаха.

Он помнил гигиенические обычаи человеческих обитателей карманных вселенных, где правили другие Властелины. Хотя Властелины часто были весьма жестокими в обращении со своим человеческим имуществом, они настаивали на чистоте и красоте. Они устанавливали законы и религиозные правила, следившие за тем, чтобы чистота оставалась основой всякой культуры.

Но бывали и исключения. Некоторые Властелины позволяли своим человеческим обществам вырождаться в сброд, безразличный к грязи.

Анана объяснила, что Властелин Земли уникален. Рыжий Орк правил в строжайшей секретности и анонимности, хотя и не всегда так поступал. В прежние времена, на заре развития человечества, он часто выступал в роли Бога. Но затем забросил эту роль и ушел в подполье — иначе не скажешь. Он пустил все на самотек, позволяя событиям развиваться своим чередом. Этим объяснялись прошлые, настоящие и, несомненно, будущие передраги, в которых увязли земляне.

Кикаха ничего не ведал о Рыжем Орке, поскольку и о его существовании-то узнал всего за несколько минут до того, как они с Ананой шагнули через ворота.

— Они все выглядели такими безобразными,— добавила Анана.

— Я же рассказывал тебе, как здесь живут люди,— отозвался он.— Никакого селективного разведения не проводилось ни Властегином, ни самими людьми.

Тут они услышали приглушенный рев мотоциклов и через минуту увидели возвращающихся к ним восьмерых мотоциклистов. Теперь на них сидели только мужчины.

Мотоциклисты проехали мимо них, притормозили, развернулись и поехали сзади. Кикаха и Анана продолжали идти. Три мотоцикла промчались мимо так близко, что он мог бы сбить их по одному. Он начинал догадываться, что следовало так и сделать и подобным образом сократить неравенство. Казалось очевидным, что им не избежать приставаний, если не худшего.

Кое-кто из мотоциклистов свистел Анане и выкрикивал непристойные предложения. Слов она не поняла, но поня-

ла интонации, жесты и ухмылки, сопровождавшие слова. Анана нахмурилась и сделала свойственный Властелинам жест. Несмотря на то что мотоциклистам был незнаком этот жест, они его поняли. Один от смеха чуть не свалился с мотоцикла. Другой оскалил зубы. Кикаха остановился и повернулся к ним лицом. Мотоциклисты окружили парочку неплотным полукольцом и выключили двигатели.

— Ладно, — сказал Кикаха, — что вам нужно?

Ответил большебрюхий юнец с толстой шеей и вылезавшими из-под грязного расстегнутого ворота рубахи густыми жесткими черными волосами. Он носил козлиную бородку и фуражку Африканского корпуса.

— Ну, знаешь, Рэд, будь мы Сволочами Сатаны, нам понадобился бы ты. Но мы не гомики и поэтому возьмем твою прекрасную даму с собой. Старик, ты понял?

— Старик, это же цыпочка высший сорт! — заявил высокий тощий парень со следами оспин на лице, большим адамовым яблоком и золотым кольцом в ухе. Длинные волосы свисали у него ниже плеч и падали на глаза.

— Кайфовойшая! — добавил парень с кустистой бородой, редкими зубами и шрамом на лице.

Кикаха знал, когда хранить молчание, а когда говорить, но иногда ему бывало трудно сделать то, что, как он считал, будет наилучшим. Сейчас у него не было ни времени, ни особого желания драться: его ожидало серьезное и важное дело. Фактически — чрезвычайной важности дело. Если Колокольник останется на свободе и достаточно хорошо адаптируется на Земле, чтобы сделать другие колокола, то он и ему подобные буквально заполонят Землю. Колокольник был не каким-то там научно-фантастическим монстром, он существовал, и если его не убить, прощай, Земля! Или прощай, человечество! Тела-то уцелеют, но мозги истощатся, их заполнит чужой разум.

К несчастью, спасение не могло стать избирательным. Если будут спасены другие, то и эти спасутся тоже. Хотя в данный момент казалось сомнительным, что Кикаха сумеет спасти даже самого себя, не говоря уж обо всем мире. Восьмерка слезла с мотоциклов и теперь приближалась к ним с разным оружием в руках. Трое держали длинные цепи, двое — железные трубы, один — пружинный нож, а двое последних — кастет и финку.

— Вы собираетесь напасть на нас среди белого дня и в такой близости от фараонов? — подивился он.

— Старик, — откровенно признался юнец в фуражке Африканского корпуса, — обычно мы на людей не нападаем. Но когда я увидел эту цыпочку, это было чересчур! Какая куколка! Я никогда не видел девочки, способной утереть ей нос.

— Чересчур хороша! Мы должны поймать ее! Врубаешься?

Что означало последнее слово, Кикаха не понял, но это не имело значения. Перед ним находились жестокие люди, собиравшиеся получить свое.

— Вам лучше подготовиться к смерти, — посоветовал Кикаха.

Парни удивились. Юнец из Африканского корпуса признал:

— Отдаю тебе, Рэд, должное, у тебя высокий класс. Слушай, мы могли бы сплясать на тебе и с большим удовольствием выпустили бы тебе кишки, мы б, в натуре, торчали от этого, но я восхищаюсь твоим стилем, старик. Дай нам поймать цыпочку, и через час-другой мы ее вернем. — Тут член Африканского корпуса усмехнулся и добавил: — Конечно, она, может, окажется и не в том состоянии и ниже качеством, но какого черта? Никто не совершенен!

Кикаха сказал на языке Властелинов:

— Если будет возможность, то укатим на одном из мотопиклов. Он довезет нас до Лос-Анджелеса.

— Эй, что за чудная фея? — африканец сделал знак парням, и те, усмехаясь, шагнули вперед, помахивая цепями. Они замахнулись, собираясь хлестнуть его, но Кикаха с Ананой брызнули из своих колец лучами. Кольца были установлены на «оглушающую» мощность. Трое нападавших выронили цепи, схватились за животы и согнулись пополам. Когда лучи попали по их макушкам, они упали лицом вниз. От внезапно лопнувших кровеносных сосудов лица их побагровели. Когда очухаются, то будут не один день страдать от тошноты и головокружения, а животы останутся красными, и их будет саднить от разорванных вен и артерий. Остальные вдруг обрели странную неподвижность, а лица у них побелели.

Кикаха выхватил нож и метнул его в плечо африканца. Тот пронзительно вскрикнул и выронил свою финку. Анана покаутировала его лучом, а Кикаха скосил остальных. К счастью, в последующие минуты не проехало ни одной

машины. Парочка уволокла стонущих парней, находящихся в полубессознательном состоянии, к краю дороги и столкнула вниз. Они прокатились по склону футов двадцать и разлеглись на скальном карнизе.

Затем все мотоциклы, кроме одного, они тоже столкнули вниз в таком месте, где их ничто не могло остановить. Мотоциклы подсакивали и катились по крутому склону, вновь и вновь переворачиваясь, разваливаясь на части, и некоторые полыхнули ярким пламенем. Кикаха не хотел, чтобы дым привлек чье-то внимание, и пожалел, что не подумал об этом раньше.

Анана поняла далеко не все слова и спросила, что собирались сделать с ней парни. Услышав объяснение, она спустилась по склону к сваленным в кучу телам. Установив кольца на минимальную мощность, она сожгла всем неудачливым самцам штаны и кое-что еще. Надолго запомнят они Анану. И если впоследствии станут проклинать ее, то пусть припомнят добрым словом Кикаху — благодаря ему они остались живы.

Кикаха забрал бумажник африканца. Водительские права гласили, что его звали Альфред Роджер Гудрих. Его фотография ничуть не напоминала Кикаху, но с этим уж ничего не поделаешь. Среди прочего в бумажнике он обнаружил сорок долларов.

Он проинструктировал Анану, как держаться в седле позади него и чего ожидать, когда они окажутся на дороге. Через минуту они выехали на шоссе, направляясь к Лос-Анджелесу. Не воскресил рев мотора счастливых воспоминаний о тех временах, когда он гонял свой мотоцикл по Индиане. Его беспокоила дорога и раздражала вонь бензина и масел. Он слишком долго прожил в тихом мире со сладким воздухом.

Обхватив его за талию, Анана долгое время молчала. Разок Кикаха оглянулся и увидел, как развеваются ее черные волосы. Глаза ее за солнцезащитными очками, которые она позаимствовала у одного из Лоботрясов, были полузакрыты. Тени делали их непроницаемыми. Позже она что-то крикнула, но ветер и шум двигателя отбросили слова назад.

Кикаха опробовал мотоцикл и понял, что его владелец снял множество деталей, главным образом для снижения веса. Оказались снятыми, например, передние тормоза. Узнав, в чем заключались слабые и сильные стороны ма-

шины, он погнал по шоссе, пристально наблюдая за дорогой впереди, но мыслями уносясь совсем в другие места.

Он прошел долгий и фантастический путь от кампуса в университете Индианы до этой дороги в горах южной Калифорнии.

Находясь с Восьмой армией в Германии, он нашел в развалинах местного музея тот полумесяц из твердого серебристого металла. Он забрал его с собой в Блумингтон, и там однажды появился человек по имени Ваннакс и предложил ему за этот полумесяц фантастическую сумму. Кикаха отказался от денег. Позже, той же ночью, он проснулся и обнаружил, что Ваннакс вломился в его квартиру.

Ваннакс прикладывал к его полумесяцу другой металлический полумесяц, образуя круг. Кикаха бросился на Ваннакса и случайно ступил в круг. Не успел он и глазом моргнуть, как его перебросило в очень странное место. Два полумесяца образовали врата, устройство Властелинов, производящее своего рода телепортацию из одной вселенной в другую. Кикаху перебросило в другую вселенную, созданную Властелином по имени Джадавин. Но Джадавин в этой вселенной больше не было, другой Властелин вытеснил его оттуда, а хозяина забросил на Землю. Джадавин потерял память и стал Робертом Вольфом.

История Вольфа и Кикахи была длинной и запутанной. Кикаха помог Вольфу вернуться в свою вселенную. После серии приключений Вольф восстановил свою память. Он также восстановил свою власть над вселенной, созданной им, и поселился там со своей возлюбленной Хрисеидой. Он правил во дворце на вершине похожей на Вавилонскую башню планеты, висевшей в середине вселенной, «стены» которой содержали меньший объем пространства, чем пределы Солнечной системы Земли.

Недавно Вольф и Хрисеида таинственно исчезли, вероятно, из-за козней какого-то Властелина из другой Вселенной. Кикаха наткнулся на Анану, бежавшую вместе с двумя другими Властелинами от Черных Колокольников. Первоначально Колокольники были созданы в лабораториях Властелинов как устройства, предназначавшиеся для хранения разума Властелинов во время передачи разума из одного тела в другое. Но колоколообразные и неразрушимые машины развились в существа со своим собственным рассудком. Им удалось перевести свой разум в тела Властелинов, а затем они начали вести против Властелинов

тайную войну. Их раскрыли, и началась долгая и жестокая борьба, в ходе которой всех Колокольников предположительно захватили в плен и заточили в специально созданной вселенной. Однако проглядели пятьдесят первого, и после десяти тысяч лет спячки Колокольники вновь попали в человеческие тела и снова очутились на свободе.

Прямо или косвенно Кикаха убил их всех, кроме одного. Этот, обладая разумом и телом человека по имени Табууз, ушел через ворота на Землю. Вольф и Хрисеида вернулись во дворец как раз в тот момент, когда на резиденцию напали Колокольники, и сбежали через ворота на Землю. Позже этими же воротами воспользовался Табууз.

Теперь Кикаха и Анана искали Вольфа и Хрисеиду. Они также твердо решили найти и убить последнего Черного Колокольника. Если Табууз сможет от них ускользнуть, со временем он наделает новые колокола и с ними начнет тайную войну против людей на Земле, а позже вторгнется в личные вселенные Властелинов и будет разряжать их мозги и занимать тела. Властелины никогда не забывали Черных Колокольников и до сих пор носили кольца, способные засекать металлические колокола их древних врагов и передавать предупреждение и сигналы тревоги крошечному щиту в мозгу каждого Властелина. А жители Земли ничего не знали о Колокольниках. Ничего не знали они и о Властелинах. Кикаха был единственным землянином, которому стало известно о Властелинах и их карманных вселенных.

Жители Земли окажутся открытыми для разрядки мозгов антеннами колоколов и захвата их разума разумами Колокольников. Война будет вестись столь коварно и незаметно, что лишь по какой-либо случайности люди смогут узнать, что на них напали.

Нужно найти и убить Черного Колокольника Табууза любым способом.

В то же время Властелин Земли, именуемый Рыжим Орком, узнал, что в его владения через ворота проникло пять человек. Он не мог знать, что один из них — Черный Колокольник. Рыжий Орк попытается захватить в плен всех пятерых. И его нельзя уведомить, что по Земле бродит Черный Колокольник, так как Рыжего Орка невозможно отыскать. Ни Анана, ни Кикаха не знали, где он живет. И вообще-то всего несколько часов назад Кикаха узнал, что у Земли есть Властелин.

Через несколько минут они по склону съехали на плато. Небольшая деревня на перекрестке дорог показалась им приятным местечком, хотя и чересчур украшенным рекламными вывесками. Она оказалась чистенькой и светлой со множеством белых домиков. Однако, проезжая по главной улице, они заметили закусочную под открытым небом. И там, у раскладных столиков, развалясь, сидели остальные Лоботрясы Люцифера, поедая гамбургеры и запивая их пивом. Услышав знакомый рев «харлей-дэвидсона», они подняли головы, а затем, увидев парочку, так и подпрыгнули. Один вскочил на мотоцикл и ударом ноги завел мотор.

Это был высокий непричесанный длинноусый юнец, носивший шляпу кавалерийского офицера конфедератов, белую шелковую рубашку с оборками на шее и запястьях, черные сверкающие штаны в обтяжку с красными лампасами и сапоги с меховыми голенищами. За ним мгновенно потянулись остальные. Кикаха не думал, что они обратятся в полицию. Было в них нечто, указывающее, что отношения их с полицией являются не особенно дружескими. Они отомстят собственными немытыми руками. Правда, маловероятно, что они нападут, находясь в деревеньке.

Кикаха переключил оружие на высшую мощность.

Когда они проехали поворот, который скрывал их от деревни, Анана полуобернулась. Она ждала, пока лидер окажется в десяти футах от них. Тот пригнулся к рулю и жестоко усмехался. Очевидно, он предполагал, что обгонит их и вынудит остановиться, либо просто скинет их машину с дороги. Позади него в ряд, так, что двое заехали на встречную полосу, мчались пять мотоциклов. На каждом — по одному седоку. Машины, обремененные двумя седоками, отстали футов на двадцать.

Кикаха быстро оглянулся и крикнул Анане. Та выпустила луч как раз такой длины, чтобы разрезать колесо первого мотоцикла. Передняя часть машины рухнула, а седок перелетел через руль, разинув рот в крике, которого никто не мог услышать. Он ударился о покрытие дороги и долго скользил, тормозя лицом и телом. Пятеро, мчавшихся позади, попытались объехать того, кто лежал на их пути. Словно стая рыб, они разделились, но Анана разрезала колеса еще троим, и они рухнули в общую кучу, а оставшиеся двое затормозили на обочинах. Другие мотоциклисты вовремя сбавили скорость и избежали столкновения с упавшими. Кикаха ухмыльнулся и крикнул:

— Молодец, Анана!

Но тут же ухмылка слетела с его лица, и он выругался. Из-за поворота дороги, в полумиле от них, появился черно-белый автомобиль с красной мигалкой на крыше. Надежды Кикахи, что автомобиль остановится, чтобы расследовать аварию на дороге, быстро растаяли. Машина круто развернулась, стараясь не раздавить упавших седоков и их мотоциклы, затем вернулась на дорогу и погналась за Кикахой, завывая сиреной и мигая своим красным глазом.

Автомобиль находился примерно в пятидесяти ярдах от них, когда Анана провела лучом по дороге и передним шинам. Она отключилась так быстро, что колеса, вероятно, лишь немного царапнули по ободам, но шины разрезало пополам. Машина немного осела, но продолжала двигаться, хотя так резко сбросила скорость, что двоих полицейских с силой швырнуло вперед. Сирена заглохла, мигалка погасла, автомобиль затрясся и встал. А Кикаха с Ананой умчались за поворот и больше не видели полицейских.

— Если это и дальше будет продолжаться, то у нас иссякнут заряды! — выругался Кикаха. — Черт, я хотел приберечь их на крайний случай. Не думал, что у нас возникнет столько трудностей. А мы ведь только начали!

Они проехали еще миль пять, а потом увидели направляющийся к ним еще один полицейский автомобиль. Тот поехал под уклон и на мгновение пропал из виду. Кикаха крикнул:

— Держись!

Он свернул с дороги, перескочив через небольшое углубление на широкое поле, больше усеянное камнями, чем травой. Его целью была группа деревьев примерно ярдах в ста от дороги. Он почти сумел добраться до нее, прежде чем в поле зрения появилась полиция. Державшаяся за него Анана крикнула, что полицейский автомобиль мчится за ними по полю. Кикаха притормозил. Анана провела лучом по полю перед приближающимся автомобилем. Вспыхнувшая земля взлетела вдоль борозды, а потом с грохотом рванули шины. Из радиатора хлынули вода и пар.

Под углом к машине Кикаха вывел мотоцикл обратно на дорогу. Оба полицейских выскочили из машины и, держа пистолеты двумя руками, принялись палить. Шансы попасть в седоков с такого расстояния были невелики, но

одна из пуль угодила в заднюю шину, которая с треском лопнула, и мотоцикл завиял. Кикаха вырубил двигатель, и они проехали накатом. Полицейские припустили к ним.

— Черт побери, я не хочу убивать! — выругался Кикаха.

Полицейские выглядели здоровенными, пузатыми и, судя по их виду, им было где-то между сорока и пятьюдесятью. На спинах Кикахи и Ананы висели рюкзаки примерно фунтов по тридцать.

— Мы их обгоним, — решил Кикаха, и они помчались по дороге. Полицейские стреляли и что-то кричали, но бежали все медленнее. Полмили, и они остановились, наблюдая, как уменьшается убегающая парочка.

Посмеиваясь, Кикаха сделал круг, вернувшись к машине. Он разок оглянулся и увидел: полицейские сообразили, что их сбили с толку. Они снова побежали, но не слишком быстро. Сперва их руки и ноги усиленно работали, потом менее энергично, а затем оба побрели шагом. Кикаха открыл дверцу машины, вырвал микрофон, сунул руку под приборную доску и оборвал все провода, соединенные с рацией. К этому моменту его догнала Анана.

Ключи от машины все еще торчали в замке, а колеса оказались разрезанными, но не глубоко. Он скомандовал Анане садиться и, устроившись за рулем, повернул ключ. Фараоны побежали быстрее и вновь принялись стрелять, но машина, подпрыгивая и сотрясаясь, покатила через поле, все увеличивая скорость. Одна пуля попала в заднее стекло и образовала звездочку, а потом автомобиль выскочил на дорогу и понесся вниз.

После двух миль скрежета и яростных рывков Кикаха решил, что хорошего понемножку. Он подвел машину к обочине, вылез, бросил ключи от зажигания в траву, и они вновь пустились в путь пешком. Они прошли, наверное, ярдов пятьдесят, когда обернулись на шум автобуса. Он был весь разрисован спиралями, точками и кругами, квадратами и разноцветными яркими многолучевыми звездами. По переду и бокам автобуса шла надпись ярко-желтыми буквами с оранжевым обводом: **КОРОЛЬ ГНОМОВ И ЕГО ТУХЛЫЕ ЯЙЦА**. Выше надписи красно-желтой краской были нарисованы ноты, маленькие гитары и барабаны.

Кикаха взглянул на мелькнувшие сквозь окна лица, ему показалось, что автобус подобрал Лоботрясов Люцифера. Все те же длинные распущенные волосы, усы, бороды

у мужчин и длинные прямые волосы и густая косметика — у женщин.

Но иными были лица: они выглядели дикими, но не зверскими или жестокими.

Автобус сбавил скорость, взвизгнув тормозами. Он остановился, дверь распахнулась, и высунувшийся из нее парень с бородой и в огромных очках махнул им рукой. Они подбежали к автобусу и поднялись в него под аккомпанемент дружного смеха и брэнчание гитары.

Автобус, за рулем которого сидел юнец, смахивающий на Буффало Билла, рванул вперед. Кикаха осмотрелся, приглядываясь к лицам шести парней и трех девушек. В заднем конце автобуса сидели трое мужчин постарше и играли в карты на небольшом раскладном столике. Они подняли головы, кивнули и вернулись к игре. Часть автобуса была отгорожена, там, как он выяснил позже, находились туалет, ванная и небольшой гардероб. Гитары, барабаны, саксофон, флейта и арфа хранились на сиденьях или на полках над сиденьями.

Две девушки были одеты в яркие блузки с оборками, темно-серые чулки и юбки, едва прикрывающие их ягодицы. На них было множество разноцветных бус, лица покрывал густой слой косметики: зеленые или серебристые веки, накладные ресницы, кольца вокруг глаз, как у панд, и зеленые или бледно-лиловые губы!

Третья девушка вовсе не употребляла косметики. Длинные черные волосы ниспадали ей до плеч, она была одета в облегающий свитер в красно-зеленую полоску без рукавов, но с глубоким декольте, джинсы в обтяжку и сандалии. Некоторые из парней носили брюки клеш, самые разнообразные рубашки и все, как один, — длинные волосы.

«Король Гномов» оказался очень высоким, туберкулезного вида юнцом с кудрявыми волосами, обвислыми усами и огромными очками, сидевшими на самом кончике его большого носа. В ухе у него торчала серьга. Он представил- ся как Лу Баум.

Кикаха назвался Полом Финнеганом, а Анану назвал Энн Финнеган. Она приходится ему женой, сообщил он Бауму, и лишь недавно приехала из финской Лапландии. Он считал, что они вряд ли наткнутся на кого-то, кто говорит на финском языке.

— Из страны Санта-Клауса? — переспросил Баум. — Что и говорить, они и впрямь из страны Оз. — Он присвистнул,

поцеловал кончики пальцев и выбросил их в сторону Ананы. — Кайфовая, чтоб мне лопнуть! Чересчур! Слушай, кто-нибудь из вас играет на каком-нибудь инструменте? — Он посмотрел на футляр в руке Кикахи.

Кикаха ответил, что нет. Он не собирался сообщать, что когда-то играл на флейте, но не занимался этим с 1945 года, или что играл на инструменте, похожем на свирель, когда жил с медвежьим народом на Индейском уровне многоярусного мира. И не думал, что стоит объяснять, что Анана играет на великом множестве инструментов. Кое-какие из них походили на земные, а другие — совершенно отличались.

— Я использую этот футляр как чемодан, — объяснил он. — С тех пор как мы покинули Европу, мы какое-то время находимся в дороге. Только что мы провели месяц в горах, а теперь решили навеститься в Лос-Анджелес. Мы никогда там не были.

— Значит, вам негде остановиться, — сделал вывод Баум. Говорил он с Кикахой, но пялился на Анану; глаза у него блестели, а рука не переставала двигаться, совершая жесты как бы лепившие Анану в воздухе.

— Она умеет петь? — неожиданно спросил он.

— Не по-английски, — ответил Кикаха.

Девушка в джинсах встала и сказала Бауму:

— Брось, Лу, с этой цыпочкой у тебя ничего не выйдет. Ее дружок убьет тебя, если ты ее хоть пальцем тронешь. Или она тебя сама убьет. Эта цыпочка, знаешь ли, на такое способна...

Лу, казалось, заколебался. Он подошел очень близко и взгляделся в глаза Кикахи, словно смотрел в микроскоп. Кикаха почувствовал странный, едкий запах его дыхания. Через мгновение ему показалось, что он понял происхождение аромата. Граждане города Таланака на Индейском уровне, вырезанного из нефритовой горы, курили наркотический табак, придававший их дыханию такой же запах. Кикаха, конечно, не знал наверняка, поскольку на Земле он ничего подобного не пробовал, но всегда подозревал, что этот табак был марихуаной и что таланакцы, потомки древних ольмеков Мексики, привезли его с собой, когда прошли через устроенные Вольфом врата.

— Ты меня не разыгрываешь? — спросил Лу у девушки, которую звали Му-Му Нансен, оторвавшись от листовенно-зеленых глаз Кикахи.

— В них обоих есть что-то весьма странное, — ответила Му-Му. — Очень привлекательное, очень мужественное и очень пугающее. Чуждое. По-настоящему чуждое.

Кикаха ощутил холодок на затылке. Анана, придвинувшись к нему поближе, прошептала на языке Властелинов:

— Я не знаю, о чем она говорит, но мне это не нравится. У этой девушки есть дар видеть суть вещей, она зундра.

Слово «зундра» не имело точного или хотя бы приблизительного перевода на английский. Оно означало комбинацию психолога, ясновидящей и ведьмы с толикой безумия.

Лу Баум покачал головой, вытер со лба пот, а затем снял и протер очки, моргая близорукими глазами.

— Эта пыпочка — псих, — пояснил он. — С чудинкой. Но в кайф. Она знает, о чем говорит.

— Я улавливаю вибрации, — продолжала Му-Му. — Они меня никогда не подводят. Я могу прочесть характер только так. — Она громко щелкнула пальцами. — Но в вас, особенно в ней, есть что-то такое, чего я не улавливаю. Может быть, вроде того, что вы не от мира сего, знаете ли. Вроде как вы марсиане... или нечто в этом роде.

Невысокий коренастый молодой блондин с изрытым оспой лицом, называвшийся просто Стертым, поднял голову, перестав настраивать гитару.

— Финнеган не марсианин, — усмехнулся он. — У него четкий среднезападный акцент, словно он только что из Индианы, Иллинойса или Айовы. Я бы предположил, что это еще хуже. Верно?

— Это хуже, — подтвердил Кикаха.

— Закройте глаза, люди добрые, — громко призвал Стертый. — Послушайте его! Скажи еще раз, Финнеган! Если его голос не точный дубль голоса Гэри Купера, то я съем бюстгальтер Му-Му!

По просьбе пассажиров Кикаха произнес несколько слов, и все рассмеялись.

— Гэри Купер! Ты когда-нибудь дублировал его?

Это, казалось, разбило напряжение, созданное словами Му-Му. Она улыбнулась и снова села, но ее темные глаза то и дело бросали мгновенные стрелы взглядов в сторону чужаков. Кикаха знал, что она не удовлетворена. Лу Баум сел рядом с Му-Му. Его адамово яблоко работало так, словно являлось поршнем насоса. На лице его утвердилось тяжелое, почти ошеломленное выражение, но Кикаха дога-

дывался, что его все еще разбирает любопытство. И еще ему было страшновато. Баум явно верил в репутацию своей подружки как эксперта. Кроме того, он, вероятно, еще и побаивался ее.

Кикаху это не волновало. Ее анализ чужаков мог быть лишь маневром с целью отпугнуть Баума от Ананы. Важно было как можно скорее попасть в Лос-Анджелес, сведя к минимуму возможность оказаться замеченными людьми Рыжего Орка. Автобус представлялся ему удачей, а как только они доберутся до подходящего места, чтобы свалить, они свалят. И прости-прощай, Король Гномов и его тухлые яйца!

Он оглядел оставшихся обитателей автобуса. Трое мужчин, игравших в карты, подняли головы, когда он прошел, но ничего не сказали. Его слегка отталкивали их лысые головы, клочки седых волос, расплывшиеся и обрюзгшие черты лиц, глаза в красных прожилках, морщины, двойные подбородки и толстые животы. За двадцать четыре года, прожитые во вселенной Джадавина, он видел не более четырех стариков. Люди там жили тысячу лет, если им удавалось избежать несчастного случая или человекоубийства, и не старели до последней сотни лет. Так долго, правда, удавалось прожить немногим. И потому Кикаха забыл о существовании стариков и старух.

Он испытывал отвращение, хотя и не такое сильное, как Анана. Она-то выросла в мире, где вообще не было физически старых людей, и хотя ей исполнилось уже десять тысяч лет, она до сих пор не жила во вселенных, населенных некрасивыми людьми. Властелины были нарочито эстетичным и потому выпалывали некрасивых из своего человеческого имущества и давали уцелевшим шанс обладать долгой-предолгой юностью.

По проходу к нему подошел Баум и спросил:

— Ищешь что-нибудь?

— Мне просто любопытно, — ответил Кикаха, — есть ли тут какой-то способ выйти иначе, чем через переднюю дверь?

— В женской раздевалке есть запасной выход, а что?

— Просто люблю знать подобные вещи, — уклончиво произнес Кикаха. Он не видел, с какой стати надо объяснять, что он всегда узнавал, сколько имеется выходов и насколько они доступны. Он открыл двери в обе раздевалки и туалет, а потом изучил запасную дверь, чтобы в случае необходимости суметь открыть ее мгновенно.

Следовавший за ним Баум заметил:

— Нахальства, друг мой, тебе, конечно, не занимать. Разве ты не знаешь, что любопытство сгубило кошку?

— Данной кошке оно сохранило жизнь,— отпарировал Кикаха.

Баум понизил голос и, подойдя поближе к Кикахе, спросил:

— У тебя действительно пунктик по этой цыпочке?

Фраза для Кикахи была новой, но он понял ее без труда. И ответил:

— Да. А что?

— Очень жаль. Я действительно обалдел от нее. Сам понимаешь, не хочу обидеть,— сказал он, когда Кикаха сузил глаза.— Му-Му настоящая куколка, но немного чудная, ты понимаешь, о чем я. Она говорит, что вы чудики и что в вас есть что-то странное, но мне это нравится. Я хочу сказать, что если тебе нужно немного денег, скажем одна-две тысячи, и ты просто передашь мне, образно говоря, доступ к своей цыпочке... Передашь мне руль, а сам уйдешь немного богаче, ты понимаешь, что я имею в виду...

— Две тысячи! — усмехнулся Кикаха.— Ты, должно быть, очень сильно ее хочешь.

— Две тысячи не растут на денежном дереве, друг мой, но за такую цыпочку...

— Должно быть, твой бизнес очень доходен, если ты можешь выбрасывать такую сумму,— заметил Кикаха.

— Старик, ты шутишь! — Баум, казалось, искренне удивился.— Неужели ты на самом деле никогда не слышал обо мне и моей группе? Мы знамениты! Мы везде бывали, мы тридцать восемь раз попадали в первую десятку, мы выпустили золотую пластинку, мы давали концерты в Чаше! Ты не в струе? И мы снова на пути к Чаше.

— Я долго отсутствовал,— пояснил Кикаха.— А что, если я возьму твои деньги, а Энн не упадет в твои объятия? Знаешь ли, я не могу заставить ее стать твоей женщиной.

Баум, казалось, обиделся.

— Цыпочки предлагают мне себя дюжинами каждую ночь. Я не шучу. Выбор у меня есть. Ты говоришь, что Энн, эта дочь Санта-Клауса, или кто она там, отвергнет меня? Баума, Короля Гномов?

Черты лица Баума не только не отличались красотой и гармонией, но у него были прыщи и кривые зубы. До этого момента интонации Баума оставались просительными, даже

заискивающими, но теперь они стали торжествующими и в то же время презрительными:

— Я могу дать тебе тысячу, возможно, Солли, мой агент, сможет дать тебе пятьсот. На остальные я дам тебе чек.

— Рабство! — хмыкнул Кикаха. — Тебе ведь не может быть больше тридцати пяти, верно? И ты можешь вот так разбрасываться деньгами?

Он вспомнил собственную юность во времена Великой Депрессии. Как много ему приходилось работать просто для того, чтобы выжить, и как тяжело приходилось многим другим...

— Ты чудик, — подтвердил свой вывод Баум. — Неужели ты ничего не знаешь? Или ты меня разыгрываешь?

Голос выдавал переполнявшее его презрение. Кикаха ощутил желание рассмеяться ему в лицо, а также врезать по зубам. Но он не сделал ни того, ни другого. А сказал:

— Я возьму пятнадцать сотен. Но прямо сейчас. И если Энн на тебя наплюет, обратно деньги не получишь.

Баум нервно оглянулся на Му-Му, которая пересела на место рядом с Ананой.

— Подожди, пока не доберемся до Лос-Анджелеса. Мы остановимся перекусить, а потом ты можешь сваливать. Тогда я дам тебе деньги.

— И ты сможешь набраться храбрости и сообщить Му-Му, что Энн останется с вами, а я сваливаю? — поинтересовался Кикаха. — Отлично. За исключением денег. Я хочу получить их сейчас! Иначе я скажу Му-Му, о чем мы только что разговаривали.

Баум чуть побледнел, и его челюсть, выступающая вперед, малость отвисла.

— Ну, ты и змей! Наглости тебе не занимать! Ты думаешь, я обману тебя, выдам легавым?

— Такая возможность приходила мне в голову, — ответил Кикаха, лихорадочно соображая, не означают ли легавые полицейских, — и я хочу подписанное заявление, за что я получаю эти деньги. Подойдет любое законное объяснение.

— Ты, может, и был долгое время вне струи, но не забыл никаких трюков, не так ли? — спросил Баум уже не столь презрительно.

— Люди вроде тебя есть всюду, — лаконично отозвался Кикаха.

Он знал, что им с Ананой понадобятся деньги, а времени зарабатывать у них не было, так что хотел избежать

необходимости грабить кого-либо. Если этот тошнотворный образец самонадеянности считал, что он сможет купить Анану, пусть расплачивается за возможность выяснить, под силу ему это или нет.

Баум порылся в карманах и добыл оттуда восемь сто-долларовых бумажек. Он вручил их Кикахе, затем оторвал от игры своего менеджера, толстого, лысого мужчину с огромной сигарой в зубах. Менеджер сильно жестикулировал и бросал на Кикаху тяжелые взгляды, но уступил. Баум вернулся с пятью стодолларовыми бумажками. Потом написал на обрывке бумаги записку, гласящую, что деньги пошли в оплату долга Полу Я. Финнегану. Вручив ее Кикахе, он настоял на том, чтобы Кикаха, в свою очередь, написал расписку в получении денег. Кикаха еще взял чек на оставшуюся сумму, хотя и не рассчитывал, что удастся превратить их в наличные. Он был уверен, что Баум приостановит выплату по этому чеку.

Кикаха оставил Баума и присел на место, где лежало множество журналов, книги в мягких обложках и «Лос-Анджелес Таймс». Он потратил некоторое время на чтение, а когда закончил, сидел какое-то время, просто глядя в окно.

Бесспорно — с 1946 года Земля изменилась.

Страхнув с себя состояние созерцательного раздумья, он взял замеченную им карту дорог Лос-Анджелеса. Изучив ее, он понял, что Вольф и Хriseида могут оказаться в любом месте столь широко раскинувшегося теперь Лос-Анджелеса. Он тем не менее был уверен, что они двинулись, скорее, в этом направлении, нежели в Неваду или Аризону, поскольку ближайшие врата находились в районе Лос-Анджелеса. Они могли даже ехать в автобусе, шедшем впереди.

Поскольку Вольф и Хriseида воспользовались для своего бегства вратами во дворце вселенной Вольфа, используемыми в качестве экстремального выхода, то одеты в платья Властелинов, а Хriseида могла оказаться вообще без одежды. Так что этой парочке невольно придется позаимствовать облачение у других. И им придется немедленно найти темные очки, так как всякий, увидевший огромные фиолетовые глаза Хriseиды, поймет, что родилась она не на Земле. Или ее сочтут вырождением, несмотря на потрясающую красоту.

И Вольф и Хriseида были достаточно изобретательны, чтобы приспособиться. Особенно Вольф, поскольку провел

на Земле больше времени, чем Кикаха, будучи взрослым. Что же касается Колокольника, то он окажется в абсолютно чужом и пугающем мире. Ни на одном земном языке он не может сказать ни одного слова и станет цепляться за свой колокол, что крайне неудобно и затруднительно. Но он-то мог двинуться в любом направлении.

Единственное, что мог сделать Кикаха, это направиться к ближайшим известным вратам в надежде, что Вольф и Хрисеида сделают то же самое. Если они там встретятся, что вполне возможно, то смогут объединить свои силы, обдумать, какие шаги предпринять, и спланировать наилучший способ обнаружения Колокольника. Если же Вольф и Хрисеида не появятся, то все придется решать Кикахе.

Рядом с ним села Му-Му. Она положила ладонь на его руку и заметила:

— Ох, ну у тебя и мускулы!

— Есть немного,— усмехнулся он.— А теперь, когда ты умаслила меня лестью о моих мышцах, скажи, что у тебя на уме?

Она нагнулась к нему, потершись своей большой грудью о его руку, и сказала:

— Этот Лу! Каждый раз, стоит ему увидеть новую разумную привлекательную цыпочку, как он балдеет. Он ведь говорил с тобой, чтобы ты отдал ему свою подружку, не так ли? Держу пари, он предложил тебе за нее деньги?

— Предложил малость,— согласился Кикаха.— И что из этого?

Она ощупала мышцы его бедра и продолжила:

— В такую игру могут сыграть и двое.

— Ты тоже предлагаешь мне деньги?

Она отодвинулась от него, широко раскрыв глаза, а затем произнесла:

— Ты меня разыгрываешь? МНЕ платить ТЕБЕ?

В другое время Кикаха мог бы сыграть в эту игру до конца. Но, как ни банально это звучало, от него и в самом деле зависела судьба человеческой расы на Земле. Если Колокольник приспособится в этом мире и преуспеет в изготовлении других колоколов, а потом содержащиеся в них разумы захватят тела человеческих существ, то придет время, когда... сама Му-Му станет бездушной вещью, а затем в мозг и тело вселится другое существо.

Это, однако, могло и не иметь значения. Если поверить хотя бы половине того, что он прочел в газете и журналах,

то человеческая раса, вполне возможно, сама обрекала себя на гибель. И всю жизнь на этой планете. Земля, возможно, легко отделается, если в людей вселятся разумы Колокольников. Те были существа логичные и, дай им волю, расчистили бы бардак, в который, кажется, люди превратили всю планету.

Кикаха содрогнулся. Такие мысли становились опасны. Не может быть покоя ему, пока не умрет последний Колокольник.

— Что с тобой случилось? — голос Му-Му потрясал своею мягкостью. — Ты меня не любишь?

Он похлопал ее по бедру и сказал:

— Ты прекрасная женщина, Му-Му, но я люблю Энн. Однако вот что я тебе скажу! Если Королю Гномов удастся превратить Энн в одно из своих тухлых яиц, мы с тобой вместе будем творить музыку. И это будет не та какофония, что сейчас выблевывает радио.

От удивления она дернулась, а затем произнесла:

— Что ты имеешь в виду? Это же «Роллинг Стоунз».

— Мхом им не обрасти, — согласился он.

— Ты не в струе! — воскликнула она. — Приятель, ты квадрат, квадрат, квадрат! Ты уверен, что тебе не за тридцать?

Он пожал плечами. В юности его тоже не волновала такая музыка. Но временами она казалась приятной по сравнению с этим кричащим ритмом, вызывающим желание вцепиться в самого себя.

Автобус выбрался из пустынной местности в край позеленее. Он стремительно летел по шоссе, несмотря на возрастающий поток транспорта. Солнце палило теперь со всей свирепостью, а воздух стал невыносимо горячим. Кроме того, он наполнился шумом машин и вонью выхлопных газов. Глаза у Кикахи заслезились, а в носу появилось такое ощущение, будто туда напихали иголок. Впереди расстиралось сероватое море, потом они въехали в него, и воздух показался несколько чище, а море вновь оказалось впереди.

Му-Му заметила, что смог в это время года действительно свирепствует и особенно здесь. Кикаха прочел об этом в одном из журналов, хотя и не знал происхождения этого слова. Если именно в такой атмосфере жили обитатели южной Калифорнии, то он не желал иметь к ней ни малейшего касательства. У Ананы глаза тоже покраснели и

слезились, она фыркала и жаловалась, что у нее болит голова и заложен нос.

Му-Му оставила его, и рядом села Анана.

— Ты никогда ничего не говорил мне об этом, когда рассказывал о своем мире, — упрекнула она.

— Я сам об этом ничего не знал, — возразил он. — Это появилось после того, как я покинул Землю.

Автобус ехал быстро и как-то беспорядочно. Он то и дело перескакивал с одной полосы на другую, когда протискивался между машинами, идя впрыток с теми, что впереди, и бешено вырываясь вперед. Водитель пригнулся к рулю, глаза его, казалось, горели, рот приоткрылся, и из него выскакивал язык. Водитель не обращал внимания ни на визг тормозов, ни на пронзительные гудки, но наваливался на свой клаксон, когда хотел спугнуть кого-то впереди себя.

Клаксон ревел весьма громко и звучал, должно быть, для многих водителей, словно гудок локомотива. Они убегали на другую полосу, проделывая это иногда так быстро, что чуть не сметали с дороги другие машины. Через некоторое время давка автомобилей стала такой сильной, что автобусу пришлось ползти, как и всем остальным, а иногда даже и останавливаться. На много миль впереди транспорт еле тащился.

Густели жара и серое марево.

— Почему мы не можем установить в этом автобусе кондиционер? — обратилась Му-Му к Бауму. — Денег-то мы заколачиваем вполне достаточно!

— А часто ли мы попадаем на шоссе? — отпаривал менеджер.

Кикаха сообщил Анане о предложении Баума.

— Я не знаю — смеяться мне или плакать, — ответила Анана.

— Немного того и немного другого тебе не помешают, — сказал Кикаха. — Я пообещал, что не буду пытаться отговорить тебя, если ты решишь предпочесть его мне. В чем, кажется, он уверен на все сто процентов.

— Ты меня продаешь, вот и помучайся немного, пока я не приму решения, — пригрозила она.

— Разумеется. Обязательно помучаюсь, — ответил он, поднялся и прогулялся по проходу, потом посмотрел через заднее стекло автобуса. Через некоторое время Кикаха вернулся и сел на прежнее место. — За нами, по-моему, ползет

большой черный «линкольн-континенталь», — сообщил он, понизив голос. — Я узнал одного из сидящих в нем. Я видел его, когда смотрел в бинокль с горы.

— Как они смогли найти нас? — голос ее остался ровным, но тело мгновенно напряглось.

— Может быть, они и не нашли. Может, это простое совпадение. Возможно, они понятия не имеют, что находятся так близко к нам. А впрочем, опять же...

Это казалось совершенно невероятным. Как они могли распознать их? Расставили посты вдоль дороги и увидели, как они проехали на автобусе? Или у Орка такая широко развитая организация, что ему доложил кто-то прямо из автобуса?

Эту последнюю мысль он отмел как чистой воды паранойю. Только время покажет, случайное это совпадение или нет. Пока что, казалось, люди в автомобиле не интересовались автобусом. Между ними шел горячий спор. Трое из них были темноволосыми в возрасте между сорока и сорока пятью. Четвертый — молодой блондин с волосами, подстриженными по моде Юлия Цезаря. Кикаха изучал врагов, пока не запечатлел в памяти их черты. Затем вернулся на прежнее место.

Через некоторое время скорость транспортного потока возросла. Автобус неся мимо мрачных промышленных районов и задних фасадов запущенных зданий. Сероватый с зеленым оттенком смог не густел, но его раздражающее действие менялось.

— Твои соотечественники все время живут в этой отраве, — посочувствовала Анана. — Они, должно быть, очень стойкие.

— Ты об этом знаешь не меньше моего.

Баум вдруг поднялся со своего места возле Му-Му и сказал водителю:

— Джим, когда подъедем к гражданскому центру, при тормози и поищи забегаловку под открытым небом. Я проголодался.

Остальные запротестовали. Можно было бы поесть в отеле, когда туда приедут. Чего он спешит?

— Я голоден! — крикнул он. Посмотрел на них диким взглядом и с силой топнул ногой. — Я голоден! Я не хочу больше ждать! Кроме того, если нам, как обычно, придется пробиваться через толпу хипповок, мы можем еще и задержаться на немалый срок! Давайте перекусим сейчас!

Все пожали плечами. Очевидно, они уже сталкивались с подобным поведением Баума. Он выглядел так, словно, того и гляди, примется визжать и пробивать пол ногами в приступе ярости, если не сделает по-своему.

Однако на этот раз это был не каприз. Му-Му закатила глаза, потом подошла к Кикахе и сказала:

— Он дает тебе знать, Рэд, что пришла пора откланяться. Тебе лучше забрать свое имущество и поцеловать на прощание подружку.

— Ты уже сталкивалась с этим и раньше? — поинтересовался Кикаха. — Почему ты так уверена, что Энн останется?

— Насчет нее у меня нет уверенности, — призналась Му-Му. — Я почувствовала в вас что-то чудное. И это ощущение не прошло. Скорее, оно даже усилилось. — Она удивила Кикаху, когда добавила: — Вы ведь убегаете, не правда ли? От легавых. И от других. Больше, чем от легавых. Кто-то сейчас наступает вам на пятки. Опасность я нюхом чую. — Она сжала ему руку, нагнулась и прошептала: — Если я смогу помочь тебе, то буду в отеле неделю. Отель «Беверли Хилтон», а потом мы отправимся в Сан-Франциско. Позвони мне. Я скажу в отеле, чтобы тебя соединили. В любое время.

Кикаха ощутил тепло от ее интереса и предложения о помощи. В то же время он не мог не учитывать того, что она, вероятно, знала больше, чем следовало бы знать его будущему другу. Не могла ли она оказаться связанной с Рыжим Орком?

Подумав, он отверг это предположение. Жизнь его была настолько полна опасностями, рискованными ситуациями, сменяющими одна другую, что у него появилась привычка всегда учитывать наихудшее и планировать противодействие, стремясь избежать этого худшего. В данном случае Му-Му могла быть просто весьма чувствительной личностью.

Автобус съехал с шоссе и покатил к Музыкальному Центру. Кикахе хотелось бы изучить здешние высотные здания, напомнившие ему небоскребы Манхэттена, но он следил за большим черным «линкольном» и сидевшей в нем четверкой. Автомобиль свернул с шоссе вслед за автобусом, и теперь их отделяли от автобуса две машины. Кикаха был готов допустить, что этот маневр тоже являлся не более чем совпадением, но весьма сильно в этом сомневался.

Автобус подрулил к углу стоянки, в центре которой находился большой прилавок, где торговали гамбургерами. Дверца автобуса раскрылись, и шофер вылез первым. Баум взял за руку Анану и вывел ее. Уголкем глаза Кикаха заметил это, но сам в это время следил за «линкольном», который тоже завернул на стоянку, держась в пяти автомобилях от прилавка.

Баума сразу же окружило пять-шесть молоденьких девчонок, которые выкрикивали его имя и множество неразборчивых восклицаний. Баум улыбнулся им и помахал руками, чтобы они отошли. После минутной борьбы ему и мужчинам постарше удалось оттеснить девчонок.

Кикаха, держа в руке футляр, последовал за Му-Му через автостоянку к раскладному столу под тентом, где уже сидели Анана и Баум. Официантка принесла гамбургеры, «горячие собаки», взбитые сливки и кока-колу. У Кикахи слюнки потекли, когда он увидел гамбургер. Прошло ведь больше двадцати четырех лет с тех пор, как он в последний раз пробовал гамбургер! Он откусил, потом медленно прожевал. В мясе имелся какой-то незнакомый элемент, который ему не понравился. Эта же невкусная субстанция присутствовала, кажется, в латуке и помидорах.

Анана поморщилась и на языке Властелинов спросила:

— Что вы кладете в эту пищу?

— Может быть, инсектициды, — пожал плечами Кикаха. — Хотя их доля так мала, что я не стал бы утверждать наверняка. И все же тут что-то есть.

Им больше повезло со взбитыми сливками и шоколадом. Сливки оказались такими же густыми, кремовыми и вкусными, какими он их помнил. Анана тоже одобрительно кивнула. Четверка все еще сидела в «линкольне» и смотрела на него и Анану. Во всяком случае, на их группу.

— Ладно, Финнеган, — произнес Баум, посмотрев на Кикаху. — Давай, сваливай.

Кикаха взглянул на него и напомнил:

— Согласно сделке я сваливаю, если она согласится остаться с тобой.

— Я просто пытаюсь пощадить твои чувства, мой среднезападный провинциальчик, — засмеялся Баум. — Но, будь по-твоему. Следи за мной и, может быть, чему-то научишься.

Он склонился к Анане, занятой разговором с Му-Му. Му-Му взглянула разок на лицо Баума, потом встала и

отошла. Кикаха следил за Ананой и Баумом. Разговор был коротким, действие — внезапным и взрывным.

Анана отвесила Бауму оплеуху с такой силой, что звук ее можно было слышать даже сквозь гомон его поклонниц и рев уличного движения. Наступило короткое затишье, а затем раздались гневные вопли со стороны гомонивших поклонниц. Баум возмущенно закричал и правым кулаком замахнулся на Анану. Она ловко увернулась и соскользнула со скамьи, а потом обзор Кикахе загородили окружившие ее люди.

Он сгреб со стойки кучу мелочи, оставленную клиентами. Сунув ее в карман, он нырнул в потасовку. Однако его тут же чуть не сбили с ног люди, пытавшиеся оттуда выбраться. Девушки врезались в него, царапались, визжали, норовили выдавить глаза и лягались. Внезапно открылось свободное пространство. Он увидел лежащего на цементном полу Баума, прижавшего к груди ноги и державшегося за пах. Около него, согнувшись пополам, сидела девица и держалась за живот. Другая девица спиной к нему склонилась над столом, ее рвало.

Кикаха схватил Анану за руку и крикнул:

— Ходу! Вот шанс, которого мы ждали!

Держа футляр в одной руке, он повел ее к обратной стороне стоянки. Перед тем как они забежали в узкий переулок между двух высоких зданий, он оглянулся. Машина с их преследователями въехала на стоянку, и трое сидевших в ней вылезли. Они заметили свою дичь и рванули к ним. Но они не были столь глупы, чтобы вытаскивать оружие до того, как догонят убежавших людей. Кикаха же не собирался допускать, чтобы их настигли.

Но потом, когда они уже выбежали из переулка на соседнюю улицу, он передумал:

— А почему бы и нет? Я могу потратить не один год, пытаюсь найти Рыжего Орка, но если я смогу заполучить в свои руки тех, кто на него работает?..

Соседняя улица была не менее деловой, чем только что покинутая. Кикаха и Анана перестали бежать, но шли быстрым шагом. Полицейский автомобиль, следовавший в том же направлении, вдруг прибавил скорость, и его мигалка ожила. Автомобиль свернул, взвизгнув тормозами, преследуемый проклятиями старика, похожего с виду на алкаша.

Кикаха оглянулся. Трое все еще шли за ними, но не делали попыток догнать их. Один говорил во что-то, скры-

тое у него в руке. Он беседовал либо с человеком, который остался в машине, либо со своим боссом. Кикаха усвоил теперь, что с 1946 года радиопередатчики стали гораздо меньше, а человек мог пользоваться вполне обычным миниатюрным телефоном. С другой стороны, он мог использовать прибор, неизвестный на Земле никому, кроме тех, кто работал на Рыжего Орка.

Они продолжали идти. Когда прошли два квартала, Кикаха снова оглянулся. Большой черный «линкольн» остановился, и трое садились в него. Кикаха задержался перед витриной ломбарда и посмотрел сквозь грязное стекло на обломки людских надежд.

— Мы дадим им шанс сцапать нас,— сказал он.— Не знаю, хватит ли у них пороха сделать это среди бела дня, но если хватит, то вот что мы сделаем...

«Линкольн» поравнялся с ними и встал.

Кикаха обернулся и усмехнулся сидящим в машине. Передняя и задняя дверцы с правой стороны открылись, и три человека вылезли из «линкольна». Они двинулись к парочке, не вынимая рук из карманов. В этот момент впереди по улице взвыла сирена. Троица резко дернула головами, посмотрев на внезапно появившийся полицейский автомобиль. Он пролетел между машинами, сделал крутой вираж, огибая стоявший «линкольн», и полетел дальше как раз под красный светофор. Он продолжал мчаться, направляясь почему-то не к суматохе за углом.

Трое небрежно повернулись и пошли к «линкольну». Кикаха воспользовался тем, что их внимание отвлек полицейский автомобиль и, прежде чем они успели обернуться,— очутился у них за спиной. Ткнув костяшками пальцев в спину самого старшего, Кикаха сказал:

— Если ты будешь дергаться, я прожгу в тебе дыру.

Держа палец на спуске кольца, Анана приставила его к спине молодого блондина со спутанными волосами. Тот застыл, и челюсть у него мгновенно отвисла, словно он не мог поверить, что их дичь не только накинута на них, но и сделала это, не обращая внимания на полсотни свидетелей.

«Линкольн» начал подавать сигналы. Водитель жестом велел троице поспешить с возвращением, а потом заметил, что Кикаха с Ананой вплотную прижались к спинам двоих. Третий, расслышавший слова Кикахи, помахал рукой водителю, чтобы тот уехал. «Линкольн» рванулся с места,

визжа и сжигая шины и, не притормаживая, скрылся за углом.

— Это был умный ход! — похвалил Кикаха стоящего перед ним. — Один — ноль в вашу пользу.

Третий стал уходить.

— Я убью этого парня, если ты не вернешься! — пригрозил Кикаха.

— Убивай! — отозвался тот, продолжая идти.

— Отпусти своего, — велел Кикаха Анане на языке Властелинов. — Мы оставим этого. Отправимся в уединенное место и там потолкуем.

— А что помешает другим последовать за нами?

— Ничего. В данный момент меня это не волнует.

Его волновало, но он не хотел, чтобы об этом знали другие. Блондин презрительно фыркнул и вразвалочку пошел прочь. Однако было нечто в походке, что выдавало его страх. Он испытывал большое облегчение оттого, что удалось уйти невредимым.

Кикаха уведомил оставшегося бандита, что произойдет, если он попытается сбежать. Тот не ответил. Он казался очень спокойным. Истинный профессионал, подумал Кикаха. Лучше бы придержать молодого блондина, который мог оказаться и не столь стойким при разговоре. Правда, было уже слишком поздно что-либо менять.

Проблема состояла в том, куда вести этого для допроса? Они находились в центре огромного мегаполиса, незнакомого ни Кикахе, ни Анане. Судя по виду зданий и большинства пешеходов, здесь полно третьеразрядных отелей. Вполне возможно, там удалось бы снять номер и допросить пленника. Но тот мог разрушить планы, если откроет рот и закричит. И даже если удастся привести его в номер отеля, то приятели проследят и вызовут подкрепление. Номер отеля станет ловушкой.

Кикаха отдал приказ, и они втроем двинулись вперед. Он шел с одной стороны пленника, а Анана — с другой. Кикаха изучал профиль пленника. Это был человек лет пятидесяти с темно-желтоватой кожей, карими глазами, большим кривым носом, толстогубым ртом и массивным подбородком. Кикаха спросил, как его зовут, и тот буркнул:

— Мазарен.

— На кого ты работаешь? — спросил Кикаха.

— На того, с кем тебе лучше бы не связываться, — отозвался Мазарен.

— Скажешь мне, кто твой босс и как до него добраться, и я тебя отпущу на все четыре стороны,— пообещал Кикаха.— А иначе буду поджаривать, пока не скажешь. Ты знаешь, что у каждого человека есть предел терпения, и ты, возможно, сумеешь долго терпеть, но, в конце концов, все выдашь.

— Разумеется,— пожал широкими плечами пленник.— Ну и что?

— Ты и вправду такой преданный?

Тот презрительно взглянул на Кикаху.

— Нет, но считаю, что вам не выпадет ни малейшего шанса сделать боссу что бы то ни было. Больше я ничего говорить не стану.

Мазарен закрыл рот и отвел взгляд.

Они прошли пару кварталов. Кикаха оглянулся. Из-за угла выехал «линкольн», подобрал двоих и теперь медленно катил по ближайшей к тротуару полосе. Кикаха не сомневался, что те, в автомобиле, вступили в контакт со своим хозяином и дожидались подкрепления. Положение становилось безвыходным.

Потом Кикаха ухмыльнулся. Он быстро переговорил с Ананой, и они направили Мазарена к краю тротуара. Подождали, пока «линкольн» поравнялся с ними, а потом шагнули на мостовую. Трое в машине уставились на них, словно не могли поверить собственным глазам. Кроме того, похоже, что их охватило беспокойство. Когда Кикаха махнул им рукой, машина остановилась. Двое, сидевшие с правой стороны, вытащили пистолеты и направили их через окно, хотя и прикрывали, по возможности, стволы руками.

Кикаха толкнул Мазарена вперед, и они обошли автомобиль спереди, подойдя к водителю. Анана осталась стоять по другую сторону, примерно, в пяти футах от машины. Мазарен со злобой поглядел на него, потом открыл заднюю дверцу и начал залезать в машину. Кикаха впихнул его и влез вслед за ним. Анана тоже подошла к машине. Водитель обернулся, и двое других тоже повернулись, чтобы наблюдать за Кикахой. Анана прижала кольцо, вновь установленное на оглушающий удар, к голове человека на правом переднем сиденье. Тот рухнул, и в этот же момент Кикаха оглушил Мазарена.

Молодой блондин на правом заднем сиденье направил пистолет на Кикаху и нервно завопил:

— Ты, должно быть, спятил! Не шевелись, а то сделаю в тебе дыру!

Заряд из кольца ударил его по затылку и распространился по костям черепа. Вероятно, он получил ожог. Голова дернулась вперед, словно под ударом кулака, и рефлекторно сжавшийся палец нажал спуск. Автоматический пистолет сорок восьмого калибра выстрелил. Внутри машины выстрел получился очень громким. Мазарен дернулся и повалился назад, задев Кикаху тыльной стороной ладони.

Водитель заорал и рванул машину с места. Анана отпрыгнула в сторону, чтобы ее не переехали, а Кикаха закричал на водителя, но тот продолжал давить на педаль газа, выкрикнув в ответ ругательство. Видимо, он собирался гнать и дальше, хотя впереди на светофоре горел красный. Шофер, несомненно, предполагал, что Кикаха не рискнет ударить его, побоявшись нокаута. Тем не менее Кикаха оглушил водителя, и автомобиль немедленно потерял скорость. Он, правда, не останавливался и поэтому прокатился и врезался в заднюю часть машины, которая стояла перед светофором, ожидая, когда красный свет сменится зеленым. Чтобы смягчить удар, Кикаха присел на корточки позади сиденья водителя. Его бросило вперед вместе со спинкой, но большую часть энергии удара погасило тело водителя.

Сразу после столкновения Кикаха открыл дверцу и выполз из машины. Человек впереди все еще сидел на своем месте и выглядел оглушенным. Кикаха протянул руку внутрь машины и вытащил из пиджака Мазарена бумажник. Ни в отделении для перчаток, ни на колонке руля не было регистрационной карточки на машину. Кикаха не мог себе позволить оставаться на месте, поэтому отошел от машины, а потом припустил бегом, услышав позади крики.

Он встретился с Ананой на перекрестке, и они свернули за угол. Преследовал Кикаху только один человек, да и тот остановился, когда Кикаха грозно посмотрел на него. Кикаха остановил проезжающее такси. Вспоминая карту, изученную в автобусе, он велел водителю высадить их на Лорейн к югу от Уилшира.

Анана не спрашивала, что он делает, поскольку он приказал ей помалкивать. Он не хотел, чтобы таксист запомнил женщину, говорившую на иностранном языке, хотя

все равно ее красота и их походная одежда отложатся в его памяти.

Он выбрал для высадки многоквартирный дом, велел шоферу остановиться подле него, расплатился и дал доллар на чай. Затем они с Ананой поднялись по лестнице и вошли в вестибюль, оказавшийся пустым. Подождав, пока такси отъедет, они направились к Уилширу.

Здесь они сели на автобус.

Через несколько минут Кикаха вывел Анану из автобуса, и она осведомилась:

— А теперь что?

Хотя, кажется, в данный момент она не очень-то интересовалась следующим шагом, поскольку вглядывалась в бензоколонку на другой стороне улицы. Для Кикахи архитектура ее тоже была новой. Он мог сравнить ее только с чем-то из сериалов о Френке Гордоне. Анана, конечно, видела немало различных вселенных с самыми различными архитектурными стилями. Но эта Земля была такой страшной.

Кикаха сообщил ей свои планы. Они направятся к Голливуду и поищут мотель или отель в районах подешевле. Из газеты и журналов он узнал, что в том районе обитало множество проезжих «перекати-поле» — их теперь называли хиппи — и более диких элементов из тех, что помоложе.

Через пару минут они поймали такси, и оно доставило их на Сансет-бульвар. Там они довольно долго прогуливались. Солнце зашло, на улицах зажглись фонари. Сансет-бульвар заполняли автомобили, шедшие бампер в бампер. На тротуарах начиналась толкотня, собирались толпы народа, главным образом хиппи, о которых он читал. Появилось там и немало персонажей, каких следовало ожидать в Голливуде.

Они остановили одного из бесцельно бродивших юнцов и расспросили насчет хазы. Молодой парень с волосами до плеч и густыми усами по моде 1890 года, но одетый в дорогой на вид костюм, дал им несколько полезных советов. Он хотел поговорить и даже пригласил пообедать. Его явно заворожила Анана.

— До скорого, — решительно распрощался с ним Кикаха, и они отвалили. Спустя полчаса они уже сидели в номере отеля на боковой улочке. Номер не был люксом, но вполне годился для Кикахи, прожившего двадцать четыре

года в первобытных условиях. Тут оказалось не так тихо, как бы ему хотелось, поскольку в соседнем номере шла гулянка. Радио или проигрыватель извергали из себя один из наиболее громких образчиков рока, топало множество ног, и визжали голоса.

Пока Анана принимала душ, Кикаха изучил содержимое бумажников, забранных у людей Орка. Фредерик Джеймс Мазарен и Джеффи Веласкес Рамос жили, как извещали их водительские удостоверения, на бульваре Уилшир. Карта подсказала ему, что эти адреса находились поблизости от границы городского центра Уилшир. Он подзревал, что эта пара жила в отеле. Мазарену оказалось сорок восемь лет, а Рамосу — сорок шесть. Еще в бумажниках отыскивались кредитные карточки (почти невероятные в 1946 году, если он правильно помнил), несколько фотографий, на которых оба были сняты с женщинами, деньги — около трехсот двадцати долларов — и клочок бумаги в бумажнике Мазарена с десятью инициалами в одной колонке и номерами телефонов в другой.

Кикаха зашел в ванную и, открыв дверь душа, сообщил Анане, что перейдет через улицу к телефонной будке.

— Почему ты не воспользуешься здешним телефоном?

— Он проходит через коммутатор отеля, — пояснил он, — и я не хочу рисковать — могут подслушать.

Он прошел несколько кварталов до аптеки-закусочной, где добыл мелочь. Постоял минутку, раздумывая, не воспользоваться ли телефоном аптеки, а затем решил вернуться к будке рядом с отелем. Тогда он сможет следить за входом, пока обзванивает номера.

На минутку он задержался у ряда с книгами в мягких обложках. Давненько он не читал книг. Ну, он читал тишкетмоакские книги, но тишкетмоаки не издавали ничего, кроме научных, исторических и теологических трактатов. Жители яруса, называемого Атлантидой, издавали беллетристику, но он провел там слишком мало времени, хотя и планировал как-нибудь пожить подольше. Существовали кое-какие книги семитской цивилизации в Дракландии, но число романов было невелико, а разнообразие весьма ограничено. Во дворце Вольфа имелась библиотека в двадцать миллионов томов, но Кикаха провел там недостаточное время, чтобы прочесть хотя бы малую часть.

Он осмотрел подборку, сознавая, что не следует терять на это время, и, наконец, выбрал три. Одна была книгой

Тома Вольфа (неизвестного ему, не Томаса Вульфа). Ему показалось, что она сможет дать представление о духе времени нынешней эпохи. Другие были документальными: книга Азимова (который, кажется, был тем же человеком, что и писатель-фантаст, которого он помнил) и книги по черной революции. Он направился к стойке с журналами и купил «Лук», «Лайф», «Сатедей», «Ревю», «Нью-Йоркер», «Лос-Анджелес мэгэзин» и несколько научно-фантастических журналов.

Держа книги, журналы и вечерний выпуск «Таймс», он вернулся к телефонной будке. Сперва он позвонил Анане и удостоверился, что с ней все в порядке. Затем, достав карандаш и бумагу, он стал по очереди набирать каждый из номеров, записанных на клочке бумаги из бумажника Мазарена.

Три номера оказались номерами женщин, отрицавших всякое знакомство с Мазареном. Три номера не ответили. Кикаха отметил их, чтобы позвонить попозже. Один номер, судя по доносившимся в трубке разговорам, мог быть установлен в конторе букмекера. Ответивший мужчина говорил так же уклончиво, как и женщины. Восьмой звонок соединил Кикаху с барменом, которому Кикаха сказал, что ищет Мазарена.

— Разве ты не слышал, приятель? — спросил бармен. — Мазарена сегодня убили.

— Кто-то убил его? — произнес Кикаха так, словно был просто потрясен услышанным. — Кто это сделал?

— Никто не знает. Какой-то парень ехал с Фредом и несколькими ребятами, и вдруг этот тип ни с того ни с сего выхватил у Чарли из кармана пистолет, выстрелил Фреду в грудь, а после смылся, нокаутировав Чарли, Рамоса и Зигги.

— Да? Эти ж ребята профи. Должно быть, проявили беззаботность или что-то в этом духе. Слушай, а разве это не взбесит их босса? Он, должно быть, вне себя от бешенства!

— Шутишь, друг? Кэмбринга ничто не заставит выйти из себя. Слушай, я должен идти, клиент стоит. Заскакивай, поднесешь мне рюмку, и я тебе поведаю все кровавые подробности.

Кикаха записал фамилию Кэмбринга, а затем просмотрел телефонную книгу. В телефонной книге Лос-Анджелеса и других, окружавших его городков, никакого Кэмб-

ринга не нашлось. Девятый номер оказался телефоном гаража в Калвер-сити. Ответивший заявил, что никогда не слышал ни о каком Мазарене. Кикаха сомневался, что ему сказали правду, но ничего не мог поделать.

Последний номер был написан напротив букв Р. К. Кикаха надеялся, что они обозначают Р. Кэмбринг, но женщина, которая ему ответила, оказалась Роной Кольерс. Отвечая на его вопросы, она проявила такую же осторожность, как и прочие.

Он снова позвонил Анане, чтобы еще раз удостовериться, что с ней все в порядке. Потом вернулся в номер, где заказал обед из «цыплячьего восторга». Он съел все, что было в коробке, но в пище ощущался тот же самый привкус чего-то неприятного. Анана тоже съела все, но осталась недовольна.

— Завтра суббота, — принялся он размышлять вслух. — Если мы не найдем каких-нибудь многообещающих ниточек, то пойдем купить кое-какую одежду.

Он принял душ и успел вытереться. В этот момент принесли бутылку «Дикой индейки» и шесть бутылок «Туборга». Анана попробовала и то, и другое и остановилась на датском пиве. Кикаха пригубил немного бурбона и скривился. Владелец винного магазина утверждал, что у него лучший в мире бурбон. Прошло слишком много времени с тех пор, как Кикаха в последний раз пробовал виски. Ему придется заново учиться пить его. Если, конечно, найдется для этого время, в чем он сильно сомневался. Подумав, Кикаха решил выпить бутылку-другую «Туборга». Пиво показалось ему вкусным, вероятно, потому, что пивоварение было хорошо известно в многоярусном мире и пить его он не отвык.

Он сидел в кресле, потягивая пиво, и вслух медленно читал по-английски газету для Ананы. В первую очередь он искал каких-нибудь сообщений о Вольфе, Хрисеиде или Колокольнике. Наткнувшись в газете на заметку о Лоботрясах Люцифера, он выпрямился в кресле. Их обнаружили полуголых, избитых и обгорелых у дороги подле озера Эрроухэд. Полиции они рассказали байку, что на них напала соперничающая банда.

Страницей дальше он нашел сообщение о гибели вертолета неподалеку от озера Эрроухэд. Вертолет из аэропорта Санта-Моника принадлежал некому мистеру Кэмбрингу, который однажды был привлечен к суду, но не осужден,

за подкуп муниципальных чиновников в связи с земельными сделками. Кикаха восторженно завопил, а потом объяснил Анане, какая это удача.

В статье не указывался адрес Кэмбринга, но Кикаха позвонил в контору «Тон Хэт Энтерпрайзис», что принадлежала Кэмбрингу. Телефон звонил долго, и Кикаха, наконец, сдался. Тогда он позвонил в «Лос-Анджелес Таймс». Три-четыре минуты его гоняли от репортера к репортеру, но, в конце концов, он получил необходимую информацию. Мистер Рой Ариделл Кэмбринг проживал на бульваре Римпо. Сверка с городской картой подсказала, что дом находится в нескольких кварталах севернее Уилшира.

— Это удача,— сказал он.— Я нашел бы Кэмбринга, если бы нанял для этого частного детектива, но это отняло бы много времени. Давай-ка ляжем спать. Завтра у нас будет много дел.

Однако прошел час, прежде чем они заснули. Анана хотела спокойно полежать в его объятиях, болтая о том о сем, о своей жизни до того, как встретилась с Кикахой, но главным образом о приключениях, которые они пережили вместе. На самом-то деле они знали друг друга не больше двух месяцев, и их совместная жизнь началась совсем недавно. Но она утверждала, что любит Кикаху, и вела себя так, будто это правда. Он ее любил, но у него хватало опыта общения с Властелинами, чтобы сомневаться в глубине ее чувств. Прожить десять тысяч лет — не шутка. Однако верно и то, что жизнь некоторых Властелинов была настолько насыщенной и интересной, что им мог позавидовать любой из ныне живущих людей. Несмотря на свое бессмертие, они воспринимали каждое мгновение как последнее. Иначе им бы не вынести мысли о бесконечных годах, ожидающих впереди.

Кикаха наслаждался близостью Ананы, хотя оказался бы еще счастливее, будь у них немного свободного времени, чтобы получше узнать друг друга. Именно на недостаток покоя и жаловалась Анана. Хотя и не ныла. Она знала, что всему на свете рано или поздно приходит конец.

Думая об этом, он заснул, но где-то посреди ночи внезапно проснулся. На секунду ему показалось, что кто-то проник в номер, и он выхватил нож, лежавший под подушкой. Глаза его тревожно осматривали комнату, озарен-

ную сквозь жалюзи светом яркой неоновой рекламы за окном. Он никого не заметил. Медленно, стараясь, чтобы не скрипнула кровать, он встал с постели и осторожно прошелся по номеру, заглянул в ванну, потом посмотрел в шкаф. Окна были по-прежнему заперты изнутри, дверь закрыта, а придвинутое к ней бюро оставалось на месте. Под кроватью тоже никого не было.

Кикаха решил, что его нервная система дала осечку. Ничего удивительного, ведь даже во сне он чувствовал себя так, будто шел по натянутой проволоке и бессознательно ожидал падения.

Однако он не мог ошибиться. Что-то же его разбудило. Перед тем как проснуться, он видел сон. О чем?

Он никак не мог ухватить его за хвост и вытащить из подсознания, хотя неоднократно пытался. Кикаха расхаживал взад-вперед, все еще держа в руке нож, и старался воссоздать миг непосредственно перед пробуждением. Через некоторое время он сдался. Но заснуть вновь уже не смог. Он вновь поднялся, оделся, а потом осторожно разбудил Анану. При его нежном прикосновении к лицу она вскочила с постели с ножом в руке.

Отступив назад, он сказал:

— Все в порядке, любимая, просто я хотел сообщить тебе, что отправляюсь проверить дом Кэмбринга. Спать я больше не могу. Я чувствую себя так, словно мне надо срочно сделать нечто важное. У меня и прежде бывало такое чувство, и оно всегда оказывалось правильным.

Он не добавил, что подобные предчувствия возникали у него только перед самыми серьезными, почти фатальными неприятностями.

— Я пойду с тобой.

— В этом нет необходимости. Я ценю твое предложение, но лучше оставайся здесь и спи. Обещаю тебе не заниматься ничем, кроме разведки на безопасном состоянии. Тебе не придется ни о чем беспокоиться.

— Ладно, — согласилась она полусонно. Она доверяла его способностям. — Поцелуй меня еще раз, пожелай спокойной ночи и ступай. Хорошо, что у меня не такая беспокойная душа.

В холле было пусто. Улица перед отелем тоже выглядела пустынной, хотя несколько машин и промчалось мимо. Монотонный рев снижающегося над международным аэропортом самолета звучал, казалось, прямо над головой, но по

огням было видно, что он находится в нескольких милях к юго-востоку. Кикаха двинулся по улице в южном направлении, надеясь, что не встретит никаких машин с фараонами. Из прочитанного он понял, что бегущий человек автоматически попадает под подозрение в любой части города, так же как и человек, гуляющий ночью в респектабельном районе.

Кикаха мог взять такси и доехать до места, близкого к его цели, но предпочитал следовать бегом. Ему не мешало потренироваться: если он собирается долго жить в этом городе, то быстро размякнет без тренировок.

Смог, казалось, исчез вместе с солнцем. По крайней мере, глаза у него больше не слезились, хотя он запыхался, пробежав всего восемь кварталов. Наверное, воздух вокруг был полон ядовитых веществ. Или же Кикаха сдавал быстрее, чем считал возможным.

Судя по карте, дом Кэмбринга находился в трех с половиной милях от их пристанища.

Добежав до Рампо, Кикаха очутился в районе старых особняков. Дома выглядели так, словно здесь жили только богатые люди. Потом, похоже, что-то изменилось — многие строения требовали ремонта, кое-какие были уже переделаны в многоквартирные. Но немало особняков сохранилось в отличном состоянии.

Дом Кэмбринга оказался огромным трехэтажным строением. По его виду можно было предположить, что он выстроен около 1920 года кем-то, кто испытывал ностальгию по архитектуре, популярной среди богачей Среднего Запада. В доме имелась высокая терраса, посреди лужайки пролежала дорожка, а изогнутый подъездной путь вел к крыльцу. Недалеко от крыльца было припарковано три автомобиля. На лужайке росла дюжина могучих дубов и несколько сикоморов, а среди деревьев располагалось несколько высоких, красиво подстриженных кустов. Весь участок, кроме передней части, окружала высокая кирпичная стена.

На первом и втором этажах за задернутыми занавесками горел свет. На втором этаже частично видимого Кикахе гаража окна тоже светились. Он прошел к углу дома. Здесь кирпичная стена шла вдоль тротуара. Часть пути была еще одним подъездным путем к гаражу. Он остановился перед закрытыми железными воротами.

Вполне возможно, что на земле среди деревьев были установлены приборы электронного наблюдения, но тут

ему придется рисковать. Кроме того, неплохо бы выяснить это прямо сейчас.

Он сомневался, что Рыжий Орк жил в этом доме. Кэмбринг, вероятно, был одним из подчиненных Орка, стоявшим, вероятно, на иерархической лестнице довольно низко. Властелин Земли обосновался бы с комфортом в истинно роскошном жилище за хорошо охраняемыми стенами.

Кикаха взял нож в зубы и установил излучатель кольца на максимальную мощность, при которой мог разрезать тело с дистанции в двести футов. Вместо того чтобы вернуться к фасаду, он прошел вдоль стены к боковой стороне дома. Забраться здесь будет трудней, но прикрытие выглядело лучше.

Отступив на мостовую, он разбежался и прыгнул вверх. Пальцы цепко ухватились за край стены, он легко подтянулся и влез на стену. Кикаха растянулся на стене и лежал, наблюдая, не поднимется ли тревога в доме и гараже. Прошло минуты четыре. Автомобиль, мчавшийся по улице, свернул за угол и полетел дальше по улице. Вполне возможно, что обитатели дома смогли заметить его фигуру в свете фар. Кикаха спрыгнул со стены на мягкую травянистую почву. В случае опасности он мог запрыгнуть на ветку дуба, спиленную почти у самой стены.

Было около трех часов утра, если его не подводило чувство времени. Часов он не носил, но собирался обзавестись ими, поскольку теперь находился в мире, где точное измерение времени было очень важным.

Следующие десять минут он провел, изучая район, непосредственно прилегающий к дому и гаражу. Три раза он забирался на дерево и пытался заглянуть в окно, но ничего не увидел. Он побродил вокруг автомобилей, но побоялся открывать дверцы, опасаясь, что сработает сигнализация. Казалось вполне вероятным, что гангстер вроде Кэмбринга будет больше беспокоиться о бомбе, подложенной в машину, чем о вторжении в свой дом. Большого черного «линкольна» здесь не оказалось. Кикаха подумал, что его конфисковала полиция в качестве улики в деле об убийстве. Он несколько раз прочитал номера машин, чтобы их запомнить, хотя у него в кармане имелись листок бумаги и карандаш. За годы, проведенные в соседней вселенной, он привык полагаться на свою память. Кикаха развил ее до такой степени, какую двадцать пять лет назад счел бы невероятной. У неграмотности есть свои плюсы. Сколько

образованных людей на Земле могли бы вспомнить точную топографию сотен мест, или начертить карту пятидесяти тысяч маршрута, или прочесть наизусть эпическую поэму в три тысячи строк?

Минут через пятнадцать он проверил все, что мог, за пределами дома и точно знал, где и что находится. Теперь пришло время убираться. Он пожалел, что пообещал Аане ограничиться только разведкой. Искушение проникнуть внутрь было почти неодолимым. Если бы он смог захватить Кэмбринга и выжать из него кое-какие сведения... Но он пообещал. И она осталась спать, поскольку верила, что он сдержит обещание. Это само по себе указывало, как сильно она его полюбила, потому что Властелины, как правило, никому не доверяли.

Некоторое время он стоял, пригнувшись за кустами во дворе, зная, что ему следует убираться, но ждал, надеясь, что произойдет нечто и вынудит его предпринять какие-то действия. Минута проходила за минутой. Потом он услышал, как в доме зазвонил телефон. За занавеской окна на втором этаже зажегся свет. Кикаха поднялся, приблизился к дому и приставил к стене дома небольшой, похожий на колокольчик прибор. От прибора тянулся шнур к маленькому наушнику. Он услышал, как чей-то голос произнес:

— Да, сэр. Вас понял. Но как вы нашли их, если мне позволительно спросить?

Наступило краткое молчание, потом тот же человек продолжил:

— Извините, сэр. Я, конечно, не хотел совать нос не в свое дело. Да, сэр, больше это не повторится. Да, сэр, я вас понял сразу. Я теперь точно знаю, что делать. Я позвоню вам, как только мы начнем операцию, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Сердце у Кикахи забилося чаще. Кэмбринг мог разговаривать прямо с Рыжим Орком. Во всяком случае, происходило нечто важное. Нечто угрожающее.

Он услышал шаги и звон зуммера. Голос произнес — надо полагать через интерком — «Одевайтесь и живо сюда! Рысью! У нас есть дело! Живей!»

Кикаха наконец-то решил, что ему делать. Возможно, из их слов он поймет, что бандиты направляются не за ними. Тогда после их отъезда он проникнет в дом. С его стороны будет просто глупо не воспользоваться ситуацией. Аане должна это понять.

Если же он услышит, что речь идет о нем и Анане, то смоеся к ближайшей телефонной будке. Он пошарил в карманах в поисках мелочи и выругался. После сделанных вечером звонков у него осталась всего одна десятицентовая монетка.

Семь минут спустя через боковую дверь вышли восемь человек. Кикаха следил за ними из-за дерева. Четверо сели в «мерседес-бенц», а четверо — в «меркурий». Он не мог понять, кто из них Кэмбринг, так как никто не произнес ни слова, когда выходил на улицу. Один из них открыл дверцу машины для высокого человека с пышными кудрявыми волосами и дерзким длинным носом. Кикаха подозревал, что это и есть Кэмбринг. Кроме того, Кикаха узнал двоих: молодого блондина и Рамоса, водителя «линкольна». Его голову стягивал белый бинт.

Машины уехали, оставив на подъездной аллее только один автомобиль. Остались и люди в доме. Он слышал перед отъездом группы, как женщина сонным голосом спрашивала Кэмбринга, что случилось, а мужской голос интересовался, почему он должен оставаться, когда ему хочется принять участие в действиях. Кэмбринг велел ему заткнуться. Было приказано не оставлять дом без охраны.

Не успели машины исчезнуть, как Кикаха оказался у передней двери. Она была заперта, но короткий выстрел из кольца прорезал металл насквозь. Он медленно толкнул дверь и шагнул в помещение, освещенное лишь светом из лестничного пролета в противоположном конце. Когда глаза его привыкли к мраку, он разглядел на столе у стены телефон. Кикаха подошел к нему, зажег спичку и набрал номер своего отеля. Телефон позвонил не более трех раз, прежде чем она ответила.

— Анана, — тихо проговорил он в трубку. — Я в доме Кэмбринга! Он и его люди отправились брать нас. Хватай свою одежду и быстро сматывайся оттуда, слышишь? Даже не трудись одеваться! Засунь все в рюкзак и смывайся. Оденешься за отелем! Я встречаюсь с тобой, где договорились! Поняла?

— Подожди, — отозвалась она. — Разве ты не можешь рассказать мне, что произошло?

— Нет! — отрезал он и тихо положил трубку на рычаг. Он услышал шаги в коридоре наверху, а следом скрип ступенек под тяжестью медленно спускавшегося рослого человека.

Кикаха снова установил кольцо на оглушающую мощность. Ему было необходимо завалить кого-либо для допроса, и он сомневался, что женщина может знать об операции больше, чем мужчина.

Слабый скрип прекратился, Кикаха пригнулся у подножия лестницы и ждал. Внезапно в помещении вспыхнул свет и человек выпрыгнул из-за скрывавшей его стены. Одним махом он спустился с лестницы, круто развернувшись в прыжке. В правой руке он держал большой автоматический пистолет, вероятно, сорок пятого калибра. Он приземлился лицом к Кикахе, но тут же рухнул на спину, потеряв сознание от удара лучом. Голова у него откинулась, пистолет выпал из руки.

Кикаха услышал, как женщина наверху испуганно спрашивает:

— Уолт? Что случилось? Уолт! Что стряслось?

Кикаха подобрал пистолет, щелкнул предохранителем и заткнул его за пояс. Потом поднялся по лестнице и оказался наверху в тот момент, когда там появилась и женщина. Она открыла рот, собираясь закричать, но он захлопнул его ладонью и поднес к ее глазам нож. Она обмякла, словно посчитав, что сможет умиротворить его, не оказывая сопротивления. И она была, безусловно, права.

Это оказалась высокая, хорошо сложенная блондинка лет тридцати пяти в прозрачном negligé. От нее разило виски, но очень хорошим.

— У меня к вам нет личных претензий, — заявил он. — Вы, Кэмбринг и все прочие в этом доме являетесь лишь средством добраться до большого босса. Вот и все. Я могу отпустить вас без единой царапины, а потом несколько не интересоваться вашей жизнью, если вы меня не будете беспокоить. Или же я могу убить вас. Здесь и сейчас. Если я не получу необходимых мне сведений. Вы меня понимаете?

Она кивнула.

— Я отпущу вас, — сказал Кикаха, — но один крик, и я распорю вам живот. Понятно?

Она снова кивнула. Он отнял руку от ее рта. Она побледнела и дрожала.

— Покажите мне фотографию Кэмбринга, — приказал он.

Она повернулась и провела его в свою спальню, где показала фотографию на трюмо. Оказалось, это тот самый человек, в котором он заподозрил Кэмбринга.

— Вы его жена?

— Да, — ответила она, откашлявшись.

— Есть в доме еще кто-нибудь, кроме Уолта?

— Нет, — хрипло произнесла она.

— Знаете, куда отправился Кэмбринг?

— Нет, — сказала она и снова откашлялась. — Я не хочу знать о таких вещах.

— Он поехал забрать меня и мою женщину для вашего большого босса, — сообщил Кикаха. — Большой босс, несомненно, убил бы нас, выпытав все, что ему хотелось бы узнать, поэтому и я не стану проявлять милосердия ни к кому, если они откажутся сотрудничать.

— Я ничего не знаю! — охнула она. — Рой никогда ничего мне не говорит! Я даже не знаю, кто такой большой босс!

— Кто непосредственный шеф Кэмбринга?

— Поверьте мне, пожалуйста, я не знаю. Поверьте, не знаю. Он получает от кого-то приказы, это мне известно. Но я не знаю ничего!

Вероятнее всего, она говорила правду. Так что придется привести в чувство Уолта и выяснить, что знает он. Громила все еще валялся без сознания. Кикаха велел женщине, которую звали Кара, принести из ванной стакан воды. Он выплеснул воду на лицо Уолта. Спустя мгновение Уолт очнулся, но выглядел слишком разбитым, чтобы представлять угрозу. Казалось, его того и гляди вырвет. По лбу и носу расплзалось большое черное пятно, а глаза покраснели от лопнувших сосудов.

Допрос продолжался недолго. Допрашиваемый, чье полное имя оказалось Уолтер Эрих Фогель, утверждал, что он тоже не имеет понятия, кто босс Кэмбринга. Он даже не знает, куда отправился Кэмбринг. Кикаха поверил, что Кэмбринг ничего не сообщил о конечной цели поездки. Он явно собирался сказать об этом своим людям после того, как они отправятся. Время от времени Кэмбринг звонил своему боссу, сказал Уолт, но номер телефона держал в голове.

— Это старая идея комми насчет ячеек, — сказал Фогель. — Поэтому вы можете пытаться до суда и ничего от меня не добьетесь, потому что я ничего не знаю.

Кикаха снова подошел к телефону и, не спуская глаз с обоих пленников, набрал номер Ананы. Он не удивился, когда ответил Кэмбринг.

— Кэмбринг,— сказал Кикаха,— это говорит человек, за которым вы отправились. А теперь выслушайте меня, потому что это сообщение предназначено для вашего босса. Вы скажете ему или тому, кто там передает все сообщения, что на Земле гуляет на свободе Черный Колокольник.

Наступило молчание, вызванное, как надеялся Кикаха, потрясением, а потом Кэмбринг спросил:

— Что? О чем вы говорите, черт побери? Что за Черный Колокольник?

— Просто скажите своему боссу, что Черный Колокольник вырвался на свободу из мира Джадавина. Колокольник находится в этом районе, или, во всяком случае, находился вчера. Запомните: Черный Колокольник прибыл сюда вчера из мира Джадавина.

Вновь молчание, потом Кэмбринг сказал:

— Послушайте. Босс знает, что вы скрылись. Но он сказал, что если у меня будет шанс поговорить с вами, то мне следует сказать, чтобы вы прибыли на встречу. Босс не причинит вам вреда. Он хочет просто поговорить с вами.

— Возможно, это и так,— согласился Кикаха.— Но я не могу позволить себе идти на риск. Да, передайте еще кое-что вашему боссу. Передайте ему, что я не собираюсь до него добираться. Я не Властелин. Я просто хочу найти другого Властелина и его женщину, которые прибыли в этот мир, спасаясь от Черного Колокольника. Я могу сказать, кто такой этот Властелин. Это Джадавин. Может быть, ваш босс вспомнит его. Это Джадавин, который сильно изменился. Борьба с вашим боссом Джадавина не интересует. Его это волнует меньше всего. Он всего лишь хочет вернуться в свой мир. Передайте это своему боссу, хотя я сомневаюсь, чтобы от этого был какой-то толк. Я позвоню вам завтра домой около полудня, чтобы вы успели все передать своему боссу. Возможно, ваш босс захочет быть у вас, чтобы поговорить со мной.

— Что за тарабарщину вы несете, черт побери? — не выдержал Кэмбринг. Судя по голосу, он здорово разозлился.

— Просто передайте своему боссу то, что я сказал, он поймет,— ответил Кикаха и положил трубку.

Он усмехался. Если и было что-то, способное напугать Властелина, так это Черный Колокольник.

Спортивная машина, что оставалась перед домом, как он и думал, принадлежала жене Кэмбринга. Она сказала,

что за ключами ей придется подняться наверх. Он ответил, что это его устраивает, но они с Фогелем составят ей компанию. Они прошли в спальню, где Кикаха слегка тукнул Фогеля по затылку лучом из кольца. Потом забрал его бумажник и отволол хозяина в стенной шкаф, где и оставил похрапеть. Затем он потребовал у женщины деньги, и она отдала ему шестьсот долларов в двадцати- и пятидесятидолларовых купюрах. Кикаху радовало, что ему пока что удавалось жить за счет врагов.

Чтобы не оставлять женщину без присмотра, он сорвал с окон несколько занавесей и поджег их лучом из кольца. Кара пронзительно закричала и бросилась в ванную за водой. Через мгновение Кикаха уже отъезжал на ее «ягуаре». Позади, из открытых дверей доносился ее крик — она боролась с огнем.

Доехав до отеля, он дважды мигнул фарами — сигнал Анане. Между двух домов появилась темная фигура. Она осторожно приближалась к автомобилю, пока не узнала Кикаху. Бросив на заднее сиденье рюкзаки, Анана забралась в машину и спросила:

— Где ты достал эту машину?

— Позаимствовал у Кэмбринга, — засмеялся он. — Я оставил у Кэмбринга сообщение для Рыжего Орка. Сообщил, что на Земле разгуливает Черный Колокольник. Это должно его отвлечь. Возможно, даже это его настолько напугает, что он предложит перемирие.

— Только не Рыжий Орк, — возразила она. — Если, конечно, он не изменился, что вполне возможно. Я же изменилась. Мой брат Лувах — тоже. А ты говоришь, что и Джадавин изменился.

Он рассказал ей, какая идея пришла ему в голову для вступления в контакт с Вольфом.

— Мне следовало бы раньше до этого додуматься, но мы были слишком заняты. И, кроме того, я многое забыл о Земле.

В настоящий момент им надо найти новое пристанище. Однако у него не было полной уверенности в том, что там они почувствуют себя в безопасности. То, что их искали и нашли, весьма примечательно. Похоже, Рыжий Орк привел в действие очень большую организацию, чтобы их найти.

— Как он мог сделать это? — гадала Анана.

— При всем, что я знаю, его люди обзванивали все отели и мотели в районе Лос-Анджелеса. Однако это такая

огромная работа, что они могли пропустить большое количество. Может быть, они звонили наугад. Или, может быть, они обзванивали все, один за другим, и им просто повезло.

— Если это так, то мы не будем в безопасности, если снова остановимся в гостинице.

— Я не верю, что даже у Властелина Земли достаточно большая организация, чтобы проверить за столь короткий срок все отели и мотели. Ладно, мы оставим этот район и отправимся в Долину, как ее здесь называют.

Когда они нашли мотель в Лавровом Каньоне, он столкнулся с затруднениями. Портье решил посмотреть его водительские права и записать номер машины. Кикаха продиктовал вымышленный номер, решив, что тот поверит на слово. А потом показал водительское удостоверение Рамоса. Портье записал номер и взглянул на фотографию. У Рамоса было квадратное лицо с большим кривым носом, черными глазами и шапкой черных волос. Несмотря на явную разницу, портье, казалось, ничего не заметил.

Однако теперь у Кикахи возникли подозрения. Этот парень выглядел слишком гладким. Возможно, он действительно плевать хотел, был ли Кикаха тем самым человеком, за кого себя выдает, или нет. Кикаха ничего не сказал, взял ключ и вывел Анану из вестибюля. Вместо того чтобы подняться в номер на втором этаже, он встал за дверью, где его не было видно. Через минуту он услышал, как портье с кем-то говорит по телефону. Он заглянул. Портье сидел у коммутатора спиной к двери. Кикаха на цыпочках подкрался поближе.

— ...не его,— говорил он.— Да, я проверил номер, как только они пошли к себе. Машина припаркована неподалеку. Послушайте, вы...

Он замолчал, так как повернул голову и увидел Кикаху. Он медленно отвернулся и сказал:

— О'кей. До скорого.

Он положил трубку, встал и, улыбаясь, спросил:

— Чем могу вам помочь?

— Мы решили поесть перед сном. Мы не ели весь день,— тоже улыбаясь, ответил Кикаха.— Где здесь ближайший приличный ресторан?

Портье отвечал медленно, словно пытаясь сообразить, какой подойдет. Кикаха помог ему.

— Без изысков, подойдет любое заведение.

Спустя мгновение они с Ананой уехали. Он видел, как они положили в машину рюкзаки и футляр, и поэтому, вероятно, не поверил, что они вернутся.

Кикаха подумал, что они сегодня могут поспать и в автомобиле. При условии, конечно, что полиция не разыскивает эту машину. Завтра им придется купить одежду и пару чемоданов. Ему также нужно поскорей избавиться от этого автомобиля, но взять напрокат или купить машину без надлежащих документов — проблема немалая.

Он подрулил к станции обслуживания и велел дежурному налить полный бак. Юноша оказался разговорчивым и любопытным. Он хотел узнать, где они были — в горах? Он тоже любил туристские поездки.

Кикаха тут же сочинил байку. Они с женой бродяжничали по стране, но решили приехать и ловить кайф в Лос-Анджелесе. Денег у них маловато, и они думали продать эту машину и купить подержанный «VW». И хотели остановиться на ночь в каком-нибудь заведении, где не станут задавать лишних вопросов, если деньги у вас нужного цвета.

Дежурный уверил, что ближайший мотель находится неподалеку от Тарзаны в Ван Найсе и что он отвечает всем требованиям Кикахи. Он усмехнулся и подмигнул, уверенный, что они занимаются чем-то незаконным, и пожелал им удачи. Может быть, он сумеет организовать для них выгодную продажу «яга».

Через полчаса они рухнули в постель в мотеле и сразу же уснули.

Он встал в десять. Анана еще крепко спала. Побрившись и приняв душ, он разбудил ее на минутку, чтобы сообщить, что он затеял. Он зашел в ресторан на другой стороне улицы, съел приличный завтрак, купил газету, потом вернулся в номер. Анана все еще спала. Он позвонил в отдел рекламы «Лос-Анджелес Таймс» и продиктовал текст в колонку личных объявлений. В качестве своего адреса он назвал мотель, кроме того, имя он использовал вымышленное. Он подумал было воспользоваться именем Рамоса, если сотрудник «Таймс» станет проверять адреса, но решил не связываться с Кэмбрингом. Он пообещал прислать чек сразу же, повесил трубку и забыл об этом.

Кикаха проверил утренние объявления в «Таймс». Там не оказалось ничего, что можно было бы истолковать как весточку от Вольфа. Когда проснулась Анана, он сказал:

— Пока ты завтракаешь, я воспользуюсь телефонной будкой для звонка Кэмбрингу. Я уверен, что он получил указания от Рыжего Орка.

Кэмбринг ответил сразу, как будто ждал у телефона. Кикаха сказал:

— Это говорит ваш друг, посетивший ваш дом прошлой ночью, Кэмбринг. Вы передали мое сообщение о Черном Колокольнике?

Голос Кэмбринга звучал так, словно он сдерживал бешенство:

— Да, передал.

— Что он сказал?

— Он сказал, что хотел бы встретиться с вами. Устроить военный совет.

— Где?

— Где вам угодно.

«Хорошо,— подумал Кикаха,— он не считает, что я настолько глуп, чтобы прийти к нему. Но он уверен, что сумеет расставить мне ловушку, где бы я с ним ни встретился. Если, конечно, он явится лично. В этом я сомневаюсь. Он для этого чересчур хитер. Он пошлет кого-нибудь представить себя. Этот кто-то может оказаться на ступеньку поближе к Властелину».

— Я сообщу вам через полчаса, где мы встретимся,— сказал Кикаха в трубку.— Но до того как я повешу трубку, скажите, больше ваш босс ничего не передавал для меня?

— Нет.

Кикаха повесил трубку. Он нашел Анану в кабинке ресторана и, присев рядом, сообщил:

— Не знаю, задержал Орк Вольфа или нет. Я даже не знаю наверняка, повторил ли Кэмбринг ему мое сообщение о Вольфе и Хрисеиде, но Орк знает, что до нашего появления врата активизировались дважды, и знает, что один из прошедших через них был Черный Колокольник. Я не думаю, что он задал Вольфа и Хрисеиду, потому что, будь это так, он использовал бы их как способ поймать в ловушку меня. Он бы сообразил, что я галопом примчусь их выручать.

— Вероятно,— согласилась она.— Но он мог посчитать, что незачем тебе давать знать о Вольфе и Хрисеиде. Возможно, он совершенно уверен, что сможет поймать тебя, не рассказывая о них. Или возможно, он приберегает эти сведения до более удобного случая.

— Вы, Властелины, бесспорно, рассматриваете проблему со всех точек зрения, — иронически заметил он. — Звезды не видели более подозрительной компании.

— Чья бы корова мычала, — отпаривала она по-английски. Они вернулись в номер, забрали рюкзак, футляр и вышли к машине. Укатали, не сообщив о своем отъезде администрации, так как Кикаха не считал нужным отчитываться, что они делают, если это зависело от него. В Тарзане он зашел в универмаг и купил одежду для себя и Ананы. Это заняло полчаса, но он был не прочь заставить Кэмбрина подождать. Пусть они с боссом немного попотеют.

Ожидая, пока ему подгонят брюки, он позвонил. Кэмбринг сразу ответил.

— Вот что мы сделаем, — заявил Кикаха. — Я буду в одном местечке, близком к вашему дому. Когда я туда приеду, я позвоню вам и дам двадцать минут, чтобы добраться до места встречи. Если вы к тому времени не явитесь, я удаляюсь. Если что-то покажется мне похожим на ловушку, я сматываюсь, и больше вы меня не увидите — то есть свиданий не будет. Ваш босс тогда может сам ловить Колокольника.

— О каком таком Колокольнике вы твердите, черт побери? — рассердился Кэмбринг.

— Спросите своего босса, — посоветовал Кикаха, отлично зная, что на такое Кэмбринг не решится. — Слушайте, я буду на таком месте, откуда смогу все увидеть со стороны. Я хочу, чтобы со мной встретились только двое. Вы, поскольку я вас знаю, и ваш босс. Вы подойдете не ближе, чем на шестьдесят ярдов, и тогда вперед выйдет ваш босс. Идет? Пока!

В полдень, съев гамбургер и выпив стакан молока, он позвонил Кэмбрингу. Он находился в ресторане всего в нескольких кварталах от места встречи. Кэмбринг вновь ответил, прежде чем телефон успел позвонить три раза. Кикаха сообщил, где они встретятся и при каких условиях.

— Помните, — повторил он, — если я унюхаю хоть что-нибудь подозрительное, то смоюсь как пасхальный зайчик с предродовыми схватками.

И повесил трубку. Они с Ананой ехали настолько быстро, насколько позволяло движение. Целью их был Окружной Художественный музей Лос-Анджелеса. Кикаха

припарковал машину за углом и положил ключи под коврик на случай, если к машине вернется один из них. Они проследовали к площади за музеем и прошли через автостоянку.

Анана отстала от него, чтобы всякий подумал, будто она идет одна. Ее длинные черные волосы были скручены пучком, на ней была белая блузка с оборками и глубоким вырезом и очень облегающие шаровары в красно-зеленую полоску. Глаза прикрывали черные очки, с собой она несла зарисовки и карандаши. Еще у нее с собой была кожаная сумочка, в которой лежало множество предметов, способных поразить воображение любого сведущего в науке землянина.

Покуда Кикаха останавливал такси, она медленно шла по траве. Кикаха дал таксисту двадцатидолларовую банкноту в знак доказательства своих добрых намерений и грядущих чаевых. Он велел ему ждать на стоянке с включенным двигателем, чтобы укатить по первому слову Кикахи.

Таксист поднял брови и осведомился:

— Вы ведь не собираетесь ограбить музей?

— Я не собираюсь делать ничего противозаконного, — заверил его Кикаха. — Считайте меня эксцентричным. Просто иногда я люблю поспешно удалиться.

— Если будет какая-либо стрельба, я смываюсь, — предупредил таксист. — С вами или без вас. И доложу о вас фараонам. Просто, чтобы вы знали заранее. Понимаете?

Кикаха всегда предпочитал иметь запасной путь к бегству. Если в районе встречи будут болтаться люди Кэмбринга, они могут заметить позаимствованную у Кэмбринга машину и расставить ловушку. Он давал голову на отсечение, что именно этим они сейчас и занимаются. Но если путь к такси окажется перекрытым и ему придется выбирать дорогу к автомобилю, он, безусловно, воспользуется машиной.

Однако он чувствовал, что таксист заслуживает доверия, так что не винил его за подозрения. Он добавил к двадцатке десятку и сказал:

— Хотите, звоните фараонам прямо сейчас. Мне на это наплевать, я чист.

Надеясь, что таксист не воспользуется предложением, он повернулся и зашагал по цементу автостоянки, а потом по траве к смоляной яме. Анана сидела на бетонной скамейке и рисовала мамонта, казавшегося погружающимся

в черную жидкость. Она была великолепной художницей, так что всякий, кто заглянул бы через ее плечо, увидел бы, что дело она знает.

Кикаха был одет в пурпурную рубашу без рукавов, джинсы с большим кожаным поясом и модной серебряной пряжкой. Глаза его скрывали темные очки. Под длинными рыжими волосами за ухом был спрятан приемник. Прибор, надетый на запястье, содержал передатчик с лучом в шесть раз более мощным, чем кольцо.

Кикаха занял позицию на другой стороне смоляной ямы. Он стоял неподалеку от ограды, за которой находилась статуя огромного доисторического медведя. Вокруг расхаживало человек пятьдесят, никто не походил на людей Кэмбринга. Это, конечно, ничего не значило.

Спустя минуту Кикаха увидел въехавший на стоянку большой серый «роллс-ройс», из него вылезли двое и двинулись через лужайку к Кикахе. Один оказался Рамосом. Другой — высоким, долговязым мужчиной, одетым в костюм делового человека, в темных очках и шляпе. Когда он подошел поближе, Кикаха разглядел человека лет пятидесяти с лошадиным лицом. Кикаха усомнился в том, что это Рыжий Орк, потому что никакой Властелин, будь он хоть двадцати тысяч лет от роду, не выглядел бы старше тридцати.

В его ушах прозвучал голос Ананы:

— Это не Рыжий Орк.

Кикаха снова огляделся. Двое слева от него стояли поблизости от фонтана перед музеем, еще двое находились справа от него, примерно в ярдах двадцати от Ананы. Они могли быть людьми Кэмбринга.

Сердце его забило чаще. Он ощутил, как по шее пробежал холодок. Кикаха посмотрел за ограду на бульвар Уилшир. Там стояла машина с открытым капотом, хотя парковка там была запрещена в любое время. Какой-то человек заглядывал под капот, один сидел на переднем сиденье, еще один — на заднем.

— Он собирается попробовать меня сцапать, — произнес Кикаха. — Кажется, я заметил семерых.

— Ты хочешь отказаться от своего плана?

— Если захочу, ты знаешь условное слово. Следи! Они подходят.

Перед ним остановились Рамос и долговязый.

— Пол? — обратился к нему долговязый, воспользовавшись именем, которое Кикаха назвал Кэмбрингу.

Кикаха кивнул, он заметил, как на автостоянку въехал еще один большой автомобиль. Он находился слишком далеко, чтобы Кикаха мог различить лица пассажиров, но водитель в шляпе и темных очках мог быть Кэмбрингом. В машине сидело еще трое.

— Вы Рыжий Орк? — спросил Кикаха, зная, что высокий, вероятно, имеет в кармане прибор, который передает разговор Властелину, где бы тот ни был.

— Кто? Рыжий Орк? — переспросил высокий. — Меня зовут Клейст. Итак, мистер Пол, вы не против предложения — сообщить нам, чего хотите?

Кикаха заговорил на языке Властелинов:

— Рыжий Орк! Я не Властелин, а землянин, нашедший врата в мир Джадавина, которого ты, возможно, помнишь. Я вернулся на Землю, хотя и не хотел этого, чтобы выследить Колокольника. У меня нет ни малейшего желания здесь оставаться, я только хочу убить Колокольника и вернуться в мир, усыновивший меня. У меня нет намерения бросать тебе вызов.

— Что за тарабарщину вы несете, черт побери? — разозлился Клейст. — Говорите по-английски, приятель!

Рамос выглядел обеспокоенным и высказал свое предположение:

— Он сбрендил.

Вдруг у Клейста сделался опарашенный вид. Кикаха догадался, что он получил приказания.

— Мистер Пол, — произнес Клейст, — я уполномочен предложить вам амнистию. Только отправьтесь с нами, и мы представим вас человеку, которого вы хотите увидеть.

— Нет, — отверг Кикаха, — я буду работать с вашим боссом, но не предоставляю себя в его распоряжение. Возможно, он отличный человек, но у меня нет причин доверять ему. Однако я хотел бы сотрудничать с ним в деле поимки Колокольника.

Выражение лица Клейста показывало, что упоминаниям о Колокольнике он не внял.

Кикаха вновь огляделся. Люди справа и слева подобрались поближе. Двое, сидевших в машине на бульваре Уилшир, вылезли. Двое заглядывали под капот с третьим, но один из них глядел через ограду на Кикаху. Когда он заметил, что на него смотрят, отвернулся.

— Вам было сказано, что явиться сюда должны только двое! — гневно заявил Кикаха. — Вы пытаетесь захлопнуть

ловушку! Но вы наверняка полагаете, что сможете похитить меня здесь среди всех этих людей.

— Ну, ну, ну, мистер Пол, — успокаивающе произнес Клейст. — Вы ошибаетесь! Не надо нервничать. Нас только двое, мы прибыли сюда поговорить с вами, и только.

— Полицейский автомобиль только что подъехал к той машине на улице, — сказала в ухо ему Амана.

Клейст и Рамос переглянулись. Было очевидно, что они тоже увидели полицейский автомобиль. Но, судя по их виду, удалаться они не собирались.

— Если ваш босс хочет, чтобы я помог ему, — заявил Кикаха, — то ему придется придумать какой-то способ, гарантирующий мое возвращение.

Он решил, что с таким же успехом может преподнести свой сюрприз сейчас. Властелин знал, что с Кикахой была женщина, и хотя он никак не мог знать, что она — Властелин, он, должно быть, подозревал это. Кикаха пробыл на Земле совсем недолго, но люди Рыжего Орка видели ее с ним. И поскольку Властелин Земли знал, что врата активизировались дважды до прихода Кикахи, то он должен был подозревать, что те, кто прошел через врата раньше, — тоже были Властелинами.

Теперь пришло время сообщить об этом Рыжему Орку. Это усилит позиции Кикахи и, возможно, остановит попытки взять его в плен именно здесь.

— Скажите своему боссу, что на Земле сейчас находятся еще четыре Властелина, — произнес Кикаха.

Он не стеснялся увеличивать количество, если это помогало сбить с толку или расстроить врага. Могло наступить время, когда он сможет воспользоваться двумя несуществующими Властелинами в качестве рычага.

— А также, — добавил он, — двое землян, прибывших из мира Джадавина. Я сам и женщина, которая прибыла с Джадавином.

Это должно было поколебать Рыжего Орка. Он должен проявить еще большее любопытство. Должен гадать, как двое землян вообще попали в мир Джадавина и как они вернулись сюда.

— Скажите своему боссу, — продолжал Кикаха, — что никто из нас, исключая Колокольника, не собирается причинять ему вреда. Мы хотим всего лишь убить Колокольника и убраться к чертовой бабушке из вашей вонючей вселенной.

Кикаха думал, что уж это-то Рыжий Орк может понять. Какой Властелин в здравом уме захочет отнимать контроль над Землей у ее Властелина? Какой Властелин захочет оставаться здесь, когда может отправиться в куда более приятную, если даже и меньшую вселенную?

Клейст немного помолчал. Он слегка склонил набок голову, словно слушая невидимого демона на своем плече. А потом спросил:

— Какая тогда разница, если тут четыре Властелина?

Было ясно, что Клейст передавал вопрос, не понимая его смысла.

Кикаха заговорил снова на языке Властелинов:

— Рыжий Орк! Ты забыл про устройство, которое носит любой Властелин в своем мозгу. Про сирену, что звенит в голове у каждого Властелина, когда он приблизится к металлическому колоколу Колокольника! С четырьмя Властелинами, ищущими Колокольника, шансы отыскать его увеличиваются!

Клейст бросил притворяться, что не имеет прямой связи со своим шефом, и спросил:

— А откуда он знает, что вы не Колокольник?

— Если бы я был Колокольником, то зачем бы мне вступать с вами в контакт, давая вам знать, что в вашем мире бродит на свободе враг?

— Он говорит, — доложил Клейст, лицо которого стало новилось все бессмысленней, как будто он превращался в механический передатчик, — что Колокольник постарался бы как можно скорее обнаружить Властелинов. В конце концов, Властелин — единственный, кто знает о существовании Колокольников, конечно, кроме них самих. Или может что-либо предпринять против них. Поэтому вы бы и постарались найти его, точь-в-точь, как и поступаете. Даже если это и означает потерю вашей жизни. Колокольники хорошо известны тем, что жертвуют одним из своих, если могут подобным образом обрести преимущество. Он еще говорит — откуда ему знать, что эти так называемые Властелины — не ваши собратья-Колокольники?

Кикахе снова пришлось перейти на язык Властелинов:

— Рыжий Орк! Ты испытываешь мое терпение. Я обратился к тебе, так как знаю о твоих ресурсах! У тебя больше нет выбора, Рыжий Орк! Если ты вынудишь меня прервать с тобой контакты, то не сможешь узнать, кто Колокольник, и сон твой станет отвратительным из-за кошмаров о Колоколь-

никах на свободе. Един-единственный способ, которым ты можешь удостовериться, что я не Колокольник, это работать вместе со мной, но на моих условиях. На этом я настаиваю!

Единственный способ произвести на Властелина впечатление — это быть даже более высокомерным, чем он.

Голос Ананы сообщил:

— Машина уехала. Должно быть, их спугнула полиция. Полицейский автомобиль тоже уезжает.

Кикаха поднял руку и шепнул в передатчик:

— Где остальные?

— Приближаются. Стоят у ограды и притворяются, что разглядывают статуи, но подбираются к тебе.

Он посмотрел мимо Клейста и Рамоса.

Два заподозренных им автомобиля были сейчас пусты, в третьем, вероятно, находился Кэмбринг. Бандиты рассредоточились на лужайке среди отдыхающих. Он заметил двоих, выглядевших мрачными, решительными и тяжело-весными, они могли быть людьми Кэмбринга.

— Мы отправимся налево, — сказал Кикаха. — Вокруг ограды и через Уилшир. Если они последуют за нами, придется уходить пешком, по крайней мере сначала.

Он бросил взгляд на Анану. Она встала и неторопливо направлялась к нему.

— Отлично, — произнес Клейст. — Я уполномочен принять ваши условия. — Он обезоруживающе улыбнулся и шагнул поближе. Рамос напрягся. — Не могли бы мы куда-нибудь пройти? Здесь трудно вести разговор. Но туда, куда скажете вы.

Кикаха ощутил отвращение. Он как раз был готов согласиться, что лучше всего будет связаться с Рыжим Орком. Через него можно было бы выйти на Колокольника, Вольфа и Хрисеиду, а после этого хоть потоп, и дьявол поberi все последствия. Но Властелин следовал своим правилам: он доверял своей силе, своей способности получить все и всех тогда, когда ему того хотелось.

Кикаха сделал последнюю попытку:

— Погодите! Ни шагу вперед! Спросите своего босса, помнит ли он Анану — свою племянницу, или Джадавина — своего племянника? Помнит, как они выглядели? Если он сможет опознать их, то поймет, что я говорю правду.

Все бесполезно. Кикаха понял, что думает Рыжий Орк. В головах Ананы и Вольфа могли поселиться разумы Колокольников.

Все еще улыбаясь, Клейст медленно сунул руку в карман пиджака так, чтобы Кикаха не подумал, что он полез за пистолетом. Он достал блокнот и ручку и сказал:

— Я запишу вам этот номер, чтобы вы могли позвонить...

Ни на секунду Кикаха не поверил, что ручка была лишь ручкой. Очевидно, Орк доверил Клейсту лучемер, Клейст, однако, этого не знал, но он был обречен. Слишком много он услышал во время разговора и получил прибор, которого на Земле еще не полагалось существовать.

Сообщить это Клейсту в надежде, что его можно убедить покинуть Властелина, времени не осталось. Кикаха отпрыгнул в сторону, в тот момент, когда Клейст направил ручку на него. Кикаха был быстр, но луч все же задел его плечо и швырнул на землю. Он покатился, заметив, как Клейст, вскинул в воздух руки. Ручка отлетела прочь, а потом Клейст, запатавшись, сделал шаг назад и упал на спину. Кикаха вскочил и коршуном метнулся к ручке, хотя и чувствовал, будто по плечу врезали лесиной. Рамос не сделал ни малейшей попытки схватить ручку. Вероятно, он не знал, чем она была на самом деле.

Женщины визжали, мужчины кричали, вокруг было много суеты.

Схватив ручку-лучемер и поднявшись на ноги, Кикаха увидел, что Клейст и еще трое валялись без сознания. К ним бежало шестеро — это были, должно быть, прибывшие позже — они расталкивали всех на своем пути.

Последний из тех, кто подбирался к Кикахе, вытаскивал из кобуры под мышкой пистолет.

Заметив это, Рамос закричал:

— Нет! Без пистолета! Ты знаешь почему!

Кикаха нацелил ручку-лучемер, которая, к счастью, приводилась в действие нажатием пружины, а не кодовым словом, и человек, казалось, сложился и приподнялся над землей. Он отлетел назад, ударившись о землю ягодицами, выпрямился и лежал с посиневшим лицом, не двигаясь и вытянув руки. В нескольких футах от него валялся пистолет.

Кикаха оглянулся и увидел бегущую к нему Анану. Она выстрелила в тот же момент, что и Кикаха, так что бандит получил двойную порцию. Кикаха прыгнул вперед, сгреб пистолет и швырнул его через ограду в смоляную яму. Они обежали ограду и бросились вверх по склону к тротуару.

Перехода здесь не оказалось, а уличное движение было достаточно интенсивным. Правда, в этот момент машины двигались медленно, поскольку в полуквартале впереди на светофоре горел красный свет.

Пара пробежала между машинами, вынуждая водителей давить на тормоза. Загудели клаксоны, и несколько человек облаяли их из своих машин.

Добравшись до противоположной стороны, они оглянулись. Машины тронулись, и семеро, что гнались за ними, оказались отрезанными и беспомощными.

— Все вышло как надо, — резюмировал Кикаха. — Я надеялся, что смогу захватить Клейста и скрыться с ним. Он мог бы привести к Рыжему Орку.

Анана рассмеялась, хотя и несколько нервно:

— Никто не сможет обвинить тебя в недостатке самоуверенности. Что дальше?

— Сюда весьма скоро прикатят фараоны. Да, смотри, все люди Кэмбринга идут обратно. Держу пари, они получили приказ убрать Клейста и других до появления полиции.

Он схватил Анану за руку и припустил бегом.

— Что ты хочешь? — поинтересовалась она.

— Пока они заняты, мы перейдем обратно у светофора, а потом побежим по Керзон-стрит, словно черти. Кэмбринг там!

Больше она не спрашивала. Но уйти от врага, а потом напрямик отправиться к нему в пасть — это выглядело самоубийством.

Теперь они оказались напротив людей Орка, примерно в ста ярдах от них. Кикаха выглянул между деревьями, стоявшими в линию, и увидел, что уцелевшие поддерживают Клейста и троих других. Вдали взвыла сирена. Судя по тому, как люди Кэмбринга спешили, они понимали, что полиция едет по их душу.

Кэмбринг, выглядевший обеспокоенным, стоял около машины. Ощувив прикосновение к своей спине и услышав голос Кикахи, он напрягся. Он не оглянулся, а сел, как ему приказали, на переднее сиденье. Кикаха и Анана забрались на заднее сиденье. Но и пригнувшись, Кикаха продолжал упираться ручкой в спину Кэмбринга.

Кэмбринг сначала попробовал протестовать:

— Вам не может сойти с рук такое! Вы безумец!

— А ты... заткнись! — посоветовал ему Кикаха.

Тридцатью секундами позже Клейст, поддерживаемый двумя людьми, добрался до машины. Кикаха распахнул заднюю дверцу и, нацелив на них ручку, приказал:

— Положите Клейста на переднее сиденье.

Оба придерживающих Клейста остановились. Остальные, составляющие арьергард, потянулись за пистолетами, но Кикаха крикнул:

— Я убью и Клейста и Кэмбринга! И вас тоже — вот этим!

Он помахал ручкой. Все теперь уже знали, что ручка — это какой-то вид оружия, даже если точно не понимали его природы. Они, похоже, боялись ручки больше, чем пистолета. Бандиты замерли, и Кикаха заявил:

— Я забираю этих двоих! Через минуту здесь появится полиция! Вам лучше сваливать и позаботиться о себе!

Двое державших Клейста, пронесли его вперед и закинули на переднее сиденье. Кэмбрингу пришлось оттолкнуть Клейста, чтобы он не свалился, словно мешок, набитый мусором. Кикаха вышел из машины и быстро обошел ее, заняв место водителя, пока Анана держала остальных под прицелом ручки-лучемета.

Кикаха завел машину и подал назад, взвизгнув тормозами. Резко остановился, повернул и с ревом покинул автостоянку. Автомобиль резко подскочил, когда они перепрыгнули через поребрик между стоянкой и улицей. Кикаха крикнул Анане, и та, пощупав у Клейста за ухом, достала передатчик. Это был металлический диск толщиной в почтовую марку и величиной с гривенник. Она приспособила его себе за ухо, а также сняла с Клейста наручные часы и надела на свое запястье.

Теперь Кикаха заполучил в свои руки Клейста и Кэмбринга. Внезапно Анана ахнула и оттолкнула Кэмбринга, рухнувшего на Кикаху. Мгновенно среагировав, Кикаха резко пихнул Кэмбринга локтем, на секунду вообразив, что тот решил на него напасть. Потом до него дошло, почему тот упал. Кэмбринг был без сознания.

Кикаха еще раз взглянул на него и понял, что ошибся. Кэмбринг был уже мертв или весьма близок к этому. Кожа у него стала сине-серой как у трупа.

— Они оба мертвы! — воскликнула Анана.

Кикаха подвел машину к тротуару и остановился. Он принялся бешено махать руками, не говоря ни слова. Мгновение Анана думала о нем, не понимая, потом осознала

ла, что он пытался ей внушить. Она быстро сорвала с себя приемник и часы Клейста, будто обнаружила, что на ней одежда прокаженного.

Кикаха протянул руку, привлек ее к себе и прошептал на ухо:

— Я подберу все это платком и суну в багажник, от них мы избавимся позже. Думаю, если бы этот приемник все еще оставался у тебя, ты бы сейчас услышала голос Рыжего Орка. Он сказал бы тебе, что только что убил Кэмбринга и собирается убить тебя, если ты не сдашься.

Он поднял запястье Кэмбринга и карандашом отковырял часы. Кожа под ними слегка обесцветилась. Так же карандашом он отковырял диск за ухом Кэмбринга, и там открылось коричнево-синее дискообразное пятнышко.

Клейст застонал. Веки у него затрепетали, он поднял взгляд. Кикаха вновь включил двигатель и отъехал от тротуара, потом свернул на север. Когда они медленно ехали в оживленном потоке, Клейст сумел выпрямиться. Чтобы сделать это, ему пришлось оттолкнуть Кэмбринга к Кикахе. Анана отдала резкий приказ, и Клейст столкнул Кэмбринга с сиденья на пол. Поскольку тело заняло много места, Клейсту пришлось сидеть, поджав ноги чуть ли не до подбородка.

— Вы убили его,— застонал Клейст.

Кикаха объяснил происшедшее. Клейст ему не поверил.

— За какого дурака вы меня принимаете?— отмахнулся он.

— Отлично,— усмехнулся Кикаха.— Значит, вы мне не верите. Не верите в эффективность приборов, действие которых я вам только что объяснил. Я мог бы снова надеть их на вас и показать правдивость своих слов. Вы бы об этом не узнали, поскольку оказались бы покойником, а ваш босс выиграл бы у нас очко.

Он ехал дальше, пока не заметил знак, указывающий на автостоянку за деловым зданием. На стоянку не выходило окон, из которых его могли бы увидеть, и, как ни странно, в этот момент тут никого не было. Он припарковался. Потом вылез из машины и знаком приказал вылезти Клейсту, Анана держала ручку у бока Клейста.

Кикаха выволок из машины тело Кэмбринга и затолкал его под грузовик с панелями. Затем они вернулись в машину и поехали к мотелю.

Кикаха беспокоился. Возможно, своими действиями он довел Рыжего Орка до такого бешенства, что тот сообщит об уgone «роллса». До настоящего времени Властелин не впутывал в это дело полицию, но Кикаха не сомневался, что привлечет и ее, если почувствует такую необходимость. Властелин должен обладать громадным влиянием, как политическим, так и финансовым, даже если он остается анонимной фигурой. Если полиция заберет Анану и Кикаху, то Властелин устроит так, что их захватят его люди. Все, что ему придется сделать, это заплатить залог и поймать их после того, как они отойдут от полицейского участка на несколько кварталов.

Если Кикаха и знал что-то, что могло вывести его на Рыжего Орка, то Властелин мог поступить так, чтобы до него нельзя было добраться.

Клейст не проявлял желания сотрудничать. Он даже не отвечал на вопросы Кикахи. Бандит оглядывался вокруг, словно собирался сбежать или позвать на помощь. Кикаха предупредил, что если он попробует что-нибудь выкинуть, то получит заряд из ручки, который снесет ему голову. Клейст шагнул в номер мотеля. Кикаха, даже не дожидаясь, пока Анана закроет дверь, оглушил своего пленника легким щелчком из ручки.

Еще до того, как Клейст смог очухаться, Кикаха сделал ему инъекцию снадобья, захваченного из дворца Вольфа. В течение следующего часа они узнали многое о деятельности и людях того, что Клейст называл «ГРУППОЙ». Его непосредственным начальником был человек по имени Альфредо Румени. Он жил в Беверли Хиллс, но Клейст никогда не бывал у него дома. Румени всегда отдавал приказы по телефону или встречался с Клейстом и другими людьми в доме Клейста либо у Кэмбрина.

Судя по описанию Клейста, Румени не мог быть Рыжим Орком. Кикаха, нахмурившись и проводя пальцами по длинным рыжим волосам, расхаживал по комнате.

— Рыжий Орк узнает или по меньшей мере догадается, что мы вынули из Клейста имя и адрес Румени. Так что Властелин предупредит его, и там расставят ловушку. Возможно, он и был чересчур самонадеянным и уверенным в себе, но теперь знает, что мы — крепкие орешки. Мы причинили ему слишком много хлопот. Приблизиться к Румени мы не сможем, но даже если бы нам это удалось, мы обнаружили бы, что он имеет не больше представления об

истинной личности или местонахождении Рыжего Орка, чем Клейст.

— Вероятно, это так, — согласилась Анана. — Поэтому единственное, что остается, это вынудить Орка вылезти из подполья.

— Я думаю так же, — кивнул он. — Но как заставить его высунуться?

— Колокольник! — воскликнула Анана.

— Пока что мы не знаем, где Колокольник, — сказал Кикаха. — И, как ни неприятно об этом думать, мы можем никогда об этом не узнать.

— Не говори так, — вздрогнула Анана. — Мы должны найти его!

Решимость ее, насколько он понимал, не была связана с озабоченностью за судьбу жителей Земли. Ее приводило в ужас только то, что однажды Колокольники смогут стать достаточно многочисленными, чтобы пройти через врата Земли в другие вселенные — карманные миры, принадлежащие Властелинам. Ее заботила только собственная судьба и, конечно, его. Может быть, еще и Луваха, ее брата, которого ранили, когда он охранял дворец Вольфа. Но она никогда не сможет спокойно спать, пока не будет уверена на все сто процентов в том, что в тысяче восьми известных вселенных нет ни одного живого Колокольника.

Да и Рыжий Орк не сможет спать спокойно. Кикаха связал Клейсту руки за спиной, затем ноги и залепил рот клеей лентой. Анана не могла понять, почему он попросту не убьет его. Кикаха объяснил, как уже делал неоднократно, что не станет убивать, если не сочтет это совершенно необходимым. Вынув у Клейста бумажник, он засунул гангстера в шкаф.

— Он может оставаться здесь до утра, пока не придет уборщица. Я думаю, нам пора уходить. Давай-ка, перейдем через улицу и поедим.

Они покинули номер, прошли полквартиры до ресторана и устроились в кабинке у окна, из которого был виден мотель.

Пока они ели, Кикаха сообщил Анане свои планы:

— Властелин столь же быстро бросится за псевдо-Колокольником, как и за настоящим, так как не будет знать наверняка, кто есть кто. Мы сделаем собственный колокол и организуем кое-какую рекламу и, таким образом, гарантируем, что Рыжий Орк признает об этом человеке.

— Все равно нет гарантий, что он явится лично.

— Как же он сможет узнать — настоящий это Колокольник или нет, если не придет сам? Или если Колокольника не доставят к нему?

— Но ведь тогда ты не сможешь выбраться!

— Может быть, выбраться я и не смогу, но я еще не попался. Придется нам сыграть по слуху. Никакого другого пути я не вижу, а ты?

Они встали, он остановился у кассы. Анана шепнула, чтобы он взглянул через витрину. На территорию мотеля сворачивала полицейская машина.

Кикаха наблюдал, как из нее вылезли двое полицейских и посмотрели на номер «роллса». Затем один из них отправился в кабинет управляющего, а другой проверял «роллс». Через минуту управляющий и полицейский вышли и направились в номер, оставленный Ананой и Кикахой совсем недавно.

— Они обнаружат Клейста в шкафу, — пробормотал Кикаха. — Мы возьмем такси и вернемся в Лос-Анджелес. Найдем хазу где-нибудь в другом месте.

У них остались: одежда, что была на них, футляр с рогом Шамбаримена, кольца-лучеметы с множеством зарядов, ручка-лучемер, наушные приемники и наручные хронометры-передатчики и деньги, взятые у Баума, Кэмбринга и Клейста. Последний добавил к их состоянию еще сто тридцать долларов.

Они вышли из ресторана в жару и обжигающий глаза, затрудняющий дыхание смог. В киоске на углу Кикаха купил газету — утреннюю «Лос-Анджелес Таймс», затем они стали поджидать такси.

Такси вскоре подвернулось, и они укатили из Долины. По дороге Кикаха прочел колонку личных объявлений, в которой напечатали и его сообщение. Ни одно из прочих не содержало и намека, что помещено Вольфом. Парочка вылезла из такси, прошла пару кварталов и погрузилась в другое такси до места, которое Кикаха выбрал наобум.

Они немного погуляли. Он подстригся и купил шляпу, а также поговорил с продавцом в отделе женских шляп. В аптеке Кикаха купил немного краски для волос и другие предметы, включая бритвенные принадлежности, зубные щетки, пасту и пилку для ногтей. В ломбарде он приобрел два чемодана, великолепно сбалансированный нож и ножны к нему.

Пройдя два квартала, они нашли третьеразрядную гостиницу и остановились в ней. Казалось, портье интересовался лишь одним — могут они заплатить вперед или нет. Кикаха, надевший шляпу и темные очки, надеялся, что портье его и Анану не запомнит. Судя по запаху дешевого виски, в данный момент портье был не слишком восприимчив.

Анана, оглядев номер, заметила:

— Только что покинутое нами жилье было хлевом. Но по сравнению с этим оно — дворец!

— Я бывал и в худших, — ответил он. — Главное, что тараканы не настолько громадные, чтобы уволочь нас.

Некоторое время они перекрашивали волосы. Его бронзовые стали темно-каштановыми, а ее черные и блестящие, как у девушки из Полинезии, превратились в пшенично-желтые.

— Не улучшение, но перемена, — заключил он. — Так, а теперь к чеканщику.

Телефонная книга дала им несколько адресов тех, кто работал в этом районе. Они пошли в ближайшую мастерскую, рекламирующую производимую ими чеканку, где Кикаха дал свои указания и заплатил аванс. Во время разговора он изучал характер владельца мастерской и пришел к выводу, что тот готов на любую сделку, где оплата высока, а риск минимален.

Он решил припрятать рог. Как ни жалко выпускать его из рук, Кикаха больше не желал рисковать тем, что рог может попасть в руки Рыжего Орка. Если бы они не унесли рог с собой, когда покинули отель, то уже сейчас инструмент оказался бы в руках полиции. А если бы Рыжий Орк прослышал о нем, что случилось бы обязательно, то заполучил бы его достаточно быстро.

Пара пришла на автобусный вокзал компании «Грейхаунд», где Кикаха и положил футляр в камеру хранения.

— Я дал тому парню лишних двадцать тугриков за скорость. Он пообещал изготовить его к пяти. Тем временем я предлагаю отдохнуть в таверне на противоположной стороне улицы от нашей дворцовой казны. Мы будем следить, не разовьется ли в нашем отеле бурная деятельность.

«Летящая Голубая Бутылка» оказалась низкопробной пивной, в которой, однако, нашлась свободная кабинка у окна. Его, правда, закрывали жалюзи, но между пластинами оставалось достаточно места, чтобы Кикахе был ви-

ден фасад отеля. Он заказал кока-колу для Ананы и пиво для себя. Он почти не пил его, но заказывал по кружке каждые пятнадцать минут, чтобы не вызвать неудовольствия хозяина. Следя за отелем, Кикаха расспрашивал Анану о Рыжем Орке.

Он ведь так мало знал о противнике.

— Он — мой дядя, — сообщила Анана. — Брат моей матери. Он покинул родную вселенную свыше пятнадцати земных веков назад и отправился создавать свою личную. Это произошло за пять тысяч лет до моего рождения. Но у нас были его статуи и фотографии, а один раз, когда мне было пятнадцать лет, он вернулся, так что я знала, как он выглядит. Но сейчас уже не помню. Несмотря на это, если бы я снова увидела его, то, возможно, сразу бы узнала. Есть, знаешь ли, семейное сходство. Достаточно сильное. Если когда-нибудь увидишь мужчину такого же, как я, перед тобой будет Рыжий Орк. Кроме волос. У него не черные, а темно-бронзовые. Как у тебя. И теперь, когда я подумала... интересно, почему мне раньше такое не пришло в голову... не бросалось в глаза... ты очень на него похож.

— Да брось ты! — отмахнулся Кикаха. — Это означало бы, что я похож на тебя. Я такое отрицаю!

— Думаю, ты можешь оказаться моим кузеном.

Кикаха засмеялся, хотя лицо у него покраснело, и он ощутил какое-то смутное беспокойство.

— В следующей фразе ты сообщишь мне, что я — давно пропавший сын Рыжего Орка!

— Я не знаю, есть ли у него какой-либо сын, — задумчиво произнесла она, — но ты можешь быть его ребенком.

— Мне известно, кто мои родители, — отверг он такое предположение. — Они фермеры-хужеры. И они так же знали, кто их предки. Мой отец был ирландского происхождения — какого же еще, Финнеган ведь, — а моя мать была норвежка и на четверть индианка-катоба.

— Я ничего не пытаюсь доказать. Я просто отмечаю неоспоримое сходство. И сейчас, когда я над этим поразмыслила, замечаю, что твои глаза особенного листовидно-зеленого оттенка... да, точь-в-точь такие же... я вспомнила... у Рыжего Орка твои глаза.

— погоди, — он положил свою руку на ее ладонь. Он смотрел сквозь жалюзи.

— Полицейский автомобиль! — воскликнула она, повернувшись.

— Да, припарковался во второй ряд перед отелем. Оба полицейских входят. Возможно, проверяют кого-то другого. Так что давай пока не будем ударяться в панику.

— С каких это пор я стала ударяться в панику? — холодно спросила Анана.

— Извини. Просто у меня такая манера выражаться.

Прошло минут пятнадцать. Затем сзади к полицейскому автомобилю подъехала машина. В ней сидело трое в штатском, двое из них вылезли и вошли в отель. Машина уехала.

— Эти двое, — процедил Кикаха, — кажутся мне весьма похожими на сыщиков.

Полицейские в мундирах вышли и уехали. Двое, которых Кикаха посчитал сыщиками, не выходили из отеля около тридцати минут. Потом они вышли, прошлись до угла, постояли с минуту, разговаривая, а потом один вернулся. Он, однако, не стал заходить в отель. Вместо этого он перешел улицу.

— У него возникла та же мысль, что и у нас! — выругался Кикаха. — Следить отсюда за входом в отель! — Он встал и скомандовал: — Ходу! Через черный ход! Иди, как будто прогуливаешься, но быстро!

Черный ход был на самом деле боковым выходом, который выводил в тупиковый переулок, второй конец его вел на ту же улицу; пара пошла на север к мастерской чеканщика.

— Либо полиция получила информацию от Рыжего Орка, — стал рассуждать Кикаха, — либо проверяют нас из-за Клейста. Значения это не имеет. Мы в бегах, и Орк получил преимущество. Если он и дальше будет давить на нас, мы никак не сможем подобраться к нему поближе.

У них оставалось еще несколько часов, пока чеканщик закончит свою работу. Кикаха привел Анану в другую пивную, куда более высокого класса, и они снова сели за столик.

— Ты только начала рассказывать мне историю своего дяди, — сказал он.

— Рассказывать-то особенно нечего, — сказала она. — Долгое время Рыжий Орк был среди Властелинов фигурой, внушающей ужас. Он успешно вторгся во вселенные по меньшей мере десятка Властелинов и убил их. Потом он был тяжело ранен, когда попал в мир Валы — моей сестры. Рыжий Орк очень ловок и обладает большими ресурсами и огромной мощью. Но моя сестра Вала соединяет в

себе все качества кобры и тигра. Она, как я уже говорила, тяжело ранила его, но и сама пострадала. Вернее, она чуть не умерла. Рыжий Орк, однако, спасся и вернулся в эту вселенную, которая была создана им первой после того, как он покинул родной мир.

— Что? — выпрямился Кикаха.

Дернувшись, его рука сшибла кружку пива. Он не заметил этого, а уставился на нее во все глаза.

— Что ты сказала?

— Ты хочешь, чтобы я повторила все?

— Нет, нет! То последнее... то, что ты говорила о его возвращении в эту вселенную, первую, которую он создал!

— Да? И что тебя так удивило?

Заикался Кикаха не часто, но теперь он не мог выдать ни слова.

— С-слушай! — проговорил он, наконец. — Я принимаю понятие о карманных вселенных Властелинов, так как сам провел полжизни в одной из них, и знаю, что существуют другие, поскольку мне о них рассказывал человек, который не лжет. Я видел Властелинов из других вселенных, включая тебя! И я знаю, что существует, по крайней мере, тысяча восемь этих относительно небольших искусственных вселенных. Но я всегда думал... и до сих пор думаю... что невозможно... моя вселенная — естественная, точно так же, как, по твоим словам, и твоя родная вселенная Гардазринтрах.

— Этого я не говорила, — мягко возразила она и, взяв его за руку, сжала кисть. — Кикаха, милый, тебя это действительно так расстраивает?

— Ты, должно быть, ошиблась, Анана, — не верил он. — Ты имеешь хоть какое-нибудь представление о громадности этой вселенной? Она бесконечна! Никакой человек не мог создать этот сложный и гигантский мир! Боже мой, до ближайшей звезды четыре с чем-то световых года, а до самой далекой миллиарды световых лет и, должно быть, миллиарды световых лет за ее пределами. И потом ведь есть возраст этой вселенной! Да ведь одной этой планете два с половиной миллиарда лет, как я об этом слышал в последний раз! Это чертовски древнее пятнадцати тысяч лет, когда Властелин отправился из своего родного мира создавать свои карманные вселенные! Чертовски древнее!

Анана улыбнулась и потребовала выслушать ее до конца, потрепав его по руке, будто она была бабушкой, а он ее самым малым внуком.

— Ну, ну! Нет причин расстраиваться, любимый. Я удивлена, почему Вольф не рассказывал тебе. Вероятно, забыл об этом, когда потерял память. А когда она к нему вернулась, то вернулась не целиком, или, наверное, он считал это настолько само собой разумеющимся, что никогда не принимал в расчет, что ты не знаешь этого факта.

— А как ты можешь объяснить бесконечные размеры и возраст этой Земли? А эволюция? — победоносно бросил он. — Вот, как ты объяснишь эволюцию? Неоспоримые данные, полученные в результате раскопок? Датировку на углерод-14, калий и аргон? Я прочел об этих новых открытиях в журнале в автобусе. Их доказательства научно неопровержимы!

Пока официантка забирала их пустые кружки, он молчал. Как только она ушла, он открыл рот, потом закрыл. Телевизор над стойкой показывал новости, и на экране появилось изображение двух лиц.

— Посмотри туда! — прошипел он Анане. Она успела развернуться и увидеть рисунки, прежде чем изображение исчезло.

— Они выглядели похожими на нас, — констатировала она.

— Да, это полицейский фоторобот, — подтвердил он. — Теперь гончие действительно взяли след! Спокойно! Если мы встанем сейчас, люди могут обратить на нас внимание. Но если мы останемся сидеть и заниматься своими делами, как я, надеюсь, поступают другие клиенты....

Если бы телевизор был цветной, сходство оказалось бы меньшим, поскольку волосы они перекрасили. Но он был черно-белым, так что их нарисованные портреты выглядели почти фотографиями.

Однако никто даже не взглянул на них, и вполне возможно, что, кроме пьяных подле стойки, никто и не заметил передачи по телевизору. А к ним лицом они не собирались поворачиваться.

— Что сказала эта штука? — шепнула Анана, подразумевая телевизор.

— Не знаю. Было очень шумно, я не услышал. И сожалею, что не могу расспросить кого-либо у стойки.

У него возникли сомнения относительно своих планов. Им не выманить Рыжего Орка. Наверное, следует бросить эту идею. Кое-чем стоит рискнуть, но — не имея же на пятках полицию, которая активно их ищет! Изображения

его и Ананы появились на экранах телевизоров в каждом доме Калифорнии! Им нельзя привлекать к себе никакого внимания! И тут у Кикахи возникла идея, как выпутаться. Эта идея была из тех диких зайцев, что скакали через заросли шиповника в его голове. Она казалась слишком фантастической, однако именно по этой причине могла иметь успех. Но не сейчас. В ту же минуту, как он приведет свой план в действие, сразу же привлечет людей Орка и полицию. Так что Рыжий Орк не явится к ним с Ананой собственной персоной, поскольку будет знать, где Кикаха.

— Надень темные очки, — велел он. — Прошло достаточно времени, чтобы никто ничего не заподозрил и не связал нас с изображением на экране.

— Тебе вовсе незачем мне все растолковывать, — отрезала она. — Я не такая слабоумная, как ваши земные женщины.

Он немного помолчал. За какую-то минуту на его голову обрушилось столько информации, словно на нее свалилось несколько вагонов. Он отчаянно хотел продолжать обсуждение вопроса о происхождении и природе этой вселенной, но времени не было. Поиск Вольфа и Хрисеиды, уничтожение Колокольника — вот вопросы, требующие сейчас самого пристального внимания. Однако самым главным был вопрос выживания.

— Мы заберем еще кое-что из багажа. И колокол тоже, — сказал он. — Может быть, я сумею позже его использовать. Кто знает?

Он заплатил по счету, и они вышли. Через десять минут они получили колокол. Чеканщик проделал достаточно хорошую работу. Конечно, этот колокол не прошел бы проверки любым Властелином. Но на расстоянии или при взгляде кого-то с ним незнакомого, он сошел бы за ценное имущество Колокольника. Предмет был колоколообразным, но с закрытым дном, в полтора раза больше головы Кикахи, а сделан из алюминия и опылен быстросохнущей краской. Кикаха заплатил мастеру и положил колокол в шляпную коробку, добытую в магазине.

Спустя час они шли через парк Макартура.

Кроме ораторов на ящиках из-под мыла, там болталось немало алкашей, несколько мотоциклетных громил и множество людей, что пришли сюда поваляться на траве и поглазеть на других, пренебрегающих условностями.

Обогнув большой куст, Кикаха и Анана остановились.

Справа от них стояла бетонная скамья. На ней сидели двое алкашей с небритыми, впалыми щеками в голубых прожилках. Рядом устроился молодой человек. Этот юноша был хорошо сложенным парнем с длинными грязными белобрысыми волосами и щетиной трехдневной давности. Одежда его выглядела даже более рваной и грязной, чем у алкашей.

Рядом с ним на скамейке лежала картонная коробка, примерно, в полтора квадратных фута. Анана начала было что-то говорить, но потом замолчала. Кожа ее побледнела, глаза расширились, она вцепилась в свое горло и пронзительно закричала.

Единственное, что могло привести ее в состояние такого ужаса, была сигнализация, которую внедрили ей в мозг десять тысяч лет назад, когда она стала взрослой. Приближение к колоколу Колокольника автоматически включало прибор в ее мозгу. Нервы ее взвыли, словно к ним привязали сирену. Ее охватил вековый страх перед Колокольником.

Белобрысый вскочил, сграбастал картонную коробку и бросился бежать. Кикаха рванулся за ним. Алкаши заорали, и многие из гулявших бросились к ним.

В другое время Кикаха бы рассмеялся. Он планировал отнести свою коробку с псевдоколоколом в какое-нибудь место вроде этого, где болтались бы алкаши и отщепенцы. Он придумал создать какую-то суматоху, которая попала бы в газеты. Это, надеялся Кикаха, могло бы вывести его на Рыжего Орка, который вылез бы из своего укрытия.

По иронии судьбы он наткнулся на настоящего Колокольника. Если бы у Колокольника хватило ума припрятать где-нибудь свой колокол, он был бы в безопасности. Кикаха с Ананой прошли бы мимо, так и не опознав его.

Кикаха остановился. Зачем преследовать Колокольника, даже если он сможет догнать его? Погоня привлечет слишком много внимания.

Он вынул лучемет, замаскированный под ручку, и установил его на самый узкий луч. Он нацелил его в спину Колокольника и в этот миг, словно сообразив, что должно последовать, Колокольник бросился на землю. Коробка его перевернулась, сам он откатился и исчез за невысоким холмиком. Луч из ручки прошел над ним, попал в дерево и продырявил его. От коры повалил дым, Кикаха отключил ручку. Если бы лучемет продолжал работать на несколько секунд дольше, то оказался бы разряжен.

Голова Колокольника высунулась из травы. Показалась его рука с зажатым в нем тонким предметом. Он направил его на Кикаху. Тот подпрыгнул вверх и вбок и одновременно отшвырнул в сторону свою шляпную коробку. По коробке проскользило что-то белое, и она вместе с содержимым упала, развалившись пополам. Перед тем как удариться о землю, коробка вспыхнула.

Кикаха бросился на землю и разок выстрелил. Трава на холме побурела. В следующее мгновение Колокольник выстрелил снова. Кикаха откатился, потом вскочил и побежал зигзагами. Он полагал, что его шалости должны показаться свидетелям весьма странными. Вдруг двое юнцов с картонками в руках начали носиться друг за другом, целились шариковыми ручками, уклонялись, ныряли на землю, будто играли в ковбоев и индейцев. А женщина, вопившая, словно увидела монстра Франкенштейна, тоже принимала участие в этой игре.

Один из полицейских тоже что-то выкрикнул.

— Не давай им поймать нас! — приказал Кикаха. — Иначе нам конец! Держи Колокольника!

Они припустили во всю прыть. Фараоны снова что-то крикнули. Он оглянулся. Никто из них пока не достал пистолет, но долго такое не продлится. Кикаха и Анана настигали Колокольника, а полицейские отставали. Кикаха, однако, дышал слишком тяжело.

Но каким бы плохим ни было его состояние, у Колокольника оно оказалось еще хуже. Он быстро сбавлял темп. Это означало, что очень скоро он вновь обернется, и лучше бы Кикахе бежать попроворней. Через несколько секунд Колокольник окажется в диапазоне действия его лучемета, и он отхватит ему обе ноги.

Колокольник с бешеной скоростью взлетел по бетонной лестнице, ведущей на улицу. Прежде чем последовать за ним, Кикаха притормозил. Он предвидел, что Колокольник будет дожидаться наверху, когда появится его голова. Тут подоспела и Анана.

— Где он? — спросила она, тяжело переводя дыхание.

— Если бы я знал, то не стоял бы здесь, — огрызнулся он.

Кикаха повернулся и побежал прочь от лестницы по крутому склону холма. Колокольник станет гадать, не понимая, что он делает. Если он умен, то поймет, что Кикаха не собирается бросаться в атаку в лоб, и станет

смотреть по обе стороны лестницы в поисках вдруг пропавшего врага.

Кикаха взглянул направо. Анана уловила его идею и тоже кралась по склону. Она повернула голову, улыбнулась ему и помахала рукой. Он показал ей, что им следует выглянуть из-за края одновременно. Если Колокольник хоть на секунду будет парализован их двойным появлением и не сумеет определить, в кого первого стрелять, то его можно считать покойником. Конечно, при условии, что не вмешаются гнавшиеся за ними полицейские. Крики их становились все громче, затем рывкнул пистолет, и вблизи Кикахи взлетела земля.

Он подал знак, и они высунули головы. В то же мгновение на улице прозвучал выстрел. Посреди улицы на спине валялся Колокольник. Рядом с ним стоял большой черный «линкольн», и несколько человек собирались поднять Колокольника и погрузить его в машину. Одним из людей был Клейст.

Кикаха выругался. Он загнал Колокольника прямо в объятия людей Орка, которые, вероятно, крейсировали в этом районе в поисках человека с большой картонной коробкой в руках. Или, возможно, кто-то — о, ирония судьбы! — увидел Кикаху с его коробкой и принял за Колокольника.

Он махнул Анане, и они одновременно выскочили и со всех ног побежали к машине. Новые крики, но никаких выстрелов со стороны полицейских. Люди подле лимузина подняли головы лишь тогда, когда зашвырнули обмякшее тело Колокольника в автомобиль. Они поспешно влезли в машину и рванули прочь по свободной полосе.

Кикаха прицелился в автомобиль, надеясь пробить шину либо поджечь бензобак. Но ничего не произошло, машина целехонькая исчезла за углом. Его лучемет разрядился.

Не оставалось ничего другого, как снова бежать, ведь теперь полицейские вызовут подмогу. Единственное преимущество бега заключалось в том, что был час пик и движение оказалось очень интенсивным. Фараоны на автомобилях не смогут сюда добраться слишком быстро.

Через полчаса они ехали в такси, а еще через двадцать минут прибыли в мотель. Управляющий с любопытством поглядел на них и поднял брови, когда не увидел багажа. Кикаха пояснил, что они — авангард небольшой рок-груп-

пы и их багаж прибывает несколько позже. Они прилетят с пятнадцатиминутным уведомлением из Сан-Франциско.

Они взяли ключ и пошли в свой номер. Здесь они улеглись на кровати, заперев двери и придвинув к ним кое-какую мебель. Они проспали пятнадцать минут. Проснувшись, приняли душ и снова натянули на себя потную одежду. Следуя совету управляющего, они прогулялись в район магазинов и приобрели кое-что из одежды и необходимых предметов.

— Если мы и дальше будем покупать одежду и терять ее в тот же день, — заметил Кикаха, — то скоро останемся без гроша. И мне вновь придется заняться грабежом.

Когда они вернулись в номер, он нетерпеливо раскрыл «Лос-Анджелес Таймс» на колонке личных объявлений. Он прочел ее сверху вниз, а потом вдруг воскликнул «Ией!» и взвился в воздух.

Анана села на постели и спросила:

— Что стряслось?

— Ничего не стряслось! Это первое хорошее, что случилось с тех пор, как мы попали сюда. Я по-настоящему и не верил, что это работает! Но он хитрый старый лис, этот Вольф! Он мыслит так же, как и я. Смотри, Анана.

Он сунул ей газету. Моргая, она отодвинула ее, чтобы сфокусировать зрение, а потом медленно прочла:

«Малыш, хровака! Ты прошел. Штаты. Уилшир и Сан-Винсент. В 9 вечера. Х. шлет горячий привет».

Кикаха стащил ее с кровати и закружил по номеру.

— Нам удалось! Нам удалось! Коль скоро мы окажемся вместе, нас не остановит ничто!

Анана обняла и поцеловала его, признавшись:

— Я так счастлива. Возможно, ты прав, это поворотный пункт. Брат Джадавин! Когда-то я постаралась бы убить его. Но теперь нет. Я едва могу дождаться встречи.

— Ну, нам не придется долго ждать, — он заставил себя отрезветь. — Мне лучше выяснить, что происходит.

Он включил телевизор. Диктор этой телестанции явно не собирался упоминать о них, поэтому Кикаха принялся переключаться с канала на канал. Спустя минуту его старания были вознаграждены.

Его и Анану разыскивали для допроса в связи с делом о похищении Клейста. Управляющий мотелем, где нашли связанного Клейста, описал двух предполагаемых похитителей. Сам Клейст не выдвинул против них никаких

обвинений, но потом было найдено тело Кэмбринга. Полиция установила связь между Кикахой, Ананой и Кэмбрином из-за суматохи около «смоляных ям Ла Бри». Было еще и дополнительное обвинение: угон автомашины Кэмбринга.

Новости не понравились Кикахе, но он не мог удержаться от улыбки, представляя, какую досаду, должно быть, испытывает Рыжий Орк. Властелину было бы предпочтительней менее тяжелое обвинение. Такое, как всего лишь угон машины, чтобы он мог заплатить залог за парочку и таким способом сцапать их, когда они выйдут из полицейского участка. Но при похищении и убийстве он, возможно, и не сумеет освободить их.

Обвинения были достаточно серьезными, хотя и не настолько, чтобы оправдать появление их портретов в теленовостях. Что делало данный случай столь интересным, так это сообщение, что проверка отпечатков пальцев мужчины, участвующего в деле, показала, что они принадлежат Полу Янусу Финнегану, который исчез в 1946 году из своей квартиры в Блумингтоне, штат Индиана, где посещал университет.

Спустя двадцать четыре года он появился в Ван Найсе, штат Калифорния, при весьма таинственных или сомнительных обстоятельствах. И вот что самое сенсационное, по словам диктора, — свидетели описывают Финнегана как мужчину лет двадцати пяти, когда ему должно быть пятьдесят два года!

Более того, после первого показа фоторобота свидетели опознали его как одного из участников очень таинственной погони в парке Макатура.

Закончил диктор комментарием, претендующим на остроумие. Наверное, этому Финнегану удалось отхлебнуть из источника юности. Или, что вероятнее, свидетели могли напиться из иного источника.

— При такой рекламе, — заявил Кикаха, — наше положение веселым не назовешь. Надеюсь, наш управляющий не смотрел эту передачу.

Было восемь тридцать. Они должны были встретиться с Вольфом в девять часов в ресторане «Штаты» на углу Уилшир и Сан-Винсент. Если они возьмут такси, то смогут попасть туда с неплохим запасом времени. Кикаха решил, что им следует прогуляться пешком. Он не доверял такси. И не видел ни малейшей причины брать такси только для

того, чтобы избежать пешей прогулки. Особенно потому, что им требовалось поразмяться.

Анана пожаловалась, что проголодалась, и хотела бы как можно скорее попасть в ресторан. Кикаха сообщил, что страдания полезны для души, и усмехнулся, произнося это. Его собственный желудок сжимался от спазм, а ребра ощущались сильнее, нежели несколько дней назад. Но если это зависит от него, он не собирается кидаться куда-то очертя голову.

По дороге Кикаха расспрашивал ее о Рыжем Орке и о якобы созданной им Земле.

— Вначале была вселенная Властелинов. Она была единственной, известной нам. Потом, после десяти тысяч лет цивилизации, мои предки сформулировали теорию искусственных вселенных. Коль скоро была понятна математика данной концепции, создание первой карманной вселенной стало лишь делом времени и желания. И тогда на основе первого мира возникло еще одно пространство. Тем не менее обе вселенные оставались непроницаемыми друг для друга, потому что находились «под прямым углом к другому миру». Ты понимаешь, что термин «прямой угол» ничего не значит? Это просто попытка объяснить нечто такое, что на самом деле можно объяснить лишь тому, кто понимает математику данной концепции. Лично я хоть и спроектировала собственную вселенную, а затем и построила ее, никогда не понимала этой математики или даже того, как действуют создающие мир машины.

Первую искусственную вселенную сконструировали примерно за пятьсот лет до моего рождения. Создала ее группа Властелинов — тогда, кстати, они Властелинами себя не называли, — среди которых был мой отец Уризен и его брат Орк. Орк тогда уже прожил две тысячи земных лет. Он был физиком, потом биологом и, наконец, социологом.

Первоначальный шаг был подобен надуванию шара в не-пространство. Ты можешь себе это представить? Я тоже не могу, но именно так мне это объяснили. Ты надуваешь шар в не-пространство. То есть ты создаешь небольшое пространство или небольшую вселенную, куда устанавливаются врата. Через них перебрасываются машины и механизмы, которые расширяют соседнее пространство или пространство-время оригинальной вселенной. Новый мир расширяется так, чтобы ты мог переместить в него еще

больше машин. А они еще больше расширяют вселенную, и ты отправляешь машины в новое, большее пространство.

С самого начала создания этого нового мира он может иметь совершенно иные физические законы, чем в оригинальной вселенной. Все зависит от структуры временных и пространственных матриц. С их помощью можно варьировать гравитацию или иные элементы так, чтобы законы действовали иначе, чем в оригинальном мире.

Однако первая искусственная вселенная оказалась, можно сказать, топорной. Она не воплощала никаких новых принципов, фактически являлась подделкой оригинала. Ну, не в том смысле, что не была копией нашего мира, она походила на вселенную, какой та была примерно двадцать тысяч лет назад.

— И эта копия — мой мир? — уточнил Кикаха. — Земля?

— Я говорю обо всей вселенной, — кивнула Анана, — а не только о Земле. И создали ее приблизительно пятнадцать тысяч лет назад. Ваша Солнечная система лишь в мелких особенностях отклонилась от родной вселенной Властелинов.

— Ты хочешь сказать...

Он молчал почти полквартала, а затем проговорил:

— Так вот, значит, что ты имела в виду, когда сказала, что этот мир молодой. Я знал, что этого быть не может, так как датировка на калий-аргон и ксенон-аргон неопровержимо доказывает, что этому миру более четырех с половиной миллиардов лет, и были найдены ископаемые гоминиды, которым по меньшей мере миллион семьсот пятьдесят тысяч лет. И потом у нас есть датировка на углерод-14, который предположительно точен до пятидесяти тысяч лет, если я правильно помню ту статью.

Но ты говоришь, что скалы твоего мира, которым было четыре с половиной миллиарда лет, были воспроизведены в этой вселенной. И поэтому, хотя они и воспроизведены всего пятнадцать тысяч лет назад, кажется, что им четыре с половиной миллиарда лет. И мы находим ископаемые, бесспорно доказывающие, что динозавры жили пятьдесят миллионов лет назад. И мы находим каменные орудия и скелеты людей, что жили миллион лет назад. Но все это дублировано с вашей вселенной.

— Совершенно верно, — согласилась она.

— Но звезды! Галактики, сверхновые, квазары! Миллионы, миллиарды их в миллиардах световых лет! В одной

этой галактике миллионы звезд, и диаметром она в сто тысяч световых лет! Красное смещение света от убегающих от нас галактик при четверти скорости света и в миллиардах световых лет от нас! Радиозвезды! Боже мой! Все!

Он вскинул руки, указывая на бесконечность и вечность этой вселенной. И, кроме того, указывая на нелепость ее слов.

— Эта вселенная — первая и самая большая из искусственных, — сказала она. — Ну, не самая большая, наша была точно такой же величины. Диаметр ее — трехкратное расстояние от Солнца до планеты Плутон. Если люди когда-нибудь построят корабль для полета к ближайшей звезде, то они пройдут за орбиту Плутона, а потом двойное расстояние от Плутона до Солнца. А потом...

— Потом?

— А потом корабль войдет в район, где будет уничтожен. Он наткнется на — как мне назвать? — единственный термин, какой я могу придумать, это — силовое поле. И он исчезнет во вспышке энергии. И то же произойдет с другим кораблем или кораблями, если они за ним последуют. Звезды не для людей. Главным образом потому, что никаких звезд нет.

Кикаха хотел протестовать. Он почувствовал, что возмущен, но заставил себя спокойно спросить:

— Как ты это объяснишь?

— Пространство-материя за пределами орбиты Плутона — подобие звездного неба. Крошечное подобие. Относительно крошечное то есть.

— Эффекты света от звезд, туманностей и тому подобное? Красное смещение? Скорость света? Все это?

— Есть фактор искривления, придающий все необходимые иллюзии.

Вся заплутоновская астрономия, вся космогония оказались ложными!

— Но почему Властелины сочли необходимым установить это подобие бесконечной, беспространной расширяющейся вселенной с ее биллионами небесных тел? Почему они не оставили просто чистое небо, исключая Луну и планеты? Зачем этот предельно жестокий обман? Или незачем спрашивать? Я на минуту забыл, что Властелины жестоки.

Она потрепала его по руке, заглянула в глаза и сказала:

— Жестоки не только Властелины. Ты забываешь, я сказала тебе, что эта вселенная была точной копией на-

шей. Я имею в виду — точь-в-точь такой же. От центра, то есть Солнца, до внешнего края, стен этой вселенной, ваш мир — дубликат нашего. Это включает и подобие пространства за Солнечной системой.

— Ты хочешь сказать, что... Родной мир Властелинов тоже искусственная вселенная? — Кикаха даже остановился.

— Да. После того, как три корабля были отправлены за самую крайнюю нашу планету к ближайшей звезде всего в четырех и трех десятых световых лет от нас — как мы думали, — был отправлен и четвертый корабль. Но этот притормозил, когда приблизился к району, где исчезли во вспышке света предыдущие корабли. Он не был уничтожен, но не смог продвинуться дальше тех кораблей. Силовое поле оттолкнуло его. Или завернула структура пространственно-материального континуума в той точке.

После изучения мы неохотно пришли к выводу и пониманию, что ни звезд, ни наружного пространства не существует. Во всяком случае, в том смысле, как мы их понимали. Многие не приняли эти откровения. Фактический удар, нанесенный этим открытием, был настолько силен, что наша цивилизация долгое время находилась в состоянии, близком к психозу.

Некоторые историки утверждали, что именно открытие, что мы находимся в искусственной, сравнительно ограниченной вселенной, и прищипило нас, подстегнуло к поискам средств создания своих собственных синтетических вселенных. Потому что если мы сами являлись продуктами людей, создавших нашу вселенную и, таким образом, создавших нас, то и мы тоже можем создать свои миры. И поэтому...

— Значит, Земля даже не из вторых рук! Она из третьих рук! — продолжил Кикаха. — Но кто же мог создать ваш мир? Кто Властелин Властелинов?

— Мы пока не знаем, — ответила она. — Мы не нашли никаких следов тех, кто мог бы ее создать. Они существуют на плоскости полярности, выходившей тогда за пределы нашей досягаемости, и насколько я знаю, всегда будут за пределами.

Кикаха подумал, что это должно было унижить Властелинов. Наверное, вначале и унизило. Но они оправились и перешли к созданию собственных космосов и своего солипсистического образа жизни.

И в своем поиске бессмертия они создали Колокольников, этих монстров Франкенштейна, а потом после долгой войны победили собственные создания и навек отделились от этой угрозы, как они думали. Но теперь Колокольник гулял на свободе. Он находился в руках Рыжего Орка, который наверняка присмотрит за тем, чтобы Колокольник умер, а его колокол оказался погребенным где-то поглубже, наверное, на дне Тихого океана.

— Я проглочу все, что ты мне рассказала, — допустил он. — Хотя это и встает мне поперек горла. Но что насчет жителей Земли? Откуда они взялись?

— Твоих предков создали пятнадцать тысяч лет назад в биологических Властелинов. Один набор создали для этого мира, для этой Земли, и еще один набор — для второй Земли. Точные дубликаты. Рыжий Орк создал вселенные совершенно одинаковыми и поселил на поверхность обеих Земель тех же людей. В точности тех же самых в обеих Землях.

Орк расположил в разных местах детей: европеоидов, негроидов и негритосов, монголоидов, индейцев и австралоидов. Вот из этих-то детей Властелины и вырастили людей каменного века. Все группы научили языкам, которые все, кстати, были искусственными языками. Кроме того, их научили изготавливать каменные и деревянные орудия, охотиться. Научили, какие правила поведения избрать и так далее. А потом Властелины исчезли. Большинство из них вернулось в родную вселенную, где они принялись составлять планы строительства собственных вселенных. Некоторые остались на двух Землях понаблюдать, но старались никому не попадаться на глаза. В конечном итоге Орк всех их перебил или выгнал из обеих вселенных, но произошло это тысячу лет спустя.

— Минуточку, — перебил Кикаха. — Я никогда не думал об этом, воспринимая, полагаю, просто как должное. Но я считал, что все Властелины — европеоиды.

— Просто потому, что ты встречал только европеоидов, — сказала она. — Кстати, сколько Властелинов ты встречал?

— Шестерых, — усмехнувшись, признался он.

— Я бы предположила, что их осталось около тысячи, и из них примерно треть — негроиды, еще треть — монголоиды, применяя земную терминологию. На нашей планете эквивалент австралоидов вымер, а наш эквивалент полинезийцев и индейцев поглотили монголоиды и европеоиды.

— А вселенная той, другой Земли? Там люди развивались по моделям, схожим с нашими? Или они существенно отклонились?

— Не могу сказать тебе, — призналась она. — Это знает лишь Рыжий Орк.

У него имелось множество вопросов, включая и вопрос, почему на Земле оказалось немало врат, никак не контролировавшихся Рыжим Орком. Ему пришло в голову, что они могли остаться от старых времен, когда на Земле было много Властелинов.

На новые вопросы времени не было. Они переходили с Сан-Винсента на Уилшир, и до ресторана «Штаты» оставалось несколько дюжин ярдов. Ресторан располагался в двухэтажном здании из кирпича с большими витринами и окном по фасаду. Перспектива снова увидеть Вольфа и Хрисеиду сделала Кикаху счастливей. Тем не менее осторожности он не потерял.

— Сперва пройдем мимо, — сказал он. — Давай.

Они находились напротив ресторана. За столиками сидело примерно полдюжины посетителей, которых обслуживали две официантки и женщина за кассой. В одной кабинке Кикаха заметил двух полицейских, а их белый автомобиль стоял на автостоянке к западу от ресторана. Ни Вольфа, ни Хрисеиды в ресторане не оказалось.

До девяти оставалось несколько минут, а Вольф тоже мог проявить осторожность.

Они остановились перед витриной магазина одежды. Со своего наблюдательного пункта они могли следить за всеми входящими и выходящими из ресторана. Двое клиентов встали и ушли. Полицейские не собирались скоро уходить. На стоянку въехала машина, остановилась и выключила фары. Из нее вылезли мужчина и женщина, оба седые, и вошли в ресторан. Мужчина был слишком маленького роста и тощим, чтобы оказаться Вольфом, а женщина — слишком объемистой и высокой для Хрисеиды.

Прошло полчаса. Прибыли новые клиенты, а другие вышли. Никто из них не мог быть его друзьями. Оба полицейских ушли без четверти десять.

— Можем мы теперь войти? — спросила Анана. — Я так проголодалась, что мой желудок ест сам себя.

— Не нравится мне, чем все это пахнет, — засомневался Кикаха. — Все вроде бы выглядит как надо, но Вольф так

и не появился. Подождем еще немного, дадим ему шанс. Но заходить туда не станем. Это слишком похоже на западню.

— Я вижу впереди по улице еще один ресторан. Я могла бы сбегать туда, купить еды, а потом вернуться сюда.

Кикаха продемонстрировал, как правильно произнести слова: два чизбургера без лука, две порции шоколада со взбитыми сливками, очень густых, — и кивнул. Он объяснил, сколько ей должны дать сдачи, а потом велел потропиться.

Пару секунд он гадал, не следует ли ему остановить ее. Если случится нечто неожиданное и ему придется смыться без нее, она попадет в беду. Она все еще плохо понимала этот мир. С другой стороны, у него в желудке тоже урчало.

— Ладно, — неохотно уступил он. — Но не задерживайся, и если что-нибудь случится и мы расстанемся, то встретимся снова около мотеля.

Поглядывая ей вслед, Кикаха продолжал следить за входом в ресторан.

Примерно минут через десять она вернулась, держа большой бумажный пакет. Анана дважды перешла улицу и направилась к нему. Она сделала несколько шагов от угла, когда возле нее неожиданно остановилась машина, проезжавшая мимо. Из машины выпрыгнули двое и подбежали к Анапе. Кикаха бросился на помощь. Анана выронила пакет, потом упала. Не было ни звука пистолетного выстрела, ни вспышки пламени или еще чего-нибудь, что указывало бы на применение оружия. Двое подбежали к Анапе. Один поднял ее, а второй повернулся лицом к Кикахе.

В этот момент из машины вылез еще один мужчина и побежал к Кикахе. К остановившейся машине подъехало еще несколько, посигналили, а потом объехали ее. Их фары высветили еще одного человека на месте водителя.

Кикаха отскочил вбок. Автомобиль рывкнул клаксоном и свернула, чтобы не сбить его. Долетел рассерженный крик водителя:

— Ты сумасшедший сукин сын!

К этому моменту Кикаха уже вытащил свою ручку-лучемет. Несколько торопливых слов установили ее на пробивное действие. Первой его заботой было не попасть под лучемет противников, а второй — вывести из строя их машину.

Он упал на мостовую и покатился, уловив краешком глаза вспышку тонкого, как игла, и горячего, словно солнышке, луча. Из его собственной ручки выпрыгнул луч и прошелся по колесам машины со стороны проезжей части. Шины с грохотом лопнули, и машина накренилась набок, когда отвалились нижние части колес.

Водитель выскочил и укрылся за машиной.

Кикаха поднялся и побежал к автомобилю, стоявшему у тротуара. Он бросился вперед, сильно ударился о мостовую и покатился. Когда он выполз из-за машины и выглянул, то увидел, что на некотором расстоянии от первого автомобиля остановился второй. Люди из первой машины затаскивали Анану туда.

Он вскочил и закричал, но мимо пролетело несколько автомобилей, которые помешали воспользоваться лучеметом. Когда они проехали, вторая машина, где находилась Анана, делала разворот на сто восемьдесят градусов. Новые автомобили на другой стороне дороги проехали между ним и машиной, которая увозила его женщину. Шансов разрезать лучом задние колеса уезжающей машины у него не осталось. И именно тогда, словно сама Судьба ополчилась против него, на полосе движения с его стороны появилась полицейская машина. Кикаха понимал, что попадать в руки полиции ему никак нельзя, и яростно ругаясь, он побежал в переулок.

Позади него взвыла сирена. Полицейский что-то выкрикнул и выстрелил в воздух.

Он прибавил шаг и выскочил на Сан-Винсент, чуть не остановив уличное движение, когда петлял в потоке машин. Он пересек разделительную полосу, а когда добрался до другой стороны, быстро оглянулся и увидел на разделительной линии одного полицейского, которого остановила вереница машин.

Полицейский автомобиль развернулся и направился через улицу. Кикаха все бежал — свернул за угол, проскочил между двух домов и снова выскочил на Сан-Винсент. Фараон, бежавший за ним, сел в автомобиль. Кикаха скорчился в тени. Автомобиль, продолжая завывать сиреной, укатил. Он свернул за тот же угол, из-за которого выбежал Кикаха.

Кикаха побежал к ресторану «Штаты» и заглянул внутрь. Там не было ни Хрисейды, ни Вольфа. Приближался еще один полицейский автомобиль, сверкая мигалкой, но с выключенной сиреной.

Кикаха прошел через стоянку и обошел кирпичное здание. Ему потребовался час, чтобы ускользнуть от патрульных машин. Он остановился купить какой-нибудь еды и вернулся к своему мотелю.

Перед мотелем стоял полицейский автомобиль. И снова Кикахе пришлось все бросить и пропасть в ночи. Одно он должен был сделать немедленно. Он знал, что Рыжий Орк даст Анане наркотик, который заставит ее ответить на любой вопрос. Вполне может статься, что Орк прознает, что в этот мир попал рог Шамбаримена и что сейчас он находится в камере хранения автобусного вокзала в центре города. Он, конечно, пошлет людей на вокзал и не станет стесняться, чтобы взорвать вокзал. Орка не будет волновать, что придется убить много людей только для того, чтобы раздобыть рог.

Кикаха поймал такси и приехал на автобусный вокзал. Опустошив камеру хранения, он отошел от автобусного вокзала на семь кварталов, прежде чем поймал другое такси, которое отвезло его на железнодорожный вокзал в центре города. Здесь он снова сунул рог в камеру хранения. Носить ключ от нее ему не хотелось. Он купил пакетик жевательной резинки и жевал пластинки, пока не получил большой резиновый шарик. Он прогуливался вокруг вокзала, обследовал дерево на краю автостоянки и решил, что нашел превосходный тайник. Кикаха засунул комок резинки с ключом внутри в небольшое дупло на дереве как раз на уровне глаз.

Он взял новое такси до района Сансет и Ферфакс.

Около восьми часов утра он проснулся на старом матрасе, лежавшем на голом полу большой старой комнаты. Рядом с ним спала Род. Родрига Элоид, как она себя называла, была высокой худощавой девушкой с замечательно большими грудями, хорошеньким, но чересчур веснушчатым личиком, большими синими глазами и прямыми желто-каштановыми волосами, ниспадавшими до талии. Она носила рубаху лесоруба в красно-синюю клетку, грязные брюки клеш и рваные мокасины. Зубы у нее были белые и ровные, но изо рта слабо пахло пищей, зато слишком сильно — марихуаной.

Прогуливаясь вечером в толпе, Кикаха заметил ее, сидящей на тротуаре и разговаривающей с другой девушкой

и парнем. Родрига заметила Кикаху, улыбнулась и окликнула:

— Хэлло, друг. Ты выглядишь так, словно долго бежал.

— Надеюсь, что нет, — улыбнулся в ответ Кикаха. — А то легавые тоже могут это заметить.

Завязать знакомство с троицей оказалось очень легко. Кикаха сказал, что купит всем троим что-нибудь поесть, их интерес к нему резко возрос. Перекусив, они вместе послонялись по Сансет, «торча» от всего, что видели. В этот вечер он многое узнал о жизни хиппи. Когда он упомянул, что у него нет крыши над головой, они пригласили его в свою хазу. Это большой запущенный дом, сказали они, с привидениями, там живет примерно пятьдесят человек плюс-минус десяток. Они скидываются на арендную плату и коммунальные услуги, если пользуются ими. Если же у них нет денег, их все равно пускают, дожидаясь, когда они достанут какие-нибудь баблы.

Родрига Элоид (он был уверен, что это не настоящее имя) приехала сюда недавно из Дейтона, штат Огайо. Там у нее остались родители-пуритане. Ей исполнилось семнадцать лет, и она не знала, кем хочет быть. На текущий момент, сказала она, просто собой.

Кикаха внес еще некоторую сумму на марихуану, и вторая девушка, Джеки, временно исчезла. Когда она вернулась, они направились к большому дому, который они называли Графство, и удалились в эту комнату. Кикаха покурил вместе с ними, так как понимал, что так станет для них более привычным. Дым нагнал на него легкую сонливость, не вызвав ничего другого, кроме кашля.

Через некоторое время Джеки и ее парень начали заниматься любовью. Родрига и Кикаха вышли прогуляться. Родрига сказала, что он ей нравится, но она не испытывает никакого желания ложиться с ним в постель после столь краткого знакомства.

Кикаха ответил, что понимает. Он вовсе не настаивает. Ему просто хочется немного поспать. Спустя час они вернулись в комнату, которая к этому времени оказалась пустой, и завалились на матрас.

Но сон не уменьшил его беспокойства. Он был подавлен оттого, что Анана оказалась в руках Рыжего Орка, и подозревал, что Вольфа и Хрисеиду постигла та же участь. Каким-то образом Рыжий Орк догадался, что объявление

в газету дал Кикаха, и ответил. Но он не смог бы ответить столь верно, если бы не захватил Вольфа и не вытащил из него все, что тот помнил о Кикахе.

Зная Властелинов, Кикаха считал вполне вероятным, что сперва Рыжий Орк подверг Вольфа и Хрисеиду пыткам, хотя мог ограничиться наркотиком, который бы заставил их ответить на любые вопросы. После этого он снова подвергнет их пыткам и в конечном счете убьет. С Ананой он поступит точно так же.

Кикаха содрогнулся и сказал:

— Нет!

Родрига открыла глаза и спросила:

— Что?

— Спи дальше, — сказал он, но она села, обхватив руками прижатые к груди коленки. Потом покачалась из стороны в сторону и изрекла:

— Тебя что-то грызет, амиго. Глубоко. Слушай, я не хочу грузить тебя, но если я могу что-то сделать...

— Мне требуется сделать кое-что самому, — отозвался Кикаха.

Он не мог вовлекать ее в это дело, даже если она могла каким-то образом помочь. При первом же их контакте с людьми Рыжего Орка оказалась бы убитой. Родрига не столь быстра, сильна и изобретательна, как была Анана. Да, совершенно верно, сказал он самому себе. Была. В этот самый миг ее могли уничтожить. На глаза его навернулись слезы.

— Спасибо, Род. Теперь я должен идти. Возможно, мы встретимся с тобой как-нибудь позже.

Тут она поднялась с матраса и сказала:

— В тебе, Пол, есть нечто странное. Ты молод, но употребляешь нашу феню не совсем верно. Понимаешь, что я хочу сказать? Ты мне кажешься просто малость чудным. Я не хочу сказать, гадом. Я хочу сказать, ты словно не принадлежишь к этому миру. Я знаю, как это бывает, у меня самой очень часто возникает такое же ощущение. То есть я тоже не принадлежу здешнему миру. Но с тобой это не совсем то же самое. Я хочу сказать, ты действительно не от мира сего. Ты ведь не какое-то там существо с летающей тарелки?

— Слушай, Род. Я ценю твое предложение. Действительно ценю. Но ты не можешь отправиться со мной или что-то для меня сделать. Не сейчас. Но позже, если воз-

никнет что-нибудь, в чем сможешь мне помочь, то будь уверена, черт побери, что я позволю тебе сделать это что-нибудь для меня и буду этому очень рад. — Он нагнулся и поцеловал ее в лоб. *Nastala vista*, — попрощался он, — а может, адью. Давай все-таки надеяться, что мы еще встретимся.

Кикаха бродил, пока не нашел небольшой ресторан. Завтракая, он обдумывал ситуацию. Одно можно утверждать наверняка. Проблема Колокольника решена. Не имело значения, кто убьет его, Кикаха или Рыжий Орк. Главное, он будет убит, и Колокольники навеки уберутся с дороги.

Рыжий Орк заполучил в свои руки всех своих врагов, кроме одного, однако скоро он заполучит и этого, последнего. Если, конечно, этот враг не доберется до него первым. Рыжий Орк не использовал еще всех своих возможностей для поимки Кикахи, поскольку первой его заботой было изловить Колокольника. Но сейчас он уже мог сосредоточиться на последнем противнике, все еще от него ускользающем.

Каким-то образом Кикаха должен был найти Рыжего Орка раньше, чем этот Властелин доберется до него.

Кончив завтракать, он купил «Таймс». Идя по улице, он просматривал газету. В ней ничего не сообщалось ни о похищении женщины, ни о машине на Уилшире с отрезанными нижними половинками левых колес. Была небольшая заметка о розыске Пола М. Финнегана, загадочного человека, о том, как он скрылся, и краткое описание его жизни до 1946 года.

Кикаха заставил себя успокоиться и хладнокровно обдумать ситуацию. Никогда прежде он так не волновался. Он был бессилен остановить реальные пытки, которым подвергались его друзья и любимая в эту минуту. И все же существовал-таки один способ попасть в дом Властелина и встретиться с ним лицом к лицу. Если он сдастся, то сможет потом, когда его привезут к Рыжему Орку, положить на свою смелость и изобретательность.

Спасло его от плена чувство реальности. Возьмут его только после тщательного изучения и гарантии, что он не утаил какого-либо оружия или приборов, и привезут связанным и беспомощным. Если Властелин не оставил какой-нибудь путь открытым для умного и умелого человека. Всегда, какие бы эффективные и мощные ловушки ни

устанавливали Властелины в своих дворцах, они оставляли открытым, по крайней мере, один маршрут, которым можно воспользоваться, если вторгшийся окажется достаточно находчив и дерзок. Таково было правило смертельной игры, в которую они играли тысячи лет. Фактически именно это правило и заставило Рыжего Орка оставить ворота в пещере без охраны и ловушки.

Из-за того, что больше ничего не оставалось, Кикаха зашел в телефонную будку на бензоколонке, потом набрал номер Кэмбринга. Трубку подняли так быстро, что Кикахе на секунду показалось, что Кэмбринг жив и ждет его звонка. Ответила, однако, жена Кэмбринга.

— Говорит Пол Финнеган, — произнес Кикаха.

Возникла пауза, а затем:

— Ты убийца! — завизжала она.

Он подождал, пока она накричится и перестанет проклинять его. Ее вопли перешли в рыдания. Дыхание у нее стало прерывистым.

— Я не убивал вашего мужа, — произнес он. — Хотя, если бы убил, был бы оправдан, как вам хорошо известно. Его убил большой босс.

— Вы лжете.

— Скажите своему большому боссу, что я хочу с ним поговорить. Я буду ждать на этом проводе. Я знаю, что вы можете воспользоваться несколькими телефонами.

— С какой стати мне это делать? — огрызнулась она. — Я ничего не стану для вас делать!

— Ставлю вопрос так. Если он заполучит меня в свои руки, то позаботится о том, чтобы вы могли удовлетворить свою жажду мщения. Но если я не вступлю с ним в контакт прямо сейчас, то сматываюсь в Великое Неведомое. И он никогда не найдет меня.

— Ладно, — шмыгнула она носом и пропала. Примерно через минуту она вернулась и сказала:

— У меня здесь есть громкоговоритель, ящик, как вы его называете. Так или иначе, вы можете поговорить.

Кикаха сомневался, что человек, с которым он должен был говорить, и есть «большой босс». Хотя миссис Кэмбринг и показала, что обладает теперь сведениями, которых у нее не было, когда он допрашивал ее. Не оттого ли, что Властелин рассчитывал на его злонец?

Он ощутил холодок, прогулявшийся по его затылку. Если Рыжий Орк так хорошо предвидит его действия, то

уловит и следующий шаг Кикахи. Он пожал плечами. Существовал лишь один способ выяснить, так ли умен Рыжий Орк.

Голос оказался глухим и низким. Произношение выдавало истинного американца, но употребление слова казалось чрезмерно правильным. Говоривший не представился. Тон указывал, что он в этом не нуждается, что один лишь голос должен убедить каждого, кто его услышит, в истинности его личности. И в его могуществе.

Кикаха почувствовал, что это истинный Рыжий Орк, и чем дольше слушал, тем больше узнавал характерные интонации, напоминавшие ему речь Ананы. Сходство не казалось удивительным, поскольку в семье Уризена были приняты внутрисемейные браки.

— Финнеган! Я захватил твоих друзей, Вольфа и Хрисеиду, твою любовницу, мою племянницу Анану. Они здоровы. С ними не случилось ничего, что могло бы им повредить. Пока! Я добился от них правды с помощью наркотика. Они рассказали мне все, что знают.

«Тогда хорошо,— подумал Кикаха,— что Анана не знает, где находится рог Шамбаримена».

Возникла пауза, и Кикаха сказал:

— Я слушаю.

— Мне следовало убить их. Но они и в самом деле не представляют для меня никакой угрозы. Они попались легко, как новорожденные кролики.

Властелины всегда любили немного побахвалиться. Кикаха ничего не сказал, зная, что Властелин перейдет к сути, когда устанет. Но Рыжий Орк удивил его.

— Я мог бы подождать, пока поймают тебя, и ждать мне пришлось бы недолго. Но именно сейчас важно время, и потому я готов пойти на обмен.

Он вновь сделал паузу. Кикаха сказал:

— Я весь во внимании.

— Я отпущу пленников и позволю им вернуться в мир Джадавина. И ты сможешь отправиться с ними. Но при нескольких условиях. Во-первых, ты вернешь рог Шамбаримена.

Этого Кикаха ожидал. Рог был не только единственным во всех вселенных, но и являлся самым желанным предметом для всех Властелинов. Его изготовил легендарный предок всех живущих Властелинов, он долго принадлежал его не менее легендарному сыну, поэтому его иногда имено-

вали рогом Ильмарволкина. Рог обладал уникальной способностью открывать любые врата всех вселенных. Его можно было применить, не имея вторых врат. Все другие врата существовали парами. Одни нужно иметь в покидаемой вселенной, другие — во вселенной, куда вступали. Большинство из них являлось фиксированными, хотя врата типа полумесяцев были мобильными. Требовалось лишь протрубить в рог надлежащую последовательность нот, и мгновенно открывался путь между вселенными. То есть так произошло бы, если бы рогом воспользовались неподалеку от резонирующей точки стен между двумя мирами.

Резонирующая точка являлась тропой между вселенными, и она всегда приводила в определенный мир. Поэтому, если Властелин пользовался рогом, не зная, куда приведет его резонирующая точка, то оказывался в любой вселенной, какая существовала по другую сторону, нравилось ему это или нет.

Кикаха знал о четырех местах, где он мог бы протрубить в рог и открыть для себя путь в многоярусный мир. Одно находилось в пещере неподалеку от озера Эрроухэд. Другое было в Кентукки, но чтобы добраться туда, ему потребовалась бы помощь проводника. Проводник — Вольф. Третье, должно быть, находится в его квартире в Блумингтоне, штат Индиана. А четвертое в гардеробе в подвале дома в Тампе, штат Аризона. Вольф тоже знал о нем и рассказал Кикахе, как попасть туда со стороны Земли, и Кикаха запомнил это.

Голос Рыжего Орка сделался нетерпеливым:

— Брось, брось! Не играй со мной в эти игры, земляшка! Говори, да или нет, но поскорее!

— Конечно, да! Пока меня это устраивает. Все зависит от твоих следующих условий.

— У меня осталось только одно, — Рыжий Орк откашлялся, а потом буркнул: — И оно — что ты и другие можете мне поймать Колокольника!

Кикаха был потрясен, но тысячекратный опыт столкновения с разными сюрпризами помог ему скрыть потрясение. И он спокойно произнес:

— Согласен. Именно на нечто в этом роде я и рассчитывал, но не видел, как можно с тобой работать. Конечно, пока у тебя не было кнута в руке.

Значит, Колокольник либо убежал от людей Орка, либо же его захватил кто-то другой. И этот другой мог быть

только еще одним Властелином. Хотя, не исключено, это был другой Колокольник. При этой мысли Кикаха похолодел.

— Что мы будем теперь делать? — осведомился он, не желая говорить правду, которая заключалась во фразе: «Каким будет твой приказ?»

Голос Орка стал жестким и сдержанно торжествующим:

— Ты явишься как можно быстрее к дому миссис Кэмбринг, и мои люди проводят тебя сюда. Сколько времени тебе понадобится, чтобы добраться до дома Кэмбринга?

— Примерно полчаса, — ответил Кикаха. Если бы он смог сразу схватить такси, то оказался бы там минут через десять, но ему хотелось оставить себе немного времени, чтобы подумать.

— Отлично! — произнес Властелин. — Ты должен сдать все оружие, мои люди тщательно тебя обыщут. Понятно?

— О, разумеется.

Разговаривая, он становился бдительным, как птица. Он посмотрел через стекло будки, выискивая, нет ли чего подозрительного, но пока не замечал ничего, кроме проезжавших мимо автомобилей. Вот один автомобиль остановился около тротуара. Это был большой темный «кадиллак», в нем сидел один человек. Он посидел минуту, посмотрел на часы, а потом открыл дверцу и вышел из машины. Не спеша, он направился к будке, снова взглянув на часы. Это был весьма хорошо сложенный юноша ростом примерно шесть футов и три дюйма, одетый модно и дорого. Длинные желтые волосы блестели на солнце, словно облитые золотом. Лицо у него было красивое, но с грубыми чертами.

Он остановился недалеко от будки и достал портсигар. Кикаха продолжал слышать голос по телефону, он передавал ему инструкции, но не спускал глаз с приехавшего человека. Этот парень глядел на мир надменными глазами с полуприкрытыми веками. Он, очевидно, нервничал из-за того, что будка занята. Он снова посмотрел на часы, потом закурил сигарету.

Кикаха произнес кодовое слово, подготовившее кольцо у него на пальце к активным действиям для короткого луча. Если этот парень охотится за ним, то придется прорезать стекло.

Голос в трубке все еще продолжал говорить. Казалось, он диктует условия капитуляции великой державы, а не

единственного человека. Кикаха должен приблизиться к фасаду дома Кэмбринга и пройти только половину центральной дорожки, а потом стоять, пока из дому не выйдут три человека, а трое, находящиеся в припаркованном на другой стороны улицы автомобиле, приблизятся к Кикахе сзади. А потом...

Человек около будки состроил недовольную гримасу, когда снова посмотрел на часы, и отвернулся, собираясь уйти. Очевидно, ему надоело дожидаться, когда будка освободится.

Но он сделал всего три шага и резко обернулся. В руках его появился курносый пистолет. Кикаха выронил трубку и пригнулся, произнося одновременно слово, активировавшее кольцо.

Пистолет рывкнул, стекло будки разлетелось, и Кикаху обволокло облаком белого тумана. Это было настолько неожиданно, что он охнул и сразу же понял, что ему следует задержать дыхание. Так он и поступил. Он выскочил из будки, разрезая дверь кольцом. Дверь выпала наружу, но он так и не услышал, как она ударилась о землю.

Когда сознание вернулось к нему, он обнаружил, что кругом темно, а он лежит, ограниченный стенками движущегося предмета. Запах бензина и теснота подсказали ему, что он находится в багажнике автомобиля. Руки его были связаны за спиной, ноги — в лодыжках, а рот заклеен липкой лентой.

От жары он потел, но воздуха в багажнике хватало. Машина ехала по какому-то склону и остановилась. Двигатель заглох, взвизгнули дверцы, машина приподнялась на рессорах, когда пассажиры вышли из нее, а затем откинулась крышка багажника. Четверо, одним из них оказался светловолосый юноша, выстреливший в Кикаху из газового пистолета, смотрели на него.

Они вытащили его из багажника и вынесли из гаража, дверь которого закрыли. Выход вел прямо в коридор дома, в большую комнату с роскошной мебелью и ковром, закрывавшим пол. Следующий коридор заканчивался просторным залом с очень высоким потолком, громадной хрустальной люстрой, черно-белым паркетным полом, тяжелой мебелью и картинами, походившими на произведения старых мастеров.

Здесь его опустили в большое кресло с высокой спинкой и развязали ноги. Затем один из принесших его людей велел ему встать. Человек позади него ткнул в спину чем-то твердым и острым, Кикаха пошел за людьми через дверной проем, расположенный под большой лестницей. Пролет из двенадцати ступенек привел их в скудно меблированную комнату. В одном ее конце находилась большая массивная железная дверь, которая вела, насколько он понимал, в тюремную камеру. Так оно и оказалось, хотя тюрьма была довольно комфортабельной. Руки его развязали, ленту со рта содрали.

Кольцо-лучемет сняли, а из кармана рубахи вытащили ручку-лучемет. Пока рослый следил за ним, остальные раздели его донага, срезая рубашку и нижнее белье. Затем они обследовали тело в поисках оружия, но ничего не нашли.

Он не оказывал сопротивления. Это было бесполезно. Рослый и еще один держали его под прицелом пистолетов. После проверки один из них замкнул кандалы у него на лодыжках. Они соединились цепью, прикрепленной одним концом к кольцу в стене. Цепь оказалась очень тонкой и весила немного. Она была достаточно длинна, чтобы передвигаться по помещению в любом направлении.

Увидев, что Кикаха разглядывает цепь, рослый улыбнулся и сказал:

— Она тоньше, чем паутина, друг мой, и крепка, как цепь, державшая Фенрира.

— Я Локи, а не Фенрир,— отозвался Кикаха, одарив собеседника злобной улыбкой.

Он знал, что рослый полагал, будто он не поймет упоминания об огромном волке скандинавской мифологии, и что ему следует притворяться невежественным. Чем меньше уважение к тебе испытывает тюремщик, тем больше у тебя шансов сбежать. Но удержаться не смог.

Рослый поднял брови и сказал:

— Ах, так. Ты помнишь, что случилось с Локи?

— Я Локи,— ответил Кикаха, но решил, что разговор зашел слишком далеко, и замолк, ожидая, когда другой скажет ему, кто он и что намерен делать.

Теперь этот человек выглядел совсем не так молодо, словно ему где-то за тридцать. Голос у него звучал тяжело, гладко и очень властно. Глаза его были прекрасными: большие, лиственнно-зеленые, с густыми ресницами. Лицо ка-

залось Кикахе знакомым, хотя он был уверен, что никогда прежде не видел его.

Рослый подал знак, и все остальные покинули помещение. Он закрыл дверь за ними, потом присел на край стола. Стол, как и прочие предметы мебели, был привинчен к полу. Некоторое время человек сидел, покачивая ногой и держа на коленях пистолет, который выглядел как обычное оружие. Он не был похож ни на газовый пистолет, ни на замаскированный лучемер. Кикаха никак не мог определить, что это такое. Он уселся в кресло и ждал. Правда, это позволило рослому смотреть на него сверху вниз, но Кикаха плевал, коли тот думает, что имеет психологическое преимущество, если смотрит сверху.

Несколько минут рослый неотрывно глядел ему в глаза. Кикаха отвечал таким же взглядом, потихоньку насвистывая.

— Какое-то время я за тобой следил, — произнес вдруг рослый. — Я все еще не знаю, кто ты такой. Позволь мне представиться. Я — Рыжий Орк.

Кикаха застыл в кресле и моргнул.

Рослый поинтересовался:

— А за кого ты меня принял?

— За Властелина, который застрял в этой вселенной и ищет выхода из нее, — ответил Кикаха. — Значит, есть два Рыжих Орка.

Рослый несколько растерял торжество:

— Нет, есть только один! А тот, другой, — самозванец! Лишь на мгновение я проявил беззаботность! Но я скрылся, сохранив жизнь, а вскоре убью его и верну все!

— А кто тот, другой? Я подумал... но впрочем, он никогда не называл себя... он просто позволил мне думать...

— Что он — Рыжий Орк? Так я и думал! Но его зовут Уртона. Он был некоторое время Властелином Меняющегося Мира. А потом эта чертова стерва — демонесса Вала, моя племянница, — выгнала его из этого мира, и он бежал сюда, в мой мир. Я не знал, кто это, хотя мне и было известно, что какой-то Властелин прошел через врата в Европе. Я поохотился на него, не нашел, а потом забыл. Это произошло тысячу лет назад. Я счел, что он выбрался через какие-то неизвестные мне врата или же убит. Но он затаился и все это время искал меня. И, наконец, всего десять лет назад, нашел меня, изучил мою крепость, мою защиту, проследил распорядок дня, а потом нанес удар!

Я сделался беззаботным, но сумел спастись, хотя все мои телохранители погибли. И он взял командование на себя. Для него это было просто, потому что он пробрался в центр управления, а там не было никого, кто бы мог помешать ему. Да и как там мог оказаться кто-то, способный сказать ему нет? Я слишком хорошо спрятал свое лицо. Всякий в центре управления мог отдавать приказы, дергать за ниточки, и ему повиновались, поскольку даже земляшки, стоявшие к нему ближе всех, не знали ни его настоящего имени, ни настоящего лица.

А я не мог пойти к исполнявшим приказы людям и сказать: «Вот я, ваш истинный Властелин! Повинуйтесь мне и убедите дурака, отдававшего вам приказы!» Меня сразу бы пристрелили, потому что Уртона описал меня слугам, и они посчитали бы, что я враг их вождя. Поэтому я ушел в подполье, точно так же, как раньше Уртона. Но когда я нанесу удар, я не промахнусь! Я снова окажусь в центре власти!

Наступило молчание. Орк, казалось, ожидал каких-то комментариев. Наверное, он ожидал похвал, трепета или ужаса.

— Теперь, когда в его руках то, что ты называешь центром власти, он — Властелин обеих Земель? — поинтересовался Кикаха. — Или только этой?

Казалось, этот вопрос застал Орка врасплох. Он уставился на Кикаху, его лицо побагровело.

— А тебе что до этого? — спросил он, наконец.

— Просто я подумал, что ты смог бы удовольствоваться положением Властелина другой Земли. Пускай Уртона правит этим миром. На мой взгляд, судя по увиденному за тот короткий срок, что я здесь пробыл, этот мир обречен. Люди загрязняют воздух и воду, они в любое время могут истребить всю жизнь на Земле атомной войной. Ты явно ничего не делаешь, чтобы предотвратить это самоубийство. Вот и пусть Уртона владеет этим миром, покуда ты сохраняешь другой. — Он помолчал, а потом спросил: — Или Земля номер два в таком же плачевном состоянии, как и эта?

Лицо Рыжего Орка приобрело нормальный цвет. Он улыбнулся и ответил:

— Нет. Другая сохранилась не так уж плохо. Она куда более желанна, хотя начало у нее было точно таким же. Но твоё предположение, что я отдам этот мир, показывает, что ты мало о нас знаешь, леблэббий.

— Я знаю достаточно, — возразил Кикаха. — Даже Властелины меняются к лучшему, и я надеялся...

— Я никак не буду вмешиваться в развитие событий здесь, исключая, конечно, свою защиту, — заявил Орк. — Если эта планета задохнется от созданной человеком загрязненности или она взорвется в тысячах вспышек от ядерных ударов, это произойдет безо всякой помощи или помех с моей стороны. Я ученый и не стану оказывать влияние на ход естественного развития на обеих планетах. На протяжении тысячелетий я не вмешивался в крупномасштабные явления социальной жизни. Это, кстати, является еще одной причиной, почему я должен убивать всякого, кто вторгается в мои вселенные. Они могут попытаться вмешаться в мои великие эксперименты.

— Только не я! — возразил Кикаха. — И не Вольф, ни Хрисеида, ни Анана! Мы всего лишь желаем вернуться в свои собственные миры. Конечно, после того как будет уничтожен Колокольник. Он — единственная причина, по которой мы оказались здесь. Ты должен в это поверить!

— Не ожидаешь ли ты, в самом деле, что я поверю?

Кикаха пожал плечами:

— Это правда, но я не жду, что ты в нее поверишь. Вы, Властелины, слишком склонны к паранойе, чтобы ясно видеть окружающее.

— Тебя будут держать здесь, пока я не захвачу в плен остальных и не разобью Уртону. Тогда я решу, что с тобой делать.

Под этим он, конечно, подразумевал, какие именно изощренные пытки он сможет применить к Кикахе. На мгновение Кикаха задумался, не поставить ли Рыжего Орка в известность о роге Шамбаримена. Наверное, он смог бы использовать его как способ поторговаться. Затем решил, что не стоит. Если Орк узнает, что рог здесь, он просто-напросто извлечет из своего пленника сведения при помощи пыток или наркотиков.

— Ты еще не убил Колокольника? — вместо этого спросил он.

— Нет, — улыбнулся Орк.

Он казался очень довольным собой.

— Если возникнет необходимость, я буду угрожать Уртоне именно Колокольником. Я скажу ему, что если он не уберется, я выпущу на свободу Колокольника. Это, как ты понимаешь, самое ужасное, что может сделать Властелин.

— И ты это сделал бы? После того, что ты говорил об уничтожении всякого, кто может вмешаться в естественное развитие?

— Если бы я знал, что скоро умру, что моя смерть неизбежна, да, сделал бы! Почему бы и нет? Какое мне дело до того, что случится с этим миром, со всеми мирами, когда я умру? Туда им и дорога!

Было еще много вопросов, на которые Кикахе хотелось бы получить ответы, но интервью вел не он. Внезапно Орк вышел, пройдя через вторую дверь. Кикаха натянул цепь, пытаясь заглянуть туда, но дверь закрывалась в его сторону, и он не смог ничего рассмотреть.

Он остался со своими мыслями, в которых не было и намека на оптимизм. Кикаха всегда хвастался, что сможет освободиться из любой тюрьмы, но это была, конечно, лишь похвальба. Пока что он сумел бежать из всех мест, куда его заточали, но понимал, что в один прекрасный день окажется там, где выхода не будет. Вероятно, он оказался именно в таком месте. За ним наблюдали камеры, он прикован к цепи, которую голыми руками не разорвешь, кроме того, она могла оказаться проводником для чего-то, способного парализовать его или наказать, если он станет вести себя неподобающим образом.

Это не мешало ему попытаться порвать или перекрутить ее, так как он никогда и ничего не принимал на веру. Цепь осталась невредимой, и Кикаха предположил, что его действия весьма позабавили тех, кто за ним наблюдал.

Он прекратил эти игры и воспользовался туалетным оборудованием. Потом прилег на диван и некоторое время размышлял о своем бедственном положении. Никаких неудобств из-за того, что он остался голым, Кикаха не испытывал. Воздух в помещении был всего на несколько градусов меньше температуры его тела, и сквозняк практически отсутствовал. Через некоторое время Кикаха уснул, не придумав никакого плана, который мог бы считаться действенным.

Когда он проснулся, в комнате ничего не изменилось — все та же температура воздуха и тот же ровный свет из неведомого источника. Когда он сел, то обнаружил поднос с чашками, тарелками и столовыми приборами на тонком деревянном столике около дивана. Он знал, что обязательно бы заметил вошедшего с подносом. Значит, его одурманили при помощи наркотика. Казалось более веро-

ятным, что у столика есть открывающиеся крышки и что поднос попал сюда именно так.

Кикаха с жадностью поел. Столовые приборы оказались сделанными из дерева, а тарелки и чашки из олова с изображениями стилизованных спрутов, дельфинами и омаров. Покончив с едой, он походил по камере, насколько позволяла цепь, примерно с час. Он попробовал придумать, что смог бы сделать с воротами, если эти ворота и впрямь существуют в деревянной поверхности стола. В конце своей прогулки, повернувшись лицом к столу, он заметил, что поднос исчез. Подозрения его оказались верными — в столе имелись ворота.

В камере раздался какой-то звук — по крайней мере, так ему показалось. Но на самом деле стояла тишина. Властелины старых времен разрешили проблему шумов, вызываемых внезапным исчезновением предметов. Воздух не врывался в созданный исчезновением вакуум, так как устройство врат включало одновременный обмен воздуха между воротами в обоих концах.

Примерно через час Орк вошел в ту же дверь, через которую вышел. Его сопровождали два человека, один из которых держал шприц. Оба носили шотландские юбки. У одного юбка была в черно-красную полоску, у другого — белая со стилизованным осьминогом с большими голубыми глазами. Кроме юбок, кожаных сандалий, бус и металлических медальонов на концах ожерелья из бус, они ничего не носили. Мужчины отличались темной кожей, а их лица выглядели средиземноморскими, напоминая ему индейцев. Прямые черные волосы были заплетены в две косички. Одна косичка спадала на спину, другая сворачивалась спиралью на правой стороне головы.

Орк заговорил с ними на языке, неизвестном Кикахе. Язык показался ему смутно похожим на еврейский либо на арабский, но только из-за звуков. Он слишком мало был знаком с обоими языками, чтобы суметь определить их.

Пока один стоял в стороне, прицеливаясь в Кикаху из арбалета, другой подошел к нему. Орк приказал ему не дергаться, сообщив, что если он окажет сопротивление, то ему всадят шприц из арбалета. И боль, что за этим последует, будет продолжительной и интенсивной. Кикахе оставалось лишь подчиниться, поскольку ничего другого он сделать не мог.

После инъекции он ничего не ощущал, но на все вопросы Орка отвечал без малейшего колебания. Помрачения сознания он не чувствовал. Он мыслил так же ясно, как и обычно, просто не мог сопротивляться Орку, выдавая все сведения, которые того интересовали. Но именно это и удерживало его от упоминания о роге Шамбаримена. Орк о нем не спрашивал, не имел причин для такого вопроса. Он же не знал, что рог принадлежит Вольфу, или, как его звал Орк, Джадавину.

Однако вопросы Орка открыли много ценного. Он кое-что знал о жизни Кикахи на Земле до той ночи в Блумингтоне, когда Пол Янус Финнеган случайно катапультировался из этой вселенной в многоярусный мир. Он узнал о жизни Кикахи с той поры, как Финнеган стал Кикахой, а также Хорстом фон Хорстманном и дюжиной других личностей. Он узнал о Вольфе-Джадавине, о Хрисеиде и Анане, о вторжении Черных Колокольников и о других относящихся к делу обстоятельствах. Он узнал многое и о деятельности Кикахи и Ананы с того момента, как они прошли через врата в пещеру неподалеку от озера Эрроухэд.

— Если бы я позволил тебе, Анане и Вольфу с Хрисеидой вернуться в ваш мир, — спросил Орк, — ты остался бы там и не попытался бы вернуться сюда?

— Конечно, — ответил Кикаха, — при условии, что был бы уверен, что Колокольник мертв.

— Хм-м. Однако твой многоярусный мир кажется мне весьма завораживающим. Джадавин всегда отличался превосходным воображением. Думаю, что мне захотелось бы добавить его к своим владениям.

Именно этого и ожидал Кикаха.

Орк снова улыбнулся:

— Интересно, что бы ты сделал, если бы узнал адрес моей бывшей крепости? Я имею в виду дворец с центром управления, где засел Уртон?

— Я отправился бы туда и убил бы тебя или Уртону, спас Анану, Вольфа и Хрисеиду, а потом стал бы искать Колокольника, пока не нашел бы и не уничтожил его. А потом вернулся бы в свой мир, точнее говоря, мир Вольфа.

Орк принял задумчивый вид. Некоторое время он расхаживал взад-вперед. Вдруг он остановился и посмотрел на Кикаху. Он улыбнулся так, словно его осенила блестящая мысль.

— Ты заставил меня подумать, что ты очень хитрый и изобретательный, — заметил он. — Ты настолько хитер, что

я мог бы подумать, что ты Властелин, а не земляшка-леблabbий.

— У Ананы возникла безумная мысль, что я могу быть сыном Властелина. Она считает, что я могу быть твоим сыном.

— Что? — переспросил Орк и внимательно посмотрел на Кикаху, а потом начал смеяться. Когда приступ смеха прекратился, он вытер глаза и проговорил: — Ну и приятное же ощущение! Давно уж я так не смеялся... сколько? Не важно. Так ты думаешь, что можешь быть моим ребенком?

— Не я, — поправил Кикаха, — Анана. Она любит порассуждать об этом, так как ищет оправданий, что влюблена в леблabbия. Если бы я оказался Властелином хотя бы наполовину, это бы ее успокоило. Но, безусловно, эта мысль — попытка выдать желаемое за действительное.

— У меня нет никаких детей, потому что я не хочу вмешиваться в естественное развитие. Хотя один-другой ребенок не вызовут больших отклонений. Но ты, я полагаю, можешь быть ребенком другого Властелина. Да, ты сбил меня с темы, ты весьма хитер. Наверное, я смогу тебя использовать.

Он снова умолк и стал расхаживать взад-вперед, опустив голову и сцепив руки за спиной. Затем он остановился, посмотрел на Кикаху и улыбнулся.

— Почему бы и нет? Посмотрим, насколько ты хорош. Проиграть я не могу, что бы там ни случилось, а выиграть могу.

Кикаха догадался, что мог предложить ему Орк. Он собирался сообщить ему адрес Уртоны, доставить туда, обеспечить его кое-каким оружием и позволить атаковать Уртону. Если Кикаха и потерпит неудачу, то все-таки отвлечет Уртону, так что Орк сможет использовать это обстоятельство в собственных интересах. В любом случае будет забавно посмотреть, как леблabbий попытается вторгнуться в средоточие власти Властелина.

— А если у меня получится?

— Это крайне маловероятно, поскольку я сам пока не добился никакого успеха. Хотя, конечно, по-настоящему этим еще и не занимался. Но если ты преуспеешь, а меня подобная вероятность не беспокоит, то я разрешу тебе, твоей любовнице и друзьям вернуться в ваш мир. При условии, конечно, что все остальные тоже поклонятся,

находясь под действием наркотиков, что у них нет никаких намерений посягать на любую из Земель.

Кикаха не поверил ни единому его слову, но не видел никакой выгоды сообщать об этом Орку. Коль скоро он сможет выбраться из этой камеры и обрести некоторую свободу действий — хоть и под пристальным наблюдением Орка — у него появятся кое-какие шансы в игре против Властелинов.

Орк что-то сказал на неизвестном Кикахе языке в наручное устройство, и через мгновение появился еще один человек. Его килт был красным, на юбке была изображена черная стилизованная птица с серебряной рыбой в когтях. Он принес кое-какие бумаги и подал Орку, поклонился и исчез.

Орк сел рядом с Кикахой. Бумаги оказались картами центрального района Лос-Анджелеса и Беверли Хиллс.

— Вот дом, где я жил и где теперь живет Уртон, — сказал Орк. — Дом, который ты искал и где сейчас, без сомнения, держат Анану и всех остальных. Или, по крайней мере, туда их доставили, когда захватили.

Описанные Орком защитные системы в доме заставили Кикаху ощутить себя весьма уязвимым. Следует не забывать, что Уртон наверняка внес изменения в расположение защитных систем. Но хотя конфигурация ловушек могла измениться, их конструкция осталась прежней.

— Почему же ты не попробовал напасть раньше?

— Пытался, — ответил Орк, — несколько раз. Мои люди проникали в дом, но я их больше никогда не видел. Последняя попытка была сделана три года назад. Если у тебя ничего не получится, — продолжал Орк, — то я пригрожу Уртоне Колокольником. Однако я сомневаюсь, что с этого будет толк, поскольку он сочтет немыслимым, будто Властелин способен совершить такой шаг.

Тон его говорил, что он ни на секунду не поверил, что нападение Кикахи увенчается успехом. Он хотел выяснить планы Кикахи, но тот смог лишь сказать, что таковых у него нет, если не считать планами импровизацию. Кикаха попросил, чтобы Орк применил свои приборы для искажения показаний защитных устройств. Орк возражал против того, чтобы одолжить Кикахе антигравитационный пояс. Что, если он попадет в руки земляшек?

— Шансов на это немного, — возразил Кикаха. — Коль скоро я окажусь на территории Уртона, я либо преуспею,

либо потерплю поражение. В любом случае пояс не попадет в руки постороннего. А даже если и попадет, то тот, кто станет Властелином, будет обладать достаточным влиянием, чтобы позаботиться об изъятии его из рук кого бы то ни было. Я уверен, что если бы даже он попал в руки ФБР, Властелин двух Земель сумел бы найти способ отнять его у них. Верно?

— Верно, — согласился Орк. — Но не замышляешь ли ты убежать с поясом вместо того, чтобы напасть на Урто-ну?

— Нет. Я не остановлюсь до тех пор, пока не погибну или стану совершенно недееспособным, чтобы драться до победного конца.

Орк этим удовлетворился, и Кикаха понял, что наркотик правды еще действует. Орк поднялся и сказал:

— Я приготовлю для тебя все. Это займет некоторое время, так что ты можешь отдохнуть или делать все, что тебе нравится. Мы приступим к операции сегодня в полночь.

Кикаха поинтересовался, нельзя ли с него снять кандалы.

— Почему бы и нет? — ответил Орк. — Ты все равно не сможешь отсюда выбраться. Это все было лишь предосторожностью.

Один из людей, одетых в кильты, прикоснулся к кандалам вокруг его щиколоток тонким цилиндром. Кандалы разомкнулись и упали. Пока двое отступали от Кикахи, пятясь задом, Орк вышел. Потом дверь закрылась, и Кикаха остался один.

Свободное время он провел в размышлениях, занимался кое-какими упражнениями, потом пообедал и поужинал. Затем он побрился, помылся, снова позанимался физическими упражнениями и лег спать. Скоро ему понадобятся скорость реакции и проворство, так что бессмысленно растрачивать силы на беспокойство и бессонницу.

Он не знал, сколько проспал. В камере по-прежнему горел свет и все казалось таким же, как и когда он лег. На столе все еще стоял поднос с пустыми тарелками и чашками. И вот это-то, сообразил он, было неверной нотой, подносу полагалось исчезнуть через врата. Звуки, разбудившие его, казались слабым постукиванием. Когда он спал, ему снилось или он думал, что ему снилось, будто дятел долбит ствол дерева.

Теперь же вокруг было тихо.

Он поднялся и подошел к двери, которой пользовались Орк и его слуги. Она была стальной, как он установил после того, как его спустили с цепи. Он приложил к двери ухо и прислушался. И ничего не услышал. А потом резко отпрыгнул назад, выругавшись. Металл внезапно стал горячим.

Пол задрожал так, будто началось землетрясение. Металлическая дверь чуть дрогнула, и он понял, откуда появился сон о дятле. Что-то било по ней с той стороны.

Он отступил, когда центр двери стал вишневым и начал плавиться. Красный цвет распространился по металлу, потом он побелел, и, наконец, центр двери исчез. Появилась дыра размером с тарелку. К этому моменту Кикаха уже пригнулся за диваном и выглядывал из-за его края. Очевидно, кто-то пытался найти замок. Его там не было, так что рука убралась, а через мгновение край двери стал вишнево-красным. Кикаха подозревал, что кто-то использует лучемет, и гадал, что это за металл. Будь он даже самой твердой сталью, ему полагалось бы испариться в облачке дыма при первом же прикосновении луча.

Дверь с лязгом упала внутрь. В комнату впрыгнул человек, державший большой цилиндр с колоколообразным дулом и прикладом как у винтовки. Это оказался один из одетых в кильты слуг. Но на спине его виднелся предмет, похожий на черный колокол, который был прикреплен к его плечам.

Кикаха охватил все это одним взглядом и мгновенно убрал голову. Он скрючился за диваном, надеясь, что ворвавшийся не заметит его и не станет в порядке предосторожности проводить лучом по дивану, чтобы убедиться, что там никого нет. Он теперь знал, кем являлся этот человек. Кем бы он ни был, теперь он стал Черным Колокольником — Табуузом. Разум Колокольника вселился в разум слуги Властелина, а разум слуги подвергся разрядке.

Каким-то образом Колокольник сумел заполучить колокол и переправить свой разум из раненого тела дракландца в тело слуги Властелина. Он сумел завладеть мощным лучеметом и теперь находился на пути к тому, чтобы вырваться из твердыни Рыжего Орка.

Помещение заполнял запах горелого мяса, должно быть, от тел в соседнем помещении.

Кикахе безумно хотелось выяснить, что делает Колокольник, но он не посмел снова выглянуть из-за дивана. Он слышал дыхание Колокольника, а потом вдруг оно пропало. Выждав секунд шестьдесят и ничего не услышав, Кикаха выглянул. Комната оказалась пустой. Через секунду он был в этом абсолютно уверен. Вторая дверь — та, через которую вошли Орк, Кикаха и люди Орка — была широко распахнута. Замок оказался прожженным насквозь.

Кикаха осторожно высунулся из-за двери. Там валялись части человеческих тел: руки, туловище, голова, все сильно обгоревшие. Сначала тут, вероятно, находилось человек пять, а может, и четыре. Определить, кто из них мог быть Рыжим Орком, казалось невозможным, поскольку и волосы, и одежда сгорели.

Где-то тихо звенела сигнализация.

Кикаха разрывался между желанием идти дальше по следу Колокольника, чтобы не потерять его, и намерением выяснить, жив ли еще Рыжий Орк. Кроме того, ему ужасно хотелось подтвердить свои подозрения, что находится на неизвестной ему Земле. Он опасался, что дверь, через которую его провели, служит вратами между двумя мирами и что этот дом находится на Земле номер два.

Он вышел в коридор. На полу валялось несколько ножей, но они оказались слишком горячими, чтобы их можно было подобрать. Он прошел по коридору в очень большое помещение куполообразной формы со стенами, покрытыми фресками, которые изображали жизнь моря. В помещении стояла легкая мебель неизвестного ему стиля, сделанная из дерева. На полу была каменная мозаика, тоже изображающая море и его обитателей.

Он пересек помещение и выглянул в окно. Луна давала достаточно света, чтобы разглядеть широкое крыльцо с выкрашенными в белый цвет высокими деревянными столбами, а за ним — каменистый берег, спускавшийся к морю. Вокруг никого не было видно.

Он порыскал по дому, пытаясь соединять быстроту и осторожность. Нашел ручной лучемет, изготовленный так, что не отличался от обыкновенного пистолета. На рукоятке были значки, которые не принадлежали языку Властелинов или какому-либо известному ему языку. Кикаха опробовал его на стуле, который распался как раз посередине. Для перезарядки пистолета Кикаха не нашел ника-

ких батарей, так что узнать, насколько большим зарядом обладает, он не смог.

Он обнаружил так же шкафы с одеждой. Ее составляли кильты, сандалии, бусы и куртки с пышными рукавами. Но в одном из шкафов он нашел одежду земного типа, Земли номер один, и надел слишком большие рубаху и брюки. Поскольку носить большие ботинки он не мог, то пришлось удовольствоваться сандалиями.

Наконец в большой спальне он понял, как удалось сбежать Рыжему Орку. В центре спальни на полу лежал полумесяц. Властелин шагнул в круг, образованный двумя полумесяцами, и его перекинуло куда-то в другое место. Было очевидно, что он сделал это, стараясь спастись. Дверь и стены покрывали тонкие отверстия, которые обуглились. Вполне вероятно, что Орк оказался застигнутым не только без личного оружия, но и посчитал, что сталкиваться с большим лучеметом — это уже чересчур.

Орк ушел через ворота, но куда? Он мог вернуться на Землю номер один, но не обязательно в тот же дом. Или же мог отправиться в другое место на Земле номер два. А может, даже в другую комнату в этом же доме.

Кикаха должен выбраться отсюда и отправиться за Колокольником. Он побежал по лестнице, пересек большую комнату неподалеку от помещения, где его держали. Дверь, через которую ушел Колокольник, все еще была открыта. Кикаха постоял перед ней в нерешительности, потому что Колокольник вполне мог подождать, не последует ли кто-нибудь за ним. Затем ему пришло в голову, что Колокольник должен считать, будто все в доме сбежали от него либо погибли, так что следовать за ним некому. Конечно, о другом пленнике он ничего не знал, иначе нашел бы, что-бы устранить в первую очередь.

Кикаха вернулся в коридор. К этому времени один из ножей, что валялись в коридоре, уже остыл и выглядел неповрежденным. Беглец взвесил его в руке и определил, что нож хорошо сбалансирован, и заткнул за пояс. Кикаха выпрыгнул за дверь с пистолетом наготове. В коротком и узком коридоре было тихо. Дверь в конце оказалась закрытой, и он мягко толкнул ее, орудуя кончиком ножа. Когда дверь распахнулась, он немного подождал, прислушиваясь.

Прежде чем войти, он изучил комнату. Она изменилась. Стала больше, а серо-голубые обои превратились в

серый камень. Кикаха ожидал, что подобное может случиться. Рыжий Орк изменил резонанс врат так, что если бы пленник сбежал, то оказался бы в удивительном месте, скорее всего, неприятном и полном сюрпризов.

При других обстоятельствах Кикаха бы повернул обратно и отыскал бы выключатель, устанавливающий врата на желаемую частоту. Но теперь его первым долгом было выручить попавших в руки Уртоны. К чертям Колокольника! Лучше всего будет и в самом деле вернуться на Землю номер один и начать атаку против Уртоны.

Он повернулся, чтобы вернуться обратно, но вдруг остановился.

Помещение тоже изменилось, хотя он и не узнал бы об этом, если бы дверь с другой стороны не была удалена Колокольником. Эта дверь выглядела точно такой же, но была целехонька и оставалась на месте. Только это и удержало Кикаху от попытки шагнуть в нее и оказаться, таким образом, переправленным через врата в другое место, где он был бы отрезан от Колокольника и пленников Уртоны.

Кикаха стиснул зубы и зашипел от ярости и досады. Теперь ему ничего не оставалось, как воспользоваться вторым вариантом и отправиться за Колокольником, надеясь, что сумеет найти выход.

Кикаха вернулся и снова прошел через дверь за Колокольником, соблюдая все ту же осторожность. Комната, куда он попал, казалось, не таила опасности, а та, что находилась за ней, возможно, подскажет ему, куда он попал. Однако она оказалась точно такой же, как и предыдущая, исключая то, что в ней стояли какие-то черные металлические ящики, примерно в шесть квадратных футов каждый, сваленные вдоль стен почти до потолка. На них не было видно никаких замков или устройств, закрывающих их.

Он медленно открыл следующую дверь, поглядел внутрь, а потом впрыгнул. Он очутился в большой комнате, меблированной креслами, диванами, столами и украшенной скульптурами. В середине комнаты находился большой фонтан. Мебель выглядела так, словно ее изготовили сами Властелины. Хотя Кикаха и не знал названия этого стиля, он ему был знаком. Часть потолка и одна сторона правой стены оказались покрыты резьбой, хотя и совершенно прозрачны. Земля на некотором расстоянии оставалась невидимой, а потом вдруг появлялась в поле зрения на тысячу

футов под уклон до конца долины, что тянулась прямо и ровно несколько миль, а затем становилась склоном небольшой горы.

Снаружи был день, но свет оставался бледным, хотя наступал полдень. Солнце казалось меньше земного, а небо было черным. Местность была каменистой с несколькими участками красноватого песка, а по склону и в долине росли в большом отдалении друг от друга несколько растений, похожих на кактусы. Издали они выглядели маленькими, но через некоторое время он понял, что они огромны.

Кикаха внимательно изучил комнату и удостоверился, что дверь в следующую комнату закрыта. Затем снова выглянул в окно. Сцена выглядела пустынной и жуткой. Ничто не двигалось, и, вероятно, ничего не менялось здесь тысячи лет. Или ему так казалось. Он мог видеть за горой, на которой стояло здание, другую гору. Горизонт находился ближе, чем полагалось бы.

Кикаха не имел понятия, где он находится. Если его перенесло в другую вселенную, то он этого, вероятно, никогда не узнает. Если же его перенесло на другую планету его родной вселенной или ее дубля, то, скорее всего, он на Марсе. Размер солнца, красноватый песок, расстояние до горизонта, тот факт, что воздуха хватало для поддержания растительности — если это была растительность, — и даже появление беловатого тела, приближающегося с западной стороны неба, указывало на то, что это Марс.

При всем, что он знал, это здание простояло на Марсе пятнадцать тысяч лет, с самого сотворения этой вселенной.

В этот момент что-то перелетело через гору и спланировало на дно долины. Размах крыльев достигал, при оценке на глазок, ярдов пятьдесят, и выглядело оно как гибрид коршуна, птеродактиля и воздушного шара. Кости на крыльях казались тонкими, словно оловянная фольга, хотя на таком расстоянии нельзя быть в этом уверенным.

Кожа крыльев выглядела тоньше папиросной бумаги. Тело напоминало большой мешок и производило впечатление, что наполнено газом. Хвост раздвигался в любопытную конфигурацию, походившую на шесть коробчатых змеев. Его нижние конечности с широкими многопалыми ступнями были исключительно тонкими, но многочисленными, и распространялись вниз, словно сложное

оборудование для посадки, чем они, вероятно, и являлись на самом деле.

Оно спланировало весьма быстро и грациозно. Даже при подъеме громадных крыльев и хвоста в более легком, чем воздух, газе ему приходилось планировать под крутым углом. Вероятно, воздух был очень разреженным.

Существо отбросило огромную тень на один из гигантских кактусов, а потом опустилось, словно падающий небоскреба, на растение. В воздухе поднялась красная пыль и осела быстрее, чем это произошло бы на Земле.

Туша чудовища полностью скрыла растение. Оно воткнуло свой рапирообразный нос между лап, надо полагать, в растение. И застыло там столь же неподвижно, как и кактусоиды.

Кикаха следил за ним, пока ему не пришло в голову, что Колокольник, возможно, занимается тем же. Если это так, то Кикахе будет легче застать его врасплох. Он прошел через следующую дверь, как и через предыдущую, и оказался в комнате в десять раз большей, чем только что оставленная. Ее наполняли большие металлические ящики и пулты со множеством кнопок и индикаторов. В ней тоже было окно с видом на долину.

Колокольника, однако, там не оказалось. Кикаха прошел дальше. Новая комната была небольшой и обставлена всем, что могло понадобиться человеку. Посреди комнаты на полу лежал скелет.

Не было видно, как и от чего человек умер. Скелет принадлежал рослому мужчине. Зубы у него были в превосходном состоянии. Скелет лежал на спине, раскинув кости рук.

Кикаха подумал, что это скелет какого-нибудь Властелина, вошедшего в эту крепость на Марсе через ворота в какой-то другой вселенной либо где-то попавшего в ловушку, устроенную Рыжим Орком. Это могло произойти и десять тысяч лет назад, и пятьдесят лет назад.

Кикаха поднял череп и понес его в левой руке. Ему могло понадобиться что-нибудь в качестве метательного орудия. Его позабавила мысль об использовании черепа бывшего Властелина, давно умершего, против Колокольника.

Следующая комната была выполнена в виде грота. В центре ее находился бассейн шириной примерно ярдов в шестьдесят и длиной ярдов в триста. Слева небольшой

водопад низвергался с вершины гранитного конуса. Тут находилось несколько гранитных конусов и небольших холмиков, на которых росли странные на вид растения: одно — словно крошечный ручеек, вытекающий из кактуса, другие — огромные, похожие на водяные лилии.

Когда Кикаха медленно шел по мокрому вязкому краю бассейна, его поразило существо красноватого цвета, прыгнувшее с водяной лилии. Оно взмыло, вытянув за собой лягушачьи ноги, а потом плюхнулось в воду. Через мгновение оно всплыло и повернулось лицом к человеку. Морда у него была похожа на лягушачью, но глаза оказались перископами из кости и хряща, а пупырчатая кожа была столь же красного цвета, что и песок на поверхности за окном.

В глубине бассейна сновало несколько рыбовидных тел. Там, вероятно, водилось что-то, чем питалась эта лягушка, и что-то, что питалось лягушкой. Экология этой крошечной комнаты была, наверное, великолепно сбалансирована. Он сомневался, что Рыжий Орк часто наведывался сюда, чтобы проверить это.

Кикаха стоял у края бассейна, когда заметил, что дверь в противоположном углу комнаты начала открываться. Времени бежать куда-либо не имелось, ему пришлось бы преодолеть немалое расстояние. Справа от него спрятаться было негде, а слева был только бассейн. Задержавшись с выбором не больше секунды, он предпочел бассейн и соскользнул по вязкому краю в воду.

Она оказалась достаточно теплой, чтобы не повергнуть его в шок, но показалась маслянистой. Он заткнул за пояс лучемер и, все еще держа в руке череп, нырнул, оттолкнувшись от края бассейна ногами. Он погрузился в глубину и проплыл под водой как можно дальше. Когда Кикаха всплыл на поверхность, он постарался сделать это медленно, скользя вдоль стебля лилии. Вынырнув, он держал голову под листом растения и надеялся, что Колокольник не заметит этой выпуклости. Все прежние комнаты освещались ярко и с ровной интенсивностью из скрытых источников освещения Властелинов. Но эта была освещена лишь светом из окна.

Одной рукой Кикаха вцепился в стебель растения и украдкой выглянул из-под приподнятого края листа. Увиденное едва не вызвало возгласа удивления. К счастью для него, он сумел удержаться, поскольку рот находился под водой.

Вдоль края бассейна плыл черный колокол на высоте примерно семь футов над полом. Он медленно проплыл мимо, а потом остановился у двери. Через секунду вошел Колокольник и уверенно двинулся к колоколу.

Кикаха начал догадываться, что произошло в доме Рыжего Орка.

Находясь в лабораториях Вольфа, Колокольник, должно быть, оснастил свой колокол антигравитационным устройством. И вероятно, добавил еще что-то для управления этим устройством при помощи мысли. Пока он находился на Земле, он не мог воспользоваться им, да и не имел для этого никаких причин, пока не попал в плен к Рыжему Орку. Затем, когда он достаточно оправился от раны, использовал свой шанс и мысленно вызвал колокол. Или, если точнее, вызвал у себя мозговые волны такой длины, какие мог уловить колокол. Управление, скорее всего, было очень грубым и ограниченным в расстоянии, но оказалось достаточно эффективным.

Таким-то образом колокол, действуя по команде, освободил Колокольника. А тот захватил одного из людей Орка, разрядил его мозг и перевел свой разум из поврежденного тела Табууза в мозг слуги.

Колокол мог уловить мысленный зов своего хозяина, когда выпускал из двух нижних отверстий две крошечные антенны-иглы. Материал, из которого сделан колокол, уничтожению не поддавался, он был непроницаем даже для радиации. Антенны выдвигались автоматически и слушали мозговые волны Колокольника. Колокол слышал и откликнулся. Колокольник выбрался на свободу, обрел оружие и начал действовать, убивая. Он преуспел и, возможно даже, убил Рыжего Орка, хотя Кикаха в этом не был уверен.

Потом он вошел во врата, и его перекинуло в здание на Марсе.

Кикаха следил за приближением Колокольника. Он не мог держать череп и одновременно управлять лучеметом, поэтому бросил череп, бесшумно погрузившийся в глубину. А сам, держась одной рукой за стебель, другой вытащил из-за пояса лучемет. Колокольник дошел до двери, остановился и подождал, пока колокол проплывет мимо него.

Очевидно, колокол мог также засекать и другие живые существа. Но все же диапазон его, похоже, оставался ог-

раниченным, иначе он бы наверняка засек Кикаху, проплывая мимо. Вероятно, что вода и лист водяной лилии защитили человека от зонда колокола, послужив своего рода экраном.

Кикаха подтянулся повыше, поднял над поверхностью лучемет и прицелился из-под листа в Колокольника. Необходимо было его свалить первым же ударом. Если он промахнется, Колокольник скроется за дверью, и Кикахе придется столкнуться с орудием куда более мощным, чем у него. Если он не попадет в Колокольника, луч разрежет стену здания и воздух вырвется в разряженную атмосферу Марса. И тогда им обоим как-то.

Колокольник повернулся профилем. Кикаха держал лучемет, нацелив его так, чтобы тонкий, как нить, луч прожег дыру в бедре Колокольника. Когда он упадет, то будет разрезан надвое.

Палец его начал нажимать на гашетку. Вдруг от боли в лодыжке он чуть не закричал. Боль была настолько сильна, что он чуть не потерял сознание от шока. Кикаха согнулся пополам, и вода ворвалась в его рот. Он поперхнулся. Рука выпустила стебель растения, а из другой выпал лучемет.

В хорошо освещенной глубине он заметил быстро уплывающую лягушкообразную тварь и понял, что именно она и укусила его. Он всплыл наверх, поскольку ему было нужно глотнуть воздуха, понимая, что Колокольник с легкостью прикончит его, если услышит.

Он вынырнул и усилием воли удержался, чтобы не отфыркиваться. Голова его вновь оказалась под прикрытием листа, и он осторожно выплюнул попавшую в рот воду. И тут увидел, что Колокольник исчез.

В следующую секунду он снова согнулся от боли. Лягушка вернулась и опять укусила за ногу. Из ран лилась кровь и окрашивала воду в розовый цвет. Кикаха быстро подплыл к краю бассейна и одним движением выскочил из воды. Ноги у него дрожали.

Стоя около бассейна, он стянул с себя рубашку и, разорвав ее на полосы, перевязал раны. Зубы у этой твари, должно быть, острые, как у акулы. Они прорезали ткань штанов и отхватили кожу и мясо. Но раны оказались неглубокие. Должно быть, Властелин сильно веселился, когда запускал в этот бассейн жестокого маленького хищника.

Кикахе веселиться не приходилось. Он не знал, зачем Колокольник подался в соседнюю комнату, но подозревал, что скоро он вернется. Ему нужно спрятаться, но необходим лучешет. Не то чтобы его сложно достать. Но до тех пор, пока лягушка не покинет бассейн, сделать этого он не сможет.

Все-таки у него остался нож. Кикаха вытащил его из-за пояса и держал в зубах, пока плескался на дорожку, где накапала его кровь. Затем он выпрямился и похромал мимо бассейна в следующую комнату. Он прошел через коридор с голыми стенами. Комната за ним была такой же, как и комната с бассейном. Там было тепло и влажно, ее заполняла растительная жизнь, не похожая ни на земную, ни на марсианскую. Правда, он пока не видел никакой марсианской растительности, кроме кактусов в долине. Но эти растения были такими высокими зелеными мясистыми и настолько густо росли, что казалось невозможным, чтобы они могли жить в марсианском разреженном воздухе.

Одна сторона стены оставалась прозрачной, и сквозь нее был виден серый туман. И все. Как он ни напрягал глаза, не смог увидеть ничего, кроме серого тумана. И он не выглядел водяным туманом, а состоял из тысяч мельчайших частиц. Больше похожих на какую-то пыль, подумал Кикаха.

Вероятно, он покинул Марс. Пройдя из коридора в эту комнату, он шагнул через врата, мгновенно перебросившие его в здание на какой-то другой планете или спутнике. Гравитация, кажется, не отличалась от земной, так что он, возможно, на планете схожего размера. Облако наверху заставило Кикаху подумать, что он, вероятнее всего, на Венере.

Вдруг он сообразил, что гравитация в здании на Марсе должна быть много меньше земной. Насколько меньше? В шесть раз? Он не помнил точно, но знал, что если бы подпрыгнул, то взлетел намного выше, чем полагалось бы.

Но то здание находилось на Марсе, Кикаха был в этом уверен. Это означало, что здание было снабжено устройствами, создающими земную гравитацию. А еще это означало, что здание могло находиться, скажем, на Юпитере, и тем не менее гигантское притяжение будет сведено к нулю устройствами Властелинов.

Кикаха пожал плечами. На самом-то деле не имело никакого значения, где он находится, если нельзя выжить за пределами здания. Проблема, которую ему требовалось раз-

решить, состояла в том, чтобы остаться в живых и найти дорогу обратно на Землю. Он прошел еще один голый коридор, а затем попал в сумрачно освещенное громадное помещение, размером примерно с Большой Центральный вокзал в Нью-Йорке. Оно имело форму купола и заполнено серебристой металлической жидкостью, исключая узкую дорожку вдоль стены и небольшого круглого островка в середине. С виду металл походил на ртуть, а дорожка описывала в помещении замкнутый круг.

Островок находился примерно в пятидесяти ярдах от стены. Его поверхность лишь на фут выступала над неподвижной гладью ртутного озера. Островок казался каменным, а в самом его центре возвышался металлический обруч, установленный вертикально.

Кикаха сразу же понял, что это ворота, и если он сможет добраться до них, то его переправят в место, где у него, по крайней мере, будет больше шансов. Таковы были правила игры. Если пленник окажется достаточно умным, достаточно сильным и достаточно быстрым — и самое главное, достаточно везучим, — он может освободиться.

Кикаха стоял у двери, потому что прятаться было больше негде. Ожидая, он попытался вспомнить, не было ли в других помещениях чего-нибудь такого, что он мог бы использовать вместо лодки. В голову ему ничего не пришло, кроме дивана, но он сомневался в том, что диван может оказаться плавучим. И все-таки стоило попробовать. Но как же гнать по ртути медленно тонущий или, скорее, быстро тонущий тяжелый предмет?

Пока не попробуешь — не узнаешь. Эта мысль отнюдь не развеселила его. А потом он подумал: а может ли человек плавать в ртути? Кроме того, если он правильно помнил уроки химии, от ртути поднимаются ядовитые испарения.

Теперь он вспомнил несколько фраз из занятий по химии в средней школе. Это было давным-давно, еще в 1936 году, в его настоящем мире: «Не смачивает стекло, не образует выпуклую поверхность, находясь в стеклянном сосуде... обладает слабой летучестью при обычных температурах и опасна для здоровья из-за отравляющего воздействия... во влажном воздухе постепенно тускнеет...»

Воздух в этом здании, безусловно, отличался влажностью, но металл не потускнел. И Кикаха не смог уловить своим носом никаких испарений и не ощущал отравляющего воздействия. Пока.

Внезапно он напрягся. Он услышал слабое шлепанье ног по камню. Колокольник оставил дверь открытой, и Кикаха не трогал ее. Он стоял по другую сторону, ожидая и надеясь, что колокол не влетит сюда первым.

Он влетел. Черный предмет проплыл через дверь, находясь на высоте примерно четырех футов над поверхностью. Как только он миновал дверь, Кикаха прыгнул к двери и закрыл ее. Колокол продолжал парить на том же месте, где остановился.

Дверь осталась закрытой. Замка на ней не имелось, и Колокольнику нужно только толкнуть ее. Но он остерегался делать это и, вероятно, был весьма потрясен, увидев, что дверь закрылась. Он понятия не имел, ни кто находится за дверью, ни каким оружием располагает его враг. Более того, он теперь оказался в разлуке со своим колоколом, своим самым драгоценным имуществом. Если и верно, что колокол невозможно уничтожить, то верно так же и то, что его можно отобрать у Колокольника и спрятать.

Кикаха подбежал к двери, надеясь, что Колокольник не выстрелит по ней из лучемета. Он ухватился обеими руками за колокол и толкнул его. Колокол оказал сопротивление, но тем не менее сдвинулся. Но по высоте не уступил ни дюйма.

В это мгновение металл на краю двери начал краснеть, и Кикаха понял, что Колокольник обратил на дверь всю мощь своего лучемета и что металл этот и впрямь очень стойкий.

Но почему Колокольник просто не откроет дверь пинком, а потом не выстрелит, стоя в дверном проеме?

Вероятно, тот боялся, что его враг может спрятаться за дверью, когда она распахнется, и поэтому предпочел сделать так, что распахиваться будет нечему. Какими бы ни были его мотивы, он давал Кикахе еще немного времени, хотя и недостаточно, чтобы добраться до островка. Колокольник справится с дверью примерно к тому моменту, когда Кикаха будет на полпути.

Обеими руками Кикаха ухватился за колокол и толкнул его к стене. Тот не очень-то легко продвинулся по горизонтали, но напрягаться все же потребовалось не очень сильно. Кикаха потянул колокол к себе, оценивая силу сопротивления. Затем с силой пихнул его вдоль стены. Колокол двигался со скоростью фута два в секунду, но скоро его скорость замедлилась, и он заскреб по стене. Еще

один толчок, на этот раз под углом, уводящим от изгиба стены, но не позволяющим пролететь над поверхностью озера. В результате колокол продвинулся на большее расстояние.

Кикаха взглянул на дверь. Красное пятно уже превратилось в дыру, под ней тянулась красная линия. Очевидно, Колокольник намеревался прорезать большое отверстие или вырезать дверь целиком. В любой момент он мог прервать свое занятие и заглянуть внутрь через вырезанную дыру. Если он это сделает, то увидит своего врага и колокол. А с другой стороны, он мог все еще бояться использовать дыру, потому что враг мог поджидать около отверстия, чтобы пальнуть в него. Кикаха обладал еще одним преимуществом: Колокольник не знал, каким оружием он располагает.

Кикаха поспешил за колоколом, снова схватил его, отступил, остановился у стены, потом подтянул ноги. Он повис, почти касаясь дорожки коленями и пальцами ног, но колокол не потерял и миллиметра высоты.

— Вот! Ставим на кон все! — пробормотал про себя Кикаха и изо всех сил оттолкнулся от стены ногами.

Он и колокол понеслись над озером ртуту к островку. Они пролетели примерно футов сорок, а потом остановились. Кикаха посмотрел на серую жидкость и медленно выпрямил ноги, пока они не увязли в металле. Он оттолкнулся, и металл подался под его ногами, но они смогли продвинуться еще на несколько футов. Ему пришлось отталкиваться и снова продвигаться вперед, правда, медленно. Пот лился по лицу Кикахи, заливал глаза и разъедал их, а ноги начали зудеть, словно он пробежал не менее пары миль.

И все-таки он добрался до островка. Стоя на каменистой поверхности рядом с высящимся металлическим обручем, Кикаха снова взглянул на дверь. Через нижнюю часть и вверх по другой стороне тянулась тонкая линия. Через минуту-другую дверь упадет внутрь, а потом войдет и Колокольник.

Кикаха посмотрел сквозь обруч. По другую его сторону была видна комната, но он знал, что если шагнет туда, в обруч, то его переправит куда-то в другое место, вероятнее всего, в другую вселенную. Если Властелин не установил этот обруч шутки ради.

Он толкнул колокол вперед себя, а потом бросился в сторону, чтобы не оказаться перед обручем. У него было

достаточно опыта общения с Властелинами, чтобы подозревать: на другой стороне установлена ловушка. В ловушку, чтобы та сработала, лучше всего что-нибудь бросить.

Раздался взрыв, оглушивший его. Лицо и бок опалило жаром. Кикаха закрыл глаза, но ощутил свет сквозь закрытые двери. Потом он сел и открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть колокол, летящий над бассейном ртути, все еще на той же высоте. Колокол пролетел над озером ртути и врезался в стену. Отскочив, он остановился в нескольких дюймах от стены.

Одновременно с этим дверь упала внутрь помещения. Кикаха этого не услышал. Он слышал лишь звон в ушах после взрыва. Но он заметил, как нырнул через дверь Колокольник, прижимая к себе лучемет, ударился о пол, покатился и поднялся, держа оружие наготове. К этому моменту Кикаха уже вскочил на ноги. Когда он увидел, что Колокольник заметил его, то прыгнул через обруч. Выбора у Кикахи не было. Он не думал, что ловушка сработает еще раз, поскольку у Властелинов не было привычки устраивать двойные ловушки. Но если ловушка с той стороны заряжена снова, то его разорвет на куски и со всеми беспокоействами будет покончено.

Кикаха проскочил и теперь падал. Под ним было несколько тысяч футов воздуха, над головой — голубое небо, а прямо перед ним — тонкий горизонтальный брус. Он ухватился за него, вцепившись обеими руками в гладкое холодное железо, и закачался на вытянутых руках под брусом, концы которого были прикреплены к двум металлическим шестам, выступающим из скалы примерно футов на двадцать.

Это было триумфом воображения и склонности к садизму со стороны Рыжего Орка. Если пленник окажется достаточно беззаботным, чтобы пройти сквозь обруч, не отправив впереди себя какой-нибудь предмет, его разорвет на куски до того, как он упадет и разобьется насмерть. А если он не прыгнет, а шагнет через врата, то не дотянется до бруса.

А если схватит брус, что потом?

Человек менее храбрый и сильный мог бы упасть. Кикаха не стал терять времени зря. Он протянул руку и ухватился за опорный шест. И так же быстро выпустил его, ругаясь и раскачиваясь на одной руке.

Опорный шест оказался чересчур горячим.

Перебирая руками вдоль бруса, Кикаха добрался до второго опорного шеста и прикоснулся к нему, ощутив, что он тоже обжигает. И все-таки металл был не так горяч, чтобы нельзя было воспользоваться шестом. Правда, он причинил Кикахе столь сильную боль, что тот подумывал выпустить шест. Но все равно вцепился в него и, наконец, терпя жуткую боль, перетащил себя через край скалы. С минуту он лежал на краю и стонал. Ладони и пальцы были в таком состоянии, будто он получил ожоги третьей степени. Выглядели они, правда, так, словно лишь недолго побывали рядом с огнем. Боль быстро утихла.

Обследование положения были недолгим, поскольку смотреть оказалось особенно не на что. Он находился на вершине столпа из черного твердого камня. Вершина была шире подножия, а стенки — гладкими, словно пушечный ствол. Повсюду, насколько он мог видеть, расстилалась безжизненная каменная равнина. По ней текла река. Она раскалывала описываемый горизонтом круг, а потом раздваивалась, когда доходила до колонны. По другую сторону она вновь соединялась и несла свои воды дальше к горизонту.

Желтое солнце находилось в зените голубого неба.

Вокруг столпа, неподалеку от его подножия, с четырех сторон располагалось по гигантскому обручу. Одни врата означали возможность попасть туда, где он мог выжить, если, конечно, правильно угадает. Остальные, вероятно, означали верную гибель, стоит пройти через них.

Его непосредственной заботой были пока не они. Сперва нужно спуститься со скалы, и он не знал, как это сделать.

Кикаха вернулся к выступающему из скалы шесту. Колокольник мог вот-вот появиться. Даже если он и не захочет рисковать, то будет вынужден это сделать. Это единственный путь. Минуты шли, превращаясь в часы. Солнце прочертило дугу вниз от зенита. Кикаха шагал взад-вперед, чтобы размяться и ускорить ток крови в ногах и ягодицах. Вдруг из голубого воздуха появились рука и нога. Колокольник, находясь с другой стороны врат, зондировал поверхность.

Стопа подвигалась туда-сюда, ища опору и находя лишь воздух. Потом она убралась, и через несколько секунд из воздуха появилось лицо Колокольника.

Нож Кикахи превратился в серебряную палочку, летевшую в направлении лица Колокольника. Оно отдернулось,

а нож поглотило небо в точке примерно на фут ниже места, где было лицо Колокольника.

Врата не были односторонними. Это показало исчезновение ножа. Тот факт, что Колокольник мог просунуть через них часть тела, а потом убраться, не имел никакого отношения к одностороннему характеру некоторых врат. Даже односторонние врата позволяли телу проходить сквозь них наполовину, а потом возвращаться. Если, конечно, соорудивший их Властелин не собирался разрезать тела людей, воспользовавшихся ими.

Прошло несколько секунд. Кикаха выругался. Он мог так никогда и не узнать, точно ли метнул нож. Внезапно из голубизны появилась голова, за ней последовала шея, плечи, грудь и живот. Из солнечного сплетения торчала рукоятка ножа.

Остальное тело появилось, когда Колокольник вывалился из врат. Он рухнул вниз, и его фигура становилась все меньше и меньше, а потом пропала вдаль. Но Кикахе удалось разглядеть белый всплеск, когда тело упало в воду.

Он глубоко вздохнул и сел. Его трясло. Наконец-то Колокольник умер, и все вселенные обрели безопасность.

«И вот я здесь,— подумал Кикаха.— Вероятно, единственное живое существо в этой вселенной. Настолько одинок, настолько может быть одинок человек. И если я не придумаю, как сделать невозможное для своего несуществующего завтра, то скоро стану вторым мертвым существом в этой вселенной».

Он вновь глубоко вздохнул, а потом сделал то, что требовалось сделать.

Возвращаться на брус по шесту было также больно, как и слезать с него. Добравшись до бруса, он передохнул, зацепившись еще и ногой. После того как боль в руках прошла, он забрался на брус, балансируя на нем. Окупились часы тренировки на натянутой проволоке и лазанья на большие высоты. Он смог сохранить равновесие, пока прикидывал, из какой точки упал Колокольник. Она была всего лишь неопределенным куском голубизны, и существовал всего лишь один шанс попасть в цель.

Кикаха прыгнул вперед и вверх, и его голова и часть тела прошли через обруч. Затем из него вырвалось громкое «уф», когда он ударился животом о край обруча. Кикаха вытянул руку, ухватился за камень кончиками пальцев и

подтянулся. Какое-то время он спокойно лежал, пока сердцебиение не пришло в норму. Он увидел, что колокол парит над ним, а лучемер валяется на поверхности острова.

Кикаха встал и осмотрел колокол. Тот выглядел целым. Когда антенны убирались внутрь, их кончики затыкали отверстия в нижней части колокола. Но сами антенны оказались сделанными из менее стойкого металла, и поэтому они пострадали от времени. Так он, во всяком случае, предполагал. Кикаха даже не видел антенн, такими тоненькими они были. Но факт, что Колокольник не послал впереди себя колокол, говорил Кикахе, что прибор поврежден. Наверное, взрыв на короткое время испортил что-то в относительно тонкой аппаратуре по улавливанию мозговых волн. В конце концов, эта аппаратура была чем-то новым, поэтому Колокольник не имел времени, чтобы подвергнуть ее полевым испытаниям.

Что бы там ни случилось, колокол висел над островком на той же высоте. И все еще оказывал слабое сопротивление толчками по горизонтали. Кикаха предположил, что его антенны все еще действовали. Иначе колокол не сохранял бы постоянную высоту.

Это давало Кикахе единственный шанс добраться до земли, располагавшейся на несколько тысяч футов ниже. Он, правда, не знал, насколько велик был этот шанс. Колокол мог просто остаться на том же уровне.

Кикаха перекинул через плечо ремень лучемера, прижал к груди колокол и шагнул через обруч. Спуск его оказался столь же быстрым, как если бы он воспользовался парашютом, но оказалась ниже, чем он предполагал. Время от времени ему приходилось отталкиваться ногами от камня, так как колокол постоянно сносило к стене, словно масса скалы притягивала его.

Затем Кикаха оказался в десяти футах над водой и отпустил колокол. Он стал падать немного быстрее, врезался в воду, которая оказалась теплой, и всплыл в сильном течении. Ему пришлось потрудиться, чтобы выбраться на берег, но он сумел справиться с потоком. После того как Кикаха восстановил силы, он прогулялся вдоль берега, пока не увидел колокол, зависший у стенки скалы, словно новорожденный детеныш, прижавшийся к матери. Кикаха никак не мог добраться до него, да и не видел никаких причин делать это.

Несколькими ярдами дальше он нашел тело Колокольника. Оно закончило свое плавание подле каменного рифа, едва выступающего над поверхностью реки. Ему распорол спину, а затылок стал мягким, как будто ударился о бетон, а не воду. Нож все еще торчал из солнечного сплетения. Кикаха вытащил его и вытер о мокрые волосы Колокольника. Ножу падение не повредило.

Кикаха вытащил тело из реки и обнаружил лучемер на ремне. А потом поразмыслил о гигантских воротах, установленных в виде обруча, подобно тем, меньшим, на остановке в другом мире. Двое врат находились на этой стороне реки, двое — на другой. Все они располагались на углах квадрата со стороной в две мили. Он дошел до ближайших и бросил туда камень. Тот пролетел сквозь обруч и упал на скальную поверхность с другой стороны. Это была одна из шуток Рыжего Орка. Наверное, все врата никуда не вели, и он застрянет в этом пустынном мире, пока не сдохнет с голоду. Следующий обруч оказался тоже всего лишь обручем.

Кикаха начал испытывать усталость и голод. Теперь ему нужно переплыть реку, чтобы добраться до остальных. Течение было очень сильным. Расстояние от одного обруча до другого составляло две мили, и если придется испытывать все четыре, то он совершит прогулку в восемь миль. Обычно он не возражал против таких прогулок, но за последние несколько часов слишком многое перенес.

На минутку он присел, но тут же вскочил, громко обзавая себя дураком. Он забыл, что врата могут быть односторонними и, не срабатывать с одной стороны, срабатывая с другой. Он подошел к обручу, потом бросил камень. Результат был тот же самый.

Тут уж ничего не оставалось, как идти и проверять следующий обруч. Второй тоже оказался пустышкой. Кикаха переплыл реку и вылез на другой стороне после того, как течение снесло его на полмили вниз, увеличив его прогулку. Лучемер сильно затруднял плавание, поскольку весил фунтов тридцать. Нести его было удовольствием ниже среднего. Но Кикахе не хотелось бросать оружие.

И еще один обруч оказался всего лишь куском металла. Он поспешил к последнему, пока солнце еще не село. Оно сияло в безмолвной тишине неба над безмолвной тишиной земли. Даже ветер замер, и единственным звуком оставалось журчание реки, стихшее, когда он отошел от берега. Теперь он слышал лишь собственное дыхание и звук своих шагов.

Когда он добрался до последнего обруча, то захотел отложить на время свои испытания. Если окажется, что и это еще одна шуточка Рыжего Орка, то она вполне может оказаться последней шуткой, с какими когда-либо знакомился Кикаха.

Первый камень пролетел и ударился о скалу, находившуюся за обручем. Второй ударился там же.

Кикаха заорал от досады и стукнул кулаком о ладонь. Потом пнул небольшой валун и, взвизгнув, заскакал от боли. Он дернул себя за волосы и отвесил себе увесистую оплеуху, а потом обратил лицо к голубому небу, безразличному желтому солнцу и завыл, как волк с попавшим в капкан для медведя хвостом.

Через некоторое время Кикаха застыл неподвижно и безмолвно. Он вполне мог сойти за изваяние, вытесанное из светло-красного камня, которого было так много в этом мире. Только подрагивали веки, и грудь вздымалась и опадала в такт дыханию.

Когда он наконец вырвался из объятий бессмысленного созерцания, то быстро направился к реке, не проявляя никаких эмоций. Он напился воды из реки, а потом поискал местечко, где можно было бы укрыться и провести ночь. Минут через пятнадцать он обнаружил в склоне невысокого холма нишу, которая могла защитить его от ветра. Через некоторое время он уснул после долгих неизбежных размышлений о своем будущем.

Утром он взглянул на тело Колокольника, раздумывая, не придется ли ему его съесть.

Чтобы чем-то заняться, он вошел в реку и похлопал по воде руками. Ему не удалось вспугнуть какую-нибудь рыбу. Казалось маловероятным, что здесь водилась рыба, учитывая отсутствие растительности.

Он поднялся на вершину холма, у подножия которого спал. Какое-то время он просидел на круглой вершине, двигаясь лишь для того, чтобы сесть поудобней. Положение его было простым и отчаянным. Либо Рыжий Орк приготовил путь для бегства своего пленника, если тот окажется достаточно умным и достаточно проворным, либо нет. Если нет, то пленник умрет здесь. Если да, то пленник — в данном случае Кикаха — просто оказался недостаточно толковым. И в этом случае пленнику тоже предстоит умереть.

Он долго сидел, потом застонал. Что случилось с его мозгами? Разумеется, камень пролетел сквозь врата, но

никакая плоть сквозь них не проходила. Ему следовало бы попробовать самому вместо того, чтобы испытывать врата лишь камнем. Здесь могли быть установлены врата такого типа, что срабатывают лишь тогда, когда через них проходит материя определенной массы или — органическая материя. А может, на них могли воздействовать человеческие мозговые волны? Но он настолько был озабочен тем, чтобы избежать ловушек, что это просто не пришло ему в голову.

Однако любые активированные врата могли оказаться настроенными на уничтожение первой вступившей в них большой массы, как в случае с заминированными вратами. Он застонал при мысли о связанных с этим усилиях, но подумал, что пока выжил лишь потому, что не был лентяем. Кикаха взвалил на плечо тело Колокольника, благодаря фортуна за то, что тот не отличался крупным телосложением, и направился к ближайшему обручу.

День выдался жаркий. Отсутствие пищи ослабило его, а неудачи возле обручей отняли еще больше сил. Плавание через реку с трупом Колокольника и лучеметом отняло у него еще больше сил. Но он бросал труп шесть раз через трое врат.

А теперь он отдыхал, сидя возле последних. Колокольник лежал рядом, раскинув руки, обратив к жаркому солнцу лицо с открытыми глазами и ртом. От него уже веяло разложением.

Прошло какое-то время. Кикаха не чувствовал, что сил прибыло. Ему нужно было встать и бросить тело через обруч с обеих сторон. О том, чтобы просто перевалить тело через проем, не могло быть и речи, так как он не хотел оказаться в поле действия какого-либо поля или взрыва. Надо было встать у края обруча, поднять тело, бросить его через обруч, а затем отскочить в сторону.

Он так и сделал уже в седьмой раз. Тело пролетело через обруч и растянулось на земле. У Кикахи остался последний шанс, и на этот раз вместо того, чтобы отдыхать, он подобрал труп, поднял его до уровня груди и швырнул.

Когда он взглянул со своей позиции, занятой на скале, тело все еще валялось с другой стороны. Вот и все. Вот и все для него. Ему пришел конец.

Он сел вместо того, чтобы лежать, закрыв глаза. Этот шаг, совершенный без какого-либо мотива, спас ему жизнь. Впрочем, даже в этом случае он чуть ее не лишился. Тиг-

роподобный зверь, бесшумно мчавшийся к нему по твердому камню, зарычал, увидев, что он сел, и увеличил длину прыжков и скорость. Кикаха был настолько поражен, что на секунду замер и предоставил зверю некоторое преимущество, но недостаточно большое. Лучемер выстрелил в момент, когда животное взвивалось в воздух в последнем прыжке, и луч пробуравил ему голову, рассек ее; разрезал шею и грудь, отхватив часть лапы и продырявив скалу.

Тело зверя ударилось о землю и, заскользив, врезалось в Кикаху, сбив его с ног. Кикаха несколько раз перевернулся, у него болели ноги, спина, грудь, руки и нос. Кожа была сильно поцарапана, а там, где в ноги врезалось тело зверя, появилась тупая боль, становившаяся все острее.

Животное выглядело съедобным. И ему подумалось, что знает, откуда оно взялось. Сначала он нарежет несколько кусков мяса, зажарит и поест, а уж потом вернется к предпоследним вратам.

Зверь выглядел примерно на четверть больше уссурийского тигра. У него был длинный густой мех с рыжеватокоричневым подшерстком и бледно-красными зигзагами полос на голове и теле. На нижней части лап мех напоминал черные чулки. Глаза зверя были лимонно-желтыми, а зубы больше походили на акулы, чем на кошачьи.

Мясо неприятно пахло, но оно наполнило его мышцы силой. Он взял Колокольника за руку и проволока тело две мили до врат. К тому времени труп был уже сильно поврежден. Кроме того, он вонял все сильнее. Кикаха поднял его и бросил через врата.

На этот раз труп исчез, а из врат хлынул поток нефти, который окатил бы Кикаху с ног до головы, не отскочи он предварительно в сторону. Маслянистая субстанция сразу же вспыхнула и минут пятнадцать полыхала.

Кикаха подождал, пока погаснет огонь, а потом прыгнул через врата с лучемером наготове. Он не знал, чего еще можно ожидать. Его мог караулить на другой стороне еще один тигр. Очевидно, сбросив туда Колокольника первый раз, Кикаха включил активацию замедленного действия, которая позволила зверю выскочить через врата. Если бы он подождал немного, то ему не пришлось бы так расстраиваться. Это было очень умное и садистское устройство как раз того сорта, какого он мог ожидать от Рыжего Орка. Теперь Кикахе казалось, что Рыжий Орк мог бы и прекратить установку каких-либо новых ловушек. Он должен

был учесть, что вряд ли кто-то сможет забраться так далеко.

На секунду он оказался в небольшой голой комнате, где стояли большая клетка с распахнутой дверцей и черный купол на трех коротких ножках. Потом Кикаха очутился в другой комнате. Эта, побольше, была сделана из какого-то твердого металла или пластика и начисто лишена каких-либо украшений и мебели, кроме унитаза без стульчака, раковины с одним краном и небольшого металлического стола, прикрепленного к полу цепями.

Переход из одной комнаты в другую вызвал у него шок, хотя он и мог объяснить, почему так случилось. Прыгая в комнату, он активизировал врата замедленного действия. А те, включившись, отправили его в эту камеру, выглядевшую как тупик.

Свет, заполнявший комнату с разной интенсивностью, не имел никаких видимых источников. Он был достаточно ярок, чтобы Кикаха смог разглядеть, что в стене нет ни трещин, ни каких-либо изъянов. И не было ничего вроде окна или двери. Стены оказались сделанными из прочного материала. Лучемер, включенный на полную мощность, лишь нагрел стены и воздух в комнате. Кикаха отключил оружие и стал искать источник вентиляции, если тут вообще имелась таковая.

После длительного осмотра он определил, что свежий воздух медленно поступает из точки, находящейся как раз над поверхностью стола. Уходит воздух через другие врата, вмурованные в стену, в точке, где сходились стена и потолок. Врата эти должны были бы работать попеременно и, вероятно, были настроены лишь на газы.

Кикаха включил лучемер на полную мощность и навел на поверхность стола, но тот оказался сделанным из того же прочного материала. Однако если его тюремщики не собирались уморить его голодом, то наверняка было какое-то устройство, через которое пленнику подавалась пища. Вероятно, это будут врата такие же, что и на поверхности стола, но лишь во время приема пищи. Они автоматически переключатся на режим твердой материи.

Некоторое время Кикаха размышлял над этим и гадал, почему никто не додумался до такого способа побега. Наверное, Властелин надеялся, что его пленник до этого додума-

ется. Это была бы та шутка, какими особенно наслаждаются Властелины. И все-таки эта идея являлась настолько дикой, что могла и не прийти в голову даже Властелину.

Кикахе представлялось, что где-то в доме, в котором находилась эта камера, должна звучать сигнализация. Если, конечно, камера находилась в здании, а не в какой-то пустынной карманной вселенной. Если бы, предположим, Властелин отлучился, то тогда он мог вернуться слишком поздно, чтобы застать своего пленника на месте.

Кикаха не имел точного представления о времени, но прикинул, что прошло, вероятно, около четырех часов, когда на столе появился поднос. Пища, подававшаяся ему, была земная: хорошо приготовленное мясо, салат, морковь, лук, чесночный соус, три куска европейского хлеба из непросеянной муки с натуральным маслом и шоколадное мороженое.

Закончив еду, он почувствовал себя гораздо лучше и испытывал чуть ли не благодарность к своему тюремщику. Однако времени он зря не терял. После того как проглотил последнюю ложку мороженого, Кикаха влез на стол, повесив на плечо лучемер и держа поднос в руках. Затем он нагнулся, балансируя на одной ноге, поставил поднос на стол и встал на него. Он рассудил, что врата могут активизироваться подносом и тарелками на нем, а не определенной массой. Он мог поставить голову против пуговицы, что активность врат простиралась вверх достаточно, чтобы забрать и его. Если же это не так, то кто-то на другой стороне получит сюрприз в виде половинки трупа. Если же его затея удастся, то кто-то все равно получит сюрприз, но уже более приятный.

Внезапно он очутился на столе в чулане, освещенном единственной лампочкой над головой. Если бы он не догадался пригнуться, то остался бы без головы, которая врезалась бы в потолок, когда его перебросило в чулан.

Кикаха спрыгнул со стола и, распахнув дверь, шагнул в большую кухню. Спина к нему стоял человек. Он, должно быть, услышал, как распахнулась дверь, поскольку круто развернулся. Челюсть у него отвисла, глаза стали громадными, и он проговорил:

— Что за?..

Нога Кикахи угодила в его подбородок, и человек упал спиной на пол, потеряв сознание. Удостоверившись, что шум, вызванный падением тела, никого не встревожил, Кикаха обыскал упавшего.

Он обнаружил «смит — вессон» тридцать восьмого калибра со спаренным дулом в кобуре под мышкой, бумажник со стадесятью долларами, водительские права, вездесущие кредитные карточки и визитку. Человека звали Роберто ди Анжело.

Кикаха сунул пистолет за пояс, предварительно проверив его, и осмотрел кухню. Она была настолько большой, что наводила на мысль об особняке богатого человека. Он быстро нашел щит управления за выдвижной панелью в стене, оставленной приоткрытой. На щите мигало несколько огоньков.

Тот факт, что ди Анжело послал ему еду, показывал, что обитателям этого дома было известно, что у них появился пленник. Или, по крайней мере, что об этом узнал Властелин. Его люди могли и не ведать о вратах, но наверняка им было приказано докладывать Рыжему Орку, если на щите загорятся огоньки и, несомненно, включится звуковая сигнализация. Последняя теперь уже, конечно, отключена.

Тут должен был быть и монитор, чтобы Властелин, в данном случае Уртон, мог знать, кто оказался у него в плену. Почему Уртон не предпринял никаких шагов, чтобы допросить своего пленника? Он же должен сгорать от желания узнать, как это Кикахе удалось попасть к нему.

Кикаха налил в стакан воды и плеснул в лицо лежавшего. Ди Анжело вздрогнул, мотнул головой и открыл глаза. И снова дернулся, когда увидел над собой Кикаху и ощутил у горла острие ножа.

— Где твой босс? — осведомился Кикаха.

— Не знаю.

— Неведение в твоём случае опасно! — предупредил его Кикаха и кольнул ножом, так что по шее побежала тонкая струйка крови.

— Зачем же так нервничать? — расширились глаза лежавшего. — У вас нет шанса. Вот что произошло...

Ди Анжело служил поваром, но знал также о происходящем в нижних эшелонах. Ему давным-давно приказали уведомить босса, которого он называл мистер Каллистер, если на кухне сработает сигнализация. До сегодняшней ночи все было спокойно. Когда сигнализация включилась, что его поразило, он позвонил мистеру Каллистеру, уехавшему со своей бандой на дело, о котором ди Анжело ничего не знал. Должно быть, оно имело отношение к неприятно-

стям, что возникли в связи с появлением Кикахи и прочих. Каллистер объяснил ди Анжело, что надо делать — всего лишь приготовить обед, поставить его на стол в чулане, закрыть дверь и нажать кнопку на щите управления.

Кикаха спросил о Вольфе, Хрисеиде и Анане. Ди Анжело ответил:

— Несколько парней отвели их в кабинет босса и оставили там, и это был последний раз, когда их видели. Ей-богу, говорю правду! Если кто и знает, куда они делись, так это мистер Каллистер. Он, и только он!

Кикаха заставил ди Анжело встать и провести его по дому. Они прошли через несколько коридоров и больших комнат, роскошно обставленных, а потом поднялись на второй этаж по широкой мраморной винтовой лестнице. По пути ди Анжело сообщил Кикахе, что дом этот стоит на участке, обнесенном стеной, в Беверли Хиллс. Адрес соответствовал тому, что Рыжий Орк называл как адрес Уртоны.

— А где слуги? — спросил Кикаха.

— Либо отправились по домам, либо разошлись по комнатам над гаражом, — ответил ди Анжело. — Я не вру, мистер, когда говорю, что в доме я один.

Дверь из тяжелой стали, ведущая в кабинет Каллистера, была заперта. Кикаха применил лучемет и коротким вращением дула вырезал замок. Ди Анжело выпучил глаза и стал еще бледнее. Очевидно, он ничего не знал об оружии Властелинов.

Кикаха нашел какую-то тесьму в огромном письменном столе из красного дерева и связал ди Анжело руки и ноги. Пока ди Анжело сидел в кресле, Кикаха провел быстрый, но эффективный обыск кабинета. Когда он нажал кнопку в углу стола, из его сектора выскочило то, что могло быть пультом управления воротами, во всяком случае, он надеялся. Кнопки, датчики, огоньки обозначались надписями, которые сбили бы с толку любого землянина, кроме Кикахи. Они были на языке Властелинов.

Однако Кикаха не знал ни характера врат 1-10, ни что произойдет, если он нажмет кнопку, помеченную символом М. Это могло означать множество вещей, но Кикаха подозревал, что этот знак означает слово «миырпо», означающее смерть.

Первая трудность использования заключалась в том, что он не знал, где находятся врата, даже если бы и акти-

вировал их. Властелин был не настолько глуп, чтобы оставить действующую систему столь доступной. Наверняка он носил при себе какой-то прибор, который требовалось включить, прежде чем будет подана энергия к пульта управления. Но все-таки теперь Кикаха знал, где находился пульт, так что если ему в руки когда-нибудь попадет активатор, он сможет воспользоваться прибором. То есть если, конечно, обнаружит и врата.

Это его весьма угнетало, поскольку он был уверен, что Анана и двое его друзей находятся, если они все еще живы, за какими-то из десяти врат.

Зазвонил телефон. Кикаха вздрогнул, но быстро оправился, взял трубку, поднес ее к ди Анжелю и расположил так, чтобы обоим было слышно. Объяснять ди Анжелю, что от него требуется, было не нужно. Он произнес:

— Алло?

Голос, что ответил ему, принадлежал Рамосу:

— Ди Анжелю? Минутку.

Следующий голос принадлежал человеку, с которым беседовал Кикаха, когда считал, что говорит с Рыжим Орком. Скорее всего, это был Уртон. И чтобы там ни вытаскило его из крепости, это, вероятно, оказалось очень важным. Единственное, что могло вызвать такую неосторожность Властелина, это шанс добраться до Рыжего Орка.

— Анжелю? У меня здесь сработала сигнализация. Сигнал поступает из моего кабинета. Ты знал об этом?

Кикаха покачал головой, и ди Анжелю ответил:

— Нет, сэр.

— Так вот, кто-то находится в моем кабинете. Ты где?

— На кухне, сэр.

— Поднимись туда и выясни, в чем дело. Я оставляю эту линию связи открытой. И пошлю людей со склада помочь тебе. Ни в коем случае не рискуй. Стреляй, если будешь абсолютно уверен, что свалишь его. Понятно?

— Да, сэр, — поторопился ответить ди Анжелю.

В трубке раздался щелчок. Кикаха не ощущал себя победителем. Уртон должен понимать, что любой, кто находился в кабинете, может поднять трубку и подслушать разговор. Он сообразит, что исключает для ди Анжелю любой шанс захватить врасплох незваного гостя, и это означает, что скоро сюда подойдет подкрепление.

Кикаха заткнул ди Анжелю рот и запер его в стенном шкафу. Потом вспышкой из лучемета уничтожил пульт

управления воротами. Если Уртон собирался переправить других своих пленников, если, конечно, таковые у него имелись, то на какое-то время будет лишен такой возможности. Ему придется построить другой пульт, если у него на складе нет дубликатов.

Следующий шаг — выбраться из дома и отправиться к железнодорожному вокзалу, в камере хранения которого находится рог. Кикаха хотел бы иметь возможность заполучить рог, потому что тогда он сможет беспрепятственно им пользоваться. Уртон же теперь наверняка станет охранять свой дом лучше.

Кикахе нужно было покинуть дом и отправиться в центр города. Он решил припрятать лучемет на приусадебном участке и нашел небольшое углубление в земле за большим кустом олеандра возле стены. На участке рос отлично ухоженный сад. Тут не было никаких опавших листьев или прутьев, чтобы прикрыть спрятанное. Кикаха просто положил лучемет в углубление и оставил. Кроме того, он решил припрятать здесь и изъятый у ди Анжело пистолет, который был слишком велик, чтобы скрывать его под рубашкой.

Выбрался Кикаха без происшествий. Правда, ему пришлось вернуться туда, где лежал спрятанный лучемет, чтобы воспользоваться им и вырезать замок на железных воротах, через которые можно было выбраться на улицу. Сторожевая будка возле ворот оказалась пустой, потому что Уртон увел из дома всех, кроме ди Анжело. В будке сторожа находилось и управление механизмами, и Кикаха легко сообразил, что открывало ворота. Но энергия или сами механизмы были отключены, а он не хотел терять времени на возвращение в дом, чтобы допросить ди Анжело. Кикаха просто прожег замок и толчком распахнул створки. Позади него взвыла сирена, и он увидел, как замигали огоньки на щите управления в будке сторожа. Если шум будет продолжаться, то кто-нибудь наверняка вызовет полицию. При этой мысли Кикаха улыбнулся. А затем перестал улыбаться. Вмешательство полиции улыбалось ему не больше, чем Уртоне.

Вновь припрятав лучемет за кустом, он направился на юг. Пройдя пять кварталов, он вышел на Сансет. Он опасался, что его заметят полицейские, так как понимал: в

этом исключительно богатом районе любых пешеходов, по всей вероятности, останавливала полиция. Особенно ночью.

Но удача не оставила его, и он сумел быстро поймать такси. Водитель не хотел слишком далеко уезжать от Бевверли Хиллс, но Кикаха, не слушая возражений, открыл заднюю дверцу и забрался в машину.

— Это срочное дело, — сказал он. — У меня деловая встреча, связанная с бизнесом, который сулит мне большие деньги. — Он нагнулся вперед и вручил водителю двадцатидолларовую бумажку из бумажника ди Анжело. — Она — ваша сверх тарифа и обычных чаевых. Как, по-вашему, можете вы сделать небольшой крюк?

— Можно, — коротко отозвался шофер.

Он высадил Кикаху в трех кварталах от железнодорожного вокзала, поскольку Кикаха не хотел, чтобы водитель знал, куда он направился, если его, паче чаяния, допросит полиция. Кикаха прогулялся до дерева, вытащил из дупла шарик жевательной резинки и отправился на вокзал. Он достал футляр с рогом из камеры хранения, не привлекая к себе внимания, если не считать четырехлетней девочки, которая уставилась на него большими синими глазами-звездочками, а потом произнесла: «Хэлло!» Уходя, он потрепал ее по голове, заставив тем самым мать оттащить дочь в сторону, чтобы прочитать ей громким голосом лекцию об опасности заводить дружбу с незнакомыми людьми.

Кикаха усмехнулся, хотя не считал на самом деле это происшествие таким уж забавным. За долгие годы, проведенные в многоярусном мире, он привык, что к детям относятся как к самым любимым существам. Вольф подмешивал в воду того огромного мира химические вещества, которые давали людям возможность обрести молодость длинной в тысячу лет, но существенно сокращали рождаемость, и гарантировал тем самым, что детей будут очень ценить. Из-за этого в мире Вольфа почти никогда не убивали детей, не обращались с ними жестоко, не лишали любви и ласки. И хотя подобное воспитание вовсе не мешало детям вырастать людьми, становившимися весьма жестокими во время войны, но никогда они не избивали и не убивали детей. В результате такого воспитания у детей бывало гораздо меньше психозов и неврозов, чем у цивилизованных землян. Конечно, большинство обществ в мире Вольфа были небольшими, однородными и технологически примитив-

ными, зато и не страдали, как высоко индустриализованные жители Земли.

Кикаха покинул вокзал и прошел несколько кварталов, прежде чем зашел в телефонную будку в углу большой станции техобслуживания. Он набрал номер Уртоны. Телефон прозвонил один раз, трубку подняли. Ответил незнакомый голос.

— Мистера Каллистера, будьте добры, — попросил Кикаха.

— Кто это? — поинтересовался грубый голос.

— Меня может описать ди Анжело, — ответил Кикаха, — если вы нашли его в стенном шкафу.

Раздалось восклицание, затем:

— Минутку.

Через несколько секунд другой голос произнес:

— Каллистер слушает.

— Известный иначе, как Уртона, нынешний Властелин Земли, — уточнил Кикаха. — Я человек, который был вашим пленником.

— Как ты?.. — выпалил было Уртона, потом замолчал, сообразив, что все равно не услышит, как тот сбежал.

— Я — Кикаха, — представился Кикаха, решив, что, если он себя назовет, это не причинит ему вреда, поскольку он был уверен, что Уртона выпытал от Ананы и имя, и описание. — Землянин, сделавший то, что не смогли сделать вы, предполагаемые Повелители Мироздания. Я убил сам или был причиной, которая погубила всех Колокольников в количестве пятидесяти одного. Больше они не угроза. Я выбрался из дома Рыжего Орка на той, другой Земле, пробрался через все его ловушки и попал в твой дом. Если бы ты оказался дома, я захватил бы тебя в плен или убил бы. Не заблуждайся на этот счет. Но позвонил я тебе не просто, чтобы сообщить о своих подвигах. Я хочу спокойно вернуться в мир Вольфа вместе с ним, Хрисейдой и Ананой. Вы с Рыжим Орком можете сражаться здесь сколько влезет, и да победит сильнейший! Теперь, когда последний Колокольник убит, у нас нет никаких причин оставаться здесь. А у тебя — держать моих друзей.

Наступило долгое молчание, потом Уртона спросил:

— А откуда мне знать, что Колокольник убит?

Кикаха описал происшедшее, хотя и оставил за скобками несколько деталей, которых Уртоне, по мнению Кикахи, знать не следовало.

— Так что теперь ты знаешь, как проверить мои слова, — продолжал Кикаха. — Ты сможешь проследовать моим маршрутом так, как это делал я, поскольку не знаешь, где находится дом Рыжего Орка, равно как и я. Но я полагаю, что все ворота там двусторонние, и ты сможешь пройти в обратную сторону, начав с камеры, в которой я свой путь закончил.

Он мог представить себе чувства, испытываемые Уртоной попеременно: радость и тревогу. Теперь он вроде бы нашел способ пробраться в дом Рыжего Орка, но понимал, что и Рыжий Орк может воспользоваться тем же способом.

— Ты не прав! — возразил Уртона. — Я знаю, где живет Рыжий Орк. То есть жил. Один из моих людей видел его на улице всего пару часов назад. Сперва он принял моего человека за меня, посчитал, что я занимаюсь каким-то делом, в которое ему лучше не совать нос. Потом он вернулся, увидел меня и понял, что я не мог бы так скоро перенестись сюда. Я тут же сообразил, какая удача мне выпала. Взяв своих людей, я окружил дом, и мы вломились туда. Нам пришлось убить четверых его людей, но сам он ушел. Полагаю, скрылся через ворота. И скрывшись, Орк уничтожил все ворота в доме. Не было никакой возможности его преследовать.

— Я подумал, что один из обгоревших трупов мог принадлежать Рыжему Орку, — сказал Кикаха. — Но он еще жив. Ну...

— Я устал играть в эту игру, — заявил Уртона. — Я хотел бы увидеть своего братца в виде вот такого обугленного трупа. Я вновь заключу с тобой сделку. Если ты заполучишь для меня Рыжего Орка, поставишь его мне в узнаваемом состоянии, то я отпущу твоих друзей и гарантирую безопасное возвращение в ваш многоярусный мир. Конечно, если я смогу удостовериться, что твой рассказ о Колокольнике — правда.

— Тебе известно, как это сделать. Дай мне поговорить с Ананой и Вольфом, чтобы я был уверен, что они живы.

— В данный момент я не могу этого сделать. Дай мне, скажем, минут десять, а потом позвони еще раз.

— Ладно, — согласился Кикаха.

Он повесил телефонную трубку и спешно покинул будку. Уртона мог обладать какими-то средствами, позволяющими ему быстро определить источник звонка, но Кикаха не собирался давать ему такого шанса. Он поймал машину и велел таксисту отвезти его к месту неподалеку от смоляной ямы Ла Бри. Оттуда Кикаха направился по

Уилширу, пока не дошел до телефонной будки. Прошло десять, нет, пятнадцать минут. На этот раз трубку поднял ди Анжелло. Хотя он, должно быть, и узнал голос Кикахи, но ничего не сказал, кроме:

— Подождите, сейчас соединю.

Вслед за этим раздался голос Уртоны:

— Ты можешь сперва поговорить с моей племянницей, этой любительницей леблэббиев.

— Кикаха! — возник в трубке любимый голос. — У тебя все в порядке?

— Пока что действую прекрасно! — заверил ее Кикаха. — Колокольник готов! Я сам убил его. А Рыжий Орк в бегах. Держись. Мы еще вернемся в приличный мир. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Вмешался Уртона, который произнес с сарказмом:

— Да, я тоже люблю тебя, леблэббий! А теперь не желаешь ли поговорить с Вольфом?

— Я не собираюсь полагаться на твое слово, что с ним все о'кей, — буркнул Кикаха.

В трубке зазвучал голос Вольфа, глухой и мелодичный:

— Кикаха, дружище! Я знал, что ты вмешаешься рано или поздно.

— Алло, Роберт, рад снова услышать твой голос. С тобой и Хriseидой все в порядке?

— Да, мы невредимы. Какую сделку ты заключаешь с Уртоной?

— Достаточно, — прервал их Уртона. — Ты удостоверился, землянин?

— Я удостоверился, что на данный момент они живы, — уточнил Кикаха. — И лучше бы им остаться в таком состоянии, когда мы приступим к расплате.

— Не угрожай мне! — прошипел Уртона. Потом добавил более спокойно: — Отлично. Я помогу тебе всем, что в моих силах. Что тебе нужно?

— Адрес дома Рыжего Орка.

— Зачем он тебе понадобился? — удивился Уртона.

— Я меня свои причины. Какой адрес?

Уртона дал ему адрес, но говорил медленно, словно пытался додуматься до причин, по которым это понадобилось Кикахе.

— Это все, что мне нужно сейчас, — поблагодарил его Кикаха. — Пока.

И повесил трубку.

Уже через минуту он ехал в такси к дому Уртоны. В двух кварталах от дома он расплатился с водителем и оставшиеся два квартала прошел пешком. Маленькие железные ворота держала теперь цепь, а свет в будке сторожа помог ему разглядеть, что там сидят трое. Особняк тоже был освещен, хотя в окнах никого не просматривалось.

Казалось, не существовало ни малейшего шанса попасть в сад. Кикаха мог, конечно, подпрыгнуть, ухватиться за верх стены и подтянуться, но не сомневался, что поверху проходит сигнализация. Однако если подумать, что из того? В данный момент вторгаться в дом он не собирался. Все, чего он хотел, это забрать свой лучемет и убраться. К моменту, когда прибегут люди Уртоны, он успеет перепрыгнуть на другую сторону.

Сперва необходимо где-то припрятать рог, так как будет неудобно перелезать, имея его при себе. Он мог бы перекинуть его через стену, но не хотел этого делать. Минутный осмотр показал Кикахе, что он может закрепить футляр на ветвях куста, растущего на полосе травы между тротуаром и мостовой. Кикаха приблизился к месту, где на противоположной стороне он спрятал лучемет. Перешел улицу, постоял минуту, прислушиваясь и пережидая, пока проедет машина, потом рванул через улицу. Он прыгнул вверх, его пальцы сомкнулись на грубом ребре стены. Потом он легко подтянулся. Стена наверху была шириной фута в полтора, и по всей ширине шел двойной ряд пик из железа высотой примерно в шесть футов. Вдоль этих пик тянулся двойной ряд проволоки, блестящей от света, люющего из особняка.

Крайне осторожно Кикаха перешагнул через проволоку, повернулся и повис на руках, а потом просто упал на мягкую землю. Несколько секунд он стоял, глядя на будку сторожа и на особняк и прислушиваясь, но не услышал ничего и не уловил движения.

Он подбежал к кусту и забрал лучемет. Перелезть обратно с лучеметом на плече оказалось намного труднее, но Кикаха сумел проделать это, не возбудив, насколько он мог судить, никакого подозрения со стороны обитателей особняка и сторожей в будке.

Неся в руках рог и лучемет, он снова направился к Сансет. Ему пришлось прождать на углу минут десять, пока появилось свободное такси. Садясь в машину, он прикрывал лучемет футляром, чтобы таксист его не заметил.

Его дуло было слишком толстым, чтобы спутать его даже с дробовиком, а приклад делал слишком похожим на огнестрельное оружие.

Дом Рыжего Орка находился в богатом районе — Пасифик Палисад. Подобно особняку Уртоны, дом этот окружала высокая кирпичная стена. Однако железные ворота при въезде оказались открытыми. Кикаха проскользнул через них к дому, где царила темнота. Уртона не упомянул, оставил ли он там караульных, но казалось разумным, что он именно так и поступил. Он не захотел бы упустить шанс схватить Рыжего Орка, если тот по какой-то причине вдруг вернется.

Двери с обеих сторон дома оказались запертыми. Света ниоткуда не было видно. Кикаха пригнулся, приложив ухо к двери, но ничего не услышал. Подумав, он просверлил дыру в задней двери и, толкнув, открыл ее. Входил он медленно и осторожно, а потом услышал какие-то звуки со стороны фасада. Оказалось, их производили трое людей, сидевших в темноте в огромной комнате в передней части дома. Один спал и тихо похрапывал, а двое других разговаривали тихими голосами.

Кикаха прокрался вверх по винтовой лестнице с мрачными ступеньками, благодаря этому не заскрипевшей под его ногами. Найдя спальню, он закрыл за собой дверь, потом включил лампу. Сняв с телефонного аппарата трубку, он набрал один из номеров этого дома.

Когда на звонок ответили, Кикаха, превосходный имитатор, произнес, подражая голосу Рамоса:

— Ребята, вас вызывает босс! Шуруйте сюда рысью! Кое-что наклеивается, но я не могу сказать этого по телефону!

Он подождал, пока тот, кто ему ответил, положит трубку. Потом подошел к окну. Он увидел, как трое идут по подъездной аллее и выходят за ворота. Через мгновение вспыхнули фары автомобиля примерно в полуквартале от дома. Машина укатила, и Кикаха, насколько ему было известно, остался в доме один. Он имел в своем распоряжении не более тридцати пяти минут. Это то время, которое понадобится громилам, чтобы добраться до Уртоны, выяснить, что их надули, и вернуться с подкреплением.

А ему требовалось всего несколько минут. Кикаха спустился вниз и включил свет в кухне. Найдя фонарик, он выключил свет и направился в большую переднюю. Дверь под лестницей оказалась открытой. Он шагнул через нее в небольшой коридор. В конце коридора он открыл дверь и

пошарил за ней лучом фонарика. Комната выглядела точь-в-точь как та, куда он вошел, когда был пленником Рыжего Орка, но не являлась ею. Врата, вмонтированные в дерево и штукатурку, оказались отключенными.

Кикаха открыл футляр и достал рог, который в лучах фонарика заблестел серебром. Формой он походил на рог африканского буйвола, но на выходе заканчивался широким раструбом. На узкий конец был насажен мундштук из мягкого золотистого материала, а по верху вдоль оси шел ряд из семи маленьких кнопок. Внутри раструба висела паутина из какого-то серебристого материала. Посередине красовался иероглиф, марка Шамбаримена — создателя рога.

Кикаха поднес рог к губам и тихо протрубил в него, нажимая на кнопки. Раструб он направил на стены и, закончив одну мелодию, передвинул его влево, пока тот не оказался нацеленным на место в стене примерно в двадцати футах от первого. Он надеялся, что дезактивированные врата находятся в этой комнате. Если это так, то они обладали резонансной точкой, которая ослабляла стены между вселенными. Так что звуки, выходящие из рога, послужат чем-то вроде отмычки и откроют врата. Это-то и было уникальной способностью рога, уникального прибора Шамбаримена, величайшего ученого-изобретателя из расы Властелинов.

Рог тихо заговорил, и звуки, издаваемые им, казались искусными и волшебными, чтобы открыть двери в сказочную страну фей. Но ни на северной, ни на восточной стенах не появилось ничего, похожего на врата. Кикаха перестал дуть в рог и прислушался, не приближаются ли в дому машины. Он ничего не услышал. Снова поднес рог к губам и проиграл мелодию нот, гарантировавшую широкое расползание любого пролома в стенах между мирами.

Одно место на стене вдруг засветилось. Белое пятно увеличивалось, выпучилось наружу, а затем прыгнуло к пределам круга, определявшего вход. Свет померк, сменился свечением помягче и потемней.

Кикаха заглянул в круг и увидел полусферическую комнату без окон и дверей. Стены были алыми, а единственной мебелью оказалась кровать, парившая над полом на высоте нескольких футов, и прозрачная кабина, в которой имелись раковина, кран и туалет, тоже парившие. Затем стена быстро закрылась, края отверстия устремились навстречу друг другу, и через секунд тридцать стена стала такой же, как прежде.

Рог развернулся, и белое пятно появилось вновь и выросло. Комнату заливал зеленоватый свет, исходящий от зеленого солнца над просвеченной зеленым мхом равниной и острыми зелеными горами на горизонте, который находился вдвое дальше, чем на Земле. Справа щипали мох какие-то животные, напоминавшие газелей с рогами в виде арфы.

Третье отверстие показало коридор с закрытой дверью в конце его. Кикахе ничего не оставалось, как обследовать его, поскольку именно эта дверь могла привести его к Анане и остальным. Он прошел сквозь быстро сужающийся круг, потом по коридору и осторожно открыл дверь. Ничего не случилось. Он выглянул из-за двери и увидел большое помещение. Пол был выложен цветной мозаикой, посередине находился бассейн, наполненный до краев, а вокруг располагалась мебель из воздушных конструкций. Свет не имел определенного источника.

Анана, не услышав, что кто-то вошел, сидела на стуле и читала книгу в твердом переплете, походившем с виду на мрамор с прожилками. Выглядела она ухоженной, питания ей, видимо, хватало. С минуту Кикаха наблюдал, хотя ему приходилось сдерживать свой порыв броситься вперед и заключить ее в объятия. Он слишком долго прожил в мирах, где в ловушки обычно подкладывали приманки. Однако осмотр не выявил ничего подозрительного, но ловушки могли быть хорошо спрятаны. Наконец он тихо позвал:

— Анана!

Она подпрыгнула, книга выпала из ее рук. Потом она вскочила со стула и бросилась к Кикахе. На щеках и в глазах Ананы блестели слезы, хотя она и улыбалась. Протягивая к нему руки, она рыдала от облегчения и радости.

Его желание броситься к ней стало непреодолимым. Он ощутил слезы на собственных глазах. Но избавиться от подозрений, что Рыжий Орк мог устроить эту комнату так, чтобы убить всякого, кто войдет, не обезвредив какой-то скрытый механизм. Ему и так повезло, что он добрался сюда, не угодив ни в какую ловушку.

— Кикаха! — воскликнула Анана, пробегая через дверь и падая в его объятия.

Он обернулся через плечо, увидел, что дверь закрывается, и наклонил голову, чтобы поцеловать Анану. Боль в губах и носу была похожа на ожог от горящего бензина. Ладонь, там, где он прижал ее к спине Ананы, горела, словно от ожога серной кислотой.

Он пронзительно вскрикнул, рванулся прочь и покатился по полу, ощущая мучительную боль. И все-таки, хотя он почти потерял сознание от ожога, его рука, пострадавшая от прикосновения, успела подхватить лучемер, упавший на пол.

Анана кинулась за ним, но не так быстро. Ее лицо таило, словно воск на солнце, глаза растекались, рот расплылся, образуя канавки и гребни. Руки ее потянулись вперед, стремясь обхватить его, но они по капле истекли, теряя форму. Пальцы настолько удлиннились, что один из них вытянулся как соломинка до колена. А ее прекрасные ноги вспучились, открывая дорогу чему-то, похожему на газ. Ступни выворачивались и пылали, от них поднимались клочья зеленого дыма.

Ужас от этого зрелища помог ему преодолеть боль. Без колебания он поднял лучемер и нажал на кнопку, направляя на женщину полную мощность луча своего оружия. Вернее, на этого монстра.

Она распалась сперва на две, а потом на четыре части, когда он прошелся лучом крест на крест. Разрезанные части беззвучно корчились на полу. Кровь хлестала из ног и из туловища, превращаясь в коричневую субстанцию. Помещение наполнил запах, похожий на запах тухлых яиц или горящих собачьих экскрементов.

Кикаха сбавил мощность. Он водил лучом, как планом, по разрезанным частям, и все горело в дыму. Волосы псевдо-Ананы горели с запахом настоящих человеческих волос, но это была единственная часть, которая могла принадлежать человеческому существу. Все остальное издавало запах серы и собачьего помета.

Когда догорел огонь, осталось всего лишь несколько хрящевидных нитей.

Кикаха не желал заходить в помещение, откуда вышло это чудовище, но боль в губах, носу и руке стала слишком невыносимой. Кроме того, ему подумалось, что Властелин удовольствуется смертью лица, созданного им в виде Ананы. В другом помещении имелась прохладная на вид вода, и ему нужно было добраться до нее. Можно, конечно, протрубить в рог и вернуться в кабинет Рыжего Орка, но он не был уверен, что сможет долго терпеть эту муку. Более того, если уж он столкнется с кем-нибудь в кабинете, то желательно оказаться в форме, чтобы адекватно защищаться. В теперешнем же состоянии Кикаха этого сделать бы не смог.

У бассейна он сунул в воду руку и лицо, прохлада, казалось, мгновенно помогла ему, хотя, когда он наконец отнял лицо от воды и вздохнул, боль все еще была очень сильной. Здоровой рукой он плеснул в лицо воды. Через некоторое время Кикаха поднялся с края бассейна. Он не мог твердо стоять на ногах и чувствовал тошноту. Он также ощущал некоторую отчужденность от всего. Шок едва не вытолкнул его из реальности.

Когда он осторожно поднес к губам рог, то обнаружил, что они распухли. И рука его тоже распухла. Они стали такими большими и жесткими, что сделали его неуклюжим. Испытывая новые муки, он сумел протрубить в рог, нажимая на кнопки, и стена перед ним открылась. Кикаха быстро сунул рог в футляр. Ногой пропихнул его через отверстие, а потом прыгнул сам с лучеметом наготове. Кабинет был пустым.

Кикаха нашел ванную. Медицинский шкафчик оказался широким, и в нем отыскалось множество всяких бутылочек. Среди множества пластиковых флаконов, помеченных иероглифами, он отыскал один, понюхал содержимое, попробовал, усмехнулся распухшими губами и выжал себе на руку зеленую мазь. Натер ею нос, губы и ладонь обожженной руки. Боль сразу же начала растворяться, а когда он взглянул в зеркало, то увидел, что опухоль спадала прямо на глаза.

Он выжал несколько капель из другой бутылочки себе на язык, и минуту спустя дрожь и ощущение нереальности оставили его. Он закрыл обе бутылочки и сунул их в задние карманы брюк.

Возня с воротами и псевдо-Ананой отняли у него больше времени, чем он мог себе позволить. Он выскочил из ванной и направил рог на следующий участок стены. Тот никак не отозвался, и Кикаха перевел рог правой. Здесь проход открылся, но ни это место, ни последующие ворота не содержали того, что он искал.

Спальня выдала ворота в первом же месте, куда он направил рог. Стена раздвинулась, словно акуля пасть, потому что по холмам за воротами тянулись ряды высоких белых острых треугольников. Растительность меж этих акулиных зубов представляла собой пурпурные переплетающиеся лозы, а небо было бледно-лиловым.

Вторые ворота открылись в еще один коридор с дверью в конце. Снова у него не было другого выбора, как обсле-

довать это место. Он толкнул дверь, бесшумно открывающуюся, и осторожно выглянул. Помещение выглядело точно так же, как и то, где он обнаружил существо, которое принял за Анану. На этот раз она не читала книгу, хотя и сидела на стуле. Она нагнулась вперед, положив локти на бедра и уткнувшись подбородком в соединенные руки. Взгляд ее был неподвижным и мрачным.

Он тихо окликнул ее, и она подпрыгнула точно так же, как та, первая Анана. Потом вскочила и бросилась к нему со слезами на глазах и щеках, с открытым в прекрасной улыбке ртом и протянутыми к нему руками. Когда она пробежала через дверь, он отступил и резко приказал ей остановиться. Кикаха держал ее под прицелом лучемета. Она подчинилась, но выглядела озадаченной и сильно обиженной. Затем она заметила его все еще слегка припухшие губы и нос, и глаза ее широко раскрылись.

— Анана, — обратился он к ней, — какую детскую песенку пела тебе мать десять тысяч лет назад?

Если это какая-то очередная копия или искусственное создание, то в нем могла содержаться запись того, что Рыжий Орк узнал от Ананы. У такого существа могла быть даже своего рода память, содержащая нечто отрывочное, но все-таки достаточное, чтобы одурачить ее любовника. Но найдется и такое, чего она не поведает никому, даже Рыжему Орку, находясь под воздействием наркотиков, потому что он не додумается спросить о такой малости. И детская песенка относилась как раз к таким вещам. Она рассказала о ней Кикахе, когда они прятались от Колокольников в Великой Прерии многоярусного мира.

Несколько секунд Анана пребывала в состоянии крайней озадаченности, но потом поняла, что у него возникла острая необходимость удостовериться в том, что она — это она. Анана улыбнулась и пропела прекрасную детскую песенку, которой научила ее мать во времена, когда девочка еще не выросла и не узнала, какой уродливой и злобной бывает жизнь взрослых членов семейства Властелинов.

Но даже после этого он чувствовал себя скованно, когда целовал ее. Потом, когда стало очевидно, что она женщина из плоти и крови, Анана прошептала еще несколько подробностей, которых Рыжий Орк и подавно узнать не мог, так что Кикаха наконец-то оттаял. Они снова всплакнули, но он опомнился первым.

— Поплачем позже, — сказал он. — Как ты думаешь, где могут быть спрятаны Вольф и Хрисеида?

Она ответила:

— Не знаю.

Этого-то Кикаха и ожидал.

— Тогда нам придется применять рог, пока не откроем все врата в доме. Но дом этот большой, так что...

Он объяснил ей, что сюда должен прикатить Уртона со своими молодчиками.

— Пока я занимаюсь рогом, ты поищи оружие, — сказал Кикаха.

Минут через десять она присоединилась к нему и показала нечто похожее на ручку, но являвшееся небольшим лучеметом. Он сообщил, что нашел еще двое врат, но они разочаровали его. Он быстро прошел через все комнаты на втором этаже, все время трубя в рог. Но напрасно.

Первый этаж дома тоже не вознаградил их усилия. К этому моменту прошло уже сорок минут, как люди Уртоны покинули дом. Они должны были появиться с минуты на минуту.

— Давай снова попытаемся в комнате под лестницей, — предложил Кикаха. — Возможно, что активизированные врата могут открыться в еще один, другой мир.

Врата могли устанавливаться так, что попеременно слегка меняли резонанс и действовали подобно двери-вертушке. При одной активации они открывались в одну вселенную, а при следующей — в другую. Некоторые врата могли служить дорогой в дюжину или более миров.

Врата, которые они активизировали до сих пор, тоже могли оказаться такими. Так что стоило вернуться и попробовать многократную активацию.

Перед дверью он вновь поднял рог и сыграл музыку, приводившую в дрожь грань между вселенными. Комната за дверью оказалась большим залом с голубыми стенами и ярким светом, струящимся из люстр, вырезанных из цельных кусков громадных драгоценных камней: алмазов, рубинов, изумрудов и гранатов, каждый величиной с голову гиппопотама. Мебель тоже была вырезана из громадных драгоценных камней, скрепленных золотым цементом.

Кикаха видывал залы и пороскошней. Его внимание привлекла открытая круглая дверь в конце комнаты и вылезавший через нее цилиндрический предмет. Он был темно-красного цвета и плыл примерно в футах от пола.

У дальнего конца показалась светловолосая голова. Человек толкал предмет прямо к ним.

Голова человека походила на башку Рыжего Орка. Кажалось, он единственный, кто находился в другом мире и мог доставить к этим вратам предмет, несомненно, означавший смерть и уничтожение для тех, кто занял его дом.

Лучемет был наготове, но Кикаха не выстрелил. Если этот цилиндр набит какой-то мощной взрывчаткой, то он мог рвануть от прикосновения луча.

Быстро и бесшумно Кикаха принялся закрывать дверь. Анана все еще выглядела озадаченной, поскольку не видела того, что он.

Кикаха прошептал:

— Дуй к передней двери и беги как можно быстрее и как можно дальше!

— С какой это стати? — возразила она.

— Быстрей! — Он сунул ей рог и футляр. — Рви! Не спорь! Если он...

Дверь стала распахиваться. Из-за ее края высунулся тонкий изогнутый инструмент. Кикаха выстрелил и разрезал его пополам. По ту сторону двери раздался крик, оборванный захлопнувшейся дверью. Кикаха с силой пнул створку.

— Беги! — крикнул Кикаха и, схватив Анану за руку, поволок ее за собой. Раздался треск, когда дверь и часть стены вокруг нее с грохотом выпали наружу, и через отверстие пролез цилиндр.

Для Кикахи этого было достаточно. Он выпрыгнул на крыльцо и слетел по ступенькам, одной рукой волоча за собой Анану и держа лучемет в другой. Когда по дорожке они добрались до кирпичной стены, он повернул и побежал вдоль нее.

Взрыв, которого он ожидал, раздался с задержкой.

В это мгновение из-за угла квартала выскочил автомобиль, взвизгнув шинами. Он развернулся, качаясь под уличными фонарями, и стремительно понесся к подъездной аллее. Кикаха заметил шестерых человек. Одним из них мог быть Уртона. Потом Кикаха снова припустил. Они свернули за угол, из-за которого вылетел, не снижая скорости, автомобиль. Анана что-то кричала, но он продолжал тащить ее дальше. Они пробежали целый квартал и пересекли улицу, чтобы вновь свернуть за угол, когда появился черно-белый патрульный автомобиль. Ехал он медленно, так что полицейские имели массу времени, чтобы

разглядеть бегущих людей. Любой, кто гулял по улице в этом районе после наступления темноты, автоматически становился подозреваемым. Бегущего же наверняка забирали в участок на допрос. А уж им-то двоим, которые несли большой футляр для музыкального инструмента и нечто, походившее на странный дробовик, гарантировался арест. Если, конечно, их смогут поймать.

Кикаха выругался и рванул от автомобиля к ближайшему от них дому. Там горел свет, передняя дверь оказалась открытой, хотя дверь из прихожей была, вероятно, заперта. Позади них взвизгнули тормоза, когда патрульная машина заскользила и остановилась. Громкий голос приказал им остановиться.

Они продолжали бежать. Взлетев на крыльцо, Кикаха потянул на себя дверь в прихожую. Он собирался проскочить через дом и выйти через заднюю дверь, рассчитывая, что полицейские вряд ли примутся сразу же стрелять в них, особенно, если здесь окажутся посторонние.

Кикаха снова выругался и рванул на себя ручку двери с такой силой, что вырвал замок, и бросился внутрь дома. Анана следовала за ним. Они пронеслись через вестибюль и большую комнату с люстрой и широкой винтовой лестницей, ведущей вверх. В комнате сидели или стояли человек десять мужчин и женщин, все они были полуодеты. Женщины завизжали, мужчины заорали. Двое незваных гостей беспрепятственно пробежали. Среди шума, поднятого обитателями дома, послышались крики полицейских.

В следующее мгновение ничего не стало слышно. Стекла окон вышибло взрывом, и сотрясение было столь велико, словно в дом ударила приливная волна. Ударной волной всех людей швырнуло на пол.

Кикаха ожидал взрыва, да и Анана по его поведению поняла, что вот-вот случится непредвиденное. Они вскочили на ноги раньше остальных. Через несколько секунд Анана и Кикаха выскочили через заднюю дверь. Кикаха бросился обратно, побежав к фасаду дома вдоль стены. Вся дорожка была усыпана битым стеклом. Лежало несколько вырванных с корнем кустов и кое-какая покореженная мебель.

У тротуара все еще стоял патрульный автомобиль. موتور его работал, фары горели. Анана бросила футляр на заднее сиденье и влезла сама, а Кикаха положил лучемер на пол и сел на место водителя. Он пристегнул ремни безопасности и газанул так, как только возможно. Проехав

четыре квартала, он нажал кнопки, отключающие мигалку и сирену.

— Мы поедem к дому Уртоны, во всяком случае, поближе к нему, — крикнул он. — А потом бросим машину. Я думаю, Рыжий Орк будет теперь там, чтобы выяснить, был ли Уртона среди тех, кто вошел в дом, когда рвануло, или нет.

Анана покачала головой и показала на уши. Она все еще ничего не слышала.

И не удивительно. Он еле-еле слышал сирену, которая должна была просто бить по ушам.

Через несколько минут, пролетев на красный свет, они миновали машину с включенной мигалкой, которая ехала им навстречу. Анана пригнулась, чтобы ее не заметили, но вероятно, патрульные получили информацию по радию, что этот автомобиль угнан. Встречная патрульная машина резко развернулась, завизжав шинами, и помчалась за беглецами. Спортивная машина, летевшая через перекресток так, будто ее водитель намеревался игнорировать мигающий красный свет, резко свернула, чтобы избежать столкновения. Сделав это не совсем удачно, водитель задел задний бампер полицейской машины, проделал сложный пируэт через бордюр и очутился на тротуаре.

Кикаха видел все это в зеркальце, когда нажимал на акселератор. Через некоторое время он проскочил под знак «стоп» к югу от широкого перекрестка. Большой «кадиллак» остановился посреди перекрестка настолько внезапно, что его водителя бросило грудью на руль. Прежде чем он сумел выпрямиться и продолжить путь, на знак «стоп» промчалась патрульная машина.

— Теперь ты меня слышишь? — прокричал Кикаха.

— Да, — ответила она, — тебе незачем так орать.

— Мы сейчас в Беверли Хиллс. Прокатимся на этой машине как можно дальше, а потом бросим ее на ходу. Придется отрываться от них пешком. Если, конечно, сумеем.

За ними помчалась еще одна патрульная машина. Она выскочила из боковой улочки, тоже игнорируя знак «стоп» и вынудив еще одного водителя резко отвернуть и врезаться в поребрик тротуара. Водитель патрульной машины рассчитывал проскочить перед ними и преградить дорогу, но оказался недостаточно быстр. Кикаха гнал автомобиль со скоростью восемьдесят миль, что было слишком быстрым для улицы с многочисленными пересекающими ее боковыми улочками.

Скоро показалась деловая часть Беверли Хиллс. Свет сменился на желтый, как раз когда Кикаха пролетел через перекресток. Он нажал на клаксон и обошел спортивную машину, слегка притормозил, а потом колеса попали в рытвину, и автомобиль подпрыгнул. Кикаха нажал на тормоза, снижая скорость до шестидесяти, но все равно машина так сильно накренилась, что он испугался, что они перевернутся.

Навстречу приближалась еще одна патрульная машина. Она развернулась боком, проехав полквартала, и преградила им дорогу. С обеих сторон оставалось слишком мало места, но Кикаха выбрал проезд позади машины.

Оба полицейских вылезли из автомобиля. Один стоял за багажником с карабином в руках, другой — между передним бампером и припаркованными к тротуару машинами. Кикаха велел Анане пригнуться и погнал свою машину по узкому пространству. Раздался треск, автомобиль врезался в бампер патрульной машины, а другой стороной в бок машины, стоящей у тротуара. Но все-таки со скрежетом металла о металл они прорвались. Грохнул выстрел из карабина: на заднем стекле образовалась звездочка.

В этот момент из-за угла слева от них выскочила еще одна патрульная машина. Под углом она направилась через улицу. Кикаха врезал по тормозам. Они завизжали, и его толкнуло на руль. Автомобиль вильнул, закачался и врезался под тупым углом в радиатор патрульной машины.

Оба автомобиля встали. Кикаху и Анану оглушило, но они среагировали чисто рефлекторно. Они выбрались из машины с двух сторон. Кикаха держал лучемет, а Анана — футляр. Они перебежали улицу, проскочили между двух припаркованных машин и через тротуар, прежде чем услышали крики полицейских. Потом они помчались по узкому тротуару между двух высоких зданий вдоль деревьев и кустов. Они неслись по улице, пока не выскочили на следующую. Здесь Кикаха увлек ее на север, увидел еще одно открытое пространство между домами и свернул туда. Примерно на высоте восьми футов над деревьями был козырек из прессованного бетона. Кикаха забросил на него лучемет, кинул футляр, повернулся, сцепил руки в замок, она ступила на его руки и взлетела наверх, когда он подбросил. Анана ухватила за край козырька, Кикаха подтолкнул, и она забралась на козырек. Он прыгнул вслед за ней и улегся.

Мимо прогромыхали шаги, несколько человек пронесли под ними, тяжело дыша. Кикаха рискнул выглянуть

из-за края и увидел в противоположном конце перехода освещенные фарами силуэты трех полицейских. Явно озадаченные, они переговаривались, не понимая, куда делась дичь. Затем они двинулись обратно, и Кикаха распластался на бетоне. Двое свернули за угол здания.

Но когда третий полицейский прошел под ними, Кикаха, осененный внезапной идеей, прыгнул ему на спину. Он сшиб фараона на землю, ударив при этом так сильно, что тот потерял сознание. Кикаха прибавил еще и пинок в челюсть.

Он надел фуражку полицейского и разрядил вынутый из его кобуры пистолет тридцать восьмого калибра. Анана спрыгнула вслед за Кикахой, сбросив предварительно лучетмет и футляр с рогом.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

— Он перекрыл бы нам путь к отступлению. Кроме того, есть одна неповрежденная машина, и нам предстоит ее позаимствовать.

Четвертый полицейский сидел в автомобиле и что-то говорил в микрофон. Он не видел Кикаху, пока тот не оказался на расстоянии около сорока шагов. Он выронил микрофон и схватился за карабин, лежавший на сиденье. Лучетмет, установленный на оглушающий удар, стукнул его в плечо и отшвырнул к другой двери. Полицейский упал ничком, выронив карабин.

Кикаха вытащил его из машины, заметив, что сквозь рубашку просочилась кровь. Лучетмет, даже установленный на оглушающий удар, мог раздробить кость, прорвать кожу и привести к тому, что кровеносные сосуды лопались.

Как только Анана села в автомобиль, Кикаха развернул его на север. Сзади по встречной полосе к нему мчались сразу два полицейских автомобиля. Проскочив перекресток на красный свет, он посмотрел в зеркальце и увидел, что полицейские машины развернулись и понеслись вслед за ними.

Уличное движение впереди оказалось таким плотным, что у него не было шансов ни влиться, ни пересечь его. Ничего не оставалось, как свернуть в переулок. Он свернул налево. Переулок шел вдоль стены бакалейно-гастрономического магазина.

Затем Кикаха выехал из переулка. Он так сильно нажал на тормоза, что машину занесло, и она заскрежетала по кирпичной стене.

Полицейские машины, двигавшиеся медленней, чем Кикаха, рванули следом. Когда первая машина выправилась

после поворота, Кикаха выстрелил по ее шинам. Передок автомобиля рухнул, будто наехал на тротуар, и раздался визг тормозов. Автомобиль покачался вверх-вниз, потом дверцы его раскрылись, как крылья птицы перед полетом.

Кикаха вылез из автомобиля и рванул прочь. Анана следовала за ним. Он повел ее через стоянку мимо гастрономического магазина и через подъездной путь на улицу.

Свет стал красным, и машины остановились. Кикаха подбежал сзади к спортивному автомобилю, где за рулем сидел юнец с длинными черными волосами в огромных круглых очках, с ястребиным носом и жесткими усиками. Правой рукой тот барабанил по приборной доске под хриплую какофонию музыки, несшейся из приемника. Музыка производила такое впечатление, будто Спилла и Харибда трутся друг о друга. Прежде чем юнец сумел сделать нечто большее, нежели взвизгнуть и повернуть голову, ему растегнули ремень безопасности.словно мешок с картошкой, он сполз с сиденья, и руки Кикахи грубо выкинули его на тротуар. Мгновение парень полежал, потом вскочил на ноги, вопя от злобы. К этому времени Кикаха и Анана уже сидели в его автомобиле и уносились прочь.

Оглянувшись, Анана заметила:

— Мы убрались как раз вовремя.

— Какие-нибудь полицейские машины преследуют нас?

— Нет. Пока нет.

— Отлично. Нам осталось проехать всего пару миль.

Кикаха припарковал машину в квартале от дома Уртонны. Полицейским машин тут не было.

— Мне описали расположение дома, — сообщил он, — так что не заблудимся, когда войдем. Коль скоро мы окажемся в доме, дела могут пойти в бешеном темпе. Думаю, что Рыжий Орк будет там. Я считаю, он пройдет туда через ворота просто удостовериться, что Уртонна погиб. Однако тот может остаться в живых, ведь он хитер как лиса. Он должен был почуять ловушку. Я бы осторожно попытался войти в тот дом, но сначала все надо хорошенько разнюхать.

Дом оказался хорошо освещенным, но их никто не ждал. Они смело прошли по фасадной дорожке на крыльцо. Кикаха потрогал дверь и обнаружил, что она заперта. Быстрое вращение дулом лучемета, включенного на пробивающий удар, удалило механизм замка. Они вошли в безмолвный дом, и когда закончили его осмотр, то обнаружили

лишь попугая в клетке, который и нарушил тишину, пронзительно прокричав что-то.

Кикаха вытащил из футляра рог и начал испытывать дом на резонансные точки, как и в доме Рыжего Орка. Он переходил из комнаты в комнату, начав со спальни и кабинета Уртоны, так как чаще всего ворота располагались именно там. Однако тщетно. Рог расточал свои мелодичные звуки, пока Кикаха не наткнулся на небольшой чулан внизу, недалеко от лестницы. Стена выдала крохотное белое пятнышко, похожее на слезинку, а потом оно расширилось и стало дырой в другой мир.

Мельком Кикаха заметил комнату, которая была точным дубликатом чулана, где он стоял. Тут Анана тихо вскрикнула и дернула его за рукав. Он повернулся и услышал шум, вызвавший ее тревогу. На крыльце прозвучали шаги, за ними последовала трель звонка. Кикаха двинулся через помещение, остановился на полдороге, обернулся и бросил рог Анане:

— Держи эти ворота открытыми!

Под ноты рога, мягко плывущие по помещению, он подошел к окну и чуть приподнял штору. На крыльце стояли трое полицейских, а один человек в штатском как раз уходил вдоль стены дома. На улице стояли два полицейских автомобиля и один без номера.

Кикаха повернулся к Анане:

— Наверное, у Уртоны снаружи торчал человек, который нас высматривал. Он позвонил фараонам. Вероятно, дом окружен.

Они могли прорваться с боем, сдать или уйти через ворота. Дратся означало убивать людей, чья единственная вина заключалась в том, что они по ошибке принимали Кикаху за преступника.

Если же Кикаха сдастся, то приговорит к смерти себя и Анану.

Как только любой из Властелинов узнает, что они в тюрьме, он тем или иным способом до них доберется. В то же время Кикаха не хотел уходить через ворота, не приняв мер безопасности, но выбора у него не было.

— Пошли! — скомандовал он и прыгнул через уменьшающееся отверстие с лучеметом наготове. Анана, держа рог, последовала за ним.

Пинком он распахнул двери и отпрыгнул назад. Подождав минуту, он шагнул за порог. Чулан располагался непо-

далеку от начала лестницы, точь-в-точь как его эквивалент на Земле. Помещение за ним оказалось огромным, с мраморными стенами, украшенными яркими фресками, и мозаичным полом из разноцветного мрамора. Снаружи была ночь, свет в доме давали многочисленные масляные лампы и факелы на стенах. За ними в отбрасываемой колоннами тени находились двери в другие помещения и на улицу.

Не слышалось ни звука, кроме шипения и треска пламени. Кикаха прошел через все комнаты и оказался в приемной, стены которой были украшены изображениями дельфинов и осьминогов. Именно это и заставило его осмыслить то, что он увидел, когда вышел на крыльцо с огромными колоннами. Он снова оказался на Земле номер два.

По крайней мере, казалось, что дело обстоит именно так. Разумеется, полная луна, близкая к зениту, ничем не отличалась от земной. И глядя с крыльца, находящегося близ невысокой горы, он мог бы поклясться, что смотрит на дубликат той части Калифорнии, где на Земле номер один был выстроен Лос-Анджелес. Топография, насколько он мог определить в темноте, была той же самой. Отличались сами города. Этот был поменьше Лос-Анджелеса, с меньшим числом огней, уступавших в яркости и расположенных здесь, в отличие от лос-анжелесских, дальше друг от друга. Кикаха предположил, что и население этой долины меньше населения долины в Калифорнии.

Воздух был чистым, а луна и звезды — большими и яркими. Не чувствовалось и намека на вонь бензина. Он ощущал лишь слабый запах лошадиного навоза, но он был приятным, очень приятным. Не имея никаких доказательств, он решил, что техногенная цивилизация этой Земли развивалась не так быстро, как на его родной планете.

Каким-то образом Уртона нашел врата, что вели в этот мир.

В прихожей раздались голоса. Он взял Анану за руку и увлек ее в тень колонны. На крыльце появилось трое. Двое мужчин, одетых в килты, сандалии и матерчатые куртки со стоячими воротниками, пышными рукавами и фалдами. Один из них — невысокий, темноволосый, средиземноморского типа, похожий на слугу Рыжего Орка. Второй — высокий, краснолицый и рыжеволосый. Третьей была женщина, блондинка с полной фигурой, тоже одетая в килт, котурны и куртку. Она была не застегнута и открывала голые груди, которые поддерживала жесткая планка

огненно-красного корсажа. Волосы ее были уложены в сложную прическу, на свое лицо она не пожалела косметики. Женщина вздрогнула, произнесла что-то на языке, звучащем по-семитски, и запахла куртку.

Если это и были слуги, то самого высокого ранга. Они могли позволить себе прокатиться с шиком. Из-за угла дома выехала коляска, похожая на кабриолет, запряженная двумя красивыми лошадьми, и остановилась перед крыльцом. Кучер спрыгнул с козел и помог людям забраться в коляску. Он носил шляпу с ярко-красным пером, куртку с громадными золотыми пуговицами и алыми позументами, тяжелый голубой килт и высокие сапоги.

Пассажиры устроились на мягких сиденьях, и коляска тронулась в путь. Кикаха следил за масляными фонарями, которые раскачивались по бокам кабриолета. Вскоре тот исчез из виду на повороте дороги, полого уходящей в долину.

«Этот мир,— подумал Кикаха,— было бы чрезвычайно интересно изучить».

Он с удовольствием прожил бы здесь пару лет, исследуя новый мир. На первый взгляд его физические свойства ничем не отличались от земных. Во времена сотворения этих близнецов поместили в одинаковые условия, их населяли те же народы, которые имели те же языки и навыки, а потом каждая планета пошла своим путем. Кикаха полагал, что различия между здешним народом и людьми его мира накапливались постепенно. А в результате через пятнадцать тысяч лет развития сложилась совсем другая история и культура.

Ему захотелось остаться и побродить по этой Земле. Но сейчас нужно отыскать Вольфа и Хрисеиду, а чтобы сделать это, необходимо найти и захватить в плен Уртону. Их единственным преимуществом остается рог, и они надеялись, что он откроет нужные врата.

Однако через несколько минут Кикаха понял, что сделать это будет непросто. Звук рога, хотя и негромкий, привлек внимание слуг. Кикаха выстрелил из лучемета по ближайшей к ним колонне. Слуги увидели огненную дыру в камне и с воплями разбежались. Кикаха велел Анане, чтобы она продолжила трубить в рог, но шум в глубине дома убедил его, что им не стоит задерживаться на месте. Это здание было слишком большим, чтобы без спешки обследовать хотя бы один этаж. Вероятнее всего, врата

находились в спальне и кабинете хозяина дома, а эти помещения, по всей видимости, расположены на втором этаже.

Когда они одолели половину лестницы, появилось множество людей в стальных конических шлемах, вооруженных небольшими круглыми щитами, мечами и копьями. Три воина с трудом тащили тяжелые и неуклюжие на вид ружья, имевшие стволы раструбом, деревянные приклады и кремневые замки.

Кикаха перерезал лучом дуло одного из мушкетов. Воины, однако, не растерялись. Они перегруппировались раньше, чем Кикаха и Анана успели добраться до верха лестницы. Кикаха надрезал мраморную колонну в двух местах, сверху и снизу. Колонна рухнула с грохотом, который сотряс все здание, и вооруженные бойцы бежали с поля боя.

Этот разгром обошелся дорого, потому что на прикладе лучемета вдруг замигал красный огонек. Осталось мало энергии, а зарядного устройства у него не было.

Они нашли спальню, которая, возможно, принадлежала Властелину. Она выглядела великолепно даже на фоне прочей ослепительной роскоши особняка. Стены украшала коллекция оружия: мечи, топоры, кинжалы, метательные ножи, палицы, рапиры и — о, радость! — луки и колчаны со стрелами. Пока Анана зондировала при помощи рога стены и пол, Кикаха выбрал нож для нее и для себя, потом натянул тетиву на лук. Он перекинул через плечо ремень колчана и почувствовал себя намного лучше. Энергии в лучемете оставалось на несколько секунд полной мощности или на дюжину огнеметных выстрелов. Либо можно нанести пару десятков «оглушающих» ударов. Потом Кикахе придется полагаться только на себя и первобытное оружие.

Он выбрал для Ананы легкий топор, пригодный, как ему показалось, для бросков. У нее имелся богатый опыт в метании любого оружия. В шутливых единоборствах с Кикахой она уступала ему только в силе.

Анана перестала трубить в рог. С потолка на золотых цепях свисала кровать, а за ней по стене расплзался круг света. Сияние померкло, открывая тонкие колонны, которые упирались в украшенный фресками потолок. За колоннами виднелось множество деревьев.

От удивления Анана даже вскрикнула. В ее возгласе боль смешалась с восторгом. Она двинулась вперед, но Кикаха придержал ее.

— Что за спешка? — возмутился он.

— Это дом! — воскликнула она. — Родной дом!

Все ее существо излучало радость.

— Твой мир? — уточнил он.

— О, нет! Родной дом! Дом, где я родилась! Мир, откуда произошли Властелины!

Там, казалось, не было никаких ловушек, но это ничего не значило. Однако шум голосов снаружи означал, что им лучше подготовиться к бою. Поскольку заряд лучемета сильно истощен, отбиваться от нападения Кикаха долго бы не смог.

— Ходу! — скомандовал он и прыгнул через ворота. Ана-на пригнулась и последовала за ним, отверстие уже смыкалось.

— Ты помнишь то высокое здание на Уилшир неподалеку от смоляных ям? — спросила она, поднявшись на ноги. — Там еще висела вывеска «Калифорния федерал?» Когда мы ночью проходили мимо, оно все так и сияло огнями. Помнишь его?

Он кивнул.

— Этот летний домик находится на том же самом месте, — сказала Ана-на. — Я хочу сказать, на территории, соответствующей этому участку.

Кикаха осмотрелся. Здесь не было и намека на бульвар Уилшир, ни улицы, ни дороги или даже тропинки. Густые леса этого края ничем не напоминали пустынные низины Калифорнии, но Ана-на объяснила, что Властелины намеренно создали здесь реки и ручьи, чтобы вырастить леса и сады. Они понастроили легкие коттеджи, чтобы семья могла провести здесь ночь, уединиться для медитации или предаваться любым играм либо порокам на свой вкус. Тут отдыхали только летом, а постоянное жилье находилось на побережье.

В этой долине никогда не бывало много народу, и когда родилась Ана-на, здесь жили лишь три семьи. Позже, насколько она знала, все Властелины покинули долину. Вернее, они покинули этот мир и отправились в свои собственные искусственные вселенные, откуда и повели войны друг с другом.

Кикаха с улыбкой следил за ее восторгами. Она вздыхала и ахала, бродя между стволами. Иногда вдруг подзывала его посмотреть на то, что ей вспоминалось из детства. Он удивлялся, что она вообще что-то помнила, поскольку наведывалась сюда три тысячи двести лет назад. Подумав

об этом, он спросил, где находятся те ворота, через которые она сюда попала?

— Они на вершине валуна примерно в полумиле отсюда, — пояснила она. — Здесь множество врат, разумеется, замаскированных. И никто не знает точно, сколько их. Конечно же, я не знала о воротах под каменным полом нашего летнего домика. Уртон, должно быть, поместил их туда давным-давно, может, десять тысяч лет назад.

— Этот дом такой старый?

— Он очень древний. В нем, конечно, установлено оборудование для самообновления и самоочистки. А то, что помогает содержать лес и местность в первозданной чистоте, находится под землей. Эрозия и смещение пластов почвы компенсируются.

— А нельзя ли здесь раздобыть какое-нибудь оружие?

— Его много как раз за теми воротами, — ответила Анана. — Но аккумуляторы лучеметов могли разрядиться, ведь прошло столько лет. Кроме того, у меня нет активатора... — она помолчала, потом добавила: — Я забыла про ро! Мы активируем врата и попадем, куда захотим. Сомневаюсь только, что лучеметами все еще можно пользоваться.

— А куда ведут эти ворота?

— Они ведут в комнату, где есть другие ворота, а те открывают прямой путь во дворец в моем собственном мире. Но в них есть ловушка. Мне пришлось бросить свой дезактиватор, когда вторглись Колокольники, и я бежала через другие врата в мир Джудубры, а потом Джадавина.

— Покажи мне, где находится этот валун. Если понадобится, мы сможем укрыться за его воротами, а позже выйти.

Однако сначала они решили перекусить и, если получится, выспаться. Анана провела его в дом, тщательно изучая каждую комнату в поисках возможных ловушек. На кухне стоял изысканный мраморный шкаф. В нем находился фабрикатор — сложный прибор, большая часть которого была спрятана под домом. Анана осторожно открыла дверцу шкафа, набрала на клавиатуре определенную комбинацию букв и цифр и снова закрыла. Через пять минут она снова распахнула створку. В шкафу на широкой полке стояли тарелки, чашки, блюда, наполненные вкусной едой и напитками. Преобразователь материи под землей ждал приказа подать этот обед несколько тысяч лет. Он подал пищу, и теперь может прождать еще сто тысячелетий, чтобы приготовить следующий обед.

Поев, они вытянулись на кровати, свисающей на цепях с потолка. Кикаха расспрашивал Анану о топографии местности и расположении валуна. Она уже почти засыпала, когда он сказал:

— У меня такое чувство, что попали мы сюда не случайно. Я полагаю, что Уртона либо Рыжий Орк специально заманили нас. Увидев в нас достойных соперников, один из Властелинов позаботился, чтобы мы угодили сюда в назначенный день и час. И поверь моей интуиции, второй Властелин, его враг, тоже здесь, если он все еще жив. Я чувствую, что это финал спектакля. Только Уртона или Орк могли спланировать такую драматическую ситуацию — по поэтическим или эстетическим причинам, не важно. Это очень похоже на Властелина — привести своих врагов на их родную планету и там убить — если, конечно, сможет. Представляешь, погибнуть, можно сказать, в собственной колыбели! Это всего лишь мои домыслы, но я верю им. И буду держаться настороже.

— Можно подумать, что когда-либо вел себя по-другому, — иронически отозвалась она. — Хотя думаю, что твои слова могут оказаться пророческими.

Она уснула. Он слез с постели и вышел в переднюю. Кикаха решил понаблюдать за дорогой к дому. Солнце начало клониться к закату. Вокруг бассейна с фонтаном собралась стая красивых разноцветных птиц, предки которых были, скорее всего, созданы в биолaborаториях Властелинов. Один раз из лесу вышел большой бурый медведь и приблизился к дому. Потом Кикаха услышал звук, наполнивший его радостью. Это пронзительно протрубил мамонт. Боевой клич животного напомнил Кикахе об Индейском ярусе в мире Вольфа, где мамонты и мастодонты миллионами бродили по равнинам и лесам территории, большей, чем вместе взятые Южная и Северная Америка. Он ощутил ностальгию и гадал, увидят ли они многоярусный мир вновь, и если увидят, то когда. Хровака — медвежий народ, прекрасные и великие индейцы, усыновившие его, погибли. Стали жертвой Колокольников. Но немало и других племен, которые охотно усыновили бы его. Даже те, кто называл его величайшим врагом и много лет охотился за его головой и скальпом.

Он вернулся в спальню и разбудил Анану, потом лег сам и велел поднять его примерно через час. Так она и поступила. Хотя ему и хотелось проспаться остаток дня и еще полночи, он заставил себя встать.

Они еще раз поели и упаковали пищу в небольшую корзину. Потом двинулись через лес, где густые заросли чередовались с перелесками, и вышли на тропу, протоптанную мамонтами, на что указывали следы и помет. Кикаха и Анана направились по ней, прислушиваясь, не раздастся ли трубный глас животных. Здесь не досаждали ни мухи, ни москиты. Существовала лишь какая-то разнообразность жуков, которыми кормились птицы.

Один раз они услышали грозное рычание. Путники остановились, но рычание не повторилось, и они пошли дальше. Оба узнали рев саблезубого тигра.

— Если это было поместье твоей семьи, то зачем твои родные держали поблизости больших и таких опасных зверей? — спросил Кикаха.

— Тебе следовало бы это знать. Властелины любят опасность. Она — единственная приправа вечности. Бессмертие — ничто, если нет риска в любой момент лишиться его.

Это была правда. Оценить такое могли лишь люди, обладавшие этим бессмертием. Но он иногда желал, чтобы острой приправы было все-таки поменьше. За последнее время он ни разу толком не отдохнул, так что нервы у него были как электроспираль, накаленные постоянным риском.

— Как ты думаешь, кто-нибудь еще знает о вратах в валуне?

— Ни в чем нельзя быть уверенным, — ответила она. — Но я не думаю. Неужели ты считаешь, Уртон догадывается, что мы направимся к валуну?

— Это кажется вполне возможным. Иначе он устроил бы нам ловушку в вашем домике. Я думаю, что он, возможно, даже желает, чтобы мы отправились именно к валуну. И второго Властелина он, вероятно, заманит туда же. Валун окажется местом встречи для нас и наших врагов.

— Это только твои догадки. Всему виной твоя подозрительность. Ты сам организовал бы такую встречу, если бы был Властелином.

— Забавно слышать, — улыбнулся он. — Осталось только назвать меня параноиком. Хотя, может, ты и права. Но я пережил столько хитрецов, что буквально слышу, как щелкают тумблеры в головах других людей.

Он решил, что лучеет следует передать Анане, а он будет держать наготове лук и стрелы.

На краю поляны Кикаха заметил странную выпуклость, словно там проходил заросший травой вал. Насыпь была

примерно в четверть дюйма высотой в два дюйма в ширину. Она тянулась на расстояние в несколько футов, потом исчезала. Несколько ярдов Кикаха прошел большими зигзагами и, наконец, нашел еще один вал, который описывал малую часть очень большого круга, прежде чем исчезнуть.

Он вернулся к Анане, которая наблюдала за поведением с озадаченным видом.

— Тебе известно о каких-нибудь подземных работах, что здесь велись? — спросил он.

— Нет. А что?

— Может быть, это вызвано землетрясением, — сказал он и не стал обсуждать происхождение этих странных валов.

Валун оказался размером в однокомнатное бунгало и располагался неподалеку от края поляны. Он был из красно-черного граната, и привезли его сюда с севера вместе с тысячами других валунов, чтобы украсить ландшафт. Он находился примерно в ста ярдах к северо-востоку от смоляной ямы. Местная яма, как понял Кикаха, имела примерно те же размеры и находилась на том же месте, что и смоляная яма в Хенкок-парке на Земле номер один.

Они опустились на четвереньки и медленно поползли к валуну. Когда оказались ярдах в тридцати от него, Кикаха, передвигаясь по-пластунски, осмотрел огромный камень со всех сторон. Вернувшись, он сказал:

— Я не думал, что он будет настолько тупым, чтобы спрятаться за валуном. А вот спрятаться внутри, на той стороне врат — хороший ход. Или, может, он сидит в лесу и дожидается, когда мы откроем врата, поскольку он снабдил их ловушкой.

— Если ты прав, и он ждет третьего участника... — она внезапно оборвала фразу и стиснула ему руку. — Я заметила кого-то! Вон там!

Она указала через поляну на густой лес, где находился бы Окружной Художественный музей Лос-Анджелеса. Кикаха посмотрел, но ничего не увидел.

— Это был мужчина, я уверена в этом! — твердила она. — Высокий мужчина. Я думаю, это был Рыжий Орк.

— Ты заметила какое-нибудь оружие? Может, лучше мет?

— Нет. Я увидела его лишь мельком, а потом он пропал за деревьями.

Кикаха почувствовал надвигающуюся угрозу. Он следил за птицами и заметил, что ворона каркала, как безумная, как раз неподалеку от места, где, по мнению Ананы, она видела Рыжего Орка. Вдруг птица рухнула с ветки, и больше ее не было ни видно, ни слышно. Кикаха ухмыльнулся. Властелин сообразил, что она выдает его, и подстрелил птичку.

В ста ярдах от них, недалеко от края смоляной ямы, несколько голубых соек устроили дикий крик, бросаясь на что-то в высокой траве. Кикаха наблюдал за ними, но через минуту из травы выскочила лиса и направилась на юг. Сойки полетели за ней.

Когда они затерялись, наступила относительная тишина. Лежать в высокой траве с острыми как пила стеблями было жарко. Иногда поблизости жужжало небольшое насекомое. Один раз к ним метнулась тень, и, подняв голову, Кикаха разглядел стрекозу, мерцавшую золотисто-зелеными крылышками. Она взмыла вверх, помахав крыльями в полудюйме от его лица. Время от времени до них докатывался трубный рев и далекий вой, похожий на волчий, а однажды над ними хрипло прокричала какая-то птица.

Ни он, ни она не замечали никаких признаков, что в лесу скрывается человек, которого Анана приняла за Рыжего Орка. И все-таки он, должно быть, находился где-то в чаще. Враг мог даже заметить их и ползти, чтобы подобраться поближе. Эта мысль заставила Кикаху поменять позицию около валуна. Они перемещались очень медленно, стараясь не колыхать высокую траву. Залегли под деревьями на краю поляны, и он решил:

— Нам следует рассредоточиться. Я отодвинусь назад, в лес, примерно ярдов на пятьдесят. Там я смогу получить лучший обзор.

Он поцеловал ее в щеку и уполз. Оглядевшись, он выбрал себе наблюдательный пункт за кустом на небольшом пригорке. За кустами росло дерево, которое скроет его от любого, кто станет приближаться к нему с той стороны. Имелось, правда, и одно неудобство: дерево могло прикрыть приближающегося врага, но Кикаха рискнул. Пригорок давал ему лучший обзор, куст же скрывал от тех, кто крался понизу.

Анану увидеть он не мог, хотя и точно знал ее местоположение: несколько раз трава всколыхнулась против ветра. Если Орк или Уртон следили, то могли заметить это и...

Он замер. Примерно в ярдах двадцати от Ананы трава пригибалась. Метелки медленно наклонялись и опять замирали,

присутствие врага выдавала нерегулярность интервалов. Минут десять трава оставалась неподвижной, а потом вновь пригнулась в сторону Ананы. Выпрямлялась она волнами, словно кто-то постепенно отпускал стебель за стеблем. Несколько минут неподвижности, и трава опять шевельнулась.

Кикаха пристально наблюдал за продвижением кого-то, кто перемещался в траве, но не забывал следить и за лесом и поляной. Во время одного из быстрых взглядов через плечо он заметил белое лицо, мелькнувшее сквозь ветки куста, примерно в шестидесяти футах от него. Сперва он хотел сменить позицию. Но если он станет смещаться, то скорее выдаст себя неведомому противнику. Возможно, его уже и так заметили. Немного подумав, Кикаха решил, что лучшим действием окажется его бездействие.

Солнце снижалось к горизонту, и тени удлинялись. Тот, кто крался к Анане, двигался резко, но очень медленно. Примерно через час он окажется футах в двенадцати от ее укрытия. Заметила она приближение врага или нет, Кикаха не мог сказать.

Он достал из футляра рог и ждал, вложив стрелу в тетиву. И снова трава прогнулась в сторону Ананы, кто-то приблизился к ней на целый фут.

Позади Кикахи не появлялось ничего, кроме стремительно снижавшейся между двух деревьев ярко-красной птицы. А потом на дальней стороне поляны появился, держась поближе к деревьям, громадный черный волк. Он достигал в высоту фута четыре с половиной и мог бы одним махом отхватить ногу человеку. Это был страшный волк, вымерший на Земле около десяти тысяч лет назад, но их было полно в мире Джадавина. Волк был воссоздан в биолaborаториях Властелинов, чтобы вновь ввести его в экологию мира. Гигантский волк трусил осторожно и пружинисто, как тигр, его красный язык свисал, словно попавший под ливень флаг. Он пробежал настороженно, но уверенно ярдов двадцать, потом замер. Несколько секунд он поворачивался, осматривая примерно четверть горизонта, затем снова двинулся, но уже припадая к земле. Кикаха следил, наблюдая одновременно за передвижением неизвестных личностей за ним и перед ним — вернее, пытался. Поэтому он чуть не прозевал мгновенный прыжок волка.

Тот метнулся в чащу, внезапно взвыл, стремглав развернулся и бросился через поляну в сторону Ананы. Мех его на спине и задних лапах лизали языки пламени.

Кикаха сразу понял, что в игру вступил еще один участник, он-то и пытался отпугнуть волка коротким выстрелом из лучемета. Но в спешке установил слишком высокую мощность и поджег волка вместо того, чтобы просто оглушить. Или он совершил этот поджог намеренно? Он мог подпалить зверя с умыслом, чтобы направить в нужную сторону, а потом посмотреть, кого волк испугнет в траве.

Что бы он там ни замышлял, стрелок расстроил планы того, кто подкрадывался к Анане. Она была до такой степени ошарашена, услышав приближающийся неистовый вой, что не удержалась и вскинула голову над травой, стараясь рассмотреть, что же происходит.

Кикаха собирался еще разок оглянуться, но времени не оставалось. Он поднялся, натянул тетиву и выпустил стрелу, когда неподалеку от Ананы из травы поднялась темная фигура. Человек был одет в черную кожу и носил шлем с темным забралом. Примерно такую же одежду носили лосанжелевские мотоциклисты. У плеча незнакомец держал приклад короткоствольного лучемета.

Тем временем волк выл и бежал дальше, огонь перескакивал на сухую траву, и по поляне поползли волны пламени. Стрела пронеслась между деревьями и по дуге устремилась к человеку на поляне. Блик солнца отразился в ее медном наконечнике. Она попала черному как раз под левую руку, которой он поддерживал лучемет. Стрела отскочила, но черный человек, защищенный какими-то гибкими доспехами, все равно рухнул от внезапного удара.

Оружие выпало из его рук. Лучемет прожег в траве огненный туннель и случайно настиг убегающего зверя. Луч перерезал передние лапы волка, тот взвыл еще громче, упал и затих навсегда.

Огонь с двух сторон распространялся по траве. Повалил дым, но Кикаха разглядел, что Анану не задело. Она быстро ползла к упавшему человеку и его лучемету.

Вытаскивая из колчана стрелу и вставляя ее в тетиву лука, Кикаха резко обернулся. Он увидел высокого человека, высунувшегося из-за ствола дерева. Он держал лучемет, нацеленный в Кикаху. Пришлось прыгнуть за дерево и пригнуться. Кикаха знал, что не сможет выпустить стрелу достаточно быстро и метко.

Запахло горящей древесиной, раздался глухой стук. Кикаха поднял голову. Луч перерезал ствол, и верхняя часть

дерева осела вниз на пару дюймов. Затем гладко обрезанный конец ткнулся в нижнюю часть дерева.

Кикаха шагнул влево и вложил в выстрел все навыки, накопленные в результате тысячекратных тренировок в намеренно затрудненных условиях. Стрела отрикошетила от ствола. Она взмыла вверх, лишь чуть-чуть не задев руку человека, державшего лучемер. Человек отпрыгнул, и дуло лучемета убралось. А потом дерево рухнуло, свалившись на ту сторону, где было больше ветвей. Оно упало на Кикаху, который успел отпрыгнуть, и потому его не накрыло стволом. Но одна ветка стукнула его по голове, и свет в глазах померк.

Когда он снова пришел в сознание, то понял, что прошло совсем немного времени. Солнце не сдвинулось за макушки деревьев. Голова у него болела так, словно в нее врос корень и запутался в самых чувствительных нервах. Ветвь давила ему на грудь, ноги прижимала к земле другая ветка. Он мог немного двигать руками и поворачивать голову, но чувствовал себя так, словно попал под обвал.

Он раскашлялся от наплывавшего дыма. Трепало пламя, и Кикаха ощущал жар в подошвах. Понимая, что может заживо сгореть, придало сил и заставило лихорадочно двигаться. В результате голова у него разболелась еще сильнее, и он понял, что абсолютно не способен выбраться из-под дерева.

Он подумал об остальных. Что же случилось с Ананой? Почему она до сих пор не пытается освободить его? А человек, который срезал дерево? Не подбирается ли он, оставаясь незамеченным? Интересно, попал Кикаха в него или нет? И еще был человек в черном, которого сшибла с ног его стрела. А куда подевался тот, что подстрелил волка и вызвал весь переполох?

Если Анана немедленно ему не поможет, скоро уже будет некого спасать. Дым становился гуще, и ступни его жгло все нестерпимее. Вопрос будет стоять так: задохнется ли он от дыма или сначала сгорит? Может, это конец? Конец приходит всем, даже Властелинам, прожившим пятнадцать тысяч лет. Но если уж придется умереть Кикахе, то пусть это случится в его любимом многоярусном мире.

Затем он отбросил эти праздные мысли. Он еще не умер и не собирался прекращать борьбы. Он непременно скинет с груди это мерзкое дерево и уползет туда, куда огонь не

сможет добраться и где укроется от своих врагов. Но где же Анана?

Негромкий голос заставил его вздрогнуть. Он прозвучал почти у самого уха. Кикаха повернул голову и увидел Рыжего Орка.

— Так, значит, лис попал в свою собственную западню? — произнес Рыжий Орк по-английски.

— Конечно, ты же все так и планировал, — отозвался Кикаха.

Властелины всегда были жестоки, и этот захочет, чтобы он умер медленно, полностью изведая вкус поражения. Ни один Властелин не убивал врага быстро, если мог этого не делать. Он должен как можно дольше поддерживать разговор. Если Анана спешит на выручку, то он ей поможет, отвлекая Орка.

Властелин хотел поболтать, поиздеваться над своей жертвой, но бдительности не терял. Лежа рядом с Кикахой, он держал лучемер наготове и поглядывал в разные стороны нервно, словно птица.

— Значит, твоя взяла? — спросил Кикаха, хотя не верил в победу Рыжего Орка, да и не поверил бы до самой смерти.

— Тебя я перехитрил, — ответил Рыжий Орк, — а других еще нет. Но одолею и их.

— Значит, Уртона все еще там, — заключил Кикаха. — Скажи мне, кто расставил эту ловушку? Ты или Уртона?

Рыжий Орк перестал улыбаться:

— Я не уверен. Ловушка могла быть настолько хитро устроена, что я было решил, будто расставил ее сам. А потом мне подумалось, что, возможно, и не я. Впрочем, какое это имеет значение? Мы все угодили сюда по той или иной причине, но это последнее поле боя. И это была хорошая битва! Сражались мы сами, а не подневольные леб-лаббии. Мы бились, как и подобает Властелинам. Ты — единственный землянин, который принял участие в этом сражении. Я убедился, что ты и вправду можешь оказать наполовину Властелином. Ты, бесспорно, обладаешь неким семейным сходством с нами. Твоим отцом мог быть даже я. Или Уртона. Или Уризен. Или даже этот темново-лосый Джадавин. В конце концов, он тоже обладает генами для создания рыжих волос. — Рыжий Орк помолчал, а потом добавил: — А твоей матерью могла быть и Анана. Тогда ты можешь оказаться чистокровным Властелином.

Это, кстати, объяснило бы ее привязанность и твои необыкновенные способности.

Густой клуб дыма накрыл Кикаху, вызвав новый приступ кашля. Рыжий Орк выглядел встревоженным и чуть отодвинулся. Он повернулся спиной к Кикахе, все еще приходившему в себя. С его ногами что-то произошло. Они перестали ощущать жар. Впечатление было такое, будто на них навалили груды земли.

— Не знаю, к чему ты клонишь, Орк,— сказал Кикаха.— Но Анана не могла быть моей матерью. Во всяком случае, я знаю, кто были мои родители. Они были фермерами в штате Индиана, происходили из старого американского рода, основатели которого прибыли на «Менфлаузере». Среди предков шотландские, норвежские и ирландские эмигранты. Я родился в очень маленькой деревушке севернее Терре-Хота, и нет никакой тайны...

Он вдруг осекся, так как тайна все-таки была. Его родители переехали в Индиану из Кантукки перед самым его рождением, и он вдруг вспомнил дядю Роберта, навещавшего их время от времени. А потом, когда Кикаха записался добровольцем в армейскую кавалерию, возникли затруднения со свидетельством о рождении. А когда после войны он вернулся в Индиану, неизвестный благодетель оставил ему десять тысяч долларов. Это должно было помочь ему закончить колледж, а еще он вспомнил смутные намеки на поступление новых сумм.

— Нет никакой тайны? — переспросил Рыжий Орк.— Я знаю о тебе больше, чем тебе могло присниться. Когда я выяснил твое настоящее имя — Пол Янус Финнеган,— я кое-что вспомнил и проверил то, что вспомнил. И поэтому...

Кикаха снова закашлялся, Орк замолчал. Через секунду из дыма возникла фигура, выскочившая с другой стороны дерева, где, по его мнению, не могло быть ничего живого. Она нырнула сквозь облако дыма и растянулась на Рыжем Орке, так что тот упал на спину и выронил луче-мет.

Он удивления и шока Орк заорал благим матом и потянулся за лучеметом, но нападавший скомандовал приглушенным голосом:

— Ни с места! Или разрежу надвое!

Кикаха выгнул шею как можно дальше назад. Голос он, конечно же, узнал, но все еще не мог поверить своим ушам.

Затем он сообразил, что это Анана навалила земли на его ноги или накрыла их чем-то.

Тут она повернулась к нему, держа Рыжего Орка под прицелом лучемета. Нос и рот у нее были обвязаны тряпкой, смоченной какой-то жидкостью. Как подозревал Кикаха, скорее всего — мочой. Анана всегда знала, как приспособиться к обстоятельствам, используя все, что оказывалось под рукой.

Жестом она приказала Орку отодвинуться от лучемета. Он отполз назад на руках и ягодицах, злобно глядя на нее. Анана шагнула вперед, отшвырнула прочь свой лучемет, одновременно успев схватить другой рукой лучемет Орка. Затем направила на него ствол, сдернула с лица тряпку и, слегка улыбнувшись, поблагодарила:

— Спасибо за лучемет, дядя. У моего кончился заряд.

Вид у Орка был такой, будто его шарахнули пыльным мешком.

— Ладно, дядя, — нагнувшись, командовала Анана, — стаскивай с него это дерево. И быстро!

— Я не смогу поднять его, — огрызнулся Орк. — Даже если сломаю спину, пока буду это делать, то все равно не смогу поднять его!

— Попытайся, — посоветовала она.

На лице Орка появилось выражение упрямства:

— А зачем мне утруждаться? Ты все равно убьешь меня. Так сделай это сразу.

— Я спалю тебе ноги и выжгу глаза, — пообещала она. — Я брошу тебя здесь слепого и безногого, если ты не вытащишь его из-под дерева.

— Брось, Анана, — вмешался Кикаха. — Я знаю, что ты хочешь заставить его страдать, но не за мой счет. Срежь лучеметом ветки, что меня прижимают, чтобы ему не пришлось поднимать такой тяжелый груз. Не играй в ковбоев! Там, знаешь ли, еще двое.

Анана отошла и приказала:

— Посторонись, дядя! — и провела лучом.

Огромная ветвь, прижимавшая грудь Кикахи, отвалилась. Как она справилась с тем, что находилось у него в ногах, он не видел. Без всяких усилий Орк поднял ствол и выволок Кикаху из дыма. Он взял его на руки и отнес в лес, где трава росла пореже и покороче. Повинуясь ее приказу, Орк мягко опустил Кикаху на землю, а потом заложил руки за голову.

— Неизвестный там, на валуне,— сообщила Анана.— Он поднялся и, шатаясь, скрылся, после того как я запустила его лучемер. Он убежал, спасаясь от меня и от огня. Я его не убила, хотя, возможно, и следовало. Но мне было очень любопытно узнать, кто он такой, и я подумала, что позже смогу его допросить.

Любопытство сгубило многих Властелинов, подумал Кикаха. Но воздержался от комментариев, поскольку теперь уже ничего не исправить. Кроме того, он понимал, что такое любопытство. Он и сам испытывал его, и не всегда — с пользой.

— Ты знаешь, где Уртон? — спросил он, сопя и ощущая такую боль в груди, словно там копошился рак.

Ноги у него начали оживать. А с жизнью приходила и боль.

— Толку от меня будет мало, Анана,— произнес он.— У меня внутренние повреждения. Я сделаю все, что в моих силах, но остальное зависит от удачи и от твоей решительности.

— Я не знаю, где Уртон,— ответила Анана,— но он тут, можно не сомневаться. Я уверена, что это он подстрелил волка и устроил пожар. Даже великий Рыжий Орк, Властелин двух Земель, попался на его удочку.

— Я знал, что это ловушка,— огрызнулся Рыжий Орк,— но все равно бросился в нее. Я думал, что уж я-то наверняка...

— Да, дядя, будь я на твоем месте, я бы не похвалялась,— съехидничала она.— Единственный вопрос, во всяком случае, самый главный вопрос, как нам от этого уйти.

— Рог,— произнес Кикаха.

С большим трудом, не обращая внимания на скачущую у него в груди драконью лапу, он сел. Дым с поляны вызвал новый приступ кашля. Боль усилилась.

— О! — огорчилась Анана.— О нем я и забыла.

— Придется его достать. Он лежит там, под деревом. И откроем врата в валуне. Если дело пойдет к худшему, то мы пройдем через них.

— Но во второй комнате после них ловушка,— напомнила она.— Я же говорила тебе, что для прохода туда нужен дезактиватор.

— Мы не станем в нее входить, отсидимся в первой,— возразил он.— Вернемся позже. Уртон не сумеет последовать за нами. Он подумает, что мы сбежали в другую вселенную, и не станет задерживаться...

Он оборвал фразу, разговор причинял ему сильную боль.

По приказу Ананы Рыжий Орк помог ему встать. Он проделал это так грубо, что Кикаха поневоле вскрикнул. Анана прожгла Орка взглядом и процедила:

— Дядя, будь поаккуратней, а то я убью тебя прямо сейчас.

— Если ты это сделаешь, — отозвался Орк, — тебе самой придется его нести. Хватит ли силенок, моя милая?

Анана взвизгнула от ярости и повела стволом, словно все равно решила пристрелить Орка. Но прежде чем Кикаха успел вмешаться, он увидел, как дуло лучемета упало на землю, и в руках Ананы остался лишь приклад.

Голос из-за деревьев позади них выкрикнул:

— А теперь вы будете делать то, что прикажу вам я! Идите прямо к тому валуну и ждите дальнейших приказаний!

«С чего бы это он решил загнать нас туда? — подумал Кикаха. — Может, он знает о ловушке во вратах и надеется, что мы погибнем, пытаясь прорваться? Или застрянем там, ожидая, когда он уберется отсюда? Он подождет у валуна, мы будем мучиться внутри, а Уртон получит садистское удовольствие, думая о нашей проблеме».

Уртон не сомневался, что они находятся в его власти. В сущности, так оно и было. Но он почему-то не собирался выходить из-за деревьев.

Ничего, решил Кикаха. Вывернемся. Не будь дуроломом, будь лисой, никогда и ничего не воспринимай как должное. Именно так удалось ему уцелеть в стольких переделках. Уцелеть? Все выглядело так, словно его время вот-вот истечет.

— Идите к валуну! — повторил Уртон. — Сейчас же! А не то я вас немного подпалю!

Анана и Рыжий Орк повели Кикаху, поддерживая с двух сторон. Каждый шаг отдавался в груди ужасной болью, но он стиснул зубы и не позволял стонам прорваться наружу. От дыма, все еще стоящего в воздухе, он снова закашлялся, что вызвало новую волну боли. Затем они прошли мимо дерева, где лежал рог, прикрытый полусгоревшей веткой.

— Уртон еще не вышел из леса? — поинтересовался Кикаха. Анана медленно оглянулась и сообщила:

— Не больше, чем на пару шагов.

— Сейчас я споткнусь. Дайте мне упасть.

— Тебе будет больно.

— Ну и что? Позвольте мне упасть. Отпустите меня! Сейчас же!

— С удовольствием! — буркнул Орк и сбросил его руку со своего плеча.

Анана чуть промедлила, пытаясь его удержать. Они упали вместе, она собой смягчила удар. И все-таки Кикахе показалось, что в грудь его впились заостренные колья. Он едва не потерял сознание.

Уртона что-то крикнул. Рыжий Орк замер и медленно поднял руки над головой. Кикаха попытался ползти к рогу, но Анана опередила его.

— А теперь труби в него! — приказал Кикаха.

— Зачем? — хором спросили Анана и Рыжий Орк.

— Просто делай, что я говорю! Объяснения позже! Если выйдет хоть какой толк.

Она поднесла мундштук ко рту и громко протрубила мелодию из семи нот, создававшую отмычку, которая отпирала замки любых врат в пределах слышимости.

Уртона снова что-то выкрикнул и побежал к ним. Но когда прозвучали первые ноты, он разглядел, что именно Анана держит около рта, и пронзительно закричал. Кикаха ожидал, что Уртона выстрелит. Но вместо этого он круто развернулся и, продолжая вопить, припустил к лесу.

— Что происходит? — недоумевал Орк.

Последняя из золотых нот растаяла в воздухе.

Уртона замолк, швырнул на землю лучемет и в ярости затопал ногами.

Часть леса и поляны не изменились. На прогалине с обгоревшей травой торчал валун, на вершине которого сидел одетый в черное незнакомец. Упавшее дерево и кромка леса остались прежними.

Но небо стало багрово-красным, и солнце исчезло. Местность стала холмистой. Холмы были высокими, их покрывала ржавая трава и странного вида кусты с листьями, похожими на свастику в красно-золотую полоску. На дальних холмах росли деревья, высокие и круглые, с черно-красными и черно-белыми полосками, как у зебр. Стволы кренились, словно росли на дне моря и их сгибало мощное течение.

Яростные прыжки Уртоны привели к тому, что он взлетел футов на шесть. Он подхватил свой лучемет и гигантскими прыжками бросился к ним. Он, похоже, предвидел

изменение гравитации, чего не скажешь о Рыжем Орке. Тот как раз поворачивался к Анане, чтобы спросить ее, что случилось. Резкое движение опрокинуло его на землю. Вскинув руки, он медленно повалился.

— Не вставай,— посоветовал Кикаха Анане.— Я не знаю, где мы, но гравитация здесь меньше земной.

Уртона склонился над ними. Лицо его стало почти таким же багровым, как небо. Его зеленые глаза пылали яростью.

— Рог Шамбаримена! — завопил он.— Я-то гадал, что у вас в том футляре. Если бы я знал! Если бы знал!

— Тогда бы ты остался за гранью гигантских врат, которые устроил вокруг поляны,— закончил за него Кикаха.— Скажи мне, Уртона, зачем ты вошел в них? Зачем ты гнал нас к валуну, когда мы уже находились в пределах врат?

— Как ты узнал? — снова завопил Уртона.— Как ты догадался?

— На самом-то деле я и не знал,— поправил его Кикаха.— Я заметил в нескольких местах на краю поляны необычные земляные валы. Я сразу же заподозрил неладное, но у меня и мысли не возникло о гигантских вратах. А подозрение у меня вызывает все, что я не могу объяснить. И потом, ты все время держался за деревьями. И это само по себе не вызывало подозрений, поскольку приближаться, пока не удовлетворишься, что при нас нет припрятанного оружия, ты не желал. Но тебе захотелось большего. Ты заманивал нас в гигантские врата, чтобы включить их после нашего исчезновения. Ты хотел загнать нас в наши же собственные врата в валуне, где мы бы оказались в капкане. Ты задумал, чтобы мы спрятались внутри валуна и решили, что нам удалось тебя одурачить. Через некоторое время мы бы вышли, чтобы обнаружить, что оказались в ином мире.

Но ты не знал, что у Ананы нет активатора, и не предполагал, что у нас есть рог. У тебя не было причин думать о нем, даже если ты и увидел футляр. Потому что прошли, должно быть, тысячелетия с тех пор, как ты в последний раз видел рог. И ты не знал, что он принадлежит Джадавину, а я друг Джадавина. Вот я и велел Анане трубить в рог, хотя она и не знала, зачем это делает. Я не хотел отправляться в твой мир, но раз мог прихватить с собой и тебя, то решился на такой шаг.

Анана медленно и осторожно поднялась с земли и промолвила:

— Мир Уртоны! Меняющийся Мир!

На востоке, или там, где мог быть восток в только что покинутом им мире, над холмами появилось массивное красное тело. Оно быстро возшло и оказалось раза в четыре больше земной луны. Оно выглядело не круглым, а продолговатым, от него простиралось несколько клиновидных щупалец. Кикахе показалось, что оно слегка меняло форму.

Он ощутил, как кренится под ним земля. Голова переместилась ниже, чем ноги. А цепь высоких холмов вдали оседала. Кикаха сел. Боль, похоже, слегка отпустила его. Наверное, это потому, что так сильно уменьшалась гравитация. Он пробормотал, то ли спрашивая, то ли утверждая:

— Это, конечно, односторонние врата.

— Конечно,— подтвердил Уртона.— Иначе бы я взял рог и снова бы открыл их.

— А где находятся ближайшие врата, которые могут вывести из этого мира?

— Ничего не изменится, если я скажу тебе,— хмыкнул Уртона.— И тебе это знание радости не прибавит. Единственные выходные врата находятся в моем дворце, который расположен где-то на поверхности этой массы. Или, может, на той,— добавил он, показывая на красноватое тело в небе, меняющее форму.— Эта планета раскалывается, меняет форму, вновь соединяется и опять раскалывается. Единственная аналогия происходящего, которая приходит мне в голову, это — лавалит.

Это — лавалитовый мир!

Тут вмешался Рыжий Орк. Прыжок его был громадным, и он чуть не пролетел над головой Уртоны. Но все же врезался в него, и оба покатались кувырком. Лучемер, который выронил Уртона, отлетел в сторону. Анана нырнула за ним, схватила и приземлилась так неловко, что Кикаха за нее испугался. Она поднялась, нетвердо держась на ногах, но посмеиваясь. Услышав ее приказ, Уртона покорно пошел к Кикахе. Рыжий Орк пополз к нему, выкрикивая проклятия.

— Ну-с, дядюшки,— сказала Анана,— я могла бы пристрелить вас, и возможно, мне так и надо сделать. Но мне нужен кто-то, чтобы нести Кикаху, так что вы оба сгодитесь. Вам следует радоваться, что сила тяжести здесь не-

велика. И мне нужен ты, Уртона, потому что ты хоть что-то знаешь об этом мире. Вернее, тебе следовало бы знать, поскольку ты его спроектировал. Вы сделаете для Кикахи носилки, а потом тронемся в путь.

— Куда тронемся? — проворчал Уртона. — Тут трогаться некуда. Здесь нет ничего постоянного. Неужели ты не можешь это понять?

— Если даже нам придется обыскать каждый дюйм этого мира, — заявила Анана, — мы это сделаем. А теперь — за работу!

— Минутку, — остановил ее Кикаха. — Что ты сделал с Вольфом и Хрисейдой?

— Я отправил их через врата в этот мир. Они где-то на его поверхности. Или на той массе. Или на другой, которую мы еще не видели. Я не смог придумать худшего наказания. И конечно, по правилам игры у них есть шанс добраться до моего дворца. Хотя...

— Хотя, если они найдут, то наткнутся на кое-какие ловушки? — закончил за него Кикаха.

— В этом мире имеются и другие неприятности...

— Крупные хищники? Враждебные человеческие существа?

— Да, — кивнул Уртона. — Нам понадобится лучемер. Надеюсь, его заряда хватит надолго. И...

— Не томи, — сказал Кикаха.

— Надеюсь, поиски дворца не займут много времени. Дело в том, что если ты не родился в этом мире, он обязательно сведет тебя с ума!

Содержание

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННЫХ

5

ВРАТА МИРОЗДАНИЯ

185

ЛИЧНЫЙ КОСМОС

331

ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ

525

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также можете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Фармер Филип

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

Создатель Вселенных

Врата мироздания

Личный космос

За стенами Терры

Ответственные за выпуск И. Петрушкин, А. Тишинин

Ведущий редактор П. Киракозов

Редактор С. Федотов

Художественные редакторы В. Андреева, О. Адашкина

Компьютерный дизайн: А. Сергеева

Верстка: Д. Сергеев

Технический редактор О. Панкрашина

Корректоры Е. Зверькова, Л. Макеева

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

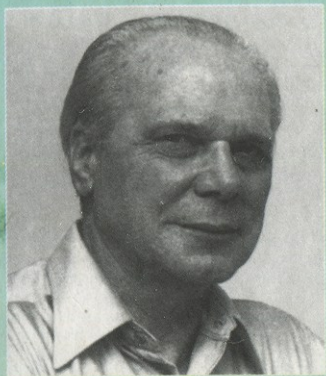
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП

«Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

**Создатель Вселенных
Врата мироздания
Личный космос
За стенами Терры**

Вы уже побывали в Мире реки?

Тогда добро пожаловать в Многоярусный мир!

В мир калейдоскопических «параллельных вселенных». В мир вселенных-игрушек, в которые играют странные Творцы, зовущие себя Властителями.

В мир, где мотивы классической фэнтези и классической фантастики переплелись в причудливые, увлекательные сюжеты книг, от которых по-прежнему невозможно оторваться.

Перед вами — четыре романа о Многоярусном мире.

Прочитайте — не пожалеете!

Мир лавалитов
Гнев Рыжего Орка
Большой огонь

**ФИЛИП
ФАРМЕР**

**СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННЫХ. ВРАТА МИРОЗДАНИЯ
ЛИЧНЫЙ КОСМОС. ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ**

ISBN 5-17-014380-X

9 785170 143801